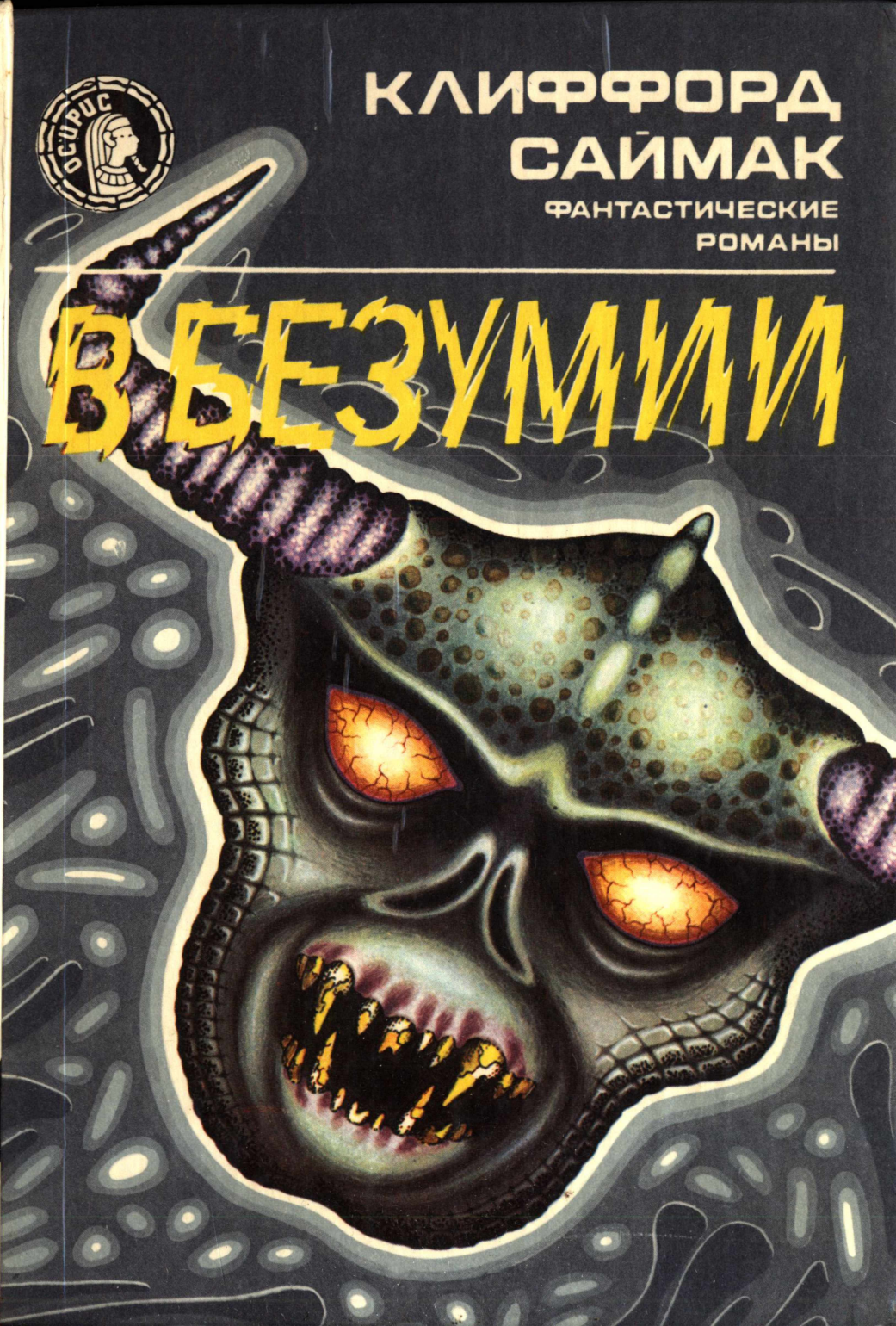
4 КЛИФФОРД САЙМАК В БЕЗУМИИ

ОСИРИС

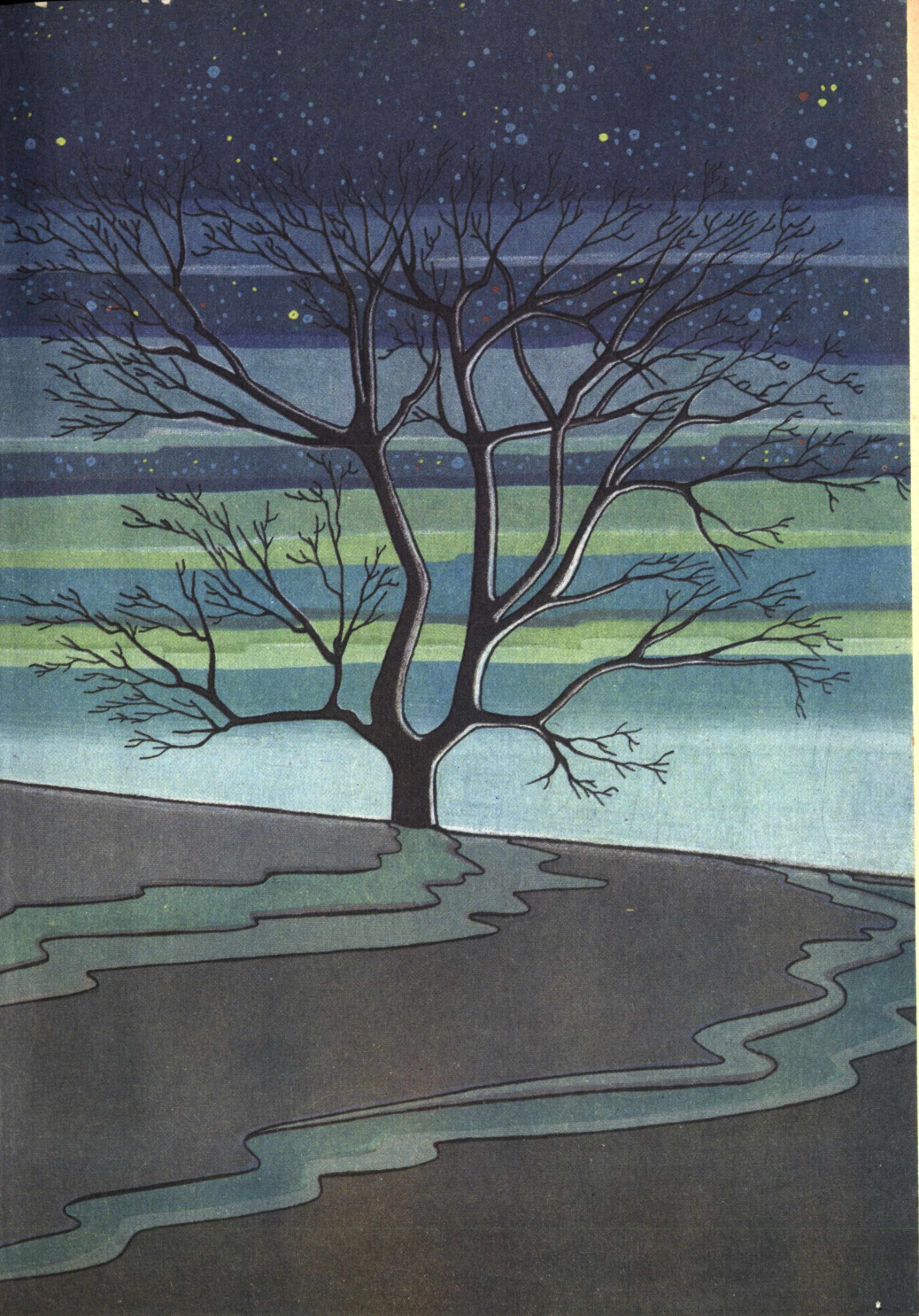
КЛИФФОРД САЙМАК

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

В БЕЗУМИИ

КЛИФФОРД САЙМАК

В БЕЗУМИИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1992

ББК 84.7 (США)
С14

Серия "Осирис" выпускается с 1992 года

Выпуск 4

Художник *В.В. Петелин*

Саймак Клиффорд

С14 В безумии: Фантастические романы. - Пер. с англ.- "Осирис". Вып. 4 - М.: Центрполиграф, 1992. - 544 с.

Лучшие романы одного из самых знаменитых писателей-фантастов нашего века. Фейерверк фантазий, каскад приключений ! И, может быть, если Вы сумеете разглядеть - немного философии.

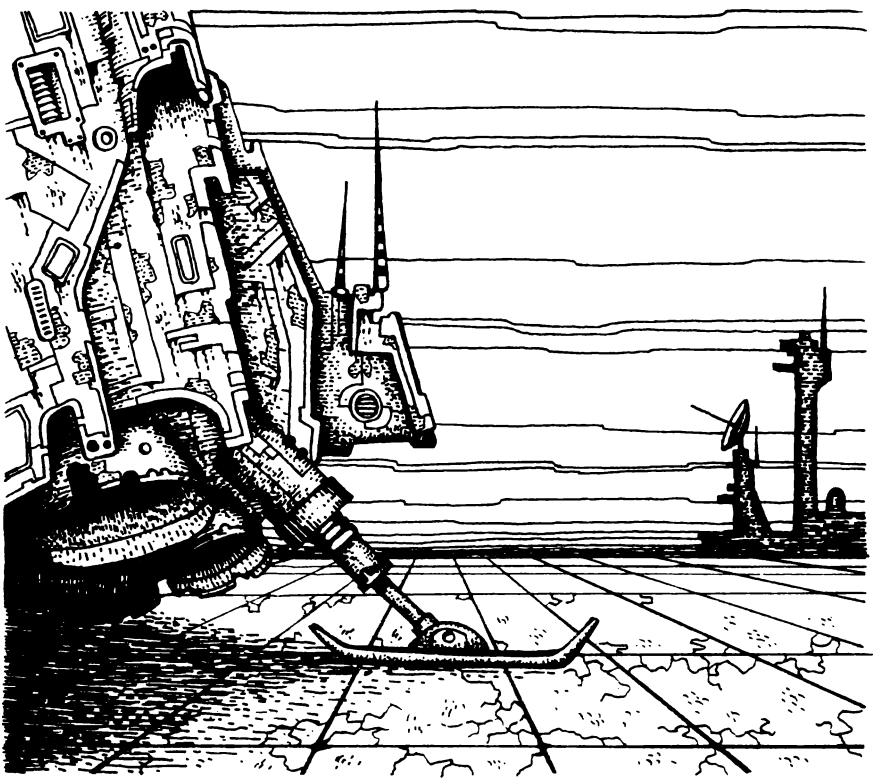
ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0038-X

© Состав и художественное оформление торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1992

ТУДА И ОБРАТНО

РОМАН

1

Человек вышел из сумерек, когда отблеск последних желто-зеленых лучей солнца еще держался на западе. Он помедлил у края патио и позвал:

— Мистер Адамс, это вы?

Скрипнуло кресло, Кристофер Адамс приподнялся, слегка напуганный этим голосом. Потом он вспомнил. Новый сосед напротив, через луг, поселился день-два тому назад. Джонатан сказал ему об этом, а Джонатан знал все сплетни на сто миль вокруг как о людях, так и об андроидах и роботах.

— Входите, — произнес Адамс, — рад, что вы заглянули. — Он надеялся, что его голос звучит сердечно, по-добрососедски, как он и старался. Потому что Адамс не радовался визиту.

Он был немного подавлен этой внезапной появившейся из сумерек тенью, теперь направлявшейся к нему через дворик. Он мысленно провел рукой по бровям. «Это мой час, — подумал он, — один час, который я оставляю себе. Час, когда забываю... забываю тысячи проблем, касающихся других звезд. Забывая их, я возвращаюсь к зелени и черноте, тишине и тонкости красок заката, который бывает только на моей собственной планете. Потому что здесь, на этом патио, нет ни ментофонных репортеров, ни донесений роботов, ни галактических коффинационов, ни координационных конференций, ни психологических интриг, ни чуждой реакции. Ничего запутанного и таинственного. Хотя я могу ошибиться, потому что здесь есть тайна, но тайна старая, добрая, которую можно понять и которая остается этой тайной только потому, что я так хочу. Тайна вечернего козодоя в темнеющем небе, загадка светлячка, летящего вдоль живой изгороди из сирени».

Половиной своего сознания Адамс сознавал, что незнакомец перешел через патио и сейчас протягивает ему руку, а другой половиной он еще раз подумал о почерневших телах, лежащих на берегу реки на далеком Альдебаране XII, и исковерканной машине, приткнувшейся возле дерева, а андроиды были почти людьми. А люди не должны умирать от насилия,

если это не насилие другого человека. Но насилие человека над человеком возможно только для защиты чести, с соблюдением всех формальностей дуэльного кодекса, в менее джентльменских делах подобное насилие оправдано только чувством мести или справедливого возмездия. Потому что жизнь человека священна... Она должна быть такой или ее не будет... Человек, к несчастью, так малочислен.

Насилие или случайность? Случайность нелепа. Подобных случайностей встречалось мало, фактически почти ни одной, полное совершенство механического обслуживания. Почти человеческая интеллигентность и реакция механизма на любую опасность уже давно свели возможность подобных случайностей практически к нулю. Ни одна машина не могла быть настолько грубой, чтобы врезаться в дерево. Более тонкая, менее явная опасность — возможна. Но дерево — никогда. Итак, это, вероятно, было насилие. Но не человека, так как человеческое насилие оказалось бы явным. Насилия человека нечего было опасаться... Никакой ответственности по суду, едва ли ответственность по моральному кодексу, к которому мог быть привлечен убийца-человек.

Трое мертвых. Три смерти на расстоянии пятидесяти световых лет от Земли, и это событие было очень важным для человека, сидевшего в своем патио на Земле. Вещь первостепенная, так как ни один человек не должен умирать от рук иных, чем человеческие. Человеческая жизнь не должна отниматься нигде в Галактике, иначе человек навсегда исчезнет и огромное галактическое братство разума обрушится в темноту и бесконечность, которые удавалось рассеивать только человечеству.

Адамс глубоко погрузился в свое кресло, пытаясь расслабиться, злясь на себя за эти мысли, потому что его правилом было не думать в это время сумерек ни о чем или пытаться не думать, если это возможно.

Голос незнакомца, казалось, шел издалека, но Адамс знал, что тот сидит рядом.

— Хороший вечер, — сказал незнакомец.

Адамс хмыкнул.

— Вечера всегда хороши. Парни из службы погоды не пропускают дождь допоздна, пока все не уснут.

В чаще, внизу по склону холма, дрозд запел вечернюю песню, и плавные звуки лились, как рука, ласкающая дремлющий мир. Вниз по ручью лягушка или даже две пробовали свои глотки. Далеко, в каком-то неясном потустороннем мире ночной козодой завел свою нехитрую песню; там и сям за лугом зажигались огни.

— Это лучшее время дня, — сказал Адамс. Он опустил руку в карман и вынул кисет и трубку.

— Закурите? — спросил он.

Незнакомец покачал головой:

— Видите ли, я здесь по делу.

— Посетите меня утром, в таком случае. Я занимаюсь делами в рабочее время. — Голос Адамса стал твердым.

Незнакомец мягко сказал:

— Это об Ашере Саттоне.

Тело Адамса напряглось, и пальцы задрожали так, что он чуть не выронил трубку, набивая ее... Хорошо, что незнакомец не увидел этого.

— Саттон вернется, — сказал незнакомец.

Адамс покачал головой:

— Сомневаюсь, он улетел двадцать лет назад.

— Вы вычеркнули его?

— Н-е-т, — медленно сказал Адамс. — Ему еще начисляют зарплату. Вы это имеете в виду?

— Почему, — спросил незнакомец, — почему вы его держите в списках?

Адамс прижал табак в трубке, размышляя.

— Чувствительность, мне кажется, — сказал он. — Чувствительность и вера в Ашера Саттона. Хотя и вера кончается.

— Всего через пять дней, — сказал незнакомец. — Ашер Саттон вернется.

Он подождал секунду, потом добавил:

— Рано утром.

— Никоим образом, — жестко произнес Адамс, — вы не могли узнать это.

— Но я ведь знаю. Это зафиксированный факт.

Адамс сглотнул.

— Этого еще не случалось.

— Случалось в мое время.

Адамс подскочил в своем кресле.

— В ваше время?

— Да, — сказал незнакомец тихо. — Видите ли, мистер Адамс, я ваш преемник...

— Слушайте, молодой человек...

— Не молодой человек, — сказал незнакомец, — Я только вполовину вас моложе. Поэтому я на самом деле старее.

— У меня нет преемника, — холодно проговорил Адамс. — И о нем даже не было разговора. Я еще сгожусь лет на сто, а может, и больше.

— Да, — сказал незнакомец, — более ста лет. Немногим более.

Адамс не спеша откинулся в кресле, сунул трубку в рот и зажег ее рукой, твердой как скала.

— Давайте разберемся, — предложил он. — Вы утверждаете, что вы мой преемник... что вы приняли мою работу, когда я уволился или умер. Это означает, что вы пришли из будущего. Не то что бы я вам на секунду поверил, но просто для выяснения.

— Недавно сообщалось в новостях, — сказал незнакомец, — о человеке по имени Майкельсон, который говорил, что он проник в будущее.

Адамс фыркнул.

— Читал. На одну секунду. Откуда может человек знать, что он уходил в будущее на одну секунду?.. В чем была бы разница?

— Ни в чем, — согласился незнакомец. — Но это в первый раз, конечно. В следующий раз он уйдет во времени на пять секунд. Пять секунд, мистер Адамс, пять тиканий часов. Время одного короткого вдоха и выдоха. Для всякой вещи нужна стартовая точка.

— Путешествие во времени?

Незнакомец кивнул утвердительно.

— Я этому не верю, — сказал Адамс.

— Я этого и опасался.

— За последние пять тысяч лет, — констатировал Адамс, — мы покорили Галактиту.

— «Покорили» не то слово, мистер Адамс.

— Ну, приняли власть, если вам угодно, вошли, распространились, как угодно. И мы обнаружили много странного. Более странные штуки, чем мы когда-либо выдумывали. Но путешествие во времени — такого не было никогда. — Он махнул рукой на звезды. — Во всем этом пространстве, вон там, — сказал он, — ни у кого нет путешествия во времени, ни у кого.

— Сейчас оно есть у нас, — повторил незнакомец, — уже две недели. Майкельсон уходил в будущее. Старт — это все, что нужно.

— Ну, хорошо, — согласился Адамс. — Скажем так: вы человек, который через сто лет или около этого займет мое место. Вообразим, что вы пришли назад во времени. Ну и что? Зачем?

— Сказать вам, что Саттон вернется.

— Я бы узнал об этом, когда он прибудет, — сказал Адамс, — Почему я должен узнать об этом сейчас?

— Когда он возвратится, — проговорил незнакомец, — Саттон должен быть убит.

2

Крошечный разбитый корабль опускался все ниже, медленно, как плывущее перышко, планируя вниз к полю в наклонных утренних лучах солнца.

Бородатый оборванный человек сидел в кресле пилота. Каждый его нерв был возбужден. «Сложно, — пронеслось у него в мозгу. — Тяжело и сложно управлять таким весом, оценивать расстояние и скорость, тяжело заставить тонны металла планировать в жестком поле гравитации, даже тяжелее, чем поднимать корабль».

Эти мысли царили в его голове, когда не было других, кроме той, что он не сможет подняться и уйти в пространство.

На мгновение корабль покачнулся, но человек выправил его, маневрируя каждым кусочком своей воли и ума. Корабль спустился ниже и завис всего в нескольких футах от поверхности поля.

Он опустил корабль так легко, так мягко, что тот лишь чуть щелкнул, коснувшись земли. Неподвижно сидя в кресле, человек немного обмяк, расслабляясь по дюймам: сначала один мускул, потом другой.

«Устал, — сказал он самому себе. — Это самая трудная работа, которую я когда-либо делал. Еще несколько миль, и я бы не выдержал, разбился».

Вдали на поле виднелась группа домов, и автомобиль наземной службы вывернулся из-за них и помчался по лугу к нему.

Легкий ветерок ворвался в разбитый иллюминатор, коснулся лица, напомнив ему...

«Дыши, — приказал он самому себе. — Ты должен дышать, обязан выйти и улыбнуться им. Они ничего не должны заметить, сразу, во всяком случае. Борода и одежда немного мне помогут. Они так будут глазеть на них, что мелких деталей не заметят. Но не отсутствия дыхания, они могут заметить, что ты не дышишь».

Он осторожно втянул в себя глоток воздуха, почувствовав, как воздух с острой болью прошел по ноздрям и хлынул в горло, ощутил его огонь, когда он коснулся легких. Еще вдох и еще один... В воздухе был запах, и жизнь, и странное возбуждение. Кровь билась у него в горле и стучала в висках. Он приложил пальцы к запястью и ощутил, как она пульсирует. Подступила тошнота, короткая, выворачивающая желудок, но он справился с ней, напрягая все тело, вспоминая обо всем, что он должен сделать.

«Сила воли, — сказал он себе. — Энергия ума, энергия, которую никто не использует в полную силу. Воля, чтобы приказать телу, что оно должно делать, энергия, чтобы заставить работать мотор после многих лет ничегонеделания». Один вдох, потом второй. И сердце уже бьется ровнее, стуча как насос. Успокоился желудок.

«Начинай действовать, печень. Продолжай качать кровь, сердце. Не то чтобы ты был старым и «ржавым», ты никогда не был таким. Просто другая система заботилась о том, чтобы ты был в форме, чтобы мог в мгновение ока перейти на запасной базис».

Но сам переход оказался шоком. Он верил, что так будет, боялся этого перехода, потому что понимал, что это означает агонию старого вида жизни и обмена веществ.

Он держал в уме схему своего тела и всех его работающих частей — непостоянную дрожащую картину, которая вздрагивала и меняла расплывчатые цвета. Но она успокаивалась усилием его воли, усилием его ума и наконец стала четкой, неподвижной и яркой, и он понял, что худшее позади. Он прислонился к рычагам управления корабля, сжав руки так сильно, что они почти вдавились в металл. Пот проступил на его теле, и он обмяк и ослаб.

Нервы успокаивались, кровь продолжала биться, и он знал, что дышит, даже не думая об этом. Еще секунду он тихо просидел в кресле, расслабляясь. Ветерок вновь залетел в разбитое отверстие и коснулся его щеки. Автомобиль подъехал уже близко.

— Джонни, — прошептал он, — вот мы и дома... Мы сделали это, Джонни. Это мой дом. То место, о котором я рассказывал.

Но ответа не последовало, только ощущение удобства воцарилось в

мозгу, странного уюта, такого, какой испытываешь, когда лет в восемь сворачиваешься калачиком на постели.

— Джонни! — крикнул он.

И он почувствовал это снова... успокаивающее ощущение удобства, как ощущение собачьей морды в опущенной ладони.

Кто-то стучал в дверь корабля, стучал кулаком и что-то выкрикивал.

— Ладно, — сказал Ашер Саттон. — Я иду, прямо сейчас.

Он нагнулся и поднял плоский кожаный чемоданчик, стоявший рядом с сиденьем. Подойдя к двери-люку, он открыл его и вылез наружу. Там стоял только один человек.

— Привет, — сказал Ашер Саттон.

— Добро пожаловать на Землю, сэр, — произнес человек, и его «сэр» пробудило цепь воспоминаний.

Взгляд Саттона упал на лоб человека, и он увидел слабую татуировку серийного номера.

Он совсем забыл об андроидах. Наверное, о многом другом тоже. О многих маленьких привычках, которые улетучились из памяти за долгих двадцать лет.

Он увидел, что андроид уставился на него: на голое колено, видное сквозь продранную ткань, на ноги без ботинок.

— Там, где я был, — резко сказал Саттон, — невозможно было покупать каждый день по костюму.

— Да, сэр, — согласился андроид.

— А борода, — продолжал Саттон, — потому, что я не мог побриться.

— Я видел бороды и раньше, — объяснил ему андроид.

Саттон спокойно стоял и смотрел на мир перед ним... на взлет башен, светящихся в утреннем небе, на темную зелень деревьев, синие и алые всплески цветов в садах на наклонных террасах.

Он глубоко вздохнул и почувствовал, как воздух заполнил его легкие, выискивая все более дальние уголки, которые так долго голодали. К нему возвращалась... снова возвращалась память о жизни на Земле, о раннем утреннем небе, о пламенеющих закатах, о глубоком снеге, о росе на траве, о быстром переливе человеческого разговора, о ритме человеческой музыки, о дружелюбии птиц и белок, о мире и покое.

— Автомобиль ждет, сэр, — проговорил андроид, — я отвезу вас к человеку.

— Я бы лучше прогулялся.

Андроид покачал головой.

— Человек ждет вас, и он очень нетерпелив.

— А, ну ладно, — сказал Саттон.

Сиденье было мягким, и он небрежно погрузился в него, осторожно покачивая чемоданчик на коленях. Автомобиль мчался, а он смотрел из окна, очарованный зеленью Земли.

— Зеленые поля Земли, — пробормотал он. — Или это были зеленые долы Земли? А, неважно. Старая песня, написанная давным-давно.

Во времена, когда человек пахал землю для более важных дел, когда еще на Земле были поля, поля вместо парков, и Землю пахали для более важных дел, чем цветочные клумбы! Во времена, тысячу лет тому назад, когда человек только начинал чувствовать брожение космоса в душе. За много лет до того, как Земля стала столицей и центром Галактической империи.

Огромный галактический корабль шел на взлет в дальнем конце поля, скользя по льдисто-гладкой направляющей, с жарким пламенем стартовых двигателей, кипящем в дюзах. Его нос с шумом вошел в ведущий вверх изгиб взлетной установки и уже был далеко — грохочущая полоска серебра, выстреленная в голубизну. Мгновение она мерцала в золотисто-красном утреннем свете, а потом была проглочена лазурным туманом неба.

Саттон снова опустил глаза на землю и сидел, впитывая в себя ее вид, как человек впитывает в себя первые горячие лучи весеннего солнца после долгих месяцев зимы.

Далеко к северу возвышались двойные башни Бюро правосудия, Инопланетное отделение. А к востоку — громада зданий из пластика и стекла — Университет Северной Америки. И другие здания, которые он позабыл... Здания, для которых, как он обнаружил, у него не было названий, здания, удаленные друг от друга на расстоянии мили, с парками и лужайками между ними. Дома были скрыты деревьями и кустарниками — ни один не стоял в пустынном одиночестве, — и сквозь зелень холмов Саттон заметил мерцание света: свидетельство того, что там жили люди.

Машина скользнула и остановилась перед административным зданием, и андроид открыл дверцу.

— Сюда, сэр, — сказал он.

В холле было занято всего несколько кресел, в большинстве людьми.

«Людьми или андроидами, — подумал Саттон. — Нельзя уловить разницу, если не видишь их лба. Знак на лбу — клеймо изготовления. Сигнальная пометка, которая говорит: этот человек не человек, хотя он им и кажется.

Вот те, которые ко мне прислушаются. Вот те, которые обратят внимание. Вот те, которые спасут меня от любой вражды, которую в будущем человек поднимет против меня.

Потому что они хуже, чем те, кто лишен наследства. Они не бывшие люди, они не были людьми никогда. Они рождены не женщиной, а в лаборатории. Их мать — бункер с химическими реактивами, а отец — изобретательность и техника человеческой расы.

Андроид — искусственный человек. Человек, сделанный в лаборатории из собственно человеческого глубокого знания химических веществ, атомной и молекулярной структур и странной реакции, которая известна под названием «Жизнь».

Человек во всем, кроме двух строк знаков на лбу, кроме способности к биологическому воспроизводству.

Искусственные люди в помощь настоящим, биологическим людям, чтобы держать груз Галактической империи, чтобы сделать тонкую линию

человечества потолще. Но удерживаемые на своем месте. О да, вполне удерживаемые на своем месте. Подходящем для них месте».

Коридор оказался пуст, и Саттон, шлепая босыми ногами по полу, шел за андроидом. На двери, перед которой они остановились, было написано:

ТОМАС Х. ДЭВИС

(*человек*)

Начальник эксплуатационного отдела.

— Войдите, — сказал андроид.

Саттон вошел. Человек за столом взглянул вверх и судорожно глотнул.

— Я человек, — обратился к нему Саттон. — Может быть, я не похож на него, но это так.

Человек ткнул большим пальцем в сторону кресла.

— Садитесь, — приказал он.

Саттон сел.

— Почему вы не ответили на наши сигналы?

— Передатчики неисправны, — ответил Саттон.

— У вашего корабля нет опознавательного знака.

— Его смыло дождем. А у меня нет краски.

— Дождь не смывает краску.

— Не земной дождь, — объяснил Саттон. — Там, где я был, смывает.

— Ваши двигатели, — спросил Дэвис, — вы не смогли из них ничего выжать?

— Они не работают, — ответил ему Саттон.

Кадык Дэвиса подскочил вверх и вниз.

— Не работают? Как же вы управляли кораблем?

— Энергией, — ответил Саттон.

— Энергией... — поперхнулся Дэвис.

Саттон уставился на него ледяным взглядом.

— Еще что-нибудь? — спросил он.

Дэвис был смущен. Бюрократ запутался. Все ответы были неверны. Он поиграл карандашом.

— Мне кажется, все это лишь обычные штучки. — Он положил блокнот с вопросами перед собой.

— Имя?

— Ашер Саттон.

— Начало... Слушайте! Минутку! Ашер Саттон?

— Правильно.

Дэвис швырнул карандаш в блокнот.

— Почему же вы мне сразу этого не сказали?

— Не представлялось возможности.

Дэвис разволновался.

— Если бы я знал!.. — сказал он.

— Это борода, — объяснил Саттон.

— Мой отец рассказывал о вас. Джим Дэвис. Не помните его?

Саттон покачал головой.

— Он большой друг вашего отца. То есть они знали друг друга.

— Как там мой отец? — спросил Саттон.

— Отлично, — сказал Дэвис с энтузиазмом. — Все еще крепок.

— Мои отец и мать, — холодно ответил ему Саттон, — умерли пятьдесят лет назад. Во время Аргучской пандемии. — Он поднялся на ноги и посмотрел Дэвису прямо в лицо. — Если вы закончили, — сказал он, — я бы хотел пойти в свой отель. Они найдут мне какую-нибудь комнату?

— Конечно, мистер Саттон, конечно. Какой отель?

— «Герб Ориона».

Дэвис полез в ящик, вынул справочник, пробежал дрожащим пальцем по колонке.

— Чери 26-34-89, — произнес он. — Телепорт вон там. — Он указал на кабину, встроенную в стену.

— Спасибо, — откликнулся Саттон.

— Насчет вашего отца, мистер Саттон...

— Я знаю.

Он повернулся и пошел к телепорту. Прежде чем закрыть дверь, он обернулся. Дэвис смотрел на экран видеофона и что-то быстро говорил.

3

Двадцать лет не изменили «Герб Ориона».

Саттону, вышедшему из телепорта, все казалось таким же, как тогда, когда он отсюда ушел. Немного потрепаннее и чуть консервативнее... но это был тихий дом, шепоток приглушенной действительности, немодная меблировка, атмосфера приложенного ко рту пальца и хождения на цыпочках, подчеркнутая респектабельность, то, что он помнил и о чем мечтал в долгие часы одиночества. Настенная роспись была такой же, как всегда. Немного выцветшая за долгий срок, но та же самая, которую Саттон помнил. Тот же похотливый Пан еще преследовал, после двадцати лет погони, ту же самую охваченную ужасом девушку по тем же самым холмам и долинам. И тот же кролик выпрыгивал из-за куста и наблюдал за ними, жуя вечную жвачку из клевера.

Мебель с автоматической регулировкой, купленная еще в те времена, когда правление отеля решило сотрудничать с чужеземными торговцами, была уже старомодной двадцать лет назад. Но она все еще стояла. Ее покрасили в мягкие, изящные пастельные тона, ее самоприспосабливающиеся очертания все еще соответствовали формам человеческого тела.

Губчатое покрытие пола стало немного менее пористым, а кактус с Цеты, наверное, наконец-то умер, потому что горшок с геранью, явно земного происхождения, стоял на его месте.

Клерк выключил видеофон и вернулся в комнату.

— Доброе утро, мистер Саттон, — сказал он выдержанным тоном андроида. Потом, как бы в раздумье, добавил: — Мы ждали, когда вы появитесь.

— Двадцать лет, — сухо сказал Саттон, — это довольно долгое ожидание.

— Мы сохранили ваш старый костюм, — объявил клерк, — мы знали, что он вам понадобится. Мэри держала его чистым и готовым для вас с того времени, как вы уехали.

— Это мило с вашей стороны, Фердинанд.

— Вы почти не изменились, — улыбнулся Фердинанд. — Борода — и все. Я узнал вас в ту же секунду, как увидел.

— Борода и одежда. Одежда довольно плоха.

— Я понимаю. У вас нет багажа, мистер Саттон?

— Никакого багажа.

— Тогда, может быть, завтрак? Мы все еще готовим завтраки.

Саттон заколебался, внезапно осознав, что он голоден. И он на секунду задумался о том, как его желудок примет пищу.

— Я бы мог найти ширму, — сказал Фердинанд.

Саттон покачал головой.

— Нет. Я лучше помоюсь и побреюсь. Пришлите мне наверх завтрак и смену белья.

— Может, яичницу-болтунью? Вы очень любили ее на завтрак.

— Звучит весьма соблазнительно, — признался Саттон.

Он медленно отвернулся от конторки и пошел к лифту. Он почти уже закрыл дверь, когда его вдруг окликнули:

— Минуточку, пожалуйста!

Через холл бежала девушка, стройная и медноволосая. Она скользнула в лифт и прижалась к стене.

— Большое спасибо, — сказала она. — Большое спасибо, что подождали.

Кожа ее, как заметил Саттон, была белая, как магнолия, а глаза цвета гранита с голубыми тенями внутри. Он мягко закрыл дверь.

— Был рад подождать, — сознался он.

Ее губы чуть вздрогнули, и Саттон продолжал:

— Мне не нравится обувь. Она слишком стесняет ноги.

Он с силой нажал кнопку, и лифт помчался вверх. Вспыхивающие огни отмечали этажи. Саттон остановил кабину.

— Это мой этаж, — объяснил он.

Он уже открыл дверь и почти вышел из кабины, когда она окликнула его:

— Мистер.

— Да, в чем дело?

— Я не хотела смеяться. Право же, не хотела.

— Вы имели полное право смеяться. Право же, имели, — сказал Саттон и закрыл дверь.

Он секунду постоял, борясь с внезапным напряжением, которое охватило его, словно чья-то могучая рука.

«Осторожнее, — предупредил он себя. — Спокойнее, мальчик. Ты наконец-то дома. Вот то место, о котором ты мечтал. Всего несколько дверей, и ты дома. Ты протянешь руку, повернешь ручку двери, толкнешь дверь — и все будет там... точно таким, каким ты помнишь. Любимое кресло, движущиеся картины на стене. Фонтанчики с венерианскими русалками... и окна, на которых можно сидеть и вбирать в себя панораму Земли. Но ты не должен волноваться, становиться мягкотелым хлюпиком».

Что-то не так. Не ясно что, но что-то есть. Что-то сильно не в порядке. Он медленно шагнул, потом еще раз, борясь с напряжением, борясь с сухостью во рту, заполнившую всю его глотку.

Одна из картин, как он помнил, изображала лесной ручей с птицами, порхающими среди деревьев. И в самые неожиданные моменты одна из птиц пела, обычно на рассвете или на закате солнца. И вода журчала счастливую песню, которую можно было слушать часами.

Он понял, что бежит без остановки. Пальцы его схватили дверную ручку и повернули ее. Комната оказалась на месте, любимое кресло, журчание ручья, всплески русалок...

Он почувствовал запах опасности, как только ступил на порог. Попытался повернуть и побежать назад, но опоздал. Он почувствовал, что его тело сгибается пополам и с шумом падает на пол.

— Джонни! — крикнул он, и крик этот захлебнулся у него в горле. — Джонни!

В его мозгу прозвучал шепот Джонни:

— Все в порядке, Аш. Мы заперты.

Потом наступила тишина.

4

В комнате кто-то находился, и Саттон продолжал держать глаза закрытыми, замедлил он и дыхание. Тот, кто в комнате, тихо ходил. Остановился перед окном, чтобы выглянуть наружу, перешел к каминной полке, чтобы поглядеть на картину с лесным ручьем. И в тишине комнаты Саттон услышал смеющееся журчание нарисованного ручья, вообразил, что даже с того расстояния он чувствует запах лесной почвы и прохладный, сырой аромат мха, росшего вдоль ручья.

Субъект в комнате вернулся обратно и сел в кресло. Он почти неслышно насвистывал мелодию, которую Саттон раньше не слышал.

«Кто-то опрокинул меня, — сказал себе Саттон. — Быстро вырубил меня газом или наркотиком и тщательно обследовал мое тело. Мне кажется, что я кое-что помню... смутно и отдаленно. Сверкающие огни и зондирование моего мозга. И я, наверное, боролся против этого, но знал, что борьба бесполезна... И кроме того, пусть находят, что хотят. — Он поздра-

вил себя с умственной ограниченностью. — Да, пусть берут все, что они смогли вытащить из моего мозга. Но они нашли все, что искали, и ушли. Оставили кого-то для наблюдения за мной, и он все еще в комнате».

Саттон зашевелился на кровати и открыл глаза, очень медленно, только частично сфокусировав зрение.

Человек поднялся с кресла, и Саттон увидел, что тот был в нижнем белье. Он пересек комнату и склонился над кроватью.

— Ну как, все в порядке? — спросил он.

Саттон поднял руку и озадаченно провел ею по лицу.

— Да, — сказал он. — Кажется, да.

— Вы потеряли сознание, — сказал мужчина.

— Съел что-нибудь не то, — предположил Саттон.

Мужчина покачал головой.

— Вероятнее всего — это результат путешествия. Наверняка оно было довольно трудным.

— Да, — сказал Саттон, — трудным.

«Давай дальше, — подумал он. — Спроси еще. Таковы твои инструкции. Лови меня, пока я слаб, выкачивай, как колодец. Давай дальше: задавай вопросы и получай свои вшивые деньги».

Но он ошибся. Человек выпрямился.

— Думаю, все будет нормально, — проговорил он, — если нет, позовите меня. Моя визитная карточка на камине.

— Спасибо, доктор, — сказал Саттон.

Он посмотрел, как тот шел через комнату, подождал, пока щелкнет дверь, и сел на кровати. Его одежда грудой лежала в центре комнаты на полу. А чемодан? Да, вот он, в кресле. Без сомнения, обыскан, может быть, профотостатирован.

Следящий луч тоже наверняка использован. По всей комнате слушающие уши и следящие глаза.

«Но кто? — спросил он себя. — Никто не знал, что я возвращаюсь. Никто не мог знать этого, даже Адамс. Не было способа узнать это. Не было пути, которым он мог бы узнать это... Забавно».

Забавно и то, как Фердинанд обернулся и заговорил, как будто двадцать лет — это ничто.

Забавно и то, как Дэвис в космопорту, узнав его имя, солгал, чтобы поймать его.

«Все подстроено, — сказал сам себе Саттон. — Переключается как ретрансляционная система, сделано и готово для моего приема».

Но почему кто-то должен ждать? Никто не ждал, никто не знал, когда он вернется, да и вернется ли вообще? И даже если кто-то и знал, к чему такие хлопоты?

«Потому что они не могут знать, — подумал он, — не могут знать о том, что у меня есть, они не могут даже догадаться об этом. Даже если они знали, что я возвращаюсь, как это ни невероятно, даже это в миллион раз более вероятно, чем то, что они узнали настоящую причину моего

возвращения. И, даже узнав ее, — сказал себе Саттон, — они бы не поверили».

Когда они осмотрят корабль, они немало удивятся. Тогда могло бы быть оправдание тому, что случилось. Но у них не было времени на осмотр. Они не ждали ни минуты. Они накрыли меня и взяли в оборот с той секунды, как я приземлился. Даже Дэвис пихнул меня в телепорт и схватился за видеофон как сумасшедший. И Фердинанд знал, что увидит меня, когда обернулся. А девушка — ловушка с глазами цвета гранита.

Саттон встал и потянулся.

«Прежде всего ванна и бритье, — сказал он сам себе. — Потом какая-нибудь одежда и завтрак. Разговор-другой по видеотелефону. Не показывать, что ты испугался, — предупредил он себя. — Веди себя естественно. Ковыряй в носу. Разговаривай сам с собой. Выдавливай угри на подбородке. Чеши спину об дверь. Действуй так, будто ты думаешь, что ты один. Но будь осторожен. Кто-то за тобой следит».

5

Саттон заканчивал завтрак, когда пришел андроид.

— Меня зовут Херкимер, — сказал он, — я принадлежу мистеру Джефри Бентону.

— Мистер Бентон прислал вас сюда?

— Да, он посылает вызов.

— Вызов?

— Да, вы знаете, дуэль.

— Но я не вооружен.

— Вы не можете быть невооруженным, — сказал Херкимер.

— Я ни разу не сражался на дуэли, — объяснил Саттон. — И сейчас не собираюсь.

— Вы уязвимы.

— Что вы имеете в виду — «уязвим»? Если я хожу без оружия...

— Но вы не можете ходить без оружия. Кодекс был изменен всего год или два назад. Ни один человек моложе ста лет не может ходить без оружия.

— Но если кто-нибудь все-таки ходит?

— Ну тогда, — сказал Херкимер, — каждый, кто захочет, может подстрелить вас, как кролика.

— Вы в этом уверены?

Херкимер полез в карман и вытащил крохотную книжку. Он помусолил палец и полистал страницы.

— Это вот тут, — показал он.

— Неважно, — ответил Саттон. — Я верю вашему слову.

— В таком случае вы принимаете вызов?

Саттон состроил гримасу.

— Полагаю, что обязан. Мистер Бентон подождет, смею полагать, пока я куплю оружие.

— Этого не нужно, — объявил Херкимер довольным голосом. — Я захватил его с собой. Мистер Бентон всегда так делает. Правило этикета, — заметил андроид. — В случае, если у кого-либо нет оружия.

Он сунул руку в карман и протянул оружие Саттону. Саттон взял его и положил на стол.

— Выглядит довольно неуклюже, — вслух подумал Саттон.

Херкимер посуровел.

— Традиционное дуэльное оружие, — сказал он. — Лучшее из изготовляемого. Стреляет 45-калиберными пулями неправильной формы. Патроны заряжаются вручную. Прицел выверен до шестидесяти футов.

— Надо тянуть вот это? — спросил Саттон, указывая.

Херкимер кивнул.

— Это называется «триггер». И вы не тяните его, а нажимайте.

— А почему Бентон вызывает меня? — поинтересовался Саттон. — Я его даже не знаю. Даже не слышал о нем.

— Вы знамениты, — сказал Херкимер.

— Что-то я этого не знаю, даже не слышал.

— Вы исследователь, — пояснил Херкимер. — Вы только что вернулись из долгого и опасного путешествия. У вас есть таинственный чемоданчик. И в холле ждут репортеры.

Саттон кивнул:

— Понятно. Когда Бентон кого-нибудь убивает, ему нравится, если они знамениты.

— Лучше, если они знамениты, — согласился Херкимер, — больше популярности.

— Я не знаю мистера Бентона. Как я определю, в кого должен стрелять?

— Я покажу вам его по телевизору, — сказал Херкимер.

Он шагнул к столу, набрал номер и отошел в сторону.

— Вот он.

На экране за шахматным столиком сидел человек. Судя по фигурам, игра была в разгаре. По ту сторону доски стоял отлично сделанный робот. Человек протянул руку, задумчиво передвинул коня. Робот щелкнул и хихикнул. Он сыграл пешкой. Плечи Бентона ссутулились, и он еще больше нагнулся над доской, одной рукой почесывая шею.

— Оскар опять доставил ему неприятности, — улыбнулся Херкимер. — И так всегда. Мистер Бентон не выиграл ни одной игры за последние десять лет.

— Почему же он продолжает играть?

— Он упрям, — объяснил Херкимер, — но Оскар тоже упрям. — Херкимер сделал неопределенный жест рукой.

Машины могут быть гораздо упрямее, чем люди. Так уж они построены.

— Но Бентон должен был знать, когда ему сделали Оскара, что Оскар будет у него постоянно выигрывать, — подчеркнул Саттон. — Человек просто не может выиграть у робота-шахматиста.

— Мистер Бентон знал это, — согласился Херкимер, — но он этому не верил. Он хочет доказать обратное.

— Это маньяк, — понял Саттон.

Херкимер спокойно посмотрел на него.

— По-моему, вы правы, сэр. Я иногда сам так думаю.

Саттон снова пристально посмотрел на Бентона, который все еще сутулился над доской, прижав костяшки пальцев ко рту. Испещренное прожилками, выскобленное лицо его было розовым и полнощеким, а в глазах, какими задумчивыми они ни были в данный момент, мерцал огонек культуры и общительности.

— Теперь вы узнаете его? — спросил Херкимер.

Саттон кивнул.

— Да, думаю, что смогу выделить его среди других. Он выглядит не слишком озабоченным.

— Он убил шестнадцать человек, — жестко разъяснил Херкимер, — и решил забросить оружие, когда это число дойдет до двадцати пяти...

Херкимер посмотрел Саттону прямо в глаза и сказал:

— Вы — семнадцатый.

Саттон кротко согласился:

— Я постараюсь облегчить ему задачу.

— Как вы желаете провести дуэль, сэр, — поинтересовался Херкимер, — официально или нет, то есть охотиться, как можешь?

— Давайте сделаем так: выигрывает тот, кто выстрелит первым.

Херкимер отнесся к этому неодобрительно.

— Есть некоторые определенные обычаи...

— Можете передать мистеру Бентону, — сказал Саттон, — что я не собираюсь устраивать на него засаду.

Херкимер взял свою фуражку и надел ее.

— Удачи вам, сэр, — пожелал андроид.

— О, спасибо, Херкимер, — поблагодарил Саттон.

Дверь закрылась, и Саттон остался один. Он повернулся к экрану. Бентон сделал еще один ход ладьей. Оскар хихикнул, передвинул слона на три поля вперед и объявил шах королю Бентона.

Саттон выключил телевизор. Он поскреб рукой свой выбритый подбородок. Совпадение или план? Трудно догадаться.

Одна из русалок выбралась на край фонтана и рискованно балансировала своим трехдюймовым телом. Она свистнула Саттону. Он быстро обернулся на этот звук, но она нырнула в водоем и поплыла кругами, издеваясь над ним, непристойно жестикулируя.

Саттно наклонился, пошарил рукой на полке под визором, вытащил информационный справочник и быстро перелистал страницы.

ИНФОРМАЦИЯ — земная.

И заголовки:

КУЛИНАРИЯ
КУЛЬТУРА
ОБЫЧАИ.

Наверное, вот это. Обычаи.

Он нашел раздел «Дуэль», запомнил номер и положил книгу на место, вновь установил диск набора номеров и включил тумблер прямой связи.

Обтекаемое современное лицо робота заполнило экран.

— Я к вашим услугам, сэр, — произнес он.

— Я был вызван на дуэль, — объяснил Саттон.

Робот ждал вопроса.

— Я не хочу драться на дуэли, — сказал Саттон. — Можно мне каким-нибудь образом открутиться от этого? Мне бы хотелось сделать это элегантно, но на этом я не настаиваю.

— Способов нет, — ответил робот.

— Совсем нет?

— Вы моложе ста лет? — спросил робот.

— Да.

— Вы здоровы душой и телом?

— Да, думаю, что да.

— Вы здоровы или нет?

— Да, — подтвердил Саттон.

— Вы не принадлежите к какой-нибудь настоящей религии, которая запрещает убийства?

— Полагаю, что могу классифицировать себя как христианина, — сказал Саттон. — Кажется, там есть заповедь — «не убий».

Робот покачал головой.

— Это не считается.

— Она ясна и определенна, — заспорил Саттон. — Там говорится: «Не убий».

— Все это так, — терпеливо разъяснил робот, — но она была дискредитирована. Вы, люди, сами дискредитировали ее, вы никогда не подчинялись ей. Или вы подчиняетесь ей, или вы теряете на нее право. Нельзя забывать ее с одним вдохом и взывать к ней со следующим.

— Тогда, кажется, я влип, — сдался Саттон.

— Согласно пересмотру 7990 года, — сказал робот, — было достигнуто соглашение: каждый человек-мужчина в возрасте до ста лет, здоровый умом и телом, не связанный религиозными узами и верованиями, что выясняется исследованием, должен драться на дуэли, когда бы его ни вызвали.

— Понятно, — сказал Саттон.

— История дуэлей очень интересна, — продолжал робот.

— Варварство, — ответил Саттон.

— Может быть, и так, но люди все еще варвары и во многом другом.

— Вы дерзите, — заметил Саттон.

— Я по горло сыт всем этим людским самодовольством, — ответил робот. — Вы говорите, что искоренили преступления — это так, за исключением преступлений людей. А множество преступлений, от которых вы избавились, — вовсе не преступления, если не судить о них по человеческим меркам. Вы говорите, что отменили войну. Вы ее не отменили, вы просто устроили так, что никто не осмеливается драться с вами.

— Вы здорово рискуете, приятель, разговаривая так, — мягко прервал Саттон.

— Можете всадить в меня пулю, — ответил ему робот, — когда захотите. Жизнь не стоит того, той работы, которую я выполняю.

Он увидел выражение лица Саттона и заторопился.

— Постарайтесь посмотреть на это так, сэр. На протяжении всей истории человек был убийцей. Он был умен и жесток, даже с самого начала. Он был слаб, но сумел применить дубину и камни, а когда камни были недостаточно остры, он обтачивал их. Вначале существовали создания, которых он, по идее, не должен был убивать. Они должны были убить его. Но он был умен, и у него были дубина и камни. И человек убил мамонта и саблезубого тигра, других зверей, которых он не осмелился бы тронуть голыми руками. Так он отвоевал землю у животных. Он уничтожил их, кроме тех, которым разрешил жить за то, что они ему что-то давали. И даже когда он боролся со зверями, он боролся с другими людьми. Когда с животными было покончено, он продолжал сражаться... человек против человека, нация против нации.

— Но это все в прошлом, — сказал Саттон. — Войны нет уже более тысячи лет. Людям сейчас не нужно воевать.

— В том-то и дело, — сказал ему робот. — Больше не нужно воевать, больше не нужно убивать. Это требуется только иногда, может быть, на какой-нибудь отдаленной планете, где человек должен убивать для защиты своей шкуры, жизни или власти. Но в общем и целом больше не нужно убивать. И все же вы убиваете. Вы должны убивать. В вас еще сохранилось старое зверство. Вы пьянеете от власти, а власть, знак власти — убийство. Вам это стало привычным... Вы принесли это еще из пещер. Вам некого убивать, кроме как друг друга, и вы называете это дуэлью. Вы знаете, что это неверно, но вы лицемерите. Вы создали целую систему слов, чтобы это выглядело респектабельным, отважным и благородным делом. Вы называете это благородством и рыцарством и даже, если вы так не говорите, то вы так думаете. Вы прикрываете это атрибутами вашего порочного прошлого, вы приукрашаете это словами, а слова — это просто мишура.

— Слушайте, — обратился снова к роботу Саттон. — Я не хочу драться на этой дуэли. Не думаю, что это...

В голосе робота прозвучало мстительное ликование.

Саттно наклонился, пошарил рукой на полке под визором, вытащил информационный справочник и быстро перелистал страницы.

ИНФОРМАЦИЯ — земная.

И заголовки:

КУЛИНАРИЯ
КУЛЬТУРА
ОБЫЧАИ.

Наверное, вот это. Обычаи.

Он нашел раздел «Дуэль», запомнил номер и положил книгу на место, вновь установил диск набора номеров и включил тумблер прямой связи.

Обтекаемое современное лицо робота заполнило экран.

— Я к вашим услугам, сэр, — произнес он.

— Я был вызван на дуэль, — объяснил Саттон.

Робот ждал вопроса.

— Я не хочу драться на дуэли, — сказал Саттон. — Можно мне каким-нибудь образом открутиться от этого? Мне бы хотелось сделать это элегантно, но на этом я не настаиваю.

— Способов нет, — ответил робот.

— Совсем нет?

— Вы моложе ста лет? — спросил робот.

— Да.

— Вы здоровы душой и телом?

— Да, думаю, что да.

— Вы здоровы или нет?

— Да, — подтвердил Саттон.

— Вы не принадлежите к какой-нибудь настоящей религии, которая запрещает убийства?

— Полагаю, что могу классифицировать себя как христианина, — сказал Саттон. — Кажется, там есть заповедь — «не убий».

Робот покачал головой.

— Это не считается.

— Она ясна и определенна, — заспорил Саттон. — Там говорится: «Не убий».

— Все это так, — терпеливо разъяснил робот, — но она была дискредитирована. Вы, люди, сами дискредитировали ее, вы никогда не подчинялись ей. Или вы подчиняетесь ей, или вы теряете на нее право. Нельзя забывать ее с одним вдохом и взывать к ней со следующим.

— Тогда, кажется, я влип, — сдался Саттон.

— Согласно пересмотру 7990 года, — сказал робот, — было достигнуто соглашение: каждый человек-мужчина в возрасте до ста лет, здоровый умом и телом, не связанный религиозными узами и верованиями, что выясняется исследованием, должен драться на дуэли, когда бы его ни вызвали.

— Понятно, — сказал Саттон.

— История дуэлей очень интересна, — продолжал робот.

— Варварство, — ответил Саттон.

— Может быть, и так, но люди все еще варвары и во многом другом.

— Вы дерзите, — заметил Саттон.

— Я по горло сыт всем этим людским самодовольством, — ответил робот. — Вы говорите, что искоренили преступления — это так, за исключением преступлений людей. А множество преступлений, от которых вы избавились, — вовсе не преступления, если не судить о них по человеческим меркам. Вы говорите, что отменили войну. Вы ее не отменили, вы просто устроили так, что никто не осмеливается драться с вами.

— Вы здорово рискуете, приятель, разговаривая так, — мягко прервал Саттон.

— Можете всадить в меня пулю, — ответил ему робот, — когда захотите. Жизнь не стоит того, той работы, которую я выполняю.

Он увидел выражение лица Саттона и заторопился.

— Постарайтесь посмотреть на это так, сэр. На протяжении всей истории человек был убийцей. Он был умен и жесток, даже с самого начала. Он был слаб, но сумел применить дубину и камни, а когда камни были недостаточно остры, он обтачивал их. Вначале существовали создания, которых он, по идее, не должен был убивать. Они должны были убить его. Но он был умен, и у него были дубина и камни. И человек убил мамонта и саблезубого тигра, других зверей, которых он не осмелился бы тронуть голыми руками. Так он отвоевал землю у животных. Он уничтожил их, кроме тех, которым разрешил жить за то, что они ему что-то давали. И даже когда он боролся со зверями, он боролся с другими людьми. Когда с животными было покончено, он продолжал сражаться... человек против человека, нация против нации.

— Но это все в прошлом, — сказал Саттон. — Войны нет уже более тысячи лет. Людям сейчас не нужно воевать.

— В том-то и дело, — сказал ему робот. — Больше не нужно воевать, больше не нужно убивать. Это требуется только иногда, может быть, на какой-нибудь отдаленной планете, где человек должен убивать для защиты своей шкуры, жизни или власти. Но в общем и целом больше не нужно убивать. И все же вы убиваете. Вы должны убивать. В вас еще сохранилось старое зверство. Вы пьянеете от власти, а власть, знак власти — убийство. Вам это стало привычным... Вы принесли это еще из пещер. Вам некого убивать, кроме как друг друга, и вы называете это дуэлью. Вы знаете, что это неверно, но вы лицемерите. Вы создали целую систему слов, чтобы это выглядело респектабельным, отважным и благородным делом. Вы называете это благородством и рыцарством и даже, если вы так не говорите, то вы так думаете. Вы прикрываете это атрибутами вашего порочного прошлого, вы приукрашаете это словами, а слова — это просто мишура.

— Слушайте, — обратился снова к роботу Саттон. — Я не хочу драться на этой дуэли. Не думаю, что это...

В голосе робота прозвучало мстительное ликование.

— Но вы должны драться. Пути назад нет. Может, вам нужно несколько советов? У меня есть все виды приемов...

— Я думал, вы не одобряете дуэли.

— Нет, не одобряю, — сказал робот, — но это моя работа. Я не могу от нее отделаться. Я стараюсь делать ее хорошо. Я могу вам рассказать личную историю каждого, кто когда-либо дрался на дуэли. Я часами могу говорить о преимуществах рапир перед пистолетами. Или, если вы желаете, чтобы я отстаивал пистолеты, я могу доказать и это. Я могу рассказывать вам о вооруженных стычках на древнем американском Западе, о чикагских гангстерах, о штучках с носовым платком и кинжалом, о...

— Нет, спасибо, — сказал Саттон.

— Вам неинтересно?

— У меня нет времени.

— Но, сэр, — взмолился робот, — мне не часто выпадает случай поговорить. Я получаю мало вызовов. Всего лишь около часа...

— Нет, — настаивал Саттон.

— Ну, ладно. Может, вы мне скажете, кто вас вызвал?

— Бентон. Джефри Бентон.

Робот присвистнул.

— Неужели он настолько хорош? — спросил Саттон.

— На все сто, — ответил робот.

Саттон выключил визор. Он тихо сидел в кресле, уставясь на револьвер. Потом медленно протянул руку и взял его. Рукоятка удобно легла в ладонь. Его палец устроился на спусковом крючке. Саттон поднял револьвер и прицелился в дверную ручку. С оружием было легко обращаться. Почти так же, как если бы оно было частью его организма. В нем чувствовались власть и господство. Будто стал сильнее и больше... и более опасным. Он вздохнул и положил револьвер. Робот был прав.

Он дотянулся до визора, нажал кнопку и вызвал конторку в холле. Появилось лицо Фердинанда.

— Кто-нибудь ждет меня внизу, Фердинанд?

— Ни души.

— Кто-нибудь меня спрашивал?

— Никто, мистер Саттон.

— Репортеров или фотографов там нет?

— Нет, мистер Саттон, вы их ждали?

Саттон не ответил. Он отключился, чувствуя себя довольно глупо.

6

Человек был распылен по всей Галактике. Одна пригоршня здесь, другая там. Довольно слабые создания из костей, мозга, мускулов, чтобы сдерживать Галактику. Хрупки их плечи, что держат мантию человеческого величия, развевающуюся через все световые годы.

Все это потому, что Человек слишком спешил, был перегружен больше своих физических способностей. Не силой удерживал он свои звездные аванпосты, но чем-то еще... глубиной человеческого характера, всем своим колоссальным самомнением, своим диким убеждением, что Человек — величайшее существо, которое породила Галактика. Все это происходило, несмотря на множество опровергающих факторов и фактов, которые человек брал, оценивал и отбрасывал, полный презрения к любому величию, кроме величия безжалостного и агрессивного.

«Слишком тонко, — сказал сам себе Кристофер Адамс, — слишком тонко и слишком далеко вытянутая власть. Один человек, поддерживаемый дюжиной андроидов и сотней роботов, может держать Солнечную систему в повиновении. Может держать до тех пор, пока что-нибудь не даст трещину или пока не прибудет подкрепление.

Со временем людей станет больше, если уровень рождаемости продержится на прежней высоте. Но пройдет много веков, прежде чем линия власти станет надежнее, потому что Человек держит только ключевые точки... одну планету в целой системе, да и то не в каждой. Человек двигался скачками, потому что людей не хватало, создавал стратегические сферы влияния, отбрасывая все системы Галактики, кроме самых богатых и самых влиятельных.

Места для расселения хватит на миллионы лет, если только через миллион лет останутся люди. Если жизнь на тех или других планетах поможет людям, позволит им жить, если только не придет день, когда люди захотят уплатить ужасную цену за то, чтобы стереть с лица Земли человеческую расу.

Цена будет высокой, — рассуждал Адамс, — но это будет сделано, и довольно легко, работы всего на несколько часов. Утром люди есть, к ночи людей не осталось.

Что с того, что тысяча чужих умрет за смерть одного человека... или десять тысяч, или сто тысяч? При определенных обстоятельствах такую цену могут посчитать очень дешевой.

Даже сейчас существовали очаги сопротивления, где надо было двигаться осторожно... или даже обходить их стороной. Как 61 Лебедя, например.

Все это требует умения разбираться в обстановке, некоторого терпения и большой дозы скрытого зверства, но более всего самомнения, абсолютно непоколебимого убеждения, что Человек священен и неприкосновенен, что его нельзя задевать, что он едва ли может умереть.

Но пятеро умерли у реки, три человека и два андроида; у реки, что течет на Альдебаране XII, всего в нескольких километрах от Андрелона, столицы планеты.

Они умерли от насилия, в этом нет никакого сомнения».

Глаза Адамса нашли параграф последнего сообщения Торна: «... сила была применена снаружи. Мы нашли дыру, прожженную в атомной экранировке двигателя. Эта сила наверняка контролировалась, иначе резуль-

татом было бы полное разрушение. Автоматика вступила в действие и отразила удар, но машина вышла из строя, вышла из-под контроля, врезалась в дерево. Местность была заражена интенсивной радиацией».

«Хороший парень Торн, — подумал Адамс, — он не упустит ни одной детали. Его роботы были там прежде, чем место остыло».

Но многого там не найдешь... Мало того, на что можно получить ответ. Просто куча вопросительных знаков.

Пять человек умерли, и, сказав это, ты положишь конец фактам. Потому что они были сожжены и раздавлены и не осталось никаких черт, отпечатков пальцев или глаз, чтобы сличить их с данными записей.

В нескольких футах от черноты разбросанных тел в дерево врезалась машина, обернулась вокруг дерева, почти расколола ствол пополам... Машина, которая, как и люди, была без документов. Машина, у которой не было копии во всей известной части Галактики, и, назначение которой до сих пор неизвестно. Торн возьмет ее в оборот. Он исследует ее солидографом, вплоть до последнего раздробленного куска стекла и пластика. Она будет проанализирована и занесена в диаграммы, и роботы поместят ее в считывающее устройство, которое исследует ее и опишет молекула за молекулой. И они могут что-нибудь найти. Возможно, что найдут.

Адамс захлопнул рапорт и откинулся в кресле. Он лениво, по буквам, прочитал свое имя, написанное на двери офиса, читая задом наперед, медленно и с преувеличенной осторожностью. Как будто он никогда не видел своего имени. Как будто он не знал его. А потом прочитал строчки, расположенные ниже:

ИНСПЕКТОР БЮРО ВНЕЗЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КОСМИЧЕСКИЙ СЕКТОР 16.

И еще строчку ниже:

ОТДЕЛ ГАЛАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЮСТИЦИЯ)

Свет раннего утра проник через окно и упал на его голову, ярко осветил подстриженные серебряные усы и начинающие белеть волосы на висках.

Пятеро человек погибли...

Он хотел выкинуть это из головы. Было много другой работы. Эта штучка Саттон, например. Сообщения об этом придут эдак через час. Но фотография... фотография от Торна, которую он не мог забыть.

Разбитая машина, раздавленные тела и большая дымящаяся воронка, выбитая в дерне. Серебристая река молчаливо текла, молчание чувствовалось даже на фотографии, а вдали, в розоватом небе, вздымалось паучье переплетение Андрелона.

Адамс тихонько улыбнулся про себя.

«Альдебаран XII, — подумал он, — должно быть, чудесный мир». Он никогда не был там и никогда не будет... Потому что планет слишком много, слишком, и человек даже не может мечтать увидеть их все.

Вероятно, когда-нибудь телепорты и будут работать на расстоянии многих световых лет, вместо ничтожных нескольких миль. Может, человек сумеет просто шагнуть к избранной им планете, на день или на час, чтобы сказать, что он там был!

Но Адамсу не нужно было быть там. У него там были глаза и уши, как и на любой другой планете в его секторе.

Там был Торн, а Торн — способный человек. Он не будет отдыхать до тех пор, пока не выжмет последнюю унцию информации из разбитых обломков и тел.

«Хотел бы я забыть это, — сказал себе Адамс, — это, конечно, важно, но не сверхважно».

Загудел зуммер, и Адамс щелкнул тумблером на столе.

— В чем дело?

Голос андроида ответил:

— Это мистер Торн, сэр, по ментофону из Андрелона.

— Спасибо, Алиса, — ответил Адамс.

Он отпер ящик, вынул оттуда фуражку, надел ее на голову и придавил твердыми спокойными пальцами. В мозгу его замерцали мысли, несвязные, случайные. Слабые и отдаленные. Мысли-призраки, дрейфующие во Вселенной: необъяснимый во времени и пространстве мусор от умов созданий, о которых нельзя было даже догадаться...

Адамс вздрогнул.

«Я никогда к этому не привыкну, — сказал он себе. — Я всегда буду вздрагивать, как ребенок, который знает, что он заслужил наказание».

Призрачные мысли крутились в его мозгу. Адамс закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

— Хелло, Торн, — подумал он.

Мысли Торна через пространство более пятидесяти световых лет пришли слабенькими и расстроенными.

— Это вы, Адамс? Принимается, тут, снаружи, довольно слабо.

— Да. Это я, что там у тебя?

Высокая монотонная мысль появилась и проскользнула у него в мозгу:

«...Болтая, трещотка... ущипни рыбку... кислород дорого стоит...»

Адамс выгнал мысль из мозга и восстановил свою сосредоточенность.

— Начни сначала, Торн. Появился призрак и стер тебя.

Сейчас мысль Торна оказалась громче и более отчетлива.

— Я хотел спросить вас об одном имени, вроде я его слышал раньше, но не уверен.

— Что это за имя?

Торн сейчас передавал мысли с промежутками, отправляя их медленно и с усилием, чтобы они пробились через бесконечность.

— Имя — Ашер Саттон.

Адамс резко выпрямился в кресле.

Челюсть его отвисла.

— Что? — проревел он.

«Иди на запад, — сказал голос в его мозгу. — Иди на запад, а потом прямо вверх».

Пробилась мысль Торна:

— ...Это имя, которое было на книге.

— Давай по новой, — взмолился Адамс, — сначала и подлиннее. Нас снова разъединили. Я не слышал ничего из того, что ты думал.

Мысли Торна шли медленно. Каждое слово казалось веским.

— Это было так: вы помните ту развалину здесь, у нас? Пятеро убитых...

— Да, да, конечно помню.

— Ну так вот, мы нашли на одном из трупов книгу или то, что раньше было книгой. Она была обуглена, опалена насквозь излучением. Роботы сделали с ней, что могли — немного, конечно. Словечко там, словечко тут. Ничего, из чего можно было извлечь какой-то смысл.

Мысленный фон замурлыкал и заурчал. Бродячие обрывки мыслей, в которых не было ни человеческого смысла, ни значения, даже если бы их услышали целиком.

«Начни сначала, — подумал Адамс в отчаянии. — Начни сначала».

— Вы знаете об этих обломках. Пятеро...

— Да, да, я это принял. До того места, что с книгой. А где вступает в дело Саттон?

— Это было почти все, что роботы смогли выявить, — сказал ему Торн. — Всего три слова: «Произведение Ашера Саттона». Словно он был автором. Будто книга написана им. Это было на одной из первых страниц. Может быть, на титульном листе. Такая-то книга, произведение Ашера Саттона.

Наступило молчание. Даже голоса призраков на минуту утихли. А потом появилась какая-то плачущая лепечущая мысль. Мысль-ребенок, недоразвитая и хнычущая. И мысль эта была без контекста, непереводимая, почти бессмысленная. Но страшная и расшатывающая нервы своим неземным значением.

Адамс почувствовал, как вдоль позвоночника проскользнул внезапный холодок страха. Он схватился обеими руками за подлокотники кресла и так держался, пока чей-то грязный отросший ноготь копошился в его мозгу. Неожиданно мысль исчезла, пятьдесят световых лет посвистывали в редком безмолвии.

Адамс расслабился и почувствовал, как из-под мышек у него течет пот и тонкой струей сбегает по ребрам.

— Ты здесь, Торн? — спросил он.

— Да. Я тоже кое-что уловил из этой, последней.

— Довольно скверно, не так ли?

— Я хуже этого не слышал никогда, — ответил ему Торн.

Наступило секундное молчание. Потом опять возникла мысль Торна.

— Может, я просто теряю время, но мне показалось, что я помню это имя.

— Помнишь, — подумал в ответ Адамс. — Саттон ушел к 61 Лебедя.

— Ах, так это он?

— Он вернулся сегодня утром.

— Тогда это не мог быть он. Кто-нибудь с таким же именем — может быть.

— Должен был быть он, — подумал Адамс.

— Больше докладывать нечего, — протелепатировал ему Торн, — это имя просто беспокоило меня.

— Ухватись за него, — подумал Адамс. — Дай мне знать, если что подвернется.

— Сделаю, — пообещал Торн. — До свидания.

— Спасибо, что вызвал.

Адамс снял фуражку. Он открыл глаза и почти испытал шок при виде комнаты, обычной и земной, с солнечным светом, струящимся через окно. Он расслабился в кресле, думая, вспоминая.

Человек пришел в сумерках, выйдя из теней на патио, и он сидел в темноте и разговаривал, как и всякий другой человек, за исключением того, что говорил он сумасшедшие вещи.

«Когда Саттон вернется, он должен быть убит. Я ваш преемник».

Сумасшедший разговор. Невероятно. Невозможно.

«И все-таки, может быть, мне надо было послушать. Вероятно, его надо было выслушать вместо того, чтобы вспылить. Не убивают человека, вернувшегося через двадцать лет. Особенно такого человека, как Саттон. Саттон хороший работник. Один из лучших в бюро. Ловкий как лиса, хорошо разбирается во внеземной психологии, знаток галактической политики. Никто другой не смог бы выполнить задание на 61 Лебедя так же хорошо. Если только он его выполнил.

Я этого, конечно, не знаю. Но он будет здесь завтра, и он все расскажет».

Адамс мысленно убрал менто-фуражку, почти нехотя протянул руку и щелкнул тумблером.

Алиса ответила.

— Доставьте ко мне личное дело Ашера Саттона.

— Да, мистер Адамс.

Адамс снова устроился в кресле.

Плечи его чувствовали приятную теплоту солнца. Тикание часов тоже успокаивало.

Все как обычно в кабинете после призрачных голосов Галактики, шепчущих в космосе. Мысли, которые невозможно связать, невозможно проследить и высказать: «Вот это началось так-то и так-то, тогда-то».

«Хотя мы и стараемся владеть всем, — подумал Адамс, — человек будет пробовать все, использовать любой шанс, не упустит ни одной решающей возможности».

Он хмыкнул про себя. Усмехнулся обреченности замысла.

Тысячи слухачей, вслушивающихся в редкие мысли разрозненных пространств и времен, вслушивающихся в погоне за ключами, за намеками, за направлениями... Выискивать клочок смысла в потоке тарабарщины... охотиться за словом, предложением или разрозненной мыслью, которая может быть преобразована в новую философию, новую науку или новую технику... или в новое что-то, о чем человеческая раса никогда даже и не мечтала.

«Новая концепция, — сказал себе Адамс, — совершенно новая концепция». Он нахмурился.

Новая концепция может быть опасной. Сейчас не время для того, что не входит в привычную колею, что не совпадает с образом человеческих мыслей и действий.

Не может быть никакого беспорядка. Не может быть ничего, кроме абсолютной бульдожьей решимости повиснуть на шее, вонзить свои зубы и так остаться, поддерживая статус-кво.

Когда-нибудь позднее, через много веков, будет и время, и место, и свободное пространство для новой концепции. Когда хватка человека станет крепче, когда линия власти не будет такой тонкой. Когда ошибка-другая не станут означать несчастья.

Человек в данный момент контролировал каждый фактор. Он имел преимущество в каждой точке. Слабое, надо сказать, преимущество. Так и должно быть. Не может существовать ничего, что может склонить чашу весов не в том направлении. Ни сло́ва, ни мысли, ни действия, ни шепота.

7

Очевидно, они ждали его какое-то время и перехватили, когда он вышел из лифта, перехватили по дороге к ресторану, куда он направлялся пообедать.

Их было трое, и они выстроились перед ним в ряд, как бы с твердой решимостью не дать ему возможности бежать.

— Мистер Саттон? — спросил один из них, и Ашер кивнул.

Этот человек был как будто здорово потрепан. Может, он на самом деле и не спал в одежде, но первое впечатление было именно таким. Человек сжимал грязными пальцами поношенную кепку. Под ногтями синела грязь.

— Что я могу для вас сделать? — спросил Саттон.

— Мы хотели бы поговорить с вами, сэр, если вы не возражаете, — проговорила единственная в этой тройке женщина. — Понимаете, мы что-то вроде делегации. — Она скрестила полные руки на толстом животе и изо всех сил старалась улыбнуться ему, но большого эффекта она не достигла, так как Саттона раздражали ее тонкие волосы, которые в беспорядке вырывались из-под шляпки.

— Я как раз собирался пообедать, — пояснил Саттон, колеблясь и стараясь создать видимость спешки. Он придал своему голосу оттенок раздражения, оставаясь в то же время в рамках любезности.

Женщина продолжала улыбаться.

— Я — миссис Джедико, — сообщила она так, будто он должен был обрадоваться этому известию. — А этот джентльмен, который разговаривал с вами, — мистер Гамильтон. Третий из нас — капитан Стивенс.

Капитан, как отметил про себя Саттон, оказался крепким, мускулистым человеком, одетым лучше, чем другие.

Его голубые глаза подмигнули Саттону, как бы говоря: «Я тоже не в восторге от этих людей, Саттон, но я с ними, и я сделаю все, что смогу».

— Капитан? — спросил Саттон. — Одного из звездных кораблей, я полагаю.

Стивенс кивнул.

— В отставке, — пояснил он. — Нам не хотелось бы беспокоить вас, Саттон, — он прочистил глотку. — Но мы не смогли пройти к вам в комнату. Мы ждем несколько часов. Надеюсь, вы нас не разочаруете.

— Это займет немного времени, — взмолилась миссис Джедико.

— Мы смогли бы сесть вон там, — указал Гамильтон, крутя кепку в грязных пальцах. — Мы заняли для вас кресло.

— Как угодно, — согласился Саттон.

Он прошел за ними и сел в предложенное кресло.

— А сейчас скажите, что вы от меня хотите.

Миссис Джедико глубоко вздохнула.

— Мы представляем Лигу Равенства Андроидов, — объяснила она.

Стивенс вмешался в разговор, успешно прервав длинную речь, которую, казалось, подготовила миссис Джедико.

— Я уверен, — сказал он, — что мистер Саттон иногда о нас слышал, Лига существует уже много лет.

— Я слышал о Лиге, — проговорил Саттон.

— Может, вы читали нашу литературу? — спросила миссис Джедико.

— Нет, не могу сказать, что читал что-нибудь.

— Тогда вот вам несколько книжек, — вступил в беседу мистер Гамильтон. Он засунул грязную руку во внутренний карман пиджака и вытащил целую горсть листовок и брошюр с загнутыми углами. Он протянул их Саттону.

Саттон робко взял их и положил на пол возле кресла.

— Короче, — проговорил Стивенс, — мы убеждены, что андроидам нужно дать равные права с человеком. Они, в действительности, уже люди по любому признаку, кроме одного.

— Они не могут иметь детей, — выпалила миссис Джедико.

Саттон коротко приподнял свои песочного цвета брови и взглянул, как бы удивляясь, на Стивенса. Тот прочистил горло.

— Совершенно верно, — произнес Стивенс. — Как вы, сэр, вероятно, знаете, они бесплодны абсолютно. Другими словами, человечество может

химически произвести совершенное человеческое тело, но оказалось неспособным решить тайну биологического зачатия. Было сделано много попыток воспроизвести хромосомы и гены, яйцеклетки и сперматозоиды. Но ни одна из них не была успешной.

— Может, когда-нибудь, — сказал Саттон.

Миссис Джедико покачала головой.

— Нам не дано понять всего, мистер Саттон, — ханжески провозгласила она. — Есть власть, которая противостоит нашему познанию всего. Есть...

Стивенс прервал ее.

— Короче, сэр, мы заинтересованы в осуществлении равенства между биологическим человечеством, рожденным человечеством, и человечеством, произведенным химическим путем, которое мы называем андроидами. Мы утверждаем, что они в основном такие же люди, им тоже дано право на общее наследие человечества. Мы первоначальная биологическая человеческая раса, и мы создали андроидов, чтобы поддерживать наше население, чтобы больше было людей для занятия командных пунктов и административных центров, рассеянных по Галактике. Вы, наверное, хорошо осведомлены о том, что единственной причиной того, что мы недостаточно полно контролируем Галактику, является недостаток человеческого руководства.

— Я хорошо осведомлен об этом, — согласился Саттон, а сам подумал: «Неудивительно, что к этой Лиге относятся, как к банде чокнутых. Капризная старая женщина, заикающийся, грязный, неуклюжий человек, космокапитан в отставке, на плечи которого давит груз пережитого и которому больше нечем заняться».

Стивенс говорил:

— Тысячи лет назад рабство было уничтожено между одним биологическим человеком и другим. Но сейчас у нас есть рабство между биологическим человеком и искусственно созданным человеком. Потому что андроидов приобретают. Они не живут как хозяева своей судьбы, но служат по указаниям идентичной формы жизни... идентичной во всем, за исключением того, что одна биологически плодится, а другая — стерильна!

«И это тоже, — подумал Саттон, — конечно, то, что он механически выучил из какой-то книги. Как страховой агент по продаже энциклопедий».

Вслух он сказал:

— Чего же вы хотите от меня?

— Мы хотим, чтобы вы подписали петицию, — сказала миссис Джедико.

— И сделал вклад?

— Право же нет. — Стивенс пожал плечами. — Вашей подписи будет достаточно. Это все, что мы просим. Мы всегда рады получить свидетельство того, что уважаемые люди, думающие мужчины и женщины Галактики видят справедливость нашего требования.

Саттон отодвинул свое кресло и встал.

— Мое имя, — сказал он, — мало известно.

— Нет, мистер Саттон...

— Я одобряю ваши намерения, но скептически отношусь к вашим методам и их исполнению.

Он слегка поклонился всем сидящим в креслах.

— А сейчас я должен пойти пообедать, — сказал он.

Саттон был на полпути в вестибюль, когда кто-то схватил его за локоть. Ашер сердито обернулся. Это был Гамильтон с потрепанной кепкой в руках.

— Вы кое-что забыли, — объяснил он, протягивая листовки, которые Саттон оставил на полу.

8

Селектор на столе Адамса заворчал, и тот нажал кнопку.

— Да, — спросил он, — что такое?

Слова Алисы цеплялись одно за другое.

— То дело, сэр. Дело Саттона.

— Ну и что с делом Саттона?

— Его нет, сэр.

— Кто-нибудь с ним работал?

— Нет, сэр. Не в этом дело. Его украли.

Адамс резко выпрямился.

— Украли?

— Украли, — подтвердила Алиса. — Это верно, сэр. Двадцать лет назад.

— Но двадцать лет...

— Мы проверили охранные донесения. Оно было похищено через три дня после того, как мистер Саттон отправился к 61 Лебедя.

9

Юрист сказал, что его зовут Уэллингтон. Он положил тонкий слой пластикового лака на лоб, чтобы спрятать татуировку, но марка все равно просматривалась, если хорошенько приглядеться. И голос его выдавал андроида.

Он осторожно положил свою шляпу на стол, так же осторожно сел в кресло и положил портфель на колени. Затем он вручил Саттону свернутую бумагу.

— Ваша газета, сэр. Она лежала у дверей. Я подумал, что она может вам понадобиться.

— Спасибо, — поблагодарил Саттон.

Уэллингтон прочистил горло.

— Вы — Ашер Саттон? — спросил он.

Саттон кивнул.

— Я представитель некоего робота, который вам известен под именем Бастера. Вы, может быть, помните его?

— Конечно, помню, ведь он был мне вторым отцом... Поднял меня на ноги, когда мои родители умерли. Он был в моей семье почти четыре тысячи лет.

Уэллингтон откашлялся снова.

— Совершенно верно.

Саттон откинулся в кресле, сжав газету в кулаке.

— Только не говорите мне...

Уэллингтон успокаивающе махнул рукой.

— Нет, с ним ничего не случилось. Точнее, еще не случилось. Не случится, если вы не захотите.

— Что он сделал? — спросил Саттон.

— Он сбежал.

— Господи! Сбежал! Куда?

Уэллингтон неловко поежился в кресле.

— На одну из звезд Тауера, полагаю.

— Но, — запротестовал Саттон, — это же далеко в космосе. Почти на краю Галактики.

Уэллингтон кивнул.

— Он купил себе новое тело и корабль и оснастил его...

— Каким образом? — спросил Саттон. — У Бастера не было денег.

— О нет, были. Деньги, которые он копил, как вы сказали, около четырех тысяч лет. Подачки от гостей, рождественские подарки, то, другое. Это все накапливалось в течение четырех тысяч лет, если поместить это куда следует, знаете...

— Но почему? — спросил Саттон. — Что он намеревается там делать?

— Он выбрал себе на планете участок. Он не скрылся и документировал свой отъезд, так что вы можете его выследить, если хотите. Он воспользовался вашей фамилией, сэр. Это его немного беспокоит. Бастер надеялся, что вы не будете возражать.

Саттон покачал головой.

— Нисколько, — сказал он. — Он имеет право на это имя, такое же право, как и я.

— Так вы не возражаете? — требовал подтверждения Уэллингтон. — Насчет всего этого, я имею в виду. В конце концов он был вашей собственностью.

— Нет, — ответил Саттон, — не возражаю. Но я хотел бы увидеть его снова. Я вызвал старый дом, но ответа не было. Я подумал, что он мог выйти.

Уэллингтон сунул руку во внутренний карман пиджака.

— Он оставил вам письмо, — сказал он, протягивая бумагу.

Саттон взял письмо. На лицевой стороне было написано его имя. Он перевернул письмо, но больше ничего не оказалось.

— Он также оставил на моем попечении старый сундук, — продолжал Уэллингтон. — Предупредил, что в нем хранится несколько старых семейных бумаг, которые для вас могут представлять интерес.

Саттон сидел молча, уставившись перед собой и ничего не видя.

...Тогда возле ворот росла яблоня, и маленький Аш Саттон каждый год ел яблоки, когда они были еще зелеными, и Бастер каждый раз нянчился с ним после этого, а затем надлежащим образом порол, дабы научить его уважать свой обмен веществ... А когда парнишка, живший недалеко, поколотил его по дороге домой из школы, именно Бастер отвел его на задний двор и научил драться головой и руками.

Саттон бессознательно сжал кулаки, вспоминая ту драку: красные ссадины на костяшках пальцев. Тот мальчишка-драчун целую неделю лечил синяк под глазом и стал потом его вернейшим другом.

— Насчет сундука, сэр, — сказал Уэллингтон. — Вам его доставить?

— Да, — ответил Саттон, — если можно.

— Он будет здесь завтра утром.

Андроид взял свою шляпу и поднялся.

— Я хочу вас поблагодарить за своего клиента. Он был убежден, что вы очень верно все рассудите.

— Я не рассудителен, — объяснил Саттон. — Просто справедлив. Он заботился о нас много лет и заслужил свободу.

— До свидания, сэр.

— До свидания. И большое вам спасибо.

Одна из русалок свистнула Саттону. Он сказал ей:

— Однако, моя прелесть, ты делаешь это слишком часто.

Русалка показала ему нос и нырнула в фонтан.

Дверь защелкнулась, Уэллингтон вышел.

Саттон медленно вскрыл конверт и развернул единственную страницу.

«Дорогой Аш, я сходил к мистеру Адамсу, узнал, что надежд на твое возвращение практически нет, но я не поверил ему, потому что уверен — ты вернешься. И именно поэтому я поступаю так. С тех пор, как ты покинул меня, я сам пустился в плавание, так как чувствую себя старым и бесполезным. В Галактике, где было столько работы, я ничего не сделал. Ты говорил мне, что был бы доволен, если бы я просто жил на старом месте и отдыхал. Я знаю, ты всегда был добр ко мне и не продал бы меня ни при каких обстоятельствах, поэтому я делаю то, что, как мне кажется, всегда хотел сделать ты. Я подаю заявку на участок на планете, где сумею что-либо сделать. Я приведу там все в порядок, построю дом, и, может быть, когда-нибудь ты заглянешь навестить меня.

Твой Бастер.

Постскриптум. Если я тебе понадоблюсь, информацию о моем местонахождении ты получишь в переселенческом отделе».

Саттон бережно сложил листок и положил в карман.

Он сидел в кресле, ничего не делал, слушал журчание ручья, который лился на картине, висевшей над камином. Пели птицы, и какая-то рыба плескалась в тихом заливчике около излучины прямо за рамой картины.

«Завтра, — подумал он, — я увижу Адамса. Может, мне удастся выяснить, не он ли виновник того, что со мной случилось. Хотя с какой стати он? Я на него работаю. Я выполняю его приказы».

Он потряс головой. Нет, это не мог быть Адамс. Но кто-то стоит за всем этим. Кто-то, кто охотится на него, кто наблюдал за ним даже сейчас. Он мысленно пожал плечами, подобрал газету и раскрыл ее.

Это была «Галактик Пресс». За все двадцать лет формат ее не изменился. Консервативные колонки старого шрифта бежали вниз по странице, нарушаемые только лаконичными заголовками. Новости Земли начинались в верхнем левом углу первой страницы и продолжались марсианскими и венерианскими новостями, колонкой для андроидов, полутора колонками с лун Юпитера, потом с внешних планет. Новости из остальных частей Галактики находились на внутренних страницах, статья или две о каждом сообщении. Как в земных газетах старого времени, много веков назад.

«И все-таки, — подумал Саттон, разглаживая газету, — это приятный способ получения информации».

Было так много новостей... Новостей из большого количества миров, из многих секторов... человеческие новости, новости андроидов и роботов, чужие новости. Информация была сконцентрированной и сжатой, одно слово выполняло функции сотни слов.

Конечно, были и другие газеты, обслуживающие другие секторы, они давали местные новости более детально. Но на Земле нужно было знать все новости всей Галактики, потому что Земля была столицей всей Галактики, планетой-столицей, которая ничего не производила, ничего не выращивала, которая только управляла. Планета, каждый дюйм которой был декорирован и ухожен, как лужайка перед домом, парк или сад.

Саттон пробежал глазами по колонке Земли. Землетрясение в Восточной Азии. Новое подводное поселение для служащих инопланетян, представителей водных планет. Отправка трех новых звездополетов в сектор 19. Этому было посвящено несколько строк. А потом?

«Ашер Саттон, специальный агент отдела Галактических Исследований возвратился сегодня со звезды 61 Лебедя, на которую был отправлен двадцать лет назад.

Надежду на его возвращение утратили несколько лет назад. Немедленно по прибытии у его корабля была установлена охрана. Так как он уединился в «Гербе Ориона», все попытки получить у него информацию провалились. Вскоре по прибытии он был вызван на дуэль Джефри Бентоном. Мистер Саттон выбрал пистолет и отсутствие церемоний».

Саттон прочитал заметку снова.

«...Все попытки получить...»

Херкимер сказал, что в холле были репортеры и фотографы, а десять минут спустя Фердинанд поклялся, что нет, его никто не ожидал, то есть попыток узнать что-либо не было. Или были? Попытки, которые кто-то аккуратно пресек. Пресечены тем же человеком, кто охотился на него; той же силой, что присутствовала внутри комнаты, когда он перешагнул порог.

Уронив газету на пол, Саттон погрузился в задумчивость.

«Он был вызван одним из выдающихся, если не самым выдающимся дуэлянтом на Земле».

«Старый семейный робот сбежал... или вынужден был сбежать».

«Попытки прессы взять интервью были остановлены... намертво».

Визор замурлыкал ему, и он подпрыгнул.

Вызов.

Первый с тех пор, как он сюда прибыл.

Он перегнулся в кресле и щелкнул выключателем.

Появилось женское лицо. Гранитно-серые глаза и магнолиево-белая кожа, волосы цвета меди.

— Меня зовут Ева Армор, — сказал она, — это я попросила вас подождать у лифта.

— Я узнал вас, — сказал Саттон.

— Я вас вызвала, чтобы извиниться.

— Нет никакой необходимости...

— Нет, мистер Саттон, есть. Вы подумали, что я смеялась над вами, а я вовсе не смеялась.

— Я смешно выглядел. У вас были все основания, чтобы рассмеяться.

— Вы не пригласите меня пообедать? — спросила она.

— Конечно, — ответил Саттон, — буду в восторге.

— Мы устроим славный вечерок, — предложила она.

— С радостью, — согласился Саттон.

— Я встречу вас в холле в семь, — продолжала девушка. — Я не опоздаю.

Визор угас. Саттон напряженно сидел в кресле. Они устроят славный вечерок, сказала она. И он боялся того, что она может оказаться права.

«Они устроят славный вечерок, — сказал он про себя, — и ты будешь счастливчиком, если доживешь до завтра».

10

Адамс молча сидел, рассматривая четырех вошедших в его офис, стараясь выяснить, что у них на уме. Их лица были непроницаемы.

Кларк — инженер-космоконструктор, сжимал в руке записную книжку, лицо его было строгим и суровым. Кларк не дурачился никогда.

Андерсен — анатом, человек крупный и грубоватый, раскуривал труб-

ку, и в эту минуту это было для него, по всей видимости, самой важной вещью во вселенной.

Блекборн, психолог, хмурился, глядя на тлеющий кончик своей сигареты.

А Шаллкросс, эксперт-лингвист, лениво развалился в предложенном кресле, как пустой мешок.

«Они нашли кое-что, — сказал себе Адамс. — Они нашли много, и часть этого запутала их».

— Кларк, — попросил он, — начни ты.

— Мы осмотрели корабль, — сказал Кларк, — я обнаружил, что он не может летать.

— Но он летел, — возразил Адамс, — Саттон привел его домой.

Кларк пожал плечами.

— Он мог с таким же успехом употребить для этого бревно или кусок скалы. Любой из них мог бы послужить для этой цели, лететь так же или лучше, чем эта куча мусора.

— Мусора?

— Двигатели все износились, — объяснил Кларк. — Только автоматы защиты и удерживали его от распыления. Иллюминаторы треснули, некоторые разбиты. Одна из камер оторвана и потеряна. Весь корабль искалечен до неузнаваемости.

— Вы хотите сказать, что он деформирован?

— Он ударился обо что-то, — объяснил Кларк. — Ударился сильно и с большой скоростью. Швы разошлись, переборки погнуты, вся эта штука изуродована. Даже если бы и можно было запустить двигатели, корабль был бы неуправляем. И даже если бы камеры оказались в порядке, нельзя было бы лечь на курс. Если кораблю дали бы какое-либо направление, он вошел бы в штопор.

Андерсен откашлялся:

— Что случилось бы с Саттоном, если бы он был в корабле, когда тот ударился?

— Он бы погиб, — ответил Кларк.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. Даже чудо не спасло бы его. Мы подумали о том же самом, так что мы проверили. Мы наспех состряпали диаграмму и употребили самые консервативные факторы силы, чтобы проверить теоретические эффекты...

Адамс прервал его:

— Но он должен был быть в корабле.

Кларк упрямо потряс головой.

— Если бы это было так, он бы умер. Наши расчеты доказывают, что у него не оставалось ни одного шанса. Если бы сила не убила его, дюжина других причин сделала бы это.

— Саттон вернулся, — подчеркнул Адамс.

Они сердито уставились друг на друга.

Андерсен нарушил молчание:

— Мы не нашли никакого следа. Нечего было и пытаться даже. Саттон ничего не понимал в механике. Совершенно ничего. Я проверил это. У него не было естественного влечения к этому. А чтобы починить атомный двигатель, нужен человек большой эрудиции. Починить, а не построить. А в этой ситуации нужна была полная реконструкция.

Шаллкросс заговорил впервые, мягко и тихо, не изменяя своей удобной позы.

— Может, мы неправильно начали, — сказал он. — Начали с середины. Если бы мы начали сначала, заложили фундамент, мы могли бы лучше понять, что случилось.

Все вопросительно посмотрели на него, недоумевая, что он имел в виду. Шаллкросс, увидев, что все ждут от него продолжения, вновь обратился к Адамсу:

— У вас есть какие-нибудь сведения об этом мире, мире 61 Лебедя, куда уходил Саттон?

Адамс учтиво улыбнулся:

— Мы не уверены. Очень похоже на Землю, возможно. Мы никогда не могли подойти достаточно близко, чтобы узнать точнее. Это седьмая планета 61 Лебедя. Могла быть любая из шестнадцати планет этой системы, но автоматически вычислили, что на седьмой планете наилучшие условия для существования жизни.

Он сделал паузу, осмотрел окружающих — все они ждали продолжения его рассказа.

— 61 Лебедя, — Адамс откашлялся, — наш ближайший сосед. Она была одним из первых Солнц, к которой направился человек, когда вышел за пределы Солнечной системы. С тех пор она была шипом, уязвляющим самолюбие человечества.

Андерсен ухмыльнулся.

— Потому что мы не могли расколоть этот орешек.

Адамс кивнул.

— Верно. Нам мешали неизвестные силы в Галактике, которые утаивают от человека какие-то секреты всякий раз, когда он берется за их исследование. Мы, конечно, встречали множество странных явлений. Например, планетные условия, которых мы до сих пор не встречали. Странные, страшные формы жизни. Экономические системы и психологические концепции, которые ставили нас в тупик и все еще причиняют нам головную боль каждый раз, когда мы о них думаем. Но мы всегда могли, по крайней мере, знать то, что нас превосходило, а с 61 Лебедя это не так. Мы не смогли даже попасть туда. Планеты или покрыты облаками, или экранированы, поэтому мы никогда не видели поверхности ни одной из них. А когда мы приближались к системе на расстояние нескольких миллионов миль, мы начинали скользить, — он посмотрел на Кларка, — это правильное определение, не так ли?

— Для этого нет слова, — ответил ему Кларк. — Но термин «скольже-

ние» подходит так же, как и любой другой. Вас не останавливают и не тормозят, но вас отбрасывают. Как если бы корабль попал на лед, хотя это намного более скользко, чем лед. Что бы это ни было, оно не регистрируется. Никаких сигналов, ничего, что можно было бы увидеть и что оставило хотя бы малейшее мерцание на экранах приборов, но вы входите в это и соскальзываете с курса. Сделаете поправку, соскальзываете снова. В старые времена попытка достичь этой системы и невозможность приблизиться к ней хотя бы на милю ближе какой-то границы, доводила людей до сумасшествия.

— Как будто, — сказал Адамс, — кто-то взял и провел пальцами линию недосягаемости вокруг этой системы.

— Что-то вроде этого, — согласился Кларк.

— Но Саттон проник внутрь, — настаивал Андерсен.

Адамс кивнул.

— Саттон проник внутрь, — повторил он.

— Мне все это не нравится, — признался Кларк. — Мне это совсем не нравится. Кое у кого завихрение в мозгах. Наши корабли слишком большие, говорят они. Если бы мы употребили корабли меньших размеров, мы могли бы проскользнуть внутрь. Как будто то, что нас держит, — сеть или что-то вроде.

— Саттон пробрался, — сказал Адамс упрямо, — его запустили в спасательной шлюпке, и он пробрался. Его маленький корабль пробился там, где наши большие оказались бессильны.

Кларк также упрямо покачал головой.

— В этом нет смысла. Размеры корабля не имеют с этим ничего общего. Где-то есть другой фактор, о котором мы даже никогда не думали. Корабль Саттона прошел внутрь вполне спокойно и разбился, и, если бы Саттон находился в корабле в этот момент, он бы умер. Но он проник не потому, что его корабль был мал, а по другой причине.

Мужчины сидели, напряженно думая, выжидая.

— Почему Саттон? — в конце концов спросил Андерсен.

Адамс тихо ответил:

— Корабль был мал. Мы смогли послать только одного человека и мы выбрали того, который, как мы думали, выполнит задание лучше других, если только проникнет внутрь.

— И Саттон был лучшим?

— Был, — жестко сказал Адамс.

Андерсен дружелюбно произнес:

— Ну, очевидно, был лучшим. Он проник внутрь.

— Или был пропущен внутрь, — уточнил Блекборн.

— Не обязательно, — возразил Андерсен.

— Это же логично предположить, — заспорил Блекборн. — Почему мы хотели попасть в систему 61 Лебедя? Выяснить, опасна ли она. Такова была причина, не так ли?

— Да, причина была такова, — кивнул Адамс. — Все неизвестное по-

тенциально опасно. Его нельзя сбросить со счета до тех пор, пока нет полной уверенности в безопасности. Таковы были инструкции Саттону: выяснить, опасна ли 61 Лебедя.

— Это лишнее доказательство того, что они хотят тоже узнать о нас, — сказал Блекборн. — Мы прощупываем и подсматриваем за ними несколько тысяч лет. Они могут желать получить о нас информацию так же сильно, как мы о них.

Андерсен согласился.

— Я понял, что вы имеете в виду. Они рискнули бы пропустить одного человека, если бы смогли затащить его внутрь, но они не рискнули бы пропустить полностью вооруженный корабль и целую команду на дистанцию боя.

— Точно, — сказал Блекборн.

Адамс резко прервал нить разговора, обратившись к Кларку.

— Ты говорил о контактах. Они были сделаны недавно?

Кларк покачал головой.

— По-моему, как раз двадцать лет назад. Там куча ржавчины. Проводка в некоторых местах размягчилась.

— Ну давайте предположим, — предложил Андерсен, — что Саттон каким-то образом, каким-то чудом узнал, как починить корабль, но даже тогда ему нужны были материалы.

— И много, — подтвердил Кларк.

— Лебедяне могли снабдить его ими, — предположил Шаллкросс.

— Если лебедяне существуют, — усмехнулся Андерсен.

— Я не верю в то, что они смогли бы, — сказал Блекборн. — Цивилизация, которая прячется за экраном, не машинная. Если бы они строили машины, то вышли бы в космос, вместо того чтобы отгораживаться от пространства. Я предполагаю, что лебедяне не техническая раса.

— А экран? — напомнил Андерсен.

— Он необязательно технического происхождения, — вяло произнес Блекборн.

Кларк хлопнул ладонью по столу.

— Что за польза от этих размышлений? Саттон не чинил этот корабль. Он привел его домой как-то без починки. Он даже не старался реставрировать его. На всем лежит покров пыли и ни следа гаечного ключа.

Шаллкросс наклонился вперед.

— Я не понимаю одного, — сказал он. — Кларк говорит, что некоторые иллюминаторы были разбиты. Это означает, что Саттон пролетел одиннадцать световых лет без всякой защиты.

— Он использовал скафандр, — ответил Блекборн.

— На нем не было скафандра, — тихо возразил Кларк. Он оглядел комнату, как бы боясь, что кто-то вне их маленького кружка мог его слышать. Он понизил голос: — И это не все. У него не было ни пищи, ни воды.

Андерсен выколотил трубку о ладонь, и глухой звук эхом откликнулся

в комнате. Бережно, сосредоточенно, как бы желая сконцентрироваться на этом, он сбросил пепел в пепельницу.

— Может, у меня есть ответ на это, — сказал он, — по крайней мере, ключ. Предстоит еще много работы, прежде чем мы дадим ответ. Да и тогда мы не сможем быть полностью уверены.

Он неподвижно сидел в кресле, зная, что все смотрят на него.

— Я не решаюсь высказать то, что у меня на уме, — продолжал он.

Никто не проронил ни слова.

Часы на стенке отсчитывали секунды.

Далеко снаружи за открытым окном в тишине дня трещала цикада

— Я не думаю, — вновь нарушил молчание Андерсен, — что этот человек — человек.

Часы все тикали. Цикада продолжала трещать.

Наконец заговорил Адамс:

— Но отпечатки пальцев подтвердили. И сетчатка тоже.

— О, это точно Саттон, — объяснил Андерсен. — И в этом нет сомнений. Саттон снаружи. Саттон во плоти. То же тело или, во всяком случае, часть того же тела, которое покинуло Землю двадцать лет назад.

— На что вы намекаете? — спросил Кларк. — Если он тот же — он человек.

— Возьмите старый корабль, — продолжал Андерсен, — и полностью подновите его. Добавьте приспособление там, другое тут, ликвидируйте одно, модернизируйте другое. Что у вас получится?

— Перестроенная конструкция, — ответил Кларк.

— Это как раз нужная мне фраза, — объявил Андерсен. — Кто-то или что-то сделали то же самое с Саттоном. Он — перестроенная конструкция и самая лучшая человеческая конструкция, которую я когда-либо видел. У него два сердца, и его нервная система расстроена... ну, не расстроена... но другая. Несомненно, не человеческая. И он обладает дополнительной циркуляционной системой. Может, не циркуляционная, но так она выглядит. Только она не связана с сердцем. Именно сейчас она не работает. Это запасная система. Одна система работает, и ее можно переключить на другую, пока первая чинится.

Андерсен убрал трубку в карман и крепко потер руки, как бы вытирая их.

— Ну вот, — сказал он, — теперь вам ясно?

Блекборн пробормотал:

— Но это же невозможно.

Андерсен, очевидно, не расслышал его, но тем не менее как бы ответил ему:

— Мы фиксировали Саттона почти целый час, и мы отсняли каждый дюйм его тела. Проанализировать материал такого объема — для этого необходимо время. Мы еще не закончили. Но в одном мы потерпели неудачу. Мы применили психометр, но он ничего не показал. Ни проблеска мысли. Ни крошки утечки информации. Его ум был закрыт, плотно заперт.

— Какой-нибудь дефект с прибором? — спросил Адамс.

— Нет, — ответил Андерсен, — «психо» был в порядке.

Он осмотрел собравшихся одного за другим.

— Может, вы не понимаете, что это означает? — спросил он. И начал разъяснять: — Когда человек спит или принял наркотики, или в любом другом случае, когда он без сознания, психометр может вывернуть его наизнанку. Он раскопает такие вещи, о которых человек, придя в сознание, клянется, что не помнит, не знает. Даже когда человек сопротивляется, определенная утечка информации существует, и она увеличивается, в то время как умственное сопротивление ослабевает.

— Но с Саттоном это не сработало, — сказал Шаллкросс.

— Верно, не сработало. Говорю вам, этот человек — не человек.

— И вы думаете, что он достаточно отличается от нас физически, чтобы жить в космосе, жить без воды и пищи?

— Не знаю, — ответил Андерсен. Он облизнул губы и огляделся по сторонам, как дикое животное, ищущее путь к спасению. — Я не знаю, — проговорил он, — просто не знаю.

Адамс мягко заговорил:

— Мы не должны падать духом, что-нибудь инопланетное нам не страшно. Это могло быть страшным, когда первые люди вышли в космос, но сегодня...

Кларк нетерпеливо прервал его:

— Сами по себе чужие вещи меня не беспокоят. Но когда человек становится чужаком...

Он сглотнул ком в горле и обратился к Андерсену:

— Как вы думаете, он может быть опасен?

— Возможно, — ответил Андерсен.

— Даже если так, он не сумеет причинить нам большого вреда, — предположил Адамс. — Его номер просто нашпигован следящей аппаратурой.

— Есть какие-нибудь донесения? — поинтересовался Блекборн.

— Только в общих чертах. Ничего особенного. Саттон бездельничает. Имел несколько вызовов. Последний сделал сам. Был у него посетитель или два.

— Он знает, что за ним наблюдают, — предположил Кларк, — он просто прикидывается.

— Ходят слухи, — продолжал Блекборн, — что Бентон вызвал его на дуэль.

Адамс кивнул:

— Ага, вызвал. Аш старается отвертеться... не похоже, чтобы он был опасен.

— Может, Бентон закроет эту проблему? — почти с надеждой произнес Кларк.

Адамс тонко улыбнулся:

— Мне почему-то кажется, что Аш провел этот день, придумывая грязную штучку для мистера Бентона.

Андерсен выловил трубку из своего кармана и набил ее. Кларк ощупывал карманы в поисках сигарет.

Адамс поглядел на Шаллкросса:

— У вас что-то есть, Шаллкросс?

Эксперт-лингвист кивнул:

— Но это не слишком шикарно. Мы открыли портфель Саттона и нашли манускрипт, сфотографировали его и положили точно на прежнее место. Но пока фото ничего не дало. Мы не можем прочесть ни слова.

— Код? — спросил Блекборн.

Шаллкросс покачал головой.

— Если бы это был код, наши ребята расшифровали бы его. Но это не код. Это язык. А пока нет ключа, язык расшифровать нельзя. Мы, конечно, проверили. — Шаллкросс мрачно улыбнулся. — Вплоть до старых языков Земли... вплоть до Вавилона и Крита... Мы точно проверили каждый «лингo» в Галактике. Ни один и близко не подошел.

— Язык, — сказал Блекборн. — Новый язык. Это означает, что Саттон нашел что-то.

— Естественно, — подтвердил Адамс, — он мой лучший агент.

Андерсен беспокойно пошевелился в кресле.

— Вам нравится Саттон? — спросил он. — Лично вам Саттон нравится?

— Да, — ответил Адамс.

— Адамс, — обратился Андерсен, — я вот все удивляюсь... Меня с самого начала поразило одно... Вы знали, что Саттон возвращается. Знали почти до минуты, когда он прибудет, и устроили для него ловушку. Как это вышло?

— Просто предчувствие, — ответил Адамс.

Довольно долго они, четверо гостей, сидели, смотря на Адамса. Потом они поняли, что он больше ничего говорить не собирается. Все поднялись, чтобы оставить Адамса одного.

11

По комнате плыл женский смех, резкий и даже несколько искусственный.

Свет неожиданно изменил окраску с сумеречно-голубоватого апрельского на лиловый — сумасшедший, и комната превратилась в иной мир, который существовал в тишине, совсем не похожей на молчание. С легким ветерком, который прикасался к щеке ледяным дыханием, пришел запах, запах чужой земли, земли ужаса, перехватывающего дыхание.

Пол качнулся под ногами Саттона, и он почувствовал, как кулачок Евы вонзился в его руку.

ЗАГ обратился к ним, и слова его оказались мертвыми и глухими звуками, падающими из ссохшейся оболочки.

— Итак, чего вы хотите? Здесь вы живете жизнью, которую жаждете, находите любое убежище. Владеете тем, о чем мечтаете.

— Есть такой ручей, — произнес Саттон. — Маленький ручей, бежавший...

Свет изменился на зеленый, волшебно-зеленый, мерцающий тихой мягкой жизнью, бьющей через край вселенной жизнью и ощущением чего-то происходящего. Появились деревья, окаймленные ореолом мерцающей, расцелованной солнцем зелени, первых распускающихся почек.

Саттон пошевелил пальцами ног и почувствовал под ними траву, нежную травку весны, и ощутил запах луговых трав, которые почти не пахнут... и более резкий запах турецкой гвоздики, цветущей на холме за ручьем. Он сказал сам себе: «Слишком рано цветет гвоздика».

Ручеек булькал, пробегал по гальке вниз, к Большой Диоре, и Саттон рванулся вперед по луговой траве, плотно сжав в одной руке тростниковую удочку, а в другой — банку с червями.

Певчий дрозд мелькнул между ветвями деревьев, окружавших обрывистый берег по ту сторону ручья, а малиновка пела в ветвях могучего вяза, росшего над рекой. Саттон нашел размытое в обрыве место, похожее на стул, спинкой которому служил корень вяза, сел на него и наклонился так, чтобы заглянуть в воду. Течение казалось сильным, а поток воды темным и глубоким, он закручивался водоворотом дальше, булькая и бурля с огромной силой.

Саттон сделал вдох и затаил дыхание, сдерживая нетерпение. Дрожащими руками он нашел самого большого червя, выдернул его из банки и наживил крючок.

Задыхаясь, он закинул крючок в воду и прочел про себя заклинание, чтобы рыбалка удалась. Поплавок поплыл по кружащемуся спуску воды, покачался в маленьком водовороте, затем дернулся, почти исчез, выскочил на поверхность и поплыл снова. Саттон, напряженный, наклонился вперед, и руки ныли от ожидания, но он все равно чувствовал прелесть дня, мир, полный спокойствия, свежесть утра, мягкую теплоту солнца, синеву неба и белизну облака. Вода будто разговаривала с ним, и Саттон почувствовал, что становится частью чистого светлого состояния, состоящего из холмов и течения ручья, луга и земли, облаков, неба и солнца.

Поплавок стремительно ушел вглубь! Саттон сделал подсечку и ощутил вес пойманной рыбы. Она проплыла в воздухе над его головой и шлепнулась на землю позади него. Он бросил удилище, вскочил на ноги и побежал.

В траве блестел голавль, Саттон схватил леску и приподнял его. Голавль был громадным: длиной добрых восемь дюймов.

Всхлипывая от возбуждения, Саттон упал на колени и схватил рыбу, освобождая крючок пальцами, которые дрожали и не слушались его.

— Восьмидюймовый для начала, — сказал он, обращаясь к небу и потоку, лугу и облаку. — Может быть, каждая, которую я поймаю, будет такой же большой. Может, я поймаю целую дюжину, и все будут длиной в восемь дюймов, может, некоторые будут и больше, может...

— Хэлло? — произнес детский голос.

Саттон, все еще стоя на коленях, обернулся назад. Около него стояла маленькая девочка, и Саттону на секунду показалось, что он видел ее где-то раньше. Но затем он понял, что она незнакомка, и немного нахмурился, потому что девчонки были только помехой во всем, что касается рыбалки. Он надеялся, что она не задержится. От девчушки можно было ожидать, что она начнет слоняться вокруг и испортит ему весь день.

— Я... — сказала она, назвав далее имя, которое он не расслышал, так как девчушка немного шепелявила.

Он не ответил.

— Мне восемь лет, — сообщила она.

— А я Ашер Саттон! — ответил он ей. — И мне десять... скоро будет одиннадцать.

Она стояла и глазела на него, нервно перебирая одной рукой узорчатый передник. Передник был чист и накрахмален, очень строгий и аккуратный, и она сжимала его своими нервными пальцами.

— Я ужу рыбу, — сказал Саттон, стараясь не показаться слишком важным, — и я только что поймал голавля.

Вдруг он увидел, как ее глаза внезапно расширились от ужаса при виде чего-то за спиной. Он круто развернулся, успев подняться и скользнув рукой в карман своего пиджака.

Все вокруг стало лилово-серым, резко звучал пронзительный женский смех, а перед ним было лицо... лицо, которое он уже видел в этот день и никогда не забудет.

Полное и интеллигентное лицо, от которого даже сейчас исходило чувство товарищества, несмотря на смертоносный прищур, несмотря на револьвер, уже качнувшийся вверх в волосатом, пухлом кулаке.

Саттон почувствовал, что его пальцы коснулись рукоятки пистолета, сжались вокруг нее и дернули из кармана. Но он опоздал, чтобы опередить плевок пламени из оружия, владелец которого имел преимущество в несколько десятков секунд.

Гнев вспыхнул в нем, холодный, отчаянный, смертельный гнев. Гнев на пухлый кулак, на улыбающееся лицо, которое могло улыбаться за шахматной доской или из-за револьвера. Улыбка эгоцентриста, который старается победить робота, предназначенного для игры в шахматы, эгоцентриста, который верит, что может пристрелить Ашера Саттона. Этот гнев был чем-то большим, он перерос в ярость. Она была велика, и уничтожающе действовала, сильнее, чем адреналин в крови человека. Она стала частью Саттона и чем-то большим, чем он сам, большим, чем смертное создание из плоти и крови, которое казалось Ашером Саттоном. Ужас, вынырнувший из его нечеловечья.

Лицо перед ним таяло, или так ему показалось. Оно изменилось, и Саттон почувствовал, как гнев покинул его мозг и словно пуля вонзился в сла-

беющую личность, которая была Джефри Бентоном. Револьвер Бентона громко кашлянул, и вспышка, вырвавшаяся из дула, показалась кроваво-красной в лиловом свете. Потом Саттон почувствовал глухой удар своего револьвера в запястье, когда он сам нажал на спусковой крючок.

Бентон падал, наклонившись вперед, сгибаясь посередине, словно от расстройства желудка. Перед Саттоном промелькнуло матово-бледное лицо и скрылось из виду.

Он успел разглядеть на нем удивление, боль и смертельный всепобеждающий страх: черты лица были искажены и не похожи на человеческие.

Звуки выстрелов заставили всех замолчать в ослепительном свете. Вился только пороховой дым. Саттон увидел белые шары лиц, уставившихся на него. В них ничего не выражалось, хотя у некоторых рты были открыты.

Он почувствовал, что его держат за локоть, и пошел, направляемый чьей-то рукой. Внезапно Саттон обмяк и вздрогнул, гнев ушел, и он сказал:

— Я только что убил человека.

— Быстро, — услышал он голос Евы Армор. — Мы должны убраться отсюда. Они сейчас все здесь окружат. Целая толпа.

— Это были вы, — еле слышно выдохнул Саттон. — Я сейчас вспомнил. И сначала не понял имени. Вы его пробормотали... или, наверное, вы пришептывали, и я его не расслышал.

Девушка дернула его за руку.

— Они поставили Бентону условия. Они думали, это все, что нужно. Они и не предполагали, что вы можете драться на дуэли с ним на равных.

— Вы были той замечательной девчонкой, — серьезно продолжал Саттон. — На вас был клетчатый передник, и вы все мяли его, как будто нервничали.

— О чем вы говорите?

— Ну, я рыбачил. И только что поймал огромную рыбину, когда вы подошли к...

— Вы сошли с ума, — возмутилась девушка. — И ничего вы не рыбачили. — Она толчком распахнула дверь и вытолкнула его наружу: прохладный воздух ночи ударил ему в лицо.

— Постойте-ка секунду! — воскликнул Ашер. Он повернулся на каблуках и резко схватил руки девушки в свои. — Они? — заорал он ей в лицо. — О чем вы говорили? Кто они?

Она уставилась на него широко открытыми глазами.

— Вы хотите сказать, что не знаете?

Он озадаченно покачал головой.

— Бедный Аш, — пробормотала она.

Ее медного цвета волосы были пламенно-красного оттенка, блестящи-

ми и живыми в мигании надписей, которые вспыхивали и гасли над ДОМОМ МАГА или ЗАГА:

МЕЧТЫ ПО ЗАКАЗУ.
ЖИВИТЕ ЖИЗНЬЮ, КОТОРУЮ ВЫ УПУСТИЛИ.
ПРИДУМАЙТЕ ЧТО-НИБУДЬ ПОТРУДНЕЕ.

Швейцар-андроид мягко обратился к ним:

— Вы хотите машину, сэр?

Как только он это проговорил, автомобиль сразу же появился, гладко и тихо скользя по дороге, как черный жук, вылетевший из ночи. Швейцар протянул руку и широко распахнул дверцу.

— Главное — быстро, — произнес он.

Что-то в этом голосе, мягком, непонятном тоне заставило Саттона двигаться. Он шагнул внутрь и втащил за собой Еву. Андроид захлопнул дверцу, Саттон нажал на акселератор, и автомобиль, взревев двигателем, устремился по изгибающейся дорожке, скользнул на автостраду, заворчал с внезапной нетерпеливостью, устремившись по длинной дороге к холмам.

— Куда? — спросил Ашер.

— Назад в «Герб», — ответила девушка. — Они не осмелятся искать вас там. Ваша комната оснащена лучами.

Саттон кивнул.

— Я должен быть осторожным, а то о них споткнусь. Но откуда вы знаете?

— Это моя работа.

— Друг или враг?

— Друг, — ответила она.

Он повернул голову и внимательно посмотрел на нее. Девушка сгорбилась на сиденье, и была маленькой девчонкой... только на ней не было передничка и она не нервничала.

— Не думаю, что есть смысл вас расспрашивать.

Она покачала головой.

— А если бы я начал, вы бы, наверное, мне солгали.

— Если бы я захотела.

— Я мог бы выбить из вас правду.

— Могли бы, но не сделаете этого. Понимаете, Аш, я вас очень хорошо знаю.

— Вы меня только вчера встретили.

— Да, это так, но я изучала вас двадцать лет.

Саттон захохотал.

— Вы обо мне вовсе не думали. Вы просто...

— Я. Аш...

— Да?

— Я думаю, что вы замечательный.

Он бросил на нее быстрый взгляд. Ева все время сидела в углу сиденья, и ветер перебирал пряди ее волос, тело ее было мягким, лицо светилось.

«И все же, — подумал Ашер, — и все же...»

— Это очень мило с вашей стороны. Я мог бы вас за это поцеловать?

— Вы можете поцеловать меня, Аш, когда захотите.

Удивившись на секунду, он притормозил машину и поцеловал ее.

12

Сундук прибыл утром, когда Саттон заканчивал завтрак.

Сундук был стар и потрепан, древняя обивка из сыромятной кожи висела клочьями, обнажая скелет из испорченной стали, тут и там покрытой ржавчиной. Ключ оказался в замке, и ремни крепления были развязаны. Мыши совсем съели кожу на одном конце.

Саттон вспомнил его: это тот самый сундук, который стоял в дальнем углу чердака еще во время его детства, и мальчишкой он ходил туда играть, когда лил дождь.

Саттон аккуратно взял сложенный номер «Галактик Пресс», который принесли за завтраком, и развернул его.

Статья, которую он искал, была на первой странице, третьим пунктом в колонке известий Земли:

«Мистер Джефри Бентон убит прошлой ночью на неофициальной дуэли в одном из центров развлечений в районе университета. Победителем оказался Ашер Саттон, только вчера возвратившийся из полета к 61 Лебедя».

Последнее предложение было самым позорным из того, что можно было написать о дуэлянте:

«Мистер Бентон выстрелил первым и промахнулся».

Саттон снова сложил газету и положил ее на стол. Он зажег сигарету.

«Я думал, что погибну, — сказал он себе, — я никогда раньше не стрелял из такого оружия... едва знал, что такое существует, хотя читал о нем. Но я не интересовался дуэлями, а только дуэлянты, коллекционеры и антиквары знают о древнем оружии. Конечно, не я на самом деле убил его, Бентон сделал это сам».

Если бы он не промахнулся, а причины промахнуться у него не было, статья читалась бы совсем по-другому:

«Мистер Ашер Саттон убит прошлой ночью на дуэли...»

Саттону вспомнились и вчерашние слова девушки: «Мы устроим славный вечерок. (А она могла об этом знать!) Мы поужинаем и организуем приятный вечерок, и Джефри Бентон убьет тебя в ДОМЕ ЗАГА».

«Да, — подумал Аш, — она могла знать. Она знает слишком много. Например, о ловушках-шпионах в моей комнате. И о ком-то, кто заставил Бентона вызвать меня и попытаться убить. Она ответила «друг», когда я спросил ее «друг» или «враг». Но слово легко произнести, и невозможно узнать, правдиво ли оно.

Девушка сказала, что изучала меня двадцать лет, это, конечно, ложь, потому что двадцать лет назад я отправился к 61 Лебедя, и ни для кого,

ровным счетом ни для кого на Земле я не представлял особого интереса. Просто шестеренка огромной машины. И до сих пор моя жизнь важна только для меня и для осуществления той великой идеи, о которой ни один человек на этой планете не может ничего знать. Даже если рукопись сфотографирована — это не имеет значения, так как прочесть ее никто не сумеет.

Она сказала «друг» и знала, что Бентона заставили вызвать меня и убить, но позвала меня и назначила сражение за обедом.

Слова-то произносить легко. Но, кроме слов, существуют и другие вещи, которые не так легко исказить, сделать правдоподобными. Например, ее губы были такими нежными под моими губами, а кончики пальцев так ласково скользили вдоль моей щеки.

Он ткнул сигарету в пепельницу, поднялся и подошел к сундуку. Замок заржавел, и ключ повертывался с трудом, но в конце концов он открыл его и поднял крышку.

Сундук был наполовину заполнен очень аккуратно сложенными бумагами. Глядя на них, Саттон хмыкнул. Бастер оказался довольно методичным. Ну да, если уж на то пошло, все роботы методичны. Такова их природа. Методичны... и что там Херкимер сказал? Упрямы — вот что. Методичны и упрямы.

Саттон присел на корточки около сундука и осмотрел его содержимое. Старые письма, аккуратно связанные в пачки. Его старая тетрадка времен колледжа. Связки скрепленных вместе документов, которые, вне всякого сомнения, устарели. Альбом для наклеивания с лежащими в беспорядке вырезками, которые так и не были никогда приклеены. Наполовину заполненный альбом с дешевой коллекцией марок.

Саттон откинулся на пятки и стал любовно перевертывать страницы альбома, чувствуя, как возвращается детство. Марки дешевые, потому что у него не было денег купить получше... Марки кричащие — они его притягивали. Большинство в плачевном состоянии, но было время, когда они казались чудесными.

Мрачное сумасшествие, вспомнил он, продолжалось два года, самое большее три. Он сидел над каталогами, заключал сделки, покупал дешевые пакеты, научился странному жаргону этого хобби: перфорированные, неперфорированные, тени, водяные знаки, глубокая печать...

Ашер тихо улыбнулся, вспоминая то счастье. Были такие марки, которые он хотел, но никогда не мог купить, и он изучал их изображение до тех пор, пока не узнавал каждую наизусть. Он поднял голову и уперся взглядом в стену, пытаясь вспомнить, на что некоторые из них похожи. Но воспоминания не приходили. То, что было когда-то самым важным, оказалось похороненным под более чем пятьюдесятью годами других, более важных дел.

Он отложил альбом в сторону и снова принялся за сундук.

Еще тетради и письма. Отдельные вырезки. Странно выглядевший гаечный ключ. Хорошо обглоданная кость, которая, наверное, когда-нибудь

была собственностью и утешением какой-нибудь горячо любимой, а сейчас забытой семейной собаки.

«Мусор, — подумал Саттон. — Бастер мог сэкономить кучу времени, если бы просто сжег это».

Пара старых газет. Вымпел. Объемистое письмо, которое никогда не было распечатано.

Саттон бросил его сверху на остальной мусор, который он вынул из сундука, потом помедлил, протянул руку и взял его.

Марка выглядела странно, особенно поражал ее цвет.

Память затикала в мозгу, и он увидел эту марку снова, увидел так, как видел ее, когда был мальчишкой... не саму марку, конечно, а ее изображение в каталоге.

Саттон наклонился над письмом и внезапно у него захватило дыхание. Марка была стара, невероятно стара и стоила... о, господи, сколько же она стоила? Он попытался разобрать почтовый штемпель, но тот настолько выцвел от времени, что расплывался в его глазах.

Саттон медленно встал и отнес письмо к столу, наклонился над ним, разглядывая название города.

БРИДЖ...БИС

Бриджпорт, наверное, а БИС? Какое-то старое государство, может быть, какое-нибудь старое политическое подразделение, потерянное в тумане времени.

ИЮЛЬ...198...

Июль, тысяча девятьсот восемьдесят какой-то год.

Шесть тысяч лет тому назад!

Рука Саттона задрожала.

Нераспечатанное письмо, отправленное шестьдесят веков назад!

Заброшенное в эту кучу мусора, лежащее бок о бок с обгрызенной костью и идиотским гаечным ключом.

Нераспечатанное письмо... и с маркой, которая стоит целое состояние. Саттон снова прочитал штемпель. «Бриджпорт... Бис... или Вис»? «Июль»... похоже на 22... «22 июля 198...». Недостающая цифра года слишком выцвела, чтобы ее можно было разобрать. Вероятно, с хорошей лупой это удалось бы сделать.

Адрес, поблекший, но еще читаемый, гласил:

МИСТЕР ДЖОН К. САТТОН

БРИДЖПОРТ

ВИСКОНСИН.

Так значит, это «Вис», означает Висконсин.

А имя — Саттон.

Что сказал этот андроид-юрист от Бастера?

Полный сундук фамильных бумаг.

«Надо будет заглянуть в историческую географию, — подумал Саттон. — Надо будет найти, где был этот Висконсин. Но Джон К. Саттон? Это другое дело. Просто еще один Саттон. Тот, кто был пылью все эти годы. Человек, который иногда забывал вскрывать свою почту».

Ашер перевернул письмо и посмотрел на клапан. Клей рассыпался от старости, и, когда она провел ногтем вдоль одного угла, клейкое вещество высыпалось порошком. Бумага, как он заметил, стала хрупкой, и с ней надо было обращаться осторожно.

«Полный сундук фамильных бумаг», — сказал андроид, когда зашел в его комнату и очень проворно уселся на краешек стула, положив папку точно на середину стола.

А на самом деле это был полный сундук мусора. Кости, гаечные ключи, скрепки да вырезки. Старые тетради и письма, письмо, запечатанное шесть тысяч лет назад и никогда не открывавшееся.

Знает ли Бастер о письме? Но, спрашивая себя об этом, Саттон понял уже, что Бастер знает.

И он старался спрятать его... и сумел. Он забросил его сюда вместе со всякой всячиной, хорошо зная, что его найдут, но найдет только тот человек, для которого оно было предназначено. Потому что сундук выглядел так, что не привлек бы ничьего внимания. Он был стар и потрепан, и ключ торчал в замке, и вид его как бы говорил: во мне ничего нет, но если угодно потратить время, что ж, давай, смотри. И даже если бы кто-то посмотрел, ему этот хлам показался бы тем, чем был, за одним исключением... никчемной грудой изношенных сантиментов.

Саттон протянул палец и постучал по объемистому пакету письма, лежащему на столе.

Джон К. Саттон, предок, живший несколько тысяч лет назад. Его кровь бежит в моих жилах, хоть и сильно разбавленная. Но он был человек, который жил, дышал и умер, который видел рассвет над земными висконсинскими холмами... если в Висконсине, где он жил, есть холмы.

Он чувствовал жару лета и дрожал от холода зимы. Читал газеты и разговаривал о политике с соседями. Беспокоился о многом, большом и малом, преимущественно о малом, как это бывает.

Ходил рыбачить на речку в нескольких милях от дома и, наверное, копошился в своем саду в преклонные годы, когда было мало работы.

Такой же человек, как и я, хотя есть маленькое различие. У него был аппендикс, который мог причинить беспокойство; у него были зубы мудрости, которые тоже могли причинять хлопоты. И наверное, он умер в восемьдесят лет или вскоре после того, хотя запросто мог умереть и раньше. И когда мне стукнуло восемьдесят, я был еще в самом расцвете сил.

Но наверняка у предка были и преимущества. Джон К. Саттон жил ближе к земле, потому что земля была всем, что он имел. Ему не досаждала чужая психология, и Земля была местом обитания, а не местом управления, где ничто не произрастает для экономической выгоды, ни од-

но колесо не провернется с экономической целью. Он мог выбрать дело своей жизни из всей обширной области человеческих отношений вместо насильственного помещения на государственную службу, в работу по управлению шаткой громадиной Галактической империи.

И где-то еще, ныне потерянные, были Саттоны до него и после него, тоже забытые, много Саттонов. Цепь жизни ровно бежит от одного поколения к другому, ни одно из звеньев не выдается, разве что иногда случайно... случайность в истории или случайность по вине почты.

Звякнул дверной колокольчик, и Саттон, испугавшись, схватил письмо и сунул его во внутренний карман пиджака.

— Войдите, — крикнул он.

Это был Херкимер.

— Доброе утро, — сказал он.

Саттон свирепо посмотрел на него.

— Что тебе нужно? — спросил он.

— Я принадлежу вам, — вежливо ответил Херкимер. — Я та ваша треть собственности Бентона...

— Моя треть... — проговорил Саттон, и тут он вспомнил.

Таков был закон. Ему же говорили, если кто-то убил другого на дуэли, он наследует одну треть собственности мертвеца. Был такой закон, который он забыл.

— Я надеюсь, вы не возражаете, — проговорил Херкимер. — Со мной легко ужиться, я очень быстро обучаюсь всему и люблю работать. Я могу готовить, шить, выполнять поручения, читать и писать.

— И следить за мной.

— О нет, я бы никогда этого не сделал.

— Почему же нет?

— Потому что вы — мой хозяин.

— Посмотрим, — кисло сказал Саттон.

— Но я — это не все. Есть и еще кое-что, — объяснил Херкимер. — Есть астероид, охотничий астероид, оснащенный лучшей дичью, и космический корабль, маленький — это верно. Но очень неплохой. Еще несколько тысяч долларов, и поместье на западном берегу, какое-то рискованное планетарное предприятие, множество мелочей, слишком малоценных для упоминания.

Херкимер залез в карман и вынул оттуда тетради.

— У меня все они записаны, если хотите послушать.

— Не сейчас, — отмахнулся Саттон, — у меня есть еще работа.

Херкимер просиял.

— Что я могу сделать для вас? В чем могу помочь?

— Ни в чем пока, — ответил Саттон. — Я собираюсь повидать Адамса.

— Я бы мог нести ваш портфель — вон тот.

— Я не беру портфель.

— Но, сэр...

— Ты сейчас сядешь, сложишь руки и будешь ждать, пока я не приду.

— Я попаду в беду, — предупредил андроид. — Я точно знаю, что попаду.

— Ну тогда ладно. Кое-что ты можешь сделать. Тот портфель, о котором ты говорил, можешь его стеречь.

— Да, сэр, — разочарованно произнес Херкимер.

— Девушка по имени Ева Армон живет в этом отеле. Знаешь о ней что-нибудь?

Херкимер покачал головой.

— Но у меня есть кузина...

— Кузина?

— Ну да, кузина. Она была сделана в той же лаборатории, что и я, и потому она мне двоюродная сестра.

— В таком случае у тебя пропасть братьев и сестер.

— Да, — согласился Херкимер. — Много тысяч. И мы держимся вместе. Что является, — ханжески добавил он, — образцом родственных связей.

— Ты думаешь, что кузина может что-нибудь узнать?

Херкимер кивнул.

— Она работает в этом отеле, и способна мне кое-что рассказать.

Андроид выдернул из кипы бумаг, лежащих на столе, листок.

— Я вижу, сэр, — сказал он, — что они и к вам пробрались.

— О чем ты говоришь? — сердито спросил Саттон.

— Из Лиги равенства, — объяснил Херкимер. — Они поджидают любого, кто имеет какой-то вес в обществе. Они составили петицию.

— Да, — подтвердил Саттон. — Точно, они говорили что-то о петиции. Хотели, чтобы я ее подписал.

— И вы не сделали этого?

— Нет, — коротко ответил Саттон. Он пристально посмотрел на Херкимера. — Ты — андроид, — сказал он грубовато. — Я думаю, ты им симпатизируешь.

— Сэр, — объяснил Херкимер, — они могут иметь в виду только хорошее, но действуют неправильно, просят благотворительности, жалости для нас. Но нам не нужны милосердие и жалость.

— А что вам нужно?

— Чтобы нас считали равными человеку, — ответил Херкимер. — Но считали бы не по особому указанию, не из-за человеческой терпимости...

— Я понимаю... — серьезно отреагировал Саттон. — Думаю, что уяснил еще тогда, когда они меня поймали в холле. Не будучи способным выразить это словами...

— Дело обстоит так, сэр, — спокойно объяснил Херкимер. — Человеческая раса создала нас. Вот что нас гложет. Они сделали нас точно с такими целями, с какими фермер выращивает свой скот. Они делают нас для какой-то цели и для нее же и употребляют. Они могут быть добры к нам, но за этой добротой стоит жалость. Они не могут разрешить нам самим

использовать свои способности. У нас нет врожденного притязания на основные права человека. Мы...

Он сделал паузу, яркий свет в его глазах потух, лицо разгладилось.

— Я вам надоедаю, сэр? — спросил он.

Саттон резко заговорил:

— В этом я твой друг, Херкимер. Не забывай этого ни на мгновение. Я твой друг и доказал это заранее, не подписав петицию Лиги.

Ашер стоял, уставившись на андроида.

«Дерзкий и скрытный, — подумал он. — И это мы их такими сделали. Вместе с печатью на лбу, на них лежит печать рабства».

— Можешь быть спокоен, — заверил он Херкимера, — я вас не жалею.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Херкимер, — от всех нас благодарю.

Саттон повернулся к двери.

— Бентон промахнулся, — сказал он, — я не мог не убить его.

Херкимер кивнул.

— Но дело не только в этом, сэр. В первый раз я услышал, что человека можно убить пулей в руку.

— В руку?

— Совершенно верно, сэр. Пуля попала ему в руку, и больше его нигде не задело.

— Он был мертв, не так ли?

— О, да, — подтвердил Херкимер. — Мертв.

13

Адамс нажал на клапан зажигалки и подождал, пока пламя выровняется. Он не отрывал жесткого взгляда от Саттона, но чувствовал себя неуверенно, ощущая слабость и раздражительность одновременно, хотя и пытался это скрыть.

«Этот неотрывный взгляд, — подумал Саттон, — его старый трюк. Он свирепо смотрит на тебя, с каменным как у сфинкса лицом, и, если ты не привык к нему и ко всем его штучкам, он может заставить тебя поверить, что он — Господь Всемогущий. Да только этот свирепый взгляд не всегда теперь хорошо у него получается, не то что раньше. В нем чувствуется напряжение, которого не было двадцать лет назад. Была только твердость. Гранит. А сейчас гранит начинает выветриваться.

Он хочет что-то сказать. Что-то, отчего ему не по себе».

Адамс провел зажигалкой по набитой чашечке трубки взад и вперед, не спеша обдумывая свои слова, заставляя Саттона ждать.

— Вы, конечно, знаете, — начал Саттон медленно, — что я не могу быть с вами откровенным.

Пламя зажигалки исчезло, и Адамс выпрямился в своем кресле.

— А? — спросил он.

Саттон поздравил себя, что поймал его.

— Сейчас вы, конечно, уже знаете, что я привел домой корабль, который не может летать. Вы информированы, что у меня не было скафандра, что иллюминаторы разбиты, а корпус изрешечен пробоинами, у меня не было воды и пищи. А 61 Лебедя в одиннадцати световых годах.

Адамс кивнул, не меняя выражения лица:

— Да, мы все это знаем.

— То, как я вернулся и что со мной случилось, не имеет ничего общего с моим рапортом, и я не собираюсь вам об этом рассказывать.

— Тогда почему вы вообще упоминаете об этом? — громко спросил Адамс.

— Просто, чтобы мы друг друга поняли, — объяснил Саттон, — чтобы вам не пришлось задавать кучу вопросов, на которые не будет ответа. Это сэкономит вам много времени.

Адамс откинулся в кресле и удовлетворенно попыхивал своей трубкой.

— Тебя выслали добыть информацию, Аш, — напомнил он Саттону. — Любую информацию. Что угодно, что позволит нам понять, проникнуть в феномен 61 Лебедя. Ты представлял Землю. Земля все это оплатила, и ты, конечно, должен кое-что Земле.

— Я должен кое-что и 61 Лебедя, — возразил Саттон. — Я обязан 61 Лебедя своей жизнью. Мой корабль разбился, и я был убит.

Адамс кивнул.

— Да. Как раз это Кларк и сказал. Что ты был убит.

— Кто это Кларк?

— Кларк — инженер-космоконструктор, — ответил ему Адамс. — Он спит и во сне видит корабли и чертежи. Он исследовал твой корабль и высчитал кривую координат силы. И сообщил, что, если бы ты был внутри корабля, когда он упал, у тебя не было ни одного шанса уцелеть.

Адамс уставился в потолок, затем повторил, словно издеваясь:

— Кларк сказал, что, если бы ты был в корабле, когда он ударился, то превратился бы в желе.

— Просто потрясающе, — сухо отреагировал Саттон, — что человек может сделать с цифрами.

Адамс снова открыл рот, просто для того, чтобы уколоть его:

— Андерсен думает, что ты не человек.

— Полагаю, что Андерсен смог установить это, посмотрев на корабль.

Адамс кивнул.

— Ни пищи, ни воздуха. Любой мог прийти к такому заключению.

Саттон покачал головой:

— Андерсен не прав. Если бы я не был человеком, вы бы никогда меня не увидели. Я бы никогда не вернулся. Но я тосковал по Земле, а вы ждали рапорта.

— Однако ты не торопился, — возразил ему Адамс.

— Я должен был быть уверен. Должен был знать точно, понимаете? Уверен, что способен вернуться сказать вам, опасна ли та планета с 61 Лебедя или нет.

— Ну и что?

— Она не опасна.

Адамс ждал, а Саттон молча сидел.

Наконец Адамс спросил:

— И это все?

— Это все, — подтвердил Саттон.

Адамс постучал мундштуком трубки по зубам.

— Мне смерть как не хотелось посылать другого человека для проверки. Особенно после того, как я сообщил всем, что ты привезешь всю нужную информацию.

— Это ничего не даст, — уверенно проговорил Саттон, — никто не смог бы пробраться.

— Ты смог.

— Да, я был первым. А потому что я был первым, я был и последним.

Адамс через стол неприветливо улыбнулся ему.

— Тебя увлекли эти люди, Аш?

— Они не люди.

— Ну... тогда существа.

— Они даже не существа. Трудно вам точно сказать, что они такое. Вы посмеялись бы надо мной, если бы я сказал, что, по моему мнению, это такое.

— Постарайся как можешь поточнее, — проворчал Адамс.

— Симбиотические абстракции. Точнее я не могу передать их облик.

— Ты хочешь сказать, что они на самом деле не существуют?

— О нет! Вполне существуют. Они же есть, их можно чувствовать, вы о них знаете, так же как я знаю о вас или вы — обо мне.

— И у них есть разум?

— Да, — подтвердил Саттон. — Они разумны.

— И никто не сможет пробраться снова?

Саттон покачал головой.

— Почему вы не вычеркните 61 Лебедя из своих списков-поисков. Сделайте вид, что ее там нет. От 61 Лебедя нет никакой опасности. Лебедяне никогда не потревожат человека, а человек никогда не попадет туда. Впредь бесполезно и стараться.

— У них не машинная цивилизация?

— Нет, — ответил Саттон, — не машинная.

Адамс сменил тему:

— Ну-ка, посмотрим, сколько тебе лет, Ашер?

— Шестьдесят один, — ответил Саттон.

— Гм, — проворчал Адамс, — совсем еще ребенок, только начинаешь.

Его трубка погасла, и он ковырял ее пальцем, не выказывая неудовольствия.

— Что ты планируешь делать дальше? — поинтересовался он.

— У меня нет планов.

— Ты хочешь остаться на службе?

— Это будет зависеть от того, как вы к этому отнесетесь, — ответил Саттон. — Я предполагаю, конечно, что буду вам не нужен.

— Мы должны заплатить тебе за двадцать лет, — уточнил Адамс почти ласково. — Деньги тебя ждут. Можешь взять их, когда выйдешь отсюда. Почему бы тебе не взять их сейчас? Можешь еще потребовать три или четыре года отпуска.

Саттон ничего не ответил.

— Приходи еще, — пригласил Адамс, — мы поговорим по-другому.

— Я не изменю своего решения.

— А никто тебя и не просит.

Саттон медленно поднялся.

— Мне жаль, — сказал Адамс, — что ты мне не доверяешь.

— Я летел, чтобы сделать дело, — решительно заявил Саттон, — я его сделал. Я обо всем сообщил.

— Да, это так, — подтвердил Адамс.

— Полагаю, вы не потеряете со мной связь?

В глазах у Адамса мелькнул мрачный огонек:

— Всенепременно, Аш. Я не потеряю с тобой связь.

14

Саттон спокойно сидел в своем кресле, так, как сидел сорок лет назад. Будто ничего не произошло.

Потому что он снова вернулся на сорок лет назад. Даже черные чашки были те же самые. Через открытые окна в кабинете доктора Рэйвена слышались молодые голоса и топот ног студентов, шлепающих по тротуару. В кронах вязов разговаривал ветер, и этот звук был ему тоже знако́м. Где-то вдалеке звенел церковный колокол, а прямо через дорогу слышался девичий смех.

Доктор Рэйвен подал ему чашку кофе.

— Думаю, что я прав, — И глаза доктора блеснули. — Три куска и без сливок.

— Да, это точно, — подтвердил Саттон, изумленный тем, что доктор мог помнить. «Но помнить, — сказал он себе, — это легко. Я, кажется, смогу все вспомнить. Как если бы куски старых привычных мыслей начищались и полировались в моем мозгу все эти чуждые годы, ожидая этой встречи, как прибор заботливо хранимого серебра ожидает на полке, когда придет время употребить его снова».

— Я помню мелочи, — усмехнулся доктор Рэйвен, — чепуховые, бессмысленные мелочи, как, например, количество кусков сахара и что сказал человек шестьдесят лет назад, но я, бывает, путаюсь в важном... в том, что, считается, должен помнить человек.

Беломраморный камин был ярко начищен до самого сводчатого потолка, и щит с гербом университета на его полированной поверхности был таким же блестящим, как и в последний день, когда Саттон его видел.

— Я думаю, — обратился к доктору Саттон, — что вы удивитесь, почему я пришел.

— Ничуть, — возразил доктор Рэйвен. — Все мои мальчики возвращаются повидать меня, и я рад их видеть. Это заставляет меня гордиться.

— Я и сам удивляюсь, — улыбнулся Саттон, — и мне кажется, я знаю почему, но это трудно объяснить.

— Тогда давай спокойнее, — проворчал доктор Рэйвен, — помнишь, так, как мы привыкли. Мы сидели и обсуждали вопрос, и, наконец вникнув в него, мы находили суть.

Саттон коротко рассмелся.

— Да, я помню, доктор. Тонкости теологии. Существенные различия в сравнительной религии. Скажите мне вот что. Вы провели за этим всю свою жизнь, вы знаете о религиях земных и других более, чем любой человек на Земле. Были вы способны хранить одну веру? Вы когда-нибудь испытывали искушение уклониться от учения вашей расы?

Доктор Рэйвен поставил чашку.

— Я мог бы заранее предположить, что ты озадачишь меня. Ты делал это все время. У тебя сверхъестественная способность поставить именно тот вопрос, на который человеку трудно ответить.

— Я больше не буду вас озадачивать, — заверил его Саттон. — По-моему, вы нашли какие-то хорошие, можно сказать, даже лучшие черты в глухих религиях.

— Ты нашел новую религию?

— Нет, — ответил Саттон, — не религию.

Церковный колокол все звонил, а девушка, которая смеялась, ушла. Шаги на тротуаре были уже далеко.

— У вас не было когда-нибудь чувства, — спросил Саттон, — как будто вы сидите и слушаете то, что, как вы знали, вам не дано было услышать?

Доктор Рэйвен покачал головой:

— Нет, не уверен, что я когда-нибудь это чувствовал.

— Если бы вы услышали, что бы вы сказали?

— Я думаю, — сказал доктор Рэйвен, — что я был бы так же озадачен этим, как ты сейчас.

— Мы жили одной верой, по крайней мере, восемь тысяч лет, а может, и больше. Наверняка, больше. Потому что то, что заставляло неандертальца красить берцовые кости в красное и ставить черепа к востоку лицом, должно было быть верой, слабым проблеском чего-то вроде веры.

— Вера, — мягко произнес доктор Рэйвен, — это могучая вещь.

— Да, могучая, — согласился Саттон, — но даже в ее силе — признание нашей слабости. Наше собственное признание того, что мы должны иметь посох, чтобы опереться, выражение надежды и убеждения в существовании какой-то высшей власти, которая укажет нам путь и даст руководство.

— Ты не ожесточился, Аш, тем, что нашел?

Где-то громко тикали часы во внезапно воцарившейся тишине.

— Доктор, — внезапно спросил Саттон, — что вы знаете о судьбе?

— Странно слушать, как ты говоришь о судьбе. Ты всегда был человеком, не склонным поклоняться судьбе.

— Я имею в виду документальную судьбу, — пояснил Саттон, — Не абстракцию, а фактически существующую вещь, действительную веру в судьбу. Что говорят записи?

— Всегда были, есть и будут люди, которые верили в судьбу, — сказал доктор Рэйвен. — Некоторые из них, по-видимому, с оговоркой. Но в основном они не называли это судьбой, а считали это счастьем или предчувствием, или вдохновением, или чем-нибудь еще. Существовали историки, которые писали об очевидной судьбе, но это было не более чем слова. Просто сомнительные выверты. Конечно, были и фанатики, и те, кто верил в судьбу, но практиковал фанатизм.

— Но свидетельства нет, — возразил Саттон, — нет фактического доказательства вещи, называемой судьбой. Подлинной силы, живущей, жизненной субстанции. Что-то, до чего можно дотронуться.

Доктор Рэйвен покачал головой.

— Нет, насколько я знаю, Аш. Судьба, в конце концов, всего лишь только слово. Это не то, что можно наколоть на булавку, вера-то тоже могла быть не более чем слова. Но миллионы людей за тысячи лет сделали ее подлинной силой, вещью, которую можно определить в себе. Вещью, которой можно жить.

— Не предчувствие и счастье, — запротестовал Саттон, — это же просто случайности.

— Они могли быть проблесками судьбы, — объяснил доктор Рэйвен, — едва видимыми вспышками. Предвестниками широкого потока режима случайностей. Узнать, конечно, нельзя. Человек может быть невосприимчивым ко множеству факторов до тех пор, пока у него нет фактов. Поворотные пункты в истории зависят от предвидений. Вдохновенная вера в собственные способности меняла течение событий больше, чем это можно представить.

Он поднялся, подошел к книжному шкафу, постоял с откинутой назад головой.

— Где-то, — сказал он, — если смогу ее найти, здесь есть книжка.

Он поискал, но не нашел.

— Неважно. Я наткнусь на нее попозже, если ты будешь еще в ней заинтересован. Там рассказано о старом африканском племени со странной верой. Они верили, что душа, или сознание, или «эго» (по-латыни), или как бы вы ни называли ее, у каждого человека имеет партнера, двойника на какой-то отдаленной планете. Если я правильно помню, они даже знали ее и могли указать на вечернем небе.

Он отвернулся от шкафа и пристально посмотрел на Саттона.

— Это может быть судьба, ты знаешь, это может быть даже очень хорошо.

Он пересек комнату и встал перед холодным камином: руки сцеплены за спиной, серебряная голова отклонена в сторону.

— Почему ты так интересуешься судьбой? — спросил он.

— Потому что я нашел ее, — ответил Саттон.

15

Лицо на экране оказалось в маске, и Адамс с холодным гневом произнес:

— Я не принимаю вызовов в маске.

— А этот вы примете, — возразил голос из-под маски. — Я тот человек, с которым вы говорили в патио. Помните?

— Вызвали меня из будущего, я полагаю? — поинтересовался Адамс.

— Нет, я еще в вашем времени и наблюдаю за вами.

— За Саттоном тоже наблюдали?

Голова в маске кивнула, а затем спросила:

— Вы его видели. Что вы думаете?

— Он что-то скрывает, — ответил Адамс, — и он не совсем человек.

— Вы собираетесь его убрать?

— Нет, — сказал Адамс, — я этого не думаю. Он знает что-то, что должен знать я, что должны знать мы. И убийством мы этого от него не добьемся.

— Тому, что он знает, — резко возразил голос из-под маски, — лучше умереть с человеком, который знает это.

— Возможно, — предположил Адамс, — мы могли бы прийти к соглашению и взаимопониманию, если бы вы сказали мне, что все это такое.

— Я не могу сказать этого вам, Адамс. Хотел бы, но не имею права раскрывать будущего.

— А до тех пор, пока вы этого не сделаете, — огрызнулся Адамс, — я не позволю вам менять прошлое.

А сам при этом думал:

«Этот человек под маской испуган. Он мог убить Саттона, когда хотел, но сам боится это сделать. Саттон должен быть убит человеком его собственного времени... и здесь, на Земле, потому что время может не стерпеть насилия в будущем».

— Между прочим, — услышал он голос человека из будущего.

— Да? — откликнулся Адамс.

— Я собираюсь спросить вас, как дела на Альдебаране XII?

Адамс окаменел в своем кресле. В нем бушевал гнев.

— Если бы не Саттон, — сказал человек в маске, — происшествия на Альдебаране XII не случилось бы.

— Но Саттон тогда еще даже не вернулся, — снова огрызнулся Адамс. — Он еще не появлялся...

Его голос затих, потому что он кое-что вспомнил. Имя на титульном листе... «Ашер Саттон».

— Слушайте, — взмолился Адамс, — ради всего святого! Скажите мне, если у вас есть что мне сказать.

— Вы хотите убедить меня, что не догадываетесь, что это может быть?

Адамс покачал головой.

— Это война, — произнес голос.

— Но там нет никакой войны.

— Не в ваше время, а в другое.

— Но как...

— Помните Майкельсона?

— Человека, который на секунду ушел во время?

Голова в маске кивнула, и экран опустел. Адамс сидел, чувствуя, как холодок бежит по его телу.

Зуммер опять замурлыкал, и он механически передвинул рычажок. На экране был Нельсон.

— Саттон только что вышел из университета, — доложил Нельсон. — Он провел час с доктором Горацио Рэйвеном. Доктор Рэйвен, если вы помните, профессор сравнительной религии.

— О, — сказал Адамс. — Так вот что это такое.

Он постучал пальцем по столу, будучи раздраженным и испуганным одновременно.

«Было бы позором убрать такого человека, как Саттон, — подумал он, — но это, вероятно, лучший выход. Да, это могло быть к лучшему».

16

«Кларк сказал, что он умирал, а Кларк инженер. Кларк составил таблицу, и в таблице этой присутствует смерть. Математика подсказала, что определенные деформации и давления превращают человеческое тело в желе. И Андерсен утверждает, что Саттон не человек. А откуда Андерсену это знать?»

Дорога впереди изгибалась серебряной полосой, сияя в лунном свете, звуки и запахи ночи царили на всей земле. Острый чистый запах омытой зелени, таинственный запах воды. Ручей бежал по болоту, расположенному правее, и Саттон из-за руля мельком увидел на повороте сверкнувшие отблески волнующейся воды, освещенной луной. Квакание лягушек создавало пелену феерического звука, которая льнула к холмам, а светлячки-фонарики сигналили из темноты.

«И откуда Андерсену знать? Откуда, — вновь спросил себя Саттон, — если он меня не обследовал? Если он не был тем, кто старался проникнуть в мой мозг после того, как меня вырубили, когда я вошел в комнату.

Адамс открыл свои карты, а он никогда этого не сделал бы, если бы не хотел, чтобы это видели. Если только у него в руках не было козырного туза. Он хотел, чтобы я знал, — сказал себе Саттон. — Он не мог со-

знаться, что мое поведение уже записано у него на лентах и пленках, что это он оснастил мою комнату снаряжением.

Но он мог дать мне знать, сделав лишь одну ошибку, тщательно рассчитанную ошибку, как эту — с Андерсеном. Адамс уверен, что я уловлю это, и надеется, что я стану нервничать».

Фары на мгновение выхватили из темноты массивные серо-черные очертания дома, прижавшегося к склону холма, и машина вошла в еще один поворот. Ночная птица, черная и призрачная, промелькнула через дорогу, и тень в полете протанцевала в конусе света.

«Этот Адамс, — убеждал себя Саттон, разговаривая сам с собой. — Он был тем, кто ждал меня. Он как-то узнал, что я возвращаюсь, подготовился и насторожился. Он систематизировал меня и снабдил ярлыком, прежде чем я опустился на землю. И он исследовал меня, прежде чем я понял, что происходит. И вне всякого сомнения, он не нашел больше того, к чему был готов».

Саттон сухо хохотнул. И хохот этот превратился в вопль, который прокатился по склону холма в сиянии потоков огня. Поток огня, завершившийся в болоте, на мгновение умер, потом выскочил красно-синими языками.

Шипение тормозов и звук шин на покрытии — Саттон развернул машину, чтобы остановить ее. Но прежде чем машина остановилась, он уже был снаружи и бежал вниз по склону к странному черному космическому кораблю, мерцающему в топи.

Вода намочила ему лодыжки, острая как бритва трава хлестнула по ногам. Черные и маслянистые лужи мерцали в свете горящего судна. Лягушки все еще продолжали квакать в дальнем конце болота.

Что-то шлепнулось и забарахталось в пруду, в грязной, окрашенной пламенем воде, в нескольких футах от пылающего корабля. И Саттон, устремившийся вперед, увидел, что это человек.

Он заметил отраженную белизну испуганных, жалких глаз, таившихся в пламени, когда человек приподнялся на покрытых грязью руках и попробовал протащить себя вперед. Саттон увидел, как сверкнули зубы, когда боль исказила лицо, превратив его в гримасу полнейшего ужаса и гнева; его ноздри почувствовали запах обуглившейся плоти и поняли, что это такое.

Он наклонился, подхватил человека на руки, подтянул его кверху и потащил назад, через топь. Грязь хватала его за ноги, а за спиной он слышал плеск, ужасный волочащийся плеск человеческого тела, влекомого по воде и грязи. Под ногами Саттона была уже сухая земля, и он начал карабкаться обратно, наверх по откосу к автомобилю. Оттуда, где болталась голова человека, донеслись звуки, хриплые, нечленораздельные, которые могли быть словами, если бы было время их слушать.

Саттон бросил быстрый взгляд через плечо и увидел линии огня, устремляющиеся в небо, столб синевы, освещавший ночь. Болотные птицы, ослепленные, в панике летали, будя ночь криками ужаса.

— Реакторы, — сказал вслух Саттон, — реакторы... Они в таком пламени не смогут продержаться долго. Автоматика скоро расплавится, и тогда болото станет кратером, а холм обуглится от горизонта до горизонта.

— Нет... — произнесла качающаяся голова, — нет, нет реакторов.

Нога Саттона попала под корень, и он упал на колени. Тело человека выскользнуло из его рук и заскользило по грязи вниз.

Человек зашевелился, стараясь повернуться. Саттон помог ему в этом, и он лег на спину, лицом к небу.

Он оказался молод, как разглядел Саттон. Это было видно даже под маской грязи и боли.

— Нет реакторов, — повторил человек, — я их сбросил.

В его словах звучала гордость за хорошо сделанное дело. Но слова давались ему тяжело. Он тихо лежал, так тихо, что казался уже мертвым. Затем дыхание возвратилось к нему и засвистело в горле. Саттон увидел, что у висков, под обожженной кожей пульсирует кровь. Челюсть человека зашевелилась, и наружу вырвались слова, нервные, сжатые:

— Было сражение, там, раньше, в 83-м; я увидел, как они подходят... хотел вовремя прыгнуть... — Слова замолкли и пропали, потом хлынули снова: — Получили новые орудия, поджог металл...

Он повернул голову, и, очевидно, в первый раз увидел Саттона. Попробовал подняться, но упал назад, задыхаясь от усилий.

— Саттон!

Саттон нагнулся над ним.

— Я оттащу вас, я отвезу вас к доктору.

— Ашер Саттон! — эти два слова были сказаны шепотом.

На мгновение Саттон заметил триумфальную, почти фанатическую искорку, пронесшуюся в глазах умирающего, наполовину понял жест приподнятой руки, таинственного знака, который сделали пальцы незнакомца. Потом мерцание погасло, рука опять упала, и пальцы разжались. Саттон понял, даже прежде, чем нагнулся послушать сердце, что человек уже мертв. Саттон медленно поднялся.

Пламя постепенно умирало, и птицы разлетелись.

Корабль лежал, наполовину похороненный в грязи, и очертания его, заметил он, были ни на что не похожи, ни на что, что он когда-либо видел.

«Ашер Саттон, — сказал тот человек. И глаза его закрылись, и он сделал какой-то знак как раз перед тем, как умереть. И раньше, в 83-м был бой. Восемьдесят три — что? Я его никогда раньше не видел, — думал Саттон, как бы отрицая что-то преступное. — И помоги мне бог, я его даже не знаю сейчас. И все же он выкрикнул мое имя, и оно прозвучало, как если бы он знал меня и был очень рад меня увидеть. Он сделал знак... знак, который был вместе с моим именем». Он уставился на мертвеца, лежащего у его ног, и увидел всю жалкую картину этого: согнутые ноги, распростертые во всю длину по земле, ставшие жесткими руки, лениво откинутую голову и сверкание луны на зубах, там, где рот приоткрылся

Саттон осторожно опустился на колени, пробежал руками по телу, пытаясь найти что-либо: какой-нибудь потайной карман, который мог дать ключ к человеку, лежащему здесь мертвым.

«Он знал меня. И я должен знать — откуда. И ничего без этого не имеет смысла».

В грудном кармане пиджака нашлась маленькая книжка, и Саттон вытащил ее. Название было вытеснено золотом по черной коже, и даже в лунном свете Саттон мог прочитать буквы, которые запылали с обложки, ударяя его прямо в глаза:

ЭТО СУДЬБА.

АШЕР САТТОН.

Саттон не пошевельнулся. Он сидел, как трусливое существо, прильнув к земле, пораженный золотыми буквами на кожаной обложке.

Книга! Книга, которую он хотел писать, но не написал! Книга, которую он напишет еще через много месяцев. И тем не менее — вот она, с загнутыми уголками и помятая от чтения.

Непроизвольный задыхающийся звук вдруг вырвался из его горла.

Он ощутил холодный туман, поднимающийся с болота и услышал одинокий плач дикой птицы, доносившийся оттуда...

Странный космический корабль плюхнулся в болото, выведенный из строя и горящий. Из корабля спасся человек, но он был на пороге смерти. Прежде чем умереть, он узнал Саттона, назвал его имя. В кармане его была книга, которая не могла еще быть написана!

Таковы были факты... голые, трудно понимаемые, но факты. И им не было объяснения.

Слабые звуки голосов потревожили ночь... Саттон быстро поднялся на ноги, постоял в нерешительности, ожидая, прислушиваясь. Голоса послышались снова.

Где-то раздался звук удара и приблизился к месту, где находился Саттон.

Саттон обернулся и быстро взобрался по склону к автомобилю.

«Нет никакого смысла ждать», — говорил он себе.

Те, кто приближался по дороге, могли причинить ему только неприятности.

17

Какой-то человек ждал в зарослях кустов за дорогой, а там, в тени здания суда, притаившись, ждал другой.

Саттон медленно шел вперед, вразвалку, не спеша.

— Джонни, — беззвучно произнес он.

— Да, да.

— Это все, кто есть? Их только двое?

— Я думаю, что есть еще один, но не могу определить его местонахождение. Все они вооружены.

Саттон почувствовал ощущение комфорта в мозгу, чувство уверенности, поддержки, товарищества.

— Держи меня в курсе дела, Джонни.

Он просвистел такт или два из мелодии, забытой на Земле уже давно, но она была свежа в его памяти после двадцати долгих лет.

Гараж наемных машин находился в двух кварталах вверх по дороге. «Герб Ориона» располагался в двух кварталах дальше. Между гаражом и «Гербом Ориона» спрятались два человека, а может быть и больше, ожидавшие его с оружием. Между гаражом и отелем не было ничего, просто прекрасный ландшафт, который являлся административной землей. Землей, посвященной красоте и управлению... засаженной с тщательностью садовника, каждый день которого распланирован создателями ландшафта: с купами кустов, линиями деревьев, с заботливо ухоженными клумбами.

«Идеальное место для засады, — подумал Саттон. — Адамс? Хотя это вряд ли мог быть Адамс. Ведь у меня есть кое-что, что Адамс желал узнать, а убийство человека, который имеет нужную информацию, неважно, как вы на него раздосадованы, по-детски глупо».

Или те, другие, о которых ему сказала Ева... те, которые поставили Бентону условие убить его. Это подходило больше, нежели версия с Адамсом, потому что он был жив, а эти другие, кто бы они ни были, вполне готовы убить его.

Саттон опустил руку в карман пиджака, как бы ища сигарету, и пальцы его коснулись стали оружия, которое он использовал против Бентона. Он позволил своим пальцам обнять оружие, потом убрал их, вынул из кармана и нашел сигареты в другом кармане.

— Еще не время, — сказал он себе. — Будет еще время пустить оружие в ход, если в этом возникнет необходимость.

Он остановился, чтобы зажечь сигарету, оттягивая время, не спеша, играя на нервах.

Саттон знал, что пистолет будет слабым оружием, но это лучше, чем вообще ничего. В темноте он, возможно, попадет в фасад здания, но произведет шум, а ожидающие его не рассчитывали на шум, иначе они бы уже несколько минут назад скосили бы его.

— Аш, — произнес Джонни, — еще один человек. Вот за этим кустом, впереди. Он хочет, чтобы ты прошел, и тогда они снимут тебя с трех сторон.

Саттон пробурчал:

— Хорошо, скажи-ка поточнее.

— Тот куст с белыми цветами. Он на краю его. Совсем близко от тротуара, так что он может шагнуть и оказаться позади тебя в ту же секунду, как только ты пройдешь.

Саттон затянулся сигаретой, заставив ее как красный глазок тлеть в темноте.

— Возьмем его, Джонни?

— Да, нам лучше его взять.

Саттон продолжал прогулку и увидел тот куст, в нескольких шагах, не более.

Один шаг.

— Интересно, зачем все это?

Еще два шага.

— Прекрати удивляться. Сейчас действуй. Удивляться будешь потом.

Три шага.

— Вот он, я вижу его.

Саттон сошел с тротуара единым махом. Оружие было выдернуто из кармана, и на втором шагу оно заговорило: два острых опасных слова. Человек за кустом наклонился, упал на колени, покачался так секунду, потом распластался на животе. Саттон подхватил одним взмахом пистолет, выпавший из его рук. Это был, как он увидел, электронный пистолет, ужасная штука, которая могла убить даже при небольшом промахе, благодаря полю искажения, которое посылал луч. Оружие такого типа было новым и секретным двадцать лет назад, а сейчас, очевидно, любой мог достать его.

С оружием в руках Саттон повернулся и побежал, петляя, по кустам, ныряя под нависшие ветки, с трудом пробираясь по клумбам тюльпанов. Уголком одного глаза он заметил вспышку, яркое дыхание беззвучно пылающего оружия и танцующую щепотку серебра, которую оно выпустило в ночь.

Он нырнул в цепляющуюся, рвущую одежду изгородь, перепрыгнул ручеек и пришел в себя только возле вечнозеленых деревьев и берез. Он остановился, чтобы перевести дыхание, оглядываясь назад, на путь, который он прошел. Все кругом было тихо и мирно, посеребренная картина в лунных цветах. Никто и ничто не шевелилось, оружие уже давно перестало сверкать...

— Аш! Сзади. Дружески...

Предостережение Джонни оказалось внезапным.

Саттон резко повернулся, чуть-чуть приподняв пистолет.

Херкимер бежал в темноте, как гончая, охотящаяся по следу.

Саттон вышел из рощицы и резко окликнул его. Херкимер прекратил бег, крутанулся на месте, потом вприпрыжку подбежал к нему.

— Мистер Саттон, сэр...

— Да, Херкимер.

— Мы должны удирать.

— Да, — ответил Саттон, — полагаю, что должны. Я попал в ловушку. Там было трое, меня ждали.

— Дело еще хуже, — сказал Херкимер, — Это не только ревизионисты и Морган, но и Адамс тоже.

— Адамс?

— Адамс дал приказ убить вас при встрече.

Саттон напрягся.

— Откуда ты знаешь? — перебил он.

— Та девушка, — пояснил Херкимер. — Ева. Та, о которой вы спрашивали. Она мне сказала.

Херкимер пошел вперед и стал лицом к лицу с Саттоном.

— Вы должны доверять мне, сэр! Вы сказали мне в то утро: «следить за мной», но я никогда этого не сделаю. Я был с вами с самого начала.

— Но девушка, — возразил Саттон.

— Ева тоже с вами, сэр. Мы стали искать вас, как только выяснили все. Но мы не смогли перехватить вас. Ева ждет с кораблем.

— Корабль? — переспросил Саттон. — Корабль и все такое?

— Это ваш собственный корабль, сэр, — ответил Херкимер. — Тот, что вы получили от Бентона. Корабль был вместе со мной...

— И ты хочешь, чтобы я пошел с вами, залез в этот корабль и?..

— Мне очень жаль, сэр, — сказал Херкимер.

Он действовал так быстро, что Саттон не успел ничего предпринять. Он увидел перед собой кулак и попытался поднять оружие. Саттон почувствовал внутри своего мозга внезапную холодную ярость, а потом сокрушительный удар, и голова его взметнулась вверх так, что он на мгновение, перед тем как веки закрылись, увидел колесо звезд на вращающемся небе. Он почувствовал, что ноги его подгибаются, а сам он падает. Но он был уже без сознания.

18

Ева Армор звала его:

— Аш, Аш, проснись!

В уши Саттона вошли приглушенные раскаты грома от швартующихся ракет и глухой дробный звук маленького корабля, со свистом уносящегося в космос.

«Джонни», — мысленно произнес Саттон.

«Мы в корабле, Аш».

«Сколько здесь человек?»

«Андроид и девушка. Та, по имени Ева. И они дружелюбны. Почему ты не обращаешь на них внимание?»

«Я не могу верить никому».

«Даже мне?»

«Не твоему суждению, Джонни. Ты новичок на Земле».

«Не новичок, Аш. Я знаю Землю и землян много лучше, чем ты. Ты не первый землянин, с которым я живу».

«Я не могу вспомнить, Джонни. Что-то нужно вспомнить. Я стараюсь вспомнить что-то, но нет ничего, кроме неясных очертаний. Конечно, то,

что я учил, что я записал, и взял с собой, важно. Но я забыл как раз само то место, где говорится о людях, живущих здесь».

«Они не люди, Аш».

«Я знаю, но не могу вспомнить...»

«Ты и не должен, Аш. Все это было слишком чужим. Ты не можешь носить такую память с собой... потому что, когда ты вспомнишь слишком четко все, ты станешь частью этого. А ты должен остаться человеком, Аш. Мы должны сохранить тебя человеком».

«Но когда-нибудь я должен вспомнить, когда-нибудь».

«Когда ты должен будешь их вспомнить, ты вспомнишь. Я об этом позабочусь».

«И Джонни?»

«Что, Аш?»

«Ты не возражаешь против этой затеи с «Джонни»?»

«О чем ты это, Аш?»

«Мне не стоило называть тебя «Джонни». Это легкомысленно и фамильярно... Но это дружески. Это самое дружеское имя, которое я знаю. Вот почему я называю тебя так».

«Я не возражаю, — ответил Джонни, — я совсем не возражаю».

«Ты понял что-нибудь из этого, Джонни? О Моргане, о ревизионистах?»

«Нет, Аш».

«Ты видишь в этом систему?»

«Начинаю замечать».

Ева Армор потрясла его за плечо.

— Проснись, Аш, — прошептала она. — Ты что, не слышишь меня, Аш? Проснись...

— О'кей. — Саттон открыл глаза. — Можешь не волноваться. Все о'кей.

Он свесил ноги с кровати и сел на край. Рука его поднялась и пощупала опухшую челюсть.

— Херкимер должен был ударить тебя, — сказала Ева. — Он не хотел тебя бить, но ты был безрассуден, а мы не могли терять время зря.

— Херкимер?

— Конечно. Ты помнишь Херкимера, Аш? Он был андроидом Бентона. Он ведет этот корабль.

Корабль, как увидел Саттон, оказался мал, но чист и уютен. Правда, в нем нашлось бы место еще для одного или двух пассажиров. Херкимер, выражаясь точным, книжным языком, сказал бы, что он был небольшим, но приличным.

— Ну, раз вы меня похитили, — проворчал Саттон, — не думаю, что вы будете скрывать то место, куда мы направляемся.

— Мы ничего не собираемся скрывать. Мы отправляемся на охотничий астероид, что достался вам от Бентона. На нем есть дачный домик и большой запас пищи. Никому не придет в голову искать нас там, — сказала Ева.

— Это чудесно, — с усмешкой произнес Саттон. — Мне подойдет место, где можно будет поохотиться.

— Вам не придется охотиться, — произнес голос за ним.

Саттон резко обернулся. Херкимер стоял в люке, ведущем в кабину пилота.

— Вы будете там писать книгу, — мягко произнесла Ева. — Конечно, вы знаете об этой книге, той самой, которую...

— Да, — подтвердил Саттон, — я знаю об этой книге.

Он остановился, вспоминая, а рука его бессознательно нащупывала грудной карман. Там находилась книга и что-то еще, что шуршало при прикосновении. Он вспомнил и об этом. Письмо... Невероятно старое письмо, которое Джон К. Саттон забыл распечатать шесть тысяч лет назад.

— Что касается книги... — произнес Саттон и запнулся, так как хотел сказать, что друзьям не нужно беспокоиться о ней, поскольку у него уже был экземпляр. Но что-то удержало его. Он не был уверен, что с его стороны было разумным откровенничать о той книге, которая у него была.

— Я привез ящик, — сообщил Херкимер, — все рукописи там. Я посмотрел.

— И наверное, очень много бумаги? — насмешливо поинтересовался Саттон.

— Много бумаги. — Ева Армор наклонилась к Саттону так близко, что он мог чувствовать запах ее медных волос. — Разве вы не понимаете, — спросила она, — как важно, чтобы вы написали эту книгу? Разве вы не понимаете?

Саттон покачал головой.

«Важно, — подумал он. — Важно для чего? И для кого? И когда?»

Он вспомнил открытый рот человека: ту картину смерти на болоте в лунном свете и слова умирающего, все еще отчетливо звучащие в его ушах.

— Но мне самому не все ясно, — возразил он. — Может, вы мне растолкуете.

Ева покачала головой.

— Пишите книгу, — повторила она ему.

19

Астероид окружали вечные сумерки далекого от солнца пространства, острые горные пики его, как иглы, были направлены к звездам. Воздух оказался холодным, гораздо более разряженным, чем на Земле, и от него перехватывало дыхание. Но Саттона удивил сам факт существования здесь атмосферы. Хотя если учесть те средства, которые были затрачены на благоустройство астероида, на создание условий для обитания, то можно было ожидать чего угодно. «Он стоил, наверное, миллиард», — прикинул Саттон. Стоимость только одних атомных энергетических установок со-

ставляла почти половину этой суммы, а без них не было бы энергии, нужной для создания атмосферы и гравитации, удерживающей ее.

Ашер подумал:

«Когда-то люди были довольны или вынуждены были довольствоваться тем, что они уединялись в коттедже на берегу озера, или в охотничьем домике, или на борту увеселительной яхты. Теперь, когда в распоряжении людей вся Галактика... они строят астероиды стоимостью в один миллиард долларов или покупают планету по сходной цене».

— Вот эта хижина, — указал Херкимер.

Саттон посмотрел в том направлении. На горизонте среди торчащих, как зубья пилы, вершин, он увидел небольшое темное здание, на фасаде которого светилась какая-то точка света.

— Откуда там свет? — спросила Ева. — Разве там кто-нибудь живет?

Херкимер отрицательно покачал головой:

— Наверное, тот, кто был здесь последним, забыл его выключить.

Вечнозеленые растения и березы, причудливо выглядевшие на фоне звезд, стояли неровными группами, как солдаты, штурмующие высоту, на которой находился дом.

— Дорога здесь, — пояснил Херкимер.

Он шел впереди, а они поднимались следом.

Ева шла посередине, а замыкающим был Саттон. Дорога оказалась крутой и неровной, а освещение не особенно хорошим, поскольку разряженная атмосфера не рассеивала света звезд.

Звезды выглядели здесь как маленькие яркие точки, они не мерцали. Небо походило на звездную карту. Домик стоял на небольшой площадке, которая была, конечно, делом рук человеческих, так как в этой местности нельзя было найти ровного участка, хотя бы с платок. Движение воздуха, такое слабое и незаметное, что его едва ли можно было назвать ветерком, пронеслось вдоль склона и вызвало в листве вечнозеленых деревьев звук, подобный стону. Что-то скатилось по тропинке и запрыгало на камнях. Откуда-то издалека пришел воющий звук, от которого заныли зубы.

— Это животное, — тихо объяснил Херкимер. Он остановился и помахал в сторону скалы причудливой формы. — Хорошее место для охоты, — добавил он, — если вам, конечно, удастся не сломать себе ногу.

Саттон огляделся вокруг и впервые почувствовал первобытную дикость этого места. Застывший водоворот некогда раскаленной материи, извергнутой из недр, простирался под ногами... Огромные пропасти, как пасти, полные мрака, зияли над ними на головокружительной высоте. Горные пики и стреловидные вершины возвышались в гордом молчании.

— Пойдемте, — позвал Саттон и вздохнул.

Они вскарабкались на последние сто ярдов и достигли площадки, сделанной руками человека. Выпрямившись, они уставились на пейзаж, который может привидеться только в кошмаре. Глядя на него, Саттон почувствовал, как холодная рука одиночества дотянулась до него и охватила ледяными пальцами. Потому что все это вызывало чувство абсолютно-

го сумасшедшего одиночества, такого, какого он не испытывал даже в кошмарных снах. Все это было полным отрицанием всякой жизни и движения. Это было началом, отрицающим даже всякую мысль о жизни. Здесь все, что двигалось и мыслило, было настолько чуждым и неуместным, что казалось какой-то болезнью, раковой опухолью на теле этой безмолвной пустоты.

Позади послышались шаги, и все резко обернулись.

Человек вышел из тени скал. Его голос был приятен, произносимые слова звучали уверенно и весомо.

— Добрый вечер, — проговорил он и, выдержав паузу, добавил, как бы объясняя: — Мы слышали, как вы совершили посадку, и я вышел встретить вас.

Голос Евы прозвучал холодно и немного сердито:

— Вы очень удивили нас своим появлением. Мы никого не рассчитывали встретить здесь.

Голос человека стал менее дружелюбным:

— Я полагаю, мы не нарушили права вашей собственности. Мы друзья мистера Бентона, и он разрешил нам воспользоваться этим домом.

— Мистер Бентон умер, — холодно сообщила Ева. — Вот этот человек является владельцем.

Мужчина повернулся к Саттону:

— Я очень сожалею, сэр. Мы этого не знали. Конечно, мы покинем астероид при первой же возможности.

— Я не вижу никаких причин препятствовать вашему пребыванию здесь, — ответил ему Саттон.

— Мистер Саттон, — строго произнесла Ева, — приехал сюда в поисках тишины и уединения. Он собирается здесь писать книгу.

— Книгу? — спросил человек. — Значит, вы писатель?

У Саттона появилось какое-то неприятное ощущение, будто этот человек смеется над ним, да и не только над ним.

— Мистер Саттон! — повторил человек, как бы усиленно стараясь вспомнить. — Что-то не припоминаю, но я не такой уж заядлый читатель.

— Я пока еще ничего не написал, — объяснил Саттон.

— А, — сказал человек, как бы с облегчением, — тогда это, возможно, все объясняет. — Он явно насмехался.

— Здесь довольно холодно, — резко произнес Херкимер, — давайте войдем внутрь.

— Конечно, — согласился незнакомец, — здесь холодно, хотя я этого не заметил. Между прочим, меня зовут Прингл, а имя моего товарища — Кейс.

Никто ему не ответил; подождав несколько секунд, он повернулся и зашагал впереди них, всем своим видом подчеркивая, что он счастлив указать им дорогу.

Когда все приблизились к домику, Саттон заметил, что он значительно больше, чем казалось из долины, на которую опустился корабль.

Дом возвышался большим черным силуэтом на фоне усыпанного звездами неба. Если бы они не знали, что это строение, его можно было бы принять за нагромождение камней.

Дверь отворилась, как только они приблизились к массивной каменной освещенной ступени. На пороге показался второй человек. Он стоял прямо и уверенно и казался строгим и изящным, но в нем чувствовалась сила. Его фигура четко вырисовывалась в освещенном дверном проеме.

— Новый владелец, Кейс, — сказал Прингл, и Саттону показалось, что голос его сделался несколько иным, более живым и низким, чтобы придать словам значительность, показать, что за ними скрывается что-то большее... Как будто это было предупреждением. — Бентон умер, — продолжал Прингл.

Кейс ответил:

— О, неужели! Как странно.

«Как-то не так он сказал об этом», — подумал Саттон.

Кейс посторонился, чтобы пропустить пришедших, затем закрыл дверь.

Комната оказалась большой, с единственной включенной лампочкой, и тени как бы наваливались на всех из темноты углов.

— Боюсь, — обратился к ним Прингл, — что вам придется самим позаботиться о себе. Мы с Кейсом все любим делать сами, и у нас нет никаких роботов. Хотя я могу приготовить вам что-нибудь поесть, если вы голодны, например, сандвичи и какой-нибудь горячий напиток.

— Мы поели перед тем, как приземлиться, — пояснила Ева. — Херкимер позаботился о том небольшом количестве вещей, которые мы захватили с собой.

— Тогда садитесь на этот стул, — предложил Прингл. — Вон на тот, он очень удобен.

— Боюсь, что это сейчас невозможно. Перелет был несколько утомительным.

— Вы не очень любезны, молодая леди, — произнес Прингл, и его слова прозвучали наполовину шутливо, наполовину угрожающе.

— Я просто усталая молодая леди.

Прингл подошел к стене и щелкнул выключателем. Зажегся свет.

— Спальные комнаты находятся наверху, — сказал он, — рядом с верандой. Кейс и я занимаем первую и вторую по левой стороне. Вы можете выбрать любую из оставшихся.

Он пошел вперед, чтобы проводить их вверх по лестнице. Но Кейс вдруг заговорил, и Прингл остановился в ожидании, держась рукой за перила.

— Мистер Саттон, — поинтересовался Кейс, — мне кажется, что я где-то слышал ваше имя.

— Не думаю, — ответил Саттон. — Я не особо важная фигура.

— Но именно вы убили Бентона.

— Кто вам сказал, что я убил его?

Кейс даже не улыбнулся, но интонации его голоса явно показывали, что ему весело.

— Тем не менее вы должны были убить его, поскольку я знаю, что единственный способ завладеть этим астероидом — это убить его владельца. Бентону он очень нравился, и если бы он был жив, то никогда с ним не расстался бы.

— Ну, если вы настаиваете, то я действительно убил Бентона.

Кейс встряхнул головой, как бы в изумлении:

— Это что-то невероятное, что-то удивительное.

— Доброй ночи, мистер Кейс, — вмешалась Ева, потом повернулась к Принглу. — Не беспокойтесь, мы сами найдем дорогу.

— Что вы, никакого беспокойства, — обернулся Прингл. — Никакого беспокойства.

Он опять смеялся. Быстро и легко он побежал по лестнице.

20

Прингл и Кейс — в них было что-то невероятное. Сам факт пребывания их в этом домике выглядел зловеще. В голосе Прингла постоянно слышалась насмешка, оба они издевались над ними, получая от этого какое-то странное наслаждение, удовольствие, забавляясь двусмысленными шутками, смысл которых был понятен только им одним.

Прингл оказался разговорчивым, но Кейс был строгим и корректным, во время разговора он отвечал только очень короткими резкими фразами.

В отношении Кейса к ним было что-то неуловимо знакомое, он кого-то напоминал, но кого... Саттон не мог вспомнить.

Сидя на краю постели, Саттон криво усмехнулся.

«Если бы я только мог вспомнить, что означает его манера говорить, двигаться, быть постоянно строгим и подтянутым. Если бы я мог ассоциировать это с чем-то определенным, что я знаю, — это могло бы многое объяснить, подсказать, кем на самом деле является Кейс. Он знает, что я убил Бентона, знает, кто я. Он должен бы скрывать это, но он этого не делает. Очевидно, это было нужно ему для того, чтобы укрепить свое «я». По всей видимости, он нуждается в таком укреплении, хотя и старается не продемонстрировать этого.

Ева также не доверяет им, поскольку она пыталась что-то шепнуть мне, когда мы расставались около ее двери. Я не мог отчетливо понять по движению ее губ, что она пытается сказать мне, хотя мне показалось, что она произнесла:

— Не доверяй им.

Будто бы я стал кому-нибудь доверять. Вообще кому-нибудь».

Саттон сидел и шевелил пальцами ног, разочарованно глядя на них. Он пытался шевелить ими в отдельности, но ему это не удалось.

«Я даже не могу как следует потренировать свое тело, — думал он. Это было странное направление мыслей. — Прингл и Кейс ждали нас», —

сказал себе Саттон, но когда он думал об этом, то не был уверен, не начал ли он фантазировать. Действительно, как они могли ожидать их, когда даже не знали, что Херкимер и Ева направляются на астероид?

Он отрицательно покачал головой. Ощущение, что эти двое поджидали их, осталось. Эта мысль накрепко засела в голове Саттона.

В конце концов это было не так уж странно. Адамс знал, что он возвращается на Землю. Возвращается домой после двадцати лет отсутствия. Адамс знал и расставил для него ловушку. Хотя у Адамса не было никаких возможностей узнать об этом.

«Но почему, — спросил он себя, — почему Адамс устроил ловушку?

Почему Бастер бежал на какую-то отдаленную планету?

Что заставило Бентона послать мне вызов?

Почему Ева и Херкимер привезли меня на этот астероид?

Для того, чтобы я написал книгу, объяснили они. Но книга уже была написана».

Он потянулся к своему пиджаку, который был брошен на спинку стула. Из него он вытащил книгу, буквы на ее обложке были вытеснены золотом. Вместе с книгой из кармана выпало письмо и упало на ковер. Он поднял письмо и положил его на кровать рядом с собой, затем развернул книгу, открыл на титульном листе.

— «Это судьба», — прочитал он заглавие. — Автор — Ашер Саттон.

Под заглавием в самой нижней части была строчка, набранная мелким шрифтом.

Саттону пришлось поднести книгу поближе к глазам, чтобы прочесть ее. Там было напечатано: «Первоначальный вариант».

И это все. Не было даты публикации, никаких указаний на авторские права, кто был издателем.

«Как будто, — подумал Саттон, — книга была настолько известна, настолько являлась частью жизни каждого человека, что все остальное, кроме названия и имени автора, было излишним».

Он перевернул две страницы. Они оказались первозданно чистыми. Еще одна страница, и уже дальше начинался текст...

«Вы не одиноки.

И никто не одинок...»

С первого момента зарождения жизни, с первого малейшего движения живого существа на любой планете Галактики оно двигалось, ело, ползло по дороге жизни и одиночества.

«Вот оно, — подумал Саттон. — Именно так я хотел начать ее. Я должен был действительно написать ее когда-то и где-то, поскольку сейчас держу ее в руках».

Он закрыл книгу, осторожно положил ее в карман, а пиджак — на спинку кресла.

«Я не должен ее читать, — подумал он, — я не должен ее читать и знать, как она написана. Я не имею права этого делать. Я должен написать ее так, как сам представляю, как задумал в эти долгие годы. Это

единственный способ создать ее. Необходимо быть честным: когда-нибудь человеческая и другие расы смогут прочесть ее, и потому каждое слово в ней должно быть именно таким, как оно есть, написана она должна быть хорошо и просто, чтобы любой мог прочесть и понять ее».

Он отбросил одеяло, забрался на кровать и взял лежавшее на постели письмо. Старое, пожелтевшее, оно вскрылось легко, осыпав простыню засохшим клеем. Саттон вынул лист из конверта и очень осторожно развернул его, боясь повредить. Письмо было отпечатано на машинке, со множеством ошибок и опечаток, забитых буквой «х», очевидно, для автора процесс печатания был непривычным делом.

21

Бриджпорт. Висконсин. 11 июля 1987 года.

Я пишу это письмо самому себе, чтобы почтовый штемпель мог неопровержимо подтвердить тот год и тот день, когда оно было написано. Я сохраню его запечатанным, спрятав среди своих вещей, до того дня, когда кто-нибудь из членов моей семьи, с божьей помощью, сможет открыть его и прочитать. Надеюсь, что тот, кто прочтет его, узнает, во что я верю, о чем думаю, но не осмеливаюсь сказать вслух, пока живу, потому что опасаюсь, что меня сочтут помешанным. Жить мне осталось немного, ведь я прожил уже больше, чем положено человеку судьбой, и пока нахожусь в здравом уме и не жалуюсь на здоровье. Я очень хорошо знаю, что от времени не убежишь, оно наносит удары внезапно и рано или поздно настигает свою жертву.

Я не чувствую страха смерти и не испытываю сентиментального желания обрести мнимое бессмертие в мысли, посетившей меня, поскольку эта мысль преходяща, а человек, обладающей ею, не располагает большим количеством лет жизни, так как отведенные ему годы коротки, слишком коротки для того, чтобы полностью осознать проблему, поставленную ему временем. Более чем вероятно, что письмо будет прочитано одним из моих ближайших потомков, но я все-таки допускаю, что в результате какого-то поворота судьбы оно может попасть, все еще нераспечатанным, в руки моих отдаленных потомков, через сотни лет, когда меня уже забудут. Может оно оказаться и у совсем посторонних людей.

Чувствуя, что обстоятельство, о котором я хочу рассказать, более чем заурядно, и даже рискуя сообщить что-то хорошо известное человеку, читающему это письмо, я все же изложу основные факты о себе и том месте, где я живу.

Меня зовут Джон К. Саттон, я происхожу из довольно многочисленной семьи, одна из ветвей которой обосновалась в данной местности около ста лет назад. Кстати, я должен попросить читателя, незнакомого с представителями семьи Саттонов, поверить мне на слово, без каких-либо доказа-

тельств, что мы, Саттоны, всегда были очень серьезными, не склонными к шуткам, и наша репутация, наша честность и целеустремленность не подвергались никакому сомнению. Хотя я получил образование в области права, скоро обнаружил, что моя специальность мне не особенно по душе, и потому в течение последних сорока лет я занимался сельским хозяйством, находя в этом больше удовлетворения, чем в чем-либо ином. Это занятие представляет собой честный труд, который согревает душу и дает возможность жить в тесном контакте с основными, необходимыми для жизни вещами, такими, например, простыми и вместе с тем таинственными процессами производства пищи посредством возделывания земли. На протяжении последних лет я не был достаточно здоров физически, чтобы продолжать работать на своей ферме, но с гордостью могу заявить, что занимаюсь в настоящее время управленческой деятельностью и отрабатываю все положенные часы.

С течением лет я полюбил эту местность, хотя она является довольно дикой и во многих отношениях мало пригодной для ведения сельского хозяйства. Строго говоря, я иногда с жалостью смотрел на людей, владеющих обширными ровными полями без холмов и возвышенностей, которые вносят разнообразие в пейзаж, и, глядя на которые, отдыхает глаз. Их земли, возможно, более плодородны, и на них легче работать, но все же у меня есть что-то, чего нет у них... Я привык к обстановке, в которой живу, и очень остро ощущаю всю красоту этой природы, столь разнообразную в различные времена года.

На протяжении последних лет моя походка стала медленнее, и я обнаружил, что для меня стало затруднительным производить значительные физические усилия, в связи с чем у меня появились излюбленные места отдыха во время осмотра фермы. Нет ничего удивительного в том, что каждое из этих мест само по себе чем-то замечательно и дает отдых глазам и душе. Признаюсь, что всегда с большим нетерпением ожидаю встречи с этими местами моего отдыха, пожалуй, даже с большим, нежели осмотр своих полей и пастбищ. Хотя, как знать, я получаю большое удовольствие и от того, и от другого.

Есть одно место, которое с самого начала было чем-то особенным, и если бы я не был стариком, то сказал бы, что оно обладает для меня особым очарованием. Эта глубокая расщелина в пустоши, которая простирается вниз к долине у реки. Находится она в северном конце этой пустоши, отведенной под пастбище. В верхней части расщелины лежит средних размеров камень, который имеет форму стула, и это, наверняка, одна из причин, по которой мне понравилось это место, поскольку я люблю удобства. С этого камня можно видеть изгиб реки как-то подчеркнуто объемно. Это происходит оттого, что высота этого места и кристальная чистота воздуха в хорошую погоду подернуты голубоватой дымкой особенного цвета. Вид оттуда открывается очаровательный. Я часто сидел там часами, ничего не делая, ни о чем не думая, но в гармонии с окружающим миром и с самим собой.

Но есть в этом месте какая-то необычность, для описания которой я никогда не мог найти слов, сколько бы ни искал. Я не находил слов в своем лексиконе, которые могли бы правильно передать мою мысль.

Это место выглядело так, будто было наполнено ожиданием чего-то, что должно произойти. Оно таило в себе вероятность какого-то драматического события или откровения. Возможно, слово «откровение» покажется неуместным и странным в этой ситуации, но мне думается, что оно наиболее подходит к моему ощущению, которое я испытывал много раз, когда сидел на этом камне и смотрел на долину.

Иногда я пытался вообразить себе, что могло бы произойти здесь, но пугался этого образа, некоторых из этих возможностей, которые мне представлялись, хотя никогда не страдал излишком воображения.

Чтобы добраться до этого камня, я обычно проходил через нижнюю часть пустоши, на которой трава растет лучше, чем в других местах. Однако скот по какой-то причине не особенно часто приходил пастись туда. Пастбище заканчивалось небольшой купой деревьев, за которой тянулся густой лиственный лес, охватывающий пустошь. Камень был укрыт среди этих деревьев и потому любое время дня находился в тени, но деревья не заслоняли обзор, потому что склон резко опускался вниз. Однажды, лет десять назад, а говоря точнее — 4 июля 1977 года, подходя к этому месту, я обнаружил, что там находился человек и какая-то странная машина в нижней части пастбища, как раз у самых деревьев.

Я говорю — машина, потому что она так выглядела, хотя, по правде сказать, я не понял ее устройства. Она походила на яйцо, слегка вытянутое по краям, как если бы на яйцо кто-нибудь слегка наступил, но не раздавил его, а только сплюснул так, что концы стали более вытянутыми. Внутри не было заметно никаких приборов или механизмов, но существовало окно, через которое можно было поглядеть наружу. Хотя было совершенно очевидным, что для управления этим яйцом нужно находиться внутри, человек этот стоял снаружи перед открытой дверью и возился с чем-то, что напоминало двигатель. Однако когда я пригляделся, то понял, что если это мотор, то я такого никогда не видел. По правде говоря, я не очень хорошо рассмотрел этот «двигатель» и вообще что-либо касающееся машины, поскольку человек, как только увидел меня, как-то очень ловко и незаметно отвел меня от машины и начал любезный и очень интересный разговор. Так что я не мог, боясь показаться невежливым, сменить тему разговора или освободить себя от его расспросов, хотя бы на короткое время, чтобы удовлетворить свое любопытство насчет машины. Я вспоминаю сейчас, что было очень много такого, о чем я хотел спросить его, но так и не спросил. Мне кажется сейчас, что, очевидно, он ожидал моих вопросов и старательно, с большим умением избегал ответов на них, фактически, он так и не сказал, кто он, откуда пришел и почему оказался на моем пастбище. Хотя это может показаться читателю моего рассказа невежливым с его стороны, в то время мне это так не казалось, поскольку он был таким очаровательным собеседником, что к нему трудно было

подходить с обычными мерками для оценки других людей, не являющихся такими совершенными, как он.

Казалось, он очень много знал о земледелии, хотя внешне не походил на фермера. Подумать только, я даже не могу в точности вспомнить, как он выглядел, хотя мне кажется, что одет он был каким-то необычайным образом, раньше я такой одежды не видел. Его одежда не бросалась в глаза, не походила на одежду иностранца, но было в ней какое-то неуловимое отличие, которое трудно описать словами.

Он похвально отозвался о моих пастбищах, о траве, растущей на них, спросил, сколько голов скота мы держим, сколько надаиваем молока и какой способ забоя скота я считаю лучшим. Я охотно отвечал на его вопросы, так как тема разговора была мне близка, а он продолжал беседовать со мной, очень уместно вставляя свои замечания и задавая вопросы, некоторые из которых, как я теперь понимаю, представляли утонченные комплименты в мой адрес, хотя в то время я этого не замечал. В руках он вертел какой-то инструмент и указывал им в сторону кукурузного поля, которое располагалось за изгородью, неподалеку. Он сказал, что всходы хорошие, и спросил, как я думаю, не подрастет ли кукуруза к четвертому числу. Я удивленно ответил, что сегодня как раз четвертое, и что кукуруза уже поднялась выше нормы, и что я этим очень доволен, так как это был новый сорт, который я пробовал впервые. Он выглядел немного удивленным, рассмеялся и проговорил: «О, уже четвертое». И объяснил, что был так занят последнее время, неудивительно, что он перепутал дату.

Прежде чем я успел выразить свое удивление этим, он сменил тему разговора. Далее он спросил меня, как долго я живу в этом месте, а когда я ответил, тут же поинтересовался, жила ли моя семьи здесь всегда, поскольку он уже слышал где-то о людях с такой фамилией. Тогда я начал рассказывать о своей семье и, прежде чем сам успел заметить, сообщил ему абсолютно все, включая даже смешные истории, которые мы обычно не рассказываем за пределами семейного круга, поскольку не хотели, чтобы окружающие знали о нас эти вещи. Наша семья всегда была консервативной и уважаемой, и во многих аспектах она лучше, чем другие, но все равно, по-моему, нет такой семьи, у которой не было бы семейного секрета, который она не хотела бы выставлять напоказ.

Мы разговаривали так долго, что час обеда уже миновал, а когда я это заметил, то пригласил его пообедать со мной.

Но он поблагодарил и сказал, что скоро починит свою машину и должен будет ехать, что, в сущности, уже закончил ремонт к тому моменту, когда я появился. Когда же я выразил сожаление, что слишком долго задержал его, он уверил меня, что ничего не имеет против и что проведенное со мной время доставило ему удовольствие. Когда я покидал его, то все-таки задал вопрос. Меня заинтересовал предмет, который он держал в руках во время нашей беседы. Я спросил его что это за инструмент? В ответ он показал мне его и сказал, что это гаечный ключ. Он действительно был похож на гаечный ключ, но не совсем.

После обеда, когда я немного поспал, то пошел обратно на пастбище, решив все-таки задать незнакомцу несколько вопросов, которых, как я понял, он избегал во время разговора. Но машина уже исчезла, и незнакомец тоже. Осталась только вмятина на том месте, где она стояла. Но гаечный ключ лежал рядом с этим местом. Когда я нагнулся, чтобы поднять его, то увидел, что один конец как будто чем-то испачкан, приглядевшись, я понял, что это была кровь. Я с тех пор много раз упрекал себя, что не отдал эту вещь за анализ, чтобы проверить, была ли это кровь человека или животного.

Я также много раз думал о том, что же случилось там, кто был этот человек, и как получилось, что он оставил этот ключ, и почему тяжелый конец его испачкан кровью? Я все еще прихожу отдохнуть к этому камню, и он все так же стоит в тени деревьев, и все тот же вид открывается с него, и воздух над речной долиной создает все ту же иллюзию объемности. И чувство звенящего ожидания все еще живет в этом месте. И я знаю, что это место было и будет в ожидании какого-то единственного необычного случая, что то, что произошло, было одним из многих событий, возможных здесь, и бесконечное число необычных событий может произойти здесь в будущем так же, как бесконечное множество их могло произойти в этом месте в прошлом. Хотя я не надеюсь оказаться свидетелем следующего события, поскольку жизнь человека — лишь мгновение по сравнению с жизнью планеты.

Этот ключ, что я подобрал, все еще находится у нас, он оказался очень полезным инструментом. Фактически мы никакими другими подобными инструментами не пользовались, обходясь одним этим гаечным ключом, так как он обладает свойством приспосабливаться к любой гайке, к любому болту и может удерживать любой вал от вращения. Его не нужно подгонять, и у него нет никаких приспособлений для размера захвата. Нужно просто поднести его к тому предмету, который необходимо захватить, и ключ сам приобретет нужный размер и захватит гайку или вал. Не нужно прилагать больших усилий, чтобы пользоваться им, у него будто есть способность увеличивать во много раз даже небольшое усилие, как раз до нужной степени, чтобы повернуть гайку или удержать вал от вращения. Однако мы пользуемся этим ключом с осторожностью, только когда не видят посторонние, поскольку он слишком напоминает что-то волшебное, что-то из колдовского арсенала, чтобы можно было показывать его посторонним людям. Если бы кто-либо узнал о том, что у нас есть подобный гаечный ключ, это, конечно, привело бы к разным разговорам среди наших соседей. Поскольку мы являемся честной и уважаемой семьей, то такая ситуация для нас нежелательна. Никто из нас между собой не говорит об этом человеке и его машине, которую я обнаружил на пустоши. Мы молчаливо признали тот факт, что это событие не вписывается в обычные рамки нашей жизни, нашей простой семьи фермеров, людей с не очень развитым воображением. Но хотя мы не разговариваем об этом, сам я думаю об этом много. Я провожу теперь значительно больше времени, сидя на

этом камне. Почему — не знаю. Может быть, у меня теплится слабая надежда, что здесь я найду отгадку к объяснению этого странного события или хотя бы подтверждение той теории, которую я придумал для объяснения того, что случилось.

Я верю, хотя у меня нет доказательств, что этот человек пришел из другого времени, а машина, которую я видел, была машиной времени, а этот забытый инструмент не будет изобретен еще много лет. Я даже не могу предположить, когда это случится. Я думаю, что когда-нибудь в будущем люди изобретут способ путешествовать во времени и это вызовет необходимость разработать определенный способ поведения при этих путешествиях, чтобы избежать последствий тех парадоксов, которые могут произойти при вмешательстве в реальность времени. Мне кажется, что этот забытый гаечный ключ как раз и является тем парадоксом и создает одну из тех ситуаций, которые сами по себе выглядят безобидно, но при некоторых условиях могут стать источником значительных осложнений. Поэтому я потребовал у своих родных, чтобы они сохраняли в тайне все эти сведения.

Я также пришел к выводу, тоже ничем не подтвержденному, что эта расщелина, в верхней части которой лежит камень, может представлять собой дорогу во времени, или часть этой дороги, или такую точку, где наше время наиболее тесно, вследствие какого-то еще неизвестного закона природы, соприкасается с другим временем, очень отдаленным от нас. Или это, может быть, такое место во временном пространстве, которое имеет наименьшее сопротивление при путешествии сквозь него, и поэтому им часто пользуются. Или это одна из «дорог» во времени, по которой происходит интенсивное движение, и в результате этого она стала «наезженной», то есть преграда между разными временами стала легко преодолимой.

Такое предположение могло объяснить странную атмосферу этого места, это звенящее чувство ожидания.

Читатель должен, конечно, принять во внимание, что я очень и очень пожилой человек и давно уже перешел за обычный для человеческой жизни предел. И хотя мне самому так не кажется, может появиться мысль, что мой разум уже не является достаточно острым и способным к аналитической работе, как когда-то было, и что я становлюсь человеком, склонным к необычным фантазиям.

Единственное доказательство, если это можно назвать доказательством, которое у меня есть, чтобы подкрепить мою теорию, — это тот человек, которого я встретил. Он принадлежит к цивилизации, которая стоит неизмеримо выше нашей. Для того, кто читает мой рассказ, дожно быть очевидно, что, разговаривая со мной, он использовал меня в своих целях, он направлял разговор в нужном ему направлении так же легко, как это мог сделать мой современник, общаясь с древним греком или с современником Аттилы. Я уверен, что он являлся человеком, хорошо владеющим искусством разговора, и разбирался в психологии. Оглядываясь на происшедшее, я полагаю, что он, безусловно, стоял по своему раз-

витию далеко впереди меня. И пишу это не только для того, чтобы данные, которыми я располагаю, и мои предположения, которые я опасаюсь передавать кому-либо во время моей жизни, не были полностью утеряны, но также для того, чтобы они дошли до времени, когда более высокие знания, чем те, которыми мы располагаем сейчас, будут способны как-то объяснить эти факты. И я надеялся, как человек, который будет читать эти записи, не будет смеяться надо мной после моей смерти. Я боюсь, что, если надо мной посмеются, я, даже мертвый, почувствую это. Это самое слабое место всех нас, Саттонов. Мы не переносим, когда над нами глумятся. На тот случай, если кто-нибудь подумает, что я ненормальный, я вкладываю сюда свидетельство врача, написанное всего три дня назад. Оно утверждает, что в результате осмотра, врач нашел меня в полном здравии души и тела.

Но рассказ мой еще не полностью закончен. Ряд дополнительных сведений об этих событиях должен был быть включен в предыдущую часть моих записей, но я просто не нашел места, где бы они могли достаточно органично войти в мой рассказ.

Они касаются странного случая. Однажды была украдена одежда, и появился Вильям Джонс. Одежда была украдена несколько дней спустя после происшествия на пустоши. Марта закончила стирку в тот день еще до наступления жаркого полдня и развесила белье на веревке. Придя за высохшим бельем, она обнаружила, что мой старый комбинезон, рубашка Роланда и чья-то пара носков исчезли.

Эта кража вызвала переполох, так как такое у нас не часто случается. Мы перебрали всех своих соседей с чувством некоторого смущения, хотя мы и говорили осторожно и нас никто не слышал, но сама мысль об этом по отношению к ним была несправедливой.

Мы вспоминали об этом в течение нескольких дней и, в конце концов, сошлись на том, что кража была делом рук какого-то бродяги, хотя это объяснение казалось малоправдоподобным, поскольку мы живем вдали от дорог и бродяги не часто появляются в наших краях, а в этом году особенно. Этот год был годом экономического процветания, и бродяг, искавших работу, было мало.

Прошло примерно две недели со дня кражи, когда в нашем доме появился Вильям Джонс и спросил, не нужна ли помощь в уборке урожая? Мы с радостью приняли его, поскольку рабочих рук не хватало. Зарплата, которую он просил, была меньше обычной... Мы взяли его только на сезон уборки урожая, но он оказался таким хорошим работником, что остался у нас еще на несколько лет. И сейчас, когда я пишу эти строки, он все еще живет у нас, и в это время находится во дворе, в сарае, где осматривает сноповязалку.

Есть что-то странное в Вильяме Джонсе. В нашей местности человек очень скоро получает прозвище или его зовут уменьшительным именем от собственного. Но Вильям Джонс всегда оставался Вильямом. Его никогда не называли Вилл или Уилли, не называли кличками Спайк или Бад, или

Кид. В нем есть какое-то спокойное достоинство, которое заставляет других людей относиться к нему с уважением, а его любовь к работе, спокойный и разумный подход ко всякому делу завоевали для него в нашем кругу место, значительно более высокое, чем обычно занимает простой человек, простой рабочий.

Он совершенно не пьет. Это очень хорошее качество, за которое я его уважаю, хотя было время, когда я думал, что это не так. В то время как он пришел к нам, его голова была перевязана бинтом, а он объяснил нам с некоторым смущением, что его избили в драке в каком-то баре, там, за рекой в округе Кроуфорд.

Я не знаю, когда я стал подозревать Вильяма Джонса. Конечно, сначала я принял его за того, кем он хотел казаться, то есть за человека, который ищет работу. Если и было у него сходство с тем человеком, которого я встретил на пастбище, то в то время я этого не заметил. А сейчас, когда я обратил на это внимание, по истечении времени, я задумываюсь — не играет ли со мной шутки мой разум, не поддалось ли мое воображение тем теориям путешествия во времени, и я начинаю видеть загадочные вещи чуть ли не за каждым деревом.

Но это убеждение росло во мне на протяжении многих лет, пока я был связан с ним. Это доказывает также то, что он хотя и умеет держать себя соответственно своему месту среди нас и пользоваться языком, не отличающимся от нашего, все равно случается, что в его словах чувствуется большая образованность, понимание таких вещей, которого нельзя ожидать от сельскохозяйственного рабочего на ферме, получающего семьдесят пять долларов в месяц и питание.

Кроме того, в нем есть какая-то естественная скромность... осторожность человека, который старается приспособиться к обществу, не являющемуся для него обычным.

И теперь насчет этого дела с одеждой... Думая о том, что произошло, я не могу быть уверен, что комбинезон, в который он был одет, именно тот, украденный, поскольку все комбинезоны похожи. А рубашка выглядела именно так, как украденная, хотя я убеждал себя, что нет ничего удивительного в том, что два человека носят одинаковые рубашки. Он был бос, что в то время казалось странным, но он объяснил, что у него кончились деньги, и я одолжил ему небольшую сумму для покупки ботинок и носков. Но оказалось, что в кармане у него пара носков.

Некоторое время назад я решил откровенно поговорить с ним, но не мог набраться смелости для этого. И, зная, что он относится ко мне хорошо, я никогда не решусь испортить наши отношения вопросом, который может заставить его уйти с фермы.

Есть еще одно, что отличает Вильяма Джонса от других наемных рабочих. На первые же заработанные деньги он купил себе пишущую машинку и в течение первых двух лет, что он жил у нас, вечерами долгие часы что-то печатал на ней в своей комнате. При этом он вставал и расхаживал по комнате, как человек, что-то обдумывающий. Однажды ранним утром,

еще до того, как все пробудились, он собрал большую кипу бумаги, очевидно, результат его работы, и сжег ее. Я следил за ним из окна своей спальни и видел, что он оставался возле костра, пока последний лист бумаги не превратился в пепел. Затем он повернулся и медленно побрел к дому.

Я никогда в разговоре с ним не упоминал об этом случае, так как чувствовал, что он не хотел, чтобы кто-нибудь знал об этом.

Так я могу продолжать на протяжении многих страниц и рассказать еще о многих других, может быть малозначительных и не имеющих системы случаях, но о которых я в последнее время постоянно думаю. Это ничего не прибавит к тому, что я здесь сообщил, а даже наоборот, приведет к тому, что читатель подумает, будто я немного свихнулся. Тому, кто читает это, я хотел бы сделать еще одно заявление. Хотя моя теория, мое объяснение этих событий может быть неправильным, я хочу, чтобы читающий поверил мне: все это было правдой. Я действительно видел эту машину на пустоши, я действительно разговаривал с этим необыкновенным человеком, я действительно нашел там гаечный ключ, на котором была кровь, одежда была украдена с бельевой веревки, а человек по имени Вильям Джонс сейчас наливает воду из ведра у колодца, поскольку день стоит сегодня очень жаркий.

Искренне ваш Джон К. Саттон.

22

Саттон сложил письмо, и шуршание старой бумаги неестественно громко прозвучало в тишине комнаты. Затем он что-то вспомнил, снова развернул стопку листов и нашел среди них эту вещь. Бумага была желтой, старой и не такого хорошего качества, как та, на которой было написано письмо. На ней чернилами был написан ряд строчек. Чернила выцвели так, что едва можно было прочесть написанное. Дата была неясной, кроме последней цифры «7». Саттон с трудом разобрал, что там нацарапано:

«Джон Саттон был сегодня осмотрен мной, и я нашел его здоровым. Он вполне здоров умственно и физически».

Подпись неразборчива, впрочем, она, вероятно, была неразборчивой и тогда, когда едва успели высохнуть чернила, но две буквы в самом конце оказались ясно видны. Это были буквы «Д» и «М» (Доктор Медицины).

Саттон, глядя в пустоту комнаты, представил себе сцену, которая происходила в тот дальний день.

«Доктор, я намерен написать завещание. Не могли бы вы...» Джон К. Саттон, конечно, не мог сказать доктору действительную причину того, зачем ему понадобился этот документ.

Саттон мог легко представить себе автора письма. Человек с медлительной походкой, делающий все, предварительно хорошо обдумав. Это

обдумывание занимало у него много времени, он верил в те жизненные принципы, которые уже в то время казались для большинства людей устаревшими и совершенно забылись в течение прошедших столетий.

Очень вероятно, что для своих родных он был выживающим из ума семейным деспотом. Возможно, он служил объектом насмешек своих соседей, которые издевались над ним за его спиной. Этому человеку недоставало чувства юмора, и он с недоумением поднимал брови, сталкиваясь с различными тонкостями этики и этикета.

Он получил образование в области права, и интеллект его сформировался под действием этих факторов — это отчетливо было видно из его записей. Его склад ума проявлялся в пристрастии к деталям, медлительности мышления, обстоятельность проистекала от близости к земле, преклонный возраст проявлялся в категоричности суждений. Не было никаких сомнений в том, что это человек искренний. Он верил, что действительно видел эту странную машину и действительно разговаривал с этим необычным человеком, и подобрал с земли гаечный ключ, на котором была...

Ключ!

Саттон резко поднялся с постели.

Ключ был в сундуке. Он, Ашер Саттон, держал его в руках и бросил в кучу старых бумаг вместе с обглоданной костью и тетрадками, оставшимися со времени его учения в колледже.

Рука Саттона дрожала, когда он клал письмо обратно в конверт.

Его внимание сначала привлекла марка на конверте, которая стоила бог знает сколько тысяч долларов... затем само загадочное письмо... и теперь этот ключ. Он все объяснял.

Он означал, что действительно существовала эта загадочная машина и еще более странный человек... человек, который достаточно разбирался в искусстве ведения разговора и в психологии, чтобы произвести сильное впечатление на престарелого и углубленного в себя Джона К. Саттона. Он обладал достаточно быстрой реакцией, чтобы направлять разговор с этим фермером, встреченным им во время прогулки, и удержал его от тех вопросов, которые ему очень хотелось задать.

«Кто вы? Откуда вы прибыли? Что это за машина? Я никогда раньше не видел такой. Как она работает?» На эти вопросы было бы нелегко ответить, если бы они были заданы.

Но они не были заданы.

Джон К. Саттон оставил свое последнее слово за собой. Это всегда было в его привычках.

Ашер Саттон рассмеялся, думая об этом его качестве, и к чему это, в конце концов, привело. Старина был бы доволен, если бы он мог узнать об этом... Конечно, где-то, в чем-то был какой-то просчет. Письмо утеряли, отправили не туда, куда следует, и, наконец, оно каким-то образом попало в руки другого представителя рода Саттонов, но уже через шесть тысяч лет.

И вероятно, так было лучше для Саттонов, потому что эти записки не сумели бы правильно оценить в те годы.

Люди, которые путешествовали во времени и чьи машины выходили из строя, что приводило, так сказать, к «вынужденным посадкам во времени» на пастбищах для коров... И были другие люди, которые сражались во времени, и их горящие корабли падали в болото...

«Бой произошел в 83-м», — сказал умирающий юноша. Не битва при Ватерлоо, не сражение на орбите Марса, просто в 83-м.

Был человек, который перед смертью произнес имя и, приподнявшись, сделал знак странно сложенными пальцами.

«Итак, я известен, — подумал Саттон. — В 83-м и позднее, как следует из его слов, то есть в его время, три столетия спустя».

Он сперва потянулся к своему пиджаку и вытащил письмо вместе с книгой из кармана, затем встал с постели и начал одеваться.

Ему пришло в голову, что нужно кое-что сделать. Прингл и Кейс прибыли на астероид на каком-то космическом корабле, и пока они здесь, его нужно найти.

23

Дом казался покинутым. Большой, пустой, он вызывал у Саттона ощущение одиночества, к которому, казалось бы, он должен был бы привыкнуть. Но он все же содрогнулся, ощутив прикосновение этой пустоты. Он постоял некоторое время в дверях комнаты, прислушиваясь к звукам, едва слышным, и случайным шорохам и скрипам, как будто дом слегка вздыхал. Они походили на звуки, которые издают бревна, схваченные морозом, на стоны, вызванные прикосновением ветра к оконному стеклу. Другие звуки не были ни на что похожи, но они вдыхали жизнь в то, что никогда не было живым.

Ковровое покрытие пола приглушало шаги Саттона, когда он спускался по лестнице вниз, держась рукой за перила. Едва он достиг холла, то немного постоял, привыкая к темноте, затаившись там. Постепенно предметы, похожие на спрятавшихся чудищ, приобретали привычные очертания стульев, диванов, стола, шкафа.

На одном из стульев сидел человек. Как будто почувствовав, что Саттон увидел его, он пошевелился и повернул к нему свое лицо. Было слишком темно, чтобы различить его черты, но Саттон знал, что это Кейс. Тут же он подумал, что храпевший в комнате человек был Прингл, но Саттон понимал, что для него безразлично, кто из них поджидает его.

— Итак, мистер Саттон, — медленно произнес Кейс, — вы решили пойти посмотреть, где находится наш корабль?

— Да, — ответил Саттон, — именно это я и хотел сделать.

— Чудесно, — усмехнулся Кейс, — больше всего люблю, когда человек говорит правду. — Он вздохнул. — Приходится встречать так много

скрытных людей, лгущих вам или говорящих полуправду. И притом считая себя умнее вас, они уверены, что вы им верите.

Кейс поднялся со стула, высокий, прямой и строгий.

— Мистер Саттон, — проговорил он. — Вы мне очень нравитесь.

Саттон чуть не рассмеялся над абсурдностью ситуации, но в голосе Кейса ощущалась холодность и жестокость, которая давала Саттону возможность понять, что сейчас не до смеха.

На лестнице за его спиной послышались приглушенные шаги, и голос Прингла тихо прозвучал в комнате:

— Итак, он решил попробовать.

— Как видишь, — ответил Кейс.

— Я говорил тебе, что он попытается, — повторил Прингл почти с торжеством. — Я говорил тебе, что он все это уже передумал.

Саттон проглотил комок, подступивший к горлу... и почувствовал злость, злость на то, что они говорили о нем так, будто его здесь не было.

— Боюсь, — обратился Кейс к Саттону, — что мы вас слишком беспокоим. Мы очень нетактичные люди, а вы — человек чувствительный. Но давайте забудем обо всем этом. Я полагаю, что вы хотели что-то сделать с нашим кораблем?

Саттон пожал плечами.

— Теперь ваш ход, — предложил он.

— Но вы нас неправильно поняли, — возразил Кейс. — Мы ничуть не возражаем. Пожалуйста, идите и делайте что хотите.

— Вы имеете в виду, что я не смогу найти корабль?

— Мы имеем в виду, что вы сможете найти корабль. Мы не пытались прятать его, можем даже показать вам дорогу. Мы пойдем вместе с вами, тогда это займет у вас гораздо меньше времени.

Саттон почувствовал, что между лопатками у него бежит струйка пота, а лоб увлажнился.

«Это ловушка, открыто мне расставленная, и даже без всякой приманки. И я вошел в нее, даже не заметив этого», — подумал Саттон.

Но теперь стало уже слишком поздно. Возможности повернуть назад не оставалось. Он попытался придать своему голосу безразличие.

— О'кей, — сказал он, — я буду играть по вашим правилам.

24

Корабль оказался реальной вещью — необычной, но вполне реальной. И это было единственно реальным: все остальное, что окружало Саттона, было чем-то феерическим, как будто ему снился сон. И в любой момент он мог проснуться.

— Та карта вон там, — сказал Прингл. — Она вас озадачила, вне всякого сомнения. И это не удивительно, поскольку это карта времени. — Он

рассмеялся и потер затылок своей большой ладонью. — По правде говоря, и я сам не вполне понимаю эту штуку, но Кейс разбирается в этом. Кейс — человек военный, а я только специалист по пропаганде, а пропагандист не обязан знать то, о чем он говорит, если он говорит об этом достаточно убедительно. А человек военный должен знать все. Может случиться так, что он окажется за восьмым шаром и его жизнь будет зависеть от того, знает он или нет.

«Вот оно, — подумал Саттон. — Вот то, что беспокоило меня, вот ключ к разгадке, которая все время ускользала от меня. Вот объяснение того, о чем можно было лишь догадываться. Вот кого представлял Кейс, и вот почему он оказался здесь на астероиде.

Человек военный.

Я должен был догадаться, — сказал себе Саттон, — но я думал в категориях настоящего, а не будущего или прошлого. В сегодняшнем мире нет военных как таковых, но они были в прошлом и, возможно, появятся в тех веках, которые еще будут».

Он обернулся к Кейсу.

— Война, которая ведется в четырех измерениях, наверное, довольнотаки сложная штука.

Он сказал это не только потому, что его интересовала эта тема, но в основном потому, что, как он почувствовал, была его очередь сказать что-нибудь. Нужно было поддержать этот разговор, напоминающий беседу за чаепитием у Сумасшедшего Зайца.

«Да, — повторил Саттон самому себе, — именно так это и выглядит... Совершенно абсурдная ситуация. Психопатическая интерлюдия к чему-то, что, конечно, имеет какой-то смысл, совершенно непонятный в настоящий момент».

— Пришло время, — сказал Кейс, — поговорить о различных вещах. О башмаках, о кораблях, о сургуче, о капусте и о королях...

Кейс улыбался, пока они беседовали, губы его при этом растягивались в тонкую щель: точная, жестокая военная улыбка.

— Прежде всего, — произнес Кейс, — речь идет о картах, об очень специализированном знании, об интуиции. Если вы догадываетесь, где находится противник и что он делает, вы ударяете первым.

Саттон пожал плечами.

— По сути дела, — усмехнулся он, — этот принцип действовал всегда. Ударить первым...

— Да, — согласился Прингл. — Сейчас у противника куда больше возможностей в выборе места и способа действовать.

— Приходится работать с графическим изображением мысли, с картами отношений и с историческими данными, — пояснил Кейс так, как будто его никто не прерывал. — Необходимо изучить некоторые события, которые произошли в прошлом, а затем вы направляетесь туда и стараетесь изменить эти события... чуть-чуть. Вы понимаете? Никогда нельзя изменять слишком сильно. А только настолько, чтобы окончательный ре-

зультат оказался несколько другим, менее благоприятным для противника. Небольшое изменение здесь, небольшое изменение там, и победа за вами.

— Время представляет собой концепцию разума, — продолжал разговор Прингл. — Субстанцию времени искали повсюду, пока не обнаружили, что она является принадлежностью человеческого разума. Думали, что это четвертое измерение. Вы помните Эйнштейна?

— Эйнштейн не утверждал, что это будет четвертое измерение, — возразил Кейс. — Время не является измерением в том смысле слова, в каком вы его употребляете, как если бы вы произносили длина, ширина и высота. Эйнштейн считал, что время — это продолжительность...

— Но «четвертое измерение»? — вновь продолжал Прингл.

— Нет, это не так, — возмутился Кейс.

— Джентльмены, — прервал их Саттон, — джентльмены!

— Во всяком случае, — согласился Кейс наконец, — этот самый Майкельсон из вашего времени догадался, что оно представляет собой концепцию разума, существует только в человеческом разуме и не имеет никаких физических свойств, кроме человеческой способности понимать его. Он обнаружил, что человек, у которого достаточно сильное чувство времени...

— Есть люди, вы знаете, — перебил Прингл, — с обостренным чувством времени. Они могут сказать, что прошло десять минут с какого-то момента, и окажутся правы, более того, они могут контролировать даже секунды с точностью лучших хронометров.

— Итак, Майкельсон построил искусственный «мозг времени», — сообщил Кейс, — мозг, у которого чувство времени было увеличено в миллион раз, и обнаружил, что такой мозг может управлять временем в определенных пределах. И он научился двигаться сквозь время и проносить сквозь время любые предметы, которые попадают в сферу его деятельности.

— Это как раз то, чем мы пользуемся сейчас, — пояснил Прингл, — мозг времени. Вам просто нужно нажать необходимую кнопку, которая сообщит этому мозгу, что вы хотите направиться... или, точнее, вы желаете отбыть, а он делает все остальное. Просто, не правда ли? — и он посмотрел на Саттона.

— Вне всякого сомнения, очень просто, — согласился Саттон.

— А теперь, мистер Саттон, — включился в разговор Кейс, — чего вы еще хотели бы?

— Ничего, — ответил Саттон, — совершенно ничего.

— Но это глупо с вашей стороны, — возразил Прингл настойчиво. — Должно же быть что-то такое, чего вы желаете.

— Может быть, некоторую информацию.

— Информацию о чем?

— О том, что вообще происходит.

— Вы собираетесь написать книгу? — спросил Кейс.

— Да, — ответил Саттон, — я намереваюсь написать книгу.

— И вы хотели продать ее?

— Я хочу, чтобы ее опубликовали.

— Книга, — констатировал Кейс, — является предметом продажи. Это продукт работы ума и затрата физической энергии. Она имеет реальную ценность.

— Я согласен с вами, — поддакнул Саттон, — и полагаю, что вы заинтересованы в ее покупке.

— Мы издатели, — объяснил Кейс, — и ищем книгу для публикации.

— Бестселлер, — добавил Прингл.

Кейс сел прямо.

— Все это очень просто, — объяснил он, — деловое соглашение. Мы хотели бы, чтобы вы продолжали свою тему и предложили свою цену.

— Можете сильно завысить ее, — разрешил Прингл. — Мы готовы заплатить.

— Мне не приходит в голову никакая цена.

— Мы обсуждали этот вопрос, — сказал Кейс, — в предварительном порядке, думая о том, сколько вы можете запросить и сколько мы можем заплатить вам. Мы надеемся, что вы не против иметь планету в качестве своей собственности.

— Мы могли бы дать вам целую дюжину планет, — вмешался Прингл, — но это бессмысленно. Что человек может сделать с дюжиной планет?

— Он мог бы сдавать их в аренду, — ответил Саттон.

— Вы имеете в виду, — спросил Кейс, — что согласны иметь дюжину планет?

— Нет, я не это имел в виду, — ответил Саттон. — Просто Прингл поинтересовался, что можно делать с дюжиной планет, и я ему ответил. Я сказал...

Прингл так наклонился со своего кресла, что чуть не упал.

— Послушайте, мы говорим не о планете, которая находится на задворках Вселенной. Мы предлагаем планету, которая уже обработана, ландшафт которой приведен в порядок, и на ней нет никаких неприятных форм жизни, а только царит летний климат и живут дружелюбные аборигены.

— И кроме того, мы предлагаем вам деньги, — добавил Кейс, — чтобы ваша планета ни в чем не нуждалась до конца ваших дней.

— Она находится в центре Галактики, — продолжал Прингл, — этот адрес достоин вас. Вам не придется стыдиться его.

— Меня это не интересует, — ответил Саттон.

У Кейса кончилось терпение:

— Боже мой, что же вы хотите?

— Мне нужна информация.

— Хорошо, — вздохнул Кейс, — мы дадим вам информацию.

— Почему вы хотите купить именно мою книгу?

— Существует три группы заинтересованных в вашей книге лиц, — объяснил Кейс. — Одна из них хочет убить вас, чтобы помешать вам опубликовать ее. И что особенно важно, они могут сделать это, если вы не объединитесь с нами.

— А вторая группа?

— Третья.

— Да, третья.

— Они хотят, чтобы вы написали книгу, но ничего не заплатят вам за это. Они сделают все, что в их силах, чтобы облегчить вам написание этой книги и защититься от тех, кто хочет вас убить. Но они не предложат вам денег.

— Если я приму ваше условие, — усмехнулся Саттон, — то, я полагаю, вы поможете написать мне книгу. Я имею в виду редактирование и всякие подобные вещи.

— Естественно, — ответил Кейс, — мы заинтересованы в этом и хотим сделать все наилучшим образом.

— В конце концов, — заметил Прингл, — наша заинтересованность в этом деле не меньше, чем ваша.

— Я очень сожалею, — подытожил Саттон, — но моя книга не продается.

— Мы можем еще надбавить, — предложил Прингл.

— И все же она не продается.

— Это ваше последнее слово? — спросил Кейс. — Вы все обдумали?

Саттон утвердительно кивнул.

Кейс вздохнул.

— Тогда, — сказал он, — я полагаю, мы должны вас убить.

И он вытащил из кармана пистолет.

25

Психометр продолжал работать, то ускоряя, то замедляя темп. Иногда он издавал звук, похожий на хрипение расстроенного механизма часов. Это был единственный звук в комнате, и Адамсу показалось, что он слышит биение сердца, либо дыхание спящего человека, либо пульсацию крови в сонной артерии.

Он с гримасой посмотрел на кучу бумаг, которую минуту назад рассерженно сбросил со стола движением руки, поскольку в них ничего не было. Абсолютно ничего. Личные дела его сотрудников, каждое из них безупречно, тщательно проверено. Свидетельство о рождении, свидетельство о прохождении обучения, рекомендации, проверка на лояльность, психологические тесты — все данные, которые должны быть. Ни одного изъяна.

В этом и была вся загвоздка... Ни в одном личном деле, ни у одного человека из персонала службы не оказалось ни одного недостатка. Ничего, за что можно было бы ухватиться, что могло бы вызвать подозрение. Все чисто и бело, как лилия.

И все же кто-то из них похитил Саттона. Кто-то из них сообщил Саттону о ловушке, которая устроена в отеле. Кто-то из них, знавший о ловушке, действовал так, чтобы спасти Саттона.

«Шпионы», — сказал себе Адамс и ударил кулаком по столу с такой силой, что ушиб костяшки пальцев.

Только их человек мог взять досье Саттона. Только их человек мог знать о решении уничтожить Саттона и о трех людях, которым было поручено выполнить это.

Адамс мрачно усмехнулся. Психометр как бы смеялся над ним.

«Крак, — безжалостно продолжал он, — клик, клик-клик».

Это звучало сердце Саттона, звенело его дыхание... Это была жизнь Саттона, где-то продолжающаяся. До тех пор, пока Саттон жив, независимо от того, где он был и что он делал, психометр будет издавать эти звуки: «Крак, крак, крак».

Он где-то в районе пояса астероидов, указывал психометр. Это очень неточное указание вывело на орбиты многие корабли, оснащенные психометрами, корабли, которые участвовали в операции с целью уточнения местонахождения Саттона. Рано или поздно... через часы, или дни, или недели, но Саттона найдут.

«Крак...»

— Война, — сказал человек в маске.

И спустя какие-то часы корабль, издавая свистящие звуки, прорезал небосклон над холмами, подобно светящейся комете, и упал в болото. Корабль, каких еще не было, внутри которого находилось оплавленное оружие, не похожее ни на что, известное человеку. Корабль, чей грохот разбудил спящих жителей в радиусе многих миль. Его раскаленный металл сверкал в небе подобно маяку.

Корабль и тело, и след, который оставил человек на протяжении трехсот ярдов в болоте. Следы одного человека и слабые следы других ног, тянущихся через топь. И тот, который тащил на себе другого полумертвого человека, был Ашер Саттон, поскольку его, Саттона, отпечатки пальцев обнаружили на одежде человека, лежащего у края болота.

«Саттон, — подумал Адамс, — всегда этот Саттон. Имя Саттона на обложке книги на Альдебаране XII, отпечатки пальцев Саттона на одежде мертвеца. Человек в маске сказал, что никакого инцидента на Альдебаране не произошло бы никогда, если бы не было Саттона. И Саттон убил Бентона пулей в руку».

Доктор Рэйвен сидел напротив него и рассказывал о том дне, когда Саттон пришел к нему в университет.

— Он нашел судьбу, — пояснил доктор Рэйвен, — и сказал это очень просто, как о чем-то обыкновенном, словно можно было ожидать, что это определенно произойдет. Нет, это не религия, — продолжал доктор Рэйвен, и послеполуденное солнце сверкало на его белых как снег волосах. — Нет, нет, — это не религия, это судьба, разве вы не понимаете?

— Судьба. Имя существительное. Судьба — как предопределенный ход событий, часто понимаемый как необоримая сила...

— Это правильное определение, — подтвердил доктор Рэйвен, как бы обращаясь к лекционному залу, — которое может быть несколько изменено, когда Ашер Саттон допишет свою книгу.

— Но как Саттон мог найти судьбу? Судьба — это идея, абстракция.

— Вы забываете, — мягко прервал его доктор, как будто говорил с ребенком, — ту часть определения, где говорится о необоримой силе. Это как раз то, что он нашел. Силу.

— Саттон рассказывал мне о тех существах, которых он обнаружил на 61 Лебедя, — сообщил Адамс. — Он не сумел описать их достаточно понятно. Он просто сказал, что больше всего подходит определение «симбиотические абстракции».

Доктор Рэйвен кивнул головой и весь обратился во внимание. Он подумал, что определение «симбиотические абстракции» совпадает с тем, что нужно, хотя и трудно решить, что же это такое и на что похоже.

— Давайте попросим объяснения у робота, — предложил он.

Информационный робот на его вопрос ответил техническим термином. Адамс повторил задание.

— Симбиоз, — ответил он, — сэр, симбиоз — это очень просто. Это взаимовыгодное сотрудничество двух организмов различных видов, обоюдоблагоприятное, вы понимаете, сэр? Вот что очень важно — это фактор, касающийся взаимной выгоды. Когда это сотрудничество благоприятно не только для одного, но именно для обоих. Но сотрудничество — это нечто другое. В этом случае тоже присутствует взаимная выгода, сэр, но отношения внешние, а не внутренние. Это не паразитизм, если уж на то пошло, так как в этом случае только одна сторона получает выгоду. Хозяин не получает выгоды, ее получает только паразит. Это, может быть, звучит несколько запутанно, сэр, но...

— Расскажите мне, — попросил Адамс, — относительно симбиоза. Все остальное для меня не важно.

— В действительности, — продолжал робот, — это очень простая вещь. Взять, например, мох. Вы знаете, конечно, что он существует с некоторыми видами грибков.

— Нет, — ответил Адамс, — я не знал.

— Это действительно так, — подтвердил робот. — Грибок растет внутри мха: внутри корней, веточек и даже внутри семян. И если бы не было этих грибков, то мхи не могли бы произрастать на такой бедной почве, в которой они живут. Никакое растение не может расти на такой почве, потому что, вы понимаете, сэр, никакое другое растение не сосуществует с этим грибком. Мхи представляют грибкам место для жизни, а грибки дают им возможность произрастать на чрезвычайно скудной почве.

— Я бы не назвал это очень простым, — возразил ему Адамс.

— Ну, — ответил ему робот, — есть и другие примеры, конечно. Некоторые ползучие растения представляют собой сочетание организмов типа водорослей и грибковых. Другими словами, эти растения представляют собой два различных вида организмов.

— Удивительно, — сказал Адамс сердито, — как ты не растаешь от счастья, что так хорошо знаешь все это.

— Кроме того, существуют еще такие животные, имеющие зеленую окраску, — продолжал робот.

— Лягушки, — уточнил Адамс.

— Нет, не лягушки, некоторые простейшие животные. Это организмы, которые живут в воде, понимаете? Они вступают в симбиоз с некоторыми водорослями. Животные пользуются тем кислородом, который они получают от растений, а растения усваивают углекислый газ, выделяемый животными. А есть еще черви, внутри которых в симбиотическом состоянии живет водоросль, она помогает ему в процессе пищеварения. Этот симбиоз действует очень успешно, за исключением тех случаев, когда червь переваривает и саму водоросль. И даже это становится возможно лишь в результате присутствия этой водоросли, с помощью ее самой.

— Все это очень интересно, — ответил Адамс роботу. — А теперь скажи мне, что представляет собой симбиотический абстракционизм?

— Нет, — сказал робот, — этого я объяснить не могу.

И доктор Рэйвен, сидевший за столом в кабинете Адамса, подтвердил это.

— Довольно трудно представить себе, что такое симбиотическая абстракция, чем это может быть.

В ответ на все дальнейшие вопросы он еще раз повторил:

— Нет, это не новая религия, которую открыл Саттон. Бог мой, нет, не религия.

А доктор Рэйвен, как это усвоил Адамс, был тем человеком, который знает, что говорит. Он являлся одним из лучших и известных специалистов в области религии во всей Галактике.

— Эта идея должна быть совершенно новой, — еще раз повторил он, — да, совершенно и абсолютно новой идеей. — Рэйвен откашлялся.

«А идеи могут быть опасными, — подумал Адамс. — Ведь людей в Галактике не так уж много. Достаточно одного изреченного слова, одной случайной мысли для того, чтобы вызвать к жизни такие события, как восстания, войны и тому подобное, вызвать к жизни насилие, в результате чего человек снова будет отброшен в пределы Солнечной системы, к тому небольшому количеству планет, которые там сосредоточены, и окажется запертым, как в клетке, как это было когда-то».

Рисковать нельзя. Нельзя играть с чем-то, что невозможно понять. Уж лучше путь погибнет один человек, чем вся человеческая раса потеряет власть над Галактикой. Пусть лучше одна идея, какой бы великой она ни была, будет зачеркнута, чем все те огромные многообразные идеи, которыми владеет сейчас человечество, будут сметены и изгнаны из миллионов звездных систем.

Вероятность первая: Саттон не был человеком.

Вероятность вторая: он не рассказал всего того, что знал.

Вероятность третья: у него была рукопись, которую невозможно было разобрать.

Вероятность четвертая: он хотел писать книгу.

И пятая: у него была новая идея.

Вывод: Саттон должен быть убит.

«Крак, крак, крак, крак, тики, тики, тики».

«Война, — подумал Адамс, — война во времени. Она будет развиваться не повсюду, а только там, где человек расселился по Галактике. Это будет шахматная партия в трех измерениях с миллионами миллионов клеток и миллионами фигур. Причем правила будут меняться с каждым ходом.

Необходимо будет обращаться к прошлому, чтобы побеждать в битвах. Придется наносить удары в определенных пунктах и моментах в пространстве и времени, причем в таких местах и именно в то время, когда никто не будет знать, что идет война. Естественно, она может вернуться ко времени серебряных коней Афин, к скачкам на лошадях в колесницах Тутмоса XII и к открытиям Колумба. Она может затронуть все области человеческого бытия и мысли, может изменить мечты людей, которые не представляют себе время иначе, как только движущуюся тень на циферблате солнечных часов.

Для этого необходимо будет использовать агентов, пропагандистов и прочих специалистов, которые будут изучать все факты прошлого для того, чтобы они могли быть использованы в стратегической кампании. Пропагандистов, которые могут изменить материал прошлого таким образом, чтобы стратегия военных была более эффективной.

Это может привести к тому, что, например, персонал министерства юстиции в 7990 году будет насыщен шпионами, представителями «пятой колонны», саботажниками, и они могут проделать свое дело так хитро, что никто даже и не заметит, что они шпионы. Но так же, как и в обычной, честной войне, здесь сохраняют свое значение определенные стратегические пункты. Так же, как в шахматах, здесь одна из клеток имеет стратегическое значение».

Саттон был такой клеткой в игре. Он был такой клеткой, которую следовало занимать и во что бы то ни стало удерживать. Он был логикой, которая одна стояла на пути движения людей. И коней. Он был той пешкой, которую хотели завоевать обе стороны, враждующие стороны, и они использовали все для того, чтобы приложить еще большее усилие в этой борьбе и именно в этом единственном пункте...

И когда одна из сторон получит это преимущество, тогда-то и начнется разгром.

Адамс положил голову на скрещенные руки. Его плечи вздрагивали от рыданий, слова с трудом прорывались через плотно сжатые губы.

— Аш, дорогой, — говорил он, — Аш, я так рассчитывал на тебя, Аш...

Молчание. Затем он снова выпрямился в кресле. Сначала он не мог разобрать, определить, что случилось. Что-то было не так. Затем он понял. Психометр перестал издавать свои булькающие звуки.

Адамс наклонился вперед, над прибором, но не услышал никакого звука, звука работающего сердца, дыхания, тока крови, пульсирующей в сон-

ной артерии. Та сила, которая пробуждала этот прибор к действию, прекратила существование.

Адамс медленно поднялся в кресле, взял свою шляпу, надел ее.

Впервые в жизни Кристофер Адамс возвращался домой, прежде чем закончился рабочий день.

26

Саттон напрягся, сидя в своем кресле, а затем расслабился.

«Это блеф, — сказал он себе. — Им необходима книга, а мертвые не пишут книг».

Кейс ответил ему на это, как будто Саттон высказал свои мысли вслух.

— Вы не должны рассматривать нас как честных людей, поскольку мы даже и не пытаемся выглядеть таковыми. Прингл, я полагаю, даже в большей степени, чем я.

— Да, совершено точно, — подтвердил Прингл. — Я даже не знаю, зачем нужна такая вещь, как благородство.

— Хотя это что-то может означать для нас, если бы мы могли привезти назад к Тревору и...

— Минуточку, кто такой Тревор? — спросил Саттон. — Он что, новый?

— О, Тревор, — усмехнулся Прингл. — Разве вы не знаете? Тревор является главой корпорации.

— Корпорации, — объяснил Кейс, — которая хочет получить вашу книгу.

— Тревор осыплет нас наградами, — продолжал Прингл, — и богатством, если мы добудем ему эту книгу. Но поскольку вы не хотите с нами сотрудничать, нам придется искать другие возможности заработать себе и то, и другое.

— Итак, — сказал Кейс, — мы переменим позицию. Мы застрелим вас. Морган тоже заплатит за вас много, но он хочет, чтобы вы были мертвы. Ваше тело будет стоить довольно дорого. Да, это непременно будет так.

— И вы продадите тело ему? — спросил Саттон.

— Определенно, — подтвердил Прингл. — Мы не упускаем своего шанса никогда.

Кейс мягко обратился к Саттону:

— Надеюсь, вы не возражаете?

Саттон покачал головой.

— То, что вы сделаете с моим трупом, — сказал он, — это уже не мое дело.

— Тогда... — сказал Кейс и поднял пистолет.

— Минуточку, — проговорил Саттон спокойно.

Кейс опустил пистолет.

— Что? — спросил он.

— Он хочет сигарету, — усмехнулся Прингл. — Люди перед казнью, всегда просят сигарету, или стакан вина, или жареного цыпленка, или что-то в этом роде.

— Я хочу задать вопрос, — ответил Саттон.

Кейс кивнул.

— Я полагаю, — сказал Саттон, — что в в а ш е время я уже написал книгу.

— Правильно, — согласился Кейс, — и, с вашего позволения, я должен сказать, что это очень откровенная книга.

— Она опубликована в вашем издательстве или в чьем-либо другом?

Кейс засмеялся.

— Конечно, в чьем-либо другом. Если бы ее издали мы, зачем бы мы вообще оказались здесь, в ваше время.

Саттон поднял брови.

— Я уже написал ее. Без чьей-либо помощи и чьего-либо совета... и без какого-либо редактирования. А теперь, если я напишу ее еще раз и напишу так, как вы хотите, то могут возникнуть какие-либо осложнения.

— Нет ничего невозможного, — возразил Кейс. — Нет ничего, что не сможет быть удовлетворено.

— А теперь, раз вы собираетесь убить меня, вообще не будет никакой книги. Как вы это объясните?

Кейс нахмурился.

— Это будет очень трудно и неблагодарно. Но мы как-нибудь с этим справимся.

Он снова поднял пистолет.

Саттон покачал головой.

«Они не будут стрелять, — сказал он себе. — Это блеф. Пол холодный...»

Кейс нажал спусковой крючок.

Могучая, как удар кулака, сила обрушилась на тело Саттона и отбросила его назад, так что покосилось кресло, в котором он сидел. Саттон поплыл куда-то, будто находился на корабле, попавшем в магнитную бурю. Огонь блеснул в его мозгу, и он ощутил дыхание смерти, охватившей его своими когтями, и эта боль потрясла его нерв, процарапала каждую его кость. Явилась одна мысль, ускользающая мысль, за которую он пытался ухватиться, но она вырывалась из его разума, как угорь из пальцев.

«Изменение, — сформулировалась мысль, — изменение, изменение».

Он чувствовал происходящее изменение, чувствовал, как оно начинается уже в то время, как он умирал.

И смерть стала такой мягкой, черной, прохладной, сладкой и в то же время вызывающей чувство благодарности к ней. Он погрузился в нее, как пловец погружается в прибрежный прибой, и волна накрывает его и удерживает тело. И Саттон почувствовал пульсацию и биение того, что, он

знал, не имеет границ, и в то же время оно потрясло его своей уверенностью.

А на Земле психометр остановился, и Кристофер Адамс впервые в жизни отправился домой, прежде чем окончился рабочий день.

27

Херкимер лежал на кровати, пытаясь заснуть. Но сон не приходил. А он удивлялся тому, что ему приходится спать, есть, пить, как человеку. Но Херкимер не был человеком, хотя и был очень близок к нему и по уму, и по способностям. Так близок, как это только может быть. Его происхождение было химическим, а происхождение человека — биологическим. Он представлял собой лишь имитацию, а человек служил оригиналом.

«Дело в методе, — сказал он себе. — В методе и терминологии. Именно это отличает меня от человека, поскольку во всем остальном мы совершенно одинаковы.

Метод и термин, а также татуировка, которой я помечен между бровями. Я такой же, как человек, такой же хитрый и умный. И все же я только паяц. И я буду таким же ненадежным и подлым, как человек, если мне представится для этого возможность. Да, конечно, у меня есть татуировка, и мной кто-то владеет, и у меня нет души... хотя иногда я в этом сомневаюсь».

Херкимер спокойно лежал, глядя в потолок, и пытался припомнить некоторые вещи, но память не приходила к нему на помощь.

Сначала был инструмент, потом машина, которая по сути дела являлась более сложным инструментом, и она не представляла собой ничего иного, как эволюционное продолжение человеческой руки.

«Да, я человек, конечно».

Затем появился робот, а робот уже машина, похожая на человека. Машина, которая выглядела и разговаривала как человек, которая ходила как человек и выполняла все, что требовал от нее человек. Но это была карикатура на человека, как бы точно она ни была изготовлена, как бы хитро ни была сконструирована. Никогда не существовало возможности того, чтобы ее приняли за человека.

А что после роботов?

«Мы уже не роботы, — подумал Херкимер, — но мы еще не люди. Мы не машины, но в то же время мы не созданы из плоти и крови. Мы представляем собой набор химических элементов, принявших такую форму, которую избрали наши создатели, и нам была дана искусственная жизнь, настолько близкая к жизни настоящей, что настанет день, когда она с удивлением обнаружит, что между ними и нами нет никакой разницы. Мы созданы по образу и подобию людей, и сходство так велико, что нам приходится носить татуировку».

А в это время Саттон чувствовал, как жизнь возвращается к нему, как она вливается в его руки, ноги. Но он еще не дышал, сердце пока не билось.

Пол, вот что это такое... вот то слово, та поверхность, на которой он лежит. Плоская поверхность оказалась полом.

Послышались звуки, но он пока что не называл их так, поскольку не знал этого слова, а затем, некоторое время спустя, он уже понял, что это называется звуком.

Теперь он мог пошевелить одним пальцем, затем вторым.

Он открыл глаза и увидел свет.

Звуки — это голоса, а голоса произносили слова, а слова — это мысли.

«Как много уходит времени, — подумал Саттон, — на то, чтобы все это осознать».

— Нам нужно более или менее серьезно отнестись к этому делу, — произнес голос, — и уделить ему значительно больше внимания.

— Вся беда, Кейс, в том, что у нас с тобой не хватает терпения.

— Терпение здесь не принесет никакой пользы, — откликнулся Кейс. — Он был убежден, что все наши действия не более чем блеф. Что бы мы ни говорили и ни делали, он все равно считал это блефом. В данной ситуации мы бы ничего не достигли, поскольку у нас оставался один выход.

— Да, я знаю, — согласился Прингл. — Нам надо было убедить его, что это не блеф.

Послышался вздох.

— Жалко, однако, —проговорил он. — Саттон был таким способным человеком.

В течение какого-то времени они молчали. Теперь Саттон осознал, что не только жизнь, но и сила возвращается к нему. Возможность встать на ноги, поднять руку, возможность дать выход гневу. Сила, чтобы убить двоих людей.

— У нас не так уж плохо получилось, — произнес Прингл, — Морган и его банда заплатят нам хорошо.

Кейс сомневался:

— Мне что-то не по душе все это, Прингл. Мертвый есть мертвый, если ты оставляешь его таким, но если ты его продаешь, это сделает тебя кем-то вроде мясника.

— Меня это не беспокоит, — ответил Прингл. — А вот как это повлияет на будущее, Кейс? Оно во многом основывается на некоторых моментах, высказанных в книге Саттона. Если бы мы несколько изменили содержание книги, то это бы не так сильно повлияло на него... может, это вообще стало бы незаметно. Но теперь Саттон мертв, поэтому книги не будет и будущее станет совсем другим.

Саттон поднялся.

Они оцепенели. Рука Кейса потянулась к пистолету.

— Давай, — предложил Саттон, — стреляй в меня. Изрешети меня всего, все равно ты не проживешь одной минутой дольше.

Саттон попытался сосредоточить всю свою ненависть, как он это сделал когда-то во время схватки с Бентоном, еще на Земле. Тогда его ненависть была столь неистовой, что уничтожила мозг того человека. Но сейчас в нем не было ненависти, а лишь конкретное, направленное желание убить.

Он двинулся вперед на негнущихся ногах, его руки протянулись к ним. Прингл побежал, вереща, как крыса, пытаясь спастись.

Пистолет Кейса дважды выстрелил, кровь хлынула из груди Саттона, но он продолжал идти. Кейс бросил пистолет и прислонился к стене.

Это заняло немного времени.

Они не ушли, некуда было уходить.

29

Саттон направил корабль к небольшому астероиду, окруженному целой кучей каменных осколков, причем к астероиду, который по массе оказался не больше, чем сам корабль. Саттон почувствовал, как корабль соприкоснулся с астероидом, потом выключил поле притяжения, и теперь корабль продолжал лететь в пространстве вместе с притянутым к его борту астероидом. Руки Саттона отдыхали. Он спокойно сидел в кресле пилота. Пространство перед ним казалось угольно-черным и неприветливым, перечеркнутым лучами, которые закручивались в огненную корону. Они как бы несли какие-то послания холодного белого цвета через космос, в то время как астероид двигался по своей орбите.

«Это надежно, — сказал он себе. — Пока, во всяком случае».

Вероятно, надежно навсегда, поскольку его, должно быть, никто уже не искал. Да, он был в безопасности, но с дырой в простреленной груди, которая заливала кровью его рубашку и струилась по ногам.

«Это довольно удобно, — подумал он невесело, — иметь второе тело. Это второе тело, выращенное для меня лебедянами, будет жить до тех пор, до тех пор... А до каких пор?

А до тех пор, пока я не вернусь на Землю, не пойду к доктору и не скажу: «Меня подстрелили. Как насчет того, чтобы немного заштопать меня?»

Саттон засмеялся, он представил себе изумление доктора.

Или, может, вернуться на 61 Лебедя?

Но они его не пустят.

Или отправиться на Землю, прямо в таком виде, как сейчас, и ни к каким врачам не обращаться?

Он может достать другую одежду, а кровь перестанет течь, когда вытечет вся.

Но все заметят, что он не дышит.

— Джонни, — позвал он, но ответа не последовало, хотя Саттон почувствовал в своем сознании движение чужой мысли и сигнал взаимопони-

мания, исходящий от него. Такого взаимопонимания, которое испытывает собака и взмахом хвоста дает человеку понять, что слышит его, но в то же время сильно занята своей костью, чтобы отвлекаться от нее. — Джонни, — опять позвал Саттон, — есть какой-нибудь выход?

Должен быть какой-то выход. В этом вся надежда и в этом было нечто, о чем необходимо поразмыслить.

Он вообще не полностью использовал возможности, заложенные в его тело и в его разум.

Было время, когда он не знал, что может убивать одной своей ненавистью, что она подобна стреле, выпущенной из его мозга, стальной стреле, которая настигала жертву и убивала наповал.

И все же Бентон умер от пули в руку, но ведь он был мертв еще до того, как пуля настигла его?! Ведь Бентон выстрелил первым, но промахнулся, а живой Бентон никогда не промахнулся бы.

Было время, когда он не знал, что усилием мысли может контролировать энергию, достаточную для того, чтобы поднять корабль с каменистой планеты и нести его через пространство в течение семи лет.

И все же именно это он сделал, получив энергию от угасающих звезд и ничтожных пылинок материи, плавающих в вакууме космоса.

И все же Саттон раньше не знал, что может перейти от одной формы жизни к другой. Он не ведал, что когда одна из форм жизни, которыми он обладает, погибла, то автоматически выступала другая.

Именно это как раз и произошло. Кейс убил его, и он умер, но снова возвратился к жизни. Но умер он до того, как началось изменение. В этом он был убежден, поскольку помнил смерть и узнал ее. Он знал об этом из прошлого своего опыта.

Саттон чувствовал, как его тело питалось, питалось энергией звезд, как, скажем, обычный человек мог бы питаться апельсинами, как оно получало частичку энергии, заключенную в кусочке камня, к которому присоединился его корабль, как оно впитывало любые, даже самые ничтожные источники энергии, даже такие, как утечка энергии из двигателей корабля. Его тело питалось, чтобы снова обрести силу, чтобы возместить понесенный ущерб.

— Джонни, есть ли какой-нибудь выход?

Ответа опять не последовало. Он позволил своей голове опуститься на панель управления. Его тело продолжало питаться, получая энергию звезд.

Он слышал, как его кровь вытекала из груди и капала на пол, как текла по полу. Его разум был как бы окутан туманом, и он позволил ему оставаться в таком состоянии, поскольку все равно ничего нельзя было сделать. Но в этом не было необходимости. Саттон не знал, как пользоваться теперь своим мозгом. Он не знал, на что способен, на что — нет. Саттон вспоминал, как он падал с криком, обращенным к чужому враждебному небу, ощутив в течение какого-то мгновения дикое, напряженное возбуждение, через которое он прошел, когда понял, что мир 61 Лебедя лежит перед ним. Это то, что все космонавты Земли не смогли сделать, а ему одному это удалось.

Планета стремительно приближалась, и он уже видел ее поверхность, похожую на географическую карту, перечерченную какими-то запутанными линиями, которые выглядели на его экране черными и серыми.

Это было двадцать лет назад, но он помнил так, как будто это было вчера.

Саттон повернул руку и попытался повернуть ручку управления, но она не двигалась. Корабль продолжал падать вниз, и в какой-то момент он ощутил нарастающее волнение, которое превратилось в страх.

Одно только стало ясно, одна мысль царила среди проносившихся через его сознание чувств, молитв, один только обнаженный факт был сейчас реален — он должен разобраться. Он не помнил того, как разбился, поскольку даже не знал, как и когда это произошло. Был только страх, а потом не было ничего... Сначала осознанное понимание происшедшего, а потом ничего не стало, и было успокоение и полное забытье.

Сознание вернулось к нему... через мгновение, а может, через вечность... он не мог этого сказать.

Сознание вернулось, но оно стало другим.

Оно лишь частично было человеческим, лишь в малой степени. И знание, которое было новым для Саттона, но в то же время он знал, что оно было всегда.

Он чувствовал и знал, что его тело распростерто на земле, расплющенное, разбитое, раздавленное, потерявшее человеческий облик, но не мог этого видеть. Тем не менее он верил, что это его тело, знал его функции и строение, но все же чувствовал некоторое изумление, когда осознавал, что это за вещь, лежащая перед ним распростертой. Он понял, что для решения стоящей перед ним проблемы потребуются его способности.

Его тело должно быть заново собрано и отлажено таким образом, чтобы оно выполняло свои функции. Жизнь, ушедшая из этого тела, должна была снова вернуться в него.

Он думал о Шалтае-Болтае, и эта мысль показалась ему странной, поскольку этот детский стишок был совершенно новым для него и в то же время давно известным, но забытым.

— Шалтай-Болтай, — сказала ему вторая половина, вторая часть его существа, — не дает ответа.

Саттон знал, что это верно, поскольку Шалтай-Болтай, свалившийся со стены, не мог быть восстановлен.

Он почувствовал, что состоит из двух существ, поскольку одна его часть отвечала на вопросы, заданные другой. Был тот, кто отвечал, и тот, кто задавал вопросы, но они, несмотря на различие, были одним целым. Но что разделяет их на два существа, он понять не мог.

— Я твоя судьба, — это говорила та, отвечающая его часть. — Я с тобой с того момента, как ты начал жить. Я останусь с тобой, если ты не умрешь. Я не контролирую тебя, не заставляю искать что-либо, но я пытаюсь нести тебя по твоему пути, хотя ты этого и не знаешь.

Та его меньшая часть, которая была собственно Саттоном, согласилась:

— Да, теперь я это знаю.

Он как будто знал об этом всегда, хотя на самом деле познал это только что. Это было странно. Знание это, как он почувствовал, стало несколько запутанно, поскольку он теперь состоял из двух существ: из самого себя и Судьбы. Он не мог четко различить, какие вещи знал только как Саттон, а какие — как Саттон плюс Судьба Саттона.

«Я просто не могу знать этого, — подумал он. — Я не чувствовал этого раньше, не чувствую и сейчас. Во мне объединились две стороны моего существа: человеческая, то есть я сам, и Судьба, которая направляет меня к славному и великому будущему, если только я позволю ей сделать это. Она не заставит меня делать что-то и не остановит меня в моих поступках. Она будет только делать намеки, как бы нашептывать мне, что не нужно делать. Все то, что называется сознанием окружающего, умением верно оценивать обстановку, это то, что называется привильным образом жизни.

Это находится в моем мозгу, но этого нет ни у кого другого, поскольку я чувствовал это так, как никто другой.

Я знаю об этом с величайшей уверенностью, а они не знают вообще или, может быть, смутно догадываются об этой величайшей правде.

Мы все должны знать об этом. Знать, как знаю я. Но что-то мешает им узнать эту истину или искажает это знание таким образом, что оно становится неверным. Я должен выяснить, что это такое, и узнать, как преодолеть это. Я должен сделать это, чтобы подготовить будущее, чтобы оно было таким, каким должно быть, даже в то время, которое я уже не увижу».

— Я твоя Судьба, — произнес тот, кто должен отвечать. — Судьба, а не фатализм. Судьба не предсказание будущего.

Судьба, то есть то, что случится с людьми, расами, мирами.

Судьба, то есть знание того, какой вы должны сделать свою жизнь, как вы должны сформировать образ своей жизни... таким, каков он должен быть. Каким будет, если вы прислушаетесь к этому тихому спокойному голосу, который говорит с вами во время серьезных и важных моментов вашей жизни, когда вы стоите на распутье! Но вы ничего не слышите, и нет такой силы, которая заставила бы вас слушать. Не существует никакого наказания за то, что вы не слушаете этот голос, если не считать того, что вы идете против своей судьбы.

Были другие мысли, другие голоса. Саттон не мог сказать, что это за голоса, за исключением того, что они находились вне существа, состоящего из него самого и его судьбы.

«А, это мое тело, — подумал он. — Но я нахожусь где-то еще, где нельзя видеть так, как я привык видеть... и нельзя слышать, а я вижу и слышу, но уже как-то иначе, ощущая все это каким-то иным способом».

— Тебя пропустил экран, — произнес один голос, хотя слово «экран» не было произнесено.

И еще один голос сказал, что для создания экрана была применена какая-то технология, созданная на планете, название которой было непо-

нятно его разуму и воспринималось как-то неясно. В нем не чувствовалось никакого смысла, который Саттон мог бы уловить.

И была еще одна мысль, которая осуждала излишнюю сложность и несовершенство растерзанного тела Саттона. И в ней с очень большим энтузиазмом оправдывались простота и совершенство прямого восприятия энергии.

Саттон пытался крикнуть им в ответ:

— Ради бога, не спешите!

Ведь его тело стало таким, что очень быстро должно было необратимо погибнуть, и если оно слишком долго пробудет в таком состоянии, ничего уже нельзя будет сделать. Но он не мог сделать этого и, как бы во сне, слушал эти отвлеченные высказывания, сопоставление различных точек зрения, которые все сходились к одной ясной мысли, представляющей собой окончательное решение.

Он пытался определить, где же он находится, пытался сориентироваться в сложившемся положении, но обнаружил, что не может определить даже свою теперешнюю сущность, поскольку он сейчас не представлял собой физического тела, занимающего определенное место в пространстве и времени, и даже не являлся отдельной личностью. Он находился в промежуточном состоянии, не имел материального воплощения, существующего в определенном времени, и не мог понять, как ни старался, что же с ним происходит. Это была какая-то пустота, вакуум, который тем не менее что-то собой представлял и который взаимодействовал еще с чем-то, тоже подобным пустоте. Так это ему представлялось.

— Я твоя судьба, — сказал тот, что давал ответы, и, казалось, являлся его частью.

Но судьба — это слово, и больше ничего. Идея, абстракция. Неясное определение чего-то такого, что существовало в человеческом уме, но не имело материального воплощения. То, что разум человека согласен был принять в качестве идеи, которая даже не могла быть доказана.

— Ты не прав, — проговорила Саттону Судьба. — Судьба — это реальность, хотя ты не можешь увидеть ее. Это реальность для тебя и для всех других живых существ. Для каждого, кто знает, что такое жизнь. И она была всегда. И она будет всегда.

— Кто не мертв? — спросил Саттон.

— Ты первый, кто пришел к нам, — ответила Судьба. — Мы не дадим, не позволим тебе умереть, мы вернем тебе твое тело, но пока это произойдет, ты будешь жить со мной. Ты будешь частью меня, и это справедливо, поскольку я жила до сих пор благодаря тебе и была твоей частью.

— Вы не хотели, чтобы я явился сюда, — сказал Саттон, — вы построили экран, чтобы не допустить меня к вам.

— Мы желали, чтобы вошел только один, — объяснила Судьба, — такой, какой был нам нужен.

— Но вы позволили мне умереть?!

— Тебе необходимо было умереть. До тех пор, пока ты не умер и не

стал одним из нас, ты просто не мог понять. Пока ты находился в своем теле, мы попросту не могли достичь тебя. Тебе пришлось умереть для того, чтобы освободиться, и именно я была рядом, чтобы забрать тебя и сделать своей частью, ты понимаешь?

— Я не понимаю, — ответил Саттон.

— Ты поймешь, — сказала Судьба, — ты поймешь.

«И я понял, — подумал Саттон, — я понял».

Его тело содрогнулось, в то время как он вспоминал, а его разум преисполнился чувством связи с тем, что он осознал как свою Судьбу... связанную с огромным количеством, триллионами и триллионами Судеб, соответствующих всему многообразию жизни в Галактике.

Судьба проявила себя миллионы лет назад в обезьяноподобном существе, которое нагнулось и подняло с земли сломанный сук. Еще одно вмешательство Судьбы — и кремень ударился о кремень. Еще раз — и появились лук и стрелы. Еще — и было создано колесо.

Судьба прошептала, и существо поднялось из водных глубин и через много лет плавники превратились в ноги, а жабры стали легкими. Симбиотические абстракции, паразиты — как бы мы их ни называли — это были судьбы.

Сейчас пришло время для того, чтобы Галактика узнала о Судьбах.

Если это паразиты, то такие, которые приносят больше пользы, чем вреда.

Все, что они получили, — это чувство существования, чувство жизни. То, что они давали и всегда была готовы дать, было больше, чем жизнь. Из тех миллионов жизней, которые они прожили, многие были скучными, например жизнь червя и многих неразумных существ, копошащихся в джунглях.

Но тем не менее благодаря им, Судьбам, червь когда-нибудь может стать чем-то большим, чем червь, или более значительным червем, а какой-нибудь неразумный вид может достичь бóльших высот, чем те, которых достиг человек.

Все, что двигалось по Земле, быстро или медленно, представляло собой не одно существо, а два: сам организм и его собственную судьбу.

Иногда судьба одерживала верх. А иногда — нет. Но там, где была судьба, так всегда оставалась надежда. Поскольку Судьба — это надежда. А Судьба была везде.

Ни одно существо не является одиноким.

Ни то, которое ползает, ни то, которое прыгает, ни то, которое плавает, летает, переваливается при ходьбе.

И эта планета, невозможная для понимания, могла быть осознана только о д н и м человеческим мозгом, и, когда этот мозг появился здесь, она стала закрытой для понимания, для всех и навсегда.

Существует только один разум, который может открыть истину Галактике в тот момент, когда она будет к этому готова. Один разум, который может рассказать о судьбе и надежде.

«И этот разум, — подумал Саттон, — мой собственный. Боже, помоги мне! Но если бы у меня было право выбирать, если бы меня спросили, хочу ли я этого... Конечно, лучше было бы, чтобы это был не я, а кто-нибудь другой или что-то другое. Какой-нибудь другой разум и в течение другого миллиона лет. Какое-либо существо через десятки миллионов лет. От меня ждут слишком много, от меня, наделенного человеческим разумом, таким несовершенным для того, чтобы я мог вынести всю тяжесть этого откровения, всю тяжесть этого знания.

Но Судьба указала своим перстом на меня.

Случайность или нелепое стечение обстоятельств.

Это была Судьба.

Я жил с Судьбой. Я был ее частью, вместо того, чтобы она была частью меня. И мы, подумайте только, жили хорошо, поняли и узнали друг друга, как будто мы два живых существа... Мы узнали друг друга лучше, чем могут узнать друг друга два человека... Судьба — это был я, я — это была Судьба. У нее не было имени, и я назвал ее Джонни. Это было чем-то вроде шутки, над которой моя Судьба все еще смеется.

Я жил вместе с Джонни, и он стал очень важной частью моего существа, которую люди называют жизнью, не понимая этого. Частью меня, которую я сам еще не вполне понял... Вернее, не понимал до тех пор, пока мое тело не было восстановлено. Затем я вернулся в свое тело, но оно уже было другим, значительно лучшим, поскольку очень многие Судьбы были поражены и удивлены неэффективностью и несовершенством конструкции человеческого тела.

И когда они снова сконструировали, восстановили его, то сделали все лучше. Они внесли в него многое, чего раньше в нем не было. Много такого, о чем я только подозреваю, но еще не знаю о нем и не узнаю до тех пор, пока не придет время воспользоваться этим, а о некоторых элементах, возможно, никогда не узнаю.

Когда я вернулся в свое тело, то и Судьба тоже вернулась в него и жила вместе со мной, и я всегда узнавал ее и называл Джонни. Мы всегда были вместе, и я никогда не ошибался, слыша ее. Это случалось со мной много раз в прошлом.

Симбиоз, — сказал себе Саттон, — более высокий уровень симбиоза, чем симбиоз простейшего животного и микроорганизма. Умственный симбиоз. Я являюсь хозяином, Джонни — мой гость. И мы хорошо ладим друг с другом, потому что понимаем друг друга. Джонни дает мне сознание моей судьбы, той формирующей силы судьбы, которая определяет мои часы и дни, а я даю Джонни что-то похожее на существование, которое он не может иметь независимо от существа».

— Джонни, — позвал Саттон, но ответа не услышал.

Он подождал, но ответа все равно не было.

— Джонни! — позвал он снова, и в голосе его послышался страх.

«Но он должен быть здесь. Судьба должна быть здесь. За исключением, за исключением того случая...»

Эта мысль потрясла его. За исключением того случая, когда он был действительно мертв, и все это ему лишь казалось происходящим на самом деле. За исключением того случая, когда сознание стало сумеречным, где знание и чувства, ощущения собственного существования продолжаются какой-то момент между состоянием жизни и смерти.

Голос Джонни был очень тихим, очень тихим и далеким.

— Аш.

— Да, Джонни?

— Двигатели, Аш, двигатели.

Саттон с трудом поднялся с кресла и встал на подкашивающихся ногах.

Он едва мог видеть... Только неясный расплывающийся силуэт металлических конструкций, которые окружали его. Ноги как будто налились свинцом, он не мог двигаться... казалось, они не являются частью его тела.

Он спотыкался, но шел вперед. И упал лицом вниз.

«Это шок, — подумал он, — шок от усилия, шок смерти, шок от потери крови». В этот момент появилась сила, такая сила, которая позволила ему встать на ноги с ясной головой и отчетливо видящими глазами. Сила была достаточно велика, чтобы лишить жизни тех двух людей, которые убили его. Этой силой служило отмщение.

Но эта сила ушла, и он знал сейчас, что эта сила была скорей силой мозга, воли, чем просто силой мускулов, плоти, которые позволили ему это сделать.

Он с трудом приподнялся на руках, встал на колени и пополз. Он остановился на отдых, затем прополз еще несколько футов. Его голова безжизненно упала, свесившись вниз. Изо рта хлынула кровь, оставляя след на полу.

Он нашел люк, ведущий в машинное отделение, и медленно приподнялся к замку. Его пальцы нащупали затвор и потянули его вниз. Но в них не было достаточной силы, и они соскользнули с металла. Он упал, полный отчаяния, на холодный пол. Длительное время он ждал, затем попробовал снова. На этот раз замок со щелканьем открылся, хотя его пальцы опять соскользнули, и он упал как раз на пороге. Наконец, после долгой паузы, когда он уже не надеялся, что сможет еще что-то сделать, Саттон снова поднялся на четвереньки и пополз вперед, медленно, дюйм за дюймом.

30

Ашер Саттон проснулся в темноте. В темноте и неизвестности. Он только это и ощущал: неизвестность и медленно поднимающееся удивление. Саттон лежал на гладкой, твердой поверхности, и металлический потолок находился очень низко над его головой. А рядом с ним располагалась какая-то вещь, издававшая мурлыкающие звуки. Одной рукой Саттон держался за эту вещь, и вдруг он осознал, что спал, обхватив ее руками, прижавшись к ней всем телом, спал как ребенок, обнявшись со своим плюшевым мишкой.

Не было чувства времени, не было представления о местонахождении и не было памяти о жизни, прожитой ранее. Как будто Саттон оказался здесь с помощью какого-то волшебства, причем полный сил, знаний и мыслей. Он спокойно лежал, и его глаза постепенно привыкли к темноте. Он увидел открытую дверь и темный след на полу, тянувшийся из соседней комнаты. Что-то протащило сюда свое тело, из той комнаты в эту, оставляя за собой след, и лежало здесь долгое время. Саттон долго размышлял о том, кто бы это мог быть, с чувством некоторого страха, таившегося в глубине души. Может быть, это «что-то» все еще было здесь, и, может быть, оно опасно.

Но Саттон чувствовал, что был один. Ощущал полное одиночество, несмотря на чавкающие звуки машины рядом с ним. И наконец он понял, что эта вещь, издававшая какие-то звуки, была машиной.

Осознание этого предмета произошло как-то само собой, без его сознательных усилий. Как будто эти вещи были известны ему всегда. Ему казалось, что сначала он вспомнил название этого «нечто», а потом уже вспомнил, что означает это слово. Ему показалось это странным.

Итак, вещь, которая находилась рядом с ним, была машиной, и он лежал на полу, а металл над его головой представлял какую-то крышу.

«Ограниченное пространство, — подумал он, — ограниченное пространство, в котором находится двигатель, и дверь из него ведет в другую комнату».

Корабль — вот что это было. Он находился на корабле. И этот темный след, тянущийся через порог... Сначала Саттон подумал, что это кто-то другой, который притащился сюда, оставляя свой след. Сейчас он вспомнил. Это был он сам... Он сам, который полз к машине.

Полежав спокойно, Саттон напряг все свои умственные способности и с большим трудом убедился, что жив. Он поднял руку и потрогал свою грудную клетку, одежду, которая оказалась обожжена. Он ощутил под рукой обгоревшие лохмотья, но его грудь не была повреждена: целая и гладкая. Хорошая человеческая плоть. Никаких дыр.

«Итак, это возможно, — подумал он. — Я помню, что меня беспокоила одна мысль... может, Джонни и знал что-либо такое, чего я не знал. Может, мое тело обладает такими способностями, о которых я и не подозревал.

Мое тело питалось энергией звезд и астероида и поэтому бросилось к машине. Мне необходима энергия... но не только энергия далеких звезд и холодного замерзшего куска камня, каковым является астероид. Итак, я полз для того, чтобы добраться до машины. И это я оставил за собой след, напоминающий о смерти. Я спал, обняв двигатель, а мое тело в это время воспринимало энергию, получало ее от горячего реактора двигателя.

И я опять совершенно здоров.

И опять в моем теле, наполненном кровью, живет дыхание.

Я могу вернуться на Землю».

Он выбрался из машинного отделения и поднялся на ноги. Слабый свет звезд проникал через иллюминаторы, и рассеянные отблески его сверкали

подобно бриллиантам на полу и стенах. В помещении он увидел две бесформенные фигуры: одну посередине комнаты, а другую в углу. Разум Саттона воспринял их и исследовал точно так же, как собака обнюхивает найденную кость. Через некоторое время Саттон вспомнил, что это такое. Человеческая его сущность содрогнулась при виде этих темных распростертых фигур. Но другая часть сознания Саттона, холодная, расчетливая, не испытала никакого потрясения при виде смерти. Саттон медленно прошел вперед и наклонился над одним из них. Это был Кейс. Саттон узнал его по тощей и высокой фигуре. Но он не мог видеть его лица и не желал видеть, поскольку в глубине своего сознания все же еще помнил, как оно выглядело. Руки Саттона начали обыскивать одежду убитого, и вскоре он вытащил несколько предметов и среди них в конце концов нашел то, что искал.

Сидя на корточках, он открыл книгу на титульном листе. Заглавие было то же самое, что и на книге, которую он носил с собой в кармане. Все было то же самое, за исключением одной строчки, напечатанной мелким шрифтом внизу.

Эта строчка гласила: «Переработанное издание».

Вот в чем дело! Вот в чем состоял смысл их работы. Вот чего они добивались!

Ревизионисты.

Существовала книга, но она была переработана. Те, кто жил по переработанному изданию, являлись ревизионистами. А как же остальные? Саттон задумался, перебирая термины. Фундаменталисты, примитивисты, ортодоксы, консерваторы. Были еще и другие. Саттон знал это, но это уже не имело значения. Не имело значения, как назывались другие.

Сначала шли две пустые страницы, а потом начинался текст:

«Мы не одиноки и никто не одинок. С самого начала зарождения жизни на любой планете нашей Галактики, ничто из того, что испытало жизнь, не существовало когда-либо в одиночестве, не шагало, не ползало по земле, не двигалось по жизни в одиночестве».

Сноска. Его взгляд опустился к нижней части страницы.

«Это первое из многих замечаний, неправильно понятое читателями, которых ввели в заблуждение, заставив поверить, что Саттон хотел сказать, будто жизнь не зависит от уровня разумности и моральных концепций, и является делом рук Судьбы. Первая же его строка доказывает, что это не так, что это неверный путь. Саттон применил местоимение «Мы», а все знают, что это обычный случай, когда гений, говоря о себе, использует множественное число — «мы». Если бы Саттон имел в виду все живое, он так бы и написал. Но, употребляя множественное число, он, безусловно, имел в виду только собственный гений, только себя. Человеческую расу, только человеческую, и ничего больше. Он, очевидно, полагал, и в его время это считалось справедливым, что Земля была первой планетой в Галактике, познавшей биение жизни. Нет сомнения и в том, что в какой-то степени открытие Саттона — его великое открытие Судьбы — было

искажено. Тщательные исследования показывают, какие части этого произведения были и являются подлинными, а какие, тут нет места сомнениям, нет. Те части текста, которые были переработаны, будут отмечены, и будут приведены доказательства, тщательно обоснованные и объективные, более позднего происхождения их».

Саттон быстро пробежал глазами страницу. Больше половины текста занимали сноски. На каждой странице только одна-две строчки являлись собственно текстом, — а остальное — длинные объяснения или фразы, извращающие смысл книги.

Он закрыл книгу и подержал ее в ладонях.

«Я так старался, — думал он. — Я повторял это много раз, но и всего этого оказалось недостаточно. Не только человеческая раса зависит от судьбы, но и все живое тоже. Они извратили мои слова! Они ведут войну для того, чтобы мои слова оказались в корне извращенными. Для того, чтобы мои мысли были неправильно интерпретированы. Они интригуют, воюют, убивают, чтобы великое покрывало Судьбы покоилось только на одном виде. Для того, чтобы самый отвратительный вид животных, который когда-либо появлялся, украл это сокровище, предназначенное не только для них, но и для всего живого.

И каким-то образом я должен положить этому конец. Необходимо все это остановить! Нужно сделать так, чтобы мои слова сделались доступны всем, и все могли знать их подлинными, а не затуманенными завесой мелкого теоретизирования, псевдонаучной интерпретации и искаженной логики. Ведь это так просто, такая примитивная вещь. Всякая жизнь имеет судьбу. И не только человеческая жизнь. Существует своя судьба для каждого живого существа, для каждого живущего. И даже более того, судьба поджидает момент, когда появится новая жизнь. И каждый раз, когда это случается, Судьба оказывается уже там и остается с новой жизнью до тех пор, пока она не исчезнет. Я не знаю, как это происходит и почему. Я не знаю, действительно ли Джонни соединен со мной и существует в моем разуме или только поддерживает контакт со мной с момента, когда я находился среди них, судеб, на 61 Лебедя.

Но я знаю, что он со мной, и уверен, что он останется со мной и впредь.

И все же ревизионисты пытаются исказить мои слова и дискредитировать меня. Они изменяют мою книгу и выкапывают острые сплетни о семье Саттонов, изучают ошибки моих предков и раздувают их, они стараются запятнать мое имя, и посылают в прошлое человека, который вступает в разговор с Джоном К. Саттоном, пытаясь узнать от него вещи, которые они смогут использовать. Джон К. Саттон сказал, что в каждой семье есть свои секреты, и, конечно, это верно. Старый и непреклонный человек, он все же рассказывает об этих секретах.

Но эта информация из прошлого переносится в будущее не для того, чтобы ею правильно воспользоваться. Ведь человек, который получил ее, идет по своему пути с повязкой на глазах и босиком. Что-то случается, но он уже не может повернуть назад.

Что-то случилось. Что-то...

Саттон медленно поднялся.

Что-то произошло, — сказал он себе, — и я не знаю, что это было... шесть тысяч лет назад в месте, которое называется Висконсин».

Саттон двинулся вперед, направляясь к креслу пилота.

Ашер Саттон направлялся в Висконсин.

31

Кристофер Адамс вошел в свой кабинет и повесил на крючок шляпу и пальто. Он повернулся, подвинул кресло к столу и в тот же миг застыл, прислушиваясь.

Психометр снова подавал свои звуки:

«Крак, клик, клик, клик. Тики, клик, крак».

Кристофер Адамс выпрямился и снова надел пальто и шляпу.

Выходя, он громко хлопнул дверью.

За всю свою жизнь он раньше ни разу не хлопнул дверью.

Саттон переплыл через реку, двигаясь медленно и уверенно. Вода оказалась теплой и приятной. И вода разговаривала с ним глубоким, полным значительности голосом. Саттону показалось, что она пытается сказать ему что-то: как она хотела поведать это людям на протяжении нескольких веков. Могучий голос, сообщавший о том, чего не мог знать никто другой, он пытался передать это людям. Некоторые из них, возможно, поняли какую-то часть правды, получили какое-то мироощущение. Но никто из людей не достиг того, чтобы понять все значение и смысл языка речи, ведь он был не известен никому.

«Он похож на тот язык, — подумал Саттон, — которым я пользуюсь для моих записей. Они ведь сделаны на языке, забытом в Галактике необозримое количество лет назад, еще до того, как появился любой другой язык, даже в самом зачаточном состоянии. Либо это язык, который давно забыт, либо его просто никто не знает.

И я не знаю этого языка, — думал Саттон. — Языка моих собственных записей. Я не знаю, когда он появился и как. Я спрашивал, но мне не сказали этого. Джонни пытался рассказать мне однажды. Но я ничего не понял. Вероятно, это что-то такое, чего человеческий разум не способен уяснить.

Я знаю его символы, что они означают, но я не обучен звукам, соответствующим этим символам. Мой язык не способен произнести эти звуки. Может, этот язык похож на язык реки... Или это язык какой-то расы, попавшей в катастрофу и исчезнувшей миллионы лет назад».

Чудная ночь опустилась на темную поверхность реки. Луна еще не взошла и не должна была взойти в течение долгих часов.

Звуки отражались в волнах, как маленькие драгоценные камни. Впереди неподалеку виднелись огни домов, причудливо разбросанных по берегу реки.

«Записки были у Херкимера, — сказал себе Саттон. — Надеюсь, у него хватит сообразительности, чтобы спрятать их. Они понадобятся мне позже, не сейчас. Я хотел бы увидеть Херкимера, но рисковать не стоит, поскольку возможно, что они следят за ним. И совершенно очевидно, что они следят за мной с помощью психометра. Но если я буду передвигаться достаточно быстро, то смогу запутать их».

Его ноги нащупали дно, но он сперва окунулся в эту говорящую реку, а затем выбрался на берег, крутой берег.

Ночной ветер коснулся его, и Саттон почувствовал, что трясется от холода. Вода в реке еще сохранила тепло жаркого дня, но воздух был уже прохладен.

Херкимер, конечно, являлся именно тем, кто наверняка заинтересован в том, чтобы книга была написана именно так, как она должна быть написана, и чтобы в нее не были внесены никакие изменения. Херкимер и Ева... Из них двоих он больше рассчитывал на Херкимера, так как андроид станет бороться до конца, пока он жив, за то, что сказано в этой книге. Андроид и собака, и пчела, и муравей, и лошадь. Но ни собака, ни пчела, ни лошадь, ни муравей так и не узнают об этом, потому что не умеют читать.

Он нашел на берегу участок, покрытый травой, сел, снял с себя одежду и досуха выжал ее. Затем надел снова. Потом Саттон направился через луг к дороге, поднимавшейся вверх по долине.

Никто не найдет корабль на дне реки. Во всяком случае, в течение какого-то времени. Ему нужно было всего несколько часов. Всего несколько часов, чтобы спросить о вещи, которую он обязан знать. Всего несколько часов, чтобы вернуться снова на корабль.

Но нельзя терять ни минуты. Он должен добыть информацию самым коротким путем. Ведь Адамс следит за ним с помощью своих приборов и знает, что он вернулся на Землю.

Опять у него возникло прежнее щемящее чувство удивления. Как Адамс узнал о том, что он возвращается? И почему он устроил ловушку еще до его прибытия? Какой информацией он располагал, откуда получил ее? Что заставило его отдать приказ убить его, как только он появится?

Кто-то сообщил ему. Кто-то, у кого имелись какие-то веские аргументы, которые и были предъявлены. Адамс не стал бы действовать, не получив доказательств. Единственный, кто мог дать ему такую информацию, был человек из будущего. Возможно, кто-то из тех, кто убежден, что книга не должна быть написана, что она не имеет права на существование, что знание, которое она дает, надлежит вычеркнуть навсегда. И если человек, который пишет эту книгу, умрет — ну что же, так, может, и проще.

Однако книга уже написана, книга уже существует, и значит это уже, очевидно, распространилось по Галактике.

Это была бы катастрофа... поскольку книга еще не написана и, следовательно, не будет существовать. И целый кусок будущего, который окажется под воздействием этой книги, тоже будет вычеркнут вместе с ней. Ведь распространяется лживая книга.

«Этого не может быть, — сказал себе Саттон. — Не допущу, чтобы меня убили до того, как я напишу истинную книгу. Что бы там ни было, книга должна быть написана. Иначе все будущее окажется ложью».

Саттон пожал плечами. Тонкая нить логики была для него слишком запутанной. Не было ни одной зацепки, основываясь на которой предоставилась бы возможность распутать эту нить от причины до следствия.

Может, это удастся сделать в будущем?

Возможно, но не обязательно это удастся. Разные варианты будущего — это фантазии, которые вызваны романтическими ухищрениями, затуманивающими правду и маскирующими ошибки.

Саттон перешел дорогу и пошел по небольшой тропинке, ведущей к дому, расположенному на холме.

Где-то очень близко дикая утка прокричала во тьме. На холмах ночные птицы завели свой вечерний концерт. Запах свежескошенной травы наполнил воздух, и ночной туман, исходивший от воды, поднимался вверх по долине.

Тропинка привела его к небольшому домику. И Саттон прошел через дворик. Внезапно раздался человеческий голос.

— Добрый вечер, Ашер.

Саттон резко обернулся.

Он увидел человека, который сидел в кресле и курил трубку под вечерним небом, на котором уже загорелись звезды.

— Мне очень жаль, что я причиняю вам беспокойство, но нельзя ли мне от вас позвонить по визору?

— Конечно, Аш, — ответил Адамс, — конечно, все, что ты пожелаешь.

Саттон вздрогнул, почувствовав, как у него все холодеет внутри при виде этого человека из стали и льда. Адамс... надо же было выбрать из многих домов, стоящих у реки, именно этот и попасться на глаза Адамсу. Адамс рассмеялся:

— Против тебя работает судьба, Аш.

Саттон прошел вперед, нащупал в темноте кресло и сел в него.

— У вас хороший дом, — сказал он.

— Очень неплохой, — ответил Адамс.

Он вытряхнул свою трубку и сунул ее в карман.

— Итак, ты не умер? — поинтересовался он.

— Я был убит, — ответил Саттон, — но почти сразу же снова в меня вошла жизнь.

— Это сделал кто-то из моих ребят? — спросил Адамс. — Они охотятся на вас.

— Двое незнакомцев, — ответил Адамс, — кто-то из банды Моргана.

Адамс покачал головой.

— Мне незнакомо это имя, — проронил он.

— Он, возможно, не называл своего имени, — объяснил Саттон, — только предупредил, что я возвращаюсь.

— Так вот как это было, — усмехнулся Адамс. — Человек из будущего. Он меня очень обеспокоил, Аш.

— Я хотел бы позвонить по видеофону.

— Ты можешь им воспользоваться, — сказал Адамс.

— Мне нужен целый час.

Адамс пожал плечами.

— Я не могу дать тебе этого часа.

— Тогда полчаса, может быть, я успею закончить.

— Даже полчаса я не могу дать.

— Вы никогда не рискуете, Адамс, не так ли?

— Никогда, — ответил Адамс.

— А я рискую, — проговорил Саттон. Он поднялся. — Где видеофон? Я собираюсь сыграть в эту запретную игру с вами.

— Садись, Аш, — пригласил Адамс почти мягким голосом. — Садись и расскажи мне кое-что.

Саттон упрямо продолжал стоять.

— Если вы дадите мне слово, что все, что имеет отношение к судьбе, не принесет человечеству вреда и не окажет помощь нашим врагам...

— У человека нет врагов, кроме тех, которых он сам себе создал, — перебил Саттон.

— Вся Галактика ожидает момента, чтобы напасть на нас при первом же малейшем признаке нашей слабости.

— Это потому, что мы приучили их к этому. Потому, что они видели, как мы используем их собственные слабости для того, чтобы поставить их на колени.

— Чем, собственно, важна эта судьба? — спросил Адамс.

— Это научит человечество доброте, — ответил Саттон. — Доброте и ответственности.

— Это не религия, — парировал Адамс. — Мне это сказал доктор Рэйвен. Но это выглядит как религия... со всеми разговорами о доброте.

— Доктор Рэйвен прав, — подтвердил Саттон. — Это не религия. Судьба и религия могут идти и развиваться параллельно и существовать в полном согласии. Они не мешают друг другу. Скорее, они даже будут взаимодействовать. Судьба поддерживает те же самые основы, на которых стоит большинство религий, но не дает никаких надежд на жизнь после смерти. Это остается религией.

— Аш, — проговорил Адамс спокойно, — ты же изучал историю.

Саттон кивнул.

— Подумай о прошлом, — продолжал Адамс, — вспомни крестовые походы, вспомни о том, как расцвело магометанство, вспомни Кромвеля в Англии, вспомни Германию и Америку, Россию и Францию, религию и идею. Половина человечества будет сражаться за идею даже тогда,

когда не шевельнет пальцем, чтобы защитить свою семью, жизнь или честь. Но что касается идеи... это уже нечто другое.

— И вы боитесь идеи?

— Мы просто не можем себе позволить ее, Аш. Во всяком случае сейчас.

— И все же идея была тем, что заставило человека развиваться. У него не было бы культуры и цивилизации, если бы не было идеи.

— Как раз в это самое время, — возразил Адамс с горечью, — люди воюют из-за твоей идеи, Судьбы.

— И вот почему мне обязательно надо позвонить. Вот для чего мне нужен час.

Адамс с трудом поднялся на ноги.

— Возможно, я совершаю ошибку, — произнес он, — но это то, чего я не сделал еще ни разу за всю свою жизнь. Но раз в жизни я сыграю в эту азартную игру.

Он пошел вперед, через внутренний дворик, в слабо освещенную комнату, наполненную старой мебелью.

— Джонатан, — позвал он.

Послышался звук шагов в холле, и в комнату вошел андроид.

— Принесите нам кости, — сказал Адамс. — Мы, мистер Саттон и я, хотим сыграть.

— В кости, сэр?

— Да, в ту игру, в которую вы играете с поваром.

— Хорошо, сэр, — ответил Джонатан. Он повернулся и вышел.

Саттон слышал звук его шагов, затихающий в глубине дома.

Адамс повернулся к нему.

— Договоримся, что каждый бросает один раз. Выигрывает тот, у кого выпадет больше очков.

Саттон напряженно кивнул головой.

— Если выиграешь ты, то я дам тебе час, — сказал Адамс. — Если выиграю я, то ты повинуешься моим приказам.

— Я сыграю с вами, — согласился Саттон. — На таких условиях, я с вами сыграю.

В это время Саттон размышлял:

«Я поднял разбитый корабль с Сигмы, планеты 61 Лебедя, и провел его через космос. Я был двигателем и пилотом, я был дюзами и штурманом. Энергия, собранная моим телом, заставила корабль подняться и провела его через космос. Одиннадцать лет в космосе. Я снова опустил корабль сегодня ночью, провел его через атмосферу с выключенным двигателем, чтобы его не заметили, и посадил его в реку. Я могу без помощи рук вытащить его, как вон из того ящика, я могу переворачивать листы книги, не прикасаясь к ним.

Но игра в кости...

Игра в кости — это нечто совсем другое.

Они так быстро вращаются...»

— Независимо от того, кто выиграет, — произнес Адамс, — все равно можешь воспользоваться видеофоном.

— Если я проиграю, — ответил Саттон, — то это мне не поможет и не понадобится.

Джонатан вернулся и положил кости на стол. Он на мгновение замешкался, но, заметив, что двое людей уже приготовились к игре, оставил их.

Саттон очень внимательно посмотрел на кости.

— Сначала вы, — предложил он.

Адамс взял кости, зажал их в руке и потряс ими. Раздался звук, похожий на тот, который издают зубы, стучащие от безумного страха.

Он поднял руку над столом, разжал пальцы, и маленькие беленькие кубики рассыпались по полированной поверхности. Они остановились. На одном из них было пять, на другом — шесть.

Адамс поднял взгляд на Саттона. В его глазах ничего нельзя было прочесть. Даже триумфа. Совершенно ничего.

— Твоя очередь, — произнес он.

«Отлично, — подумал Саттон. — Просто отлично. Необходимо, чтобы выпали две шестерки».

Он протянул руку, взял кости, потряс их в своих руках — в своем кулаке, ощущая их размер и форму, когда они перекатывались у него в ладони.

«Теперь надо осознать их своим разумом. Так же, как я чувствую их рукой. Ощути их своим разумом, Саттон, сделай так, чтобы они стали частью тебя, так же, как это было с двумя кораблями, которые ты провел через космос. Так же, как ты это делаешь с книгой, или стулом, или цветком, которые хочешь поднять».

На какой-то момент он изменился. Его сердце остановилось, движение крови замедлилось настолько, что, казалось, она еле пульсирует в его артериях и венах. Он не дышал. Саттон чувствовал, как в нем брала вверх другая система, другое тело, которое получало энергию из всего, что его окружало. Он примерился к игральным кубикам и как бы начал осязать их умом. Он медленно потряс их в своих ладонях, размашистым движением протянул руку над столом и разжал пальцы. Кости высыпались из рук и запрыгали по столу.

При их падении разум Саттона воспринимал их, видел, чувствовал так, будто они стали частью его самого. Он ощущал те их грани, где находились шесть черных точек, и те, где находилась всего одна точка.

Костяшки оказались скользкими, и ими было трудно управлять. На какое-то короткое мгновение Саттона охватил страх, показалось, что эти вращающиеся кубики обладают собственным сознанием, являются самостоятельными личностями.

На одном из кубиков вышла шестерка, а другой все еще вращался... Кубик с шестеркой на грани некоторое время качался на ребре так, что казалось, он может упасть на другую плоскость.

«Подтолкнуть, — подумал Саттон, — немного подтолкнуть, но силой разума, а не руками».

Шестерка вышла вверх. Оба кубика остановились, и на обоих были шестерки.

Саттон с усилием вздохнул, и его сердце снова забилось, и кровь начала пульсировать в венах.

Они в молчании стояли некоторое время, глядя друг на друга через стол. Адамс заговорил. Его голос оставался спокойным, и нельзя было понять по его тону, что он все это время чувствовал:

— Видеофон находится там.

Саттон слегка наклонил голову. Он почувствовал себя глупо, сделав это подобно персонажу какого-то старого и плохого драматического романа.

— Судьба, — сказал он, — работает на меня. Когда мне приходится туго, судьба мне всегда помогает.

— Я начну отсчитывать отведенный вам час, — произнес Адамс, — как только вы начнете разговор.

Он быстро повернулся и зашагал в патио, очень прямой и строгий.

Сейчас, когда он выиграл, Саттон почувствовал слабость. Он направился к видеофону, но ноги плохо слушались его. Ашер сел перед видеофоном и взял видеофонную книгу.

«Информация» — прочитал он.

И названия под этим словом: «География. Исторические сведения. Северная Америка...» Саттон нашел номер, набрал его, и экран засветился.

Робот откликнулся:

— Могу ли я быть полезным, сэр?

— Да, — ответил Саттон, — я хотел бы знать, где находится Висконсин.

— Где вы сейчас?

— Я нахожусь в резиденции мистера Кристофера Адамса.

— Тот мистер Адамс, который работает в департаменте Галактических расследований?

— Да, это он, — ответил Саттон.

— Тогда, — сказал робот, — вы находитесь в бывшем Висконсине.

— Бриджпорт? — продолжал выяснять Саттон.

— Он находится на реке Висконсин, на северном берегу, примерно в семи милях выше слияния ее с рекой Миссисипи.

— Что это за реки? Никогда не слышал о них.

— Вы находитесь недалеко от них, сэр. Висконсин впадает в Миссисипи немного ниже того пункта, где вы сейчас находитесь.

Саттон с трудом поднялся и вышел в патио.

Адамс раскуривал свою трубку.

— Ты получил то, что хотел? — спросил он.

Саттон кивнул.

— Тогда продолжай делать то, что намеревался. Отсчет часа уже начался.

Саттон стоял в нерешительности.

— Интересно, — задал он вопрос, — захотите ли вы пожать мне руку?

— Конечно, я подам тебе руку, — ответил Адамс.

Он торжественно поднялся на ноги и протянул свою руку.

— Одно из двух, — произнес Адамс, — либо ты человек больше, чем кто-либо другой, либо ты самый большой дурак, которого я когда-либо знал.

32

Бриджпорт, тянущийся вдоль берега реки, расположенный в каменном гнезде, казался спящим. Летнее солнце беспощадно палило землю, лежащую между тремя горными вершинами. Жара стояла такая, что казалась невозможной какая-либо жизнь вообще: в домах, состарившихся от времени и непогоды, в пыли, лежащей на улице, в кустах, на которых почти не было листьев, в чахлых цветах, высаженных рядами.

Железнодорожные рельсы изгибались вокруг скалы и уходили в гору, затем опять изгибались, обходя другую возвышенность, и снова тянулись куда-то. На этом коротком участке, ведущем ниоткуда в никуда, они сверкали, как влажный стальной нож.

Между рельсами и рекой находилась железнодорожная станция, казавшаяся вымершей. Квадратное здание, которое выглядело как человек, опустивший плечи под ударами зимней непогоды и летнего палящего зноя и уже в течение долгих лет потерявший всякую надежду на лучшее в ожидании нового удара непогоды или судьбы.

Саттон стоял на станционной платформе и слушал голос реки: плеск волн, накатывающихся на берег, журчание воды, удары о подводные камни и бревна. И все эти звуки покрывал настоящий голос реки, ее разговор со всем земным, мощная полифония, несущая скрытую энергию и имеющая какую-то высокую цель.

Он поднял голову и прислушался, прищуриваясь от солнечного света. Взглянул на могучую конструкцию, пересекающую реку и переходящую на том берегу в высокую железнодорожную насыпь, которая тянулась через долину за рекой.

Люди пересекали реки с помощью этих огромных конструкций из металла и стали и никогда не прислушивались к беседе реки, разговору ее волн, катившихся к морю. Люди пересекали моря на крыльях и при помощи могучих двигателей, и голос моря оставался для них неразборчивым в огромном пространстве неба. Люди пересекали космос в металлических цилиндрах, свободно манипулируя во времени и в пространстве. Человек совершал огромные прыжки на своих чудесных машинах по траекториям, представляющим собой математические абстракции, о которых даже не мечтал мир этого города, Бриджпорта, в 1987 году.

Люди слишком спешили. Они ушли далеко и шли чересчур быстро. Так быстро и так далеко, что упустили из вида многое... все встреченное на своем пути, что требовало времени для понимания и осмысливания.

Когда-нибудь, в отдаленном будущем, человек все равно остановится и потратит какое-либо время, чтобы изучить это. Когда-нибудь человек вернется назад по тому же пути, который уже прошел однажды, и узнает такие вещи, которые когда-то прошли мимо его понимания. И он будет удивляться, как же он мог пропустить их, и жалеть о тех годах, которые были безвозвратно потеряны из-за незнания этих вещей.

Саттон спустился с платформы и нашел тропинку, которая вела вниз к реке. Он осторожно пошел по ней. Осторожно, потому что она казалась мягкой и зыбкой, а камни на ней неустойчивыми.

В конце тропинки он увидел человека. Старик сидел на камне, наполовину утонувшем в глине, и держал в руках удилище. В зубах его торчала трубка. Щеки покрывала двухнедельная щетина. Рядом стоял узкий кувшин, заткнутый вместо пробки стержнем кукурузного початка так, что до него легко было дотянуться свободной рукой.

Саттон осторожно ступил на речной песок и удивился, почувствовав прохладу, которую давали деревья и кусты. Такое приятное ощущение после солнцепека, на котором он только что находился.

— Что-нибудь поймали? — спросил он.

— Нет, — ответил старик.

Он спокойно покуривал свою трубку, и Саттон следил за ним с удивлением. Можно было поклясться, что волосы этого человека когда-то светились огненно-рыжим цветом.

— И вчера не поймал ничего, — продолжал старик. Он осторожно вынул трубку изо рта и сосредоточенно сплюнул в воду. — И позавчера ничего не поймал.

— Но вы рассчитываете все-таки что-нибудь поймать? — поинтересовался Саттон.

— Нет, — ответил старик.

Он протянул руку, взял кувшин, вытащил из него пробку-затычку из кукурузы и тщательно вытер горлышко грязной рукой.

— Не хотите ли глотнуть? — спросил он, протягивая кувшин.

Саттон, помня о его грязной руке и несколько опасаясь, все же взял кувшин и поднес ко рту. Жидкость хлынула ему в рот и потекла по пищеводу. Это был жидкий огонь с каким-то привкусом грибов и тряпки. Саттон отнял кувшин ото рта и держал его за ручку, не закрывая рта. Старик взял кувшин, а Саттон принялся вытирать слезы, текущие из глаз.

— Недостаточно выдержанное вино, — сказал старик извиняющимся голосом. — У меня просто не было времени, чтобы возиться с ним.

Он тоже сделал глоток, вытер рот тыльной стороной ладони и с удовольствием вздохнул. Пролетавшая мимо бабочка упала замертво... Старик протянул ногу и ткнул ею бабочку.

— Слабое существо, — произнес он. Он снова заткнул кувшин пробкой и поставил рядом с собой. — Вы нездешний, не так ли? — спросил он у Саттона. — Я не помню, чтобы видел вас здесь.

Саттон кивнул.

— Я ищу семейство Саттонов, а именно — человека по имени Джон К. Саттон.

Старик засмеялся.

— Старину Джона? Да, мы с ним друзья с детства. Он был хитрющим маленьким разбойником. Настоящий человек, настоящий. Он пошел учиться на юриста и получил образование, но не добился успеха в этом деле и потому обосновался на ферме, вон там, на холме за рекой. — Он посмотрел на Саттона. — Вы, случайно, не родственник ему?

— Ну, — ответил Саттон, — в общем-то нет, во всяком случае не близкий.

— Завтра четвертое, — рассказывал старик. — Я помню, как когда-то мы с Джоном взорвали дренажную трубу, как раз четвертого числа, в Кемп-Холле. Мы нашли динамит, которым пользовались рабочие, строившие дорогу, и мы с Джоном подумали, что взрыв будет сильнее, если закупорить динамит в замкнутом пространстве. Поэтому засунули динамит в эту трубу и подожгли длинный бикфордов шнур. Мистер, эта труба взорвалась к чертовой матери. Я помню, наши отцы чуть не спустили с нас шкуру.

«Совершенно точно, — подумал про себя Саттон. — Джон К. Саттон живет за рекой, а завтра как раз будет четвертое июля 1987 года, как и было сказано в письме. И мне не надо ничего больше спрашивать, старик сам все рассказал».

Солнечные лучи, как расплавленный металл, отражались в реке. Но здесь, под деревьями, ощущалась прохлада. Мимо проплыл листок, на котором сидел кузнечик. Кузнечик прыгнул на берег, но не добрался до него, упал в воду и был унесен ею.

— У него не было никакого шанса, — сказал старик, — у этого кузнечика. Самая скверная река в Соединенных Штатах, эта старая река Висконсин. По ней сперва пытались водить пароходы, но так и не смогли этого сделать. Там, где было судоходное русло, на следующий день мог оказаться нанос песка. Течение постоянно переносило песок с одного места на другое. Какой-то чиновник однажды сделал сообщение об этом. В нем говорилось, что единственная возможность использовать Висконсин для судоходства, это углубить ее и укрепить дно.

Откуда-то сверху послышался шум. Скрежеща, по мосту прошел поезд, длинный товарный состав, протянувшийся по долине. Уже и после того, как поезд прошел, Саттон слышал гудок, похожий на зов затерянного в пустыне. Должно быть, там железная дорога пересекалась с другой.

— Судьба, — усмехнулся старик, — не очень-то расположена к этому кузнечику, не правда ли?

Саттон вскочил и спросил, заикаясь:

— Что? Что вы такое сказали?

— Не обращайте на меня внимания, — ответил старик. — Я часто брожу и бормочу себе под нос. Иногда люди слышат это и думают, что я сумасшедший.

— Но судьба? Вы что-то сказали насчет судьбы?

— Тебя это интересует, парень? — бросил старик. — Однажды я написал об этом рассказ. Тогда мне это ничего не стоило сделать. Я занимался писательством в молодые годы.

Саттон успокоился и лег на спину.

Стрекоза пролетела над поверхностью воды; невдалеке, выше по течению, небольшая рыбка выпрыгнула из воды и оставила на поверхности расходящиеся круги.

— Как же все-таки насчет рыбной ловли? — спросил Саттон. — Неужели для вас неважно, поймаете ли вы что-нибудь или нет?

— Даже лучше, если нет, — промямлил старик. — Понимаешь, нужно снимать рыбу с крючка, снова наживлять, забрасывать удочку. Затем придется чистить рыбу. Это неприятная работа.

Он вынул трубку изо рта и снова, тщательно прицелившись, плюнул в реку.

— Вы когда-нибудь читали Торо, парень?

Саттон покачал головой, пытаясь вспомнить. Это имя вызывало у него какое-то воспоминание. Был отрывок в учебнике по древней литературе, которую он изучал в колледже. Все, что осталось у него в памяти, так это впечатление, что это какое-то большое произведение.

— А его следует прочитать, — сказал старик, — у него были правильные мысли.

Саттон поднялся и отряхнул брюки.

— Оставайся, — предложил старик. — Ты мне не мешаешь. Совсем не мешаешь.

— Мне нужно идти, — объяснил Саттон.

— Найди меня когда-нибудь в другой раз, — продолжал старик, — мы можем еще поговорить. Меня зовут Клиф, но подчас меня уже называют старик Клиф. Спроси старика Клифа, меня каждый здесь знает.

— Как-нибудь я так и сделаю, — согласился Саттон вежливо.

— Не хотите ли глотнуть, прежде чем уйти?

— Нет, спасибо, — ответил Саттон, отодвигаясь, — нет, спасибо, спасибо.

— Ну, хорошо. — Старик поднял кувшин и сделал долгий булькающий глоток. Затем опустил кувшин и выдохнул воздух, но теперь это выглядело менее внушительно: не было бабочки.

Саттон поднялся по берегу и вышел под обжигающее солнце.

— Да, конечно, — сказал работник станции. — Саттоны живут как раз за рекой, в округе Грант, можно добраться туда несколькими способами. Какой предпочитаете?

— Самый длинный, — ответил Саттон. — Я не спешу.

Луна уже всходила, когда Саттон поднялся на холм, приближаясь к мосту. Он не спешил, поскольку в его распоряжении была вся ночь.

33

Земля казалась дикой, более дикой, чем любое место, которое посещал Саттон на его родной земле, покрытой подстриженными газонами, аккуратно подрезанными деревьями в парках с искусственным поливом. Местность поднималась вверх и была загромождена громадными валунами, как будто огромная рука разбросала их в ярости в какие-то давно забытые времена. Каменные гряды устремлялись наверх, покрытые кое-где могучими деревьями, которые тоже стремились достичь той же высоты, того же могущества, что и каменные нагромождения. Но остановились, не сумев этого сделать, и теперь стояли, убежденные в том, что представляют собой нечто меньшее, чем каменные громады, но все же сохранив достоинство и терпение, которым они обучились раньше когда-то, стремясь стать такими же.

Летние цветы прятались между камнями или же прижимались к основанию огромных деревьев, покрытых мхом. Белка сидела где-то неподалеку на ветке и издавала свое щелканье, как будто возмущалась, что уже встает солнце.

Саттон с трудом поднимался вверх по узкой долине, которая вилась от дороги. Иногда он шел, но чаще полз на четвереньках, пробираясь сквозь заросли. Он часто останавливался и отдыхал, прислонившись к дереву и вытирал пот с лица. В долине внизу грязноватая река подчас принимала голубоватый оттенок и становилась похожей на небо, которое отражалось в ней. И воздух над ней был кристально чистый. Более чистый, чем тот, которым когда-либо приходилось дышать Саттону. Ястреб упал с неба в пространстве между голубизной неба и реки, и Саттону показалось, что он может увидеть каждое отдельное перышко его сложенных крыльев.

Сквозь деревья он увидел небольшую расщелину в каменных нагромождениях и понял, что это то самое место, о котором упомянул Джон К. Саттон в своем письме.

Солнце взошло только около двух часов назад. И у Саттона-младшего еще было время, так как Джон К. Саттон как раз только что поговорил с тем неизвестным, о котором рассказывал в письме, а затем пошел обедать.

С этого момента Саттон стал двигаться не спеша, постоянно наблюдая за расщелиной в камнях. Он наконец достиг вершины и оглядел тот самый большой камень, о котором упоминал его предок. Саттон нашел его удобным для сидения.

Он сел на него и взглянул в долину, с благодарностью приняв прохладу деревьев. Здесь царило спокойствие, как говорил Джон К. Саттон. Мир и спокойное достоинство того, что он видел перед собой. Странное свойство трех измерений пространства, которое было как бы живым существом, раскинувшимся над долиной. И необычность, необычность ожидания... И чего-то, что могло произойти.

Он посмотрел на часы. Половина десятого. Саттон сошел с камня и прилег в ожидании за кустами. Почти сразу же раздался мягкий шуршащий звук двигателей. Вниз спускался корабль, очень небольшой, рассчитанный на одного человека. Он опускался по поисковой траектории над деревьями и сел на пастбище за изгородью.

Человек вышел из корабля и облокотился на него, глядя на небо, на деревья, как бы испытывая удовлетворение, оттого что достиг места назначения.

Саттон внутренне улыбнулся, успокоившись.

«Как декорация в театре, — подумал он. — Явление совершенно необычное и неожиданное, тем более если испортился двигатель. Нет никакой нужды объяснять свое присутствие. Теперь нужно только подождать, пока придет человек и заговорит с вами. Самая естественная ночь в мире. Вы его не ждете, он видит вас и подходит, конечно, начинает разговор. Здесь нет нужды идти по тропинке, открывать калитку, стучать в дверь и говорить: «Я пришел для того, чтобы узнать обо всем скандальном в вашей семье, чтобы извлечь любую грязь, которая имеет отношение к семейству Саттонов. Вы разрешите присесть и поговорить с вами?»».

Но вполне естественно приземлиться на пастбище, если у вас испортился корабль, и сначала поговорить о кукурузе и траве на пастбище, о погоде, а затем перейти к вопросам, касающимся семьи Саттонов.

Этот человек достал ключ и начал что-то делать с кораблем.

Кажется, приближался тот самый момент.

Саттон приподнялся на руках и внимательно огляделся сквозь сплетенные ветви кустов миндаля.

Джон К. Саттон спускался вниз по холму. Тучный человек с аккуратной белой бородой, в старой черной шляпе. В его походке было нечто неуклюжее и в то же время изящное.

34

«Неудача, — подумала Ева Армор. — Вот как она ощущается. Сухость в горле, тяжесть в сердце, усталость в мозгу. Я зла, — сказала она себе, — и у меня есть все основания, чтобы быть такой, хотя я и устала метаться и испытывать неудачи и острота подобной злости притупилась. Психометр в комнате Адамса остановился, так сказал Херкимер, и экран погас, когда он выключил видеофон. От Саттона не осталось и следа, поэтому психометр не мог его контролировать. Это означало, что Саттон... но он не мог быть мертв, потому что является историческим фактом то, что он должен написать книгу. А он пока еще не написал ее».

Однако история — это нечто такое, чему нельзя доверять. Она была неправильно изложена, или неправильно кем-то переписана, или же исправлена человеком, заинтересованным в этом. Любой факт можно переиначить к своей выгоде. Правду трудно сохранить, а мифам и выдумкам

легко придать привкус правды, так что они кажутся более истинными, чем сама правда. Ева знала, что половина биографии Саттона легенда, однако в ней присутствовали моменты, которые должны являться правдой.

Кто-то должен написать книгу, и этим человеком мог быть только Саттон, поскольку никто иной не сумеет расшифровать язык, на котором написаны его заметки. И слова книги столь искренни, ибо черта эта присуща именно Саттону.

Саттон умер, когда ему еще не исполнилось и пятидесяти, но не на Земле и даже не в Солнечной системе. Он умер на планете, вращающейся вокруг какой-то отдаленной звезды. Но он и жил одновременно в течение еще многих и многих лет. Это была правда, которую нельзя исказить. Это правда, которая останется правдой до тех пор, пока не будет доказано обратное.

И все же психометр остановился.

Ева встала со стула, прошлась по комнате, подошла к окну, открывавшему вид на ухоженную человеческими руками поверхность Ориона А. Светлячки усеяли кусты, сверкая холодным непостоянным огнем. Поздняя луна выходила из-за облака, похожего на горную гряду.

«Так много усилий, — подумала она, — сколько лет работы, планов. Андроиды, у которых нет клейма на лбу и которые выглядели точной копией человека. И другие андроиды, у которых есть клеймо на лбу, но и они уже не являлись андроидами, созданными в лабораториях восьмидесятого столетия. Тщательно разработанная и законспирированная шпионская сеть, ожидавшая того часа, когда Саттон вернется домой. Годы уходили на разгадывание прошлого, его надписей, в попытках определить, где правда, где полуправда, а где самая настоящая ошибка.

Годы отчаяния и спешки, годы устранения ударов службы контрразведки ревизионистов. Годы, проведенные в подготовке к тому дню, который станет днем действия. И всегда нужно было быть очень осторожным... очень осторожным, поскольку восьмидесятый век не должен знать об этом, не должен даже догадываться.

Но существовал ряд моментов, которые ранее упустили из виду. Кто-то предупредил Адамса, что Саттон вернется. Кто-то подал ему мысль, что Саттон должен быть убит.

Два человека ожидали их на астероиде.

Хотя это не и не могло быть единственной причиной того, что произошло. Был еще какой-то фактор, что-то...»

Она стояла у окна, глядя на восходящую луну. Ее насупленные брови образовали на лбу морщины. Ева слишком устала и не могла ничего придумать. Ни одной мысли не приходило ей в голову, кроме мысли о поражении. Поражение все объясняет. Саттон мертв, а это и есть поражение, полное и безоговорочное. Поражение, потому что они вели себя нерешительно, хотя и очень враждебно по отношению к ревизионистам. Слишком нерешительно, чтобы принять участие в борьбе. Во всем виноваты официальные институты, которые стремились сохранить статус-кво и были го-

товы стереть с лица Земли следы столетий мышления, чтобы продолжать надежно удерживать власть над Галактикой.

«Это поражение, — понимала она, — самое ужасное из того, что могло произойти, поскольку при победе ревизионистов все равно была бы книга, было бы учение о человеке и о Судьбе. И это было бы лучше, чем никакого учения».

За ее спиной мягко прозвучал вызов видеофона, и она, быстро повернувшись, поспешила в другую комнату.

Робот сообщил:

— Звонил мистер Саттон. Он интересовался Висконсином.

— Висконсином?

— Это старинное название, — объяснил робот. — Он направился в город под названием Бриджпорт в штате Висконсин, о котором спрашивал.

— Это точно, что он направился туда?

— Да, можно было понять это так, — ответил робот.

Ева быстро спросила:

— Скажи мне, где находится Бриджпорт?

— На расстоянии очень многих тысяч миль от вас и не менее четырех тысяч лет назад.

У нее перехватило дыхание.

— Во времени? — переспросила она.

— Да, мисс, во времени.

— Скажи мне точнее, — потребовала Ева.

Робот покачал головой.

— Я не знаю. Я не смог этого понять. Его разум был очень возбужден. Саттон только что пережил сильное потрясение.

— В таком случае, ты не можешь ничего утверждать с уверенностью.

— Я бы на вашем месте не беспокоился. Он произвел на меня впечатление человека, который знает, что делает. С ним все будет в порядке.

— Ты в этом убежден?

— Абсолютно, — ответил робот.

Ева выключила экран и опять подошла к окну.

«Аш, — сказала она себе. — Аш, любовь моя. Тебе просто необходимо сделать так, чтобы все было в порядке. Ты должен знать, что делаешь. Ты обязан вернуться к нам, ты обязан написать книгу...

Не только для меня одной, поскольку я не в большей степени, чем все остальные, могу претендовать на тебя. Но ты нужен Галактике, и, возможно, настанет день, когда ты станешь нужен всей Вселенной. Маленькие мятущиеся жизни ожидают твоих слов надежды, той уверенности в себе, того достоинства, которое принадлежит им по праву. И больше всего достоинства. Что самое главное? Жизнь. И только она что-то значит. Жизнь — это доказательство еще большего равенства и братства во всем и со всеми, чем какое-либо иное, которое человеческий разум создал практически и теоретически за все время его существования.

А что касается меня, — подумала она, — у меня нет никаких прав думать так, как я думаю, чувствовать то, что я чувствую. Но я ничего не могу поделать с этим, Аш. Ведь он обещал, что, возможно, когда-нибудь настанет такой день, когда у меня появятся такие права».

Она стояла выпрямившись, в одиночестве, и слезы текли по ее лицу. Но она даже не подняла руку, чтобы вытереть их.

— Это мечта, — сказала она, — а мечта, у которой нет надежды на осуществление, которая обречена еще до того, как она разбита, хуже всего.

35

Сухая веточка треснула под ногой Саттона, и человек с ключом медленно обернулся. Мягкая улыбка мгновенно пробежала по его лицу. Около глаз появились морщинки, скрывающие удивление, блестевшее в глазах.

— Добрый день, — произнес Саттон.

А Джон К. Саттон все еще был так далеко, что выглядел крошечной точкой, поднимающейся на холм. Солнце миновало зенит и опускалось к западу. Внизу в долине реки паслись коровы, слышался чавкающий звук их копыт.

Человек протянул руку.

— Мистер Саттон, не так ли? — спросил он. — Тот мистер Саттон, который живет в восьмидесятом веке?

— Бросьте ключ, — резко проговорил Саттон.

Человек сделал вид, что не услышал.

— Меня зовут Дин, — представился он. — Арнольд Дин, я из восемьдесят четвертого века.

— Бросьте ключ, — приказал Саттон, и Дин бросил его. Саттон пинком отшвырнул его подальше. — Так будет лучше, — уверенно проговорил он. — А теперь давайте присядем и побеседуем.

Дин указал пальцем в сторону:

— Скоро подойдет старик. Он начал сомневаться, и у него появилась масса вопросов, которые он собирается задать мне.

— Еще есть время, — ответил Саттон. — Он должен еще пообедать, и после обеда поспать.

Дин недовольно хмыкнул и устроился поудобней, облокотившись на свой корабль.

— Случайность, — объяснил он, — вот что портит нам общую картину. Вы, Саттон, и есть такой случайный фактор. Ваше появление не было запланировано.

Саттон легко сел и поднял ключ с земли. Он взвесил его в руке.

— Кровь, — произнес он, как бы разговаривая с ключом. — На тебе будет кровь еще до того, как закончится этот день.

— Скажите мне, — поинтересовался Дин, — сейчас, когда вы здесь, что вы собираетесь делать?

— Очень просто, — объяснил Саттон. — Мы поговорим с вами. Вы расскажете мне кое-что, что мне необходимо знать.

— С удовольствием, — сказал Дин.

— Вы сказали, что прибыли из восемьдесят четвертого столетия. Какой год?

— 8386 год, — ответил Дин. — Но на вашем месте я спросил бы что-нибудь другое. В моих отчетах для вас может найтись много интересного.

— Вы полагаете, что до этого мы не доберемся? — поинтересовался Саттон. — Вы надеетесь выйти победителем?

— Конечно, так и будет.

Саттон принялся ковырять ключом землю.

— Некоторое время назад я встретил человека, который вскоре умер, но он узнал меня и сделал знак, подняв скрещенные пальцы.

Дин сплюнул на землю.

— Это был андроид, — объяснил он. — Они боготворят вас, Саттон. Они сделали из вас религию, потому что... ну, вы сами понимаете. Вы подарили им надежду, за которую можно уцепиться. Вы дали им то, что позволило чувствовать себя в какой-то мере равными человеку.

— Я полагаю, — усмехнулся Саттон, — что вы не верите ничему из того, что я написал.

— Разве я должен верить?

— Я верю, — продолжал Саттон.

— Это ваше дело.

— Вы приняли то, что я написал, — спокойно заметил Саттон. — И вы пытаетесь использовать это для того, чтобы взобраться еще на одну ступеньку по лестнице человеческого тщеславия. Но вы не поняли самого главного. У вас нет чувства судьбы, потому что вы не дали своей судьбе никакого шанса. И это обидно.

Сказав это, он почувствовал себя очень глупо. Разговор походил на проповедь, почти так же, как в старые времена беседовали люди о вере, так он разговаривал теперь, но тогда вера была еще только словом, это потом она стала силой, с которой нужно считаться. А на первых порах проповедники носили обувь, сделанную из коровьей кожи, а их длинные неопрятные волосы и развевающиеся бороды, покрытые пятнами, были пропитаны нюхательным табаком.

— Я не собираюсь читать вам лекцию, — продолжал Саттон, удивляясь, как быстро он оказался в положении обороняющегося. — Я не собираюсь читать вам и проповедь. Вы или принимаете учение о Судьбе, или нет. Что касается меня, то я пальцем не пошевелю, чтобы убедить в этом хоть одного человека. Книга, которую я написал, рассказывает о том, что я знаю. Вы можете принять ее либо отвергнуть. Это мне безразлично.

— Саттон, — сказал Дин, — вы бьетесь лбом о каменную стену. У вас нет ни одного шанса. Вы боитесь так, словно вы обычный человек. Все человечество против вас. И никогда еще ничто не могло устоять против него. Все, чем вы владеете, все, что на вашей стороне, — это небольшое

количество жалких андроидов и горстка ренегатов-людей, подобных тем, что объединялись когда-то вокруг старых религиозных культов для исполнения религиозных служб.

— А у вас — империя, держащаяся на роботах и андроидах, — возразил Саттон. — Они могут сбросить вас в любой момент, как только пожелают. Без них вы не сможете закрепить за собой ни малейшего пространства за пределами Солнечной системы.

— Они будут с нами все равно, — уверенно проговорил Дин. — Может быть, они станут нашими противниками в вопросе учения о Судьбе, но они все равно останутся на нашей стороне, поскольку не смогут обойтись без нас. Они не могут размножаться, как вы знаете, и не умеют создавать самих себя. Им необходимы люди, чтобы поддержать их существование, их и им подобных. Для того, чтобы заменять погибших. — Он засмеялся. — До тех пор пока андроид не научится создавать другого, они будут с нами и будут работать на нас. Ведь если они этого не сделают, то это будет просто массовое самоубийство.

— Чего я не понимаю, — поинтересовался Саттон, — так это того, как вы определяете, кто борется против вас, а кто остается с вами.

— В этом, — объяснил Дин, — как раз и есть загвоздка. Мы действительно этого не знаем, Если бы узнали, то могли бы быстро закончить эту паршивую войну. Тот андроид, который воевал против нас вчера, может чистить вам ботинки, и нельзя сказать, чем он займется завтра. Выход только один — нельзя доверять никому из них.

Он подобрал небольшой камень и бросил его вниз.

— Саттон, — продолжал он. — От этого можно просто сойти с ума. Не происходит никаких битв, только мелкие партизанские действия то там, то тут, когда небольшое военное соединение, посланное для проведения каких-то действий во времени, попадает в засаду, организованную другой такой же небольшой группой, атакующей их, мечтая помешать исполнить задание...

— Как я перехватил вас, — сказал Саттон.

— Да, — согласился Дин, и лицо его просияло. — Да, конечно, именно так.

В какой-то момент Дин, казалось, совершенно расслабился, прислонившись к своему кораблю, вяло продолжая разговор, но именно в этот миг его тело с быстротой молнии метнулось вперед, по направлению к тому ключу, который Саттон держал в руке.

Саттон инстинктивно отпрянул, мышцы его ног напряглись, чтобы подняться, а рука сжала ключ. Но у Дина оказалось преимущество в одну длинную секунду. Ведь он начал действовать раньше, первым. Саттон почувствовал, что у него вырывают ключ, видел, как он блеснул на солнце, когда Дин размахнулся для удара. Губы Дина шевелились. И в то время, когда Саттон пытался пригнуться, поднять руки, чтобы защитить голову, он успел прочитать слова, которые произнесли эти губы:

— Итак, ты видишь, победителем буду я.

Боль взорвалась внутри головы Саттона, и в течение одного долгого мгновения, пока он падал, он видел, как земля надвигается на него. А затем уже не было ничего, была только темнота, пролегающая через бесконечную долгую вечность.

«Обманут! Обманут ловким человеком, который явился из времени, находящегося на пять столетий позже моего времени. Попал в ловушку из-за письма, которое пришло из прошлого, отстоящего на шесть тысяч лет. Попал в ловушку, — думал Саттон. — Из-за своей собственной недогадливости».

Он сел, ощупал голову и почувствовал спиной тепло лучей заходящего солнца. Услышал крик птицы в кустах и шелест кукурузы, колеблемой ветром.

«Обманут и попал в ловушку», — повторил он.

Ашер отнял руку от головы и увидел на измятой траве лежащий неподалеку ключ, измазанный кровью. Саттон посмотрел на свои пальцы, они тоже были в крови. Теплая, липкая кровь. Он осторожно ощупал голову и почувствовал, что его волосы слиплись от крови. То же самое...

«Схема, — подумал он. — Все это очень точно укладывается в какую-то схему. Вот я здесь нахожусь. Вот этот ключ. Вот поле кукурузы за забором, которая подросла уже выше колена, и заканчивается прекрасный летний день. 4 июля 1987 года.

Корабль улетел, а через час или около того Джон К. Саттон придет сюда, чтобы поставить вопросы, которые он не успел задать. И когда пройдет десять лет с этого дня, он напишет письмо и в нем выскажет свои подозрения относительно меня, а я в это время буду на скотном дворе надаивать себе молока».

Саттон с трудом поднялся на ноги. Он стоял один в этом пустынном месте. Над его головой раскинулось небо, сливающееся с горизонтом, а внизу открывалась панорама долины с извивающейся по ней рекой.

Саттон потрогал ногой ключ и подумал:

«Я не могу изменить эту схему. Если я заберу ключ, то тогда Джон К. Саттон никогда не найдет его, то есть, если изменить хотя бы один факт в этой схеме, то и конец может быть другим. Я неправильно понял письмо, — размышлял он. — Я думал, что это будет какой-то другой человек, но только не я. Мне даже не приходило в голову, что именно моя кровь будет на этом ключе, и что я буду тем, кто затем украдет одежду с веревки».

Все-таки некоторые детали не совпадали. На нем — его собственная одежда, и нет необходимости воровать другую. И его корабль все еще находится на дне реки, и поэтому не было никакой нужды оставаться здесь.

И все же это случилось однажды, поскольку все эти события описаны в письме. Это письмо привело его сюда, и оно написано потому, что он приходил сюда раньше. И тогда он оставался... И остался здесь потому, что не мог отсюда выбраться. Но на этот раз ему не было нужды оставаться.

«Еще одна возможность дана мне, — подумал он, — еще одна. И все же это неправда. Ведь если бы это случилось во второй раз, то об этом бы знал Джон К. Саттон. Но в то же время не могло быть никакого второго раза, поскольку сегодня был именно тот день, когда Джон К. Саттон разговаривал с человеком будущего.

Был только один раз, когда все это случилось. И сегодня именно тот самый день. Что-то должно произойти, — сказал себе Саттон. — Что-то такое, что не позволит вернуться в свое время. Что-то заставит меня украсть одежду, и в конце концов я подойду к той ферме и попрошу у них работу». Поскольку именно в этом состояла схема. Так она установлена.

Саттон снова дотронулся ногой до ключа. Он задумался. Затем повернулся и пошел вниз по холму, оглянувшись через плечо. Когда он проходил через лес, то увидел старого Джона К. Саттона, который поднимался вверх.

36

В течение трех дней Саттон трудился, пытаясь освободить корабль от тех тонн песка, которые коварная река нанесла на него течением. Когда прошли эти три дня, он признал бесполезность этой работы, поскольку река намывала песок быстрее, чем он убирал его. С этого момента Саттон старался очистить хотя бы входной люк. И когда прошел еще один день в упорных трудах, он достиг своей цели. Саттон устало облокотился на металл корабля.

«Это игра, — сказал он себе, — в ней нужно рисковать».

Не осталось никакой возможности освободить корабль с помощью двигателей. Ракетные сопла, как он понял, забились песком, и всякая попытка продуть их закончится тем, что корабль испарится в атомном взрыве вместе со значительной частью местности.

Саттон поднял корабль с планеты Сигма и летел на нем одиннадцать лет в пространстве силой только своего разума. Также он выиграл в кости, когда наверху оказались две шестерки.

«Может, и на этот раз, — сказал он себе. — Возможно...»

Но ведь здесь тонны песка, а он очень устал. Он чувствовал усталость, несмотря на то, что в его теле безотказно работала сила нечеловеческого метаболизма.

«Я выбросил две шестерки усилием воли, — размышлял Саттон. — Конечно, это не так сложно, чем теперешняя работа. Однако и тогда требовались целеустремленность и сила. А разве известно, какая сегодня потребуется сила? Какая энергия потребуется, чтобы поднять всю эту затонувшую массу металла и горы песка. Не сила мускулов, а сила разума.

Конечно, — думал он, — если я не могу поднять корабль, то могу хотя бы сделать прыжок во времени. Перенести корабль, оставив его на месте, вперед на шесть тысяч лет!

Однако при этом существовала опасность, последствия которой он даже не хотел себе представить. В этом прыжке через время он будет открыт всем воздействиям на него реки на протяжении данных шести тысяч лет.

Он дотронулся рукой до шеи, где висел на цепочке ключ.

Цепочки не оказалось.

Его разум охватил внезапный ужас. Саттон стоял неподвижно в течение некоторого времени.

«Он в кармане», — подумал Саттон, но его руки тряслись, словно и они были уверены, что на это нет никакой надежды. Он никогда не клал ключ в карман, а держал его на цепочке на шее. Так ключ был в большей безопасности. Сначала Саттон искал лихорадочно, а затем с мрачной холодной расчетливостью. В карманах ключа не нашлось.

«Значит, — подумал он, — цепочка порвалась. Цепочка лопнула, а затем провалилась куда-то в одежду».

Он тщательно ощупал себя с ног до головы, но напрасно. Он снял рубашку, осторожно встряхнул ее в надежде найти пропавший ключ. Затем отбросил ее в сторону, сел, снял брюки и начал искать в их складках, вывернув их наизнанку.

Ключа и там не было.

Саттон на четвереньках обыскал песок на дне реки, пытаясь найти ключ при тусклом свете, который пробивался через толщу воды.

Спустя час он прекратил поиски.

Постоянно струящаяся по дну реки смесь воды и песка занесла траншею, которую он прорыл. И сейчас не было смысла рыть ее снова, поскольку люк не может быть открыт без ключа.

Его рубашка и брюки исчезли. Их унесло течением.

Усталый, побежденный, Саттон побрел к берегу, с трудом преодолевая сопротивление воды. Его голова показалась на поверхности воды, и он увидел первые вечерние звезды, сиявшие на небе.

На берегу он сел, прислонившись спиной к дереву, вздохнул, сделал еще вдох, затем заставил биться сердце. Первый удар, потом второй, третий... Он заставил человеческий метаболизм заработать в себе.

Река журчала около ног, как бы смеясь над ним. В долине, покрытой лесом, ночная птица призывно кричала. Светлячки танцевали в воздухе в темноте над кустами. Комар укусил его, и он ударил по нему. Кажется, не попал.

«Мне нужно где-то выспаться, — подумал он, — хотя бы в стоге сена или каком-нибудь амбаре. И какой-нибудь неприхотливой пищи, хотя бы из сада фермера, для того чтобы заполнить пустой желудок. И затем одежду». Во всяком случае он знал, где может достать одежду.

37

Его выходные дни были очень одиноки. В течение всей недели он много работал, нужно было без конца трудиться на земле, добывая этой работой

пропитание. Нужно было пахать, собирать урожай. Нужно было заготавливать дрова в лесу, строить ограды, чинить их, ремонтировать машины. Вообще все это требовало физических усилий, работы мускулов, поэтому у него болела спина. Трудиться приходилось либо под обжигающим солнцем, лучи которого жгли шею, либо под порывами холодного ветра, который пронизывал зимой до костей.

В течение шести дней он работал на фермера, эта работа притупляла все его чувства и опустошала память. А к ночи, кроме изнуряющего отупления, сама по себе работа становилась чем-то таким, что вызывало у него интерес и приносило удовлетворение. Ровная линия столбов, только что поставленных для ограды, означала для него личный триумф, когда он оглядывал свою работу. Поле, с которого убирается урожай, с пылью в колосьях и запахом солнца от золотистой соломы, и характерный звук сноповязалки становились символом изобилия, довольства и радости. И были моменты, когда розовые цветы яблонь, просвечивающие сквозь серебряную сетку весеннего дождя, служили ему символами дикого, языческого возрождения земли от зимнего сна.

В течение шести дней человек должен был работать, и у него не было времени, чтобы задумываться. А на седьмой день он отдыхал и обязан был приложить всю свою силу, всю свою волю, чтобы побороть чувство одиночества, отчаяния, которое приносила с собой бездеятельность. Это была тоска по людям, по своему миру, привычному образу жизни, поскольку этот мир был более добрым, более близким ему, более значительным и надежным, чем тот, который он оставил в будущем.

Это была тоска по работе, которая ожидала его, и никак не могла дождаться. Тоска по задаче, которую нужно было выполнять и которая могла оказаться невыполнимой.

Вначале еще была надежда.

«Конечно, — думал Саттон, — они будут искать меня. Конечно, они найдут способ отыскать меня».

Эта мысль служила ему утешением и придавала душевное спокойствие. Он не мог заставить себя тщательно проанализировать эту возможность, поскольку в глубине души понимал, хотя и гнал от себя эту мысль, что эта надежда может быть легко разрушена при таком анализе. Она выглядела слишком похожей на веру, на стремление выдать желаемое за действительное. И несмотря на то, что она давала некоторое самоуспокоение, все это могло оказаться просто мыльным пузырем.

«Прошлое не может быть изменено, — думал Саттон, — не может быть изменено полностью. Оно может только быть слегка подправлено очень обдуманным образом. Но в целом оно должно остаться таким, каким было. И вот почему я здесь. Вот почему я должен быть здесь и останусь до тех пор, пока старый Джон К. Саттон не напишет письмо. И поскольку в этом письме заключается прошлое, оно и привело меня сюда и будет удерживать до тех пор, пока, наконец, не будет написано. До этого момента схема прошлого должна сохраниться, так это уже известное мне прош-

лое. Но с момента, когда письмо будет написано, прошлое уже станет неизвестным мне. И здесь может произойти все что угодно, поскольку схемы уже не существует. После того как письмо будет написано и все, что касается меня, изложено в нем, со мной может произойти все что угодно».

Однако Саттон сам признавал, что посылка была не совсем правильной. Ведь независимо от того, было прошлое известным или нет, открытым или закрытым, все равно оно уже произошло.

Он жил в том времени, которое уже определилось и имело свой правильный путь. Хотя именно в этой неизвестности прошлого и была надежда, все же не следовало слепо доверять ей. Ведь события уже произошли. Ведь где-то когда-то он все же написал книгу, поскольку она существовала. Он уже видел два экземпляра этой книги. Это означало, что в будущем книга существовала.

«Когда-нибудь, — говорил себе Саттон, — они найдут меня. Надеюсь, что это не окажется слишком поздно. Они станут искать меня и найдут. Им необходимо найти меня. Кто же они, — спрашивал он себя, стараясь быть честным в этих своих надеждах. — Херкимер — андроид. Ева Армор — женщина. Они — это два человека. Конечно, со мной не только эти двое. За ними, как армия теней, стояли другие андроиды и роботы, которых создал человек. И время от времени среди людей встречались индивидуумы, которые были убеждены, что человек не только тот, который сам так считает. Они понимали, что это только способствовало бы еще большей славе и величию человека, если бы он занял равное место среди других творений природы, в которые она вдохнула жизнь, человек выступал бы в этом случае, как друг, который мог бы вести всех за собой, учить их, а не подавлять и править».

Они, конечно, будут искать его. Но где? Ведь поиск необходимо проводить во все времена и во всех пространствах. Как они будут знать, где и когда его найти?

Тот робот из информационного отдела может сказать им, что он наводил справки о древнем городе под названием Бриджпорт. Но никто, наверное, не сможет сказать им, когда, в каком времени искать его. Поскольку об этом никто не знал... Абсолютно никто. Он припомнил, как посыпались сухие крошки клея, когда он распечатал конверт. Клей тогда показался ему очень старым. Он отчетливо помнил, как похрустывала бумага. Конечно, никто не видел содержимого этого конверта с того самого дня, как письмо было написано, и до того момента, как он открыл его.

Саттон теперь понял, что, конечно, нужно бы сообщить кому-либо о себе. Сообщить о том, куда и в какое время он собирается отправиться и что он собирается предпринять. Но он был так уверен в себе, все это казалось таким простым, а план таким великолепным!

Отличный план, преимущество которого заключалось в прямоте действий. Перехватить ревизиониста, выбить его из седла, захватить его корабль и отправиться обратно в свое время, чтобы занять там свое место. Это могло быть исполнено, и Саттон был в этом уверен. Он нашел бы

андроида, который помог бы ему изменить свою внешность. На корабле должны быть документы, несущие информацию. И андроиды в его будущем могли сообщить ему необходимые сведения.

Чудесный план... за тем исключением, что он не сработал.

«Я бы мог сообщить о своих намерениях тому же роботу из информационного отдела, — подумал Саттон. — Он непременно был одним из наших. Ведь передал же он сведения туда, куда нужно».

Саттон сидел, прислонившись спиной к дереву, и напряженно вглядывался в небо над речной долиной, наполненное голубизной бабьего лета. Внизу на поле, тут и там, были разбросаны стоящие коричнево-золотистые снопы пшеницы, напоминавшие вигвамы. На западе катились волны Миссисипи, розовые, как облака, отражавшиеся в них, волны набегали на берег. На севере земля, покрытая пожелтевшей травой, вздымалась склоном холма, за которым виднелся другой холм и еще один, до того места, где земля каким-то таинственным образом прекращала свое существование и превращалась в небо. Хотя нельзя было обнаружить какую-то четкую линию, где это происходило. Не было какого-либо знака, выделявшего одну стихию от другой.

Голубая сойка быстро промелькнула в воздухе и уселась на столб, подпирающий плетень, залитый солнцем. Она потрясла хвостом и издала резкий характерный звук, как бы негодуя на что-то.

Полевая мышь выскочила из снопа и некоторое время смотрела глазками, похожими на булавочные головки, на Саттона. Затем в неожиданном страхе пискнула и снова исчезла в снопе, при бегстве хвостик ее дергался из стороны в сторону, выражая тревогу.

«Простая жизнь, простые люди, — думал Саттон, — маленькие простые существа, покрытые шерстью. Они тоже могли бы мне помочь, если бы знали... Голубая сойка, полевая мышь, сова, ястреб и белка... Братство, — размышлял он, — братство жизни».

Он слышал, как мышь шуршит в глубине снопа, и думал о том, что же является определяющим для той формы жизни, которую представляла полевая мышь. Конечно, прежде всего страх. Всегда присутствующий страх — самый главный, довлеющий фактор. Страх перед другими формами жизни: перед совой, ястребом, лаской, хорьком. А также страх перед человеком, перед кошками и собаками.

— И страх перед человеком, — сказал он. — Все боятся человека. Человек так повел себя, что все стали его бояться.

А затем чувство голода, страх перед угрозой голода. И инстинкт размножения. Конечно, есть жажда жизни и радость жизни, радость движения, удовлетворение от наполненного желудка и сладость сна... Что еще? Что еще может наполнить жизнь мыши?

Саттон жил в надежном месте. Он прислушивался ко всему окружающему. Он знал, что все хорошо. Все надежно. Было достаточно пищи. Было укрытие, которое предохраняло его от наступающих холодов. Он знал о холоде не столько по собственному опыту, а скорее благодаря инстинкту, который защищает людей.

До его ушей донеслось шуршание. Это другая форма жизни, родственная ему, занималась своими делами. Он ощутил сладковатый запах, доносившийся из гнезд, свитых из травы, теплых и уютных. Он почувствовал запах пшеницы, которая зимой послужит пищей для этих живых существ.

«Все в порядке, — думал он. — Все так и должно быть. Но нужно всегда быть настороже. Никогда нельзя забывать об осторожности, поскольку безопасность — это такая вещь, которая может исчезнуть в любой момент. Поскольку мы являемся такими слабыми. Такими слабыми и хрупкими. И кроме того, нужно есть. Шорох от чьих-то лап в темноте может означать и ужасный конец».

Он открыл глаза и представил себе, что поджал под себя ноги, а хвостом обвил свое тело.

Саттон сидел, прислонившись спиной к дереву, и внезапно, прежде чем сумел осознать это, почувствовал неприятное ощущение, что с ним это произошло.

Он закрыл глаза и подтянул под себя ноги, обвил себя хвостом и познал простые страхи такого существования: простого, без каких-либо претензий; существования другой формы жизни... Формы жизни, которая пряталась в снопе, пряталась там от лап и крыльев хищника, которая спала в снопе, пропитанном солнцем, и испытывала радость от уверенности в том, что есть пища и теплое убежище.

Он не просто чувствовал или знал это. Он был этим маленьким существом, был мышью, прятавшейся в снопе. И в то же время он был Ашером Саттоном, сидевшим у прямого, покрытого корой дерева и глядевшим в пространство над долиной, окрашенной в цвета осени.

«Нас двое, — подумал Саттон, — я и мышь... Мы оба существуем в одно и то же время. Каждый представляет собой отдельную личность. А мышь не знает об этом, ведь если бы она знала или догадывалась, то об этом узнал бы и я тоже, поскольку в настоящий момент настолько являюсь мышью, насколько самим собой».

Он сидел спокойно и неподвижно, все мускулы его расслабились. Но в то же время Саттон был полон удивления. Удивления и страха перед теми неведомыми силами, которые таились в его мозгу.

Он сумел привести корабль с Сигмы. Он воскрес из мертвых. Он выбросил шестерку, когда играл в кости. А теперь это.

Когда рождается человек, он обладает телом и разумом, которые обладают многими функциями. Некоторые из них довольно сложны, и требуются годы, чтобы научиться ими пользоваться. И еще проходит много лет, прежде чем это все усовершенствуется. Требуются месяцы, прежде чем человек сделает первый шаг, прежде чем произнесет первое слово.

Годы, прежде чем мысль и логика становятся отточенными инструментами...

«А иногда, — подумал Саттон, — они так и не становятся таковыми. И кто-то руководит человеком. Руководство это осуществляется опытными существами: сначала родителями, затем учителями, профессорами, цер-

ковью, всеми остальными людьми. Руководство осуществляется через контакты с помощью сил, которые формируют человека в часть общества и способны использовать те таланты, которыми он обладает.

А также наследственность, — продолжал размышлять Саттон. — Врожденные знания о свойствах, стремление делать некоторые вещи и думать о них определенным образом. Традиции, порожденные другими людьми, которые поступали определенным образом, а также представления, которые были выработаны мудростью прошлых веков.

Обычный человек имеет только одно тело и один разум. И конечно, этого достаточно любому человеку, чтобы жить. Но я, очевидно, имею второе тело и, возможно, второй разум. И для этого второго тела у меня нет никаких руководителей, и тем более наследственности. Я даже не знаю, как им пользоваться. И делаю первые неуверенные шаги. И только сейчас начинаю медленно понимать, на что я способен. Даже если я проживу достаточно долго, то смогу научиться, как пользоваться этими возможностями более эффективно. Но ведь могу и наделать ошибок, которые неизбежны в процессе обучения.

Ребенок спотыкается, когда делает первые шаги, и его слова только отдаленно напоминают настоящие слова, когда он начинает говорить. Кроме этого, из-за отсутствия необходимых познаний ребенок может обжечь палец, зажигая спичку».

— Джонни, — сказал он. — Джонни, поговори со мной.

— Да, Аш.

— Есть еще что-нибудь? Есть Большее?

— Подожди и увидишь, — ответил Джонни, — я не могу сказать тебе. Ты должен обнаружить это сам.

38

Андроид-исследователь сообщил:

— Мы проверили историю Бриджпорта до 2000 года и убеждены, что в нем ничего значительного не случилось. Это небольшое селение, оно лежит в стороне от мест, где происходили основные события.

— Это не должно быть большим событием, — объяснила Ева Армор. — Могло произойти что-то незначительное. Нужен хоть какой-то, пусть незначительный, след. Что-либо такое, что говорит о будущем. Нет ли сообщения, из которого можно сделать вывод, что Саттон был там в какой-то момент, когда стал беззащитен, или кто-то выбрал этот момент и использовал его. Например, слово, которое могло бы стать употребительным среди проживающих там людей.

— Мы проверили все, даже незначительные моменты, мисс, — ответил исследователь. — Мы изучили все отклонения, любой намек на то, что могло указывать на пребывание Саттона в этом обществе людей, мы пользовались общепринятым методом и изучили все данные, но ничего не обнаружили. Абсолютно ничего. В этом пункте нет никакого ключа к нашей проблеме.

— Он должен был туда уехать, — повторила Ева. — Робот из информационного отдела говорил с ним. Он спрашивал о Бриджпорте. Это означает, что он почему-то интересовался этим местом.

— Но это вовсе не свидетельствует, что он обязательно направился туда, — возразил робот.

— Но куда-то он отправился, — проговорила Ева. — Куда же?

— Мы подключили большую группу исследователей, такую, какую только было возможно собрать, чтобы не возбуждать подозрение как здесь, так и в будущем, — объяснил исследователь. — Наши люди буквально сталкивались друг с другом. Мы рассылали их как продавцов книг, под видом точильщиков ножей и как безработных, ищущих работу. Мы исследовали окрестности тридцати миль. Сначала с двадцатилетними интервалами, мы ничего не обнаружили, потом с десятилетними, наконец, с пятилетними. Если бы действительно было какое-то слово или какие-то слухи, то, конечно, они бы не прошли мимо нашего внимания.

— Вы сказали до 2000 года? — спросил Херкимер. — Мне не ясно, не до 1999 или до 2950 года?

— Мы должны были установить себе хотя бы приблизительную границу, — ответил исследователь.

— Семья Саттонов жила в этой местности, — обратилась к нему Ева, — я полагаю, что вы исследовали ее довольно тщательно.

— Некоторые из наших людей работали в разное время на ферме Саттонов. Как только эта семья нуждалась в помощи наемного работника, мы тотчас посылали кого-нибудь из наших на ферму, и он получал там работу. Когда необходимости в такой помощи не оказывалось, мы посылали разных людей наемными рабочими на фермы, расположенные рядом. Один из наших купил участок леса в этой местности и провел там десять лет, вырубая его. Он мог бы растянуть это занятие и на значительно больший срок, но мы боялись, что это вызовет подозрение. Мы делали все это на протяжении периода с 2000 года до 3150 года, когда последний из представителей этой семьи выехал из этого района.

Ева взглянула на Херкимера.

— Значит, эта семья была исследована всесторонне? — спросила она.

Херкимер кивнул.

— До самого того дня, когда Саттон ушел в космос к 61 Лебедя. Не обнаружено ничего, что могло бы нам помочь.

Ева сказала:

— Все это выглядит таким безнадежным. Ведь он должен быть где-то. Что-то с ним случилось. Возможно, это будущее.

— Это то, о чем я думал, — проговорил Херкимер. — Возможно, что его захватили ревизионисты, возможно, они его держат.

— Они его не удержат. Они не смогут удержать Ашера Саттона, — возразила Ева. — Вернее, не смогли бы, если бы он знал все о своих возможностях.

— Но он о них не знает, — напомнил Херкимер. — А мы не можем сказать ему о них или хотя бы привлечь к ним его внимание. Он должен сам вдруг обнаружить их, будучи поставлен в критическую ситуацию и естественным путем реагируя на нее. Его нельзя научить этому. Он должен сам развить в себе эти способности.

— Мы делаем все так хорошо, так тщательно готовимся, — усмехнулась Ева. — Мы заставили Моргана совершить непродуманные действия и вынудили Бертона бросить вызов Саттону. От Ашера можно было бы легко отделаться и тогда, когда Адамс оказался неспособным участвовать в его уничтожении. А этот случай с Бентоном заставил Ашера проявить

осторожность без нашего предупреждения. А теперь? Что же теперь?

— Книга была написана, — ответил Херкимер.

— Но она не обязательно должна быть написана, — возразила Ева. — Вы и я можем оказаться не более чем марионетками в каком-то вероятном, могущем возникнуть мире, который мы увидим завтра.

— Мы исследуем все основные моменты будущего, — предложил Херкимер. — Мы увеличим усилия нашей разведки, дабы выяснить планы ревизионистов. Мы проверим все их тактические силы, которые были использованы в прошлом. Может, мы что-нибудь и узнаем.

— Все это случайные факторы. Тут в любое время все может случиться. Мы не знаем, где искать, в каком направлении. Должны ли мы пробиваться вперед через все возможные векторы, события, для того чтобы найти то, что мы ищем?

— Вы забыли один фактор, — спокойно сказал Херкимер.

— Один фактор?

— Да. Самого Саттона. Он где-то существует, и я очень верю в него. В него и в Судьбу. Поскольку вы понимаете, он прислушивается к голосу своей Судьбы, и, в конечном счете, это сослужит ему хорошую службу.

39

— Вы странный человек, Вильям Джонс, — сказал ему Джон К. Саттон. — И к тому же хороший парень. У меня никогда не было лучшего наемного рабочего. Никто раньше не оставался у меня больше чем на год или два. Они все куда-то уходили.

— Мне некуда идти, — ответил Ашер Саттон. — Нет такого места, куда мне хотелось бы направиться. Это место ничуть не хуже любого другого.

«Это место было даже лучше, — подумал Саттон, — лучше даже, чем я предполагал, поскольку здесь спокойно, умиротворенно, хозяева ведут образ жизни, близкий к природе. Настолько близкий, что человек его возраста и его времени не живет такой жизнью».

Они облокотились на ограду пастбища и наблюдали за мерцающими огоньками домов за рекой и мчащимися по дороге автомобилями. В темноте, внизу по склону холма, белело стадо, возвращающееся с пастбища, на ходу пережевывая последние порции травы перед вечерним доением. Ветерок, несущий прохладу, пролетел вдоль склона холма и приятно обласкал лицо.

— У нас всегда по вечерам дует прохладный ветерок, — сказал старый Джон К. Саттон, — независимо от того, каким бы жарким не был день. У нас всегда хорошо спится.

Он вздохнул.

— Я много думал, можно ли позволить себе быть таким довольным. Может, это грех? Поскольку человек по своей природе постоянно чем-то неудовлетворен, обеспокоен и несчастлив. И именно это качество подталкивает его к действиям, как удар бича, и заставляет совершать великие поступки.

— Чувство довольства, — ответил Саттон, — показатель того, что человек полностью приспособлен к какому-то определенному образу жизни, к окружающей среде. Это то, что не так уж часто встречается. Точнее — встречается очень редко. Наступит такое время, когда человек и другие

живые существа узнают, как достичь этого. И наступит спокойствие и счастье по всей Галактике.

Джон К. Саттон засмеялся:

— Вы говорите об очень большой территории, Вильям.

— Я говорю об очень далекой перспективе, — объяснил Саттон. — Наступит день, когда человек отправится к звездам.

Джон К. Саттон кивнул головой.

— Да, я полагаю, что так и будет. Но он сделает это слишком рано. Прежде чем отправиться к звездам, человек должен научиться жить на Земле.

Он зевнул и продолжил:

— Пожалуй, пора идти спать. Я становлюсь старым, видите ли, мне нужен отдых.

— А я пойду еще немного погуляю, — проговорил Саттон.

— Вы очень много ходите пешком, Вильям.

— После наступления темноты, — объяснил Саттон, — земля выглядит совсем по-иному, не так, как при дневном свете. Она даже пахнет по-другому: чем-то сладким, свежим, чистым, словно ее только что умыли. В тишине можно услышать такие вещи, которых не услышишь днем. Когда гуляешь вот так, то чувствуешь себя наедине с землей, и она принадлежит тебе.

Джон К. Саттон покачал головой.

— Дело не в том, что земля становится другой. Дело в вас. Иногда я думаю, что вы видите и слышите такие вещи, которых остальные люди просто не замечают. Можно подумать, Вильям, что вы...

Он замялся, потом продолжал:

— ... что вы не являетесь одним из нас.

— Иногда мне это тоже кажется, — усмехнулся Саттон.

— Запомните, — возразил Джон К. Саттон, — вы один из нас... может быть, даже член нашей семьи. Позвольте вспомнить, сколько лет вы уже с нами?

— Десять, — ответил Саттон.

— Правильно, — согласился Джон К. Саттон. — Я хорошо помню тот день, когда вы пришли к нам. Но иногда я об этом забываю, и мне кажется, что вы всегда жили здесь. Иногда даже ловлю себя на мысли, что вы тоже являетесь членом семьи Саттонов.

Он откашлялся и сплюнул.

— Я на днях взял у вас пишущую машинку, Вильям, — вновь обратился он к Саттону. — Мне нужно было написать письмо. Это было очень важное письмо. И я хотел, чтобы оно выглядело соответственно.

— Все в порядке. Пожалуйста, — ответил Саттон. — Я уверен, что она пригодилась вам.

— Вы что-нибудь пишете сейчас, Вильям?

— Нет, нет, — ответил Саттон. — Я бросил это, так как не могу дальше это делать. Я даже потерял свои записки. Я все продумал и записал на бумагу. И считал, что, может быть, запомнил все это. Но я не сумел запомнить. Теперь нет смысла даже и пытаться.

В темноте голос Джона К. Саттона прозвучал мягко, низким рокочущим тембром:

— Вы попали в какую-то неприятность, Вильям?

— Нет, — ответил Саттон, — это нельзя назвать неприятностью.

— Может, я могу помочь? — поинтересовался Джон К. Саттон.

— Нет, вы ничего не сможете сделать.

— Но если я все-таки сумею помочь, дайте мне знать, — предложил Джон К. Саттон. — Мы сделаем для вас все.

— Возможно, наступит день, когда мне придется уйти, — проговорил Саттон, — может быть, неожиданно. Если это случится, мне бы хотелось, чтобы вы забыли обо мне.

— Это ваше желание?

— Да.

— Мы не сумеем забыть вас, Вильям, — объяснил старый Джон К. Саттон. — У нас никогда это не получится. Но мы не будем ни с кем разговаривать о вас. Если кто-нибудь придет и будет спрашивать, мы станем вести себя так, как будто вас здесь никогда не было.

Он сделал паузу.

— Именно этого вы хотите, Вильям?

— Да, — ответил Саттон. — Если вы не возражаете, это именно то, что мне хочется.

Так они стояли некоторое время, глядя друг на друга в темноте. Затем старик повернулся и зашагал в направлении освещенных окон дома. А Саттон, тоже повернувшись, облокотился руками на изгородь и напряженно вглядывался в пространство, лежащее за рекой. Там мерцали веселые огоньки, как будто из глубины волшебной земли, в которую нет дороги.

«Прошло десять лет, — подумал Саттон. — И вот письмо написано. Прошло десять лет, и выполнены условия прошлого. Теперь прошлое может развиваться без меня, поскольку я здесь оставался только для того, чтобы Джон К. Саттон мог написать письмо... Для того чтобы он мог написать его, а я мог найти его в старом сундуке через шесть тысяч лет после этого, прочитать на астероиде, который я получил за убийство человека в месте, которое будет называться «ДОМ ЗАГА».

«ДОМ ЗАГА, — подумал он, — будет расположен где-то там, за рекой, в прерии, под древним городом Душиен с его великолепными по красоте башнями. Он будет расположен там, на холмах, к северу. А дом Адамса тоже будет расположен неподалеку от места слияния рек Миссисипи и Висконсин. Огромные корабли станут подниматься в небо из прерий Айовы и отправляться к звездам, которые и сейчас мерцают вверху... И к другим звездам, которые не видны невооруженным глазом.

ДОМ ЗАГА будет расположен вон там, за рекой. Именно там когда-нибудь, шесть тысяч лет спустя, я встречу маленькую девочку в клетчатом переднике.

Как в книге сказок, — подумал он. — Мальчик встречает девочку, причем мальчик со светлыми прилизанными волосами, которые несмотря на это все-таки кое-где торчат в стороны. А девочка мнет свой передник руками, говорит, как ее зовут...» Он выпрямился и ухватился руками за изгородь.

— Ева, — позвал он. — Где ты?

Ее волосы были как медь, а глаза... какого же цвета были глаза?

«Изучала меня в течение двадцати лет», — сказала она. И я поцеловал ее за это, не веря словам, которые она произнесла, но готовый поверить тому невысказанному, тень от которого можно было бы прочесть на ее лице».

Где-то она все еще существовала. Где-то во времени и в пространстве. Где-то она даже могла думать о нем, как он сейчас думал о ней. Если бы он попытался, то, может быть, смог установить с ней контакт? Мог послать к ней свое стремление обладать ею через неизмеримую бездну пространства и времени, дать ей знать, что он все еще помнит ее. Дать ей знать, что когда-нибудь вернется к ней.

Но даже когда он думал об этом, то знал, что все бесполезно, что он барахтается в каком-то прошедшем времени, давно забытом, как человек барахтается в бушующем море. Но он должен стремиться к ней, а она к нему. Она и Херкимер. Или кто-нибудь другой, кто должен найти его. Если это когда-нибудь случится.

«Прошло десять лет, и они забыли меня, потому что не могли найти меня, или, вероятно, обнаружив, не смогли помочь мне. А может, все это делается с определенной целью, и если это так, то какую цель они могут преследовать?» Иногда у него было такое ощущение, будто за ним следят. Это неприятное ощущение холодка между лопатками. И однажды был случай, когда кто-то, как ему показалось, убегал от него в лесу, где он летним вечером бродил поздно в поисках косоглазой телки, которая постоянно забиралась за изгородь и терялась.

Он повернулся и пересек двор перед сараем, двигаясь в темноте свободно, как в хорошо знакомой комнате. От сарая исходил запах свежескошенного сена, и внутри пищал во сне какой-то теленок.

Когда Саттон шел, его внимание отвлекло то, что сознание его как бы объединилось с мозгом теленка, которого что-то беспокоило. Существовало какое-то неясное чувство неизвестного... какой-то сигнал, который проникал в мозг теленка даже во сне. И это — сигнал опасности. И невозможность уйти куда-то в сторону и спрятаться от нее. Темнота и звук. Опасность.

Саттон вернулся в свое собственное сознание и продолжал идти.

«Дать немного уверенности, уверенности в жизни этого теленка, — подумал он. — Корова — существо довольное, ее цели и ощущения таковы, как и медленный процесс поглощения ею пищи. Собака была очень живым и очень дружественным существом. Кошка, независимо от того, как бы ее ни приручали, все равно находится в полудиком состоянии. Я знаю их всех, — подумал Саттон. — Я был каждым из них. Некоторые не особенно приятные создания. Например, крыса... или ласка, или же щука, которая застыла в ожидании среди водорослей. Но вот скунс... скунс — само по себе очень приятное существо. Кому понравится такая жизнь, которую ведет скунс? Ради любопытства или ради пользы? Возможно, ради любопытства, — признал он, — поскольку всегда существует человеческое стремление проникнуть туда, за те двери, над которыми висит надпись: «Вход закрыт. Личные владения. Не входить. Не беспокоить». Но и польза тоже существует, польза, которая состоит в том, чтобы узнать и изучить механизм второго тела. Обучиться проникновению в чужой разум. Изучить и почувствовать оттенки его умственных и эмоциональных реакций. Но в этом

тоже есть какая-то граница... Граница, которую я никогда не пересекал. Может, из-за врожденного чувства деликатности, а может, из-за страха, что меня схватят с поличным».

Дорога выглядела белой полосой, извивающейся вдоль холма, местами пропадая в темноте, как будто в этих местах зияли глубокие расщелины. Саттон шел очень медленно, и шаги его звучали приглушенно на пыльной дороге. Земля казалась черной, а дорога — белой, звезды — огромными, мягко светившими в летней ночи.

«Они так отличаются от зимних звезд, — подумал Саттон. — Зимой звезды светят высоко, холодным, жестким, стальным цветом.

Мир и спокойствие, — сказал он себе. — В этом уголке старой Земли были мир и спокойствие, которые изредка нарушались потрясениями двадцатого века.

Из такой вот местности выходили уравновешенные люди. Люди, которые через несколько поколений поведут корабли к звездам. Здесь, в спокойных уголках мира, формировались стойкость и храбрость, глубина характера, твердые убеждения, которые помогут вести машины, созданные блестящими, но менее уравновешенными людьми, к отдаленным районам Галактики. И там завоюют стратегически важные миры и будут их удерживать во имя славы и блага человечества.

Благополучие, — подумал он. — Десять лет, это непредвиденная задержка. Но теперь все условия выполнены, теперь я свободен и могу направляться, куда пожелаю и в любое время».

Но идти было некуда. И не было способа уйти отсюда.

— Мне хотелось бы остаться, — сказал Саттон. — Здесь хорошо.

— Джонни, — позвал он. — Что мы с тобой теперь собираемся делать?

Он почувствовал в своем разуме какое-то движение. Что-то напоминающее виляние хвоста старого пса. Какой-то уют, наподобие тех одеял и пеленок, в которые закутан ребенок в своей колыбели.

— Все в порядке, Аш, — ответил Джонни. — Я пришел, когда ты появился на свет, и останусь до тех пор, пока ты не умрешь.

— А затем?

— Когда я не буду тебе нужен, я пойду куда-нибудь еще. Никто не одинок.

— Никто не одинок, — повторил Саттон. И произнес это как молитву.

И он не был одинок.

Кто-то шел рядом с ним, и откуда он появился и как долго находился здесь, Саттон не знал.

— Очень приятная прогулка, — сказал человек. Лицо его было неразличимо во тьме. — Вы часто так прогуливаетесь?

— Почти каждый вечер, — ответил Саттон, и его мозг сказал ему: «Спокойно, спокойно».

— Здесь очень тихо, — продолжал человек. — Тихо, спокойно и одиноко. Это помогает думать. Можно многое обдумывать, прогуливаясь здесь вечером.

Саттон не ответил.

Они медленно шли рядом, и, несмотря на то, что Саттон старался быть спокойным, его тело напряглось.

— Вы очень много думаете, Саттон, — обратился к нему человек, — целых десять лет вы размышляли.

— Вы знаете и это? — удивился Саттон. — Вы следили за мной?

— Мы следили, — ответил человек, — и следили наши приборы. Мы все записали на пленку. Мы многое знаем о вам. Гораздо больше, чем знали десять лет назад.

— Десять лет назад, — напомнил Саттон, — вы послали двух человек, чтобы подкупить меня.

— Я помню, — ответил человек. — Мы не знаем, что с ними случилось.

— Это просто, — усмехнулся Саттон, — я убил их.

— Они сделали вам предложение?

— Да. Они предложили мне планету.

— Я знал уже в то время, что это ни к чему не приведет. Я говорил Тревору, что это не сработает.

— Полагаю, что у вас сейчас есть другое предложение, — поинтересовался Саттон. — Несколько повысилась цена?

— Не совсем так, — ответил человек. — Нам пришло в голову, что не следует торопиться. Мы дадим вам возможность назначить свою цену.

— Я подумаю об этом, но не уверен, что смогу сделать это.

— Как желаете, Саттон, — прервал его человек. — Мы будем ждать... И следить. Просто дайте нам знак, когда решитесь.

— Знак?

— Конечно. Просто напишите нам записку. Мы в это время будем смотреть через ваше плечо. Или просто скажите: «Ну, я решился». Мы будем слушать, и мы услышим.

— Просто, — согласился Саттон. — Очень просто.

— Мы делаем это простым для вас, — разъяснил человек, — до свидания, мистер Саттон.

Саттон не видел, но понял, что человек прикоснулся к шляпе... Если, конечно, у него была шляпа. А затем он ушел, свернув с дороги и пройдя через кладбище, двинулся куда-то в сторону леса.

Саттон стоял на пыльной дороге и слушал звук удаляющихся шагов. Мягкие свистящие звуки шуршания подошв о траву, покрытую росой.

Наконец-то контакт! Через десять лет. Контакт с людьми из другого времени. Но это не те люди, не его люди.

Ревизионисты следили за ним. Он даже чувствовал, что они следили. Ревизионисты следили и ждали. Ждали в течение десяти лет. Но, конечно, десять лет его времени, не их. Механизмы и наблюдатели могли выполнить эту работу в течение года и даже недели, если они бросили на это дело достаточное количество людей и техники.

Но для чего нужно было ждать десять лет? Только для того, чтобы дождаться, когда он ослабеет и будет готов согласиться на любое предложение?

Пока он ослабеет?

А затем в его сознании появилась картина, и он остановился как вкопанный в несколько неуклюжей позе, удивляясь, почему эта мысль не пришла к нему раньше.

Они не ждали, чтобы он ослабел. Они ждали, пока Джон К. Саттон напишет письмо. Они все записали, записали на пленку и изучили тщательно его жизнь. И потому они могли предвидеть, как сработает его разум и как он будет действовать. Письмо служило ключом ко всему. Письмо послужило той приманкой, которую они использовали, чтобы завлечь Ашера Саттона в ЭТО ВРЕМЯ. Они завлекли его и оставили здесь, в ловушке, и держали крепко, крепче, чем если бы он был в клетке. Они изучили его теперь и могли с уверенностью предполагать, как он будет действовать. Они знали об этом с такой же точностью, с какой представляли действия старого Джона К. Саттона.

Его разум снова как бы раздвоился и начал осторожно прощупывать мозг человека, удаляющегося к лесу. Ни телята, ни кошки, ни собаки, ни полевые мыши — никто из них не мог даже подозревать, что другой разум проникал в них. С ними было легко, как с марионетками. Что касается мозга человека, то здесь должно быть по-другому. Высокоразвитый и чувствительный обязан почувствовать вмешательство извне, если не будет даже знать об этом.

«Девушка не будет долго ждать. Я слишком долго отсутствовал. Ее чувства не так глубоки. И в общем-то у нее нет никаких моральных обязанностей передо мной, я это слишком хорошо знаю. Очень долго я находился в этом временном склепе. Ей надоело ждать, когда я отсутствовал всего три часа, ну и черт с ней. Я смогу найти себе другую, но вряд ли такую же... м-да... Не совсем такую... Нигде больше не существует такой, как она...»

Саттон отчетливо воспринимал чужую мысль.

«Тот, кто сказал, что Саттон сдастся, сам был ненормальный. Бог мой! Если бы я провел десять лет в этой дыре, то любому, кто пришел бы ко мне из времени, из моего времени, бросился бы на шею и расцеловал. Кого угодно... друга... врага... это не имеет значения. А что делает Саттон? Ни одного слова, ни секунды удивления. Когда я заговорил с ним, то он даже не изменил походки. Он продолжал шагать, как будто я все время находился рядом с ним. Бог мой! Надо бы выпить. Эта работа действует мне на нервы... Хорошо бы забыть эту девушку... Но лучше, чтобы она дождалась меня... Нет, она не станет ждать... Хорошо бы...»

Саттон ушел из его разума и спокойно стоял на дороге.

Он ощутил внутренний триумф, и чувство облегчения разлилось в его груди.

Они на протяжении десяти лет следили за ним, и за десять лет слежки не узнали ничего, кроме поверхностных фактов. Они все записали на

пленку, но не догадались, что творилось в его душе. Они могли изучить любого человека, но его душа оставалась закрытой для них. Эти люди способны полностью обнажить человеческий мозг и проанализировать его, прочесть в нем все, что их интересует... Но разум закрыт для них. Он открывал им только то, что хотел открыть, и лишь для того, чтобы не вызвать подозрений, что многое осталось им недоступно. Десять лет назад люди Адамса тоже пытались получить информацию из его мозга, но практически ничего не добились. Ревизионисты следили за ним в течение десятилетия и знали каждое его движение, а также многое из того, о чем он думал, но они не догадывались, что он может развивать свой разум и воплощаться в разуме мыши, рыбы... или человека. Если бы они знали это, то, конечно, приняли бы какие-то предосторожности и стали бы еще опаснее. Но они не сделали этого.

Он посмотрел назад, туда, где стояла ферма Саттонов, и в какой-то момент ему показалось, что он видит этот дом, массивный силуэт на фоне ночного неба. Но это была игра воображения. Он просто знал, что дом находится там, и представлял себе эту картину. Одну за другой он воображал вещи в своей комнате: книги, несколько исписанных листков бумаги, бритву. Там не осталось ничего, что могло возбудить подозрение, ничего, что он мог случайно забыть, и ничего такого, что могли бы использовать позднее против него.

Он был готов к этому дню, знал, что этот день наступит, когда Херкимер, или ревизионисты, или правительственные агенты выйдут из-за дерева и пойдут рядом с ним.

Знал ли он об этом?

Нет, этого нельзя было утверждать. Он только верил в это, вернее, готов был верить.

Много лет назад его попытка написать книгу, книгу Судьбы, оказалась бы безнадежной, если бы он написал ее, не используя опыт и знания последнего десятилетия. Все, что осталось от нее теперь, — это кучка пепла, смешавшаяся за прошедшие годы с землей, с дождевой влагой, просочившейся в глубь почвы, и впитанная корнями пшеницы, кукурузы в виде химических элементов.

Его разум сконцентрировался и прояснился, он готовился к этому дню в течение многих лет.

Саттон сошел с дороги и направился вниз по пастбищу, следуя за человеком впереди. Тот быстро шел к небольшой возвышенности у реки, но, несмотря на это, разум Саттона опережал его, ощупывая темноту и отыскивая дорогу, как гончая собака, которая пользуется обонянием, когда идет по следу куницы. Саттон нагнал его уже через несколько минут, когда тот человек только входил в тень лесных деревьев, и разумом своим Саттон шел за ним на небольшом расстоянии, осторожно ступая, легко и бесшумно, как пантера, чтобы не спугнуть преследуемого.

Корабль лежал в глубоком овраге. В нем зажегся свет, и люк открылся. В круге света стоял второй человек и напряженно вглядывался в темноту.

— Это ты, Гас? — спросил он.

Первый грубовато ответил:

— Конечно, я. Кто еще, по-твоему, может шляться по этому лесу ночью?

— Я уже начал беспокоиться, — проворчал человек с корабля. — Ты отсутствовал дольше, чем я предполагал. Я уже собирался идти на поиски.

— Ты постоянно суетишься, — недовольно ответил Гас. — Между нами говоря, ведь никто не услышит нас в этом мире, я должен сказать, что мне все это надоело. Пусть Тревор поищет кого-нибудь другого для этой работы. Я больше не намерен выполнять ее.

Он взобрался по трапу на корабль.

— Собирайся, — обратился он ко второму человеку. — Мы уходим отсюда.

Он повернулся для того, чтобы закрыть люк, но это сделал Саттон. Гас отступил назад на два шага, пока не уперся в привинченное к полу кресло. Он остановился, улыбаясь.

— Вгляните-ка на него! — воскликнул он. — Эй, Пинки! Погляди, кто шел за мной до самого корабля.

Саттон невесело улыбнулся им:

— Если вы не возражаете, джентльмены, то я прокачусь с вами.

— А если мы возражаем? — спросил Пинки.

— Тогда я сам поведу этот корабль, — сказал Саттон. — С вами или без вас? Выбирайте.

— В этом весь Саттон, Гас, — рассмеялся Пинки. — Этот самый мистер Саттон. Тревор будет рад увидеть вас, Саттон.

Тревор... Тревор...

Он уже слышал это имя раза три. Саттон стоял, прислонившись спиной к закрытому люку. Его мысли вернулись в прошлое, в другой корабль, к другому человеку.

«Тревор, — говорил тогда Кейс. Или это сказал Прингл? Тревор... Ну конечно, это глава корпорации».

— Все эти годы я мечтал о том, чтобы встретиться с мистером Тревором, — усмехнулся Саттон. — Нам есть о чем поговорить.

— Включай двигатель, Пинки, — сказал Гас, — и пошли сообщение. Тревор выставит почетный караул. Мы везем Саттона.

40

Тревор поднял кусочек бумаги и бросил его в чернильницу, стоявшую на столе. Бумажный шарик попал точно в чернила.

— Хорошее попадание, — усмехнулся Тревор. — Я попадаю семь раз из десяти. Когда-то я промахивался семь раз из десяти.

Он изучающе посмотрел на Саттона.

— Вы похожи на обычного человека. Я хотел бы поговорить с вами, желая, чтобы вы поняли меня.

— Вы силитесь сказать, что у меня нет рогов и копыт? — улыбнулся Саттон. — Если вы это имеете в виду...

— А также сияния и нимба вокруг головы, насколько я понимаю, — подтвердил Тревор.

Он бросил другой клочок бумаги в чернильницу, но не попал.

— Семь из десяти, — повторил он и бросил еще раз.

На этот раз попал, чернила забрызгали стол.

— Саттон, — обратился к нему Тревор, — вы очень много знаете о Судьбе. Вы когда-нибудь думали о том, как показать ее?

Саттон пожал плечами.

— Вы пользуетесь неудачным и старинным термином из незамысловатой и откровенной пропаганды девятнадцатого столетия. Была страна, которая сделала этот термин избитым.

— Пропаганда, — повторил Тревор. — Лучше назовем ее психологией. Можно говорить о чем-то очень часто, много и хорошо, и наступит момент, когда все поверят в это. И в конце концов, даже тот, кто ведет эту пропаганду, поверит в нее сам.

— И это называется Судьбой? — спросил Саттон. — Только для человеческой расы, я полагаю?

— Естественно, — ответил Тревор. — В конце концов, мы именно те существа, которые могут использовать знания о судьбе наилучшим образом.

— Вы упустили один важный момент. Человек не нуждается в этом. Он уже считает себя великим, во всем правым и почти святым. Вы ведь не желаете пропагандировать именно это?

— Если все упростить, то вы угадали, — согласился Тревор. — Но только — если упростить.

Он неожиданно ткнул пальцем в Саттона.

— Как только мы захватим всю Галактику, что мы тогда будем делать?

— Что? — спросил Саттон. — ну, я полагаю...

— Вот именно. Вы не знаете, что делать потом. И этого не знает вся человеческая раса.

— А если мы будем владеть Судьбой, которую можно заранее предсказать? — спросил Саттон. — Если мы будем иметь такую Судьбу, то все будет выглядеть иначе?

Слова Тревора были произнесены почти шепотом:

— Существуют другие Галактики, Саттон. Еще более огромные, чем наша. Много других Галактик.

«Боже мой», — подумал Саттон.

Он начал что-то говорить, но затем закрыл рот и молча сидел в кресле. шепот Тревора доносился к нему через стол.

— Вас это привело в замешательство, не правда ли? — спросил он.

Саттон попытался произносить слова громко, но у него тоже получался только шепот.

— Вы ненормальный, Тревор. Абсолютно ненормальный.

— Это просто взгляд вдаль, с дальней перспективой, — пояснил Тревор. — Как раз то, что нам нужно. Абсолютно непоколебимая вера в человеческую Судьбу. Всеобъемлющее убеждение, что человек предназначен для того, чтобы подчинять себе не только свою Галактику, но и все Галактики, всю Вселенную.

— Этого придется ждать очень долго. — В голосе Саттона послышалась насмешка.

— Я, конечно, этого не увижу, — согласился Тревор. — Не увидите и вы, и даже дети детей наших, и еще много поколений.

— Для этого потребуются миллионы лет.

— Больше чем миллионы, — спокойно отреагировал Тревор. — У нас даже нет представлений о размерах Вселенной. Через миллионы лет у нас будет только хороший почин.

— Тогда почему, бога ради, вы и я сидим здесь и разговариваем об этом?

— Логично, — усмехнулся Тревор.

— Нет никакой логики в этом, — заявил Саттон. — Планировать на миллионы лет вперед. Человек может планировать только жизнь своего поколения, если пожелает. В этом есть хоть какая-то логика. Наконец, он может планировать дальше, на жизнь внуков, но за этим нет никакой уже логики...

— Саттон, — перебил его Тревор. — Вы раньше слыхали о корпорации?

— Да, конечно. Но...

— Корпорация сможет планировать на миллионы лет вперед. И планировать точно.

— Корпорация — это не человек, — возразил Саттон. — Это не личность.

— Именно личность, — настаивал Тревор. — Личность, составленная из людей, сделанная людьми, чтобы выполнить их желания. Это живущая, действенная идея, которая передается от одного поколения другому, чтобы обеспечить выполнение плана, слишком обширного для жизни одного человека.

— Ваша корпорация тоже издает книгу? Не так ли? — спросил Саттон.

Тревор напряженно посмотрел на него.

— Кто вам сказал об этом? — спросил он.

— Двое людей, которых звали Кейс и Прингл, — ответил Саттон. — Они пытались купить мою книгу для вашей корпорации.

— Кейс и Прингл находятся на задании, — возразил Тревор, — я ожидаю их возвращения.

— Они не вернутся.

— Вы убили их, — невыразительно произнес Тревор.

— Сначала они пытались убить меня, но меня трудно убить.

— Это было вопреки моим приказаниям, Саттон. Я не хотел, чтобы вас убили.

— Они действовали по собственному усмотрению, — объяснил Саттон. — Они собирались продать мой труп Моргану.

«Трудно представить, — подумал Ашер, — чем можно потрясти этого человека. Ни малейшего признака растерянности в его глазах, ни тени волнения на лице».

— Хорошо, что вы убили их, — проговорил Тревор. — Этим вы избавили меня от необходимости это сделать самому.

Он бросил бумажный шарик в чернильницу и попал.

— Это логично, — повторил он, — что корпорация должна планировать жизнь на миллионы лет вперед. Существование такого плана обеспечивает выполнение какого-то проекта, несмотря на то, что люди, работавшие над ним, будут меняться.

— Минутку, — прервал его Саттон. — Существует такая корпорация или все же это сказки?

— Она существует, — кивнул Тревор. — И я как раз тот человек, который ее возглавляет. У нас различные сферы деятельности, различные источники финансирования... И станет еще больше в будущем, по мере того как мы сможем продемонстрировать какие-либо существенные результаты своей деятельности.

— Под существенными вы имеете в виду Судьбу для Человечества?

Тревор кивнул.

— Именно поэтому нам следует поговорить. У вас есть товар на продажу, который является сущностью наших торговых операций.

Саттон покачал головой.

— Я не вижу того, что вы можете приобрести у меня.

— Таких три вещи, — ответил Тревор. — Богатство, власть и знание. Богатство, власть и знание Вселенной. Только для человека, как вы понимаете. Для единой расы существ, таких, как вы и я. И из этих трех моментов знание, пожалуй, является самым большим призом, поскольку знание, соответствующим образом направленное и скоординированное, ведет к еще большему знанию.

— Это безумие, — ответил Саттон. — Я и вы, Тревор, мы превратимся в пыль. И не только мы, но и вся эра, в которой мы живем, будет забыта, прежде чем вся эта работа закончится.

— Помните о корпорации.

— Я помню о корпорации. Но я не могу мыслить иначе, чем в общечеловеческих категориях.

— Тогда давайте подумаем в этих категориях, — мягко сказал Тревор. — Наступает такое время, когда жизнь, такая же, как и в вас или во мне, будет биться в мозгу, и в крови, и в теле человека, который станет совладельцем Вселенной. Будут триллионы и триллионы форм жизни, которые будут служить человеку. Будет богатство, не поддающееся исчисле-

нию. Будет знание, которое вы и я даже представить себе не можем.

Саттон спокойно сидел в своем кресле, опустив плечи.

— Вы являетесь единственным человеком, который стоит на нашем пути, — продолжал Тревор. — Вы — единственный человек, мешающий исполнению проекта, рассчитанного на миллионы лет.

— Вам нужна Судьба, — сказал Саттон, — Судьба — это не что-то, принадлежащее только мне.

— Вы всего лишь человеческое существо, Саттон. Вы — человек. Мы говорим с вами именно о людях, которые принадлежат к той же расе, что и вы.

— Судьба, — возразил Саттон, — принадлежит всем. Всем, кто живет. Не только человеку, но и всем формам жизни.

— Это совсем не обязательно, — сказал Тревор. — Вы являетесь единственным человеком, который знает об этом. Единственным человеком, который может сообщить этот факт остальным. Только вы можете сделать так, что это будет Судьба именно для человека, вместо того чтобы стать Судьбой всего, что ползает, прыгает, извивается, всего, что наделено жизнью.

Саттон на прореагировал.

— Достаточно одного вашего слова, — продолжал Тревор, — и все будет в порядке.

— Он не сработает, этот ваш план. Подумайте, ведь для его выполнения необходимы миллионы лет. А время, которое потребуется, чтобы пересечь Галактические пространства на имеющихся у вас кораблях? Хотя бы до ближайшей Галактики?

Тревор вздохнул:

— Вы забываете то, что я вам сказал об увеличении знаний. Два плюс два не равно четырем, мой дорогой друг. Это гораздо больше, чем четыре. В некоторых случаях в тысячи и тысячи раз больше, чем четыре.

Саттон покачал головой.

Но он знал, что Тревор прав. Знания и технология будут расти именно так, огромной пирамидой. Но даже если у человека будет достаточно времени, чтобы все это сделать, знание, полученное только в одной Галактике...

— Достаточно одного вашего слова, — повторил Тревор, — и война во времени будет прекращена. Одно слово — и безопасность человеческой расы будет гарантирована навечно, поскольку все, что нужно ей, — это знание, которое вы можете дать.

— Но это не будет правдой, — возразил Саттон.

— Это не имеет никакого значения, — буркнул Тревор.

— Но ведь нужна декларированная Судьба для того, чтобы выполнить ваш план, — сказал Саттон.

— Мы должны повести за собой всю человеческую расу, — настаивал Тревор. — У нас должно быть нечто значительное, что могло бы захва-

тить ее воображение, чтобы все всерьез обратили на это внимание. А декларированная Судьба, ставящая своей целью покорение Вселенной, — это как раз то, что нам необходимо, чтобы эту задачу решить.

— Двадцать лет назад я, может быть, пошел бы с вами.

— А сейчас? — спросил Тревор.

Саттон пожал плечами.

— Сейчас нет. Сейчас я знаю больше, чем двадцать лет назад. Тогда я был человеческим существом, Тревор. Я не уверен, что в полной мере являюсь таковым сейчас.

— Я еще не упомянул о вознаграждении, — сказал Тревор. — Это само собой разумеется.

— Нет, спасибо. Мне хотелось бы пожить еще.

Тревор бросил бумажный шарик в чернильницу и промахнулся.

— Вы невнимательны, — поддел его Саттон. — Ваша точность сегодня ниже обычного уровня.

Тревор взял другой бумажный шарик.

— Хорошо, — зло проговорил он. — Продолжайте наслаждаться жизнью. Сейчас идет война, и мы победим в ней. Так драться очень трудно, но мы делаем все, что можем. Войны нет как таковой, нет внешних признаков войны, поскольку, как вы понимаете, Галактика пребывает в полном мире и спокойствии под управлением добрейших жителей Земли. Мы победим и без вас, Саттон, но с вами — это было бы проще.

— Вы собираетесь отпустить меня? — спросил Саттон с удивлением, в котором проскальзывала и насмешка.

— Конечно, — ответил Тревор. — Можете идти и биться головой о каменную стену еще какое-то время. В конце концов вам это надоест, и вы прекратите это занятие просто потому, что устанете. Тогда вы вернетесь и дадите нам то, что нам нужно.

Саттон поднялся с кресла. Он некоторое время стоял в нерешительности.

— Чего вы ждете? — спросил Тревор.

— Одна вещь меня очень удивила, — объяснил ему Саттон. — Книга както и где-то уже была написана. Моя книга — это факт. Как вы собираетесь изменить его? Ведь она существует уже почти пять столетий. Если я напишу ее так, как вы хотите, то это повлияет на весь ход человеческой истории.

Тревор рассмеялся:

— Мы уже все продумали. Скажем, так: через какое-то время, допустим, через несколько лет, будет найдена рукопись вашей книги. В ней несомненно признают подлинник: по некоторым характерным признакам, которые вы внесете в рукопись, когда напишете ее. Она будет найдена, опубликована и, более того, апробирована. Человеческая раса получит свою Судьбу. Мы объясним, что те неприятности, которые имели место в прошлом, служат неопровержимым доказательством того, что кто-то раньше пытался исказить рукопись. Даже ваши друзья — андроиды — будут вынуждены поверить в то, что мы им скажем.

— Умно, — согласился Саттон.
— Я тоже так думаю, — согласился Тревор.

41

У входа в здание его ждал человек. Он поднял руку в жесте, похожем на приветствие.
— Минуточку, мистер Саттон.
— Да, в чем дело?
— Некоторые из нас будут следить за вами, сэр. Таков приказ, вы знаете...
— Но...
— Мы ничего не имеем против вас лично, сэр. Мы не будем вам мешать. Только охранять вас, сэр.
— Охранять меня?
— Конечно, сэр. Существует банда, вы знаете. Банда Моргана. Мы не можем позволить, чтобы они вас уничтожили.
— Вы даже не представляете себе, — сказал Саттон, — как глубоко я ценю ваше участие.
— Не за что, сэр, — ответил человек. — Это часть нашей каждодневной работы. Я с удовольствием буду делать это. Не надо благодарностей.
Он отошел в сторону, и Саттон пошел вниз по ступенькам, а затем по усыпанной гравием дорожке, ведущей вдоль проспекта. Солнце уже клонилось к закату, и, повернувшись назад, он увидел строгие вертикальные линии административного гигантского здания, в котором он встретился с Тревором. Оно четко вырисовывалось на фоне закатного неба. Но он не увидел никого, кто бы следил за ним.
Ему некуда было идти. Он просто не представлял себе, что ему теперь делать. Но Саттон понимал, что не сможет просто так стоять здесь и потирать руки.
«Я буду прогуливаться, — сказал он себе, — буду думать и ждать, что же произойдет со мной дальше».
Он встречал других прохожих, и некоторые оглядывали его с любопытством. Только сейчас Саттон вспомнил, что одет он в одежду двадцатого века, в одежду рабочего фермы... На нем был хлопчатобумажный комбинезон и такая же рубашка, на ногах тяжелые грубые ботинки. Но в этом мире даже такой костюм не вызовет подозрений, поскольку на Земле всегда находилось много визитеров из других звездных систем. Причем, как правило, это были высокопоставленные люди. Когда вокруг настоящее вавилонское столпотворение представителей разных рас, работающих в различных сферах межзвездных контактов, и существует обмен студентами, дипломатами, которые представляли отдельные планеты, никакая самая необычная одежда не могла вызвать ни малейшего подозрения.
«К утру, — сказал он себе, — надо найти какое-то место, где можно

укрыться. Такое место, где можно хотя бы немного расслабиться и спокойно обдумать все проблемы пребывания в этом мире, мире, который существует во времени на пять столетий позднее его собственного мира».

Он, возможно, сделает именно так. Или найдет какого-нибудь андроида, которому сможет доверять и через которого он мог бы вступить в контакт с организацией андроидов.

И хотя ему никто не говорил об этом, у Саттона не было ни малейших сомнений, что такая организация существует. Иначе кто же тогда ведет войну во времени?

Он повернул по тропинке, идущей вдоль проспекта, и свернул на другую, очень узкую, которая вела через низинку к гряде невесомых холмов на севере.

Внезапно он почувствовал, что голоден и что ему следовало зайти в какое-нибудь кафе в административном здании, чтобы перекусить. Затем он вспомнил, что у него нет денег, чтобы купить себе еду. Несколько долларов двадцатого столетия были у него в кармане, но здесь они не имели хождения и представляли ценность только для нумизматов.

Сумерки спустились на землю, и лягушки начали свой вечерний концерт. Сначала откуда-то издалека, затем все ближе и ближе. Саттону казалось, что его подошвы не касаются земли. Он хотел бы лететь, несомый этим звуком, который поднимался к слабо мерцающим звездам в вечернем небе, сияющим из черных глубин над его головой.

«Всего лишь несколько часов назад я шел по пыльной дороге, спускающейся с холма, в двадцатом столетии, собирая белую пыль на свои башмаки, — думал Саттон, — и остатки этой пыли все еще на моих башмаках».

И воспоминание его о той дороге и всем остальном все еще держалось в его сознании.

«Память и эти пылинки — все, что связывает меня с прошлым».

Он достиг холмов и начал подниматься на один из них. Воздух был очень чистым и свежим, пропитанным ароматом лесных цветов и сена. Ашер поднялся на самую вершину холма и остался там, вглядываясь в окружающую его темноту ночи. Где-то очень близко от него кузнечик начал осторожно настраивать свою скрипку. Из болота доносился звук приглушенного лягушачьего кваканья. В темноте прямо перед собой он услышал плеск ручья. Он как будто разговаривал с деревьями, с травой на берегу и склонившимися над ним в дремоте цветами, пробегая мимо них.

«Мне хотелось бы остановиться, — говорил ручей, — остановиться и поговорить с вами, но я не могу. Понимаете, мне нужно спешить, к какому-то неведомому месту, и я должен туда добраться».

«Он такой же, как и человек, — подумал Саттон. — И человека что-то гонит вперед и вперед. Человека подгоняют обстоятельства и необходимость, а также амбиции других беспокойных людей, которые не позволяют ему остаться в покое».

Он не слышал звука, но почувствовал, как чья-то рука, большая и сильная, схватила его и как бы выдернула с пешеходной дорожки. Извиваясь, он пытался освободиться от этого захвата. В это время он увидел неясный черный силуэт человека, схватившего его. Саттон сжал кулак и ударил в направлении, где, как он предполагал, находилась голова этого человека, но промахнулся. Затем нападающий ударил его в пах, и Ашер согнулся. Его рванули за ноги, и он упал лицом вниз.

Он поднялся и где-то справа услышал мягкое щелканье скорострельных ружей и боковым зрением уловил яркие огоньки в ночи.

Затем откуда-то появилась рука и закрыла ему рот и нос.

«Порошок», — подумал он, ощутив странный незнакомый запах. И после этого он уже не слышал звуков стрельбы, лягушачьего кваканья и журчания ручья в лесу.

42

Саттон приподнял веки. Он лежал на кровати. Из открытого окна веяло прохладой. Комнату украшали фантастические настенные росписи, и ее всю заливало солнце. Ветерок приносил запах цветов и счастливое пение птиц.

Саттон медленно вобрал в себя все явления и предметы, находящиеся в комнате. Все оказалось незнакомым. Незнакомая мебель, сами очертания комнаты. Зеленые, пурпурные или оранжевые обезьяны, изображенные в натуральную величину, носились одна за другой по волнистой желтой лиане, служившей бордюром. Сознание Саттона медленно скользило по следу времени, приведшего его в эту комнату.

Были люди, стрелявшие в темноте. И была рука, которая зажала ему рот и нос.

«Меня усыпили, — подумал он, — и похитили. А перед этим я слышал кузнечика, и кваканье лягушки, и шум ручья с журчанием бегущего по склону холма к какой-то своей цели. А еще раньше существовал человек, сидящий напротив меня и рассказывающий о корпорации, о мечте и плане, который стоял перед этой корпорацией.

Фантастический план, — продолжал говорить себе Саттон. — В этой наполненной солнцем комнате сама идея казалась чистой фантазией... которая заключалась в том, что человек направится не только к звездам, но и к другим Галактикам. Но в этом-то было и величие, чисто человеческое величие. Когда-то фантазией являлась сама мысль о том, что человек оторвется от планеты, на которой родился. Было время, когда считалась фантазией мысль, что человек выйдет за пределы Солнечной системы и направится через чудовищные пространства, представляющие собой ничто, к другим звездам.

Но в Треворе чувствовались сила и убежденность. Этот человек знал, куда он идет, почему он туда идет и что нужно сделать для того, чтобы добиться этого».

— Указания и декларированная Судьба, — проговорил вслух Саттон. — Вот, что нужно для этого. Вот, что необходимо. Человек станет великим, и он станет богом. Концепция жизни и мысли, которые были рождены на Земле, станут концепциями всей Вселенной, этого хрупкого пузыря в пространстве и времени, в океане мистических явлений. И в этот океан человеческий разум проникнуть не может. И все же когда-нибудь человек доберется до высшего своего предела и сможет проникнуть и туда тоже.

В углу комнаты стояло зеркало, и Саттон увидел в нем отражение нижней половины своего тела, распростертого на постели и обнаженного. На Саттоне оставались только трусы. Он пошевелил пальцами и проследил за их отражением в зеркале.

«Вы являетесь единственным человеком, который останавливает нас, — сказал ему Тревор, — вы являетесь единственным человеком, который препятствует нам, вы мешаете людям стать богами».

Но не все люди думают так, как Тревор. Не все запутались в темном механизме человеческом расы.

Делегаты из Лиги Равенства однажды говорили с ним об андроидах. Они перехватили его, когда он вышел из лифта и направлялся в ресторан. Они стояли вокруг него, словно ожидая, что он попытается убежать от них, и были готовы помешать ему. Один из них вертел в руках поношенную кепку, волосы у женщины растрепались, и она складывала руки на животе — жест, присущий рачительным и солидным людям. Они, конечно, были немного тронутые и чем-то напоминали новых христиан, убежденных бойцов за веру, которая выделяла их среди других людей и из-за которой они подверглись преследованиям. Преследованиям и презрению, спокойному и уничтожающему. Даже андроиды, ради которых они работали, видели неэффективность их действий и вульгарность их методов.

«Ведь человеческая раса, — думал Саттон, — не может ни на мгновение забывать о том, что она является человеческой, не может достичь смирения, которое должно идти рядом с равенством.

И в это время, когда члены Лиги вели борьбу за равенство андроидов с человеком, они просто не могли относиться к ним свысока, к этим людям, ради которых боролись, желая сделать их во всем равными себе».

Как об этом сказал Херкимер? «Равенство не может быть даровано, оно не должно быть результатом человеческой терпимости».

Но это была единственная возможность для человеческой расы достичь равенства. Только таким путем, путем бесконечной терпимости.

И все же лишь к этой жалкой горстке людей, которая свысока относилась к андроидам, он мог обратиться за помощью. Человек, который вертел кепку в грязных руках, пожилая растрепанная женщина и еще один человек, которому, по-видимому, нечем было заняться.

«И все же, — думал Саттон, — и все же была еще Ева Армор».

Могли быть и другие, похожие на нее, работающие вместе с андроидами, но полноценные люди.

Саттон опустил ноги на пол и сел на краю постели. Пара ночных туфель стояла на полу. Он надел их, встал и подошел к зеркалу.

Странное лицо смотрело на него из зеркала. Лицо, которое он никогда раньше не видел, и на какое-то время Саттона охватила паника.

Затем он мгновенно понял причину перемены. Его рука потянулась ко лбу и потерла пятно, нарисованное на нем.

Он низко наклонился над зеркалом и убедился в правильности своей догадки. Пятно на лбу было клеймом, присущим андроидам. Знак и серийный номер.

Саттон пальцами осторожно потрогал свое лицо и обнаружил на нем пластиковое покрытие, изменившее его внешность до неузнаваемости. Он повернулся, снова подошел к кровати, сел на нее, схватившись руками за матрац.

«Мне изменили внешность, — сказал он себе. — Сделали из меня андроида. Когда меня похитили, я был человеком, когда я проснулся, то оказался андроидом».

Щелкнула дверь, и Херкимер произнес:

— С добрым утром, сэр. Я полагаю, вы чувствуете себя удобно?

Саттон резко поднялся.

— Это были вы? — спросил он.

Херкимер тряхнул головой.

— К вашим услугам, сэр. Чем я могу быть вам полезен?

— Вам не следовало бы лишать меня сознания, — сказал Саттон.

— Нам нужно было действовать быстро, сэр, — ответил Херкимер. — Мы не могли себе позволить осложнить ситуацию. Вы задержали бы нас своими вопросами, пытаясь разобраться в том, что происходит. Мы вас усыпили и похитили. Поверьте, сэр, этот способ гораздо проще.

— Но была какая-то стрельба? — спросил Саттон. — Я слышал выстрелы.

— Да, — ответил Херкимер. — Там было несколько ревизионистов, они прятались в засаде. В общем, если рассказывать об этом, получается слишком сложно.

— Вы вступили в контакт с ревизионистами?

— Сказать по правде, — объяснил Херкимер, — у некоторых из них оказались настолько горячие головы, что они пустили в ход ружья и пистолеты. Очень глупо с их стороны, сэр. Они, признаться, получили по заслугам.

— Это не принесет никакой пользы, — возразил Саттон, — если ваша акция заключалась только в том, чтобы вырвать меня из рук банды Тревора. У Тревора работает психометр, настроенный на меня. Он знает, где я нахожусь, и это место будет тщательно обыскано.

— Оно уже обыскано, сэр. Его люди буквально заполонили все вокруг и натыкались друг на друга.

— А зачем вы придали мне такой вид? — сердито бросил Саттон. — Зачем нужно изменять мою внешность?

— Видите ли, сэр, — объяснил Херкимер, — дело вот в чем. Мы исходили из того, что ни один человек, будучи в здравом уме, не захочет стать андроидом. Поэтому мы и превратили вас в андроида. Бандиты станут искать человека. Им и в голову не придет даже взглянуть на андроида, если им нужен человек.

Саттон вздохнул.

— Хитро придумано, — сказал он. — Я полагаю...

— Да, конечно, они поймут все позже, сэр, — весело согласился Херкимер. — Но мы выиграем некоторое время. Время для того, чтобы выработать дальнейший план.

Он двигался вдоль стены, открывая шкафчики и вытаскивая оттуда одежду.

— Очень приятно, сэр, что вы опять с нами. Мы пытались найти вас, но это оказалось очень трудно. Мы полагали, что вас где-то держат ревизионисты, и поэтому удвоили меры предосторожности и тщательно наблюдали за их действиями... В течение последних пяти недель мы знали каждый шаг Тревора и его банды.

— Пять недель? — воскликнул Саттон. — Вы сказали пять недель?

— Конечно, сэр. Пять недель. Вы исчезли как раз семь недель назад.

— По моему календарю, — сказал Саттон, — прошло десять лет.

Херкимер кивнул, ничуть не удивляясь.

— Время — это удивительная вещь, сэр. Оно не перестает ставить человека в тупик.

Херкимер положил одежду на постель.

— Если вы наденете это, сэр, мы сможем пойти позавтракать. Ева ожидает вас. Она будет рада видеть вас, сэр.

43

Тревор промахнулся три раза подряд. Он печально покачал головой.

— Вы в этом уверены? — спросил он человека, который сидел напротив него.

Человек кивнул головой. Губы его были плотно сжаты.

— Это ведь может быть только пропаганда андроидов, вы понимаете? — Еще раз переспросил Тревор.

— Они хитры. Этого никогда не следует забывать. Андроиды, несмотря на то, что они постоянно кланяются и шаркают ножкой, так же хитры, как и мы. Вы понимаете, что это означает? — требовательно поинтересовался собеседник Тревора.

— Это означает...

— Я могу вам сказать, что это означает. С этого момента мы уже не можем с уверенностью сказать, кто из нас является человеком, а кто — андроидом. Вы можете быть андроидом или я...

— Совершенно верно, — сказал Тревор. — Так вот почему Саттон был так самоуверен вчера. Он сидел там же, где сидите сейчас вы, и у меня все время было такое ощущение, что он смеется надо мной...

— Я не думаю, что Саттон знает это, — возразил человек. — Это секрет андроидов. Только некоторые из них знают тайну. Они не станут рисковать, чтобы позволить человеку узнать ее.

— Даже Саттону?

— Даже Саттону.

— Как вы, однако, любите подчеркивать их интеллект, их высокий интеллект, — раздраженно проговорил Тревор.

— Вы, конечно, собираетесь что-нибудь предпринять в этом направлении? — нетерпеливо бросил гость.

Тревор уперся локтями о стол и сплел пальцы рук.

— Конечно, — усмехнулся он. — А теперь слушайте внимательно. Вот что мы сделаем...

44

Ева Армор поднялась из-за стола и подняла руку в приветствии.

Саттон притянул ее к себе и поцеловал.

— Это, — сказал он, — за те миллионы раз, что я думал о тебе.

Она засмеялась ему в ответ, веселая и счастливая.

— Неужели миллионы раз, Аш?

— У него время шло иначе, — объяснил Херкимер. — Он отсутствовал целых десять лет.

— О, — удивилась Ева, — о, Аш, это ужасно!

Он усмехнулся, глядя на нее:

— Не так уж это и ужасно. Всего десять лет отдыха. Десять лет мира и спокойствия. Я работал на ферме, ты знаешь. Сначала это было довольно тяжело, а потом я даже пожалел, когда пришло время уходить.

Он придвинул ей стул и сел между ней и Херкимером.

На завтрак у них была ветчина, яйца, поджаренный хлеб с джемом и крепкий черный кофе.

Во дворике, где стоял стол, было очень приятно. В листве деревьев над ними птицы беззлобно ссорились. На клевере, росшем в щелях между плитами, которыми был замощен дворик, жужжали пчелы.

— Как тебе нравится мой дом, Аш? — спросила Ева.

— Здесь чудесно, — ответил он и без всякого перехода продолжил: — Вчера я видел Тревора. Он пригласил меня на вершину горы и показал лежащую под ногами Вселенную.

Ева судорожно вздохнула, и Саттон поднял на нее свой взгляд. Херкимер ждал со странным выражением на вытянувшемся лице, и вилка застыла в полдороге к его рту.

— Что с вами обоими происходит? — спросил Саттон. — Вы мне не доверяете. — Он сам ответил на свой вопрос.

Конечно, они не доверяют ему. Ведь он человек и может предать их. Он мог так исказить понятие Судьбы, что она оказалась бы Судьбой только для человеческой расы. И не было уверенности, что Саттон никогда не сделает этого.

— Аш, — произнесла Ева, — ты отказался?

— Я ушел от Тревора, почти убедив его, что еще вернусь обсудить эту тему. Я ему ничего не обещал, просто он уверен, что так и будет. Он сказал, что я пока свободен и могу, как он выразился, «биться головой о стену еще некоторое время».

— Думали ли вы об этом, сэр?

Саттон покачал головой.

— Нет. Совсем мало. У меня просто еще не было времени и возможности спокойно подумать. В этом что-то есть. Человек может это понять. Честно говоря, я иногда задумываюсь, как много еще человеческого осталось во мне.

— Насколько хорошо ты информирован об этом, Аш? — спросила Ева мягким голосом.

Саттон потер лоб.

— Достаточно, я полагаю. Я знаю о войне, которая ведется во времени, у меня два тела и два разума. Во всяком случае, у меня есть тело, которое может заменить человеческое, и такой же разум. Я знаю и на что я способен. Может, у меня есть и другие таланты, о которых я пока не знаю. В это надо как бы врасти. Каждая новая способность появляется с трудом.

— Мы не могли просто сказать тебе обо всем, — объяснила Ева. — Все было бы очень просто. Но ты бы не поверил нам. Когда дело идет о времени, нужно вмешиваться как можно меньше, ровно настолько, чтобы было достаточно для изменения событий в нужном направлении. Я пыталась предупредить тебя, Аш, понимаешь? Насколько осторожность позволяла мне.

Он кивнул головой.

— После того как я убил Бентона, ты сказала мне, что не видела меня в течение двадцати лет.

— Ты помнишь! Я была той самой маленькой девочкой в клетчатом переднике, когда ты ловил рыбу...

Он удивленно посмотрел на нее:

— Ты знала об этом? Это не было частью сна возле ДОМА ЗАГА?

— Вопрос определения, — проговорил Херкимер. — Для того чтобы вы могли признать в ней друга, человека, которого знали раньше, который был близок вам, она сделала это.

— Но это был сон!

— Это был сон ЗАГА — один из нас. Его раса выиграет, если Судьба будет принадлежать каждому, а не только человеку.

Саттон произнес:

— Тревор слишком уверенно ведет себя, но он просто притворяется, а в действительности не убежден ни в чем, и я все время возвращаюсь к этой его фразе: «Идите и еще побейтесь головой о стену».

— Он пытается найти подход к вам, как к человеческому существу, — предположила Ева.

Саттон покачал головой.

— Я не думаю, что дело только в этом. Возможно, у него есть какой-то тайный план, который мы не разгадали.

Херкимер медленно заговорил:

— Мне это не нравится, сэр. Война постепенно затихает, и если мы не сумеем победить, то может случиться всякое.

— Если мы не сумеем победить? Я не понимаю.

— Мы не обязательно победим, сэр, — объяснил Херкимер. — Все, что от нас требуется, — это вести активную борьбу и не позволить ревизионистам уничтожить книгу, которую вы должны написать. С самого начала мы не пытались изменить хоть что-нибудь. Мы старались не позволить им внести изменения.

Саттон кивнул:

— С другой стороны, Тревор должен обязательно победить. Он должен уничтожить оригинал рукописи и обязан сделать все, чтобы предупредить ее написание или дискредитировать книгу настолько, что даже андроид ни во что не поверит.

— Вы правы, сэр, — согласился Херкимер. — Если он этого не сделает, то человеческая раса не будет располагать Судьбой только для своих нужд, не сможет заставить другие формы жизни поверить, что Судьба предназначена только для человека.

— И это все, что он хочет, — вставила Ева. — Он не желает получить Судьбу, поскольку ни один человек не поверит в нее так, как верит любой андроид. Для Тревора это лишь вопрос пропаганды... Ему нужно заставить человеческую расу поверить в то, что именно она предназначена владеть всей Вселенной. Он не успокоится до тех пор, пока не выполнит свою цель.

— До тех пор, — сказал Херкимер, — пока нам удается не допустить Тревора до этой цели, до ее достижения, мы считаем, что не побеждены. Ситуация настолько тонко сбалансирована, что любой новый подход с разных сторон может привести к очень серьезным последствиям. Новое оружие станет тем фактором, который обозначит победу либо поражение одной из сторон. Баланса уже не будет.

— У меня есть оружие, — проговорил Саттон. — Как раз такое оружие, которое способно нанести им поражение... Но нет никакой возможности использовать его.

Никто не задал ему вопроса вслух, но он ясно прочел его на их лицах.

— Есть только один экземпляр такого оружия, и ведь невозможно вести войну с одним-единственным пистолетом или с единственным экземпляром чего-нибудь другого.

Послышался звук быстрых шагов за углом дома. Обернувшись, они увидели андроида, бегущего к ним. Его одежда была покрыта пылью, а лицо раскраснелось. Он подошел и уставился на них, ухватившись за край стола.

— Они пытались остановить меня, — сказал он, тяжело дыша. Слова с трудом выходили из его рта. Это место окружено...

— Энджи, ты дурак, — резко выпалил Херкимер. — Зачем ты побежал прямо сюда? Они узнают...

— Они узнали о Колыбели... — выдавил из себя Энджи.

Херкимер быстро и резко поднялся. Стул, который он оттолкнул при этом, чуть не упал. Его лицо внезапно стало таким белым, что знак, вытатуированный на его лбу, стал заметен необычайно отчетливо.

— Они знают, где...

Энджи покачал головой.

— Нет, не где. Они просто узнали об этом. Только что. У нас есть еще время...

— Мы соберем все корабли, — предложил Херкимер. — Мы должны отозвать всех, кто дежурит в пунктах кризиса.

— Но мы не можем этого сделать! — крикнула Ева. — Это как раз то, чего они добиваются. Ведь это мешает им...

— Мы вынуждены это сделать, — печально произнес Херкимер. — У нас нет выбора. Если они уничтожат Колыбель...

— Херкимер, — обратилась к нему Ева, и было в ее неторопливых словах ледяное спокойствие. — Знак!

Энджи быстро повернулся к ней, затем шагнул в сторону. Рука Херкимера оказалась в кармане, и Энджи внезапно бросился к невысокой стене, отгораживающей дворик.

Нож в руке Херкимера блеснул на солнце и быстро превратился в крутящееся, сверкающее колесо, которое настигло убегающего андроида. Нож достал его прежде, чем он успел добежать до стены. Андроид упал на кучу тряпья. Нож, как увидел Саттон, почти по рукоятку погрузился в его шею.

45

— Вы заметили, сэр, — сказал Херкимер, что иногда какие-то мелочи, незначительные факторы играют большую роль в любых обстоятельствах. — Он коснулся тела убитого левой ногой. — Прекрасно, — продолжал он, — прекрасно задумано. За исключением того, что, прежде чем явиться к нам с этим сообщением, ему следовало покрыть свой

знак лаком. Многие андроиды делают это, чтобы скрыть знак. Но очень редко им это удается. Через некоторое время знак снова становится заметным.

— Но что это за лакировка? — спросил Саттон.

— Это небольшой условный знак, — объяснил Херкимер. — Очень просто. Опознавательный знак для агента, который приносит известия. В сущности, это пароль. Для этого нужно лишь секунду времени, немного лака на палец, чтобы провести им по лбу.

— Это настолько просто, — добавила Ева, — что никто практически не замечает этого.

Саттон кивнул.

— Это один из людей Тревора? — спросил он.

— Да, — ответил Херкимер, — он прикинулся одним из наших, его послали, чтобы выкурить нас отсюда, чтобы заставить нас мчаться сломя голову спасать Колыбель.

— Что это за Колыбель?

— Ее еще можно назвать Лоном.

— Но это значит, — вмешалась Ева, — что Тревор знает о ее существовании. Он не знает, где она находится, но он знает о ней. Он будет охотиться, пока не найдет, и тогда...

Херкимер жестом остановил ее.

— В чем дело? — спросил Саттон.

Что-то было не так. Нечто трагическое чувствовалось вокруг, вся атмосфера этого места стала ненатуральной. Исчезло дружелюбие, доверие и единство душ. Все было уничтожено появлением этого андроида, который, пробежав через дворик, рассказал о какой-то Колыбели. И умер несколько секунд спустя с ножом в горле.

Разум Саттона инстинктивно простерся к разуму Херкимера, но тут же вернулся обратно.

«Нельзя эту способность, — сказал он себе, — использовать против друга. Ее нужно бережно хранить, а не употреблять для удовлетворения любопытства. Цель должна оправдывать применение. Что же произошло не так, как надо? — спросил он себя. — Что произошло не так?»

— Сэр, — сказал Херкимер, — вы человек, а это дело андроидов.

Некоторое время Саттон стоял выпрямившись. Его разум старался преодолеть шок, вызванный словами Херкимера, а в его душе бушевала черная буря смятенных чувств, кипящая, но в то же время остававшаяся холодной. Затем он расчетливо, как будто он давно обдумал эти действия, сжал кулак и выбросил руку вперед.

Это был ужасный удар... Всем весом и со всей силой Саттон нанес его, и Херкимер рухнул, как бык под ударом молота.

— Аш! — крикнула Ева. — Аш!

Она схватила его за руку, но он стряхнул ее.

Херкимер сел. Его лицо было закрыто руками, и кровь просачивалась между пальцами.

Саттон заговорил:

— Я не продал Судьбу. И я не собираюсь продавать ее. Хотя, бог знает, может, вы и заслужили это.

— Аш, — мягко сказала Ева, — мы должны быть уверены.

— Как я должен поступить, чтобы убедить вас? — спросил он. — Вам придется поверить только моим словам.

— Это твой народ, Аш, — ответила она. — Твоя раса. Их величие — это твое величие тоже. Ты не можешь винить Херкимера за то, что он думал.

— Он также является и твоим народом, — возразил Саттон, — этот недостаток так же твой, как и мой.

Она покачала головой.

— Мой случай особый, — объяснила она. — Я осталась сиротой, когда мне было всего несколько недель от роду. Семья андроидов взяла меня к себе. Они воспитали меня. Одним из них был Херкимер. Я больше андроид, чем человек, Аш.

Херкимер все еще сидел на земле рядом с распростертым мертвым телом агента Тревора и не отпускал рук со своего лица. И не было похоже, что он собирается делать это. Кровь все еще сочилась через его пальцы и стекала вниз по рукам.

Саттон обратился к Еве:

— Очень приятно было увидеть тебя. Благодарю за завтрак.

Он повернулся и зашагал прочь, через дворик к калитке в стене и к тропинке, ведущей к дороге.

Он слышал, как Ева окликнула его и просила остановиться, но сделал вид, что ничего не коснулось его ушей.

«... Меня воспитали андроидом», — сказала она.

А его воспитал Бакстер, который учил его, учил драться и который когда-то поколотил его. Бакстер, который надавал ему оплеух, когда Саттон наелся зеленых яблок. Он был воспитан Бакстером, который ушел пять сотен лет назад для того, чтобы сделать своим домом другую планету.

Он шел, ощущая ледяное кипение крови.

— Они не доверяют мне, — сказал он. — Они думают, что я могу предать. После все этих лет ожиданий, планов и надежд.

— Что происходит, а, Аш?

— Да, что происходит, Джонни? Что это?

— Твой поступок плохо пахнет, Аш.

— Черт с тобой, — проговорил Саттон. — С тобой и со всеми остальными.

Люди Тревора, он знал, должны быть где-то рядом с домом. Он ожидал, что его остановят, но этого не случилось. Вокруг не оказалось ни души.

Саттон вошел в будку видеофона и закрыл за собой дверь. С полки на стене он взял видеофонную книгу и нашел нужный номер. Он набрал его и нажал кнопку. На экране появился робот.

— Информация, — сказал робот.

Взгляд его был направлен на лоб человека, делающего вызов. Поскольку им оказался андроид, он не добавил обычного «сэр».

— Информация. Архив. Чем могу быть полезным?

— Есть ли вероятность, что этот вызов может быть подслушан? — спросил Саттон.

— Нет, — ответил робот. — Абсолютно никакой возможности подслушивания не существует. Вы понимаете?

— Я хочу видеть архивное дело на земельные владения 7990 года, — проговорил Саттон.

— Земельные архивные дела?

Саттон кивнул.

— Одну минуту, — проговорил робот.

Саттон наблюдал за тем, как робот выбрал нужную катушку и вставил ее в проектор.

— Они расположены в алфавитном порядке, — объяснил робот. — Какая информация вас интересует?

— Она начинается на букву «С», — ответил Саттон. — Дайте мне возможность проверить все, что начинается на букву «С».

Вращаясь, катушка сначала дала на экране туманное свечение. Она замедлилась на букве «М», затем перешла к букве «П» и еще больше замедлила свое движение.

Список фамилий, начинающихся на букву «С», проецировался очень медленно.

— Ближе к концу, — сказал Саттон, — придержите.

Именно здесь был тот пункт, который он искал:

«Саттон. Бакстер».

Он трижды прочел описание этой планеты, чтобы быть твердо уверенным, что запомнил его.

— Все, — произнес он. — Большое вам спасибо.

Робот что-то пробурчал в ответ и выключил экран.

Выйдя из кабинета, Саттон непринужденно прошел через фойе административного здания, которое он выбрал, чтобы сделать вызов. Оказавшись на дороге, он пошел по ней, затем свернул на тропинку и наконец нашел уютную скамейку.

Он сел и заставил себя расслабиться.

За ним следили, и он знал это. Тревор уже должен был знать, что андроид, который вышел из дома Евы Армор, не может быть никем иным, как Ашером Саттоном. Психометр давно уже рассказал им все, проследил все его перемещения и указал место его нахождения, чтобы люди Тревора могли обнаружить Саттона.

«Спокойно, — сказал он себе. — Тяни время, бездельничай. Веди себя так, как будто тебе нечего делать, как будто ты ни о чем не думаешь. Ты не одурачишь их, но, во всяком случае, ты можешь выбрать момент, когда они окажутся неподготовленными. Когда подойдет время для дальнейших действий».

Существовало многое, что еще предстояло сделать. И еще многое нужно было обдумать, хотя Саттон был доволен, что линия поведения, избранная и спланированная им, именно такая, как и требовалось.

Сначала нужно вернуться в дом Евы, чтобы забрать рукопись, оставленную на охотничьем астероиде. Забрать записки, которые Ева и Херкимер хранили в течение всех этих лет... или недель.

Это будет в лучшем случае тонкое и щепетильное дело. Но это его рукопись, и он имел право вернуть ее себе. У него нет никаких обязательств перед ними.

Он мысленно проигрывал предстоящий разговор с Евой:

«Я пришел забрать свои записки, я полагаю, они все еще хранятся где-то здесь?»

Или:

«Ты помнишь ту папку, которая была у меня? Интересно, она сохранилась?»

Или:

«Я собираюсь уезжать и буду благодарен тебе, если ты отыщешь мои записки».

Или...

Что бы он ни сказал, что бы ни сделал, а в первую очередь необходимо вернуть рукопись.

Можно тянуть время, но лишь до последнего момента. К дому надо идти не спеша и поспеть как раз к сумеркам, чтобы взять рукопись незаметно. И вот тогда надо действовать быстро, так быстро, чтобы люди Тревора не смогли проследить за ним.

«Затем нужен корабль, — продолжал думать Саттон. — Корабль, который предстоит похитить».

Он приметил его раньше, во время прогулки у космопорта. Обтекаемый и небольшой. Это был быстроходный корабль, и присутствие офицера с военной выправкой, руководившего заправкой горючего, еще раз доказывало, что корабль надежен и быстроходен.

Прогуливаясь за оградой космопорта с видом бездельника-андроида, он осторожно проник в разум офицера. Через несколько минут Саттон уходил прочь, владея всей информацией, необходимой ему.

На корабле летела команда, занимающаяся изменением событий во времени.

Корабль не должен был стартовать до следующего утра.

Корабль ночью будет охраняться.

«Без сомнения, — сказал себе Саттон, — это один из кораблей Тревора, один из кораблей ревизионистов».

Нужны крепкие нервы для того, чтобы захватить этот корабль, он знал это. Потребуется выдержка, быстрая реакция, готовность и способность убивать.

Не спеша он войдет на поле космодрома, смешавшись с толпой ожидающих. Затем отделится от толпы и пройдет по полю, как будто имея на это право. Он не будет бежать... Он станет медленно идти и побежит только в том случае, если кто-нибудь попытается остановить или окликнуть его. Тогда он будет драться, убивать, если потребуется. Но он получит этот корабль.

А овладев кораблем, увеличит скорость до предела и направит его в сторону, противоположную месту назначения. Он выжмет из корабля все, что сможет.

Через два года, может, раньше, он отключит временные генераторы и перенесет себя вместе с кораблем на пару столетий в прошлое. Оказавшись там, ему придется выключить двигатели, так как в них, несомненно, есть встроенная сигнализация, которая способствует обнаружению корабля. Он отделит двигатели и пустит их отдельно в направлении, в котором летел прежде корабль.

Затем корабль без двигателей перейдет в подчинение его нечеловеческого тела. Он повернет корабль и направит его к планете Бастера, все увеличивая скорость до фантастической величины, необходимой для того, чтобы перепрыгнуть через звездное пространство.

Подсознательно он думал, что его тело, являющееся восприемником энергии, станет подобно настоящему двигателю во время этого длительного перелета. Оно будет служить лучше, решил он, лучше, чем двигатели. Быстрее и мощнее.

Но для этого потребуется много лет, так как Бастер находится далеко. Саттон еще раз проверил свой план. Отделение двигателей приведет к тому, что его преследователи направятся за ними, и пройдет много времени, прежде чем они достигнут их и обнаружат ошибку.

Еще раз проверить.

Переход в другое время сделает бесполезными психометры Тревора. Они не будут действовать через время.

Нужно все проверить.

К тому времени, когда психометры будут установлены в других временах, чтобы обнаружить его, он будет уже так далеко, что даже на предельном режиме они вряд ли смогут найти его в необозримом межзвездном пространстве Галактики.

Все нужно проверить.

Если бы только это сработало. Если бы только не было какой-нибудь ошибки, какого-нибудь непредвиденного фактора.

Белка запрыгала в траве, встала на задние лапы и пристально посмотрела на него. Затем решив, что он не представляет опасности, принялась искать в траве какие-то свои сокровища.

«Надо отрешиться, — подумал Саттон, — от всего, что удерживает

меня здесь. Оторваться от всего и делать свою работу. Забыть о Треворе и ревизионистах, забыть о Херкимере и андроидах. Надо написать книгу.

Тревор хочет меня купить, а андроиды мне не доверяют. А Морган, если у него только будет возможность, убьет меня.

Андроиды мне не доверяют.

«Это глупо, — сказал он себе, — это по-детски».

И все же они ему не доверяли.

«Ты человек, — говорила ему Ева. — Это твой народ. Ты принадлежишь к человеческой расе».

Он тряхнул головой, загнанный в тупик сложившейся ситуацией. Лишь одна вещь ясно проступала во всем этом. Одна вещь, которую он должен сделать. Одно обстоятельство, которое должно быть выполнено. Тогда все остальное не будет иметь никакого значения.

Есть нечто, что называется Судьбой.

Знание этой Судьбы было ниспослано ему не как человеческому существу, не как члену человеческой расы, но как инструменту, который должен передать это знание всем. Всем видам разумной жизни.

«Я должен написать книгу, чтобы выполнить это. Я должен сделать так, чтобы книга стала ясной, а главное, такой честной, какой только может быть.

Когда я сделаю это, то освобожусь от своих обязанностей и обязательств».

Позади скамейки послышались голоса и шаги. Саттон обернулся.

— Мистер Саттон, не так ли? — спросил человек.

Саттон кивнул.

— Садитесь, Тревор, — сказал он. — Я ждал вас.

47

— Вы недолго оставались со своими друзьями, — проговорил Тревор.

Саттон покачал головой.

— У нас возник спор.

— Это имело отношение к вопросу о Колыбели?

— Можно сказать, что и так, — подтвердил Саттон. — Но причина гораздо глубже. Это фундаментальная предвзятость, которая гнездится в отношениях между андроидами и людьми.

— Херкимер убил андроида, который принес ему известие о Лоне? — спросил Тревор.

— Он думал, что его послали вы. Он понял, что тот только изображал андроида. Вот почему он убил его.

Тревор лицемерно поджал губы.

— Это плохо, — произнес он, — очень плохо. Скажите, как он узнал... Как сумел распознать обман?

— Этого, — сказал Саттон, — я вам не скажу.

Тревор попытался изобразить невозмутимость:

— Главное, что это не сработало.

— Вы имеете в виду, что андроиды не бросились сломя голову и не указали вам, где находится Колыбель? — спросил Саттон.

Тревор кивнул.

— В этом есть и другой аспект, — продолжал Саттон.

— Они могли отозвать своих наблюдателей из стратегически важных пунктов. Это могло бы помочь нам, — предположил Тревор.

— Как выстрел сразу по двум целям, — усмехнулся Саттон.

— Именно так, — согласился Тревор. — Нет ничего лучше, чем поставить противника в безвыходное положение.

Он прищурился, глядя в лицо Саттону.

— С каких это пор, — спросил он, — и почему вы предаете человечество?

Саттон поднял руку к лицу и ощутил твердость пластика, который изменил его черты и сделал похожим на андроида.

— Это была мысль Херкимера, — объяснил Саттон. — Он думал, что в таком виде меня будет трудно обнаружить. Вы не стали бы меня искать среди андроидов, понимаете?

Тревор кивнул.

— Это могло бы помочь, — согласился он. — Это могло на какое-то время сбить нас с толку. Но когда вы дышите, психометр продолжает следить за вами, и мы знаем, где вы.

Белка подпрыгнула ближе, села напротив них и принялась рассматривать.

— Саттон, — спросил Тревор. — Так вы ничего не знаете об этой проблеме, связанной с Колыбелью?

— Ничего, — ответил Саттон. — Они сказали мне, что я являюсь человеческим существом, а это дело касается только андроидов.

— Из этого можно сделать вывод, что они считают это очень важным для себя?

— Да, пожалуй, — согласился Саттон.

— Можно догадаться по названию, что это может быть?

— Это не слишком трудно сделать.

— Поскольку нам необходимо большее количество людей, — продолжал Тревор, — мы начали изготавливать андроидов тысячу лет назад. Они были нужны нам для того, чтобы численно увеличить человечество. Мы делали их как можно больше похожими на человека. Они могли делать все то, что и люди, за исключением одного, одной вещи.

— Они не могут размножаться, — перебил Саттон. — Интересно, Тревор, а если бы это было возможным? Если бы мы дали им эту возможность?

— Если бы дать им эту возможность, то они были бы настоящими людьми. Не было бы никакой разницы между человеком, предки которого созданы в лаборатории, и тем, предки которых вышли из океана. Андро-

иды были бы видом, который сам бы себя продолжал. Тогда они уже не были бы андроидами. Они стали бы людьми. Мы пополнили бы численность человечества как биологическим, как и химическим путем. Не знаю, нужно ли это, — продолжал Тревор, — честное слово, я этого не знаю. Конечно, кажется чудом, что мы вообще их создали. Что мы смогли воспроизвести жизнь в лаборатории. Подумайте только об уровне технического и научного прогресса! В течение столетий люди пытались узнать, что же представляет собой жизнь. Они шли по одному неправильному пути, затем перешли на другой, тоже неправильный путь, бились о каменную стену. Не в состоянии найти научный ответ, многие обращались к источникам сверхестественным, к мистическим, к вере, к тому, что является даром свыше, чем-то божественным. Эта идея великолепно выражена Дьюнайте, который писал в двадцатом столетии.

— Мы дали андроидам одну вещь, которой нет у нас, — спокойно сказал Саттон.

Тревор внимательно посмотрел на него. Черты его лица внезапно заострились, в нем появилась подозрительность.

— Вы...

— Мы сделали их неполноценными, — продолжал Саттон, — менее совершенными, чем человек. Мы дали им основание бороться против нас, но не дали им того, ради чего им пришлось бы бороться. Цели, которую человек утратил много лет назад. Человеку уже не нужно доказывать, что он такой же, как и все другие, лучше, чем все другие, что он самое великое существо в Галактике.

— Теперь они добились этого, — произнес Тревор с горечью. — Андроиды размножались не биологическим, а химическим путем в течение уже длительного времени.

— Мы должны были этого ожидать, — сказал Саттон. — Мы подарили им такой же мозг, как у нас. Мы обязаны были подозревать это уже давно.

— Полагаю, что это верно, — признал Тревор. — Мы же пытались дать им возможность человека к интуитивному предвидению.

— Мы поставили им знак на лоб.

Тревор сердито махнул рукой.

— Это незначительное различие уже устраняется. Когда андроид производит другого андроида, он уже не утруждает себя необходимостью ставить знак на его лбу.

Саттон вздрогнул и отшатнулся. Ему показалось, что молния поразила его сознание, и ощутил растущую боль, которая заглушила его сознание.

Он сказал об оружии. Он сказал, что было оружие...

— Они могут сделать себя лучше, чем были поначалу, — продолжал Тревор. — Они могут улучшать свои модели, создать расу, даже сверхрасу мутантов, или как там ее называть...

«... Только один экземпляр оружия, — сказал он тогда. — Нельзя вести войну только одной-единственной пушкой».

Саттон поднял руку ко лбу и крепко потер его. Он отчетливо вспомнил разговор с Херкимером.

— Конечно, — усмехнулся Тревор. — Можно сойти с ума, думая об этом. У меня уже голова раскалывается. Возможны различные варианты. Они могут нас вытеснить, как новое поколение вытесняет старое.

— Но раса все равно останется человеческой, — возразил Саттон.

— Мы создали себя медленно, — проворчал Тревор. — Старая раса. Биологическая раса. Мы пришли с самого начала рассвета человечества. Мы начинали с обтесывания камней, с каменных топоров, пещер и жилищ на деревьях. Мы создавали себя слишком медленно, слишком большой болью и кровью, чтобы позволить кому-то захватить наше наследство. Тому, кто не знает труда, этой боли.

«Одна пушка», — подумал Саттон, но на этот раз он был не прав. Существовали тысячи пушек, миллионы, выкатывающихся сейчас на линию огня. Миллионы пушек, которые должны спасти Судьбу для всей жизни, которая была и будет через миллионы лет.

— Я предполагаю, — произнес Саттон срывающимся голосом, — что у вас сложилось впечатление, будто я и в самом деле обязан пойти с вами.

— Я хочу, — сказал Тревор, — чтобы вы обнаружили, где находится Колыбель.

— Чтобы вы могли уничтожить ее? — грубо прервал его Саттон.

— Чтобы я мог спасти человечество, — ответил Тревор. — Старое человечество. Настоящее человечество.

— Вы полагаете, что все человеческие существа должны быть сейчас заодно?

— Если в вас есть что-то человеческое, — ответил Тревор, — то вы должны быть сегодня с нами.

— Были времена на Земле, — возразил Саттон, — до того, как люди отправились к звездам, когда человечество считалось наиболее важным из всего, что знал человеческий разум. Сейчас это уже не является абсолютной правдой, Тревор. Существуют другие расы, такие же великие.

— Каждая раса, — поправил Тревор, — должна заботиться о себе. Человечество должно блюсти свои интересы.

— Выходит, я предатель, — твердо произнес Саттон. — Может, я и не прав, но все же думаю, что Судьба — это гораздо более важная вещь, чем человечество.

— Вы хотите сказать, что отказываетесь помочь нам?

— Не только это, — ответил Саттон. — Я буду бороться с вами. Я говорю вам это сейчас, чтобы вы знали. Если вы хотите убить меня, Тревор, то сейчас самое время сделать это. Потому что потом будет слишком поздно.

— Я ни за что на свете не стану пытаться убивать вас, — резко проговорил Тревор, — потому что мне нужны те слова, которые вы написали. Независимо от вашего желания или желания андроидов, мы прочитаем их так, как хотим прочитать. И так же их будут понимать все эти незначи-

тельные копошащиеся существа, которыми вы так восхищаетесь. Нет ничего в мире, что может встать на пути человеческой расы, что может сравниться с ней.

Саттон увидел на лице Тревора презрение.

— Я оставляю вас наедине с собой, Саттон, — продолжал Тревор, — ваше имя будет черным пятном на всей истории человечества. Звуком вашего имени поперхнется любой человек, как только попытается произнести его. «Саттон» станет таким бранным словом, которым один человек станет обзывать другого, если захочет нанести ему смертельное оскорбление.

Он произнес слово «Саттон» таким тоном, будто оно уже вызвало у него отвращение. Саттон не пошевелился. Тревор встал и пошел прочь, но затем обернулся. Его голос был не громче шепота, но вонзился в сознание Саттона как раскаленный нож:

— Идите и вымойте лицо, уничтожьте этот пластик и этот знак. Но вы никогда не сможете опять стать человеком, Саттон. Вы никогда не сможете назвать себя человеческим существом.

Он резко отвернулся от Саттона. И, глядя на его спину, Саттон представил себе спину всего человечества, навсегда отвернувшегося от него.

Где-то в глубине своего собственного сознания, как бы откуда-то издалека, Саттон услышал, казалось, звук захлопнувшейся перед ним двери.

48

Горела только одна лампа в углу комнаты. Папка лежала на столе перед ней, а Ева Армор стояла около кресла, как будто ожидала кого-то.

— Ты вернулся, — спросила она, — чтобы забрать папку? Я приготовила ее для тебя.

Он остановился в дверях и покачал головой.

— Пока нет, — ответил он. — Позднее она мне понадобится, но пока мне не нужна.

«Вот оно, — подумал он. — Это то, что беспокоило меня весь день. Та вещь, которую я пытался облечь в слова».

— Я говорил тебе сегодня утром за завтраком об оружии, — обратился он к Еве. — Тебе нужно запомнить то, что я сказал об этом. Я объяснил, что существует единственный экземпляр этого оружия, что нельзя вести войну, имея одну пушку.

Ева кивнула. Ее лицо в свете лампы казалось удивленным.

— Я помню, Аш...

— Их существует целый миллион, — продолжал он. — Столько, сколько ты захочешь иметь.

Он медленно прошел через комнату и остановился, глядя ей прямо в лицо.

— Я на твоей стороне, — просто объявил он ей. — Я днем видел Тревора. Он проклял меня от лица всего человечества.

Она медленно подняла руку и провела ею по лицу Саттона. Он почувствовал ее холодную и гладкую ладонь. Пальцы Евы остановились в его волосах. Она нежно и мягко теребила его голову.

— Аш, — произнесла она, — ты вымыл свое лицо, ты снова прежний, Аш.

Он кивнул:

— Я снова хотел стать человеком.

— Тревор спрашивал тебя о Колыбели, Аш?

— Кое о чем я догадался сам. Он рассказал мне остальное. Об андроидах, у которых нет знака.

— Мы используем их, как шпионов, — объяснила она. — Некоторые из них проникли в штаб-квартиру Тревора под видом людей.

— А как Херкимер? — поинтересовался Саттон.

— Его здесь нет, Аш. Он не появится здесь никогда, после того как это случилось во дворике.

— Конечно, — произнес Саттон. — Конечно, его здесь не будет. Ева, мы человеческие существа, такие странные и не всегда хорошие.

— Присядь, — пригласила Ева, — вот в это кресло. Ты изъясняешься так странно, что пугаешь меня.

Они сели.

— Расскажи мне, что произошло, — попросила она.

Он оставил ее слова без внимания.

— Я думал о Херкимере днем, когда Тревор разговаривал со мной, — продолжал Ашер свою мысль. — Я ударил Херкимера и снова ударю, если он скажет мне опять то же самое. Это что-то такое, что присутствует в человеческой крови, Ева. Мы боролись для того, чтобы пробиться. Мы действовали топором и дубинкой, огнестрельным оружием и атомной бомбой...

— Перестань, — закричала Ева. — Пожалуйста, замолчи!

Он с удивлением посмотрел на нее.

— Ты сказал «человеческие существа», — продолжала она, — а кто, по-твоему, Херкимер? Разве он не человеческое существо? Он — человек, созданный человеком. Робот может произвести другого робота, но он все равно останется роботом, не так ли? Человек создает человека, и оба они — люди.

Саттон смущенно пробормотал:

— Тревор боится, что андроиды захватят власть. Что они станут выше людей, первоначальных, биологических, человеческих существ.

— Аш, — обратилась к нему Ева, — тебя беспокоит проблема, которую будут решать еще в течение тысячи будущих поколений. Какой в этом смысл?

Он покачал головой.

— В этом действительно нет смысла. Но это тревожит мой мозг, мне нет покоя. Когда-то все было четко, ясно и просто. Я думал, что напишу книгу, Галактика прочтет ее и примет. И все станет чудесно.

— Все еще может произойти именно так, — уверенно произнесла Ева, — через некоторое время, может быть значительное. Но для этого нам нужно

остановить Тревора. Он ослеплен теми же запутанными проблемами, которые беспокоят и тебя.

— Херкимер сказал, что с помощью одного оружия можно достичь многого... Только одно оружие перевесит чашу весов. Ева, андроиды добились значительных результатов в исследовании человеческого организма, не так ли? Они должны были это сделать, это видно по имеющимся результатам.

Ева кивнула.

— Они прошли большой путь, Аш. У них есть анализатор и еще... У них есть устройство, которое как бы разбирает человека на молекулы, на атомы и записывает информацию почти о каждом атоме. Создает кальку для другого тела.

Мы сделали кальку для людей Тревора. Мы похитили их и сделали дубликаты, которые послали обратно. А людей мы лишили свободы, но содержим в приличных условиях. Именно благодаря таким условиям-уловкам мы способны удерживать наши позиции.

— Можете ли вы продублировать меня? — спросил Саттон.

— Конечно, Аш, но...

— Конечно, другое лицо, но в точности такой же разум и... некоторые другие части души, разума и тела.

Ева кивнула.

— Твои отличительные способности, — согласилась Ева.

— Я могу проникнуть в разум другого человека, — объяснил Саттон. — Это не просто телепатия, а способность действительно стать другим существом, другим разумом, чтобы понимать, знать, чувствовать то же самое, что и другое существо. Я не знаю, как это происходит. Это, должно быть, связано со структурой моего мозга. Если вы сможете сделать дубликат моего мозга, то он будет обладать всеми способностями оригинала. Может быть, не все двойники будут способны на это. Может быть. Но будут и удачи, двойники, которые овладеют моими способностями.

Ева задержала дыхание.

— Аш, это будет означать...

— Вы будете знать все, о чем думает Тревор. Каждую мысль и каждое слово, которые исходят из его разума, поскольку один из вас будет Тревором. И то же самое относится к любому другому человеку, имеющему отношение к войне во времени. Вы будете знать, что они собираются делать в тот или иной момент, так же, как и они сами. Вы сможете во всеоружии встретить любую угрозу, которую они готовят. Вы сможете помешать им во всем, что бы они ни предприняли.

— Это создаст равновесие сил, — сказала Ева, — как раз то, чего мы хотим. Стратегия перемирия, Аш. Они не смогут понять, что им мешает. Это будет выглядеть так, как будто их постоянно преследуют неудачи... И Судьба тоже против них.

— Сам Тревор подал мне эту идею, — признался Саттон. — Он предложил мне пойти побиться головой о стену еще некоторое время. Он сказал, что в конце концов мне надоест это делать и через некоторое время я прекращу свои попытки.

— Десять лет, — вслух подумала Ева. — За десять лет можно выполнить эту задачу. Но если не удастся за десять, тогда за сто или за тысячу лет, если потребуется. У нас в распоряжении много времени.

— В конце концов, — предположил Саттон, — они прекратят свои действия, буквально опустят руки и прекратят бороться. Все будет бесполезно. Они никогда не смогут победить. Будут бороться с полным напряжением сил и всегда будут проигрывать.

Они сидели в маленьком оазисе света, который противоборствовал темноте, окружающей со всех сторон. И в душах их не было триумфа, поскольку решение проблемы не могло вызвать такого чувства. Это был вопрос необходимости, а не какого-то успеха или достижения, которые могли радовать. Речь шла о человеке, который боролся с самим собой, и побеждал, и проигрывал в одно и то же время.

— Ты сможешь побыстрее организовать все с этим анализатором? — спросил Саттон.

Ева кивнула.

— Как насчет завтрашнего дня, Аш? — Она посмотрела на него странными глазами. — Почему ты так спешишь?

— Я уезжаю, — ответил Саттон. — Отправляюсь в укрытие, о котором думал. Это в том случае, если ты дашь мне корабль.

— Любой корабль, который ты пожелаешь.

— Да, это было бы удобно, — ответил он. — В противном случае мне бы пришлось украсть корабль.

Она не задала вопроса, который он ждал, поэтому продолжал:

— Я должен написать книгу.

— Существует много мест, Аш, где ты мог бы написать эту книгу. Надежных мест. Таких мест, где все можно организовать таким образом, что никто тебе не помешает.

Он покачал головой.

— Существует робот. Это единственное близкое мне существо. Когда я был на Сигме, он отправился в одну из звездных систем на самом краю Галактики, обосновался там. Я отправлюсь туда.

— Я понимаю, — ответила Ева очень грустно.

— Есть еще кое-что, — продолжал Саттон. — Я все время вспоминаю маленькую девочку, которая подошла ко мне и заговорила, когда я ловил рыбу. Я знаю, что она была создана как бы моим разумом и появилась там с определенной целью. Но это не имеет значения. Я все время продолжаю думать о ней.

Он посмотрел на Еву и увидел, как в свете лампы ее волосы превратились в медное сияние.

— Я не знаю, любил ли я когда-нибудь. Я не могу с уверенностью сказать, люблю ли я тебя. Но мне бы очень хотелось, чтобы ты поехала со мной на планету Бастера.

Ева покачала головой.

— Аш, я должна остаться здесь хотя бы на некоторое время. Я занимаюсь этим делом в течение многих лет. Я должна довести его до конца.

Ее взгляд в свете лампы казался затуманенным.

— Может быть, когда-нибудь, Аш, если ты еще будешь желать видеть меня рядом. Возможно, некоторое время спустя я смогу приехать.

Саттон сказал просто:

— Я всегда буду хотеть, чтобы ты была рядом, Ева.

Он протянул руку и нежно коснулся медного завитка волос, который упал ей на лоб.

— Я знаю, что ты никогда не приедешь. Если бы это было хотя бы немножко по-другому... Если бы мы были просто двумя обычными людьми, у которых самая обыкновенная жизнь.

— В тебе есть величие, Аш, — тихо произнесла Ева. — Ты будешь богом для многих людей.

Он стоял, безмолвно ощущая, как вечное одиночество опускается на него. Не было величия, о котором она говорила, а лишь одиночество и горечь человека, который всегда будет одиноким.

49

Саттон плыл в море света и откуда-то недалеко от него доносилось жужжание работающих механизмов, маленьких механизмов, которые расчленяли его тончайшими пальцами световых лучей. Щелкали какие-то переключатели. Светочувствительная бумага протекала, как поток серебра через ролики.

Расчленение, взвешивание, опробование, измерение... Ничего не пропуская, ничего не добавляя. Точная запись его каждой частицы, каждой клетки, каждой молекулы, каждого нерва и волокна мускулов.

И откуда-то издалека, из какого-то места за гранью этого моря света, в котором он плыл, голос говорил только одно слово, которое он все время повторял про себя: «Предатель».

Одно слово, без восклицания. Голосом, который не имел эмоциональной окраски. Одно безликое слово.

Сначала это слово произносил один голос. Затем к нему присоединился другой, потом еще. Это были голоса целой толпы. Толпа стала гигантской, а звук ее голосов настолько усилился, что стал целым морем, выкрикивающим только одно слово.

Оно произносилось до тех пор, пока не потеряло всякий смысл, пока не стало звуком, который слишком долго повторяется, чтобы сохранить смысл.

Саттон попытался ответить, но это не удалось. Не существовало никакой возможности ответить. У него не было голоса, не было губ, языка, горла. Он был чем-то, что плавало в море света, а слово продолжало звучать, никогда не меняясь, никогда не умолкая...

Но за этим словом слышались какие-то другие слова, невысказанные.

«Это мы, те, кто впервые использовал камни, чтобы создавать первые инструменты, это мы, кто разжег первобытный огонь, это мы, кто изгнал диких зверей из пещер, занял эти пещеры и в них создал прообраз человеческой культуры. Мы, те самые, кто изобразил охрой бизона на стенах

пещер при свете лампы с фитилем из мха, а в качестве масла взял жир. Это мы, те, кто обработал землю и приручил дикие растения, чтобы они послушно росли под нашей рукой. Мы построили великие города для того, чтобы подобные нам существа могли жить в них вместе и добиться величия, которого не может достичь одна маленькая горстка людей. Это мы мечтали о звездах, мы расщепили атом и подчинили себе его силу, чтобы добиться целей, рожденных в наших умах.

Ты предаешь наше наследство. Ты отдаешь наши традиции, отдаешь их существам, которых мы создали с помощью наших искусных рук, нашего острого разума».

Механизмы продолжали пощелкивать, а голос продолжал говорить одно и то же слово.

Но был еще один голос, где-то внутри трудно определяемого понятия, которым был сейчас Ашер Саттон. Очень слабый голос...

Тот голос не произносил никаких слов, так как мысль, передаваемую им, нельзя было выразить словами.

Саттон ответил ему:

— Спасибо, Джонни. Очень тебе благодарен.

И Саттон удивился тому, что смог ответить Джонни. А тем, другим, ответить не сумел.

Механизмы продолжали пощелкивать.

Серебристый корабль пронесся по взлетной эстакаде, прошел по закруглению стартовой полосы и устремился вверх, как дыхание огня, перечеркнувшее голубизну неба.

— Он не знает, — сказал Херкимер, — что мы организовали это для него. Он не предполагает, что мы много лет назад послали туда Бастера, чтобы ему было где укрыться. Мы знали, что оно для него потребуется, и сделали это последнее благо для него.

— Херкимер, — прошептала Ева, — Херкимер...

Голос ее прервался.

— Он попросил меня поехать с ним, Херкимер. Он сказал, что нуждается во мне. А я не могла последовать за ним и не могла объяснить ему причину.

Ева стояла, подняв голову, следя за крохотной точкой огня, устремившейся в космос.

— Ему необходимо думать, что есть еще человеческие существа, которым он помог и которые верят в него.

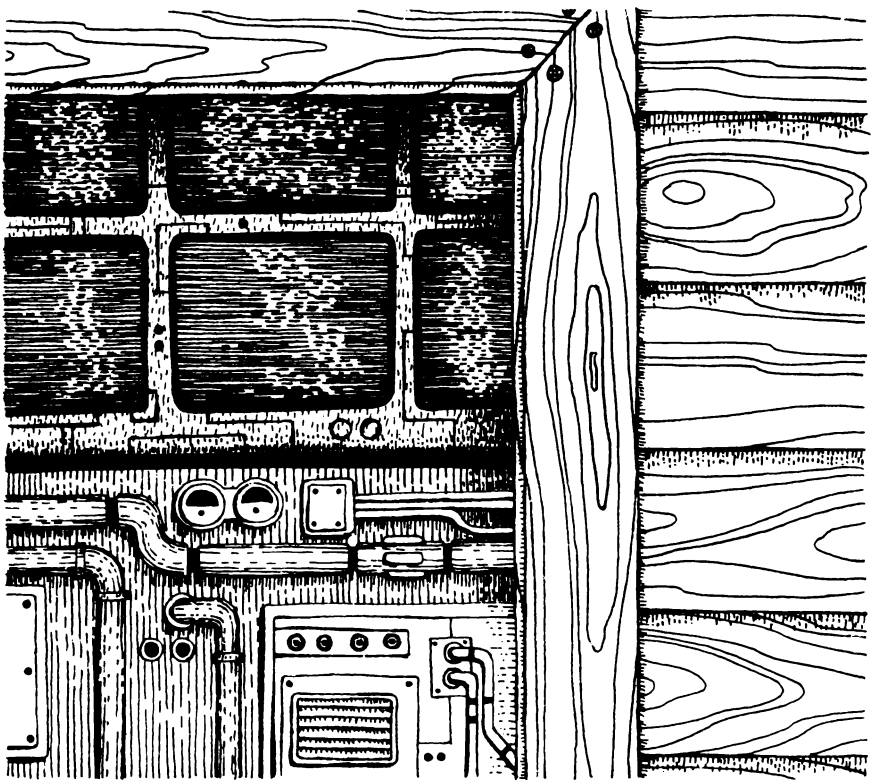
Херкимер кивнул головой.

— Ты все сделала правильно, Ева, только так и нужно было поступить. Мы получили от него достаточно, от его человеческой сущности. Но не можем же мы отнять у него все человеческое.

Она подняла руки к лицу, затем охватила ими плечи и стояла так. Женщина-андроид, выплакивающая свое сердце.

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

РОМАН

1

Грохот стих. Дым, словно тонкие серые пряди тумана, плыл над истерзанным полем, разваленными изгородями и персиковыми деревьями, которые артиллерийский огонь превратил в торчащие из земли щепки. Над огромной равниной, где в порыве застарелой ненависти сошлись в битве непримиримые враги, где совсем недавно люди рубились насмерть, а затем, истощив все силы, отползли назад, на какое-то мгновение воцарилось — нет, не успокоение — безмолвие.

Казалось, целую вечность перекатывался от горизонта до горизонта пушечный гром, взметалась в небо земля, ржали кони, хрипло кричали люди. Свет металла и тупые удары пуль, настигающих жертву, вспышки обжигающего огня, блеск клинков, яркие боевые знамена, реющие на ветру.

А затем все это кончилось, и наступила тишина.

Но тишина в этот день и над этой равниной звучала фальшиво, и вот она уже нарушается стонами и криками: кто-то просит воды, кто-то молит о смерти — крики, стоны, призывы о помощи будут звучать под безжалостным летним солнцем еще долгие часы. Позже распростертые фигуры умолкнут и замрут, а потом над полем поплывет удушливый, тошнотворный запах, и могилы павших будут совсем не глубоки...

Много пшеницы останется неубранной, и не зацветут неухоженные сады; а на равнине, плавно поднимающейся к каменистому хребту, останутся несказанные слова, недоделанные дела и набухшие от влаги кучки тряпья, кричащие о бессмысленной расточительности смерти.

Железная Бригада, 5-й Нью-Гэмпширский, 1-й Миннесотский, 2-й Массачусетский, 16-й Мэнский — то были славные имена, и с годами их слава росла, но все же это только имена, откликающиеся эхом в туннелях веков.

Еще одно имя — Инек Уоллис.

Он так и держал в мозолистой руке свой разбитый мушкет. Лицо его почернело от пороховой гари. Сапоги покрылись коркой спекшейся крови и пыли.

Он все еще был жив.

2

Доктор Эрвин Хардвик в раздражении перекатывал карандаш между ладонями и оценивающе разглядывал человека, что сидел напротив него.

— Я никак не могу понять, — произнес он, — почему вы пришли именно к нам.

— Ну, вы — это все-таки Национальная академия, и я подумал...

— А вы — разведка.

— Послушайте, доктор, если это устроит вас больше, давайте считать мой визит неофициальным, а меня просто частным лицом. Предположим, я столкнулся с необычной проблемой и зашел узнать, можно ли рассчитывать на вашу помощь.

— Я не против того, чтобы помочь вам, но не вижу, чем могу быть полезен. Все это настолько туманно и гипотетично...

— Но тем не менее, — сказал Клод Льюис, — вы не можете опровергнуть даже те немногие имеющиеся у меня доказательства.

— Ладно, — произнес Хардвик, — давайте начнем все сначала и по порядку. Вы утверждаете, что этот человек...

— Его зовут Инек Уоллис, — сказал Льюис. — По документам ему уже давно перевалило за сто. Он родился на ферме близ небольшого городка Милвилл в штате Висконсин 22 апреля 1840 года. Единственный ребенок в семье Джедедии и Аманды Уоллис. Когда Эйб Линкольн стал собирать добровольцев, Инек Уоллис вступил в армию одним из первых и воевал в Железной Бригаде, которую уничтожили практически целиком у Геттисберга в 1863 году. Но Уоллис был переведен в другое подразделение, с которым он сражался в Виргинии под предводительством Гранта до самого конца, до Аппоматтокса...

— Я смотрю, вы не поленились проверить.

— Пришлось разыскивать его документы. Свидетельство о зачислении в армию в архиве законодательного собрания штата в Мадисоне. Все остальное — включая и запись о демобилизации — здесь, в Вашингтоне.

— Вы говорите, что он выглядит на тридцать?

— От силы на тридцать, если не моложе.

— Но вы с ним не разговаривали?

Льюис покачал головой.

— Может быть, это не тот человек? Если бы у вас были отпечатки пальцев...

— Во времена Гражданской войны, — сказал Льюис, — до этого еще не додумались.

— Последний из ветеранов Гражданской войны, — произнес Хардвик, — умер несколько лет тому назад. Если не ошибаюсь, барабанщик из армии южан. Должно быть, тут какая-то ошибка.

Льюис снова покачал головой.

— Поначалу, когда мне поручили это дело, я тоже так думал.

— Кстати, как это вообще произошло? С каких пор разведка занимается подобными делами?

— Должен признать, — ответил Льюис, — случай действительно не совсем обычный. Но тут кроются серьезные перспективы...

— Вы имеете в виду бессмертие?

— И это тоже. Возможность такого явления. Однако тут есть и другие соображения. Сама эта странная история требовала расследования.

— Но при чем здесь разведка?

— Вы, очевидно, думаете, что этим следовало бы заняться какой-то научной группе? — Льюис улыбнулся. — Пожалуй, это было бы логично. Но дело в том, что Уоллиса случайно обнаружил наш человек. Он был в отпуске, гостил у своих родных в штате Висконсин милях в тридцати от того места, где живет Уоллис. До него дошел слух об этом человеке. Скорее, даже не слух — просто кто-то упомянул о нем в разговоре. После чего наш сотрудник попытался выяснить кое-какие подробности самостоятельно. Ему не очень-то много удалось узнать, но и этих крох хватило, чтобы он заинтересовался.

— Меня вот что удивляет, — сказал Хардвик. — Как мог человек прожить на одном месте сто двадцать четыре года без того, чтобы не прославиться на весь мир? Вы представляете себе, какой шум подняли бы газетчики, узнай они о подобном случае?

— При мысли об этом, — сказал Льюис, — меня бросает в дрожь.

— Однако вы не объяснили мне, как ему удалось остаться в безвестности.

— Не так-то просто это объяснить, — ответил Льюис. — Нужно знать те места и людей, которые там живут. Юго-западная часть штата Висконсин ограничена двумя реками: на западе течет Миссисипи, на севере — Висконсин. В глубине территории раскинулись бескрайние прерии: земли там богатейшие, фермы и города процветают. Но вдоль берегов места холмистые, много оврагов, скал, обрывков, и кое-где образовались совсем уединенные, отрезанные от мира уголки. Дороги в этих районах неважные, а на маленьких примитивных фермах живут люди, которые по духу ближе к первым годам освоения этих земель, чем к двадцатому веку. У них, конечно, есть машины, радиоприемники и скоро, видимо, будет телевидение. Но они консервативны по натуре и держатся друг друга — не все, конечно, и даже не то чтобы бóльшая часть, зато это в полной мере относится к людям, которые живут в тех забытых богом местах. Когда-то там было немало ферм, но в наши дни едва ли можно заработать что-то, хозяйствуя по старинке, и экономические обстоятельства постепенно вытесняют людей из этих медвежьих углов. Они продают свои фермы за гроши и уезжают. По большей части в города, где еще можно устроиться на работу.

Хардвик кивнул.

— А те, кто остается, как раз наиболее консервативны и не жалуют чужаков.

— Вот именно. Земли в основном перешли к людям, которые не живут там и даже не пытаются делать вид, что используют их для сельскохозяйственных нужд. Иногда пускают на выпас скот — очень небольшие стада, — и на этом дело кончается. Совсем неплохой способ получения скидки с налогов для тех, кому такое бывает нужно. Кроме того, во времена земельных банков им тоже было сдано немало участков.

— Хотите сказать, что эти «лесные жители» — так, что ли, их можно назвать — участвуют в заговоре молчания?

— Не то чтобы они делали это сознательно или намеренно, — сказал Льюис. — Это просто их образ жизни, мораль, унаследованная от старой крепкой философии первопроходцев Запада. Они занимаются своими делами. Им не нравится, когда люди суются в их дела, а сами они не лезут в чужие. Если человеку хочется жить до тысячи лет, это, может быть, и удивительно, но это его личное дело — черт с ним, пусть живет. И если он хочет жить один, чтобы его оставили в покое, — это тоже его дело. Они, возможно, обсуждают Уоллиса между собой, но ни в коем случае ни с кем из посторонних. И скорее всего, им не понравится, если кто-то чужой будет пытаться разговорить их на эту тему. Мне кажется, они уже просто привыкли к тому, что Уоллис остается молодым, хотя их самих годы не щадят. Удивление прошло, и, видимо, даже между собой они не очень-то его обсуждают. Новые поколения принимают это как должное, потому что их родители не видят тут ничего необычного. Да и самого Уоллиса люди встречают редко — ведь он живет очень обособленно. А чуть дальше от тех мест если кто и думал об этом чуде, то, скорее, как об очередной «утке». Еще, мол, одна байка, выдумка, которая гроша ломаного не стоит. Может, всего лишь шутка, понятная разве что жителям какого-нибудь медвежьего угла вроде Дарк-Холлоу. Как легенда про Рип ван Винкля, — легенда, где нет ни слова правды. Скорее всего, люди просто посмеются над человеком, который воспримет эту историю всерьез и попытается в ней разобраться.

— Один ваш человек заинтересовался.

— Да. И, убей меня бог, не знаю почему.

— Тем не менее ему это дело не поручили.

— Он был нужен в другом месте. Кроме того, его там знали.

— И вы...

— Мне потребовалось два года работы.

— И теперь вы знаете всю его историю.

— Не всю. Надо сказать, теперь вопросов у меня стало еще больше.

— Вы видели его самого?

— Неоднократно, — ответил Льюис. — Но я никогда с ним не разговаривал. И думаю, меня он не видел ни разу. Каждый день, перед тем как забрать почту, Уоллис совершает прогулку, но никогда не уходит далеко от дома. Все, что ему бывает нужно, приносит почтальон: то пакет молока, то фунт бекона, дюжину яиц, иногда спиртное.

— Надо полагать, в нарушение правил почтового ведомства.

— Разумеется. Но почтальоны делали это годами. Всех такая ситуация устраивает — по крайней мере до тех пор, пока кто-нибудь не устроит скандал. Но там скандалов не устраивают. Возможно, кроме почтальонов, Уоллис ни с кем никогда дружеских отношений и не поддерживал.

— Насколько я понял, хозяйством он практически не занимается.

— Совсем не занимается. У него есть небольшой огород, но это все. Земля пришла в полное запустение.

— Но должен же он на что-то жить. Где-то ведь он берет деньги?

— Да, — ответил Льюис. — Раз в пять или десять лет он отсылает одной фирме в Нью-Йорке горсть драгоценных камней.

— Как на это смотрит закон?

— Вы имеете в виду, что они могут быть краденными? Нет, не думаю. Хотя, если бы кто-то захотел найти к чему прицепиться, это было бы несложно. Давным давно, когда Уоллис только начал отправлять им камни, возможно, все было в порядке. Но время шло, законы менялись, и, я подозреваю, теперь он и сам, и покупатель кое-какие из них нарушают.

— Но вы не вмешиваетесь?

— Я проверил фирму, — сказал Льюис, — и они здорово забеспокоились. Прежде всего потому, что все эти годы безбожно обдирали Уоллиса. Но я сказал им, чтобы они покупали, как и раньше. А если кто-то еще будет их проверять, чтобы сразу отсылали этих людей ко мне. Короче, посоветовал им держать язык за зубами и ничего не менять.

— Вы не хотите, чтобы кто-нибудь его спугнул? — спросил Хардвик.

— Совершенно верно. Мне нужно, чтобы почтальон по-прежнему продолжал доставлять продукты, а нью-йоркская фирма по-прежнему покупала у него драгоценные камни. Я хочу, чтобы все оставалось как есть. И если вы спросите меня, откуда берутся эти камни, я вам сразу скажу: не знаю.

— Может быть, у него там свой прииск?

— Хорош прииск. Алмазы, изумруды и рубины — все в одном и том же месте?

— Надо полагать, что даже при тех ценах, по каким с ним рассчитывались, Уоллис получает неплохой доход.

Льюис кивнул.

— Видимо, он посылает им новую партию, только когда кончаются деньги. А денег Уоллис тратит не так уж много, поскольку живет довольно просто, если судить хотя бы по тем продуктам, что он закупает. Правда, он выписывает множество газет, еженедельников и более десятка научных журналов. Кроме того, заказывает по почте много книг.

— Технических?

— Отчасти — да, но большинство из них — просто популярные издания, которые держат читателя в курсе последних достижений науки. Физика, химия, биология и все такое прочее.

— Но я не...

— Вот именно. Я тоже. Он вовсе не ученый. По крайней мере настоя-

щего образования Уоллис не получил. В те далекие годы, когда он ходил в школу, не очень-то многому там учили — сейчас, во всяком случае, естественнонаучным дисциплинам уделяется гораздо больше внимания. Кроме того, все, что он мог тогда узнать, давно уже обесценилось. Уоллис посещал начальную школу — типичную для тех времен школу, где все занимались в одной комнате, — а затем провел зиму в так называемой «академии», что просуществовала год или два в городке Милвилл. Если вы не в курсе, могу сообщить, что для пятидесятых годов прошлого века это относительно высокий уровень образования. Так что он наверняка был очень способным юношей.

Хардвик покачал головой.

— Невероятно! Вы все это проверили?

— Насколько было возможно. Приходилось действовать очень осторожно. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь догадался о том, что меня интересует на самом деле. Да, забыл упомянуть — Уоллис много пишет. Он покупает толстые тетради для дневниковых записей дюжинами. И чернила — пинтами.

Хардвик поднялся из-за стола и прошелся по комнате.

— Льюис, — произнес он, — если бы вы не предъявили мне свои документы и если бы я не проверил их подлинность, честно говоря, я бы решил, что все это просто бездарный розыгрыш.

Он вернулся к столу и сел, потом взял карандаш и снова принялся перекатывать его между ладонями.

— Вы занимаетесь этим делом уже два года. У вас есть какие-нибудь предположения?

— Никаких, — ответил Льюис. — Я в полном недоумении. И именно поэтому я здесь.

— Расскажите мне, что вы знаете о нем еще. Я имею в виду — о его жизни после войны.

— Его мать умерла, когда Уоллис был в армии. Отец с соседями похоронили ее там же, на ферме. В те годы многие так поступали. Молодой Уоллис получил отпуск, но слишком поздно: на похороны он не успел. Никакого замораживания тогда попросту не было, а дорога отнимала много времени. Потом он вернулся в действующие войска. Отец Уоллиса остался холостяком, в одиночку работал на ферме и жил в достатке. По тем сведениям, что мне удалось собрать, он был хорошим фермером, даже исключительно хорошим для своего времени. Выписывал кое-какие сельскохозяйственные журналы и вводил у себя всякие новшества. Уже тогда он использовал севооборот и боролся с эрозией почвы. По современным стандартам это была не бог весть какая ферма, но жил он с нее совсем неплохо и даже сумел кое-что отложить. Затем с войны вернулся Инек, и они больше года работали на ферме вместе. Старый Уоллис купил косилку для лошадиной тяги — этакая цилиндрическая конструкция с острыми длинными резаками, чтобы убирать сено и зерновые. Весьма прогрессивный шаг по тем временам. Вручную за такой штукой не уго-

нишься. Но однажды хозяин отправился на косьбу, и лошадей что-то испугало: они рванули, и старого Уоллиса бросило вперед, прямо под косилку. Далеко не самый лучший способ уйти из жизни...

Хардвик передернулся и пробормотал:

— Ужасно...

— Инек нашел отца и перенес его тело в дом. Затем взял ружье и пошел искать лошадей. Отыскал их в дальнем конце пастбища, пристрелил на месте, да там и оставил. Это действительно так и произошло. Долгие годы на пастбище лежали два лошадиных скелета, запряженные в косилку, — до тех пор, пока не сгнила сбруя. Инек вернулся домой и занялся приготовлением к похоронам. Обмыл отца, одел его в выходной черный костюм и положил на стол, потом сколотил в сарае гроб. Могилу он выкопал рядом с могилой матери. Закончил уже при свете фонаря и всю ночь просидел возле отца. Когда наступило утро, он отправился к ближайшему соседу, тот сообщил другим соседям, и кто-то позвал священника. Под вечер состоялись похороны, и Инек вернулся домой. С тех пор он там и жил, но никогда больше не возделывал землю. Только огород, и все.

— Вы говорили, что эти люди не любят разговаривать с чужаками, однако вам удалось узнать много подробностей.

— У меня ушло на это два года. Я, можно, сказать, внедрился к ним. Купил побитую машину и, остановившись в Милвилле, пустил слух, что ищу женьшень.

— Что ищете?

— Женьшень. Это такое растение.

— Я знаю. Но на него уже долгие годы нет спроса.

— Ну, небольшой спрос все-таки есть. Время от времени женьшень скупают экспортеры. Но я собирал и другие лекарственные травы тоже и вообще делал вид, что хорошо знаю народную медицину. Впрочем, «делал вид» — не совсем те слова: за два года я это дело неплохо освоил.

— Понятно, этакая простая душа, — сказал Хардвик, — тамошние таких понимают. Чудак, мол, травы какие-то ищет — это в наше-то время. Да и безобидный совсем. Может, даже немного чокнутый.

Льюис кивнул.

— Да, вышло даже лучше, чем я предполагал. Я просто шатался по окрестностям, и иногда люди со мной разговаривали. Мне, кстати, и женьшень удалось найти, правда немного. Особенно я подружился там с одной семьей, с Фишерами. Они живут ниже по реке, а ферма Уоллиса стоит на возвышенности у крутого берега. Причем живут они там почти столько же, сколько и Уоллисы, но занимаются совсем другими делами. Фишеры всегда охотились на енотов, ловили рыбу-зубатку и гнали самогон. В моем лице они, видимо, нашли родственную душу. Я был столь же беспечен и склонен к безделью, как они сами. Я им даже помогал с самогоном: и гнать помогал, и пить, а пару раз и продавать. Ходил с ними ловить рыбу, охотился, разговоры разговаривал, и они показали мне несколько мест, где искать женьшень — «шань», как они его называют. Наверно, для

социологов эта семейка — золотое дно. У Фишеров есть дочь — глухонемая, но очень хорошенькая, — так вот она умеет заговаривать бородавки...

— Мне это все очень знакомо, — отозвался Хардвик. — Я сам родился и вырос в горах на юге.

— Они-то и рассказали мне про сенокосилку. Я выбрал денек, отправился в дальний конец пастбища Уоллисов и произвел кое-какие раскопки. Нашел лошадиный череп и кости.

— Но тут вряд ли докажешь, что это лошади Уоллиса.

— Пожалуй, — согласился Льюис. — Однако я нашел еще и обломки косилки. Осталось от нее не так много, но определить, что это такое, все же можно.

— Давайте вернемся к истории Уоллиса, — предложил Хардвик. — После смерти отца он остался на ферме. И никогда ее не покидал?

Льюис покачал головой.

— Инек живет в том же самом доме. Там абсолютно ничего не изменилось. И похоже, дом состарился ничуть не больше, чем его хозяин.

— Вам удалось побывать в доме?

— В доме — нет. Только возле дома. Сейчас я и об этом расскажу.

3

В его распоряжении был час. Льюис знал это совершенно точно — последние десять дней он следил за Уоллисом с хронометром в руках, и от того момента, когда тот выходил из дома, до возвращения с почтой каждый раз получалось около часа. Иногда чуть больше, когда почтальон опаздывал или они останавливались поговорить. Но час, говорил себе Льюис, — это все, на что он может твердо рассчитывать.

Уоллис скрылся за холмом, направляясь к каменистой гряде, что поднималась над отвесным берегом реки Висконсин. Так он, зажав винтовку под рукой, заберется на скалу и остановится. Затем спустится по камням вниз и пойдет по лесной тропе, вдоль которой в положенное время года цветут розовые «башмачки». А оттуда — снова вверх по холму к роднику, что выбивается из земли чуть ниже старого поля, непаханного, может, уже сотню лет, потом дальше, до почти заросшей дороги и вниз к почтовому ящику.

За те десять дней, что Льюис наблюдал за ним, его маршрут не менялся ни разу. Возможно, он не менялся годами. Уоллис никогда не торопился. Прогуливался он с таким видом, словно времени у него было хоть отбавляй. Останавливался по пути, чтобы пообщаться со своими давними знакомыми — с деревом, с белкой, с цветком. Выглядел Уоллис крепким, здоровым, да и во всей его повадке еще чувствовался бывалый солдат — старые привычки и маленькие хитрости, оставшиеся с тех суровых лет, что он провел в боях под началом многих полководцев. Подняв голову и расправив плечи, Уоллис всегда двигался легкой походкой человека, познавшего в свое время долгие изнурительные переходы.

Льюис выбрался из своего укрытия за густой завесой ветвей деревьев, которые когда-то давно были садом: на кривых, узловатых, серых от старости ветвях кое-где еще родились крохотные кислые яблоки.

Остановившись у края зарослей, он окинул взглядом жилище Уоллиса, стоящее на вершине холма, и на мгновение ему показалось, что дом освещен каким-то особым сиянием, словно некий чистейший концентрат солнечного света преодолел разделяющую два небесных тела бездну и пролился на один этот дом, чтобы выделить его среди всех других домов мира. Залитый солнечным сиянием, дом казался неземным, словно он и в самом деле был каким-то необыкновенным. Но затем это сияние исчезло — как будто оно просто привидилось, — и дом снова вернулся в освещенный привычным солнечным светом мир лесов и полей.

Льюис потряс головой, уверяя себя, что это просто игра воображения или оптический обман. Потому что особого солнечного света не бывает, и этот дом — самый обыкновенный дом, хотя он и прекрасно сохранился.

Такой дом в наши дни не часто увидишь. Прямоугольное, длинное, узкое строение с высокой крышей и старомодными резными карнизами. Какая-то в нем чувствовалась суровость, не имеющая ничего общего с возрастом: таким он, видимо, был уже в тот день, когда его закончили строить. Простой, суровый, крепкий дом, под стать людям, которые в нем жили. Однако же, несмотря на эту вековую суровость, аккуратный и ухоженный: везде ровная, не ободранная краска; ни малейшего намека, что где-то подгнило; и даже непогода не оставила на нем своей печати.

С одной стороны от дома стояла пристройка, скорее даже просто сарай, и выглядел он тут совсем не на месте, словно его привезли откуда-то целиком и приставили к стене, закрыв боковую дверь. Может быть, дверь, ведущую на кухню, подумал Льюис. Сарай, без сомнения, использовался для того, чтобы вешать там плащи и куртки, оставлять калоши и сапоги; наверняка есть там скамьи для ведер и молочных бидонов и стоит плетенная корзина для сбора яиц. Над крышей сарая торчала невысокая печная труба.

Льюис приблизился к дому, обогнул пристройку и увидел, что дверь туда приоткрыта. Он поднялся по ступенькам, открыл дверь пошире и застыл в изумлении.

Это был не просто сарай. Судя по всему, именно тут Уоллис и жил.

В одном углу стояла печь, от которой уходила под крышу труба. Обыкновенная древняя печь, размерами немного меньше, чем старомодные кухонные плиты; на печи — кофейник, кастрюля и сковорода. На крюках, прибитых к доске за печкой, висела другая кухонная утварь. Напротив — полуторная кровать на четырех ножках, покрытая пестрым одеялом с орнаментом из множества цветных лоскутков, вроде тех, что были очень популярны у хозяек лет сто назад. В другом углу стояли стол и стул, над столом в небольшом открытом стенном шкафчике — тарелки. Керосиновая лампа на столе — старая, обшарпанная, но стекло чистое, словно его вымыли и отполировали сегодня утром.

Однако никакой двери, ведущей из сарая в дом, и никаких признаков, что она тут когда-то была. Просто ровная, обшитая дощечками стена дома, где полагалось быть четвертой стене пристройки.

Невероятно, сказал себе Льюис, как это — нет двери? И почему Уоллис живет здесь, в этом сарае, а не в старом доме? Возможно, есть какая-то причина, по которой он не живет там, но тем не менее остается поблизости. Может быть, Уоллис всю жизнь несет за что-то покаяние, словно средневековый отшельник, поселившийся в лесной хижине или в пещере где-нибудь в пустыне.

Льюис стоял посреди помещения и оглядывался вокруг, надеясь, что ему удастся обнаружить какую-то зацепку, ключ к пониманию этой необычной ситуации. Но в сарае не было абсолютно ничего, помимо самых элементарных, необходимых для жизни вещей — печь, чтобы готовить пищу и обогревать жилище, кровать, чтобы спать, стол, на котором есть, лампа для освещения. Ни даже лишней шляпы (хотя, если подумать, Уоллис вообще не носил шляп) или лишней куртки.

Ни журналов, ни бумаг, хотя Уоллис никогда не возвращался от почтового ящика с пустыми руками. Он выписывал «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнэл», «Крисчен сайенс монитор», «Вашингтон стар» и еще множество научных и технических журналов. Но в сарае ни журналов, ни книг, что он покупал. Ни, если на то пошло, толстых дневников. Там вообще не было ничего, на чем можно писать.

Возможно, сказал себе Льюис, этот сарай не больше чем маскировка, место, которое по совершенно неизвестной причине Уоллис тщательно обставил, чтобы создавалось впечатление, будто он именно здесь и живет. Не исключено, что на самом деле он живет в доме. Но если дело действительно обстоит так, то зачем этот маскарад — не очень, кстати, убедительный?

Льюис повернулся к двери и вышел из сарая. Обогнул дом и приблизился к крыльцу. На первой ступеньке он остановился и осмотрелся. Кругом стояла тишина. Солнце взобралось уже высоко, день обещал быть теплым, и весь этот уединенный уголок земли словно успокоился и затих в ожидании полуденной жары.

Взглянув на часы и убедившись,что у него осталось еще сорок минут, Льюис поднялся по ступенькам, взялся за круглую дверную ручку и повернул — но она не повернулась, лишь скользнули по ней обхватившие ее пальцы.

Льюис удивился, попробовал еще раз, и снова у него ничего не получилось. Как будто дверная ручка была покрыта чем-то твердым и скользким, словно пленкой льда, по которой пальцы скользили, не оказывая на ручку никакого давления.

Он наклонился, стараясь разглядеть, есть ли там какое-нибудь покрытие, однако ничего не обнаружил. Ручка выглядела совершенно нормально, даже, может быть, слишком нормально. Она была такая чистая, словно кто-то совсем недавно протер ее и отполировал: ни пыли, ни оставленных непогодой отметин или пятен ржавчины.

Льюис попробовал царапнуть ее ногтем, однако ноготь скользнул, не оставив на ней никакого следа. Он провел рукой по поверхности двери — дерево оказалось таким же скользким. Ладонь совсем не чувствовала трения, как будто дверь намазали маслом. Однако никакой смазки там не было. Вообще не было ничего, что объясняло бы это непонятное скольжение.

Льюис отошел от двери и потрогал обшитую досками стену — стена была тоже скользкая. Он провел по ней сначала ладонью, затем ногтем — результат тот же. Весь дом, казалось, покрыт чем-то скользким и гладким, настолько гладким, что даже пыль не садилась на его поверхность и непогода не оставляла на нем никаких следов.

Льюис подошел к окну и только тут заметил странность, которую не замечал раньше, и понял, отчего дом производил такое суровое впечатление. Все окна были черными. Ни занавесок, ни штор, ни жалюзи — просто черные прямоугольники, похожие на пустые глазницы голого черепа здания.

Он приник к стеклу, закрывшись с обеих сторон ладонями от света, но все равно ничего не разглядел за окном. Перед глазами застыл глубокий черный омут, и, что странно, в этой черноте ничего не отражалось. Не отражалось даже его лицо. Ничего, кроме черноты, словно свет падал на стекло и тут же поглощался, всасывался и оставался так навсегда. Ни единого отблеска.

Льюис спустился с крыльца и медленно обошел вокруг дома, внимательно его разглядывая. Все окна до единого — те же черные прямоугольники, впитывающие свет без остатка, все стены такие же скользкие и твердые, как возле крыльца.

Он ударил по стене кулаком — все равно что скала. Обследовав каменный фундамент, Льюис убедился, что и там все гладко и скользко. Раствор между камнями лежал неровно, да и в самих камнях были трещины, но рука не чувствовала никаких шероховатостей.

Что-то невидимое покрывало камень — ровно настолько, чтобы заполнить шербины и неровности. Но что это, он не понимал. Казалось, оно было бесплотно.

Выпрямившись, Льюис взглянул на часы. В его распоряжении оставалось всего десять минут. Пора уходить.

Он спустился по холму к старому заброшенному саду и уже под деревьями остановился, чтобы взглянуть на жилище Уоллиса еще раз. Теперь дом выглядел иначе. Теперь это было не просто здание. В его ожившем облике появилось что-то насмешливое, даже издевательское, как будто внутри дома зрело готовое вот-вот вырваться наружу зловещее хихиканье.

Льюис поднырнул под низкие ветки и двинулся через сад, пробираясь между деревьями. Тропинки там, конечно, не было, а трава и сорняки вымахали выше колен. Он снова пригнулся, потом обошел дерево, которое много лет назад вырвало с корнем во время бури.

Время от времени он протягивал руку и срывал яблоки — мелкие горькие дички, — откусывал кусочек и тут же выбрасывал; ни одного

съедобного среди них так и не нашлось, словно они всосали из заброшенной земли горечь запустения.

В дальнем конце сада Льюис наткнулся на забор, поставленный вокруг могил. Здесь трава разрослась не так сильно, а на заборе можно было заметить следы недавнего ремонта. В изножье у каждой могилы, напротив трех простых надгробий из местного известняка, росло по кусту пионов — большие, разросшиеся кусты, посаженные, видимо, много лет назад. Поняв, что он наткнулся на семейное кладбище Уоллисов, Льюис остановился у ветхой изгороди.

Но тут должно быть только два надгробных камня. Откуда взялся третий?

От двинулся вдоль изгороди к осевшей калитке, прошел внутрь и остановился у могил, читая надписи на надгробьях. Угловатые, неровные буквы свидетельствовали о том, что надписи сделаны неопытной рукой. Тут не было ни сентиментальных фраз, ни стихотворных строк, ни изображений ангелов, ягнят или других символических образов, характерных для шестидесятых годов прошлого века, — только имена и даты.

На первом камне: Аманда Уоллис 1821—1863.

На втором: Джедедия Уоллис 1816—1866.

А на третьем...

4

— Дайте мне, пожалуйста, карандаш, — сказал Льюис.

Хардвик перестал катать его между ладонями и протянул Льюису.

— Лист бумаги? — спросил он.

— Да, если можно.

Льюис склонился над столом, и карандаш быстро забегал по бумаге.

— Вот, — произнес он, передавая лист Хардвику.

— Это какая-то бессмыслица, — сказал тот, сдвинув брови. — Кроме вот этого символа внизу.

— Восьмерка, лежащая на боку. Я знаю. Символ бесконечности.

— А все остальное?..

— Не имею понятия, — ответил Льюис. — Так начертано на надгробье. Я просто скопировал.

— И теперь знаете на память?

— Ничего удивительного, если учесть, сколько времени я провел, пытаясь понять, что это такое.

— Никогда в жизни не видел ничего подобного, — сказал Хардвик. — Впрочем, я не специалист и в таких вещах ничего не смыслю.

— Пусть это вас не смущает. Об этих символах никто не имеет ни малейшего понятия. Тут нет никакого сходства, даже отдаленного, с каким-то языком или с известными нам письменами. Я консультировался со специалистами. Опросил с десяток ученых. Говорил им, что обнаружил эту

надпись на скале, и, думаю, большинство из них решили, что я чокнутый фанатик. Вроде тех людей, которые постоянно пытаются доказать, что в доколумбову эпоху в Америке были поселения римлян, финикийцев, ирландцев или еще что-нибудь в таком же духе.

Хардвик положил лист на стол.

— Я понимаю, что вы имели в виду, когда сказали, что сейчас у вас вопросов стало больше, чем вначале. Тут и молодой человек, которому больше ста лет, и гладкий, скользкий дом, и третье надгробье с непостижимой надписью. Вы ни разу не говорили с Уоллисом?

— С ним никто не говорит. Кроме почтальона. Когда Уоллис выходит на свою ежедневную прогулку, он берет с собой ружье.

— И что, люди боятся заговаривать с ним?

— Вы имеете в виду из-за ружья?

— Да, пожалуй. Почему он всегда при оружии?

Льюис покачал головой.

— Не знаю. Я пытался найти этому какое-то объяснение, понять, почему он всегда берет с собой ружье. Насколько мне известно, он не сделал из него ни одного выстрела. Однако я не думаю, что местные жители не вступают с ним в разговоры, потому что он вооружен. Уоллис для них — анахронизм, нечто из прошлого века. Я уверен, его никто не боится. Он слишком долго жил там. Слишком привычен. Он просто часть этих мест — такой же привычный, как деревья или скалы. Но при этом особого расположения к нему тоже никто не испытывает. Подозреваю, что, встретившись с ним лицом к лицу, большинство местных жителей будут чувствовать себя не очень уютно, Он не такой, как все, — нечто большее и одновременно нечто меньшее. Как человек, утративший свое человеческое естество. Я думаю, втайне многие соседи даже немного стыдятся его, потому что он каким-то образом — может быть, невольно — обошел старость стороной, а старость — это одно из наших наказаний, но в то же время и одно из неотъемлемых прав человека. Может быть, этот затаенный стыд в какой-то степени объясняет и их нежелание рассказывать об Уоллисе.

— Вы наблюдали за ним долго?

— Поначалу — да. Но теперь у меня группа. Мои сотрудники следят за ним посменно. У нас больше десятка наблюдательных постов, и их мы тоже периодически меняем. Но каждый день и каждый час дом у Уоллиса находится под наблюдением.

— Я смотрю, вас эта ситуация заинтересовала всерьез.

— И не без оснований, — ответил Льюис. — Я хочу показать вам еще кое-что.

Он наклонился, поднял кейс, стоявший у кресла, раскрыл его и, достав пачку фотографий, передал их Хардвику.

— Что вы на это скажете?

Хардвик взял фотографии. И внезапно застыл. Лицо его побледнело, руки затряслись. Затем он принялся аккуратно раскладывать фотографии

на столе, но взгляд его удержала первая — та, что лежала сверху. Льюис увидел в его глазах вопрос и сказал:

— В могиле. В той самой, где надгробье с непонятными закорючками.

5

Аппарат связи пронзительно засвистел. Инек Уоллис отложил дневник и встал из-за стола. Прошел через комнату к аппарату, нажал кнопку и вставил ключ. Свист прекратился.

Из аппарата донеслось гудение, и на экране появились слова — сначала едва различимые, но с каждой секундой все более отчетливые.

НОМЕР 406 301 СТАНЦИИ 18 327. ПУТЕШЕСТВЕННИК В 16 097.38. ЖИТЕЛЬ ПЛАНЕТЫ ТУБАН-VI. БАГАЖА НЕТ. ЖИДКОСТНЫЙ КОНТЕЙНЕР НОМЕР 3. СМЕСЬ 27. ОТПРАВЛЕНИЕ НА СТАНЦИЮ 12 892 В 16 439.16. ПРОШУ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Инек взглянул на большой галактический хронометр, закрепленный на стене. До прибытия гостя оставалось еще три часа.

Он коснулся другой кнопки, и из щели на боку аппарата выполз тонкий металлический лист с текстом сообщения. Дубликат автоматически поступил в архив. Послышался щелчок, и экран опустел до следующего послания.

Инек вытащил металлическую пластинку с двумя дырочками и подколол в досье, затем опустил руки на клавиатуру и напечатал:

НОМЕР 406 301 ПОЛУЧЕН. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ГОТОВНОСТИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Текст высветился на экране, и Инек не стал его стирать.

Тубан-VI? Интересно, кто-нибудь оттуда уже бывал здесь? Уоллис решил, что, закончив дела, непременно заглянет в картотеку и проверит.

Путешественнику требовался жидкостный контейнер, и такие гости, как правило, оказывались наименее интересными. Завязать с ними разговор удавалось далеко не всегда, поскольку их языковые концепции часто вызывали слишком много трудностей для понимания. А нередко и сами мыслительные процессы этих существ столь значительно отличались от человеческих, что с ними невозможно было найти точку соприкосновения.

Хотя так случалось не всегда. Уоллис вспомнил, как несколько лет назад к нему попал такой вот обитатель жидкой среды откуда-то из созвездия Гидры (или из Гиад?), с которым они проговорили всю ночь, и так было интересно, что Инек едва не пропустил время отправки гостя на станцию назначения. Это довольно путаное общение (едва ли его можно было назвать беседой) продолжалось всего несколько часов, но оставило у него ощущение товарищеской, даже братской близости.

Он — а может быть, она или оно, поскольку у них как-то не возникло необходимости прояснить этот вопрос, — больше на станции не появлялся. Впрочем, так случалось часто. Очень немногие из гостей останавливались на его станции на обратном пути. Большинство из них просто следовали к своей цели.

Но он (она или оно) остался в его записях. Черным по белому. Как и все остальные. До единого. Черным по белому. Ему потребовался, вспоминал Уоллис, почти весь следующий день, чтобы, сгорбившись за столом, описать услышанное: все рассказанные истории, все впечатления о далеких, прекрасных и манящих мирах (манящих, потому что так много было там непонятного), все тепло товарищеских отношений, возникших между ним и этим странным, уродливым, по земным меркам, существом с другой планеты. И теперь в любой день по желанию он мог вытащить из длинного ряда стоящих на полке дневников тот самый и вновь пережить памятную ночь. Хотя он ни разу этого не сделал. Странно, отчего-то ему всегда не хватает времени — или кажется, что не хватает, — на то, чтобы перелистать и перечитать хоть что-то из записанного за долгие годы...

Он отвернулся от аппарата связи и подкатил жидкостный контейнер номер три под материализатор, установил его точно на место и закрепил. Затем вытянул из стены шланг, нажал на селекторе кнопку номер 27 и заполнил контейнер. Шланг, когда он его отпустил, сам уполз обратно в стену.

Уоллис вернулся к клавиатуре, убрал текст с экрана и послал подтверждение о полной готовности к приему путешественника с Тубана, в свою очередь получил двойное подтверждение с центральной станции и перевел аппарат в состояние готовности для новых сообщений.

Затем прошел к картотечному шкафу, расположенному у письменного стола, и вытянул ящик, заполненный карточками. Да, действительно: Тубан-VI. И число: 22 августа 1931 года. Инек прошел через комнату к стене, от пола до потолка заставленной полками с книгами, журналами, его дневниками, и, выбрав, нужную тетрадь, вернулся к столу.

22 августа 1931 года, как он обнаружил, открыв соответствующую страницу, выдалось совсем мало работы: всего один путешественник с Тубана-VI. И хотя записи о том дне занимали целую страницу, исписанную его мелким, неразборчивым почерком, гостю он посвятил всего один абзац:

Сегодня прибыл сгусток с Тубана-VI. По-другому, пожалуй, и не скажешь, просто масса живой материи, и эта масса меняла форму, то превращаясь в шар, то растекаясь по дну контейнера, словно блин. Потом она сжималась, втягивая края внутрь, и снова превращалась в шар... Перемены происходили медленно, и в них был заметен определенный ритм, но только в том смысле, что они повторялись. По времени каждый цикл отличался от предыдущего. Я пробовал хронометрировать их, но не смог установить четкой периодичности. Самое короткое время до полного завершения цикла составило семь минут, самое долгое — восемнадцать. Может быть, за более длительный срок можно было бы уловить повторяемость и по времени, но у меня не хватило терпения. Семантический транслятор не сработал, но существо издало несколько резких щелчков — как будто хлопнуло клешнями, хотя никаких клешней я у него не заметил. И, только проверив по пазимологическому справоч-

нику, я понял смысл этого обращения. Гость сообщал, что с ним все в порядке, что внимания ему не требуется и что он просит не беспокоить его. Я так и поступил.

В конце абзаца на оставшемся пустом месте было приписано: *Смотри 16 октября 1931 года.*

Инек перелистнул несколько страниц и добрался до 16 октября. До одного из тех дней, когда Улисс прибыл на станцию с инспекторской проверкой.

Разумеется, его звали не Улисс. И, строго говоря, у него вообще не было имени. У его народа просто не возникло необходимости в именах, поскольку они выработали иную идентификационную терминологию, гораздо более выразительную. Однако эта терминология и даже ее общая концепция были настолько сложны для человека, что ни понять, ни тем более использовать ее Уоллис не мог.

— Я буду звать тебя Улисс, — сказал он ему, когда они встретились впервые. — Должен же я как-то тебя называть.

— Согласен, — ответило незнакомое существо (тогда еще незнакомое, но вскоре ставшее другом). — Но могу ли я спросить, почему ты выбрал имя Улисс?

— Потому что это имя великого человека моей расы.

— Я рад, что ты выбрал такое имя, — произнесло существо, только что получившее крещение. — Оно звучит, как мне кажется, возвышенно и благородно. Между нами говоря, я буду счастлив носить это имя. А тебя я буду звать Инеком, поскольку нам предстоит работать вместе много-много твоих лет.

И действительно, прошло много-много лет, подумал Инек, стоя с открытым дневником в руках и глядя на запись, сделанную несколько десятилетий назад. Десятилетий, удивительно обогативших его, оставивших такой след в душе, что это и представить себе невозможно было до тех пор, пока он их не прожил.

И все это будет продолжаться. Гораздо дольше, чем тот небольшой отрезок времени, что уже прожит. Века, а может быть, целое тысячелетие. Чего он только не узнает к концу этого тысячелетия!

Хотя, думалось Инеку, может быть, знания — не самое главное.

К тому же он понимал, что прежнее положение долго не сохранится, поскольку теперь ему могут помешать. В окрестностях появились наблюдатели, или по крайней мере один наблюдатель. Вполне возможно, что скоро они начнут сжимать кольцо поисков. Пока Уоллис не имел ни малейшего понятия, что делать и как готовиться к надвигающейся опасности. Но рано или поздно это должно было случиться, и во всяком случае, внутренне он уже приготовился... Странно только, что это не произошло раньше.

О такой опасности Инек рассказал Улиссу еще в тот день, когда они встретились впервые. И теперь, размышляя о своих проблемах, он снова вспоминал события многолетней давности — прошлое вставало перед его внутренним взором с такой ясностью, словно все это случилось только вчера.

6

Инек сидел на ступенях крыльца. Вечерело. Над далекими холмами в штате Айова, за рекой, собирались грозовые тучи. День был жаркий, душный, ни дуновения ветерка. У сарая вяло ковырялись в земле несколько кур — скорее, наверно, по привычке, чем в надежде найти что-нибудь съедобное. Стайка воробьев то срывалась вдруг с крыши амбара и неслась к кустам жимолости, что у поля за дорогой, то летела обратно, и крылья их сухо потрескивали, словно от жары перья стали жесткими и твердыми.

Вот сижу, думал Инек, и гляжу на тучи, а ведь еще столько работы — и поле кукурузное перепахать, и убрать сено, и скопить пшеницу...

Но чтобы там ни случилось, как бы тяжело ему ни было, надо жить дальше, и по возможности с толком. Это станет ему уроком, напоминал себе Инек, хотя за последние годы он должен был в полной мере познать всю тщету земную. Однако на войне все было по-другому. На войне ты знаешь, чего ожидать, готовишься, но сейчас-то не война. Сейчас мирная жизнь, к которой он вернулся с такими надеждами. Человек вправе ожидать, что в мире без войны действительно будет покой, что он будет огражден от жестокости и страха.

Теперь он одинок. Одинок, как никогда раньше. Теперь и вправду надо начинать новую жизнь, другого выбора нет. Но будь то здесь, на родной земле, или в каком-то другом месте — эта новая жизнь начнется с горечи и печали.

Инек сидел на крыльце, уронив руки на колени, и все смотрел на собиравшиеся на западе тучи. Может, пойдет дождь, это хорошо, потому что земле нужна влага, но может, и не пойдет: воздушные течения над сходящимися речными долинами — штука капризная, никогда не скажешь наверняка, куда двинутся облака...

Путника он заметил, когда тот уже свернул к воротам. Высокий сухопарый человек в запыленной одежде, судя по всему, проделавший долгий путь. Гость шел по тропе к дому, но Инек сидел и ждал, не трогаясь с места.

— Добрый день, сэр, — произнес он наконец. — Сегодня жарко, и вы, должно быть, устали. Присаживайтесь, отдохните.

— С удовольствием, — ответил незнакомец. — Но сначала, прошу вас, глоток воды.

— Идемте, — сказал Инек, поднимаясь со ступеней. — Я накачаю прямо из колодца.

Он прошел через двор к насосу, снял с крючка ковш и дал его незнакомцу. Потом взялся за рукоятку и принялся качать.

— Пусть немного стечет, — сказал он. — Холодная идет не сразу.

Инек продолжал качать, и вода, выплескиваясь из крана неровными порциями, сбегала по доскам, закрывавшим колодец.

— Думаете, пойдет дождь? — спросил незнакомец.

— Трудно сказать, — ответил Инек. — Подождем, посмотрим.

Что-то неуловимое вызывало у него беспокойство, когда он глядел на своего гостя. Ничего явного, конкретного, но тем не менее какая-то мелочь не давала ему успокоиться. Качая воду, он еще раз посмотрел на незнакомца и подумал, что, должно быть, это его уши, чуть более острые вверху, чем положено, но, когда он через некоторое время взглянул на него снова, уши оказались нормальными, и Инек решил, что его подвело воображение.

— Ну вот, наверно, уже холодная, — сказал он.

Путник подставил ковш под кран и, подождав, когда он наполнится, предложил Инеку. Тот покачал головой.

— Сначала — вы. Вам больше нужно.

Гость приложился к ковшу и жадно выпил его до дна, раз-другой пролив воду на себя.

— Еще? — спросил Инек.

— Нет, спасибо, — ответил гость. — Но я подержу ковш, теперь качайте для себя.

Инек снова взялся за насос и, когда ковш наполнился до краев, принял его из рук незнакомца. Вода была холодная, и Инек, только в эту минуту поняв, что его тоже мучает жажда, осушил ковш почти целиком. Затем повесил его на место и сказал:

— Ну, а теперь можно посидеть.

Незнакомец улыбнулся:

— Пожалуй, мне это не повредит.

Инек достал из кармана красный платок и вытер лицо.

— Воздух плотный, как перед дождем... — произнес он и тут понял, что же его все-таки беспокоило. Одежда на госте несвежая, башмаки покрылись слоем пыли — ясно было, что он одолел неблизкий путь, да еще эта предгрозовая духота, а между тем его гость совсем не вспотел. Выглядел он таким свежим, словно была весна и он весь день пролежал, отдыхая под деревом.

Инек засунул платок обратно в карман, и они уселись на ступенях.

— Видимо, вы проделали неблизкий путь, — сказал он, пытаясь незаметно навести разговор на нужную тему.

— О да. Я забрался довольно далеко от дома.

— И, как видно, дорога предстоит еще дальняя?

— Нет, — ответил незнакомец. — Похоже, я оказался там, куда стремился.

— Вы имеете в виду... — начал было Инек, но не договорил.

— Я имею в виду — вот здесь, на этих вот ступенях. Я давно искал одного человека, и думаю, этот человек именно вы. Имени его я не знал, не знал и где искать, но никогда не сомневался, что когда-нибудь найду того, кого ищу.

— Вы искали меня? — ошарашенно спросил Инек. — Но почему меня?

— Я искал человека, которому присуще много различных черт. Одной из них является то, что этот человек наверняка заглядывался на звезды и размышлял, что они из себя представляют.

— Да, — признался Инек, — иногда я это делаю. Не раз, бывало, ночуя в поле, я лежал без сна, завернувшись в одеяла, и глядел на небо, на звезды, пытаясь понять, что это такое, как они так оказались и — самое главное — зачем. Я слышал от людей, что каждая звезда — это такое же солнце, что светит над землей, только до сих пор не знаю, верно это или нет. Как видно, не больно-то много люди о них знают.

— Есть и такие, кто знает много, — сказал незнакомец.

— Уж не вы ли? — спросил Инек с легкой усмешкой, потому что его гость совсем не походил на человека, который много знает.

— Да, я, — ответил тот. — Хотя есть и другие, которые знают несравненно больше меня.

— Я иногда задумывался... — сказал Инек. — Если звезды — это солнца, то, возможно, там, наверху, есть и планеты, а может быть, и люди тоже...

Он вспомнил, как сидел однажды у костра, коротая вечер за разговорами со своими приятелями, и упомянул о том, что, мол, на других планетах, которые крутятся вокруг других солнц, живут другие люди; приятели тогда здорово посмеялись над ним и еще долго потом отпускали в его адрес шуточки, поэтому Инек никогда больше не делился с ними своими догадками. Впрочем, он и сам не особенно в них верил — мало ли что придет в голову ночью у костра.

А вот сейчас вдруг опять заговорил об этом, да еще с совершенно незнакомым человеком. С чего бы это?..

— Вы в самом деле верите, что там тоже живут люди? — спросил путник.

— Да так, пустые домыслы... — ответил Инек.

— Ну, не такие уж и пустые, — сказал незнакомец. — Другие планеты и вправду есть, и на них живут другие люди. Я один из них.

— Но вы... — начал было Инек и тут же умолк.

Кожа на лице незнакомца лопнула и начала сползать в стороны, а под ней Инек увидел другое лицо, не похожее на человеческое.

И в ту минуту, когда маска сползла с этого другого лица, через все небо полыхнула огромная молния, тяжелый грохот сотряс землю, а издалека донесся шум дождя, обрушившегося на холмы, — он все близился и нарастал.

7

Вот так это и началось, думал Инек, больше века назад. Фантазия, родившаяся у горящего в ночи костра, обернулась реальностью, и теперь Земля отмечена на всех галактических картах как пересадочная станция для многочисленных путешественников, добирающихся от звезды до звезды. Когда-то все они были чужаками, но это давно уже не так. Просто для Уоллиса такой категории не существовало: в любом обличье и какую-бы цель они ни преследовали — все они для него люди.

Он взглянул на запись от 16 октября 1931 года и быстро ее перечитал. То, что его интересовало, оказалось в самом конце:

Улисс сказал, что жители шестой планеты Тубана, возможно, самые выдающиеся математики во всей галактике. Похоже, они создали новую систему счисления, превосходящую любую из существовавших ранее, и она особенно полезна для обработки статистических данных.

Инек захлопнул дневник и сел в кресло. Интересно, подумал он, знают ли статистики с Мицара-X о достижениях жителей Тубана? Возможно, знают, поскольку и они применяют порой для обработки информации нетрадиционные методы.

Он отодвинул дневник в сторону и, покопавшись в ящике стола, извлек свою таблицу, расстелил ее на столе, проглядел еще раз и погрузился в раздумья. Если бы он только был уверен... Если бы знал мицарскую систему лучше... Последние десять лет Инек работал над этой таблицей, проверяя и перепроверяя все известные ему факторы по системе, выработанной на Мицаре, снова и снова пытаясь определить, те ли факторы он использует, что нужны для анализа...

Инек крепко стиснул кулак и ударил им по столу. Если бы только быть уверенным до конца. Если бы можно было с кем-нибудь поговорить. Но именно этого он пытался избежать, поскольку такой ход очень ясно показал бы обнаженность, беспомощность человечества.

А он все еще был человеком. Странно, подумал он, что ничего не изменилось, что за сто с лишним лет с существами из множества других миров он по-прежнему остается человеком с планеты Земля.

Ибо связи его с Землей во многих отношениях давно уже прервались. Он теперь обращался с одним-единственным человеком, со старым Уинслоу Грантом. Соседи его сторонились, а больше тут никто не бывал, если не считать наблюдателей, которых он видел довольно редко, скорее мельком, а то и вообще просто их следы.

Только старый Уинслоу Грант да Мэри и другие люди-тени время от времени скрашивали его одинокие часы.

Вот и вся его Земля — старик Уинслоу, люди-тени да акры принадлежавшей семье фермы, раскинувшиеся вокруг дома. Но не сам дом, поскольку дом уже принадлежал галактике.

Он закрыл глаза и принялся вспоминать, как выглядел дом в те давние времена. Здесь вот, где он сидит, была кухня с железной плитой, огромной черной плитой, сверкающей своими огненными зубами в щели решетки для поддува. У самой стены стоял стол, где они втроем ели, и он даже помнил, что на нем стояло: графинчик с уксусом, стакан с ложками и судок с горчицей, хреном и соусом из красного перца — в центре стола, на красной скатерти в клеточку, точно какое-то украшение.

Зимний вечер, Инеку года три или четыре. Мама у плиты готовит ужин. Он сидит на полу, играет в кубики и деревянные дощечки, а снаружи доносится приглушенное завывание ветра. Отец только что вернулся из хлева, где доил коров, и вместе с ним в дом ворвался порыв ветра, несу-

щий вихрь снежинок. Дверь тотчас захлопнулась, ветер и снег остались снаружи, в ночном мраке и непогоде. Отец поставил ведро с молоком в раковину. Инек смотрит на него: на бороде и на бровях отца налип снег, в усах поблескивают мелкие льдинки.

Эта картина все еще перед ним, словно три восковых манекена, застывших на стенде исторического музея: отец с примерзшими к усам льдинками, в больших валенках до колен; раскрасневшаяся у жаркой плиты мать в кружевном чепце и он сам с кубиками на полу.

Помнилось ему и еще кое-что, может быть, отчетливее, чем все остальное. На столе стояла большая лампа, а на стене за ней висел календарь, и свет от лампы падал на картинку, словно луч прожектора. На ней был изображен Санта Клаус в санях, несущихся по просеке в лесу, и весь лесной народец высыпал на обочины полюбоваться им. В небе висела большая луна, а землю укрывал толстый слой снега. Два зайца глядели на Санта Клауса во все глаза, рядом стоял олень, чуть дальше — закутавшийся в собственный хвост енот, а на низко свисающей ветке рядышком сидели белка с синицей. Старый Санта Клаус приветственно вскинул руку со свернутым кнутом, щеки у него раскраснелись, он весело улыбался, а сани тянули гордые, сильные, неутомимые северные олени.

Сквозь все эти годы Санта Клаус из девятнадцатого столетия мчался по заснеженным дорогам времени, весело приветствуя лесных жителей. И вместе с ним мчался золотой свет настольной лампы, по-прежнему ярко освещавшей стену и скатерть в клеточку.

Да, думал Инек, что-то всегда остается навечно — хотя бы воспоминание об уютной теплой кухне в студеную зимнюю ночь из детства.

Но это лишь воспоминание, память души, потому что в жизни ничего такого не сохранилось. Кухни уже нет, и нет общей комнаты со старинным диваном и креслом-качалкой, нет гостиной со старомодными парчовыми занавесами и шелковыми шторами. Не сохранились ни гостевая спальня на первом этаже, ни семейные спальни на втором.

Вместо всего этого появился один большой зал. Пол на втором этаже и все перегородки убрали, и получился зал, одну сторону которого занимает галактическая пересадочная станция, а на другой живет ее смотритель. В углу стоит кровать, у противоположной стены — плита, работающая на неизвестном Земле принципе, и холодильник — тоже инопланетного происхождения. Все свободное место вдоль стен занято шкафами и полками, заставленными журналами, книгами и дневниками.

В доме сохранилась только одна примета тех давних времен — старый массивный камин, сложенный из кирпича и местного камня, у стены общей комнаты, — единственное, что Инек не разрешил убрать инопланетным рабочим, которые устанавливали аппаратуру станции. Камин стоял на месте, напоминая о далеких днях прошлого, словно последняя частичка Земли в доме, а над ним выступала из стены дубовая каминная полка, которую отец Инека сам вырубил из толстого бревна и потом обтесал рубанком и стругом.

На каминной и на книжных полках, на столе стояли и лежали различные предметы внеземного происхождения, для многих из которых даже не существовало земных названий, — подарки от дружелюбных путешественников, — их много накопилось за долгие годы. Некоторым из них находилось применение, на другие можно было только смотреть, но попадались и совершенно бесполезные вещи — эти либо не могли быть использованы человеком, либо просто не работали в земных условиях, либо созданы были для каких-то целей, о которых Инек не имел ни малейшего понятия. Несколько смущаясь, он принимал эти дары, потому что люди, дарившие их, всегда делали это от души, и долго, путано благодарил.

В другой половине дома размещался сложный комплекс аппаратуры, переносившей странников от звезды до звезды; он занимал все пространство до самого потолка.

Постоялый двор. Пересадочная станция. Галактический перекресток.

Инек свернул таблицу и убрал в ящик стола. Дневник поставил на место среди других таких же дневников. Потом взглянул на галактический хронометр: пора было идти.

Он придвинул кресло вплотную к столу, взял со спинки стула куртку и надел ее. Затем снял с крюков винтовку и, повернувшись к стене лицом, произнес одно-единственное слово. Дверь бесшумно отъехала в сторону, и Инек перешел в свой скудно обставленный сарайчик. Секция стены за его спиной так же бесшумно скользнула на место, и даже следа разъема не осталось.

Инек вышел во двор. День был изумительный, один из последних дней уходящего лета. Еще неделя-другая, подумал он, и появятся первые признаки осени, начнутся заморозки. Уже зацвел золотарник, а днем раньше начали распускаться в канаве у забора первые астры.

Он завернул за угол дома, прошел через большое запущенное поле, поросшее орешником и редкими деревьями, направился к реке.

Вот она, Земля, размышлял он, планета, созданная для Человека. Но не для одного его, ведь на ней живут лисы, совы, горностаи, змеи, кузнечики, рыбы и множество других существ, что населяют воздух, почву и воду. И даже не только для них, для здешних обитателей. Она создана и для странных существ, что называют домом другие миры, удаленные от Земли на многие световые годы, но в общем-то почти такие же, как Земля. Для «улиссов» и «сиятелей», и для всех других инопланетян, если у них вдруг возникнет необходимость или желание поселиться на этой планете и если они смогут жить тут вполне комфортно, без всяких искусственных приспособлений.

Наши горизонты, думал Инек, так узки, и мы так мало видим. Даже сейчас, когда разрывая древние путы силы тяжести, поднимаются на столбе огня ракеты с мыса Канаверал, мы так мало задумываемся о том, что лежит за этими горизонтами.

Душевная боль не оставляла его и только усиливалась, — боль, вызванная стремлением поведать человечеству все то, что он узнал. Не только

передать какие-то конкретные технические сведения — хотя что-то Земле обязательно пригодилось бы, — но, самое главное, рассказать о том, что во Вселенной есть разум, что человек не одинок, что, избрав верный путь, он уже никогда не будет одинок.

Инек миновал поле, перелесок и поднялся на большой каменный уступ на вершине скалы, высящейся над рекой. Он стоял там, как стоял уже тысячи раз по утрам, и глядел на реку, величественно несущую серебристо-голубые воды через заросшую лесом долину.

Старая, древняя река, мысленно обращался к ней Инек, ты смотрела в холодные лица ледников высотой в милю, которые пришли, побыли и ушли, отползая назад к полюсу и цепляясь за каждый дюйм; ты уносила талую воду с этих самых ледников, заливавшую долину невиданными доселе потопами, ты видела мастодонтов, саблезубых тигров, бобров, величиной с медведя, что бродили по этим вековым холмам, оглашая ночь рыком и ревом, ты знала небольшие тихие племена людей, которые ходили по здешним лесам, забирались на скалы или плавали по твоей глади, людей, познавших и лес, и реку, слабых телом, но сильных волей и настойчивых, как никакое другое существо; а совсем недавно на эти земли пришло другое племя людей — с красивыми мечтами, жестокими руками и с непоколебимой уверенностью в успехе. Но прежде чем все это случилось — ибо это древний материк, очень древний, — ты видела многих других существ, и много перемен климата, и перемены на самой Земле. Что ты обо всем этом думаешь? Ведь у тебя есть и память, и ощущение перспективы, и даже время — ты уже должна знать ответы, пусть не все, пусть хоть какие-то.

Человек, проживи он несколько миллионов лет, знал бы их и, может быть, еще узнает, когда пройдут эти несколько миллионов лет. Если до тех пор Человек не покинет Землю.

«Я мог бы помочь, — думал Инек. — Я не способен дать никаких ответов, но я мог бы помочь человечеству в его поисках. Я мог бы дать человечеству веру, и надежду, и цель, какой у него не было еще никогда».

Но Инек знал, что не решится на это.

Далеко внизу, над гладкой дорогой реки, лениво кружил ястреб. Воздух был так чист и прозрачен, что Инеку казалось, будто, вглядевшись чуть-чуть пристальнее, он сможет различить каждое перо в распростертых крыльях.

Место это обладало каким-то странным, почти сказочным свойством. Дали, открывающиеся отсюда взору, кристально чистый воздух — все рождало чувство отрешенности, навевало мысли о величии духа. Словно это некое особенное место, одно из тех мест, что каждый человек обязательно должен отыскать для себя и считать за счастье, если ему это удалось, — ведь на свете столько людей, которые искали и не нашли. Но хуже того, есть люди, которые никогда даже и не искали.

Инек стоял на вершине скалы, наблюдая за ленивым полетом ястреба, окидывая взором речной простор и зеленый ковер деревьев, а мысли его

уносились все выше и дальше, к другим мирам, и от этих мыслей начинала кружиться голова. Но пора было возвращаться на Землю.

Он медленно спустился со скалы и двинулся по вьющейся меж деревьев тропе, пробитой им за долгие годы.

Сначала Инек хотел пройтись к подножью холма, чтобы взглянуть на полянку, где летом цвели розовые «башмачки», и представить себе красоту, которая вернется к нему в следующем июне, но затем решил, что в этом нет смысла, поскольку цветы росли в уединенном месте и с ними вряд ли что могло случиться. Было время, лет сто назад, когда они цвели на каждом холме, и он приходил домой с огромными охапками. Мама ставила цветы в большой коричневый кувшин, и на день-два дом наполнялся их густым ароматом. Однако теперь они почти перестали встречаться. Скот, что пасли на холмах, и охочие до цветов люди почти свели их на нет.

Как-нибудь в другой раз, сказал себе Инек. Перед первыми заморозками он сходит туда и удостоверится, что весной они появятся вновь.

По дороге он остановился полюбоваться белкой, игравшей в ветвях дуба, потом присел на корточки, когда заметил переползающую тропу улитку. Постоял у дерева-гиганта, рассматривая узоры облепившего ствол мха, затем долго следил взглядом за птицей, то и дело перелетавшей с ветки на ветку.

Тропа вывела Инека из леса, и он пошел по краю поля, пока не дошел до родника, бьющего из земли у подножья холма.

У самой воды сидела девушка, и он сразу узнал Люси Фишер, глухонемую дочь Хэнка Фишера, который жил на берегу реки.

Инек остановился. Сколько в ней грации и красоты, подумал он, глядя на девушку, — естественной грации и красоты простого, одинокого существа.

Она сидела у родника, протянув вперед руку, и у самых кончиков ее чувствительных пальцев трепетало что-то яркое. Люси замерла, выпрямив спину и высоко подняв голову; в лице девушки ощущалась какая-то обостренная настороженность, как, впрочем, и во всем ее нежном облике.

Инек подошел ближе и, остановившись в трех шагах позади нее, увидел, что это яркое пятно — бабочка, большая золотисто-красная бабочка, какие появляются под конец лета. Одно крыло у нее было ровное и гладкое, но другое — помятое, и кое-где с него стерлась пыльца, которая придает окраске золотистый блеск.

Инек заметил, что Люси не удерживает бабочку, та просто сидела на кончике пальца и время от времени взмахивала здоровым крылом, чтобы удержать равновесие.

Но неужели ему померещилось? Теперь второе крыло было лишь чуть-чуть изогнуто, а еще через несколько секунд оно медленно выпрямилось, и на нем снова появилась пыльца (а может, она так и была). Бабочка подняла оба крыла, сложила их вместе.

Инек обошел девушку сбоку, и заметив его, Люси не испугалась и не удивилась. Наверно, подумал он, для нее это естественно, она давно привыкла, что кто-нибудь может беззвучно подойти сзади и неожиданно оказаться рядом.

Глаза ее блестели, а лицо излучало внутренний свет, словно она только что испытала какое-то радостное душевное потрясение. И он в который раз подумал о том, каково это — жить в мире полного молчания, без общения с людьми. Может быть, не совсем без общения, но, во всяком случае, в стороне от тех свободных потоков информации, которыми все остальные люди обмениваются просто по праву рождения.

Он слышал, что ее несколько раз пытались определить в государственную школу для глухих, но ничего из этого не получилось. В первый раз она убежала и бродила по окрестностям несколько дней, прежде чем сумела найти свой дом. Позже просто устраивала «забастовки», отказывалась слушаться и вообще участвовать в любой форме обучения.

Глядя, как она сидит с бабочкой на пальце, Инек решил, что знает, почему это происходило: Люси жила в своем собственном мире, в мире, к которому она привыкла, в котором она знала, как себя вести. В этом мире она не чувствовала себя ущербной, что наверняка случилось бы, если ее насильно втянуть в нормальный человеческий мир.

Зачем ей язык жестов и умение читать по губам, если у нее отнимут чистоту души?

Она принадлежала этим лесам и холмам, весенним цветам и осенним перелетам птиц. Она была частью этого мира, мира близкого и понятного ей. Она жила в старом, затерянном уголке природы, занимая то жилище, которое человечество давно оставило — если оно вообще когда-либо им владело.

Вот она — с золотисто-красной бабочкой на кончике пальца, встревоженная, полная ожидания, лицо светится от сознания исполненного долга. Она, именно она живет такой полной жизнью, какой не доводилось жить никому из тех, кого Инек знал.

Бабочка расправила крылья, взлетела с вытянутого пальца и запорхала без забот и страха над ковром диких трав и цветов золотарника.

Люси проследила взглядом за ее полетом, пока бабочка не скрылась из виду у вершины холма, на который взбиралось старое поле, затем обернулась к Инеку и улыбнулась. Она свела и развела ладони, точно взмахнула золотисто-красными крыльями, но что-то в этом жесте чувствовалось еще — ощущение счастья, покоя, словно она говорила, что в мире все прекрасно.

Если бы, думал Инек, я мог обучить ее пазимологии — науке моих галактических друзей, тогда мы могли бы разговаривать почти так же легко, как с помощью человеческой речи, правда только друг с другом. Когда времени достаточно, это совсем не трудно, ведь галактический язык жестов настолько прост и логичен, что им можно пользоваться почти инстинктивно после того, как освоишь основные принципы.

В давние времена на Земле тоже существовало множество языков жестов, но ни один не был развит настолько хорошо, как язык жестов, распространенный среди аборигенов Северной Америки. Независимо от того, на каком языке говорил американский индеец, он всегда мог объясниться с представителями других племен.

Однако даже индейский язык жестов можно сравнить в лучшем случае с костылем, помогающим человеку идти, когда он не в состоянии бежать. А галактический — это такой язык, который годится для любых средств и методов самовыражения. Он развивался не одно тысячелетие, с участием многих разумных существ, и за столь долгое время язык усовершенствовали, утрясли, отшлифовали до такой степени, что теперь он стал вполне самостоятельным средством общения.

А оно было крайне необходимо, поскольку галактика — это своеобразный Вавилон. Но даже галактическая пазимология, отшлифованная до совершенства, не каждый раз могла преодолеть все препятствия и надежно гарантировать хотя бы минимальную возможность общения. Потому что кроме миллионов языков, на которых галактика говорила, существовало еще множество других, основанных не на звуках — далеко не все способны их производить. Да и звуки не всегда оказывались эффективными, если какая-нибудь раса общалась с помощью ультразвука, неразличимого для остальных. Конечно же, существует телепатия, но на одну расу телепатов приходилась тысяча других, не способных к обмену мыслями. Многие обходились одним только языком жестов, другие могли общаться лишь при помощи письменности и пиктографических систем, причем среди них встречались и такие, которые создавали изображения прямо на участках тела, представляющих собой нечто вроде химического экрана. А еще была раса слепых, глухих, немых существ с загадочных звезд на дальнем конце галактики, которые пользовались, наверное, самым сложным из всех галактических языков — кодированными сигналами, передаваемыми непосредственно в нервную систему.

Инек занимался своей работой уже больше века, но тем не менее даже при помощи универсального языка жестов и семантического транслятора — а это всего лишь механическое приспособление, пусть и довольно сложное, — он иной раз с трудом понимал, что пытаются сообщить ему гости...

Люси Фишер подобрала с земли берестяной черпачок, зачерпнула воды и протянула Инеку. Тот подошел ближе, взял черпачок в руки и, опустившись на колени, приник к нему губами. Вода протекала через тонкие щели в стенках и дне, и он замочил рукав рубашки и куртки.

Выпив воду, Инек отдал черпачок Люси. Она приняла его одной рукой, а другую протянула вперед и легко коснулась лба Инека кончиками пальцев — наверно, ей представлялось, что она благословила его.

Инек промолчал. Он уже давно не пытался говорить при ней, чувствуя, что движения губ, сопровождающие звуки, которые она не способна слышать, приводят ее в замешательство.

Вместо этого он дружеским жестом прикоснулся широкой ладонью к ее щеке. Потом поднялся на ноги и снова посмотрел на нее. На мгновение их взгляды встретились.

Он перебрался через ручей, берущий свое начало из родника, и направился к вершине холма по тропе, что выходила из леса и бежала через поле.

На полпути Инек обернулся — Люси смотрела ему вслед. Он помахал на прощанье рукой, и она ответила тем же.

Прошло уже двенадцать лет с тех пор, как он увидел ее впервые — сказочную фею, которой исполнилось тогда, может быть, чуть больше десяти, маленькую лесную дикарку. Друзьями они стали далеко не сразу, вспоминал Инек, хотя он часто встречал ее во время прогулок: Люси бродила по окрестным холмам, по долине реки, словно это ее площадка для игр. Да, собственно, так оно и было.

Люси росла на его глазах. Они часто встречались, и постепенно между ними, одинокими изгоями, возникло взаимопонимание. Но не только это сближало их. Еще и то, что у каждого из них был свой собственный мир, и эти миры дарили им понимание, недоступное другим. Хотя ни он, ни она ни разу не говорили друг другу о своих мирах и даже не пытались, но каждый это чувствовал, оттого-то они потянулись друг к другу, оттого-то их дружба и становилась все крепче.

Ему вспомнился день, когда он застал ее на поляне, где росли розовые «башмачки». Она стояла на коленях и просто глядела на них, не сорвав ни одного цветка. Инека тогда очень обрадовало, что Люси их не тронула. Им двоим уже только вид этих цветов дарил радость и красоту — чувства куда более возвышенные, чем стремление обладать.

Инек дошел до вершины холма и стал спускаться вниз по заросшей травой дороге, что вела к почтовому ящику.

И он не ошибся там, у родника, сказал он себе, пусть даже это кажется невероятным. Крыло у бабочки и вправду было порванное, смятое и блеклое. Сначала он действительно увидел покалеченную бабочку, а потом вдруг крыло стало целехоньким, и она улетела прочь.

8

Уинслоу Грант не опоздал.

Добравшись до почтового ящика, Инек увидел вдали облако пыли, поднятое его развалюхой, подпрыгивающей на ухабах дороги. В этом году вообще пыльно, подумал Инек, поджидая Уинслоу. Дождей выпадало мало; и это сказалось на урожае. Хотя, по правде говоря, не так уж много осталось обработанных земель в здешних местах. Было время, вдоль дороги одна за другой тянулись небольшие фермы, на которые приятно было поглядеть: красные сараи, белые дома. Но теперь почти все они стояли заброшенные и опустевшие. Краска на сараях и домах облезла, и теперь постройки были не красные или белые, а одинаково серые от непогоды. Крыши просели, люди ушли.

До прибытия Уинслоу осталось совсем недолго. Инек ждал. Почтальон, может быть, остановится у ящика Фишеров, сразу за поворотом, хотя Фишеры, как правило, почти не получали писем — разве что рекламные проспекты и прочую ерунду, которая рассылается всем без разбору

сельским жителям. Фишеров, впрочем, такая корреспонденция мало волновала: иногда они не забирали почту по нескольку дней. И если бы не Люси, которая обычно бегала к ящику, они бы вообще ее не брали.

Таких лодырей, как Фишеры, думал Инек, еще надо поискать. И дом, и все их постройки столько лет уже держатся на честном слове, что того и гляди рухнут. На своем запущенном участке они высаживали кукурузу, которую заливало каждый раз, когда поднималась вода в реке. Сено Фишеры косили на заливном лугу в долине. Из живности держали двух костлявых лошадей, с полдюжины тощих коров и несколько кур. Машина-развалюха да спрятанная где-то в зарослях у реки самогонная установка — вот, пожалуй, и все хозяйство. Они, конечно, охотились, ловили рыбу, ставили капканы, но от случая к случаю — в общем, совершенно безалаберный народ. Хотя, если поразмыслить, соседи они вроде бы и не плохие. Занимаются своими делами и никого особенно не беспокоят, разве что изредка выбираются всем кланом и ходят по окрестностям, раздавая брошюры никому не известной секты фундаменталистов, в которую Ма Фишер записалась несколько лет назад на ярмарке в Милвилле.

Уинслоу не остановился у ящика Фишеров и в облаке пыли вылетел из-за поворота. Подъехав к Инеку, он резко затормозил и выключил двигатель.

— Пусть остынет немного, — сказал он.

Мотор, охлаждаясь, начал пощелкивать.

— Ты сегодня прямо минута в минуту, — сказал Инек.

— Почты было мало, — ответил Уинслоу. — Проезжал мимо ящиков, даже не останавливаясь.

Он полез в сумку, стоявшую рядом с ним на сиденье, и достал перевязанную бечевкой пачку для Инека: несколько ежедневных газет и два журнала.

— Ты, я смотрю, много всякого выписываешь, — сказал он, — а писем почти не получаешь.

— Да кто же мне напишет? У меня никого не осталось.

— Но сегодня тебе пришло письмо.

Инек, не скрывая удивления, взглянул на пачку корреспонденции и тут только заметил уголок конверта, торчащего между журналами.

— Личное письмо, — добавил Уинслоу, причмокнув губами. — Не деловое. И не реклама.

Инек сунул пачку под руку, рядом с прикладом ружья.

— Наверно, какая-нибудь ерунда.

— А может, и нет, — сказал Уинслоу, и глаза его блеснули.

Он достал из кармана трубку, затем извлек кисет и неторопливо набил ее табаком. Мотор все еще пощелкивал. На безоблачном небе сияло солнце. Пыльная листва вдоль дороги источала душный едкий запах.

— Я слышал, этот тип, что ищет женьшень, опять вернулся в наши места, — сказал Уинслоу, стараясь, чтобы фраза прозвучала обыденно, но в голове все равно послышались заговорщицкие нотки. — Дня три или четыре его не было.

— Может быть, уезжал продавать женьшень.

— Сдается мне, он вовсе не женьшéнь ищет, — сказал почтальон. — Что-то другое.

— Он уже довольно давно тут...

— Начнем с того, — сказал Уинслоу, — что на женьшень теперь почти нет спроса, но даже если бы и был, так нет самого женьшеня. Вот раньше его хорошо покупали. Китайцы им вроде лечатся. Но сейчас торговли с Китаем почти что нет. Помню, когда я был мальчишкой, мы тоже ходили искать корешки. Они и в ту пору не часто попадались, но все же попадались...

Уинслоу откинулся на спинку сиденья, сосредоточенно потягивая трубку.

— Странно все это, — сказал он.

— Я ни разу этого человека не видел, — ответил Инек.

— Бродит по лесам, — продолжал Уинслоу. — Собирает всякие растения. Я одно время думал, он какой-нибудь знахарь или колдун. Травы для разных там снадобий и все такое. И к Фишерам зачастил, хлещут там это их пойло да все о чем-то разговаривают. Колдовство сейчас не в почете, но я в эти вещи верю. Но свете полно такого, что наука объяснить не в состоянии. Взять хотя бы дочку Фишера, глухонемую, — так вот она умеет заговаривать бородавки.

— Я тоже слышал, — сказал Инек и подумал: «Не только это. Она еще умеет лечить бабочек».

Уинслоу наклонился вперед.

— Чуть не забыл. У меня для тебя еще кое-что есть.

Он поднял с пола машины коричневый бумажный сверток и протянул Инеку.

— Не посылка. Это я сам для тебя сделал.

— Да? Спасибо. — Инек взял сверток из его рук.

— Можешь развернуть, — сказал Уинслоу. — Посмотришь, что там такое.

Инек медлил.

— Стесняешься, что ли? Открывай.

Инек разорвал бумагу и увидел деревянную статуэтку, двенадцати дюймов высотой, изображающую его самого. Светлое, медового цвета дерево сияло на солнце, словно золотистый кристалл. Он шагал, удерживая винтовку под рукой и чуть наклонившись против ветра, морщившего куртку и брюки.

Инек даже дар речи потерял, так его поразила статуэтка.

— Уинс, — сказал он наконец, — я такой красоты в жизни не видывал.

— Я ее вырезал из того полешка, что ты дал мне прошлой зимой, — сказал почтальон. — Материал, скажу тебе, отменный, первый раз такой попался. Твердое дерево, и почти без волокон. Не колется, не ломается. Режешь по нему, и получается то, что надо. А полируется, считай, само, пока режешь; просто руками потереть, и больше ничего не требуется.

— Ты не представляешь себе, как много это для меня значит.

— За эти годы ты мне много всяких чурбаков надарил. Дерево, какого здесь никто никогда не видел. Все — высочайшего качества и очень красивое. Так что я подумал, пора мне что-то и для тебя сделать.

— Ты и так для меня много делаешь, — сказал Инек. — Возишь из города все, что ни попрошу...

— Инек, — сказал Уинслоу, — я к тебе очень хорошо отношусь. Не знаю, кто ты, и не собираюсь спрашивать, но, кто бы ты ни был, отношусь я к тебе очень хорошо.

— Я бы рад рассказать тебе, но нельзя.

— Ну и ладно, — сказал Уинслоу, усаживаясь поудобнее за рулем. — Пока мы ладим друг с другом, не так уж и важно знать, кто каждый из нас. Если бы некоторые страны брали пример с таких вот маленьких общин, как наша, — пример того, как жить в согласии, — мир был бы куда лучше.

— А пока в мире не очень-то спокойно, — с серьезным видом поддержал его Инек.

— Да уж куда там, — ответил почтальон и завел мотор.

Машина двинулась вниз по холму, волоча за собой шлейф пыли. Инек долго смотрел ей вслед, потом перевел взгляд на деревянную статуэтку.

Человек, похоже, шел по гребню холма, открытому ветру, и чуть пригнулся, чтобы выдержать его бешеный напор.

Почему Уинслоу изобразил меня именно так? — недоумевал Инек. Что он такое разглядел во мне, изобразив шагающим навстречу ветру?

9

Положив винтовку и почту на пыльную траву, Инек снова аккуратно завернул статуэтку. Он поставит ее на каминную полку или, еще лучше, на кофейный столик, что у его любимого кресла, рядом с письменным столом. Хочется, признавался он самому себе немного смущенно, чтобы статуэтка всегда стояла рядом, чтобы можно было смотреть на нее или подержать в руке, когда захочется. Подарок почтальона согревал душу, вызывая у него глубокое радостное чувство. Отчего это, почему он так разволновался?

Вовсе не потому, что редко получал подарки. Практически ни одна неделя не проходила без того, чтобы кто-то из инопланетных путешественников не оставил ему подарка. Они стояли и лежали по всему дому, а в похожем на пещеру подвале занимали целую стену, от пола до потолка. Может быть, говорил он себе, дело в том, что это подарок жителя Земли, такого же, как он сам.

Инек сунул сверток со статуэткой под руку, другой подхватил винтовку, пачку газет и журналов и направился домой по изрядно заросшей тропе — когда-то она была дорогой до фермы и по ней свободно проезжала повозка.

Между колеями буйно разрослась густая трава, но сами колеи так глубоко врезались в глинистую почву, так плотно утрамбовали их окованные железом колеса старинных фургонов, что там до сих пор не могло укорениться ни одно растение. Кусты по обеим сторонам дороги, расползшиеся от края до края леса по всему полю, вымахали в рост человека, а кое-где и выше, и получилось нечто вроде зеленого коридора.

Но в некоторых местах, непонятно почему — может, почва другая, да и мало ли какие еще бывают капризы у природы, — кустарник редел и сходил на нет, оставляя большие окна, откуда с гребня холма можно было увидеть всю речную долину.

В одном из таких просветов Инек и уловил блик среди деревьев на краю старого поля, неподалеку от ручья, где он повстречал Люси. Он нахмурился и остановился на тропе, ожидая повторения, но больше там ничего не мелькнуло.

Видимо, один из наблюдателей с биноклем. И этот блик — просто отраженное от линзы солнце.

Кто они? И почему следят за ним? Это ведь продолжается довольно долго, но, как ни странно, они только наблюдают, не предпринимая никаких действий, и ни один из них даже не пытался к нему приблизиться, познакомиться с ним, хотя это было бы вполне естественно и так просто сделать. Если им — кто бы это ни был — хотелось поговорить с ним, они могли устроить вроде бы совершенно случайную встречу во время одной из его утренних прогулок.

Но, как видно, у них пока такого желания не возникло.

Чего же, гадал Инек, они хотят? Наверно, изучают его привычки. Но для этого, подумал он, криво усмехнувшись, им вполне хватило бы первых десяти дней наблюдений.

А возможно, они ждут какого-то события, которое поможет им понять, чем он занимается. Хотя тут их наверняка постигнет разочарование: они могут наблюдать хоть тысячу лет подряд и все равно ни о чем не догадаются.

Инек ответ взгляд от просвета в зеленой стене и зашагал по дороге, озадаченный и обеспокоенный своими наблюдениями.

Может быть, думал Инек, они не пытались вступить в контакт из-за разных историй, которые им могли рассказать. Историй, которые никто, даже Уинслоу, не передает ему самому. Интересно, что напридумывали за долгие годы люди, жившие по соседству? Всякие небылицы, что рассказывают у камина и слушают, затаив дыхание?

Возможно, это и к лучшему, что он не знает, какие о нем рассказывают байки, хотя они наверняка существуют. И то, что наблюдатели не вступают с ним в разговор, тоже, может быть, к лучшему. Пока контактов нет, он все еще в безопасности. Пока нет вопросов, не надо на них и отвечать.

Вы действительно, спросят они, тот самый Инек Уоллис, что в 1861 году отправился сражаться за Эйба Линкольна? И на этот вопрос есть только один ответ. Да, скажет он, я именно тот человек.

Но это, пожалуй, единственный вопрос, на который он сможет ответить правдиво. Во всех остальных случаях обязательно придется вилять или отмалчиваться.

Они спросят, почему он с тех пор не изменился. Почему он остается молодым, когда все люди стареют? Не может же он объяснить им, что стареет только вне станции: что стареет только час, когда выходит на прогулку, час или около того, когда работает на огороде, и пятнадцать минут, когда сидит на ступенях крыльца, любуясь закатом. Но едва он возвращается на станцию, процесс старения прекращается, и его организм возвращается в прежнее состояние.

Конечно же, он не может им этого рассказать. Как не может рассказать и многое другое. Возможно, наступит день, когда они придут к нему с вопросами, и тогда, он знал, придется бежать от них и скрыться в стенах станции, полностью отрезав себя от мира.

Такой поворот событий не вызовет осложнений, поскольку он может жить внутри станции, не испытывая никаких неудобств. Недостатка у него не будет ни в чем: инопланетяне предоставят ему все необходимое для жизни. Время от времени Инек, конечно, покупал земные продукты через Уинслоу, который привозил его заказы из города, но только потому, что ему иногда хотелось простой земной пищи, памятной с детства или со времен военных походов.

Но даже и такие продукты он мог бы получать с помощью дупликации. Для этого достаточно отправить кусок бекона или дюжину яиц на другую станцию, где они останутся в качестве образцов, а копии ему будут высылать по мере необходимости.

Инопланетяне не могут предоставить ему только одного — общения с человечеством, которое он поддерживает через Уинслоу и почту. Оставшись внутри станции, он будет полностью отрезан от знакомого мира, поскольку газеты и журналы — единственная ниточка, которая связывает его с Землей. Радио на станции просто не работает из-за помех, создаваемых аппаратурой.

Он не будет знать, что происходит вокруг, не будет знать, как идут дела во всем мире. Это, конечно же, отразится на работе над таблицей, но кому она тогда будет нужна? Впрочем, сказал он себе, она и сейчас почти бесполезна, поскольку он не уверен, что правильно учитывает все факторы.

Но самое главное — ему будет недоставать той маленькой части окружающего мира, что знакома ему до последнего камушка, того маленького уголка планеты, где он совершает свои прогулки. Может быть, эти самые прогулки более, чем все остальные, позволяли ему оставаться человеком, жителем Земли.

Он никак не мог решить для себя, насколько это важно — оставаться жителем земли со всеми его мыслями и чувствами, оставаться частичкой человечества. Может быть, это и ни к чему. Может быть, он ведет себя слишком провинциально, цепляясь так долго за старую родную плане-

ту, — ведь ему открыта вся галактика. Не исключено, что из-за этого провинциализма он даже что-то теряет.

Однако Инек знал, что не в силах будет отвернуться от родной Земли. Он слишком сильно любит свою планету, сильнее, может быть, чем те люди, которым не довелось, как ему, соприкоснуться с далекими загадочными мирами. Человек, говорил он себе, должен быть к чему-то привязан, должен быть верен чему-то, должен себя с чем-то отождествлять. Галактика слишком велика, чтобы остаться с ней один на один, без опоры и поддержки.

Над поросшей высокими травами поляной пронесся жаворонок и взмыл в небо. Инек прислушался, ожидая, что с высоты польются стремительные переливчатые трели, но птица молчала: весна уже давно прошла.

Инек двинулся дальше по дороге, и вскоре впереди показалось строгое здание станции, оседлавшее холм.

Странно, что он воспринимает это здание не как дом, а только как станцию, подумал Инек. Хотя на самом деле ничего удивительного тут, может быть, и нет: станцией оно прослужило дольше, чем домом. Что-то в нем чувствовалось вызывающе-непоколебимое, словно здание уселось на холме навсегда. Но, собственно говоря, если понадобится, оно и простоит там целую вечность, ибо ничто не может причинить станции вреда.

Если он будет вынужден когда-нибудь остаться в стенах станции, она выдержит любые попытки узнать ее природу. Ни отколоть кусочек, ни оцарапать, ни разрушить ее просто невозможно. Люди не смогут сделать ровным счетом ничего. Любые наблюдения, предположения, попытки анализа не принесут им ничего нового, кроме понимания, что на вершине холма стоит в высшей степени необычное строение. Потому что оно в состоянии выдержать любое воздействие, кроме, пожалуй, термоядерного взрыва, а может, и его тоже.

Зайдя во двор, Инек обернулся и взглянул в сторону рощицы, где он заметил блик, но не увидел ничего такого, что выдавало бы наблюдателя.

10

В помещении станции жалобно свистел аппарат связи.

Инек повесил ружье на место, положил почту и статуэтку на стол и подошел к аппарату в другом конце комнаты. Нажал кнопку, передвинул рычажок, и свист прекратился. На экране возник текст:

НОМЕР 406 302 СТАНЦИИ 18 327. ПРИБУДУ РАНО ВЕЧЕРОМ ПО ТВОЕМУ ВРЕМЕНИ. ПРИГОТОВЬ ГОРЯЧИЙ КОФЕ. УЛИСС.

Инек улыбнулся. Улисс и его кофе! Он оказался единственным инопланетянином, которому понравилось хотя бы что-то из земной еды и напитков. Другие тоже пробовали разок-другой, но им ничего не понравилось.

У них с Улиссом вообще сложились странные отношения. Они с самого начала прониклись друг к другу теплыми чувствами, еще с того дня, когда

сидели вдвоем на ступенях крыльца перед началом грозы и с лица Улисса сползла человеческая маска, скрывавшая его истинный облик.

Под ней оказалось ужасное лицо — некрасивое, даже отталкивающее. Лицо, как подумалось Инеку, жестокого клоуна. Хотя еще в тот момент он удивился возникшему сравнению, потому что жестоких клоунов не бывает. Однако вот он — лицо в цветных пятнах, плотно сжатые тяжелые челюсти, узкая щель рта.

Потом Инек увидел глаза, и это сразу изменило впечатление. Большие, добрые глаза, светившиеся пониманием, — существо словно тянулось к нему взглядом, как земной человек протянул бы руку дружбы.

Стремительно налетел дождь, прошелестел по траве, потом забарабанил по крыше сарая, а потом косая пелена придвинулась еще ближе, и дождевые капли ожесточенно застучали по участку, вколачивая в землю пыль, а перепачканные куры испуганно бросились под навес.

Инек вскочил и, схватив гостя за руку, втащил под крышу. Они стояли, глядя друг на друга, и Улисс потянул за обвисшие края маски, обнажая лысую голову, похожую на тупую пулю, и расцвеченное лицо — словно у разъяренного индейца, что вышел на тропу войны, хотя в нем все же было что-то клоунское, какие-то нелепые мазки тут и там, точно лицо это являло собой гротескный образ войны, нелепого и бессмысленного занятия. Но мгновение спустя Инек понял, что это не грим, а естественная пигментация существа, прилетевшего из невообразимой звездной дали.

Конечно, он был удивлен, растерян, но ни на минуту не усомнился, что перед ним и вправду неземное существо. Не человек. Фигура человеческая: две руки, две ноги, голова, лицо. И в то же время было в нем что-то нечеловеческое, отталкивающее, чуждое.

В древности, подумал Инек, его, возможно, приняли бы за демона, но давно уже минуло то время (хотя, как знать, может, еще не везде), когда люди верили в демонов, призраков и прочую нечисть, что в представлении людей некогда обитала на Земле.

Пришелец со звезд, значит. Может, так оно и есть. Хотя это просто не укладывалось у Инека в голове. Такое не представить даже самой смелой фантазии. Не знаешь, что и делать, — ни примеров, ни правил для такой ситуации нет. В голове пустота, полная пустота! Может, со временем и осенит какая-нибудь мысль, но пока одно безмерное, бесконечное удивление.

— Не торопитесь, — произнес пришелец. — Я понимаю, вам нелегко. Только не знаю, чем вам помочь. Я даже не могу убедительно доказать, что действительно прилетел оттуда.

— Но вы так хорошо говорите...

— Вы имеете в виду, на вашем языке? Это совсем не сложно. Если бы вы знали, как много во всей галактике различных языков, то поняли бы, насколько не сложно. Ваш язык относительно прост. В нем отсутствует множество понятий — с какими-то явлениями людям просто не приходилось еще сталкиваться.

Возможно, так оно и есть, подумал Инек.

— Если хотите, — сказал пришелец, — я могу уйти дня на два, чтобы дать вам время поразмыслить. А потом, когда вы все обдумаете, вернусь.

Инек улыбнулся и почувствовал, что улыбка у него получилась натянутая, деревянная.

— Мне как раз хватит времени, чтобы разнести новость по всей округе. И когда вы возвратитесь, тут будет ждать засада.

Пришелец покачал головой.

— Уверен, что вы этого не сделаете, и готов рискнуть. Если вы хотите...

— Нет, — ответил Инек спокойно и сам удивился своему спокойствию. — Если уж на тебя что свалилось, то решать надо сразу. Это я еще на войне понял.

— Отлично, — сказал пришелец. — Просто отлично. Я не ошибся в вас и могу этим гордиться.

— Не ошиблись?..

— Не думаете же вы, что я пришел сюда наугад? Я много знаю о вас, Инек. Почти столько же, сколько знаете о себе вы сами. А может быть, и больше.

— Вы знаете, как меня зовут...

— Конечно.

— Ладно, — сказал Инек. — А как зовут вас?

— Этот вопрос вызывает у меня крайнее смущение, — ответил пришелец, — потому что у меня нет имени как такового. Есть опознавательный признак, соответствующий предназначению моей расы, но его невозможно передать словами.

Непонятно почему, но Инек вдруг вспомнил сутулую фигуру человека, сидящего на верхней перекладине ограды с палкой в одной руке и складным ножом в другой. Человек спокойно обстругивал палку. Над головой его свистели пушечные ядра, а всего в полумиле от него трещали мушкеты, изрыгая свинец и клубы порохового дыма, поднимавшегося над рядами солдат...

— Вам нужно имя, — сказал Инек. — Пусть это будет имя Улисс. Должен же я как-то вас называть.

— Согласен, — ответил пришелец. — Но могу я спросить, почему именно Улисс?

— Потому что это имя великого представителя моего народа.

Дико, конечно. Они нисколько не были похожи — сутуловатый американский генерал времен Гражданской войны и это существо, что стояло напротив Инека на крыльце.

— Вот мы и познакомились. Я рад, что теперь у меня есть имя, — произнес Улисс. — Мне кажется, оно звучит возвышенно и благородно, и, между нами говоря, я буду даже счастлив носить это имя. А тебя я буду звать просто Инеком, как водится между друзьями, — ведь нам предстоит работать вместе много твоих лет.

Мало-помалу к Инеку возвращалось трезвое понимание происходящего, и ему стало немного не по себе. Может быть, и к лучшему, подумал он, что сначала меня все это так ошарашило. Я даже не мог понять, в чем дело.

— Что ж, может, и так, — сказал он, инстинктивно сопротивляясь подсказываемому сознанием выводу, уж слишком быстро теснящему привычный ход мыслей. — Я могу предложить тебе перекусить. И приготовлю кофе.

— Кофе... — Улисс причмокнул тонкими губами. — У тебя есть кофе?

— Я сделаю большой кофейник. И разобью туда сырое яйцо, чтобы осела гуща.

— Замечательно! — воскликнул Улисс. — Сколько я напитков перепробовал на разных планетах, но кофе мне понравился больше всего.

Они прошли на кухню. Инек поворошил угли в печке и подбросил несколько поленьев. Затем налил в кофейник воды и поставил его на огонь. Принес из кладовой яйца и слазил в подпол за окороком. Улисс сидел неподвижно в кресле и наблюдал за его действиями.

— Ты ешь ветчину и яйца? — спросил Инек.

— Я ем все, — ответил Улисс. — Моя раса очень легко приспосабливается к чему угодно. По этой причине меня и послали на твою планету в качестве... Как это называется?.. Высматривателя?

— Разведчика, — подсказал Инек.

— Да, верно. Разведчика.

Инек удивлялся, что с ним так легко разговаривать — почти как с обычным человеком, хотя, видит бог, на человека Улисс совсем не походил. Скорее, на какую-то дикую карикатуру на человека.

— Ты уже так долго живешь здесь, — сказал Улисс, — и, наверно, любишь свой дом?

— Я тут родился. Правда, отсутствовал четыре года, но родной дом всегда родной.

— Я тоже жду не дождусь, когда смогу вернуться домой. Давно я там уже не был. Но такие задания, как это мое, всегда отнимают много времени.

Инек положил на стол нож, которым резал ветчину, и тяжело опустился на стул, глядя на Улисса, сидящего по другую сторону стола.

— Ты отправишься домой?

— Конечно, — ответил Улисс. — Я почти закончил свою работу, и у меня тоже есть дом. А ты как думал?

— Не знаю, — тихо произнес Инек. — Я еще ничего об этом не думал.

Вот оно как... Ему и в голову не пришло, что у такого существа тоже может быть дом. Дом, в его представлении, мог быть только у человека.

— При случае, — сказал Улисс, — я расскажу тебе о своем доме, и, возможно, ты даже будешь когда-нибудь моим гостем.

— Там, среди звезд...

— Сейчас тебе все кажется странным, — сказал Улисс. — Ты не сразу привыкнешь. Но, узнав нас лучше — всех нас, — ты многое поймешь. И

я надеюсь, мы понравимся тебе. Галактику населяет множество самых разных существ. И все мы, право же, неплохие соседи.

Звезды, застывшие в одиночестве космоса... Инек даже представить себе не мог, насколько они далеки, и что они такое, и для чего существуют. Другой мир — нет, неверно! — много других миров. И там живут люди. Много других людей. Самые разные люди у каждой из этих звезд. И один из них сидит у него на кухне, ждет, когда закипит вода в кофейнике и поджарится яичница с окороком.

— Но почему?.. — спросил Инек. — Зачем я тебе нужен?

— Мы все — путешественники. И нам нужна здесь пересадочная станция. Мы хотели бы превратить этот дом в станцию, а ты чтоб был ее смотрителем.

— Этот дом?

— Мы не можем построить новую станцию, потому что твои люди начнут задавать вопросы: кто строит, для чего? Мы вынуждены использовать уже существующие строения и переделывать их для наших целей. Но только внутри. Снаружи мы оставляем все, как есть. Я хочу сказать, внешний вид останется прежним. Мы не хотим, чтобы кто-то задавал вопросы. Это важно...

— А путешествия?

— Мы путешествуем от звезды до звезды быстрее, чем ты можешь об этом подумать, — сказал Улисс. — Быстрее, чем ты моргнешь. У нас есть то, что ты назвал бы машинами. Но это не машины, во всяком случае не те, которые ты знаешь.

— Извини, — произнес Инек в замешательстве, — но все это кажется мне совершенно невероятным.

— Ты помнишь, когда в Милвилл пришла железная дорога?

— Помню. Я тогда был совсем еще мальчишкой.

— Тогда представь себе: это просто еще одна железная дорога, и Земля на ней — просто городок, а твой дом — станция для новой, необычной дороги. Разница только в одном: никто на Земле, кроме тебя, не будет знать о существовании новой дороги. И этой станции. Совсем маленькая станция — место, где можно немного отдохнуть и пересесть на другой поезд. Однако на Земле никто не сможет купить на него билет.

В таком виде, конечно, это звучало просто, но Инек чувствовал, что на самом деле все несравненно сложнее.

— Вагоны в космосе? — спросил он.

— Не вагоны, — ответил Улисс. — Это нечто совсем иное, и я даже не знаю, как тебе объяснить...

— Может, тебе стоит подыскать кого-то другого. Кого-то, кто сможет понять.

— Пока что на этой планете нет никого, кто сумел бы понять меня пусть даже приблизительно. Так что, Инек, ты устраиваешь нас так же, как любой другой. И во многих отношениях даже больше, чем любой другой.

— А знаешь...
— Ты что-то хотел сказать?
— Нет, ничего.

Он просто вспомнил, как сидел на крыльце и думал о том, что остался совсем один и надо начинать новую жизнь. Да, ничего не поделаешь, надо строить свою жизнь сначала.

И вдруг вот оно, начало — удивительное, пугающее. Такое не привиделось бы ему даже в самом безумном сне!

11

Инек отправил сообщение в архив и послал подтверждение:
НОМЕР 406 302 ПОЛУЧЕН. КОФЕ НА ПЛИТЕ. ИНЕК.

Убрав текст с экрана, он подошел к приготовленному перед уходом жидкостному контейнеру номер три. Проверил температуру и уровень раствора, еще раз убедился, что контейнер надежно закреплен под материализатором.

После этого Инек прошел ко второму материализатору, стоявшему в углу, — для официальных визитов и аварийных ситуаций — и внимательно проверил приборы. Как всегда, все было в порядке, но Инек обязательно осматривал материализатор перед каждым визитом Улисса. Сам он, конечно, починить его не мог, и в случае поломки ему полагалось просто послать срочное сообщение в Галактический Центр, после чего на станцию через рейсовый материализатор явился бы кто-нибудь, кто в состоянии справиться с этой задачей.

Такой порядок объяснялся тем, что материализатор для официальных визитов и аварийных ситуаций предназначался только для тех целей, какие предполагало название: для визитов сотрудников Галактического Центра и для возможных непредвиденных обстоятельств. И управление осуществлялось не со станции, а из Галактического Центра.

В качестве инспектора и нескольких других станций Улисс имел право пользоваться материализатором в любое время и без уведомления. Но за все годы их дружбы, вспоминал Инек с гордостью, Улисс ни разу не забыл предупредить его о предстоящем визите. Своего рода знак внимания, и, как Инек знал, его заслужили далеко не все станции огромной транспортной сети галактики, хотя наверняка есть смотрители, к которым в Галактическом Центре относятся с таким же уважением.

Сегодня, подумал Инек, он, может быть, расскажет Улиссу о начавшейся слежке. Наверно, следовало сделать это раньше, но очень уж не хотелось все это объяснять — ведь тем самым он признал бы, что человечество может создать для галактической системы какие-то сложности.

Безнадежное дело, конечно, эта его одержимость, стремление доказать, что люди Земли добры и разумны. Потому что они довольно часто бывают и не добры, и не разумны. Человечество, наверно, просто еще не по-

взрослело. Да, земляне стремительно прогрессируют, они, случается, проявляют друг к другу сострадание и даже способны понять друг друга, но как же жалки их достижения во многих других областях...

Если бы только появился у людей шанс, говорил себе Инек, если бы как-то помочь им, если дать понять, какой огромный мир там, в космосе, тогда бы они спохватились, поумнели, и со временем их приняли бы в огромное братство звездных народов.

А когда их примут, они докажут, что достойны его, и многое смогут свершить, потому что люди — еще молодая раса, энергичная. Порой даже слишком энергичная.

Инек тряхнул головой, прошел через комнату и сел за стол, затем освободил пачку газет и журналов от бечевки, которой их перевязал Уинслоу, и разложил почту на столе: несколько ежедневных газет, еженедельник новостей, два журнала — «Природа» и «Наука» — и письмо.

Отодвинув газеты в сторону, он взял в руки письмо: авиа, на штемпеле — Лондон, а над адресом — незнакомое ему имя. Странно, с чего это вдруг незнакомый человек пишет ему из Лондона. Впрочем, напомнил он себе, любой человек из Лондона или еще откуда-нибудь будет для него незнакомым. Ни в Лондоне, ни где-то еще он никого не знает.

Инек разрезал конверт, развернул листок и пододвинул лампу поближе, чтобы свет падал прямо на письмо.

Уважаемый сэр, прочел он, *я подозреваю, что Вы меня не знаете, но я один из редакторов британского журнала «Природа», который Вы выписываете много лет подряд. Я не воспользовался редакционным бланком, поскольку это письмо личное, неофициальное и, возможно, даже несколько бестактное.*

Вам, быть может, будет небезынтересно узнать, что Вы являетесь нашим старейшим подписчиком. Уже более восьмидесяти лет мы высылаем Вам наш журнал.

Понимая, что это, строго говоря, меня не касается, мне все же хотелось бы спросить у Вас, выписывали ли Вы весь этот срок журнал сами, или его выписал в свое время Ваш отец (или кто-то из близких), а Вы просто оставили подписку на его имя?

Мой вопрос, безусловно, свидетельствует о непрошеном и непростительном любопытстве, поэтому, если Вы, сэр, предпочитаете оставить его без ответа, — это, разумеется, Ваше право, и Вы поступите вполне естественно. Однако, если Вы все же сочтете возможным ответить мне, я буду Вам чрезвычайно признателен.

В свое оправдание могу только сказать, что я проработал в журнале очень долгое время и испытываю определенную гордость от того, что кто-то считал его достойным внимания более восьмидесяти лет подряд. Честно говоря, я сомневаюсь, что многие издания могут похвастаться столь продолжительным интересом со стороны одного человека.

Позвольте заверить Вас в моем бесконечном уважении.

Искренне Ваш.

И подпись.

Инек отодвинул письмо в сторону.

Вот оно, подумал он. Еще один наблюдатель. Впрочем, вежливый и корректный. Никаких осложнений здесь, скорее всего, не будет.

Но тем не менее это еще один наблюдатель, который его заметил, который заинтересовался, обнаружив, что один и тот же человек выписывает журнал в течение восьмидесяти с лишним лет.

С годами таких любопытствующих будет все больше и больше. Видимо, ему следует беспокоиться не только из-за наблюдателей, засевших вокруг станции, — ведь сколько еще будет других! Человек, как бы он ни старался, не может спрятаться от мира. Рано или поздно мир его заметит и соберется у порога его жилища сгорающей от любопытства толпой, чтобы узнать, почему он прячется.

Инек отдавал себе отчет в том, что времени у него почти не осталось. Толпа уже подступала к порогу.

Что им от меня нужно, думал он. Может быть, они отстанут, если объяснить им, в чем дело? Но объяснить-то он как раз и не мог. Даже если рассказать им правду, все равно найдутся такие, что не уйдут, не отвяжутся...

Материализатор в другом конце комнаты подал сигнал, и Инек обернулся.

Прибыл путешественник с Тубана. В контейнере плавала темная шарообразная масса, а над ней покачивался на поверхности раствора какой-то прямоугольный предмет.

Видимо, багаж, подумал Инек. Хотя в сообщении говорилось, что путешественник будет без багажа. Он заторопился к контейнеру и на полпути услышал доносящиеся из контейнера частые щелчки — гость с Тубана заговорил:

— Подарок. Для тебя. Мертвое растение.

Инек уставился на плавающий в контейнере куб.

— Возьми, — прощелкал инопланетянин. — Это тебе.

В ответ Инек неуверенно простучал пальцами по прозрачной стенке контейнера:

— Благодарю тебя, милостивый странник.

Назвав это шарообразное существо «милостивым странником», он тут же засомневался, правильное ли выбрал обращение. За долгие годы он так и не разобрался до конца в тонкостях галактического этикета и иногда допускал ошибки. С некоторыми существами полагалось разговаривать таким вот цветистым стилем (само обращение тоже зависело от каждого конкретного случая), с другими можно было обращаться при помощи вполне обычных, простых слов.

Инек склонился над контейнером, извлек куб и увидел, что это кусок тяжелой древесины — черной, как эбеновое дерево, и такой плотной, что поверхность ее казалась гладкой, будто камень. Инек усмехнулся про себя: благодаря Уинслоу он уже стал в некотором роде экспертом, понимает толк в дереве.

Положив куб на пол, он повернулся к контейнеру.

— Не объяснишь ли ты мне, — обратился к нему инопланетянин, — для чего оно вам нужно? У нас это совершенно бесполезная вещь.

Инек помедлил, тщетно пытаясь отыскать в памяти код, соответствующий слову «вырезать».

— Для чего же? — повторил гость.

— Прошу прощения, милостивый странник. Я не очень часто пользуюсь этим языком. Мне не хватает слов.

— Пожалуйста, не называй меня «милостивым странником». Я — самое обычное существо.

— Мы придаем ему форму, — простучал Инек. — Другую форму. Если ты обладаешь способностью видеть, я могу показать тебе такую вещь.

— Нет, я не обладаю этой способностью, — ответил гость. — Мы можем многое другое, но видеть нам не дано.

Прибыл путешественник с Тубана в форме шара, но теперь он начал медленно растекаться в стороны.

— Ты, — прощелкал он, — существо двуногое?

— Да.

— Твоя планета твердая?

Твердая? А, твердая или жидкая — вот что интересует гостя, догадался Инек.

— Поверхность на одну четверть твердая. Оставшаяся часть покрыта жидкостью.

— Моя планета почти вся жидкая. Совсем мало тверди. Очень удобный мир.

— Я хотел задать тебе вопрос, — прощелкал Инек.

— Спрашивай.

— Ты математик? Я имею в виду, вы все математики?

— Да, — ответило существо. — Занятие математикой — превосходный отдых.

— Ты хочешь сказать, что вы не используете математику в практических областях?

— Когда-то использовали. Но теперь в этом нет необходимости. Все, что нам нужно, у нас уже есть. Теперь это отдых.

— Я слышал о вашей системе исчисления...

— Она сильно отличается от тех, что распространены на других планетах. Наша система гораздо лучше.

— Ты можешь рассказать мне о ней?

— А ты знаком с системой исчисления, которой пользуются жители Полариса-VII?

— Нет, — ответил Инек.

— Тогда это бессмысленно. Сначала нужно изучить их систему.

Вот так, подумал Инек. Этого следовало ожидать. В галактике накоплено так много знаний, а он ознакомился лишь с крохотной их частью и при этом понял только малую долю того, с чем познакомился.

Однако на Земле есть люди, которые способны понять гораздо больше. Люди, которые отдадут последнее даже за то немногое, что стало доступно ему, и наверняка найдут способ употребить эти знания в дело.

Там, среди звезд, накопился колоссальный запас знаний — и новые открытия в развитие тех, что уже известны человечеству, и такие науки, о которых человечество еще даже не догадывается. Может быть, так и не догадается, если по-прежнему будет предоставлено само себе.

Ну хорошо, пройдет еще лет сто... Сколько нового узнает он за сто лет? За тысячу?

— Теперь я хочу отдохнуть, — прощелкал гость с Тубана. — Приятно было с тобой поговорить.

12

Повернувшись к контейнеру спиной, Инек поднял с пола брусок. На полу осталась маленькая блестящая лужица натекшей с него жидкости.

Он отнес подарок к окну в противоположном конце комнаты и принялся внимательно его разглядывать: черная тяжелая древесина с очень плотной структурой, в одном месте остался кусок коры. Видно было, что куб опилен со всех сторон. Кто-то подгонял его размеры, чтобы он тут, на станции, поместился в контейнер.

Инеку вспомнилась статья, которую он прочел в одной из газет всего день или два назад. Автор этой статьи, ученый, утверждал, что на планетах, не имеющих суши, разумная жизнь возникнуть не может.

Разумеется, ученый ошибался, потому что цивилизация Тубана-VI возникла именно на такой планете, и в галактическое содружество входило много других миров, поверхность которых сплошь покрыта жидкостью. Человечеству, если оно когда-нибудь узнает о существовании галактической культуры, предстоит не только учиться, но во многом еще и переучиваться.

Например, представление о том, что скорость света — это предел...

Если бы ничто не могло двигаться быстрее света, тогда галактическая транспортная система была бы просто невозможна.

Однако не стоит слишком строго судить за это человечество, напомнил себе Инек. Наблюдения — это единственный способ получения данных, посредством которого человек — или, если на то пошло, кто угодно — может делать выводы о природе Вселенной. И поскольку человечество пока не обнаружило ничего такого, что движется быстрее скорости света, оно вправе предположить, что ничто в самом деле не может двигаться быстрее. Но только предположить. Не больше.

Потому что импульсная система, переносившая путешественников от звезды к звезде, работала почти мгновенно независимо от расстояния...

Размышляя об этом, Инек признался себе, что даже ему самому порой с трудом в это верится.

Секунду назад существо, плавающее в контейнере, находилось в таком же контейнере на другой станции, где материализатор скопировал его целиком — не только тело, но и то неуловимое нечто, делавшее его существом одушевленным, — а затем практически мгновенно перенес в виде импульса через бездну пространства в материализатор этой станции, воссоздавшей и тело, и разум, и память, и жизнь существа, оставшегося за много световых лет отсюда и теперь уже мертвого. В контейнере возникло новое тело с новым разумом, памятью, жизнью — совершенно новое существо, но точно такое же, как прежде. Его личность, его сознание остались неизменными, и лишь на ничтожно малое мгновение прервалось течение мысли — так что существо это осталось во всех отношениях прежним.

Разумеется, возможности импульсной системы были не безграничны, но не скорость накладывала ограничения, поскольку импульс мог пересечь всю галактику практически мгновенно. Проблема заключалась в том, что при определенных условиях характеристики импульса нарушались, и, чтобы воспрепятствовать этому, требовалось много пересадочных станций — многие тысячи станций. Пылевые облака, скопления межзвездного газа, области с высокой ионизацией — все это могло разрушить импульс, и в тех районах галактики, где встречались подобные опасности, станции строились гораздо ближе друг к другу. Нередко их строителям приходилось прокладывать маршруты в обход больших концентраций газа или пыли, способных исказить сигнал.

Сколько уже безжизненных тел, подумал Инек, оставило это существо позади, на других станциях, расположенных вдоль пути его следования? Таких же безжизненных, каким станет это тело, плавающее в контейнере, спустя несколько часов, когда существо в виде импульса отправится дальше.

Длинная цепочка безжизненных тел, протянувшаяся среди звезд, — каждое из них должно быть уничтожено кислотой и смыто в глубинный резервуар, а само существо тем временем продолжает свой путь от станции к станции, пока не доберется туда, куда влечет его цель путешествия.

Но что, какие задачи влекут в дорогу жителей галактики от станции к станции, через космическую бездну? Их так много, этих существ, а значит, и цели у них разные. Иногда из разговоров с гостями Инек узнавал о цели путешествия, но по большей части оставался в неведении, да и не считал он себя вправе вмешиваться. Ведь он всего лишь смотритель.

Хозяин постоялого двора, думал Инек, хотя многим существам он в такой роли не всегда нужен. Но во всяком случае, человек, который следит за надежностью станции, работает здесь, готовит, что надо, к приему путешественников и отправляет их дальше, когда подходит время. А также выполняет мелкие просьбы и поручения, если в этом возникает необходимость.

Инек взглянул на деревянный куб и представил себе, как обрадуется Уинслоу. Такое дерево — черное и плотное — попадалось крайне редко.

Как бы повел себя Уинслоу, если бы узнал, что его статуэтки вырезаны из дерева, выросшего на неизвестной планете за много световых лет от

Земли? Должно быть, он не раз задавал себе вопрос, откуда берется такое дерево и как Инеку удается его добывать. Но он никогда не спрашивал напрямую. Конечно же, Уинслоу чувствовал, что в этом человеке, который каждый день встречает его у почтового ящика, есть что-то странное. Но он ни о чем его не расспрашивал, никогда.

Видимо, потому, что они друзья, говорил себе Инек.

И этот кусок древесины, что он держал в руке, тоже свидетельство дружбы — дружбы, установившейся между жителями звезд и обычным, незаметным смотрителем станции, затерявшейся в одном из спиральных рукавов галактики, далеко-далеко от ее центра.

Очевидно, с годами по галактике разнесся слух, что на этой вот станции есть смотритель, который коллекционирует экзотические породы дерева, — и он стал получать подарки. Не только от тех существ, которых он считал своими друзьями, но и от незнакомцев вроде этого, что отдыхал сейчас в контейнере.

Инек положил полешко на стол и подошел к холодильнику. Достал кусок выдержанного сыра, что привез Уинслоу несколько дней назад, и пакетик фруктов, который днем раньше подарил ему путешественник с Сирра-Х.

— Проверено, — сказал он Инеку. — Ты можешь употреблять это в пищу без всякого вреда. Никакой опасности для метаболизма. Может быть, ты уже пробовал их раньше? Нет? Жаль. Восхитительный вкус. Если тебе понравится, я в следующий раз привезу еще.

Из шкафа рядом с холодильником Инек достал небольшую плоскую буханку хлеба — часть рациона, ежедневно предоставляемого Галактическим Центром. Хлеб, испеченный из неизвестной на земле муки, слегка отдавал орехами и какими-то инопланетными специями.

Инек разложил все на кухонном столе — так он его называл, хотя на самом деле кухни как таковой в доме не было, — затем поставил на плиту кофейник и вернулся к письменному столу.

Раскрытое письмо все еще лежало посередине. Он сложил его и убрал в ящик.

Сняв коричневые обертки с газет, он отобрал «Нью-Йорк таймс» и сел читать в свое любимое кресло.

ДОГОВОРЕННОСТЬ О НОВОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ — значилось на первой же странице.

Кризис назревал уже больше месяца — последний из серии кризисов, что уже несколько лет подряд угрожали миру и спокойствию на Земле. И хуже всего, говорил себе Инек, это то, что большинство из них созданы искусственно, — то одна сторона, то другая пытается добиться преимуществ в бесконечном шахматном матче силовой политики, начавшемся сразу после второй мировой войны.

В посвященных конференции статьях «Таймс» ощущался какой-то отчаянный, почти фаталистический подтекст, словно их авторы, а может быть, и дипломаты, и все остальные непосредственные участники событий уже

знали, что конференция ни к чему не приведет и, возможно, даже углубит кризис еще больше.

Столичные обозреватели (писал один из сотрудников вашингтонского бюро «Таймс») *отнюдь не убеждены, что конференция оттянет конфликт, как случалось на прошлых конференциях, или послужит продвижению вперед в спорных вопросах. Многие источники почти не скрывают, что конференция может вместо этого еще сильнее раздуть пламя вражды, так и не выработав в качестве компенсации каких-либо решений, которые откроют пути к компромиссу. Конференция, предположительно, должна предоставить возможность для трезвой оценки фактов и спорных доводов, однако сейчас мало кто верит, что предстоящая встреча послужит этой цели в полной мере.*

Кофейник закипел, и Инек, отложив газету, бросился к плите, чтобы успеть его снять. Потом достал из шкафа чашку и поставил ее на стол.

Но прежде чем приняться за еду, он снова достал из ящика таблицу и развернул ее на письменном столе. В который раз уже его посетили сомнения, имеет ли она какую-либо практическую ценность, хотя временами ему казалось, что в определенных случаях таблица все же себя оправдывает.

Таблица основывалась на статистической теории, выработанной на Мицаре, но в силу природы изучаемого объекта он был вынужден заменить кое-какие величины и сместить влияние определенных факторов. Поэтому Инек в тысячный раз задавал себе вопрос: не сделал ли он где-нибудь ошибку? Может быть, эти подстановки и замены свели достоверность результатов на нет? И если так, то каким образом он может исправить ошибки, чтобы восстановить объективность метода?

Вот они, факторы, думал Инек, все здесь: скорость прироста и численность населения Земли, смертность, официальные курсы денежных единиц, рост стоимости жизни, сведения о числе исповедующих различные религии, успехи медицины, прогресс технологии, темпы роста промышленного производства, состояние рынка рабочей силы, тенденции в мировой торговле и многие другие, включая даже то, что на первый взгляд может показаться не слишком важным, — цены, назначаемые на аукционах за произведения искусства, передвижение населения во время отпусков и предпочитаемые районы отдыха, скорости транспортных средств и количества психических расстройств.

Он знал, что статистические методы, созданные математиками Мицара, пригодны для любых условий и для любых ситуаций — но только если они применены правильно. Ему же пришлось подгонять модель ситуации на чужой планете к тому, что происходит здесь, на Земле. Не сказалась ли эта подгонка на работоспособности метода?

Инек снова взглянул на таблицу и вздрогнул. Если он нигде не ошибся, если все факты учтены правильно, если подгонка не нанесла ущерба самой концепции оценки — тогда Земля движется к еще одной большой войне, к уничтожительной ядерной катастрофе...

Он отпустил края листа, и таблица сама свернулась в трубку.

Протянув руку, Инек взял плод, подаренный ему гостем с Сирра, и откусил. Покатал на языке, наслаждаясь необычным вкусом, и решил, что он действительно выше всяких похвал, как утверждало это странное, похожее на птицу существо.

Было время, когда он надеялся, что таблица, созданная на основе мицарской теории, подскажет ему если не способ покончить с войнами, то хотя бы путь к тому, как продлить мир. Но таблица ничем не могла ему помочь. Путь, который она указывала, неумолимо вел к войне.

Сколько войн смогут еще вынести люди Земли?

Никто, конечно, не ответит с уверенностью, но, вполне возможно, это будет последняя война. Сила оружия, которое люди готовятся пустить в ход, никем еще не проверена в полной мере, и ни один человек не знает, каковы могут быть последствия.

Когда-то люди сражались, держа все свое оружие в руках, и уже тогда война была достаточно страшна, но в любой современной войне смертоносный груз будет обрушиваться с небес, сметая с лица Земли сразу целые города — не скопление войск, а города со всем их населением.

Инек протянул руку к таблице, но остановился. Какой смысл просматривать ее еще раз? Он и так помнит все наизусть. Никакого проблеска надежды! Он может корпеть над таблицей до второго пришествия, и это ничего не изменит. Никакой надежды. Над миром снова сгущались грозовые тучи, и человечество неумолимо скатывалось к войне.

Он откусил еще кусочек — плод показался ему даже вкуснее. «В следующий раз, — сказало существо с Сирра, — я привезу тебе еще». Но видимо, пройдет немало времени, прежде чем оно сюда вернется. А может быть, они никогда больше не увидятся. Многие путешественники показывались тут лишь единожды, хотя было и несколько таких, которые объявлялись чуть ли не каждую неделю, — постоянные посетители, они уже стали близкими друзьями.

Ему вспомнилась небольшая группа сиятелей, навещавших его много лет назад. В те далекие годы они заранее договаривались о длительных остановках на станции, чтобы можно было вволю посидеть за столом, поговорить с Инеком. Прибывали сиятели всегда словно на пикник — с огромными плетеными корзинами, полными всякой снеди и напитков.

Но в конце концов они перестали появляться. Инек уже давно не видел никого из них и грустил: с ними всегда было весело и интересно.

Инек выпил еще одну чашку кофе и все сидел за столом, вспоминая старые добрые времена, когда его посещала эта маленькая компания сиятелей.

Тут послышался легкий шорох, и, вскинув взгляд, он увидел на диване женщину в скромной юбке с кринолином, какие носили в шестидесятых годах прошлого века.

— Мэри! — удивленно воскликнул он, вскакивая на ноги.

Мэри улыбалась ему, как умела улыбаться только она одна. Какая она красивая, подумал Инек, с ней просто никто не сравнится.

— Мэри, — сказал он, — я так рад тебя видеть.

Тут Инек заметил, что в комнате появился еще один его друг: у камина стоял мужчина с пушистыми черными усами, в синей военной форме и с саблей на поясе.

— Привет, Инек! — сказал Дэвид Рэнсом. — Надеюсь, мы не помешали.

— Что ты! Как могут помешать двое лучших друзей!

Он стоял у стола, а вокруг него вставало прошлое, доброе, понятное прошлое, наполненное ароматом роз, прошлое, которое он не так уж часто вспоминал, но которое никогда его не покидало.

Откуда-то издалека доносились звуки флейты и барабана, бряцание оружия и амуниции, юноши уходили на войну под предводительством славного полковника при всех регалиях гарцующего на великолепном черном скакуне; на порывистом июньском ветру реяли полковые знамена.

Инек прошел через комнату и остановился у дивана.

— Ты не возражаешь? — спросил он с легким поклоном.

— Садись, пожалуйста, — ответила она. — Если у тебя дела...

— Никаких дел. Я так надеялся, что вы придете.

Инек опустился на дивал, но чуть поодаль от нее. Он смотрел на ее руки, чинно сложенные на коленях, и ему хотелось взять их хоть на мгновение, подержать в своих руках, но он знал, что не может этого сделать.

Потому что Мэри здесь не было.

— Прошла почти неделя с тех пор, как мы виделись в последний раз, — сказала Мэри. — Как твоя работа, Инек?

Он покачал головой.

— Все те же проблемы. За мной по-прежнему следят. А таблица предсказывает войну.

Дэвид прошел по комнате, и опустившись в кресло, положил саблю на колени.

— Война, если судить по тому, как сейчас воюют, — заявил он, — будет страшна и безжалостна. Мы в свое время воевали совсем не так.

— Да, — сказал Инек, — мы воевали не так. Но, хотя война ужасна сама по себе, сейчас может произойти еще более ужасное. Если на Земле разразится еще одна война, мы закроем себе дорогу к галактическому братству — навсегда или по крайней мере на многие века.

— Может быть, это и не так плохо, — предположил Дэвид. — Мы пока еще не готовы присоединиться к жителям галактики.

— Может быть, и не готовы, — произнес Инек. — Я тоже такого мнения. Но когда-нибудь это должно произойти. А если у нас начнется война, этот день отодвинется в будущее. Чтобы объединиться с другими расами, нужно хотя бы делать вид, что мы цивилизованны.

— А если они не узнают? — спросила Мэри. — Я имею в виду, про войну. Они ведь нигде, кроме этой станции, не бывали.

Инек покачал головой.

— Узнают. Я думаю, они за нами наблюдают. И уж во всяком случае, прочтут в газетах.

— В тех, что ты выписываешь?

— Я их сохраняю для Улисса. Вон та стопка в углу. Он каждый раз забирает их в Галактический Центр: за годы, что Улисс провел здесь, Земля очень заинтересовала его. И я подозреваю, эти газеты, после того, как он их прочтет, попадают в самые разные уголки галактики.

— Представляешь, — сказал Дэвид, — как бы удивились в отделах подписки, узнай они, сколь широко распространяются их газеты?

Инек улыбнулся.

— В Джорджии выходит одна газета, — добавил Дэвид. — Так вот, они пишут в своих рекламных объявлениях, что появляются «каждое утро так же регулярно и повсеместно, как роса на траве». Придется им придумать что-нибудь в таком же духе, только про всю галактику.

«Наша «Перчатка», — живо отозвалась Мэри, — годится для всей галактики!» Каково?

— Вот-вот.

— Бедный Инек, — произнесла Мэри с сожалением. — Мы тут сидим и развлекаемся шуточками, а у него столько проблем.

— Не мне их, конечно, решать, — ответил Инек, — но все-таки они меня беспокоят. Впрочем, чтобы избавиться от них, достаточно не выходить из дома, и все проблемы исчезнут. Когда дверь дома захлопывается, проблемы Земли остаются снаружи.

— Но ты не можешь так поступить.

— Не могу.

— Я думаю, ты прав, полагая, что другие расы наблюдают за нами, — сказал Дэвид. — Может быть, с намерением в один прекрасный день пригласить человечество присоединиться к ним. Иначе зачем бы им понадобилась станция здесь, на Земле?

— Они расширяют транспортную сеть постоянно. И станция в нашей Солнечной системе была нужна им, чтобы продлить маршрут в этом спиральном рукаве галактики.

— Да, верно, — согласился Дэвид, — но почему именно на Земле? Они могли построить станцию на Марсе. Назначили бы смотрителем кого-нибудь из своих, и все было бы прекрасно.

— Я об этом часто думаю, — сказала Мэри. — Им понадобилась станция именно на Земле и смотритель — землянин. Должно быть, для этого есть какая-то серьезная причина.

— Я тоже надеялся, но, боюсь, они пришли слишком рано. Слишком рано для человечества. Мы еще не повзрослели. Мы все еще подростки.

— А как жаль! — вздохнула Мэри. — Мы могли бы многому от них научиться. Ведь они знают куда больше нас. Взять, например, их концепцию религии...

— Я не думаю, — сказал Инек, — что это на самом деле религия. У них нет привычных ритуалов, что мы ассоциируем с религией. И основа-

но их мироощущение не на вере. В ней нет необходимости. Их понимание основано на знании. Они просто знают.

— Ты имеешь в виду энергию духовности...

— Да, и это такая же сила, как и все другие, из которых складывается Вселенная. Энергия духовности существует точно так же, как время, пространство, гравитация и все те факторы, что характеризуют нематериальную сторону Вселенной. Она просто есть, и люди галактического содружества научились ее использовать.

— Но, видимо, люди Земли тоже ее ощущают? — спросил Дэвид. — Они не знают о ее существовании, но чувствуют что-то. И тянутся к ней. Поскольку точного знания нет, людям остается только вера, которая имеет давнюю историю. Может быть, еще с пещерных времен. Это грубая, примитивная вера, но тоже вера, поиск, попытка.

— Очевидно, да, — ответил Инек. — Но на самом деле я думаю не об энергии духовности. Я имел в виду другое — практические достижения, научные методы, философские концепции, которые человечество могло бы использовать. Назови любую отрасль науки — и у них наверняка найдется что-то для нас новое, потому что они знают гораздо больше нас.

Однако мысли Инека возвратились к удивительной концепции энергии духовности и еще более удивительной машине, построенной много тысячелетий назад, с помощью которой жители галактики черпали эту энергию. У машины было название, но подобрать близкое ему по значению на родном языке оказалось трудно. Ближе всего подходило слово «талисман», но Инек считал его слишком неточным, хотя именно такое слово употребил Улисс, когда они впервые разговаривали об этом много лет назад.

Там, в галактике, существовало столько удивительного, столько различных концепций, и многие из них просто нельзя ни изложить, ни объяснить ни на одном из языков Земли. Талисман — это не просто талисман, и машина, которую так назвали, — не просто машина. Помимо определенных механических принципов в нее заложили принципы духовные, может быть, некий резонатор психической энергии, неизвестной на Земле. Это и еще многое другое. В свое время он знакомился с литературой, посвященной энергии духовности и Талисману, и, читая, осознавал, насколько далек от истинного понимания, насколько далеко от понимания все человечество.

Привести Талисман в действие могли лишь некоторые существа с определенными особенностями мышления и еще некими свойствами (может быть, думал он, это особые качества души?). Термин, которым этих существ называли, Инек перевел для себя как «восприимцы», хотя его и здесь не оставляли сомнения в точности соответствия. Хранился Талисман у наиболее способного, или наиболее умелого, или наиболее преданного из галактических восприимцев, который переносил его от звезды к звезде, — этакое бесконечное шествие. Через Талисман и его хранителя обитатели каждой планеты черпали вселенскую энергию духовности.

Мысль об этом буквально потрясла, наполняя душу восторгом. Мысль о возможности соприкоснуться с духовностью, заполняющей галактику и,

без сомнения, Вселенную целиком. Как это, должно быть, замечательно, думал он, и сколько уверенности рождает в том, что жизнь занимает особое место в великой схеме бытия, что даже один-единственный человек, независимо от того, сколь он мал, слаб и незначителен, все же наделен важной ролью в грандиозном действии, развертывающемся в пространстве времени.

— Что-то случилось, Инек? — спросила Мэри.

— Нет, ничего, — ответил он. — Я просто задумался. Прошу прощения.

— Ты говорил о том, какие великие открытия ждут нас в галактике, — сказал Дэвид. — Вот тот, например, раздел математики, о котором ты когда-то нам рассказывал...

— Ты имеешь в виду математику Арктура? Я и сейчас знаю не больше, чем тогда. Слишком для меня сложно. Этот раздел математики основан на поведенческом символизме.

Трудно даже назвать эту дисциплину математикой, думал он, хотя, если вдуматься, математика — самый подходящий термин. Это именно то, чего, без сомнения, не хватает ученым Земли, чтобы их социальные исследования оказывались эффективными и логичными в такой же степени, как эффективны и логичны механизмы, создаваемые на планете с помощью традиционных разделов математики.

— А вспомни биологию, созданную расой из созвездия Андромеды, которая заселила все эти непокорные планеты, — сказала Мэри.

— Да, я помню. Но Земля должна развиться и интеллектуально, и морально, прежде чем мы сможем рискнуть по их примеру использовать такие знания. Хотя, я думаю, даже сейчас им нашлось бы применение.

При воспоминании о том, как андромедяне использовали свои знания, его охватывала дрожь. Видимо, это доказывало, что он все еще гражданин Земли, которому по-прежнему близки все пристрастия, предубеждения и привычки человеческого разума. Потому что андромедяне поступили в полном соответствии со здравым смыслом. Если ты не можешь колонизировать планету, оставаясь самим собой, в том виде, в каком существуешь, тогда ты просто изменяешься. Превращаешь себя в существо, которое способно на этой планете жить, и подчиняешь ее себе. Если надо стать червем, становишься червем. Или насекомым, или моллюском, или чем-то еще — чем или кем нужно. И меняешь ты при этом не только тело, но и разум, меняешь его до такой степени, какая необходима, чтобы выжить на этой планете.

— А все их лекарства? — продолжала Мэри. — Все медицинские знания, которые можно было бы использовать на Земле. Хотя бы тот маленький набор, что прислали тебе из Галактического Центра.

— Да, набор лекарств, которые могли бы вылечить практически любую болезнь на Земле. Это мучит меня, пожалуй, сильнее всего. Знать, что они вот там, в шкафу, то есть уже на этой планете, где в них нуждается так много людей...

— Ты мог бы отправить образцы каким-нибудь медицинским организациям или производителям лекарств, — сказал Дэвид.

Инек покачал головой.

— Я уже думал об этом. Но я должен помнить и о галактике, о своих обязательствах перед Галактическим Центром. Они так старались, чтобы станция осталась незамеченной. Мне нужно думать об Улиссе и обо всех моих друзьях. Я не могу разрушить их планы. Не могу предать их. И вообще, если вдуматься, Галактический Центр и работа, которую они выполняют, — все это гораздо важнее, чем одна только Земля.

— И нашим, и вашим, значит, — произнес Дэвид с легкой издевкой в голосе.

— Вот именно. Одно время — много лет назад — я хотел написать несколько статей для научных журналов. Не медицинских, разумеется, потому что я ничего не смыслю в медицине. Лекарства у меня есть, лежат себе на полке, и к ним даже приложены инструкции по использованию, но это таблетки, порошки, мази или что-то там еще — все уже готовое. Однако я все-таки набрался кое-каких знаний в других областях, что-то понял. Не очень много, но, во всяком случае, достаточно, чтобы намекнуть, в каком направлении надо двигаться. Для людей сведущих это вполне могло бы послужить толчком.

— Вряд ли из этого что-нибудь вышло бы, — заметил Дэвид. — У тебя нет практического опыта исследования. Ты нигде не учился и не связан ни с одним из колледжей или научных центров. Тебя бы просто не напечатали, если бы ты не представил каких-либо доказательств.

— Это я понимаю, конечно. Потому и не стал никуда писать. Я знал, что это безнадежно. Да и какие могут быть претензии к научным журналам — они ведь должны отвечать за то, что печатают. Их страницы открыты отнюдь не для любого желающего. Но даже если бы редакторы отнеслись к моим статьям уважительно и захотели их опубликовать, они непременно захотели бы узнать, кто я такой. А это привело бы их к станции.

— Но даже если бы ты сумел остаться в тени, — добавил Дэвид, — не только в этом все дело. Вот ты говорил о своей лояльности к Галактическому Центру...

— Если бы на меня никто не обращал внимания, все было бы в порядке. Если бы я мог просто подбрасывать земным ученым идеи, чтобы они сами разрабатывали их дальше, это не принесло бы вреда Галактическому Центру. Главная проблема в том, чтобы не раскрывать источник идей.

— Видимо, даже в этом случае ты все равно не смог бы сообщить слишком много, — сказал Дэвид. — У тебя нет достаточно подробных данных, чтобы на их основе можно было сделать что-то значительное. Галактическая наука слишком далека от привычных наезженных дорог.

— Это я понимаю, — ответил Инек. — Например, психотехника Манкалинена-III. Если бы Земля располагала этими знаниями, люди наверняка

нашли бы способы лечения нервных и умственных расстройств. Мы освободили бы бесчисленные заведения для нервнобольных, а потом снесли бы их или использовали для чего-то другого. Они просто стали бы ненужными. Но, кроме жителей Манкалинена-III, нас некому научить. Сам я знаю только, что они достигли в психотехнике невероятных успехов, но больше мне ничего не известно. Ведь я ничего не смыслю в этой науке. Точные знания можно получить только от них, от жителей звезд.

— Ты все время говоришь о неизвестных науках, — сказала Мэри. — Люди еще даже не подозревают об их существовании.

— И не только люди — мы тоже, — добавил Дэвид.

— Дэвид! — воскликнула Мэри.

— Нам незачем прикидываться людьми, — ответил Дэвид рассерженно.

— Но вы — люди, — сказал Инек с усилием. — Для меня вы — люди. Кроме вас, у меня никого нет. В чем дело, Дэвид?

— Мне кажется пришло время сказать, кто мы на самом деле, — ответил тот. — Мы — иллюзии, плод воображения. Мы созданы тобой с единственной целью: появляться и разговаривать с тобой, заменяя тебе настоящих людей, общения с которыми ты лишен.

— Но ты ведь так не думаешь, Мэри! — крикнул Инек. — Ты не можешь так думать!

Он потянулся к ней и тут же безвольно уронил руки, с ужасом осознав, что хотел сделать. Впервые в жизни Инек попытался дотронуться до нее, впервые за все эти годы он забылся.

— Извини, Мэри. Мне не следовало этого делать.

Глаза ее заблестели слезами.

— Если бы это было возможно! — вздохнула она. — Я так хотела бы, чтобы это было возможно!

— Дэвид, — позвал Инек, не поворачивая головы.

— Дэвид ушел, — сказала Мэри. — Он не вернется. — Мэри медленно покачала головой.

— В чем дело, Мэри? Что происходит? Что я такое наделал?

— Ничего, — ответила она, — если не считать, что ты сделал нас слишком похожими на людей. Настолько похожими, что у нас появились все человеческие качества. И теперь мы уже не марионетки, не красивые куклы, мы — люди! Мне кажется, именно это мучило Дэвида больше всего — не то, что он человек, а то, что, став человеком, он по-прежнему остается тенью. Раньше, когда мы были куклами, это не имело значения. У нас не было тогда человеческих чувств.

— Прости меня, Мэри, — произнес Инек. — Прошу тебя, прости!

Она наклонилась к нему, и лицо ее озарилось нежностью.

— Ты ни в чем не виноват. Скорее, мы должны благодарить тебя. Ты создал нас, потому что любил, и это прекрасно — знать, что ты любима и нужна.

— Но теперь по-иному, — молвил Инек. — Теперь вы приходите ко мне сами, по собственной воле.

Сколько лет уже прошло? Должно быть, все пятьдесят. Мэри стала первой. Дэвид — вторым. Из всех, кого воскрешало его воображение, они были ближе и дороже других.

А сколько лет минуло с тех пор, как он попытался сделать это впервые? Сколько лет провел он, изучая безымянную науку, созданную чудотворцами Альфарда-XXII?

Когда-то, в прежние дни, при его прежнем отношении к жизни, все это могло показаться ему черной магией, хотя черная магия была тут ни при чем. Скорее, упорядоченные манипуляции некими естественными характеристиками Вселенной, о которых человечество еще не подозревает. Может быть, оно никогда их не откроет. Потому что на Земле просто не существовало — по крайней мере в настоящее время — направления научной мысли, необходимого для появления исследований, которые могли бы привести к такому открытию.

— Дэвид чувствовал, — сказала Мэри, — что так не может продолжаться вечно. Эти наши благочинные визиты... Рано или поздно должно было наступить время, когда нам пришлось бы признаться себе, кто мы такие.

— И остальные тоже так решили?

— К сожалению, да, Инек. Остальные тоже...

— А ты? Ты сама, Мэри?

— Не знаю, — ответила она. — Для меня все это по-другому... Я люблю тебя.

— И я тебя.

— Нет, ты не понимаешь! Я и в правду влюблена в тебя.

Инек застыл, глядя на нее, и ему почудилось, что весь мир заполнился грохотом, словно он сам остановился, а пространство и время все также несутся мимо него.

— Если бы все оставалось по-прежнему, как вначале... — произнесла Мэри. — Тогда мы радовались своему существованию, эмоции наши были еще не столь глубокими, и нам казалось, что мы счастливы. Как маленькие беспечные дети, что играют на улице под яркими лучами солнца. Но потом мы повзрослели. И возможно, я больше, чем другие.

Она улыбнулась Инеку, но в глазах у нее стояли слезы.

— Не принимай это так близко к сердцу. Мы можем...

— Мэри, дорогая, — сказал Инек. — Я полюбил тебя с того самого дня, когда мы встретились впервые. А может быть, и раньше.

Он потянулся было к ней, но тут же опомнился и опустил руку.

— Я не знала этого,— проговорила Мэри. — Наверно, мне не следовало признаваться тебе... Если бы ты не знал, что я тоже тебя люблю, тебе, возможно, было бы легче.

Инек удрученно кивнул. Мэри склонила голову и прошептала:

— Боже праведный, за что ты обрушил на нас свою немилость? Мы ничем не заслужили такой кары.

Она подняла голову, посмотрела Инеку в глаза и добавила:

— Мне бы только коснуться тебя...

— Мы может встречаться, как раньше, — сказал Инек. — Приходи в любое время, когда захочешь. Мы...

Она покачала головой.

— Теперь уже не получится. Для нас обоих это будет слишком тяжело.

И Инек понял, что она права, что все кончено. Целых пятьдесят лет и Мэри, и другие люди-тени появлялись в доме, чтобы повидаться с ним. Но теперь они не вернутся. Сказочное королевство рассыпалось в прах, волшебные чары развеялись. Отныне он будет одинок — более одинок, чем когда-либо, более одинок, чем до знакомства с ней.

Сама она не вернется, а у него не хватит духу вызвать ее снова, даже если бы он смог, — теперь мир теней и его любовь, единственная любовь в его жизни, уйдут навсегда.

— Прощай, моя любимая, — произнес он.

Но было уже поздно — Мэри исчезла.

И откуда-то издалека, как поначалу показалось Инеку, до него донесся свист аппарата связи, требующего внимания к новому сообщению.

13

«Пришлось бы признаться себе, кто мы такие», — сказала Мэри.

А действительно, кто они? Не в его представлении, а на самом деле? Что они думают о самих себе? Может быть, им известно больше, чем ему?

Куда ушла Мэри? В каком неизвестном измерении растворилась она, покинув эту комнату? Существует ли она сейчас? И если да, то что это за существование? Может быть, она лежит, словно кукла, в коробке, куда маленькие девочки прячут свои игрушки, убирая их в шкаф. А рядом хранятся все остальные куклы...

Инек попытался представить себе это вневременное, затерянное измерение, и воображение рисовало ему серую пустоту, где его прежние друзья существовали в небытии, где не было ни пространства, ни времени, ни света, ни воздуха, ни цвета, ни видения — одна бескрайняя пустота, которая простирается за пределами Вселенной.

«Мэри! — кричала его душа, — Мэри, что я натворил?»

Ответ лежал на поверхности — безжалостный и холодный.

Он вмешался в нечто такое, чего не понимал, и тем самым совершил еще больший грех, считая, что все понимает. На самом деле он понял самую малость — ровно столько, чтобы заставить принцип сработать, — но он не понял, не смог предугадать, какие будут последствия.

Акт творения подразумевал ответственность, а он был готов лишь к моральной ответственности за причиненное зло, но ничем не мог помочь, а значит, был совершенно бессилен.

Они ненавидели его, негодовали, и Инек даже не мог их за это осуждать, потому что именно он вызвал их из небытия, показал им мир людей, а затем вернул обратно. Он дал им все, чем располагает человек, за одним, но самым важным исключением — им не дано было способности существовать в мире людей.

И они возненавидели его, все, кроме Мэри, но с Мэри было еще хуже. На нее он обрушил проклятье, ибо, вдохнув в нее все человеческое, он обрек Мэри на любовь к сотворившему ее чудовищу.

«Ты вправе ненавидеть меня, Мэри, — твердил он. — Как и все другие».

Люди-тени — так Инек их называл, но это всего лишь термин, который он придумал для себя, для собственного удобства, аккуратный ярлык, которым он всех их пометил, чтобы как-то отличать, когда о них думал.

Оказалось, ярлык неудачен, потому что они не тени и не призраки. Выглядели его творения так же материально, как любые другие люди. И только если попытаться прикоснуться, становилось понятно, что они нереальны: рука не чувствовала решительно ничего.

Игра воображения, как ему казалось прежде, но потом Инек начал сомневаться. Раньше они являлись, лишь когда он звал их, используя знания и приемы, приобретенные за годы изучения работ чудотворцев с Альфарда-XXII. Но в последние годы он ни разу не позвал их сам. Не приходилось. Они всегда появлялись сами. Словно чувствовали, что вот-вот понадобятся, они предчувствовали, что он их позовет, знали это еще до того, как у него возникало желание увидеть их, и появлялись вдруг в комнате, чтобы провести с ним час или целый вечер.

Конечно, в определенном смысле они действительно плод его фантазии; создавая их, Инек сам не знал, почему создает именно такими. Позже понял, хотя старался гнать от себя это прозрение, предпочитая прежнее неведение. Долгие годы он старательно загонял объяснение в самый дальний угол памяти. Но теперь, когда они покинули его, Инек наконец взглянул правде в глаза.

Дэвид Рэнсон был он сам, каким он мечтал себя видеть, каким хотел быть и, разумеется, каким он никогда не был. Удалой офицер северян, не в очень высоком звании — в том смысле, что не этакий отяжелевший, солидный вояка, — но с определенным положением в обществе. Подтянутый, жизнерадостный и, без сомнения, отчаянный храбрец, которого любят все женщины и уважают все мужчины. Прирожденный вожак и в то же время хороший друг, человек, который везде чувствует себя на месте — и на поле битвы, и в светской гостиной.

А Мэри? Странно, подумал Инек, что я всегда называл ее только по имени. У нее никогда не было фамилии, просто Мэри.

Но в ней слились две женщины — по меньшей мере две. Одна из них — Салли Браун, которая жила неподалеку от Уоллисов... Сколько лет уже прошло с тех пор, когда он в последний раз вспоминал Салли Браун? Странно, подумалось ему, что он так давно о ней не вспоминал, и теперь воспоми-

нание о соседской девушке по имени Салли Браун буквально потрясло его. Ведь когда-то они любили друг друга, или по крайней мере им так казалось. Даже в более поздние годы, когда Салли вспоминалась уже сквозь романтическую дымку времени, Инек все равно не был уверен, любовь это была или просто фантазия молодого солдата, уходящего на войну. Робкое, еще неопределившееся чувство, любовь дочери фермера к сыну фермера-соседа. Они хотели пожениться, когда он вернется с войны, но спустя несколько дней после сражения под Геттисбергом Инек получил письмо, написанное тремя неделями раньше, в котором сообщалось, что Салли Браун умерла от дифтерии. Он, помнилось, горевал, и, хотя в памяти не сохранилось, насколько сильно, видимо, сильно и долго, потому что в те времена это было принято.

Так что в Мэри воплотилась Салли Браун, но лишь отчасти. Точно так же в ней проявился и образ той высокой, стройной дочери Юга, женщины, которую он видел только один раз, да и то мельком, когда их колонна двигалась пыльной дорогой под жарким солнцем Виргинии. Чуть в глубине от дороги высился особняк, один из тех больших домов, что строили тогда владельцы плантаций, и там, в портике, у высокой белой колонны, стояла женщина и смотрела на проходящих мимо врагов. Черные волосы и белая — белее, чем мрамор колонны, — кожа. Так прямо и гордо она держалась, глядела на них с таким вызовом и непокорством, что Инек запомнил ее и часто мечтал о ней, даже не зная ее имени, пока тянулись пропыленные, потные, кровавые дни войны. Вспоминая южанку, Инек все время думал: а не изменяет ли он тем самым своей Салли? Порой, сидя у костра или завернувшись в одеяло и глядя на звезды, он представлял, как после войны вернется в Виргинию и найдет эту женщину. Возможно, ее уже не будет в том доме, но он обойдет весь Юг и обязательно отыщет ее. Конечно же, он туда не поехал, да и не помышлял об этом всерьез. Так, мечты у костра...

Одним словом, Мэри воплотила в себе их обеих — и Салли Браун, и ту неизвестную красавицу из Виргинии, что стояла у колонны, провожая взглядом марширующие войска. Она стала их тенью и, может быть, тенью многих других — он бы затруднился сказать, кого именно, — своего рода символом всего того, что Инек знал о женщинах, что видел и чем восхищался. Идеал. Совершенство. Безукоризненная женщина, созданная его воображением. И вот теперь она ушла из его жизни — как Салли Браун, спящая в земле, как та красавица из Виргинии, затерявшаяся в тумане времени, как все другие, возможно принесшие что-то в образ Мэри.

Да, он любил ее, в ней слились воедино все женщины, которых он когда-то любил (а было ли это в его жизни?) или представлял себе, что любит, просто придумывая их образы.

Но что и она может полюбить его — такое никогда не приходило Инеку в голову. И потому он жил относительно спокойно, храня свою любовь глубоко в душе, понимая, что она и безнадежна, и невозможна, но другой ему не дано.

Где сейчас Мэри? Куда она ушла? В то вневременное измерение, что он пытался себе представить, или в какое-то странное небытие, откуда, не заметив унесшихся лет, она когда-нибудь снова возвратится к нему?

Инек спрятал лицо в ладони, мучаясь от жалости к самому себе и чувства вины.

Она не вернется. И пусть не возвращается — он даже хотел этого. Так будет лучше для них обоих.

Вот только знать бы, где она сейчас. Только бы быть уверенным, что для нее наступило некое подобие смерти, что ее не терзают мысли и воспоминания. Невыносимо было думать, что она страдает.

Услышав наконец свист аппарата связи, Инек поднял голову, но не двинулся с места. Руки его потянулись к кофейному столику у дивана, уставленному наиболее яркими безделушками и сувенирами из тех, что дарили ему путешественники.

Взяв со столика первое, что попалось под руку, — кубик, выполненный то ли из какого-то странного стекла, то ли из полупрозрачного камня, то ли из какого-то неизвестного вещества (он так до сих пор и не разобрался, из чего), — Инек обхватил его ладонями и, вглядевшись внутрь, увидел крошечную панораму царства фей — трехмерную и с мельчайшими подробностями. Уютное сказочное местечко, лесная поляна в окружении цветистых грибов-поганок. Сверху, легкие, воздушные, медленно падали разноцветные сверкающие снежинки; они блестели и искрились в сиреневых лучах большого голубого солнца. На прогалине танцевали маленькие существа, похожие, скорее, на цветы, и двигались они так грациозно и вдохновенно, что от их танца в крови разгорался огонь. Затем царство фей исчезло, и на его месте возникла новая картинка — дикий, мрачный пейзаж с суровыми, изъеденными ветром, крутыми скалами на фоне злого красного неба. Вдоль отвесных скал метались вверх-вниз большие летучие твари, похожие на трепещущие на ветру рваные тряпки. Время от времени они усаживались на тощие коряги, торчащие прямо из отвесных скал, — очевидно, уродливые местные деревья. А откуда-то снизу, настолько издалека, что о расстоянии можно было только догадываться, доносился тяжелый грохот одинокой стремительной реки.

Инек положил кубик обратно на стол. Что же он видит в его глубинах? Впечатление такое, словно листаешь альбом с новым пейзажем на каждой странице, но без единого разъяснения, где находятся все эти удивительные места. Когда ему подарили кубик, он, словно зачарованный, часами держал его в руках, разглядывая сцену за сценой. За все это время Инек ни разу не нашел картины, которая хоть в чем-то повторила бы уже виденные, и конца им не было. Порой ему начинало казаться, что он видит не картинки, а сами эти далекие миры и что в любое мгновение можно, не удержавшись, сорваться и полететь головой вниз прямо туда.

В конце концов это занятие ему приелось: бессмысленно просматривать длинные вереницы пейзажей, не зная, где эти места. Разумеется, бессмысленно для него, но не для жителя Энифа-V, который и подарил ему удиви-

тельный кубик. Не исключено, говорил себе Инек, что на самом деле вещь эта нужная и очень ценная.

Так случалось с большинством подарков. Даже те, которые доставляли ему радость и удовольствие, он, вполне возможно, использовал неправильно или, во всяком случае, не по назначению.

Однако среди всех этих даров встречались и такие — хотя их набралось не так уж много — назначение которых он действительно понимал и которыми дорожил, несмотря на то, что ему порой не было от них никакого проку. Например, маленькие часы, показывавшие время для всех секторов галактики: занятная вещица, даже в определенных обстоятельствах необходимая, но для него она большой ценности не имела. Или смеситель запахов — так он по крайней мере его называл — который позволял создавать по желанию любые ароматы. Нужно только указать смесь, включить приборчик — и всю комнату тут же заполнял выбранный аромат, который держался, пока аппарат продолжал работать. Однажды студеной зимой эта машина здорово его позабавила: после долгих проб и ошибок он подобрал наконец аромат яблоневого цвета и целый день наслаждался весной, хотя за окном завывала вьюга.

Инек протянул руку и взял со столика еще один предмет — красивую вещицу, которая всегда интриговала его, хотя он так и не понял, для чего она нужна. Может быть, вообще ни для чего. Может быть, это произведение искусства, говорил он себе, просто красивая вещь, на которую нужно смотреть, и только. Однако у него каждый раз возникало ощущение (если это верное слово), что вещь должна выполнять какую-то конкретную функцию.

На вид — пирамида, сложенная из шариков, и чем выше расположены шарики, тем они меньше. Изящная игрушка, дюймов четырнадцати высотой, у каждого шарика свой цвет, и не только снаружи. Цвета такие глубокие и чистые, что с первого взгляда становилось понятно: шарик весь, от центра до поверхности, — одного ровного цвета.

Ни клея, ни чего-то похожего на клей на было заметно. Вся конструкция выглядела так, словно кто-то просто сложил шарики пирамидой, но они тем не менее прочно держались на местах.

Поворачивая пирамидку в руках, Инек тщетно пытался вспомнить, кто ему ее подарил.

Аппарат связи все еще свистел, напоминая, что пора заняться делом. Нельзя же, в конце концов, сидеть весь день на одном месте, сказал себе Инек, и предаваться размышлениям. Он поставил пирамидку на место, поднялся и пошел к аппарату.

Сообщение гласило:

НОМЕР 406 303 СТАНЦИИ 18 327. ЖИТЕЛЬ ВЕГИ-XXI ПРИБЫТИЕМ В 16 532.82. ВРЕМЯ ОТБЫТИЯ НЕ ОПРЕДЕЛЕНО. БАГАЖА НЕТ. ПРИЕМНЫЙ КОНТЕЙНЕР. УСЛОВИЯ МЕСТНЫЕ. ПРОШУ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Проглядывая текст, Инек почувствовал, как теплеет у него на душе.

Будет неплохо снова повидать сиятеля. Последний был у него на станции уже больше месяца назад.

Он хорошо помнил, как встретил этих существ впервые, когда они прибыли сразу впятером. Случилось это году в 1914-м или, может быть, в 1915-м. В большом мире, как он знал, шла первая мировая война, которую все тогда называли Большой войной.

Сиятель появится примерно в одно время с Улиссом, и они прекрасно проведут вечер втроем. Не так уж часто случается, что прибывают сразу два хороших друга.

Он с удивлением отметил, что подумал о сиятеле как о друге, хотя, скорее всего, с тем, который должен прибыть, они никогда не встречались. Но это не имело значения: сиятель — любой сиятель — всегда оказывался другом.

Инек установил контейнер под материализатором и дважды удостоверился, что все работает как положено, затем подошел к аппарату связи и отправил подтверждение.

Все это время ему не давал покоя вопрос: в каком же году все-таки появился первый сиятель, в 1914-м или позже?

Выдвинув ящик картотеки, он отыскал Вегу-XXI. Первая дата — 12 июля 1915 года. Инек достал с полки дневник, отнес к столу и принялся листать, пока не нашел нужный день.

14

12 июля 1915 года. Сегодня после полудня (15.20) прибыли пять существ с Веги-XXI, первые жители этой планеты на моей станции. Двуногие, человекообразные, но кажется, что тела их не из плоти и крови (словно столь банальная материя слишком груба для таких существ), хотя на самом деле это плоть и кровь. Дело в том, что они светятся. Не то чтобы излучают свет, но за каждым из них неотступно следует какое-то сияние.

Насколько я понимаю, все пятеро — сожители, хотя, может быть, я ошибаюсь: такие вещи не всегда легко распознать. Счастливая компания близких друзей, чувствуется в них живой интерес и готовность радоваться — не чему-то конкретному, а самой Вселенной, словно они только что услышали какую-то понятную только им одним шутку про всю галактику.

Они направлялись на отдых и собирались посетить фестиваль (хотя, может быть, это не совсем точное слово), который представители различных цивилизаций устраивали на далекой планете. Как и почему их туда пригласили, я не понял. Видимо, приглашение на такое событие — большая честь, но они, мне показалось, совсем об этом не думали, а приняли приглашение очень просто, как свое право. Сиятели были в тот вечер веселы, беззаботны и уверены в себе, однако со временем я решил, что они таковы всегда, и, признаться, позавидовал этой их беззаботности и веселости. Более того, пытаясь представить себе, как эти существа восприни-

мают жизнь и Вселенную, я даже немного обиделся на них за то, что они так бездумны и счастливы.

В соответствии с инструкцией я развесил по комнате гамаки, где мои гости могли бы отдохнуть, но они ими так и не воспользовались. Сиятели привезли с собой большие корзины с едой и напитками и, устроившись за моим столом, принялись пировать и беседовать. Пригласили и меня, предварительно выбрав два блюда и бутылку с напитком, которые, по их заверениям, безопасны для метаболизма человека, — все остальное вызывало у них некоторые сомнения. Еда оказалась вкуснейшая, за свою жизнь я ни разу не пробовал ничего подобного, — одно блюдо напоминало деликатесный выдержанный сыр, другое — нектар, буквально таявший во рту. В бутылке оказалось нечто похожее по вкусу на бренди — желтого цвета, но совсем не крепкое.

Гости расспрашивали меня о жизни на моей планете, обо мне самом — деликатно и, похоже, с искренним интересом, причем понимали объяснения почти сразу. Сами они направлялись на планету, название которой мне никогда раньше и слышать не доводилось, но оживленный, веселый разговор велся таким образом, что я не оставался в стороне. Из этого разговора я понял, что фестиваль будет посвящен какой-то незнакомой мне форме искусства. Не музыка или живопись, а нечто сложенное из звука, цвета, эмоций, форм и многого другого, для чего на Земле не существовало названий. Я не очень хорошо понял, что это, уловив в данном случае лишь тему разговора, но у меня родилась догадка, что они говорят о некоей трехмерной симфонии (хотя это не очень точное выражение), которая создается сразу группой существ. Они с энтузиазмом обсуждали эту разновидность творчества, и я понял, что сами произведения исполняются даже не по нескольку часов, а целыми днями, что их нужно не просто слушать или смотреть, а как бы переживать, и публика, если она хочет воспринять их в полной мере, может и даже должна принимать в действии непосредственное участие. В чем это участие заключается, я, правда, не понял, но решил не выспрашивать. Они говорили о каких-то своих знакомых, с которыми должны там встретиться, вспоминали, когда видели их в последний раз, сплетничали — впрочем, довольно добродушно, — и от всего этого создавалось впечатление, что и они, и множество других обитателей Вселенной путешествуют с планеты на планету просто потому, что они счастливы. Была ли у путешествий какая-либо иная причина, кроме поиска наслаждений, я не уяснил. Возможно, была.

Мои гости разговаривали о других фестивалях, не обязательно посвященных именно одному этому виду искусства, но и еще каким-то более специализированным областям творчества; что это за области, мне понять не удалось. Фестивали дарили им радость и истинное счастье, но, как мне показалось, не только искусство наполняло их ощущением безграничного счастья — было в фестивалях что-то еще, очень важное и значительное. В разговор на эту тему я не вступал — не представилось такой возможности. По правде говоря, мне хотелось расспросить их поподробнее, но по-

чему-то так и не удалось. Может, мои вопросы показались бы им глупыми, однако меня это не пугало, просто не удалось их порасспрашивать. Но хоть я и не задавал вопросов, они каким-то образом заставляли меня чувствовать, что я тоже участвую в разговоре. Никаких очевидных попыток никто не предпринимал, но тем не менее мне постоянно казалось, что я не просто смотритель станции, с которым им случилось провести вместе несколько часов, а один из них. Временами гости говорили на языке своей планеты — один из самых красивых языков, которые мне доводилось слышать, — но по большей части они пользовались диалектом, распространенным среди множества гуманоидных рас, своего рода посредническим языком, созданным для удобства общения. Подозреваю, что это делалось из уважения ко мне. Похоже, сиятели наиболее цивилизованные люди из всех тех, с кем мне доводилось встречаться.

Я уже писал, что они светятся, и думаю, это свет души. Их постоянно сопровождает некое искрящееся золотое сияние, приносящее счастье всем, кого оно коснется, — будто они существуют в каком-то особом мире, который неведом другим. Когда я сидел с ними за столом, золотое сияние охватывало меня со всех сторон, и мою душу наполняло странное умиротворение, по всему телу струились глубинные токи счастья. Каким образом они и их мир достигли этого золотого благоденствия и возможно ли, что когда-нибудь мой мир придет к тому же, — вот что мне хотелось бы узнать.

Счастье их зиждется на присущей сиятелям кипучей энергии, на бурлящем, искрометном духе, стержень которого — внутренняя сила и любовь к жизни, заполняющая, кажется, каждую их клеточку, каждую секунду прожитого времени.

В распоряжении моих гостей было только два часа, но время промчалось стремительно, и мне даже пришлось напомнить им, что пора отправляться дальше. Перед отбытием они поставили на стол две коробки, сказав, что дарят их содержимое мне, затем поблагодарили меня за угощение (хотя благодарить-то должен был я), попрощались и забрались в контейнер (специальный, крупногабаритный), после чего я отправил их в путь. Но даже когда их не стало, в комнате еще больше часа мерцало золотое сияние. Как хотелось мне отправиться с ними на фестиваль на далекой планете!

В одной из оставленных коробок оказалась дюжина бутылок с похожим на бренди напитком; каждая из них — сама по себе произведение искусства, у каждой — своя неповторимая форма, причем изготовлены они не иначе как из алмаза, то ли из искусственного, то ли из целого — этого я определить не смог. Одно я понимал — они бесценны; каждая украшена поразительно богатым орнаментом, каждая красива по-своему. Во второй коробке лежал... За отсутствием другого названия назовем этот предмет музыкальной шкатулкой. Сама шкатулка сделана как будто из кости, желтоватой, гладкой, как атлас, и украшенной множеством схематических рисунков, значения которых мне, очевидно, никогда не понять. На крышке

шкатулки — круглая рукоятка, обрамленная шкалой с делениями. Когда я повернул ее до первого деления, послышалась музыка, всю комнату заполнили многоцветные всполохи, а сквозь них как бы светилось знакомое золотое сияние. Еще эта шкатулка источала запахи, наплывы чувств, эмоции — не знаю, что именно, но что-то такое, от чего становилось то грустно, то радостно, то еще как-то, как повелевали музыка, цвета и запахи. Целый мир вырывался из шкатулки, дивный мир, и ты жил в этом творении искусства, отдаваясь ему всем своим существом, — всеми эмоциями, верой и разумом. Я уверен, что это то самое искусство, о котором говорили мои гости. И не одна запись, а целых 206, потому что именно столько делений на круглой шкале и каждому делению соответствует новое сочинение. В будущем я обязательно проиграю их все, сделаю заметки, подберу, может быть, название каждому в соответствии с композицией, и, наверно, это будет не только развлечение, но и возможность узнать что-то новое.

15

Двенадцать алмазных бутылок, давно уже пустых, стояли теперь на каминной полке. Музыкальная шкатулка хранилась среди наиболее дорогих Инеку подарков в одном из шкафов. И за все эти годы, подумал он не без огорчения, ему так и не удалось проиграть весь набор композиций до конца, хотя пользовался шкатулкой он постоянно, — так много было уже знакомых, которые хотелось слушать снова и снова, что он едва перебрался за середину шкалы.

Сиятели, все та же пятерка, прибывали к нему на станцию не один раз — возможно, им чем-то понравилась эта станция, а может, и сам смотритель. Они помогали ему выучить веганский язык и помимо разных других вещей нередко привозили с собой свитки с литературными произведениями родной планеты; без всякого сомнения, они стали его лучшими друзьями среди инопланетян, если не считать Улисса. Но потом они вдруг перестали появляться, и Инек не мог понять почему; он спрашивал о них у других сиятелей, когда те прибывали на станцию, но так и не узнал, что случилось с его друзьями.

Теперь он понимал сиятелей, их искусство, традиции, обычаи и историю гораздо лучше, чем в тот день в 1915 году, когда впервые описал их в своем дневнике. Однако даже сейчас многие привычные для них идеи давались ему с большим трудом.

С 1915 года он встречал много сиятелей, но одного из них запомнил особенно хорошо — старого мудреца-философа, который умер у него в комнате, на полу возле дивана.

Они тогда сидели рядом, разговаривали, и Инек даже помнил, о чем был разговор. Старик рассказывал об извращенном этическом кодексе, одновременно бессмысленном и комичном, выработанном странной расой

растительных существ, с которой ему довелось встретиться во время посещения планеты на другом краю галактики, далеко в стороне от привычных маршрутов. Старый сиятель выпил за обедом пару бокалов золотистого напитка и, находясь в прекрасном расположении духа, с удовольствием рассказывал случаи из своей жизни.

Но вдруг, прямо посреди фразы, он умолк и резко склонился вперед. Инек в растерянности протянул руку, но, прежде чем он успел до него дотронуться, сиятель соскользнул с дивана на пол.

Его золотое сияние потускнело, несколько раз мигнуло и исчезло совсем, оставив на полу лишь тело, угловатое, костлявое, уродливое, — тело чужеродного, одновременно жалкого и чудовищного существа. Более чудовищного, казалось Инеку, чем все, что ему доводилось видеть раньше.

При жизни это было замечательное создание, но теперь, когда пришла смерть, оно превратилось в отвратительный скелет, заполняющий мешок из чешуйчатой натянутой кожи. Видимо, думал Инек, с трудом подавляя в себе смятение, именно золотое сияние делало его таким замечательным и красивым, таким живым, стремительным и преисполненным величия. Это золотое сияние было самой жизнью, и, когда оно уходило, оставалось нечто ужасное, при одном только взгляде вызывающее отвращение.

Если этот золотистый туман и есть животворное начало сиятелей, то очевидно, они носили его как окутывающий плащ — нечто вроде маскарадного костюма, скрывающего их истинный облик. И ведь как странно: они носили свое животворительное начало снаружи, тогда как у всех остальных существ оно внутри.

Под крышей жалобно стонал ветер, а в окно Инек видел, как проносятся, то и дело закрывая луну, взбирающуюся по восточному небосклону, батальоны рваных облаков. На станции стало холодно, одиноко, и это одиночество, казалось, простирается далеко-далеко за пределы привычного земного одиночества.

На негнущихся ногах Инек прошел к аппарату связи. Вызвал Галактический Центр и стал ждать ответа, опершись на машину обеими руками.

— К ПРИЕМУ ГОТОВЫ, — ответил Центр.

Коротко и как мог беспристрастно Инек обрисовал случившееся на станции. В Центре это не вызвало ни замешательства, ни вопросов. Они просто дали ему указания, как следует поступить (словно такое случалось нередко). Веганец должен остаться на планете, где застигла его смерть. С телом необходимо поступить, как того требуют местные обычаи. Таков закон жителей Веги-XXI, и это его долг перед покойным. Веганец должен оставаться там, где он скончался, и это место навсегда становилось как бы частью Веги-XXI. Такие места, сообщил Галактический Центр, есть по всей галактике.

— НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ, — напечатал Инек, — ПРИНЯТО ПОГРЕБАТЬ ПОКОЙНЫХ В ЗЕМЛЕ.

— ТОГДА ПОХОРОНИТЕ ВЕГАНЦА.

— ПРИНЯТО ТАКЖЕ ЗАЧИТЫВАТЬ ОДИН-ДВА СТИХА ИЗ НАШЕЙ СВЯТОЙ КНИГИ.

— ПРОЧТИТЕ ДЛЯ ВЕГАНЦА СТИХ. ВЫ В СОСТОЯНИИ СПРАВИТЬСЯ СО ВСЕМИ ЭТИМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ?

— ДА. ХОТЯ ОБЫЧНО ЭТО ДЕЛАЕТ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ, НО В ДАННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПРИГЛАШАТЬ ЕГО БЫЛО БЫ НЕРАЗУМНО.

— СОГЛАСНЫ. ВЫ СМОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ ВСЕ САМИ?

— ДА.

— ТОГДА ДЕЛАЙТЕ САМИ.

— ПРИБУДУТ ЛИ НА ПОХОРОНЫ РОДСТВЕННИКИ ИЛИ ДРУЗЬЯ ПОКОЙНОГО?

— НЕТ.

— ВЫ ИМ СООБЩИТЕ?

— ДА, ПО ОФИЦИАЛЬНЫМ КАНАЛАМ. НО ОНИ УЖЕ ЗНАЮТ.

— ОН УМЕР ТОЛЬКО ЧТО.

— ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ОНИ ЗНАЮТ.

— КАК Я ДОЛЖЕН ОФОРМИТЬ СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ?

— В ЭТОМ НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ. НА ВЕГЕ-XXI УЖЕ ЗНАЮТ, ОТЧЕГО ОН УМЕР.

— ЧТО ДЕЛАТЬ С БАГАЖОМ? ЗДЕСЬ ЦЕЛЫЙ КОНТЕЙНЕР.

— ОСТАВЬТЕ СЕБЕ. ОН ВАШ, В БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА УСЛУГУ, КОТОРУЮ ВЫ ОКАЖЕТЕ ВЫСОКОЧТИМОМУ ПОКОЙНОМУ. ЭТО ТАКЖЕ ЗАКОН.

— ВОЗМОЖНО, ТАМ ЧТО-ТО ВАЖНОЕ.

— ВЫ ДОЛЖНЫ ОСТАВИТЬ КОНТЕЙНЕР СЕБЕ. ОТКАЗ СОЧТУТ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ПАМЯТИ ПОКОЙНОГО.

— ЕЩЕ КАКИЕ-НИБУДЬ УКАЗАНИЯ БУДУТ?

— НЕТ. ДЕЙСТВУЙТЕ ТАК, КАК БУДТО ЭТО ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ.

Убрав текст с экрана, Инек вернулся к дивану и остановился перед сиятелем, собираясь с духом, чтобы наклониться и поднять его с пола. Очень не хотелось прикасаться к телу. Ему казалось, что перед ним лежит что-то жуткое, нечистое, словно это какая-то подделка, муляж того сияющего существа, которое недавно сидело рядом с ним и разговаривало.

Инек полюбил сиятелей с того самого дня, как встретил их впервые, он восхищался ими, и каждой новой встречи ждал с нетерпением — встречи с любым из них. А теперь он весь сжался от ужаса, не в силах заставить себя прикоснуться к мертвому сиятелю.

И дело было даже не в боязни, поскольку за долгие годы работы смотрителем ему не раз доводилось видеть совершенно кошмарных инопланетян. Он научился подавлять свои чувства и уже не обращал внимания на внешний вид гостей, воспринимая их просто как другие формы разумной жизни, как людей, как братьев.

Что-то иное беспокоило его — не страх, а какое-то непонятное, незнакомое ощущение. Но умерший гость, напомнил Инек себе, был его другом, и, как умерший друг, он заслуживал уважения и заботы.

Наконец Инек решился и взялся за дело. Он наклонился и поднял мертвого сияте́ля с пола. Тот почти ничего не весил, словно с приходом смерти он как бы утратил объем, стал меньше, ничтожнее. Может быть, подумал Инек, само золотое сияние обладало каким-то весом?

Он положил тело на диван, выпрямил его, как мог. Затем прошел в пристройку, засветил там фонарь и направился в хлев.

Уже несколько лет минуло с тех пор, как он заглядывал сюда в последний раз, но ничего в хлеву не изменилось. Прочная крыша надежно защищала его от непогоды, внутри попрежнему было сухо и прибрано, только везде лежала толстым слоем пыль, а с потолочных балок свисала паутина. Из щелей в потолке клочьями повылезло вниз старое-престарое сено. Запахи навоза и домашних животных давно уже выветрились, и теперь остался лишь один запах — сухой, сладковатый, пыльный.

Инек повесил фонарь на крюк в стене и взобрался по лестнице в сенник. Работая в темноте — поскольку он не решился занести фонарь в заваленный пересохшим сеном чердак, — Инек отыскал дубовые доски, сложенные под самым скатом крыши.

Здесь вспомнилось ему, в этом углу, была его потайная «пещера», где он будучи мальчишкой, провел много счастливых часов в те дождливые дни, когда на улице играть ему не разрешали. Он представлял себя Робинзоном Крузо на необитаемом острове, и каким-то безымянным беглецом, что скрывается от облавы, и переселенцем, спасающимся от индейцев, которые охотятся за его скальпом. У него было ружье, деревянное ружье, которое он сам выпилил из доски, а затем обстругал и зачистил стекляшкой. Инек очень дорожил этой игрушкой все свое детство — до того самого дня, когда ему исполнилось двенадцать и отец, вернувшись из поездки в город, подарил ему настоящую винтовку.

Инек перебрал в темноте доски, отыскал на ощупь те, которые могли пригодиться, отнес их к лестнице и осторожно спустил вниз. Потом слез сам и прошел в угол, где у него хранились инструменты. Открыв крышку сундука, он обнаружил, что там полно старых, уже давно оставленных мышиных гнезд. Инек выбросил на пол несколько охапок соломы и сена, которые грызуны использовали для устройства своих жилищ, и наконец добрался до инструментов. Металл потускнел оттого, что инструментом долго никто не пользовался, но ничего не поржавело, и режущие кромки все еще оставались острыми.

Прихватив с собой все, что ему было нужно, Инек взялся за работу. Вот так же, при свете фонаря, он делал гроб и век назад, подумалось ему. Только тогда в доме лежал его отец.

Дубовые доски высохли за долгие годы, затвердели, но инструмент сохранился совсем неплохо, и Инек продолжал работать — пилить, строгать, вколачивать гвозди. В воздухе стоял запах опилок. Огромный ворох сена наверху глушил жалобное завывание ветра снаружи, отчего в сарае было тихо и покойно.

Готовый гроб оказался тяжелее, чем Инек предполагал. В стойле для

лошадей он нашел приставленную к стене старую тачку, погрузил на нее гроб и, то и дело останавливаясь передохнуть, отвез его к маленькому кладбищу за яблоневым садом.

Затем, прихватив из сарая лопату и кирку, снова отправился на кладбище и выкопал рядом с могилой отца еще одну, правда не такую глубокую — не положенные по обычаю шесть футов, — потому что понимал: если выкопать глубоко, он ни за что не сможет в одиночку опустить туда гроб. Копая при слабом свете фонаря, установленного на куче земли, Инек вырыл яму чуть меньше четырех футов глубиной. Из леса прилетел филин и, устроившись на ветке в саду, забормотал что-то, время от времени ухая в кромешной темноте. Луна сползала к западу, рваные облака поредели, и сквозь них проглянули звезды.

Наконец могила была готова, и Инек опустил туда гроб без крышки. Керосин в фонаре почти кончился, и он начал мигать, а стекло почернело от копоти, потому что фонарь долго стоял неровно.

Вернувшись на станцию, Инек первым делом нашел простыню, чтобы завернуть покойного. Затем положил в карман Библию, поднял запеленутого в саван веганца на руки и с первым проблеском зари отправился к яблоневому саду. Опустил покойного в гроб, приколотил крышку и выбрался из могилы.

Он встал на краю и, достав из кармана Библию, отыскал нужное место. Инек читал громко, и ему почти не приходилось напрягать зрение, вглядываясь в текст в предрассветном полумраке, потому что эту главу он перечитывал не один раз.

— В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам...

Он читал и думал, что выбрал очень уместный отрывок; обителей действительно должно быть много, чтобы разместить все души жителей нашей галактики и других галактик, протянувшихся в космосе, очевидно, до бесконечности. Хотя, если бы в мире царило взаимопонимание, хватило бы и одной обители.

Закончив чтение, Инек произнес заупокойную молитву — как сумел, по памяти, хотя полной уверенности в том, что молитва сохранилась в памяти точно, у него не было. Но во всяком случае, подумалось ему, он понимает, чтобы передать смысл. После чего осталось только засыпать могилу землей.

Звезды и луна растаяли, ветер утих. В предутренней тиши небо на востоке начало окрашиваться в жемчужно-розовый цвет.

Инек, с лопатой в руках, еще стоял у могилы.

— Прощай, друг мой, — сказал он наконец и с первыми лучами солнца двинулся к станции.

16

Инек встал из-за стола, подошел к полке и поставил дневник на место. Затем повернулся и остановился в нерешительности. Нужно еще было про-

смотреть газеты, дополнить дневник и разобраться с двумя статьями в последних номерах «Журнала географических исследований».

Но делать ничего не хотелось. На душе у Инека было тревожно, многое огорчало, беспокоило, требовало осмысления.

Наблюдатели все еще наблюдали. А вот люди-тени ушли, оставив его в одиночестве. И мир по-прежнему катился к войне.

Хотя, может быть, ему не следует беспокоиться о том, что происходит в большом мире. Он может отказаться от него, отречься от человечества в любую минуту. Если он никогда не выйдет наружу, никогда не откроет дверь, какая ему разница, что делается в мире и что с этим миром случится? У него есть свой мир. Мир такой огромный, что его даже не сможет вообразить себе кто-нибудь за пределами станции. Земля ему просто не нужна.

Однако, даже сейчас Инек понимал, что он никогда не примет подобных рассуждений. Потому что на самом деле Земля — как это ни странно и ни смешно — все-таки нужна ему.

Он прошел к выходу и произнес кодовую фразу. Дверь скользнула в сторону и закрылась сама, едва он оказался в пристройке. Обогнув дом, Инек сел на ступени крыльца.

Вот здесь, подумалось ему, все и началось. Здесь он сидел в то самое лето, больше века назад, когда звезды разглядели его через космическую бездну и остановили на нем свой выбор.

Солнце клонилось к западу, приближался вечер. Дневная жара уже спадала, и из низины между холмами, что спускалась к долине реки, тянуло прохладным ветерком. Над полем у самого края леса с карканьем кружились вороны.

Это будет нелегко — захлопнуть дверь и никогда больше ее не открывать. Оставить за дверью и теплое солнце, и нежный ветер, и запахи, приходящие с переменой времен года. Человеку такое не под силу. Он не может ограничить свой мир только станцией и отречься от родной планеты. Солнце, земля и ветер нужны ему, чтобы оставаться человеком.

Наверно, подумал Инек, следует делать это чаще — выходить на улицу и просто сидеть, глядя на деревья, на реку, на холмы Айовы, поднимающиеся в голубой дали за Миссисипи, на ворон, что кружат в небе, и голубей, рассевшихся на коньке сарая.

Пожалуй, оно того стоит. Даже если он постареет еще на один лишний час. Зачем беречь эти часы — теперь они ему ни к чему. Хотя, как знать, может, и наступит еще день, когда он снова начнет ревниво сберегать свое время, копить часы, минуты и даже секунды, жадно используя любую возможность...

Из-за дома послышались шаги — кто-то бежал, спотыкаясь, бежал, похоже, издалека и совсем выбился из сил.

Вскочив на ноги, Инек поспешно двинулся навстречу и, свернув за угол дома, чуть не столкнулся с бегущей девушкой, протянувшей к нему руки. Она споткнулась, но Инек успел подхватить ее и крепко прижал к себе.

— Люси! — проговорил он. — Что случилось, девочка?

Руки, обнимавшие ее за спину, почувствовали теплую липкую влагу, и, взглянув на ладонь, Инек увидел, что она в крови. Платье на спине у Люси промокло и потемнело.

Взяв Люси за плечи, он чуть отстранил ее от себя и взглянул ей в лицо. По щекам девушки текли слезы, в глазах застыл ужас — ужас и мольба.

Она шагнула назад и повернулась к нему спиной, затем расстегнула платье, и оно само сползло до пояса. На плечах темнели длинные глубокие следы от кнута, из которых все еще сочилась кровь. Люси снова натянула платье, потом повернулась к Инеку, сложила ладони, словно молила его о чем-то, потом указала в сторону поля, что сбегало по холму к самому лесу.

Там было какое-то движение, кто-то шел по опушке леса у края поля. Видимо, Люси тоже заметила движение и, задрожав, шагнула ближе к Инеку, ища у него защиты.

Он наклонился, поднял ее на руки и побежал к пристройке. Инек произнес кодовую фразу, дверь открылась, и он шагнул внутрь, в помещение станции. Дверь за его спиной скользнула на место.

Минуту-другую Инек неподвижно стоял с Люси Фишер на руках. Он понимал, что совершил ошибку. Наверно, если бы у него было время подумать, он бы так не поступил.

Но он действовал импульсивно, думать было некогда. Девушка попросила защиты — и вот... Здесь она в безопасности, здесь ей ничто не угрожает. Но она — человек, и ни одному человеческому существу, кроме него самого, не положено было переступать порог станции.

Однако что сделано, то сделано, и ничего тут уже не изменишь. Она на станции: назад хода нет.

Инек посадил Люси на диван и отступил на шаг. Она сидела, подняв на него глаза, и несмело улыбалась, как будто сомневалась, можно ли улыбаться в таком странном месте. Потом подняла руку, утерла слезы со щек и обежала комнату быстрым взглядом, после чего застыла, открыв рот от удивления.

Присев на корточки, Инек похлопал ладонью по дивану и погрозил пальцем, надеясь, что она поймет и будет сидеть на месте. Потом обвел рукой помещение станции и строго покачал головой.

Люси смотрела на него неотрывно, затем улыбнулась и кивнула, словно все поняла.

Инек взял ее руку и ласково погладил, стараясь успокоить и дать понять, что все будет в порядке, если только она останется на месте и не будет ничего трогать.

Теперь Люси улыбалась, словно уже забыла о своих прежних сомнениях. Вопросительно взглянув на него, она трепетным жестом указала на кофейный столик, заваленный инопланетными сувенирами. Инек кивнул, и она занялась какой-то безделушкой, восхищенно разглядывая ее и поворачивая в руке.

Инек поднялся, снял со стены винтовку и вышел из дома навстречу тем, кто гнался за Люси.

17

По склону холма поднимались двое, и одного из них Инек узнал сразу — Хэнк Фишер, отец Люси. В прошлые годы он несколько раз встречал его во время своих прогулок, хотя встречи эти были очень короткими. Хэнк всегда смущался и пытался объяснить — чего от него никто не требовал, — что он, мол, разыскивает отбившуюся корову. Но по его воровато-му взгляду и странному поведению Инек заключал, что дело вовсе не в корове: Хэнк темнил, скрывал что-то, хотя, что именно, Инек по-прежнему не догадывался.

Второй был моложе. Лет шестнадцать, от силы семнадцать. Скорее всего, один из братьев Люси, решил Инек, поджидая их у крыльца.

Хэнк нес в руке свернутый кольцом кнут, и Инек понял, отчего на плечах у Люси такие рубцы. В груди его всколыхнулась злость, но, сделав над собой усилие, он унял недоброе чувство. Лучше будет, если в разговоре с Хэнком он сохранит спокойствие.

Непрошенные гости остановились в двух-трех шагах от него.

— Добрый вечер, — сказал Инек.

— Ты не видел тут мою девчонку? — спросил Хэнк.

— А что, если и видел?

— Я с нее шкуру спущу! — крикнул Хэнк, потрясая кнутом.

— В таком случае, — ответил Инек, — я, пожалуй, ничего тебе не скажу.

— Ты ее спрятал, — тут же обвинил его Хэнк.

— Можешь поискать.

Хэнк шагнул было вперед, но тут же опомнился.

— Она получила по заслугам! — выкрикнул он. — И я с ней еще не разделался. Никому, даже собственной дочери, я не позволю напускать на меня порчу!

Инек молчал. Хэнк стоял в нерешительности.

— Она влезла не в свое дело, — сказал он. — Никто ее не просил. Ее это вообще не касалось...

— Я натаскивал Батчера, только и всего, — пояснил его сын. — Это мой щенок, и я его готовлю охотиться на енотов.

— Верно, — сказал Хэнк. — Он ничего плохого не делал. Прошлым вечером ребятишки поймали молодого енота, а это, я тебе скажу, не так просто. Рой — вот он — привязал енота к дереву и натравливал на него Батчера на поводке. Чтобы они дрались между собой, значит. Все как положено. Когда они уж совсем в раж входили, Рой каждый раз оттаскивал Батчера за поводок и давал им передохнуть. А потом опять...

— Собаку для охоты на енотов только так и можно выучить! — вставил Рой.

— Точно, — сказал Хэнк. — Для того они его и поймали.

— Он нам был нужен, чтобы натаскать Батчера, — добавил Рой.

— Все это прекрасно, — сказал Инек, — но только я не понимаю, при чем тут Люси.

— Она влезла не в свое дело, — ответил Хэнк. — Хотела отобрать у Роя собаку.

— Уж больно много эта бестолочь о себе воображает, — сказал Рой.

— Помолчи, — сурово приказал отец, поворачиваясь к нему.

Рой тут же отскочил назад, бормоча что-то себе под нос.

Хэнк повернулся к Инеку.

— Рой сбил ее с ног, — сказал он. — Хотя делать этого, может быть, и не следовало. Полегче нужно было, поосторожнее.

— Я не нарочно, — сказал Рой, оправдываясь. — Просто толкнул ее рукой. Хотел отогнать от Батчера.

— Верно, — продолжил Хэнк. — Просто оттолкнул чуть сильнее, чем следовало. Но ей совершенно незачем было делать то, что она потом сделала с Батчером, чтобы тот не смог драться с енотом. Даже пальцем его не тронула, понимаешь, но он и пошевельнуться не мог. Ну, Рой и разозлился. — Он взглянул на Инека и простодушно добавил: — А ты бы не разозлился?

— Не думаю, — ответил Инек. — Однако я ничего не понимаю в охоте на енотов.

Хэнк уставился на Инека: что, мол, тут непонятного? Но продолжил рассказ:

— Вот Рой и разозлился. Он Батчера сам вырастил и очень на него рассчитывал. Понятное дело, ему не понравилось, что кто-то — даже если это его родная сестра — напускает на собаку порчу. Рой хотел было задать ей трепку, но она сделала с ним то же самое, что и с собакой. Клянусь, я ничего подобного за всю свою жизнь не видел. Рой остановился как вкопанный и упал. Ноги прижал к груди, обхватил руками колени — короче, свернулся в комок и замер. Что он, что Батчер. А енота она даже не тронула, ничего с ним не сделалось. Только своих, значит...

— Но мне не было больно, — вставил Рой. — Совсем не больно.

— Я как раз сидел неподалеку, — сказал Хэнк, — заплетал вот этот самый кнут. У него конец обтрепался, и я решил приделать новый. Я все видел, но не вмешивался, пока Рой не свалился на землю. Вот тут-то я и сообразил, что дело зашло слишком далеко. Вообще-то я человек понятливый. Когда бородавки там заговаривают или еще что-нибудь такое, тут я не возражаю. На свете полно людей, которые это умеют, и ничего плохого здесь нет. Но когда собак или людей вот так вот, в узел...

— И ты отстегал ее кнутом, — сказал Инек.

— Это моя святая обязанность, — убежденно произнес Хэнк. — Только ведьмы мне еще в семье не хватало! Я ей приложил пару раз, а она меня все остановить хотела, руками там что-то показывала. Но я свое дело знаю. Решил, что если ее хорошенько отлупить, то эта дурь из нее вый-

дет. И давай лупить ее еще. Ну тут она и на меня порчу напустила. Как на Роя и Батчера, но только по-другому. Она меня ослепила. Лишила зрения отца родного! Я вообще ни черта не видел. Только шатался по двору, орал и тер глаза. Потом все стало нормально, только она уже исчезла. Но я видел, как она побежала через лес, вверх по холму, и мы с Роем бросились вдогонку.

— И ты думаешь, она здесь?

— Я знаю, что она здесь.

— Ладно, — сказал Инек. — Можешь искать.

— И поищу, — мрачно пообещал Хэнк. — Рой, посмотри в хлеву. Может быть, она там спряталась.

Рой направился к хлеву, Хэнк заглянул в сарай, но очень скоро вернулся и прошел к покосившемуся курятнику.

Инек молча ждал с винтовкой на сгибе руки. Он понимал, что ситуация неприятная; раньше с ним ничего подобного не приключалось. Но такого человека, как Хэнк Фишер, словами убедить непросто. А сейчас ему вообще ничего не втолкуешь. Оставалось только ждать, когда тот немного поостынет, и надеяться, что тогда можно будет с ним поговорить спокойно.

Хэнк с Роем вернулись.

— Там ее нигде нет, — сказал Хэнк. — Она в доме.

Инек покачал головой.

— Никто не может войти в этот дом.

— Рой, — приказал Хэнк. — Ну-ка поднимись по этим вот ступеням и открой дверь.

Рой испуганно взглянул на Инека.

— Валяй, — сказал тот.

Тогда Рой медленно двинулся вперед и поднялся по ступенькам. Подойдя к двери, он взялся за круглую ручку и повернул. Попробовал еще раз и обернулся к отцу.

— Па, — сказал он, — я не могу. Дверь не открывается.

— Черт побери! — выругался Хэнк и добавил презрительно: — Ничего-то ты не можешь.

В два прыжка он преодолел ступени, протопал рассерженно по крыльцу, ухватился за дверную ручку и изо всех сил крутанул. Потом еще раз. И еще. Наконец он совсем разозлился и взглянул на Инека.

— Что за чертовщина? — заорал он.

— Я же тебе сказал, — ответил Инек, — что никто не может войти в этот дом.

— Еще как войду! — прорычал Хэнк.

Швырнув кнут Рою, он спрыгнул с крыльца, бросился к поленнице у сарая и выдернул из колоды тяжелый топор с двухсторонним лезвием.

— Поаккуратней с топором, — предупредил Инек. — Он у меня уже давно, и я к нему привык.

Хэнк даже не ответил. Он поднялся на крыльцо и встал перед дверью, широко расставив ноги.

— Ну-ка отойди, — сказал он Рою, — а то размахнуться негде.

Рой попятился.

— Постой, — сказал Инек, — ты что, собираешься рубить дверь?

— Вот именно, черт побери!

Инек кивнул с совершенно серьезным видом.

— Что такое? — спросил Хэнк.

— Ничего, все в порядке. Можешь попробовать, если очень хочется.

Хэнк изготовился, крепко ухватившись за рукоять. Сверкнув сталью, топор взлетел у него над плечом, и Хэнк обрушил на дверь страшный удар.

Топор коснулся поверхности и так резко отскочил, просвистев всего в дюйме от ноги Хэнка, что того даже развернуло на месте. Несколько секунд он просто стоял с глупым выражением лица, держа топор в вытянутых руках, и глядел на Инека.

— Можешь попробовать еще раз, — предложил тот.

Хэнка охватила ярость. Лицо его налилось кровью.

— И попробую, клянусь богом! — крикнул он, опять повернулся лицом к дому и взмахнул топором, но на этот раз ударил не по двери, а рядом, по окну. Послышался высокий вибрирующий звон, и в воздухе пронеслись обломки сверкающей стали.

Присев и отскочив в сторону, Хэнк выпустил топор из рук. Он упал на доски крыльца и перевернулся. Вместо одного из лезвий торчали лишь короткие зубья блестящего на изломе металла. На окне не осталось даже царапины.

Хэнк некоторое время стоял, разглядывая сломанный топор, словно все еще не мог поверить в случившееся. Затем молча протянул руку, и Рой вложил в нее кнут. Они вместе спустились по ступенькам, остановились внизу и уставились на Инека. Рука Хэнка нервно сжимала рукоять кнута.

— На твоем месте я бы этого не делал, Хэнк. У меня очень хорошая реакция, — сказал Инек, поглаживая приклад. — Я отстрелю тебе руку, прежде чем ты успеешь взмахнуть кнутом.

— Ты спутался с дьяволом, Уоллис, — произнес Хэнк, тяжело дыша, — и моя дочь тоже. Вы оба заодно. Я знаю, что вы то и дело встречаетесь в лесу.

Инек молчал, наблюдая за отцом и сыном одновременно.

— Помоги мне бог! — вскричал Хэнк. — Моя дочь ведьма!

— Советую тебе вернуться домой, — сказал Инек. — Если я найду Люси, я ее приведу.

Никто не двинулся с места.

— Мы еще встретимся, — пригрозил Хэнк. — Я знаю, что ты спрятал мою дочь где-то здесь, и я тебе это припомню!

— Когда пожелаешь, но только не сейчас, — ответил Инек и угрожающе повел стволом винтовки. — Проваливай. И чтобы я больше вас здесь не видел. Ни того, ни другого.

Они постояли в нерешительности, глядя ему в лицо и пытаясь угадать, как он теперь поступит.

Затем повернулись и, держась рядом, пошли вниз по холму.

18

Их бы пристрелить обоих, как они того заслуживают, думал Инек. Носит же таких земля! Он перевел взгляд на винтовку и заметил, как крепко его руки сжимают оружие. Белые, онемевшие пальцы буквально вцепились в гладкое коричневое дерево.

Инек судорожно вздохнул, борясь с клокочущей, грозящей вырваться наружу яростью. Если бы они остались чуть дольше, если бы он не прогнал их от дома, ярость наверняка победила бы. И все могло быть гораздо хуже. Инек сам удивлялся, как ему удалось сдержаться. Но, слава богу, удалось. Потому что и без того все плохо.

Фишеры скажут, что он сумасшедший, что он прогнал их, угрожая оружием. Они могут даже заявить, что он увел Люси и держит у себя против ее воли. Эта семейка ни перед чем не остановится, чтобы напакостить ему как только можно.

Никаких иллюзий на этот счет Инек не питал, поскольку прекрасно знал такой тип людей — мелких и мстительных. Маленькие ядовитые насекомые.

Стоя у крыльца, он глядел Фишерам вслед. Даже странно, как такая замечательная девушка могла появиться в этом гнилом семействе. Может быть, ее несчастье помогло ей защититься от их влияния, может, именно поэтому она не стала одной из них. Не исключено, что, если бы Люси разговаривала с ними, слушала их, она со временем стала бы такой же никчемной и озлобленной, как все Фишеры.

Конечно, он совершил ошибку, вмешавшись в их конфликт. Человек, на котором лежит такая ответственность, не должен вмешиваться в подобные дела. Слишком велика может быть потеря, и потому ему следует держаться в стороне от всяких скандалов.

Но разве у него был выбор? Разве мог он отказать Люси в защите, когда она прибежала вся в крови от побоев? Разве мог он не откликнуться на ее мольбу, застывшую в испуганном, беспомощном взгляде?

Может быть, следовало поступить по-другому, думал Инек. Умнее, осторожнее. Но времени на размышления не было. Его хватило только на то, чтобы отвести Люси в дом, спрятать от опасности и выйти к ее преследователям.

Теперь Инек понимал, что лучше всего, возможно, было бы не выходить вообще. Если бы он остался на станции, не случилось бы того, что случилось.

Он поддался чувству, вышел им навстречу. Совершенно естественный для человека поступок, хотя и не самый умный. Но он уже сделал это, все позади, и теперь уже ничего не поправишь. Если бы все повторилось снова, он поступил бы иначе, но такой возможности ему не представится.

Инек тяжело повернулся и пошел в дом.

Люси сидела на диване, держа в руке какой-то сверкающий предмет. В глазах ее светился восторг, а на лице было такое же трепетное, сосредо-

точенное выражение, как в то утро в лесу, когда на пальце у нее сидела бабочка.

Он положил винтовку на стол и остановился, но Люси, должно быть, заметила краем глаза какое-то движение и взглянула в его сторону. Затем снова занялась той блестящей штуковиной, что она держала в руке.

Инек увидел, что это пирамидка из шариков, но теперь все они медленно вращаются — одни по часовой стрелке, другие против — и сияют, переливаясь своими особенными цветами, словно внутри у каждого из них скрывается источник мягкого, теплого света.

У Инека даже перехватило дыхание — так это было красиво и удивительно, удивительно, потому что он давно пытался разгадать, что это за вещица и для чего она предназначена. Он обследовал ее, наверно, раз сто, не меньше, колдовал над ней часами, но так и не обнаружил никакой зацепки. Скорее всего, решил он, это просто красивая вещица — любоваться, и только, — однако его не оставляло ощущение, что у нее все-таки есть какое-то назначение, что каким-то образом пирамидка должна действовать.

И вот теперь она действовала. Инек так долго пытался ее разгадать, а Люси взяла эту штуковину в руки первый раз, и тут же все заработало.

Он заметил восторг, с каким она глядит на пирамидку. Может быть, она знает и ее назначение?

Инек подошел к Люси, тронул за руку и, когда она подняла на него взгляд, снова отметил про себя, каким счастьем и радостным волнением сияют ее глаза.

Он указал на пирамидку, потом постарался изобразить вопрос, мол, знает ли она, для чего эта игрушка предназначена. Но Люси его не поняла. А может, и поняла, да только знала, что объяснить будет невозможно. Люси протянула руку к столику с сувенирами, пальцы ее снова затрепетали, как тогда у родника, с бабочкой, и она даже как будто попыталась рассмеяться — во всяком случае, такое у нее было выражение лица.

Прямо как ребенок, подумал Инек. Ребенок перед полным ящиком новых, удивительных игрушек. Интересно, что она в них нашла? И потому ли только она рада, что увидела сразу столько красивых незнакомых вещей?

Инек устало повернулся и пошел обратно к столу. Взял винтовку и повесил на стену.

Люси не положено находиться на станции. Ни одному человеку, кроме него, не положено находиться здесь. Приведя ее сюда, он нарушил договоренность с инопланетянами, поручившими ему работу смотрителя. Оправдывало его в какой-то мере лишь то, что к Люси эти вполне понятные запреты относились меньше, чем к кому-либо другому: они никогда не могла рассказать о том, что увидела на станции.

Но он знал, что ей нельзя здесь оставаться. Ее нужно отвести домой. Если она не вернется, обязательно начнутся поиски. Пропала глухонемая девушка, и к тому же еще красивая.

Через день-два об этой истории обязательно пронюхают газетчики. Сообщения о том, что Люси до сих пор не найдена, напечатают во всех газе-

тах, об этом объявят по радио, по телевидению, и вскоре в окрестных лесах появится множество поисковых отрядов.

Хэнк Фишер наверняка расскажет, как он пытался разбить дверь топором, после чего обязательно найдутся желающие сделать то же самое, и вот тут-то все и начнется.

Инека даже пот прошиб, когда он представил себе, что тогда произойдет.

Все долгие годы, что он хоронился от людей, стараясь быть незаметным, будут потрачены впустую. О таинственном старом доме на вершине холма станет известно всему миру, и к нему устремятся тысячи любопытных.

Он подошел к шкафу, где хранилась заживляющая мазь, присланная ему вместе с другими лекарствами из Галактического Центра. Открыв маленькую баночку, Инек увидел, что там осталось еще больше половины. Он, конечно, пользовался мазью все эти годы, но понемногу. Да и необходимость такая возникала довольно редко.

Вернувшись к дивану, где сидела Люси, он показал ей, что у него в руках. Затем жестами объяснил, что собирается сделать. Она расстегнула платье, стянула его с плеч, и Инек наклонился, чтобы разглядеть раны. Кровь уже не текла, но кожа вокруг покраснела и воспалилась.

Он осторожно втер мазь в оставленные кнутом длинные рубцы. Люси исцелила бабочку, подумалось ему, а вот себя вылечить не может.

Пирамидка на столе перед ней все еще светилась и вспыхивала, разбрасывая цветные всполохи по всей комнате.

Игрушка оказалась действующей. Узнать бы еще теперь, для чего она все-таки предназначена.

Шарики в пирамидке светились и вращались, но, кроме этого, ничего не происходило.

19

Улисс появился, когда сгущающиеся сумерки уже готовились уступить место ночи. Инек и Люси только-только закончили ужин и еще сидели за столом, когда послышались его шаги.

Инопланетянин остановился. В полумраке комнаты он больше походил на жестокого клоуна. Его гибкое, словно текучее тело, казалось, было обтянуто дубленой оленьей кожей. Пятна на теле слабо люминесцировали, а резкие черты лица, гладкий лысый череп и острые приплюснутые уши придавали ему зловещий, даже устрашающий вид.

Если не знать о его мягком характере, подумал Инек, можно сойти с ума от страха, увидев такое создание.

— Мы ждали тебя, — сказал Инек. — Кофейник уже кипит.

Улисс в нерешительности шагнул вперед и тут же остановился.

— Я вижу, ты не один. Насколько я могу судить, это человек Земли...

— Не беспокойся.

— Существо противоположного пола. Женщина, верно? Ты нашел себе жену?

— Нет, — ответил Инек, — она мне не жена.

— Все эти годы ты действовал мудро, — произнес Улисс. — В твоем положении завести семью — это не самый осторожный поступок.

— Не беспокойся. Эта девушка страдает серьезным недугом: ей не дано ни слышать, ни говорить.

— Это болезнь?

— Да. Она с самого рождения лишена слуха и голоса. И поэтому не может никому рассказать о том, что здесь увидела.

— А язык жестов?

— Она его не знает. Отказалась учиться.

— Вы друзья?

— Да, уже много лет, — ответил Инек. — Она искала у меня защиты — отец избил ее кнутом.

— Отец знает, что она здесь?

— Он так думает, но доказать не может.

Улисс медленно выступил из тени и остановился в круге света от лампы. Люси взглянула на него, но ни страха, ни отвращения на ее лице не отразилось. Она даже не вздрогнула, взгляд ее оставался ровным и безмятежным.

— Как спокойно она ко мне отнеслась, — заметил Улисс. — Не убежала и не закричала.

— Крикнуть она не сможет, даже если бы захотела, — сказал Инек.

— Но при первой встрече я любому человеку должен казаться совершенно ужасным.

— Люси видит не только внешнюю оболочку, но и какой ты на самом деле.

— Она не испугается, если я поклонюсь ей, как это делают люди?

— Я думаю, ей это будет даже приятно, — ответил Инек.

Улисс поклонился от пояса, приложив руку к кожистому животу, — получилось очень чинно и церемонно. Люси улыбнулась и захлопала в ладоши.

— Видишь, — произнес Улисс, явно довольный собой, — похоже, я ей понравился.

— Почему бы тебе тогда не сесть к столу? — предложил Инек. — Попьем кофе втроем.

— А я и забыл про кофе. Увидел, что ты не один...

Улисс сел за стол, где ему уже была приготовлена чашка. Инек приподнялся, собираясь идти за кофейником, но Люси опередила.

— Она понимает, о чем мы говорим? — спросил Улисс.

Инек покачал головой.

— Просто ты сел перед пустой чашкой.

Люси налила им кофе, а сама пошла к дивану.

— Почему она не осталась с нами? — снова спросил Улисс.

— Ее очень заинтересовали подарки, что лежат на столике. Один из них она даже привела в действие.

— Ты думаешь оставить девушку на станции?

— Я не могу, — ответил Инек. — Ее будут искать. Придется отвести Люси домой.

— Не нравится мне все это, — сказал Улисс.

— Мне тоже. Видимо, надо сразу признать, что мне не следовало ее сюда приводить. Но в ту минуту я не мог придумать ничего другого. У меня не было времени на размышления.

— Ничего плохого ты не сделал, — мягко сказал Улисс.

— Люси не помешает нашей работе, — добавил Инек. — Она ведь не сможет ничего рассказать.

— Дело не в этом, — сказал Улисс... — Она — просто небольшое осложнение. Хуже другое. Я прибыл сегодня, чтобы предупредить тебя о назревающих неприятностях.

— Что за неприятности? Ничего страшного пока не случилось.

Улисс поднял чашку и сделал большой глоток.

— Замечательный кофе, — сказал он. — Я уже брал с собой зерна и делал кофе дома, но вкус почему-то не тот.

— Что за неприятности? — переспросил Инек.

— Ты помнишь веганца, который умер тут несколько твоих лет назад?

— Сиятель. Помню, — кивнул Инек.

— У этого существа есть правильное название...

Инек рассмеялся...

— Тебе не нравится мое?

— Но мы их так не называем.

— То, как я их называю, говорит о моем добром к ним отношении.

— Ты похоронил веганца?

— На нашем семейном кладбище, — сказал Инек. — И прочел над ним молитву. Как над своим собратом.

— Очень хорошо. Так и следовало поступить. Ты сделал все, как нужно. Но тело исчезло.

— Как исчезло? Этого не может быть! — воскликнул Инек.

— Тело из могилы забрали.

— Ты не можешь этого знать! — запротестовал Инек. — Как ты мог узнать?

— Это не я. Веганцы. Они знают.

— Но до них ведь множество световых лет...

Однако уверенность уже оставила Инека. В ту ночь, когда старый мудрец умер и он отправил сообщение в Галактический Центр, ему тоже сказали, что веганцы узнали о смерти, едва она наступила, и никакого свидетельства о смерти им не требовалось, потому что они уже знали, отчего он умер.

Казалось бы, это невозможно, однако в галактике столько невозможного оказывалось возможным, что человеку не так-то легко во всем этом разобраться.

Может быть, размышлял тогда Инек, все веганцы поддерживают друг с другом постоянный мысленный контакт? Или какое-то центральное бюро (если дать земное название чему-то совершенно непонятному) поддерживает непрерывную связь с каждым из живых веганцев, зная, где он, как себя чувствует и что делает?

Видимо, что-то подобное возможно, признавал Инек. Ведь жители галактики обладают самыми разными и удивительными способностями. Но поддерживать контакт с уже мертвым веганцем...

— Тело исчезло, — сказал Улисс. — В этом нет никаких сомнений. И тебя считают в какой-то степени ответственным.

— Веганцы?

— Да, они. И вся галактика тоже.

— Я сделал, что было в моих силах, — горячо возразил Инек. — И выполнил все требования веганских законов, отдав покойному дань уважения от себя и от своей планеты. Нельзя же считать меня вечно за него ответственным. Да и не верю я, что тело действительно исчезло. Кто мог его похитить? Никто просто не знал о захоронении.

— Ты рассуждаешь логично, — сказал Улисс, — если иметь в виду вашу логику. Но у веганцев иная логика. И в данном случае Галактический Центр поддержит скорее их.

— Но веганцы всегда были моими лучшими друзьями, — вспылил Инек. — За все это время я не встречал ни одного, который бы мне не понравился или с которым мне не удалось найти общего языка. Я уверен, что смогу с ними объясниться.

— Если бы это касалось только веганцев, не сомневаюсь, — сказал Улисс. — И я не стал бы беспокоиться. Но тут все куда сложнее. В самом происшествии, казалось бы, ничего сложного нет, но надо принимать во внимание и другие факторы. Веганцы, к примеру, узнали о том, что тело исчезло, уже давно, и это их, конечно, беспокоило. Однако в силу некоторых обстоятельств они пока молчали.

— И напрасно. Они могли явиться сюда. Правда, я не знаю, что тут можно сделать, но...

— Они молчали не из-за тебя. Есть другие причины.

Улисс допил свой кофе и налил себе еще, затем долил в чашку Инека и отставил кофейник в сторону. Инек ждал разъяснений.

— Ты, возможно, об этом не знаешь, — продолжал Улисс, — но, когда решался вопрос о строительстве станции на Земле, многие галактические расы выступали против. Как всегда бывает в подобных ситуациях, они приводили разные доводы, но за всеми этими спорами, если разобраться, крылось непрекращающееся соперничество между расами, которые хотели добиться преимуществ для себя или каких-то регионов галактики. Насколько я понимаю, эта ситуация сродни тому, что происходит здесь, на Земле:

бесконечные интриги и конфликты ради экономических преимуществ, выгодных какой-то группировке или нации. В масштабах галактики, разумеется экономические соображения редко служат причиной разногласий, но существует много других важных факторов.

Инек кивнул.

— Я догадывался, хотя не очень обращал на это внимание.

— В основном споры ведутся из-за выбора направлений, — разъяснил Улисс. — Раз Центр начал расширять транспортную сеть в этом спиральном рукаве галактики, значит, у него будет меньше времени и возможностей для расширения в других направлениях. Одна большая группа цивилизаций, например, уже несколько веков добивается развития транспортной системы в сторону близлежащих шаровых скоплений. И определенный смысл здесь, конечно, есть. При том уровне технологии, которого мы достигли, переброска на большие расстояния к некоторым из этих скоплений вполне реальна. Кроме того, шаровые звездные скопления практически свободны от пыли и газа, так что, добравшись туда, мы получили бы возможность расширить транспортную сеть гораздо быстрее, чем во многих других регионах галактики. Однако никто пока не знает, что нас там ждет. Об этом можно лишь догадываться. Не исключено, что, потратив так много времени и усилий, мы в конце концов не найдем там ничего достойного внимания, кроме новых свободных территорий. А этого добра хватает и в нашей галактике. Тем не менее шаровые скопления обладают немалой притягательностью для существ с определенным складом ума.

Инек кивнул.

— Понятно. Это стало бы первой попыткой проникнуть за пределы галактики. Первым маленьким шагом, который может привести нас к другим галактикам.

Улисс взглянул на него с удивлением.

— И ты туда же, — сказал он. — Впрочем, мне следовало догадаться.

— Да, наверное, у меня тот самый склад ума, — сказал Инек ехидно.

— Короче, эта фракция шаровых скоплений — видимо, их можно охарактеризовать именно так — разразилась протестами, едва только мы начали продвижение в направлении Земли. Ты наверняка понимаешь, что мы находимся в самом начале работы: здесь чуть больше десятка станций, а нужна по меньшей мере сотня. Видимо, пройдет не один век, прежде чем работа над маршрутом будет закончена.

— Но та фракция по-прежнему предъявляет претензии, — догадался Инек. — И работы в нашем спиральном рукаве еще могут быть свернуты.

— Верно. И это меня беспокоит. Фракция не упустит шанс использовать инцидент с пропавшим телом как обладающий большим эмоциональным зарядом аргумент против расширения сети в этом направлении. К ним обязательно присоединятся различные другие группировки со своими специфическими интересами. Все они понимают, что, закрыв наш проект, они получат дополнительный шанс для реализации своих планов.

— Закрыв проект?

— Да, закрыв. И как только инцидент получит огласку, они начнут вопить, что такая варварская планета, как Земля, совсем не место для станции и что нужно ее закрыть.

— Но они не могут этого сделать?

— Могут, — сказал Улисс. — Они будут утверждать, что для нас унизительно и небезопасно держать станцию на варварской планете, где грабят могилы и тревожат прах высокочтимых покойных. Столь эмоциональный довод встретит широкое понимание и поддержку в некоторых областях галактики. Веганцы старались, как могли. Ради завершения проекта они даже пытались скрыть это происшествие. Ничего подобного им никогда делать не приходилось. Это гордый народ, и они очень чувствительны в вопросах чести — более чувствительны, может быть, чем другие галактические расы, — однако ради дела они готовы были стерпеть даже оскорбление. Наверно, и стерпели бы, если бы инцидент удалось скрыть. Но каким-то образом история получила огласку — без сомнения, в результате хорошо продуманной информационной диверсии. И теперь, когда их позор стал известен всей галактике, стерпеть они не могут. Веганец, который прибудет сюда сегодня вечером, — официальный представитель их планеты, он должен будет вручить ноту протеста.

— Мне?

— Тебе. А через тебя всей Земле.

— Но Земля тут ни при чем. Земля ни о чем не знает.

— Конечно нет. Только для Галактического Центра ты и есть Земля. Для них ты представляешь Землю.

Инек покачал головой. Сумасшествие какое-то! Но с другой стороны, чему тут удивляться? Чего-то подобного даже следовало ожидать. Он просто слишком узко, слишком ограниченно мыслит. С самого рождения он привык подходить ко всему с земными мерками, и даже после стольких лет этот образ мышления сохранял силу. До такой степени, что любой другой, если ему случалось вступать в конфликт с уже привычным, автоматически казался неверным.

Взять хотя бы предложение закрыть станцию. Какой в этом смысл? Скорее всего, одна закрытая станция никак не помешает завершению проекта. Но человечеству уже не на что будет надеяться.

— Если вам придется оставить Землю, — сказал Инек, — вы всегда можете поставить станцию на Марсе. Если нужна станция в нашей звездной системе, здесь есть много других планет.

— Ты не понимаешь, — ответил Улисс. — Эта станция — лишь одно направление атаки. Зацепка. Начало. А цель — закрыть проект целиком, чтобы можно было перебросить усилия на какой-то другой. Если мы будем вынуждены убрать станцию, это нас в какой-то степени дискредитирует, и тогда у них появятся основания для критической переоценки всех наших мотивов и замыслов.

— Но даже если проект закроют, — возразил Инек, — нет никакой

уверенности, что какой-то из группировок это принесет пользу. Снова начнутся дебаты о том, куда потратить высвободившиеся время и энергию. Ты говорил, что сейчас против нас объединяются много различных фракций. Предположим, они победят. Тогда им придется разбираться уже между собой.

— В том-то и дело, — согласился Улисс, — но у каждой из них появляется шанс добиться желаемого. По крайней мере они так думают. В настоящее время у них нет таких шансов. Чтобы они появились, нужно закрыть наш проект. Одна из группировок, базирующаяся на противоположном конце галактики, мечтает, например, добраться до малонаселенного региона на краю нашего звездного скопления: они до сих пор верят в древнюю легенду, которая гласит, что их цивилизация якобы появилась в результате эмиграции из другой галактики, чьи жители обосновались на далекой окраине, а затем в течение долгих галактических лет проникали к центру. Они считают, что, вернувшись в окраинные районы галактики, смогут найти доказательства легенды и сделать ее частью истории к вящей своей славе. Другая группировка хочет получить возможность исследовать маленький спиральный рукав галактики, потому что они располагают какими-то источниками, свидетельствующими, что в свое время их далекие предки поймали не поддающиеся расшифровке сигналы, которые, по их убеждению, были посланы именно оттуда. История эта обрастала подробностями много тысячелетий, и теперь они просто убеждены, что там обитает раса феноменальных интеллектуалов. И разумеется, по-прежнему не угасает стремление поглубже исследовать ядро галактики. Ты ведь понимаешь, что мы только начали, что галактика по большей части еще не изучена и что тысячи цивилизаций, сформировавших Галактический Центр, — первопроходцы. В результате Центр постоянно подвергается нападкам и давлению со всех сторон.

— Похоже, — сказал Инек, — у тебя уже не осталось надежды сохранить станцию здесь, на Земле.

— Почти никакой, — ответил Улисс. — Но у тебя есть выбор. Ты можешь остаться на Земле и жить обычной жизнью земного человека, а можешь, если тебе захочется, получить место на другой станции. В Галактическом Центре надеются, что ты выберешь последнее и продолжишь работу.

— Значит, все уже решено?

— Боюсь, да, — сказал Улисс. — Извини, что на этот раз я прибыл с плохими новостями.

Инек сидел словно в оцепенении. Плохие новости! Это еще мягко сказано. Конец всему!

Рушился не только его собственный мир, но и все надежды Земли. Без станции планета снова окажется в глуши на задворках галактики — без надежды на помощь, без шансов на признание, без понимания того, какой чудесный, большой мир ждет людей за пределами Солнечной системы. Одинокое, беззащитное человечество, оступаясь и ошибаясь, пойдет прежним путем к своему слепому, безумному будущему.

20

Сиятель оказался в летах. Окружавшее его золотое сияние давно потеряло искрометный блеск молодости. Оно уже не слепило, как у молодых веганцев, а заливало все вокруг мягким, густым, теплым светом. Держался он с большим достоинством, а мерцающий белоснежный хохолок на макушке — не перья, не волосы, а что-то совсем непонятное — придавал ему сходство со святым. В лице мягкость, чуткость — иногда такие лица с множеством добрых морщин можно увидеть у стариков и здесь, на Земле.

— Мне действительно жаль, что наша встреча вызвана подобными обстоятельствами, — обратился он к Инеку. — Но тем не менее я рад знакомству, поскольку мне уже рассказывали о тебе. Не так часто случается, что смотрителем станции работает существо с планеты, которая не входит в галактическое содружество. Признаться, именно поэтому ты меня и заинтересовал. Я все пытался представить себе, каким ты окажешься на самом деле.

— Опасения в данном случае были излишни, — произнес Улисс немного резко. — Я за него ручаюсь. Мы давние друзья.

— Да, я забыл. Ведь ты его и нашел, — сказал сиятель, потом окинул комнату взглядом. — Еще одно существо. Я не знал, что их будет двое. Мне говорили только про одного.

— Это друг Инека, — пояснил Улисс.

— Значит, произошел контакт? Контакт с планетой?

— Нет, контакта не было.

— Тогда нарушение секретности?

— Может быть, — сказал Улисс, — но при таких обстоятельствах, при которых и я, и ты были бы вынуждены поступить так же.

Люси поднялась со своего места и двинулась через комнату к ним — медленно, спокойно, словно она плыла.

Сиятель обратился к ней на посредническом языке:

— Я рад познакомиться с тобой. Очень рад.

— Она не разговаривает, — сказал Улисс, — и слышать ей тоже не дано. Она лишена возможности нормального общения.

— Зато она наделена другими способностями, — сказал сиятель.

— Ты так полагаешь? — спросил Улисс.

— Даже не сомневаюсь.

Сиятель сделал несколько шагов навстречу Люси. Та стояла, не двигаясь.

— Оно... вернее, она... — насколько я понял из твоих слов, это женщина, — она совсем меня не боится.

— Она не испугалась даже меня, — усмехнулся Улисс.

Сиятель протянул руку Люси. Та несколько секунд стояла неподвижно, затем подняла свою руку и коснулась пальцев — скорее даже, щупалец — сиятеля.

Инеку на мгновение показалось, что окутывающее веганца золотое сияние обволокло светом и ее. Он моргнул, и наваждение — если это было наваждение — исчезло: в ореоле золотистого света стоял один только сиятель.

Но почему, подумал он, Люси не испугалась ни Улисса, ни веганца? Может быть, она действительно видит сквозь внешнюю оболочку или както ощущает скрытую в этих существах человечность (помоги мне бог, я даже думаю не иначе как земными понятиями!). А если так, то, может, в ней самой есть что-то такое, чего обычным людям не дано. По происхождению и по виду она, безусловно, человек Земли, но ее не коснулось деформирующее влияние земной культуры. Таким, возможно, был бы человек, если бы его не стесняли узкие рамки правил поведения и условностей, которые с годами затвердевают и превращаются в законы, определяющие отношение к жизни.

Люси опустила руку и вернулась на диван.

— Инек Уоллис, — произнес сиятель.

— Я слушаю.

— Она твоей расы?

— Да, конечно.

— Но она совсем другая. Как будто вы принадлежите к двум различным цивилизациям.

— На Земле только одна раса людей.

— А есть еще такие же, как она?

— Я не знаю.

Тут к сиятелю обратился Улисс:

— Кофе. Ты не хочешь кофе?

— Кофе?

— Совершенно удивительный напиток. Одно из наивысших достижений Земли.

— Мне этот напиток незнаком. Пожалуй, я откажусь, — ответил сиятель и обратился к Инеку: — Ты уже знаешь, зачем я здесь?

— Похоже, знаю.

— Как это ни печально, — сказал сиятель, — но я вынужден...

— Если ты не возражаешь, — предложил Инек, — давай считать, что протест уже выражен и выслушан. Я заранее его принимаю.

— Может, так оно и лучше будет, — сказал Улисс. — Похоже, это избавит нас троих от довольно болезненной процедуры.

Сиятель все еще сомневался.

— Конечно, если ты считаешь, что должен... — сказал Инек.

— Нет, — ответил сиятель. — Меня вполне удовлетворит, если ты великодушно примешь мой невысказанный протест.

— Согласен, но с одним условием. Я хочу убедиться, что это обоснованное обвинение. Мне нужно сходить и проверить.

— Ты мне не веришь?

— Здесь дело не в доверии. Просто, раз есть возможность проверить,

я не могу принять обвинение против меня самого и моей планеты, не сделав хотя бы этого.

— Инек, — обратился к нему Улисс, — веганцы всегда проявляли доброе отношение к Земле. Им и сейчас не хотелось затевать это дело. Они так старались защищить и Землю, и тебя...

— Ты хочешь сказать, что я поступлю неблагодарно, если приму это обвинение на веру?

— Извини, но я именно это и хотел сказать.

Инек покачал головой.

— Долгие годы я стремился понять и принять этику и образ мышления существ, что проходили через мою станцию. Я отталкивал в сторону свои человеческие инстинкты и привычки. Пытался понять чужие точки зрения, проникнуться иным видением мира, хотя порой это оказывало губительное воздействие на мое прежнее мировоззрение. Но я счастлив, что мне выпала такая доля, что мне представился шанс вырваться из узких земных рамок. Несомненно, я что-то приобрел, но Земли это не коснулось — только меня одного. Однако сейчас происходит нечто такое, что скажется на судьбе всей Земли, и я должен подходить к этому как житель планеты Земля. Сейчас я не просто смотритель галактической станции.

Ни один из его гостей не ответил. Инек подождал еще немного, но инопланетяне по-прежнему молчали, и он направился к двери.

— Я скоро вернусь, — сказал он, затем произнес кодовую фразу, и дверь поползла в сторону.

— Если ты позволишь, — обратился к Инеку сиятель, — я пойду с тобой.

— Хорошо. Идем.

Снаружи было темно, и Инек зажег фонарь. Сиятель следил за его действиями, не отрывая настороженного взгляда.

— Ископаемое топливо, — пояснил Инек. — Фитиль пропитывается им и горит.

— Но у вас должны быть более совершенные системы. — Сиятель был несколько ошарашен.

— Они есть, — ответил Инек. — Это я несколько старомоден в своих привычках.

Он шел впереди и нес в руке фонарь, отбрасывавший небольшой круг света.

— Какая дикая планета, — сказал сиятель.

— В этих местах, пожалуй, да. Но у нас есть и совсем освоенные регионы.

— Нашей планетой мы овладели целиком. Там все давно распланировано.

— Я знаю. Мне доводилось разговаривать со многими веганцами, и они рассказывали о своей планете.

Они дошли до сарая.

— Может, ты хочешь вернуться? — спросил Инек.

— Нет, — ответил сиятель. — Мне это даже интересно. А вот там что — дикие растения?

— Мы их называем деревьями.

— И ветер у вас дует самопроизвольно?

— Да. Мы еще не научились управлять погодой.

Инек взял лопату, стоявшую сразу за дверью сарая, и они направились к саду.

— Ты, конечно, уже поверил, что тело исчезло, — сказал сиятель.

— Я к этому готов.

— Тогда зачем мы идем?

— Я должен убедиться лично. Тебе, наверно, трудно это понять.

— Несколько минут назад, на станции, ты говорил, что старался понять всех нас. Может быть, настало время хотя бы одному из нас постараться понять тебя...

Инек вел сиятеля по тропе, идущей через сад, и вскоре они оказались у грубой ограды, поставленной вокруг могил. Инек прошел за калитку, сиятель последовал за ним.

— Здесь ты его и похоронил?

— Это наше семейное кладбище. Здесь похоронены мои родители, и веганца я похоронил рядом с ними.

Он отдал фонарь сиятелю и, подойдя к могиле, воткнул лопату в землю.

— Пожалуйста, держи свет поближе.

Сиятель сделал два шага вперед. Инек опустился на колени и отгреб в сторону нападавшие листья. Под ними оказалась свежая, мягкая, недавно перекопанная земля. Потом он заметил углубление с небольшим отверстием в центре. Разгребая землю, Инек слышал, как кусочки высохшей глины падают в это отверстие и ударяются обо что-то твердое.

Сиятель переступил с ноги на ногу, и свет фонаря снова ушел в сторону. Однако Инеку и не нужно было больше смотреть. Копать — тоже. Он и так знал, что найдет под землей. Видимо, ему следовало заглядывать сюда почаще, проверять. И наверное, он зря поставил камень, который, скорее всего, и привлек к могиле внимание. Хотя, с другой стороны, в Галактическом Центре сказали: «Действуйте так, как будто это человек Земли». Что он и сделал.

Инек распрямил спину, но все еще стоял на коленях, ощущая, как сырость пропитывает брюки.

— Мне никто не сказал, — тихо произнес сиятель.

— О чем?

— О памятнике. И о том, что на нем написано. Я не знал, что тебе знаком наш язык.

— Я уже давно его выучил — мне хотелось прочесть кое-какие свитки самому. Но, боюсь, здесь я наделал ошибок.

— Две, — заметил сиятель, — и одна маленькая неточность. Но это не важно. Значение имеет лишь то, что ты, когда писал эти строки, думал, как мы.

Инек поднялся с колен и протянул руку к фонарю.

— Идем обратно, — неожиданно, даже нетерпеливо сказал он. — Я понял, кто это сделал. И я его отыщу.

21

Кроны деревьев над головой стонали под напором ветра. Впереди замаячили в слабых отсветах фонаря белые стволы высоких берез. Они росли на краю глубокого обрыва, и Инек знал, что в этом месте надо брать правее, чтобы спуститься по склону холма.

Он обернулся. Люси следовала за ним. Она улыбнулась и показала жестом, что все в порядке. Инек в свою очередь показал рукой, куда им нужно свернуть, и попытался объяснить ей жестами, чтобы не отставала. Хотя, подумал он тут же, это, возможно, лишнее: Люси знала окрестные холмы ничуть не хуже его, а может быть, даже и лучше.

Свернув направо, Инек прошел по краю обрыва, затем спустился по промоине к склону холма. Слева доносилось журчание стремительного ручья, сбегавшего по каменистому ложу из родника у края поля. Вскоре холм стал круче, и им пришлось идти наискось.

Странно, думал Инек, что даже в темноте он легко узнает знакомые предметы: искривленный ствол дуба, торчащего чуть ли не под прямым углом к склону; дальше — старая дубовая роща, венчающая куполообразную каменную насыпь, где деревья выросли так близко друг к другу, что ни один дровосек даже не пытался их срубить: маленькое болотце, заросшее рогозом и словно втиснутое в нишу, вырытую в склоне холма...

Далеко внизу засветились окошки дома, и Инек повернул в том направлении. Потом снова оглянулся, но Люси по-прежнему следовала за ним. Через какое-то время они наткнулись на старую, полуразрушенную ограду, пробрались между жердями, и дальше уже земля стала ровнее.

Где-то в глубине двора залаяла собака. К ней тут же присоединилась вторая, затем еще несколько, и секунду спустя навстречу им уже неслась целая собачья свора. Псы на всем ходу обогнули Инека с фонарем и бросились к Люси. Только теперь они вдруг преобразились, это были уже не свирепые сторожевые псы, а этакий приветственный комитет: собаки проталкивались вперед, вставали на задние лапы и повизгивали. Люси приласкала, погладив по голове, одну, вторую, и они, словно по сигналу, принялись радостно носиться вокруг.

Чуть дальше за забором начинался огород, и Инек пошел вперед, осторожно ступая по дорожкам между грядками. Вскоре они оказались во дворе перед домом. Очертания этого посеревшего, покосившегося строения скрывала ночная тьма, и только окна кухни светились мягким, теплым светом.

Инек подошел к двери кухни и постучал. Изнутри послышались торопливые шаги, дверь открылась, и в освещенном проеме появилась Ма Фи-

шер — высокая костлявая женщина в каком-то балахоне, похожем на мешок. Она уставилась на Инека одновременно с испугом и с вызовом, но тут заметила позади него свою дочь.

— Люси!

Девушка бросилась вперед, и мать заключила ее в объятья. Инек поставил фонарь на землю, сунул винтовку под руку и шагнул через порог.

Семейство ужинало, сидя за большим круглым столом, стоявшим посередине кухни. Хэнк поднялся, но трое его сыновей и незнакомец остались сидеть.

— Привел, значит, — сказал Хэнк.

— Да, я ее отыскал.

— А мы только-только вернулись. Собирались идти искать снова.

— Ты помнишь, что сказал мне сегодня днем? — спросил Инек.

— Я много чего говорил.

— Ты сказал, что я спутался с дьяволом. Так вот, если ты хотя бы еще раз ее ударишь, я тебя самого к дьяволу отправлю. Понял?

— Нечего меня стращать! — огрызнулся Хэнк, но по тому, как он весь напрягся, было видно, что угроза подействовала.

— Я тебя предупредил. Не испытывай мое терпение.

С минуту они стояли лицом к лицу, затем Хэнк не выдержал и сел.

— Ужинать с нами будешь? — буркнул он.

Инек покачал головой и перевел взгляд на незнакомца.

— Это вы женьшень ищите? — спросил он.

Незнакомец кивнул.

— Мне нужно с вами поговорить. Выйдем...

Клод Льюис встал.

— Незачем тебе выходить! — вскинулся Хэнк. — Еще приказывает! Пусть здесь говорит.

— Да я не против, — сказал Льюис. — Мне и самому давно хотелось поговорить. Вы ведь Инек Уоллис, верно?

— Он самый, — буркнул Хэнк. — Ему следовало помереть от старости лет пятьдесят назад, а ты глянь на него! Я же говорю, он с дьяволом спутался.

— Помолчи, Хэнк, — сказал Льюис, вышел из-за стола и направился к двери.

— Спокойной ночи, — попрощался Инек со всем семейством.

— Мистер Уоллис, — обратилась к нему Ма Фишер, — спасибо вам за то, что вы привели мою девочку. Хэнк ее больше не тронет. Я вам обещаю.

Инек вышел на улицу, прикрыл за собой дверь и поднял с земли фонарь. Льюис поджидал его во дворе.

— Отойдем немного, — сказал Инек.

Они дошли до огорода и остановились.

— Вы за мной наблюдали, — сказал Инек.

Льюис кивнул.

— Это санкционировано? Или праздное любопытство?

— Боюсь, санкционировано. Меня зовут Клод Льюис. И мне нет смысла скрывать от вас, что я сотрудник ЦРУ.

— Я не изменник и не шпион, — заявил Инек.

— Никто так и не думает. Мы просто наблюдаем за вами.

— Вам известно о кладбище?

Льюис снова кивнул.

— Вы забрали из могилы тело?

— Да. Из той, где надгробный камень со странной надписью.

— Где оно?

— Тело, вы имеете в виду? В Вашингтоне.

— Этого делать не следовало, — мрачно произнес Инек. — Ваши действия повлекли за собой большие неприятности. Нужно вернуть тело в могилу. И как можно скорее.

— На это потребуется время, — сказал Льюис. — Придется доставлять его самолетом, но все равно не меньше суток.

— А быстрее?

— Ну, может быть, немного быстрее.

— Верните тело как можно скорее. Это очень важно.

— Хорошо, Уоллис. Я не знал...

— И вот что еще, Льюис...

— Да?

— Не вздумайте хитрить. Никаких фокусов. Просто сделайте, что я сказал. Я пошел на переговоры с вами, потому что это единственный путь. Но один ваш неверный шаг...

Инек схватил Льюиса за рубашку и притянул к себе.

— Вы меня поняли, Льюис?

Тот стоял, даже не пытаясь освободиться.

— Да. Я все понял.

— За каким чертом вы вообще это сделали?

— Работа такая, — ответил Льюис.

— Работа... Вам положено наблюдать за мной, а не грабить могилы. — Инек отпустил наконец его рубашку.

— А скажите... — неуверенно начал Льюис, — там, в могиле... Что это было?

— Вас это не касается, — отрезал Инек. — Но доставить тело обратно — ваша прямая обязанность. Вы уверены, что сумеете это сделать? Вам никто не помешает?

— Все будет в порядке. Я позвоню, как только доберусь до телефона. Скажу, что дело крайне важное.

— Так оно и есть, — подтвердил Инек. — Если вы вернете тело на место, это будет самая важная работа в вашей жизни. Не забывайте об этом ни на минуту. Ситуация касается абсолютно всех на Земле. Вас, меня — всех. И если вы меня подведете, вам не поздоровится в первую очередь.

— Имеется в виду вот это? — спросил Льюис, кивнув на винтовку.

— Возможно, — ответил Инек. — И не вздумайте шутить со мной! Можете не сомневаться: если потребуется вас убить, я сделаю это без колебаний. Положение таково, что я готов пойти на все.

— Уоллис, но хоть вы мне можете объяснить?

— Ничего, — ответил Инек.

— Вы домой?

Инек кивнул.

— Похоже, вы не возражаете против нашей слежки?

— Не возражаю. Но только против слежки. Верните тело и можете продолжать, если вам хочется. Но ко мне не суйтесь. Не давите на меня. Не вмешивайтесь. Держитесь подальше.

— Но что происходит, черт побери? Скажите же хоть что-нибудь!

Инек задумался.

— Хотя бы намекните, — продолжал Льюис. — В общих чертах...

— Верните тело на место, — с нажимом проговорил Инек. — Тогда мы, может быть, поговорим.

— Вернем, — заверил его Льюис.

— Если не вернете, считайте себя покойником, — сказал Инек и, резко повернувшись, двинулся через огород к подножью холма.

Льюис долго стоял во дворе и, пока раскачивающийся фонарь не скрылся из виду, смотрел Инеку вслед.

22

Когда Инек вернулся на станцию, Улисс был уже один. Тубанца он отправил своей дорогой, а сиятеля послал обратно на Вегу-XXI. На плите снова грелся кофейник, а сам Улисс разлегся на диване.

Инек повесил винтовку на место и погасил фонарь. Затем снял куртку, швырнул ее на стол и сел в кресло напротив дивана.

— Тело вернут, — произнес он. — Завтра, к этому часу.

— Всей душой надеюсь, что это принесет какую-то пользу, — сказал Улисс. — Хотя сомнений у меня предостаточно.

— Может быть, мне и беспокоиться не стоило? — с горечью спросил Инек.

— В любом случае это послужит доказательством доброй воли землян и, возможно, окажет умиротворяющее действие при окончательном решении вопроса.

— Сиятель мог сам сказать мне, где находится тело. — Инек решил перевести разговор на другую тему. — Если ему стало известно, что тело пропало, тогда он наверняка знал и где оно сейчас.

— Видимо, да, — отозвался Улисс, — но я думаю, он не мог тебе сообщить. Ему было поручено заявить протест. Все остальное — твоя задача. Как-никак он представитель потерпевшей стороны, их оскорбили. Он должен был помнить об этом и блюсти достоинство.

— Иногда от всего этого с ума можно сойти, — заметил Инек. — Несмотря на рекомендации и подсказки Галактического Центра, я то и дело сталкиваюсь с новыми неожиданностями или попадаю впросак.

— Возможно, наступит день, когда все изменится. Вглядываясь в будущее, я представляю себе, как через несколько тысячелетий жители галактики сольются в единую культуру, основанную на взаимопонимании. Какие-то местные и расовые различия останутся — так и должно быть, — но превыше всего будет терпимость, которая поможет созданию своего рода галактического братства.

— Ты говоришь почти как землянин, — сказал Инек. — Об этом мечтали и на это надеялись многие наши великие мыслители.

— Может быть. Сам знаешь, я на Земле тоже открыл для себя немало. Нельзя провести столько времени на этой планете без того, чтобы она не оставила в душе какого-то следа... Кстати, ты произвел на веганца очень хорошее впечатление.

— Мне так не показалось, — сказал Инек. — Он, конечно, был доброжелателен, вежлив, но не более того.

— Надпись на камне... Именно она на него и подействовала.

— Я сделал ее не ради того, чтобы произвести на кого-то впечатление. Просто я чувствовал, что так будет правильно. И еще потому, что мне нравятся сиятели. Мне хотелось сделать все честь по чести.

— Если бы не давление со стороны различных фракций содружества, — сказал Улисс, — я бы даже не сомневался, что сиятели предпочтут забыть о случившемся, а это, надо заметить, такая значительная уступка с их стороны, что ты себе и не представляешь... Не исключено, что даже в сложившихся обстоятельствах они в конце концов окажутся на нашей стороне.

— Ты имеешь в виду, что они могут спасти станцию?

Улисс покачал головой.

— Думаю, это уже никому не под силу. Но всем нам в Галактическом Центре было бы гораздо легче, если бы сиятели поддержали нас.

Кофейник забулькал, и Инек пошел его снять. Улисс тем временем отодвинул сложенные на кофейном столике сувениры, освобождая место для двух чашек. Инек наполнил их и поставил кофейник на пол.

Улисс взял свою чашку, но, подержав в руках, поставил обратно.

— Плохо у нас стало, — неожиданно сказал он. — Не то что в прежние времена. Это очень беспокоит Галактический Центр. Ссоры, разногласия между расами, все чего-то требуют, показывают свой гонор... — Он взглянул на Инека и спросил: — А ты думал, у нас тишина и покой?

— Нет, — ответил Инек, — не совсем так. Я знал, что у вас тоже существуют противоположные точки зрения и случаются конфликты. Но я, признаться, думал, что все свои проблемы вы решаете на достойном уровне, по-джентльменски, что ли, цивилизованно.

— Когда-то так оно и было. Разногласия существовали всегда, но если

раньше их причиной служили какие-то философские концепции или этические нормы, то теперь это чаще всего специфические интересы. Ты, разумеется, знаешь о вселенской энергии духовности...

Инек кивнул.

— Я читал кое-какие труды на эту тему. Мне не все понятно, но я готов принять ее существование. Насколько я понимаю, у вас есть способ черпать эту энергию...

— Талисман.

— Да. Талисман. Что-то вроде машины...

— Видимо, можно и так сказать, — согласился Улисс. — Хотя слово «машина» не совсем точное. В конструкции Талисмана воплощены отнюдь не только механические принципы. Кроме того, он уникален. Некое таинственное существо, жившее около десяти тысяч лет назад, изготовило только один Талисман. Я бы с удовольствием рассказал тебе, что он из себя представляет и как устроен, но, боюсь, этого не знает ни один житель галактики. Многие пытались создать дубликат Талисмана, и никому это не удавалось, а его творец не оставил после себя ни чертежей, ни схем, ни даже единой записочки. Так что Талисман по-прежнему остается загадкой для всех.

— Но, надо полагать, — сказал Инек, — против изготовления дубликата никто бы не возражал? Никаких священных запретов тут нет? Это не будет святотатством?

— Ни в коей мере. Более того, нам крайне необходим второй Талисман, потому что первый пропал. Исчез.

Инек даже подскочил в кресле.

— Исчез?

— Да, — подтвердил Улисс. — Потерян. Украден. Никто не знает, что с ним случилось.

— Но я даже не...

— Верно, ты не мог об этом слышать. — Улисс печально улыбнулся. — Потому что мы никому не сообщали. Не решались. Жители галактики не должны знать о пропаже Талисмана. Хотя бы какое-то время.

— Но как можно скрыть пропажу Талисмана?

— На самом деле это не сложно. Ты же сам знаешь, что хранители переносят его с планеты на планету, где Талисман выставляется для обозрения и к нему стекается огромное число жителей, черпающих с его помощью энергию духовности. Но передвижения хранителей не подчиняются каким-то расписаниям или графикам: они просто путешествуют по галактике. На некоторых планетах между посещениями хранителей проходит порой до сотни лет и больше. Люди не ждут этих визитов к какому-то определенному сроку. Они знают, что рано или поздно хранитель с Талисманом появится и на их планете.

— Но так можно хранить тайну годами.

— Да, — сказал Улисс. — Без всяких сложностей.

— Руководители планет, разумеется, знают? И их помощники?

Улисс покачал головой.

— Мы рассказали очень немногим. Только тем, кому полностью доверяем. В Галактическом Центре, конечно, все знают, но у нас не принято болтать.

— Тогда почему...

— Почему я рассказал тебе? Я не должен был этого делать, знаю. И признаться, сам не понимаю, почему сделал. Хотя, может быть, догадываюсь... Как ты себя чувствуешь, мой друг, в роли исповедника?

— Ты всерьез обеспокоен, — сказал Инек. — Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу тебя таким.

— Это очень странная история. Талисман пропал несколько лет назад. И никто об этом пока не знает — кроме Галактического Центра и... — как бы это поточнее сказать?.. — иерархии, что ли. Организации посвященных, которая занимается вопросами духовности. Но даже при том, что никто еще не знает, галактика дает слабину и кое-где трещит по швам. Со временем все вообще может рухнуть. Как будто Талисман незримо объединял все расы галактики, оказывая свое воздействие, даже когда он находился далеко.

— Но ведь Талисман все равно где-то существует, — заметил Инек. — Он по-прежнему должен действовать. Не могли же его уничтожить?

— Ты забываешь, — напомнил Улисс, — что он не действует без хранителя, без восприимца. Дело не в самом механизме. Он всего лишь связующее звено между восприимцем и энергией духовности. Продолжение восприимца. Талисман только усиливает его талант и действует в качестве некоего посредника, позволяющего восприимцу выполнять свою функцию.

— И ты полагаешь, что потеря Талисмана имеет какое-то отношение к тому, что происходит сейчас?

— Ты имеешь в виду судьбу этой станции? Не прямо, но это одна цепочка событий, и то, что существование станции оказалось под угрозой, очень симптоматично. Те же самые склоки и недостойные разбирательства, что поразили всю галактику. Случись это в прежние времена, все обсуждения велись бы, как ты выразился, по-джентльменски, достойно и тактично.

Некоторое время они сидели молча, прислушиваясь к негромкому свисту ветра за стенами дома.

— Не забивай себе голову, — сказал наконец Улисс. — У тебя и так забот хватает. Зря я тебе все рассказал. Довольно опрометчиво с моей стороны.

— Ты имеешь в виду, что я никому не должен об этом говорить? Можешь быть спокоен.

— Я знаю, что ты этого не сделаешь. И никогда не думал иначе.

— Но ты действительно считаешь, что отношения между галактическими расами портятся? — спросил Инек.

— Когда-то все они были заодно, — ответил Улисс. — Конечно, по многим вопросам жители галактики придерживались различных позиций,

однако они всегда пытались примирить свои взгляды — порой довольно искусственно, порой не очень успешно, но, когда к этому стремятся обе стороны, они, как правило, достигают цели. Потому что они этого хотят. А целью всегда было создание братства разумных существ. Все прекрасно понимали, что вместе мы располагаем огромным массивом знаний и опыта, что, работая бок о бок, объединяя эти знания и способности, мы добьемся результатов гораздо более значительных, чем в состоянии добиться какая-то одна раса. Трудностей и проблем, как я уже говорил, хватало, но все же содружество прогрессировало. Мелкие обиды и разногласия мы просто отметали в сторону и занимались только крупными проблемами, потому что знали: если нам удастся справиться с ними, мелкие станут еще мельче, а потом и вовсе исчезнут. Но теперь все по-другому. Откуда-то из темных углов извлекаются старые мелкие раздоры и раздуваются до совершенно безобразных размеров, в то время как решения крупных, важных вопросов попросту никто не ищет.

— Это здорово напоминает Землю, — заметил Инек.

— Да, очень, — ответил Улисс. — Внешне. Хотя речь идет о совершенно иных вещах.

— Ты читаешь газеты, которые я тебе отдаю?

Улисс кивнул.

— Похоже, у вас тут тоже не очень спокойно.

— Похоже, у нас будет война, — без околичностей заявил Инек.

Улисс поежился, но промолчал.

— У вас, насколько я понимаю, войн не бывает, — сказал Инек.

— В галактике, ты имеешь в виду? Нет, при нынешнем устройстве не бывает.

— Слишком для этого цивилизованны?

— Ты меня как будто попрекаешь, — сказал Улисс. — Раза два мы стояли на грани, но это было давно. В содружество входят много цивилизаций, которые на раннем этапе своего развития тоже познали войны.

— Тогда и у нас, может быть, есть еще надежда. Нужно только переболеть этим.

— На что требуется время.

— Ты не уверен, что мы справимся?

— Нет. Не уверен.

— Я много лет работал над таблицей, основанной на мицарской статистической теории, — сказал Инек. — По таблице выходит, что будет война.

— Тут и без таблицы все ясно.

— Но дело не в этом. Я работал над ней не только ради точного ответа. Меня не оставляла надежда, что она подскажет, как сохранить мир. Должен же быть какой-то способ. Какое-то решение. Если бы мы только нашли его или знали, где искать, у кого спросить.

— Такой способ есть, — произнес Улисс.

— Ты хочешь сказать, что тебе известно...

— Но это радикальная мера. И применять ее можно, лишь когда ничего другого уже не остается.

— А ты считаешь, что у нас еще есть шанс?

— Нет. Наверное, уже нет. Война, которая может разразиться на Земле, уничтожит плоды нескольких тысячелетий развития, уничтожит культуру — все уничтожит, кроме жалких остатков цивилизации. Не исключено, что она убьет почти все живое на планете.

— Этот твой способ... Он уже применялся?

— Несколько раз.

— И помогло?

— Да, конечно. Мы даже не стали бы об этом думать, если бы сомневались в успехе.

— Его можно использовать на Земле?

— Да. Ты должен дать запрос.

— Я?!

— Как представитель Земли, ты можешь обратиться в Галактический Центр с просьбой предотвратить войну на своей планете. Тебя обязательно выслушают, и, если ты убедишь Центр, они назначат группу специалистов для подготовки доклада, на основании которого будет приниматься решение.

— Ты сказал, что это должен сделать я. А кто-нибудь еще с Земли может?

— Любой, кто имеет возможность обратиться в Галактический Центр. Но чтобы туда обратиться, нужно прежде всего знать о его существовании, а ты единственный человек на Земле, которому о нем известно. Кроме того, ты сотрудник Галактического Центра. Долго работал смотрителем станции. У тебя безупречный послужной список. К тебе там прислушаются.

— Но я же один! Как может один человек решать судьбу целой планеты?

— Ты единственный представитель человечества, который на это способен.

— Если бы можно было посоветоваться с другими людьми...

— Нельзя. Да и не поверит тебе никто.

— Тоже верно...

Ему самому мысль о галактическом содружестве разумных существ и раскинувшейся среди звезд транспортной сети давно уже перестала казаться странной. Время от времени на него еще накатывало восторженное удивление, но ничего странного он тут уже не находил. Хотя, конечно же, чтобы привыкнуть, потребовались годы. Годы, в течение которых он все это видел своими глазами и лишь потом постепенно принял. Но рассказать такое любому другому землянину — и тот подумает, что рассказчик просто рехнулся.

— Что это за способ? — спросил Инек, хотя внутри у него все сжалось от волнения и он приготовился к самому худшему.

— Оглупление, — ответил Улисс.

Инек судорожно вздохнул.

— Оглупление? Не понимаю... Мы и без того достаточно глупы.

— Ты сейчас имеешь в виду дефицит трезвого мышления. Такое встречается часто — не только на Земле, но и по всей галактике. А я говорю об общем уровне умственных способностей человечества. О состоянии, когда никто не сможет понять науку и технику, что делают возможной грозящую Земле войну. О неспособности справиться с машинами и аппаратурой для ведения боевых действий. Это означает возвращение людей на такую ступень умственного развития, с которой они уже не смогут дотянуться до научных и технологических вершин, покоренных ранее. Тот, кто знал, забудет. Тот, кто не знал, так и не выучится. Назад к колесу и рычагу. И тогда ваша страшная война станет невозможна.

Инек застыл, выпрямившись в кресле, не в силах вымолвить хотя бы слово. Его будто сковало леденящим ужасом, но в мозгу роилось множество мыслей.

— Я же говорил, что это радикальная мера, — добавил Улисс. — Но необходимая: войну так просто не остановишь. Цена здесь высока.

— Я не могу принять такое решение в одиночку, — проговорил Инек. — Это никому не под силу...

— Да, это нелегко. Но подумай: если разразится война...

— Я знаю. Если начнется война, будет еще хуже. Но таким способом войну не остановить. Я совсем не это искал. Люди все равно смогут воевать и убивать.

— Дубинами, — сказал Улисс. — Может быть, луками и стрелами. Винтовками, пока они не выйдут из строя или пока не кончатся патроны. Люди забудут, как делать порох, как добывать металл для пуль и прочие подобные вещи. Пусть вражда и не прекратится, но, во всяком случае, мир избежит катастрофы. Не погибнут в ядерных взрывах города, потому что никто не будет знать, как запустить ракету или как подготовить боеголовку к запуску. Скорее всего, люди просто перестанут понимать, что такое ракета или боеголовка. Исчезнет вся современная связь. Прекратит существование весь транспорт, за исключением простейших повозок. Война — кроме мелких локальных конфликтов — станет невозможна.

— Ужасная картина... — произнес Инек.

— Война не менее ужасна, — сказал Улисс. — Тебе выбирать.

— Но сколько это продлится? — спросил Инек. — Мы же оглупеем не навсегда?

— На несколько поколений, — ответил Улисс. — Потом эффект, если можно так сказать, обработки начнет сходить на нет. Люди в конце концов стряхнут с себя это оглупляющее оцепенение, и снова начнется интеллектуальный подъем. Фактически цивилизация получит второй шанс.

— Но спустя еще несколько поколений они снова могут прийти к той же самой ситуации, что мы имеем сейчас.

— Возможно. Хотя маловероятно. Развитие культуры вряд ли пойдет

тем же путем. Есть шанс, что ваша цивилизация станет лучше, а люди не столь воинственны.

— Но это слишком большой груз для одного человека...

— Есть одно обнадеживающее обстоятельство, — добавил Улисс, — и тебе необходимо иметь это в виду. Описанный способ предлагается только тем мирам, которые, по нашему мнению, заслуживают спасения.

— Ты должен дать мне время подумать, — сказал Инек.

Однако он понимал, что времени на раздумья практически не осталось.

23

Человек, который работал всю жизнь, вдруг не сможет больше делать свое дело. И со всеми вокруг произойдет то же самое. У людей ни с того ни с сего пропадут знания и опыт, необходимые, чтобы выполнять стоящие перед ними задачи. Они, конечно, будут пытаться работать, как прежде, но, видимо, не очень долго. А поскольку никто не сможет работать, корпорации, конторы, заводы просто перестанут действовать. Не закроются, не обанкротятся, а просто остановятся. И не только потому, что никто не сможет работать или ни у кого уже не хватит ума, чтобы управлять производством, — транспорт и связь, от которых зависит бизнес, тоже прекратят существование.

Локомотивы, самолеты и корабли останутся на своих местах, потому что не будет никого, кто мог бы вспомнить, как управлять этими машинами. Множество людей, которые еще недавно обладали всеми необходимыми знаниями, вдруг поймут, что они уже ничего не умеют. Возможно, найдется кто-то, кто все равно захочет попробовать, но, скорее всего, такая попытка закончится трагически. У кого-то еще, видимо, останутся смутные воспоминания о том, как водить легковой автомобиль, грузовик или автобус, потому что они просты в управлении и люди, как правило, делают это почти инстинктивно. Но когда машины сломаются, не останется уже ни одного автомеханика, способного их починить, и они тоже встанут.

Всего через несколько часов после обработки человечество вновь окажется в затерянном мире, где расстояние — один из важнейших факторов. Мир увеличится, океаны снова превратятся в непреодолимые водные пустыни, а миля опять станет очень длинной. Спустя два-три дня начнется паника, суматоха, бегство, отчаяние перед свершившимся, перед действительностью, которую никто не в состоянии понять.

Сколько пройдет времени, размышлял Инек, прежде чем жители городов израсходуют последние продукты, оставшиеся на складах, и начнется голод? Что произойдет, когда исчезнет электричество? Долго ли в такой ситуации сохранят свою цену бессмысленные символические бумажки или даже монеты?

Торговля рухнет, коммерция и промышленность умрут, правительства,

лишенные средств и способностей для нормального функционирования, превратятся в ничто, связь исчезнет, закон и порядок канут в прошлое, мир снова потонет в варварстве и лишь потом начнет медленно возрождаться. На это уйдут многие годы — годы страданий, болезней, смертей и несказанного отчаяния. Со временем положение стабилизируется, и мир привыкнет к новому образу жизни, но в процессе утряски слишком многие погибнут и многие другие потеряют все то, что означало для них нормальную жизнь или смысл жизни.

Однако будет ли это хуже, чем ядерная война?

Да, многие умрут от холода, голода и болезней (поскольку медицина исчезнет вместе со всей остальной наукой), зато миллионы, которых не коснется огненное дыхание ядерных вспышек, останутся в живых. С неба не польются смертоносные дожди, вода останется чистой и свежей, земля сохранит плодородие. Когда закончится начальная фаза перемен, человечество получит шанс выжить и построить новую цивилизацию.

Если бы только знать наверняка, что война будет, что она неизбежна, думал Инек, тогда выбор был бы прост. Но всегда остается надежда, что Земля все-таки избежит этой опасности, что мир — пусть хрупкий и неустойчивый — удастся сохранить. В таком случае уже не будет отчаянной нужды в радикальном средстве против войны, что предлагают жители галактики. Прежде чем решить, необходима уверенность. Но где ее взять? Да, таблица, лежащая на столе, предрекает войну. Да, дипломаты и обозреватели считают, что грядущая конференция может послужить толчком к катастрофе. Однако уверенности в том, что войны не миновать, все равно нет.

И даже зная наверняка, как может один человек — один! — брать на себя роль вершителя судеб всего человечества? По какому праву может один человек принимать решение, которое повлияет на всех остальных, на миллиарды людей? И оправдают ли последующие годы его выбор?

Под силу ли одному человеку решить, что хуже — война или поголовное оглупление? Видимо, не под силу. Разве можно представить себе, оценить и ту, и другую катастрофу?

Конечно, если не торопиться, оба варианта выбора можно обосновать. Со временем оформятся какие-то убеждения, которые позволят прийти все-таки к окончательному решению — пусть не совсем верному, но, во всяком случае, достаточно продуманному, чтобы его можно было примирить потом с собственной совестью...

Инек встал и подошел к окну. Звук шагов отдавался в помещении станции глухим эхом. Он взглянул на часы и увидел, что уже за полночь.

Среди жителей галактики, думалось ему, наверняка есть расы, способные правильно и быстро справиться практически с любой проблемой — одним стремительным рывком сквозь сложное переплетение мыслей, логикой, более точной, чем та, которой следует человечество. Это было бы, конечно, неплохо — в том смысле, что появилось бы все-таки определенное решение, но разве не принижает оно — или не отметает вовсе —

значимость каких-то граней проблемы, которые для человечества не менее важны?

Инек стоял у окна, вглядываясь в залитые лунным светом поля, сбегавшие к темной полосе леса. Облака разошлись, и ночь стояла тихая, спокойная. Впрочем, здесь всегда будет спокойно, думал он, поскольку места эти далеко от шумных дорог, от любой возможной цели ядерной атаки. За исключением, быть может, какого-нибудь мелкого конфликта в доисторические времена, никем не описанного и давно забытого, здесь никогда не было никаких сражений и никогда не будет. Но даже этому затерянному уголку не избежать общей судьбы планеты, если она отравит свою воду и почву, если ее обитатели в порыве вражды вдруг пустят в ход свое чудовищное оружие. Небо затянет радиоактивным пеплом, который затем падет на землю, и уже не будет никакой разницы, где живет человек. Рано или поздно война дотянется до него, если не вспышкой обезумевшего огня, то смертоносным снегом, сыплющимся с небес.

Вернувшись к столу, Инек собрал газеты, доставленные утренней почтой, и сложил в пачку, отметив, что Улисс забыл забрать с собой те, которые он приготовил для него раньше. Разумеется, инопланетянин был расстроен, иначе он не забыл бы газеты. Боже, подумал Инек, у каждого из нас полно своих тревог.

День выдался нелегкий. И только сейчас Инек осознал, что пробежал всего лишь две или три статьи в «Таймс», касающиеся созыва конференции. Слишком полон был день, причем событиями серьезными и зловещими.

Более ста лет все шло хорошо. Бывали дни плохие, бывали хорошие, однако в целом жизнь текла спокойно и без тревожных инцидентов. Но вот наступил день сегодняшний, и все безмятежные годы как ветром сдуло.

Когда-то он надеялся, что Землю примут в галактическую семью, что своей службой он принесет родной планете признание. Но теперь надежды рассыпались в прах: станцию, похоже, закрывают, а сама эта мера вызвана в значительной степени варварскими повадками человечества. Вообще-то в галактической политике Земля оказалась в положении мальчика для битья, но клеймо, единожды наложенное, не так легко будет смыть. И даже если отмыть клеймо удастся, Земля запомнится всем как планета, ради спасения которой Галактический Центр готов провести радикальную и унизительную акцию.

Наверное, еще не поздно попытаться спасти положение. Он может остаться землянином и передать людям Земли всю информацию, собранную им за долгие годы и записанную до мельчайших подробностей вместе с фактами его жизни, впечатлениями и всякими незначительными событиями в дневниках, что занимают несколько полок. Отдать эти дневники и литературу инопланетян, которую он получил, прочел и сохранил. Сувениры и огромное количество предметов из других миров. Люди Земли наверняка сумеют извлечь из всего этого новые знания, которые помогут им и в конце концов выведут на дорогу к звездам, к еще большим знаниям

и тому возвышенному пониманию Вселенной, которое станет их культурной традицией и которое, очевидно, должно быть традицией и правом каждой расы разумных существ. Но ждать этого дня придется долго, а последние события, о которых ему стало известно, отодвинут его еще дальше. Впрочем, и информация, собранная с такими трудами за век с лишним, уже казалась ему настолько незначительной по сравнению с теми знаниями, какие он мог бы получить за следующий век (или за тысячелетие), что просто стыдно было предлагать ее людям Земли.

Если бы только ему было отпущено больше времени... Но времени, разумеется, не будет. Его не хватает сейчас и никогда не хватит. Сколько бы веков он ни посвятил собиранию знаний, их всегда будет больше, чем уже собрано, и то, чем он располагает, всегда будет казаться жалкими крохами.

Инек тяжело опустился в кресло у стола и впервые задумался о том, как все это произойдет, — как он откажется от работы в Галактическом Центре, как променяет целую галактику на одну-единственную планету, пусть даже эта планета — его родная.

Терзая свой разум, он мучительно искал ответа, но по-прежнему безуспешно.

Ведь он один, совсем один...

Не может один человек удержать на своих плечах и Землю, и галактику.

24

Разбудили его лучи утреннего солнца, заглядывавшего в окно, и с минуту он не двигался, наслаждаясь даримым теплом. Доброе, обнадеживающее прикосновение солнца позволяло забыться, защищая его от беспокойных проблем, но Инек чувствовал, что они рядом, и снова закрыл глаза. Может быть, если опять уснуть, они уйдут, затеряются где-то и, когда он проснется, их уже не будет?..

Но что-то еще было не так, что-то, помимо забот и проблем... Шея и плечи болели невыносимо, все тело как будто свело, а подушка казалась слишком твердой.

Инек открыл глаза, поднял голову и увидел, что он вовсе не в постели. Его сморило прямо в кресле, и головой он лежал не на подушке, а на крышке стола. Пошевелив губами, Инек почувствовал во рту противный привкус, как того и следовало ожидать.

Он медленно поднялся на ноги, выпрямился и потянулся, разогревая затекшие мышцы и онемевшие суставы. Пока он стоял у стола, беспокойство, и все его проблемы, и ужасная необходимость искать ответы просочились из темных углов памяти обратно. Инек мысленно отмахнулся от них — не очень успешно, но все же они отползли чуть назад и затаились, готовясь к новому броску.

Подойдя к плите, он поискал кофейник, потом вспомнил, что вечером поставил его на пол рядом со столиком. Две чашки с коричневым осадком на дне все еще стояли среди сувениров, где в куче других безделушек, что Улисс отодвинул в сторону, освобождая место для чашек, лежала на боку пирамидка из шариков. Она по-прежнему светилась и вспыхивала, а шарики, как и раньше, вращались каждый в свою сторону.

Инек взял пирамидку в руки и провел пальцами по основанию, на котором покоились шарики, но ни кнопки, ни рычажка, ни какого-нибудь углубления — ничего такого, чем можно было бы включать игрушку и выключать, — он так и не нашел. Впрочем, этого следовало ожидать: ведь он не один раз смотрел... Однако днем раньше Люси что-то с ней сделала, и пирамидка включилась. Она работала уже двенадцать часов, но пока ничего не произошло. Хотя, может быть, ничего такого, что он в состоянии заметить...

Вернув игрушку на столик, Инек составил чашки одну в другую, потом наклонился за кофейником, но взгляд его по-прежнему удерживала пирамидка.

Чертовщина какая-то, подумал он. Ему бог знает сколько лет не удавалось ее включить, а Люси сумела сделать это за несколько минут. Теперь вот неизвестно, как ее выключить, хотя, судя по всему, работает она или нет, разницы никакой...

Чашки и кофейник Инек отнес в раковину. На станции царила тишина — тяжелая, давящая тишина, но, скорее всего, сказал он себе, это ему просто кажется.

Инек подошел к аппарату связи, экран был пуст. За ночь не поступило ни одного сообщения. Глупо, конечно, проверять: если бы что-то пришло, сработал бы звуковой сигнал, который можно отключить только вручную.

Но вдруг станцию уже закрыли? И весь поток путешественников пустили обходным маршрутом? Впрочем, вряд ли это возможно, потому что закрытие станции на Земле будет означать, что придется закрыть и все остальные станции, идущие за ней. В этом спиральном рукаве галактики просто нет обходных, дублирующих маршрутов, по которым можно в случае чего пропустить путешественников. И не стоит удивляться их отсутствию, уверял себя Инек. Раньше тоже случалось, что гости на станции не появлялись по нескольку дней подряд. Ведь движение тут не подчиняется никакому расписанию. Бывало, что многочисленные запланированные пересадки приходилось даже откладывать до тех пор, пока не освободится аппаратура, в другие же дни наоборот — никто на станцию не направлялся, и аппаратура простаивала так же, как сейчас.

Нервы у меня шалят, подумал Инек. Нервы.

Конечно же ему сообщат, прежде чем закрыть станцию. Этого требует хотя бы элементарная вежливость.

Он вернулся к плите и поставил кофейник. Потом вынул из холодильника пакет с густым концентратом из злаков, что растут в джунглях на одной из планет системы Дракона. Немного подумал, положил пакет об-

ратно и достал два последних яйца из той дюжины, что привез ему из города Уинслоу с неделю назад.

Посмотрев на часы, Инек увидел, что проспал гораздо дольше, чем ему казалось, и скоро уже пора отправляться на прогулку. Он поставил на плиту сковородку, положил кусок масла и, когда оно растаяло, разбил туда два яйца.

Может быть, подумал он, сегодня не ходить? Пожалуй, это будет с ним впервые, если не считать одного или двух случаев, когда очень уж бушевала непогода. Но вовсе не обязательно идти сегодня только потому, что у него так заведено. Он просто пропустит сегодня прогулку, а за почтой сходит позже. Да и дела остались со вчерашнего дня. Газеты до сих пор не прочитаны. К дневнику он так и не прикоснулся, хотя записать нужно очень много, потому что он привык описывать случившееся с ним точно и подробно, а вчера столько всего случилось.

Это правило Инек установил себе с самого первого дня работы станции — никогда не запускать дневник. Случалось, он делал записи чуть позже, но, даже когда у него не хватало времени, Инек ни разу не позволил себе пропустить что-то хоть мало-мальски значительное. Глядя на длинные ряды дневников, теснящихся на полках в противоположном конце комнаты, он испытал прилив гордости и удовлетворение от того, насколько полны и тщательны его записи. Огромный срок — больше века — нашел отражение между обложками этих дневников. Ни одного пропущенного дня!

Вот наследство, которое он завещает миру, вот чем он заплатит за право вернуться в человеческое общество; здесь все, что он видел, слышал и о чем думал в течение ста с лишним лет общения с жителями галактики.

Но тут все вопросы, от которых он пытался уйти, нахлынули с новой силой, и он понял, что никуда от них не деться. Какое-то время Инеку удавалось как бы не замечать их — совсем недолго, только чтобы прийти в себя и справиться с усталостью, но теперь он уже не противился. Решать все равно придется.

Переложив яичницу в тарелку, он снял с плиты кофейник и сел завтракать. Потом взглянул на часы.

Времени для прогулки оставалось еще достаточно.

25

У родника его ждал «искатель женьшеня».

Инек заметил Льюиса издалека и с раздражением подумал: уже не хочет ли тот сказать ему, что вернуть тело сиятеля не удастся, что в Вашингтоне к этой идее отнеслись отрицательно, что он столкнулся с неожиданными трудностями.

Инек вспомнил вдруг, как предыдущим вечером грозился убить любого, кто помешает вернуть тело. Возможно, подумал он, говорить этого

не стоило. Способен ли он вообще убить человека? Ему приходилось в свое время убивать, но то было давно, на войне, и вопрос тогда стоял по-другому: или ты, или тебя.

Он на секунду закрыл глаза и снова увидел перед собой пологий склон холма с длинными рядами людей, наступающих сквозь пороховой дым. Эти люди поднимались наверх с одной только целью — убить его и всех тех, кто был рядом с ним.

Отнюдь не в первый раз пришлось ему тогда убивать, и далеко не в последний, но все долгие годы сражений почему-то свелись у него в памяти к одному моменту — не к тому, что произошло позже, а к этому тягучему, страшному мгновению, когда он увидел перед собой ряды солдат, неотвратимо приближающихся по склону холма, чтобы его убить.

Именно тогда он осознал в полной мере, что это за безумие — война. Тщетное действо, которое по прошествии времени и вовсе теряет всякий смысл и должно питаться безрассудной яростью, что живет значительно дольше породившего ее инцидента; действо совершенно нелогичное, как будто один человек своей смертью или своими страданиями может доказать какие-то права или утвердить какие-то принципы.

Где-то на своем долгом историческом пути человечество оступилось, возвело это безумие в норму и существовало так вплоть до настоящего времени, когда безумие, ставшее нормой, грозит уничтожить если не сам род людской, то по крайней мере все те материальные и духовные ценности, что были символами человечества на протяжении многих трудных веков.

Когда Инек подошел к роднику, Льюис, сидевший на стволе поваленного дерева, встал.

— Я решил подождать вас здесь, — сказал он. — Надеюсь, вы не возражаете...

Инек молча перешагнул через небольшую заводь у родника.

— Тело доставят сегодня вечером, — продолжал Льюис. — Из Вашингтона в Мадисон самолетом, а оттуда привезут сюда на машине.

— Рад слышать, — кивнул Инек.

— Мое руководство настаивало, чтобы я еще раз спросил у вас, чье это тело.

— Я уже говорил вчера вечером, что не могу ничего рассказать. Хотел бы, но не могу. Я много лет прикидывал, как это сделать, но так ничего и не придумал.

— Мы уверены, что это тело существа с какой-то другой планеты.

— Вы так думаете, — сказал Инек, но совсем без вопросительной интонации.

— Дом тоже неземного происхождения.

— Этот дом построил своими руками мой отец, — осадил его Инек.

— Но что-то изменило его. Он стал таким позже.

— Время все меняет.

— Все, кроме вас самого.

— Вот что вас беспокоит, — усмехнулся Инек. — Не положено?

— Нет, что вы. Да и не в этом дело. После долгих наблюдений я просто принял вас самого и все, что с вами связано, на веру. Ничего еще не понимаю, но по крайней мере уже принял. Иногда мне кажется, что я схожу с ума, но, впрочем, это быстро проходит. Я старался не беспокоить вас, старался, чтобы все оставалось без изменений. Теперь, когда я с вами познакомился, я даже рад, что выбрал такой путь. Но все-таки это неверно. Мы ведем себя как враги, как два незнакомых пса, но не так же все должно быть. Мне кажется, на самом деле у нас много общего. Сейчас происходят какие-то важные события, но не хочу никоим образом вмешиваться...

— Вы уже сделали это, —сказал Инек. — Вы забрали тело из могилы — ничего хуже и случиться не могло. Даже сев и хорошенько подумав, как мне навредить, вы вряд ли придумали бы более удачный способ. Причем вы оказали плохую услугу не только мне. Я тут не в счет. Вы навлекли беду на все человечество.

— Ничего не понимаю, — сказал Льюис. — Я очень сожалею, но все равно не понимаю. Там на камне была надпись...

— Вот это уже моя ошибка, — перебил его Инек. — Мне не следовало ставить камень. Но тогда мне казалось, что это обязательно нужно сделать. Я никак не предполагал, что кто-то будет рыскать тут и...

— Он был вашим другом?

— Он? Вы имеете в виду покойного? Не совсем так. Не он сам.

— Что сделано, то сделано, — сказал Льюис. — Я приношу свои искренние извинения.

— Они вряд ли помогут.

— Но неужели ничего нельзя сделать? Я имею в виду, кроме того, что мы вернем тело?

— Можно... Не исключено, что мне потребуется помощь.

— Говорите, — поспешно сказал Льюис. — Если это выполнимо...

— Возможно, мне понадобится грузовик, — ответил Инек. — Перевезти кое-какие вещи. Записи и прочее. Не исключено, что он понадобится мне срочно.

— Грузовик я обеспечу. Он просто будет ждать. И люди, чтобы помочь с погрузкой.

— Возможно, мне понадобится переговорить с кем-то на достаточно высоком уровне. С президентом. С государственным секретарем. Может быть, с ООН. Я пока не знаю. Мне надо подумать. И важно, чтобы я не только смог переговорить с ними, а чтобы они еще и отнеслись к тому, что я скажу, с полной серьезностью.

— Я доставлю сюда передвижной коротковолновый комплекс. Все будет наготове.

— Меня выслушают?

— Да, — сказал Льюис. — Мы свяжем вас с кем пожелаете.

— И еще одно...

— Слушаю.

— Умение забывать, — сказал Инек. — Может так случиться, что все эти приготовления мне не потребуются. И грузовик, и прочее. Может быть, придется оставить все как прежде. И если это произойдет, смогли бы вы и те другие люди, о которых мы говорили, просто забыть о моей первой просьбе?

— Думаю, это возможно, — ответил Льюис. — Но я продолжу наблюдения.

— Хотелось бы. Не исключено, что в будущем мне снова понадобится помощь. Но ни во что не вмешивайтесь.

— Вы уверены, что больше ничего не нужно? — спросил Льюис.

Инек покачал головой.

— Ничего. Все остальное я должен сделать сам.

Может быть, подумал он, я и так уже слишком много сказал. Где гарантия, что этому человеку можно доверять? И может ли он быть уверен, что вообще на кого-то можно положиться?

Однако, если он решится оставить Галактический Центр и разделить судьбу Земли, ему наверняка потребуется помощь. Вдруг инопланетяне станут возражать, когда он захочет взять с собой свои дневники и подарки? Ему придется действовать быстро.

Но хочется ли ему расставаться с этой работой? Сможет ли он забыть свои мечты о галактике? Найдет ли в себе силы отказаться от предложения перейти смотрителем на другую станцию? Когда подойдет время решать, сможет ли он разом оборвать все, что связывало его с другими жителями галактики и загадками других звезд?

Впрочем, он уже предпринял кое-какие шаги. Вот только что он, даже особо не задумываясь, словно на самом деле давно все решил, договорился, как организовать свое возвращение на Землю, к людям.

Инек с удивлением размышлял о своих действиях.

— Здесь, у этого родника, постоянно кто-то будет, — сказал Льюис. — Если не я, то кто-нибудь, кто сможет со мной связаться.

Инек кивнул, слушая его вполуха.

— Каждое утро во время прогулки кто-нибудь из нас обязательно будет с вами встречаться. Или вы сами в любой момент сможете найти нас здесь.

Ну прямо заговор, подумалось Инеку. Как у детей, играющих в воров и полицейских.

— Мне пора. Вот-вот приедет почта, и, если я опоздаю, Уинслоу забеспокоится, — сказал он наконец и двинулся вверх по склону холма.

— До скорого! — крикнул Льюис ему вслед.

— Да. До скорого, — ответил Инек.

Он с удивлением почувствовал, как потеплело у него на душе — словно что-то до сих пор было не так, а теперь все встало на свои места; словно он искал что-то давно потерянное и вдруг нашел.

26

Почтальона Инек встретил на полпути к станции. Старая развалюха неслась по заросшим травой колеям, продираясь сквозь нависшие ветви придорожных кустов. Завидев Инека, Уинслоу затормозил и дождался его, сидя в машине.

— Ты что, решил сделать объезд? — спросил Инек, подходя ближе. — Или поменял маршрут?

— Тебя не оказалось у почтового ящика, — ответил Уинслоу, — а мне нужно было срочно тебя увидеть.

— Пришло что-нибудь важное?

— Нет, не про почту речь. Я про старого Хэнка Фишера хотел сказать. Он сейчас в Милвилле, угощает всех подряд в кабаке Эдди и мелет языком без умолку.

— Угощает всех подряд? На него это совсем не похоже.

— Он рассказывает всем, что ты пытался умыкнуть Люси.

— Ничего подобного, — сказал Инек, — Хэнк отхлестал Люси кнутом, и я просто спрятал ее, чтобы он немного поостыл.

— Наверно, не надо было этого делать, Инек.

— Может быть. Но он совсем озверел и, наверно, избил бы ее до полусмерти.

— Хэнк баламутит людей, хочет устроить тебе неприятности.

— Он еще вчера грозился.

— Рассказывает всем, что ты сначала увел девчонку, а потом испугался и привел обратно. Говорит, ты спрятал ее в доме, но, когда он попытался туда вломиться, у него ничего не вышло. Говорит, что у тебя вообще дом какой-то странный, и он, мол, сломал топор, когда хотел высадить окно.

— Ничего странного тут нет, — сказал Инек. — Хэнку просто померещилось.

— Пока все спокойно, — добавил почтальон. — На трезвую голову да еще средь бела дня никто из них никуда не пойдет. Но ближе к вечеру они все наберутся и уже перестанут соображать. Может статься, кое-кто решит заглянуть к тебе, разобраться...

— Надо думать, он им рассказывает, что я спутался с дьяволом?

— Рассказывает. И много чего другого, — ответил Уинслоу. — Я там, наверно, полчаса сидел, слушал.

Он покопался в сумке, достал стопку газет и, отдав ее Инеку, продолжил:

— Я тебе вот что еще скажу. Может, ты сам этого не понимаешь. Ему не так сложно будет собрать против тебя людей... И живешь — всех сторонишься, и вообще странный ты. Я не хочу сказать, что у тебя что-нибудь не в порядке — я-то тебя давно знаю и ничего такого не думаю, — но тем, кто с тобой не знаком, всякое в голову взбрести может. До сих пор никто тебя не трогал, потому что ты не давал им повода. Но если Хэнк их накрутит... — Уинслоу не закончил фразу и умолк.

— Ты хочешь сказать, они двинутся сюда всей толпой?

Уинслоу молча кивнул.

— Спасибо, что ты меня предупредил, — сказал Инек.

— А это правда, что никто не может забраться в твой дом? — спросил Уинслоу.

— Похоже, правда. Они не смогут вломиться туда и не смогут его сжечь. У них вообще ничего не получится.

— Тогда на твоем месте я бы сегодня далеко от дома не уходил. Или вообще сидел у себя и никуда не высовывался.

— Неплохая идея. Может быть, я так и сделаю.

— Ладно, — произнес Уинслоу, — вроде я все рассказал. Решил, что тебя надо предупредить. Похоже, мне до дороги придется ехать задним ходом. Здесь и развернуться-то негде.

— Давай подъезжай к дому. Там места хватит.

— До дороги ближе. Справлюсь, — сказал Уинслоу, и машина медленно двинулась назад.

Инек стоял, провожая ее взглядом, и, когда машина добралась до поворота, поднял руку, прощаясь с Уинслоу. Тот помахал в ответ, и секунду спустя его развалюха скрылась за кустами, вымахавшими по обеим сторонам дороги.

Инек повернулся и побрел к станции.

Только пьяный толпы ему и не хватало...

Орущая толпа вокруг станции... Рассвирепевшие люди колотят в окна и двери, лупят из ружей по стенам... Если и оставалась еще какая-то смутная надежда на то, что Галактический Центр не станет закрывать здесь станцию, то после такой сцены об этом можно будет просто забыть. А у тех, кто стремится прекратить расширение транспортной сети в этом спиральном рукаве галактики, появится лишний довод в свою пользу.

Почему все случилось вот так, сразу? Долгие годы ничего не случалось, а теперь вдруг столько событий за какие-то считанные часы. И одно хуже другого.

Если сюда явится разъяренная толпа, вопрос о закрытии станции будет решен однозначно, но и это еще не все: в такой ситуации у него просто не останется выбора — придется принять предложение Галактического Центра и стать смотрителем на другой станции. Остаться на Земле будет невозможно при всем желании... Инек вдруг осознал, что предложение перейти на другую станцию тоже висит на волоске. Когда появится толпа, жаждущая его крови, он сам окажется вовлеченным в этот скандал, и обвинения в варварстве, направленные против всего человечества, будут касаться и его.

Может быть, подумал он, есть смысл сходить к роднику и поговорить с Льюисом. Толпу, видимо, можно как-то остановить. Но если он обратится к нему, придется давать объяснения и рассказывать слишком много подробностей. А толпа, может, и не соберется. Вряд ли люди поверят болтовне Хэнка Фишера, и, возможно, все еще обойдется.

Нет, он останется на станции и будет надеяться на лучшее. Может быть, когда явится толпа — если они вообще соберутся, — он будет на станции один, и никто в Галактическом Центре о случившемся не узнает. Если повезет, то все обойдется. А ему просто должно повезти: уже несколько дней подряд на него сваливаются одни только неприятности.

Инек подошел к сломанным воротам во двор и остановился, рассматривая дом, — ему почему-то хотелось увидеть его таким, каким он знал его в детстве.

Сам дом выглядел как и прежде, разве что в те далекие времена на окнах еще были занавески с оборками. А вот двор медленное шествие лет действительно изменило: кусты сирени с каждой новой весной становились все гуще, пышнее и запутаннее; вязы, что посадил его отец, из прутиков футов шести высотой превратились в могучие деревья; куст желтых роз у двери на кухню вымерз в одну из давно забытых зим; клумбы исчезли, а несколько грядок с пряностями у ворот совсем задушили сорняки.

От старой каменной ограды, уходившей в обе стороны от ворот, осталась теперь просто длинная утрамбованная насыпь. Сотня холодных зим, ползучие вьюнки и трава, долгие годы небрежения сделали свое дело. Пройдет еще век, и ограда совсем сровняется с землей — от нее даже следа не останется. А на склоне холма, где поработала эрозия, уже сейчас были длинные участки, где она исчезла совсем.

Все эти изменения произошли давно, но Инек почти не замечал их. А сейчас заметил и удивился: почему это вдруг? Может, потому, что скоро ему предстоит вернуться к Земле? Но ведь он никогда и не покидал здешних просторов, солнца, воздуха, физически он всегда оставался на Земле, хотя долгие годы — куда дольше, чем большинству людей вообще выделяет судьба, — можно сказать, путешествовал по множеству миров, разбросанных среди звезд.

Солнце уходящего лета светило по-прежнему ярко, но Инек то и дело вздрагивал от холодного ветра, налетавшего, казалось, из какого-то таинственного, иллюзорного измерения. Впервые в жизни ему пришлось задуматься о том, кто же он на самом деле. Преследуемый сомнениями человек, которому суждено прожить на перепутье между миром людей и миром инопланетян, испытывающий привязанность и к тем, и к другим, терзаемый сомнениями и преследуемый призраками старых воспоминаний, что будут брести рядом сквозь годы и расстояния независимо от того, какую жизнь он себе изберет — на Земле или среди звезд? Сын двух культур, не понимающий до конца ни Землю, ни галактику, задолжавший и тем, и другим, но не способный ни с кем расплатиться? Бездомное, безродное, бродячее существо, которое не в состоянии определить, где добро, а где зло, потому что ему довелось увидеть слишком много разных (и по законам чужой логики вполне объяснимых) проявлений и того, и другого?

Инек поднялся на холм, у подножья которого бил из земли родник; от ощущения вновь обретенной принадлежности к человечеству на душе у него потеплело — теперь его связывало с этим миром что-то вроде

мальчишеского заговора. Но действительно ли он человек? И если это так, то как быть с его вековой преданностью Галактическому Центру? Да и хочется ли ему снова стать просто человеком?

Инек медленно прошел за ворота. В его мыслях беспрестанно сталкивались вопросы — огромный, неиссякающий поток вопросов, на которые нет ответов. Впрочем, подумал он, это не так. Ответы есть, но их слишком много.

Может быть, его навестят сегодня Мэри, Дэвид, все остальные людитени, и ему удастся обсудить с ними... Тут Инек вспомнил, что ни Мэри, ни Дэвид, ни кто-то еще уже не придет. Они посещали его годами, но теперь все кончено. Волшебный свет померк, иллюзии разбились, и он остался один.

Совсем один, пронеслась горькая мысль. Все — иллюзии. У него никогда не было ничего настоящего. Долгие годы он обманывал себя — весьма охотно и добровольно, — населяя угол у камина творениями своего собственного воображения. Мучаясь одиночеством, не имея возможности видеть и слышать людей, он создал по инопланетной методике существа, способные обмануть любое чувство, кроме осязания.

В общении с ними подводило даже чувство меры.

Странные создания, думал он. Несчастные создания, не принадлежащие ни миру теней, ни миру живых. Слишком человечные для мира теней и слишком бесплотные для Земли.

Мэри, если бы я только знал заранее... Я никогда бы этого не сделал. Мне самому было бы легче остаться в одиночестве...

Но теперь ничего уже не поправишь. И помощи ждать неоткуда.

Однако, встревожился Инек, что это со мной происходит?

В чем дело?

Он совершенно перестал соображать. Пообещал себе спрятаться в помещении станции, чтобы избежать встречи с пьяной толпой, если те явятся к дому, но это невозможно: вечером, едва стемнеет, Льюис должен привезти тело сиятеля.

И если они появятся одновременно, тут черт знает что начнется.

Сраженный этой мыслью, Инек долго стоял в нерешительности. Если он предупредит Льюиса об опасности, тот может не привезти тело. А он просто обязан это сделать. Сиятель должен лежать в могиле до наступления ночи.

Придется рискнуть, решил Инек.

Может быть, толпа еще не нагрянет. А если это все же произойдет, какой-нибудь выход из положения наверняка найдется.

Он что-нибудь придумает.

Должен придумать.

27

В помещении станции по-прежнему стояла тишина. Новых сообщений не поступало, и аппаратура молчала — не слышно было даже приглушенного гудения материализатора.

Инек положил винтовку на стол, бросил рядом стопку газет, затем снял куртку и повесил ее на спинку стула. Пора наконец заняться газетами, напомнил он себе, и не только сегодняшними, но и вчерашними тоже. Да и дневник надо бы привести в порядок, а это займет немало времени. Выйдет, пожалуй, несколько страниц, даже если писать плотно, и события надо излагать четко, последовательно, чтобы все выглядело так, словно о вчерашних событиях он написал вчера, а не день спустя. Нужно описать каждое событие, каждую грань происшедшего и все, что он по этому поводу думает. Так он делал всегда и так же должен сделать сегодня. Ему это неизменно удавалось, потому что он создал для себя как бы особую маленькую нишу — не на Земле, не среди галактических просторов, а в каком-то неопределенном мире, который можно было бы назвать бытием, — и работал там, словно средневековый монах в своей келье. Он был всего лишь наблюдателем. Правда, в высшей степени заинтересованным — его часто не устраивала пассивная роль, и он делал попытки внедриться в наблюдаемое, чтобы его понять, — но тем не менее он оставался именно наблюдателем, никак не вовлеченным в происходящее. Впрочем, осознал вдруг Инек, за последние два дня он этот статус утратил. И Земля, и галактика активно вмешались в течение его жизни, стены кельи рухнули, и он оказался втянутым в самую гущу событий. Теперь он уже не сможет сохранять объективность, не сможет относиться к фактам спокойно, непредвзято, а такое отношение всегда служило ему основой для работы над дневниками.

Инек подошел к полке, вытащил последний том и, перелистнув несколько страниц, нашел то место, где остановился в прошлый раз. До конца дневника оставалось лишь несколько чистых листков — видимо, слишком мало, чтобы записать все, что требовалось. Скорее всего, ему не хватит места и придется начинать новую тетрадь.

Стоя с раскрытым дневником в руках, он перечитал последнюю страницу. Запись была сделана позавчера. Всего два дня назад, но казалось, она повествовала о древних временах, и даже чернила как будто выцвели. Хотя ничего удивительного тут нет, подумалось ему, запись действительно из другой эпохи. Эти строки он написал еще до того, как рухнул его мир.

Что толку продолжать дневник, спросил себя Инек. С записями покончено, потому что они никому уже не нужны. Станцию закроют, его собственная планета затеряется в бездне пространства, и уже не будет иметь никакого значения, останется он здесь или перейдет на новую станцию на другой планете — Земля для галактики все равно потеряна.

Инек в раздражении захлопнул дневник, поставил его на полку и вернулся к столу.

Земля потеряна, думал Инек, и он тоже потерял себя — его одолевают сомнения и негодование. Негодование на свою судьбу (если такая штука вообще существует), на недомыслие — это касалось и Земли, и жителей галактики, — на мелочные ссоры, грозящие остановить шествие галакти-

ческого братства, которое только-только достигло этого сектора пространства. И на Земле, и во всей галактике количество и сложность техники, высокие мысли, мудрость, эрудиция могут сойти за культуру, но не за цивилизацию. Чтобы стать истинно цивилизованным, обществу требуется нечто большее, чем техническое совершенство и полет мысли.

Инек чувствовал в себе смутное, неосознанное стремление что-то делать — мерять станцию шагами, словно зверь за решеткой, бежать за ворота, кричать изо всех сил, крушить, ломать, чтобы избавиться от гнева и разочарования.

Он протянул руку и взял со стола винтовку. Торопливо выдвинул ящик, где хранились патроны, вытащил коробку и, разорвав картон, высыпал их в карман. Постоял немного, держа винтовку в руках и прислушиваясь. Тишина, царившая в комнате, казалось, отдается в ушах тяжелым грохотом, но спустя какое-то время он почувствовал ее холодность, унылость и положил винтовку на место.

Какое мальчишество, подумал он, вымещать свое раздражение и злость на чем-то несущественном. Тем более что серьезных причин для таких эмоций, в общем-то, нет. И в том, как складываются события, тоже нет ничего неожиданного — ему следовало сразу понять это и принять как совершенно естественное явление. К подобным вещам человеку, живущему на Земле, положено бы привыкнуть уже давно.

Инек окинул станцию взглядом: все как будто замерло в ожидании, словно сама станция отсчитывала время до события, которое должно случиться в назначенный ему срок.

Он тихо рассмеялся и снова протянул руку за винтовкой. Нелепое это занятие или нет, оно по крайней мере отвлечет его, вырвет хоть на время из бурлящего потока проблем.

Да и потренироваться ему не мешает. Он уже дней десять, наверное, не стрелял в цель.

28

Подвал занимал огромную площадь, и дальние его стены терялись в полумраке за рядами огней, что Инек включил, спустившись вниз. Многочисленные туннели и комнаты были вырезаны прямо в камне, вытолкнутом из толщи земли тектоническими силами и ставшем основанием холму.

Здесь стояли массивные баки, заполненные различными растворами для путешественников, предпочитающих жидкую среду, насосы и электрогенераторы, работавшие на неизвестном Земле принципе. А глубоко внизу, под каменным полом, покоились гигантские цистерны с кислотами и кашеобразной жижей, получившейся из тел существ, что прибыли на станцию, а затем отправились дальше, оставив позади бесполезные оболочки, от которых нужно было просто избавиться.

Миновав баки и генераторы, Инек очутился в длинной, уходящей в тем-

ноту галерее. Нащупав выключатель, он зажег свет и двинулся дальше. По обеим сторонам коридора тянулись металлические стеллажи, уставленные бесчисленными подарками от путешественников. От пола до потолка полки были буквально забиты разным хламом со всех концов галактики. Впрочем, думал Инек, на самом деле хлама тут мало: все эти вещи, как правило, работали и имели какое-то назначение — или практическое, или эстетическое. Узнать бы только, какое именно. Хотя, конечно, далеко не в каждом случае это может пригодиться землянам.

В конце галереи размещались стеллажи, где экспонаты были разложены более аккуратно — каждый с биркой и номером, индексом по каталогу и датой, соответствующей записи в дневнике. Об этих предметах Инек по крайней мере знал, для чего они предназначены, а в отдельных случаях и каков их принцип действия. Некоторые не представляли из себя ничего особенного, другие обладали громадной потенциальной ценностью, третьи на данный момент вообще никак не соотносились с человеческим образом жизни, и был там еще ряд предметов, помеченных красными бирками, — при мысли об этих «сувенирах» Инека каждый раз пробирала дрожь.

Он двигался вдоль своей выставки напоминаний о былых визитах инопланетян, и его шаги отзывались в галерее гулким эхом.

Наконец галерея привела к большому овальному залу, стены которого были покрыты толстым слоем серого материала, способного улавливать пули и не давать им рикошетировать.

Инек подошел к панели, установленной в глубокой нише, повернул рычажок и быстро прошел в центр зала. Свет погас, затем снова вспыхнул, но теперь Инек оказался уже не в зале, а в каком-то другом, никогда не виданном раньше месте.

Склон невысокого холма, где он стоял, сбегал к медленной, ленивой речке с полузатопленными болотистыми берегами, а на полосе от края болота до подножья холма волнами колыхалась высокая жесткая трава. Ветра не было, но трава все равно колыхалась, и Инек понял, что там рыщут какие-то животные. Со стороны луга доносилось свирепое хрюканье, словно тысячи разозленных боровов дрались там из-за отборных кусков сразу у сотни корыт с помоями. А откуда-то дальше, может быть прямо от реки, слышался монотонный рев, хриплый и усталый.

Инек почувствовал, как шевелятся у него на голове волосы, и выставил винтовку перед собой. Удивительное ощущение не проходило: он чуял опасность, знал о ее присутствии, и в то же время ничто вокруг вроде бы ему не угрожало. Тем не менее Инеку все еще казалось, что сам воздух здесь дышит опасностью.

Он обернулся. Почти вплотную к лугу, окружавшему холм, где он стоял, спускался по склону соседнего холма густой темный лес. За лесом высились на фоне неба темно-лиловые горы. Вершины их таяли в облаках, но, насколько хватал глаз, сохраняли темно-лиловый оттенок, как будто снега на пиках не было вовсе.

Из леса выбежали две отвратительные твари и замерли на краю луга.

Они уселись на задние лапы, обмотав их длинными хвостами, и повернули к Инеку ухмыляющиеся морды. Напоминали твари то ли волков, то ли собак, но на самом деле не имели к этим животным никакого отношения. Инек никогда в жизни не видел ничего похожего. Шкуры их блестели под бледным солнцем, словно смазанные жиром, но у шеи мех сходил на нет, и над туловищем, как будто из воротника, торчали голые черепа. Издалека звери выглядели как два старика, накинувших на плечи волчьи шкуры и собравшихся на маскарад. Но картину портили мертвенно-бледные морды и болтающиеся языки, ярко-красные и блестящие.

Из леса не доносилось ни звука. У самого края под деревом сидели только две эти зловещие твари. Они глядели на Инека и молча скалились, раскрывая в ухмылке беззубые пасти. Темный густой лес казался почти черным, а листва странно отсвечивала, как будто каждый отдельный лист был отполирован до блеска.

Инек снова повернулся к реке и увидел, что у границы травяной полосы появились сразу несколько похожих на жаб страшилищ футов шести длиной и фута в три высотой. Шкуры их напоминали цветом брюхо издохшей рыбы, а над пастью у каждого красовался один огромный глаз. И все эти глаза светились в опускающихся сумерках, словно у крадущегося к добыче кота в луче фонаря.

От реки все еще доносился хриплый рев, а между его раскатами слышалось тонкое, слабое жужжание, сердитое и зловещее, словно где-то рядом вился комар. Инек вскинул голову и увидел в вышине цепочку маленьких точек — с такого расстояния даже нельзя было понять, что там летит.

Инек перевел взгляд на выползших из травы страшилищ, но тут краем глаза заметил какое-то движение и повернулся к лесу.

По склону холма бесшумно скользили две похожие на волков твари с лысыми черепами. Не бежали, а именно скользили, словно их одним резким ударом выдавили из тюбика.

Инек вскинул винтовку, и приклад словно прирос к плечу, став продолжением тела. Мушка сошлась с прицельной планкой и закрыла морду первого зверя. Прогремел выстрел, но Инек даже не взглянул, попал ли он в цель, и, передернув затвор, прицелился во вторую тварь. Еще один толчок в плечо — зверь подпрыгнул в воздух, перевернулся, упал на землю, проскользнув по инерции чуть вперед, а затем покатился по склону холма обратно вниз.

Инек снова передвинул затвор — на солнце блеснула вылетевшая гильза — и повернулся к другому склону. Похожие на жаб страшилища оказались уже ближе. Пока Инек стоял к ним спиной, они медленно подползали, но, едва он обернулся, сразу присели и замерли, уставившись на него в упор.

Он сунул руку в карман, достал два патрона и загнал их в магазин.

Рев, доносившийся от реки, прекратился, но теперь появилось прерывистое хрюканье, и ему никак не удавалось определить, что это и откуда оно исходит. Медленно поворачиваясь, Инек оглядел окрестности: похоже

было, что звук доносился со стороны леса, но там абсолютно ничего не двигалось. А в промежутках между приступами хрюканья он все еще слышал жужжание, и теперь оно стало громче. Точки на небе тоже стали больше и двигались уже не цепочкой. Перестроившись в круг, они, похоже, спускались по спирали вниз, но были все еще так далеко, что Инек по-прежнему не мог разглядеть, кого это там несет.

Снова взглянув на страшилищ, он заметил, что те подползли еще ближе. Вскинув винтовку, Инек выстрелил от бедра. Глаз ближайшей к нему твари выплеснулся наружу, словно вода в реке от брошенного камня, но сама тварь даже не дернулась — просто осела, растекшись по земле, как будто на нее наступили и расплющили. Из большой круглой дыры на месте глаза вытекала густая, тягучая жидкость желтого цвета — видимо, кровь.

Остальные страшилища попятились. Медленно, настороженно отступая по склону холма, они остановились, лишь когда оказались у самой границы травяной полосы.

Хрюканье стало ближе, жужжание громче, и теперь Инек уже не сомневался, что хрюканье доносится из-за холмов, заросших лесом. Обернувшись, он наконец увидел, кто же издает этот звук: зловеще похрюкивая и перешагивая через верхушки деревьев, в его сторону двигалось нечто совершенно невообразимое. Черный шар, надувавшийся и опадавший при каждом новом звуке, раскачивался между четырьмя негнущимися тонкими лапами, которые вверху соединялись суставом с четырьмя длинными ходулями, несшими тварь над лесом. Двигалась она рывками и высоко поднимала ноги, чтобы не зацепить массивные кроны, но всякий раз, когда ходуля опускалась, Инек слышал треск сучьев и грохот падающих деревьев.

Он почувствовал, что по спине у него забегали мурашки. Шею заколодо, словно, подчинившись древнему инстинкту, короткие волосы на затылке встали дыбом. Но, даже замерев от испуга, он помнил, что один выстрел уже сделан. Пальцы сами нащупали в кармане патрон и загнали его в магазин.

Жужжание стало еще громче, характер звука тоже изменился. Теперь оно приближалось с огромной скоростью. Вскинув голову, Инек увидел, что точки уже не кружат в небе, а одна за другой стремительно падают прямо на него.

Хрюкающий и раскачивающийся шар на ходулях тоже шагал в его сторону, но пикирующие точки двигались быстрее и явно должны были добраться до холма раньше.

Взяв оружие на изготовку, Инек продолжал наблюдать за падающими точками, которые постепенно превращались в устрашающих тварей с торчащими из головы рапирами. Может быть, это клювы, подумал Инек, а сами летающие твари, возможно, птицы, но таких больших, стремительных, смертоносных птиц никто на Земле никогда не видел.

Жужжание перешло в вопль, который становился все пронзительнее, все тоньше и тоньше, пока от звука не заныли зубы, а сквозь него доносилось размеренное, словно удары метронома, хрюканье пробирающегося над лесом черного шара.

Безотчетным движением Инек прижал приклад к плечу, выжидая, когда летающие монстры окажутся поближе и можно будет стрелять наверняка.

Они падали, как камни, брошенные с высоты, и были гораздо больше, чем казалось поначалу, — огромные смертоносные стрелы, направленные прямо в него...

Винтовка толкнула в плечо. Летучая тварь съежилась, потеряла стремительную, обтекаемую форму и, переворачиваясь, повалилась куда-то в сторону. Передернув затвор, Инек выстрелил еще раз, и закувыркалась вторая «птица». Снова щелкнул затвор, и раздался еще один выстрел. Третья тварь скользнула вбок, потом, болтая обмякшими крыльями, стала падать к реке.

Остальные вдруг прервали стремительное пике, круто развернулись и, отчаянно работая крыльями, похожими на лопасти ветряной мельницы, снова рванулись в небо.

Тут на склон холма упала тень, и откуда-то сверху опустилась рядом могучая колонна. Земля задрожала от тяжелой поступи, а из лужи, скрытой в траве, фонтаном взметнулась грязная вода. Хрюканье перешло в оглушительный рев. Черный шар, раскачивавшийся между ходулями, потянулся вниз, и Инек увидел лицо чудовища — если что-то столь карикатурное и отвратительное вообще можно назвать лицом, — с клювом, пастью-присоской с вытянутыми вперед губами и еще десятком каких-то одинаковых органов, очевидно, глаз. Черный шар — тело существа — висел под перекрестьем лап глазами вниз и обозревал свои охотничьи угодья. Теперь же ходули начали сгибаться в суставах и опускать его к земле, чтобы схватить жертву.

Инек почти не осознавал своих действий, но приклад винтовки то и дело ударял в плечо. Грохотали выстрелы. Ему казалось, будто он стоит в стороне и наблюдает за стрельбой, словно стрелявший человек был кто-то другой.

При каждом попадании от тела чудовища отлетали куски плоти, кожа лопалась большими рваными прорехами, и оттуда вырывались облака мутного тумана, который тут же конденсировался и проливался на землю крупными черными каплями.

Инек в очередной раз нажал на курок, но винтовка отозвалась лишь сухим щелчком: кончились патроны. Впрочем, можно было уже и не стрелять. Высоченные лапы-ходули складывались и вздрагивали, и съежившийся, провисший шар в облаках густого тумана сотрясали конвульсии. Оглушительное хрюканье прекратилось, и в наступившей тишине до Инека донесся дробный шорох черных капель, падающих в траву на склоне холма.

В воздухе стоял тошнотворный, удушливый запах, густые и липкие, как холодное машинное масло, капли падали даже ему на одежду. Тварь на

ходулях накренилась, словно какая-то строительная конструкция, и повалилась на землю.

Окружающий Инека мир тут же растаял и исчез.

Он снова оказался в овальном зале с тусклыми лампами. Сильно пахло пороховым дымом, а на полу вокруг него поблескивали пустые гильзы.

Тренировка закончилась.

29

Инек опустил винтовку и сделал глубокий, осторожный вдох. Возвращаясь в свой, знакомый мир после коротких посещений мира иллюзорного, он каждый раз входил туда медленно, постепенно.

Включая тир, он понимал, что его ожидает иллюзия, и, когда все заканчивалось, у него тоже не возникало на этот счет никаких сомнений. Но события, заключенные между двумя этими мгновениями, казались абсолютно реальными и достоверными.

Когда строилась станция, его спросили, есть ли у него какое-нибудь увлечение — что-нибудь такое, для чего они могли бы оборудовать специальное помещение. Инек сказал тогда, что было бы неплохо построить стрелковый тир, и не ожидал, в общем-то, ничего более сложного, чем длинный коридор, в конце которого перемещаются на цепи жестяные утки или вертится колесо с глиняными трубками. Но это конечно же было слишком примитивно для эксцентричных архитекторов и шустрых строителей станции.

Сначала они не понимали, что он имеет в виду, и пришлось объяснять, что такое винтовка, как она действует и для чего используется. Инек рассказал им, как это здорово — выйти солнечным осенним утром в лес и поохотиться на белок, или выгнать по первому снегу зайца из-под куста (хотя на зайцев ходят не с винтовкой, а с охотничьим ружьем), или пострелять осенним вечером енотов, или подстеречь у тропы, ведущей к водопою, оленя. Впрочем, Инек не был до конца откровенен и не стал рассказывать, как еще можно использовать винтовку и как он занимался этим четыре долгих года.

Он поделился с ними своей юношеской мечтой об охотничьей экспедиции в Африку, хотя даже в тот момент понимал, как далеко до ее исполнения. Но после ввода станции в действие ему не раз доводилось охотиться на зверей гораздо более странных, чем самые экзотические животные Африки.

Откуда, с каких планет взялись все эти звери (если только они не плод воображения инопланетян, программировавших ленты, которые воспроизводили охотничьи сцены). Инек не имел ни малейшего понятия. Он пользовался тиром тысячи раз, но за долгие годы ни сами сцены, ни животные еще никогда не повторялись. Возможно, думалось ему, набор сюжетов когда-нибудь кончится и все начнется сначала, но это его совершенно не

беспокоило: едва ли он припомнит в деталях приключения, которые ему довелось пережить так много лет назад.

Инек не понимал технологии и научных достижений, сделавших этот фантастический тир реальностью, но, как и многое другое, просто принимал на веру, не задаваясь лишними вопросами и надеясь, что когда-нибудь ему удастся отыскать ключ к двери, ведущей от слепой веры к пониманию — не только удивительного тира, но и всего остального.

Он часто пытался представить себе, что думают инопланетяне об этом его увлечении стрельбой, о древнем инстинкте, заставляющем человека убивать — не ради удовольствия, но ради победы над опасностью, ради стремления противопоставить силе зверя еще большую силу, ответить на коварство хищника мастерством. Может быть, тем самым он дал своим галактическим друзьям повод для переоценки человеческого характера? Что они думают о способности человека провести грань между убийством других форм жизни и существа своего вида? Да и есть ли какое-то убедительное различие между охотой и войной? Особенно для жителей галактики. Ведь животные, на которых человек издавна охотится, ему гораздо ближе, чем большинство инопланетян.

Что такое война? Проявление инстинкта, за которое каждый отдельный человек так же ответственен, как политики или так называемые государственные деятели? Может быть, и не совсем так, но в каждом человеке продолжает жить этот боевой инстинкт, агрессивный дух, стремление обязательно опередить, а такие качества, дай им свободно развиваться, рано или поздно приводят к конфликтам.

Инек сунул приклад под руку и подошел к стенной панели. Из щели в самом низу торчал кончик ленты. Он вытянул ее и принялся разбирать условные обозначения. Результаты оказались не слишком утешительными.

Он промахнулся, стреляя в первую атакующую тварь, похожую на волка с лицом старика, и где-то там, в иллюзорном мире, два рычащих хищника уже раздирали окровавленное тело Инека Уоллиса в клочья.

30

Возвращался Инек по той же галерее, заставленной подарками инопланетян, словно пыльная мансарда обычного земного дома, куда складывают всякие ненужные вещи.

Лента все еще беспокоила его. Маленький кусочек ленты, который сообщал, что первая пуля прошла мимо цели. Это не часто случалось, потому что тысячи «охотничьих экспедиций» в тире приучили его за долгие годы именно к такой вот стрельбе — навскидку, когда опасность появляется совершенно неожиданно, когда не знаешь, что случится в следующее мгновение, когда действует один только закон — «или ты, или тебя». Может быть, успокаивал он себя, в последнее время он просто не слишком часто тренировался. Да и не было у него никаких серьезных причин забо-

титься о сохранении формы: стрелял он ради удовольствия, а винтовку брал с собой на утренние прогулки только в силу привычки — как кто-то берет с собой, скажем, трость или палку. Когда эта привычка у него появилась, и оружие было не то, и времена были другие. В те дни никто не удивлялся, если человек, выходя на прогулку, брал с собой ружье. Однако все изменилось, и Инек даже улыбнулся, представив себе, сколько разговоров вызывала эта привычка у людей, встречавших его в лесу.

Почти в самом конце галереи на глаза ему попался громоздкий черный контейнер, торчавший из-под нижней полки. Он его задвинул к самой стене, но контейнер все равно выступал в проход на фут с лишним.

Инек прошел мимо, потом вдруг обернулся. Этот контейнер, вспомнил он, принадлежал сиятелю, что умер у него на станции. Своего рода наследство, оставленное существом, чье тело должны были вернуть в могилу вечером.

Он подошел к полке, прислонил винтовку к стене и, наклонившись, выдвинул контейнер в проход. Когда-то давно, прежде чем перетащить ящик сюда на хранение, Инек заглянул в него, но в то время, вспомнилось ему, содержимое контейнера почему-то не очень его заинтересовало. Теперь же он вдруг почувствовал жгучее любопытство.

Откинув крышку, Инек присел рядом и, ни к чему не прикасаясь, обвел взглядом предметы, лежавшие сверху.

Аккуратно свернутый сверкающий плащ — возможно, какое-то церемониальное одеяние. В складках плаща — маленький пузырек, горевший отраженным светом, словно алмаз, выдолбленный изнутри. Рядом лежала гроздь матовых шариков темно-фиолетового цвета, больше всего похожих на обычные шарики для настольного тенниса, из которых кто-то слепил грубое подобие сферы. Только на самом деле они свободно перемещались в пределах этой сферы, словно в контейнере с жидкостью. Вытащить оттуда хотя бы один шарик не удавалось никакими силами, но все они двигались относительно друг друга. Разглядывая фиолетовую гроздь в первый раз, Инек решил, что это, скорее всего, некий калькулятор, хотя утверждать наверняка он бы не стал, поскольку все шарики выглядели совершенно одинаково и отличить один от другого было просто невозможно. Во всяком случае, человеку. Не исключено, что сиятели могут их отличать, однако он все равно не представлял себе, что это за калькулятор. Математический? Этический? Философский? А может быть, он и ошибается: никто никогда не слышал о калькуляторах для этических или философских проблем. Вернее, на Земле никто не слышал. Возможно, это и не калькулятор вовсе, а что-нибудь другое — допустим, игра.

Будь у него побольше времени, он, может быть, и догадался бы, что это за штука, но ни времени, ни желания тратить его на один-единственный экспонат среди сотен столь же фантастических и загадочных у него не было. Стоит только начать разгадывать что-нибудь одно, как тут же одолевают сомнения: а не тратишь ли ты свое время на самый незначительный и ненужный экспонат во всей коллекции?

Заваленный многочисленными инопланетными дарами, по большей части непонятными, Инек стал в каком-то смысле жертвой этого музейного изобилия.

Он протянул руку и достал из контейнера сверкающий пузырек, что лежал поверх плаща. Подняв его к глазам, он увидел, что на стекле (или на алмазе?) выгравирована надпись. В свое время Инек выучился читать на языке сиятелей, если не бегло, то по крайней мере вполне сносно, но уже несколько лет он не брал в руки веганских текстов и многое забыл. Путаясь в символах и подолгу задумываясь, он тем не менее сумел перевести надпись на пузырьке: *Принимать при первых признаках заболевания.*

Лекарство! Лекарство, которое нужно принимать при первых симптомах болезни. Но, видимо, эти симптомы проявились так неожиданно, что бывший владелец пузырька даже не успел до него дотянуться и умер.

Чуть ли не с благоговением Инек положил пузырек на место, в маленькое углубление, выдавленное им в ткани плаща. Столь многое отличает их от нас в большом, думал Инек, и в то же время в мелочах мы так похожи, что это порой просто пугает. Взять хотя бы пузырек с лекарством, который он только что держал в руке: такую же бутылочку с наклеенным предписанием врача можно купить в любой земной аптеке.

Рядом с гроздью шариков лежала деревянная шкатулка с защелкой на боку. Инек достал шкатулку из контейнера и, откинув крышку, увидел внутри листки материала с металлическим блеском, который сиятели использовали вместо бумаги.

Он осторожно поднял верхний лист, и у него в руках оказалась длинная полоса, сложенная гармошкой. Под ней лежали другие листки из такого же материала. Инек поднес полоску поближе к глазам, силясь разобрать выцветшие строки.

Моему... ...другу. (Хотя на самом деле последнее слово следовало перевести, скорее, как «кровный брат» или, может быть, «коллега», два прилагательных, стоящих перед ним, Инек вообще не понял.) Текст давался нелегко: написан он был на официальном диалекте веганцев, но в почерке заметно отразилась личность писавшего, и многочисленные росчерки и завитушки скрывали порой истинную форму символов. Инек медленно пробирался от строки к строке. Многого он не понимал, но общий смысл улавливал почти везде.

Автор письма рассказывал о своем пребывании на чужой планете. Или, может быть, на своей, но в каких-то далеких местах. Названия планеты (или этих мест) Инеку никогда не доводилось слышать. Во время своего визита автор совершил некий ритуал (в чем он заключается, понять было невозможно), имевший отношение к его приближающейся смерти.

Инек удивленно перечитал строку еще раз, и, хотя многое оставалось непонятным, фраза «*моя приближающаяся смерть*» сомнений не вызывала. Ошибиться в переводе тут было невозможно, все три слова он узнал без труда.

Далее автор письма советовал своему дорогому другу (?) поступить так

же, уверяя, что его ждет душевный покой и ясное понимание пройденного пути.

Больше в письме ничего не объяснялось. Автор просто сообщал, что сделал некие, по его мнению, необходимые приготовления к смерти. Как будто он знал, что смерть уже рядом, но это его не пугало и даже не беспокоило.

После этого (абзацы в письме отсутствовали) рассказывалось о встрече с каким-то другим существом и о беседах на совершенно непонятную для Инека тему. Читая этот отрывок, он просто запутался в незнакомой ему терминологии.

А дальше шел такой текст: *Меня крайне беспокоят посредственные способности* (некомпетентность? непригодность? слабость?) *очередного хранителя* (загадочный символ, который можно было перевести как «Талисман»), *поскольку* (следующее слово, судя по всему, означало длительный отрезок времени), *с тех самых пор, как умер предыдущий хранитель, Талисман используется очень плохо. Прошло уже* (еще один длительный отрезок времени) *с тех пор, как нам удалось найти последнего настоящего* (восприимца?), *который действительно мог работать с Талисманом. Многие проходили проверку, но достойного среди них не оказалось, и по причине отсутствия такового галактика отошла от своих главенствующих жизненных принципов. Мы все тут в* (святилище? храме?) *весьма обеспокоены тем, что без надлежащего единения людей с* (несколько непонятных слов) *галактика придет к хаосу и* (целая строка, которую Инек не смог расшифровать).

Следующее предложение касалось уже новой темы — планов какого-то фестиваля, связанного с едва понятной Инеку формой искусства.

Он медленно сложил письмо и спрятал его обратно в шкатулку, чувствуя себя немного неловко оттого, что прочел его и словно бы заглянул без спроса в чужую дружбу. Мы все тут в храме... Возможно, письмо было написано одним из веганских посвященных и адресовано его другу, старому философу. Остальные письма тоже, видимо, от него, и старик сиятель так ими дорожил, что, отправляясь в путешествие, взял с собой.

Плечи у Инека похолодели, и ему показалось, что в галерее потянуло легким ветерком — даже не ветерок, скорее, а какое-то необъяснимое движение в холодном воздухе. Он взглянул в глубь коридора, но все выглядело спокойно. Да и ощущение это уже ушло, словно никакого дуновения и не было. Как будто дух пролетел, подумалось Инеку.

Есть ли у сиятелей ду́хи?

Соотечественники сиятеля на Веге-XXI узнали о том, что он умер, и даже как умер, в тот самый момент, когда это случилось. Точно так же они узнали и о пропаже тела. А о приближении смерти в письме говорилось совершенно спокойно — большинству людей это вряд ли под силу.

Может быть, на самом деле сиятели знают о жизни и смерти что-то такое, о чем люди еще просто не догадываются? Может, где-то, в каких-то галактических хранилищах информации давно уже лежат труды, в которых все это исчерпывающе объяснено?

Есть ли ответ на загадку жизни?

Возможно, есть. Возможно, кто-то уже знает, в чем смысл и назначение жизни. От этой мысли, от надежды на то, что разумные существа уже решили самое таинственное уравнение Вселенной, на душе становилось спокойнее. А может быть, им известно и какую роль в этом уравнении играет энергия духовности — идеалистическая сестра пространства, времени и всех остальных базовых элементов, из которых состоит Вселенная.

Он попытался представить себе, что значит вступить в контакт с энергией духовности, и не смог. Не исключено, что даже те, кому доводилось испытывать подобные ощущения, не могут передать их словами. Наверное, о них просто невозможно рассказать. В конце концов, человек всю жизнь живет в теснейшем взаимодействии и с пространством, и со временем, но разве может он передать словами, что это означает или как он это чувствует?

Улисс, очевидно, не сказал ему всей правды. Он говорил о пропаже Талисмана, но ни словом не обмолвился о том, что в последние годы его сила и престиж померкли, поскольку очередной хранитель оказался не в состоянии обеспечить надежный контакт между жителями галактики и энергией духовности. И еще тогда начали ослабевать узы галактического братства, подтачиваемые, словно ржавчиной, несостоятельностью хранителя. То, что происходило сейчас, началось отнюдь не после пропажи Талисмана. Процесс длился гораздо дольше, чем инопланетянам хотелось бы признать. Хотя, возможно, большинство из них об этом и не подозревали.

Инек захлопнул шкатулку и вернул ее на место в контейнер. Как-нибудь в другой день, когда у него будет соответствующее настроение, когда ему будет не столь тревожно, а чувство вины за это подглядывание в чужую жизнь притупится, он переведет письма добросовестно и по всем правилам. Он не сомневался, что в письмах сиятелей наверняка найдет какие-то откровения, которые помогут ему еще глубже понять эту удивительную расу и еще выше оценить их человечность — не в том смысле, в каком слово употребляется применительно к жителю Земли, а в более широком, имея в виду, что в основе определения любой расы должны лежать некие правила поведения. Так же как термин «человечность» в его привычном значении определяет расу людей.

Он протянул руку, чтобы закрыть контейнер, но что-то его остановило.

Как-нибудь в другой день... Но вдруг другого дня уже не представится? Видимо, живя на станции, он просто привык думать, что всегда будет «другой день». Здесь дни уходили в прошлое и тянулись в будущее бесконечной чередой. Станция ломала привычную временну́ю перспективу, даруя возможность спокойно вглядываться в длинный, а может, и бесконечный поток времени. Но все это может теперь кончиться. Время вдруг сожмется и вернется в свое обычное состояние. Если ему придется покинуть станцию, бесконечная череда будущих дней просто оборвется.

Он снова откинул крышку контейнера, достал шкатулку с письмами и

поставил на пол, решив забрать ее с собой наверх и положить где-нибудь с другими ценными вещами, которые, если придется покинуть станцию, нужно будет вынести в первую очередь.

Если придется покинуть... Вот и ответ на один из мучивших его вопросов. Как-то незаметно для себя самого Инек пришел к окончательному решению, и теперь оставалось только его выполнить.

Но раз это решение принято, тогда он готов и к его последствиям. Оставив станцию, он уже не сможет просить Галактический Центр излечить Землю от войны.

Уллис назвал его представителем Земли. Но может ли он в самом деле представлять ее интересы? Он, человек девятнадцатого века? Имеет ли он право представлять двадцатый? Человечество меняется с каждым поколением очень заметно. А он не только вырос в девятнадцатом веке, но и больше ста лет прожил в особых условиях, совсем не похожих на те, в которых жило все человечество.

Стоя перед контейнером на коленях, Инек размышлял о себе с удивлением и жалостью. Кто он? Человек ли еще? Или безотчетно он впитал в себя столько чуждых воззрений, что превратился в некий странный галактический гибрид?

Захлопнув крышку, Инек задвинул контейнер на место под стеллаж. Сунул шкатулку с письмами под мышку, поднялся на ноги и, прихватив винтовку, пошел к лестнице.

31

В углу кухни он нашел несколько пустых картонных коробок, в которых Уинслоу привозил из города заказанные продукты, и начал упаковывать вещи.

Сложенные по порядку дневники заняли целую коробку и половину второй. Туда же, во вторую коробку, Инек уложил двенадцать алмазных графинов, обернув их в несколько слоев старыми газетами. Потом достал из шкафа веганскую музыкальную шкатулку и, завернув ее в бумагу, упаковал в третью коробку. В четвертую он сложил всю инопланетную литературу, что скопилась у него за много лет. В столе не оказалось ничего нужного — кое-какие бумаги, прочая ерунда да еще таблица. Инек скомкал ее и бросил в мусорную корзину.

Заполненные коробки он отнес к двери. Льюис обещал держать грузовик наготове, но, если Инек попросит его о помощи, машина не появится в ту же минуту, пройдет какое-то время. А сложив все ценное заранее, он сможет вынести коробки из дома и дождаться ее снаружи.

Все ценное... Кто будет решать, что тут ценное, а что нет? Дневники и инопланетная литература — это, конечно, нужно вывезти в первую очередь. А остальное? Ведь для Земли каждый предмет в доме может представлять интерес, и поэтому надо забирать все. Если будет достаточно

времени и если никто не помешает, это вполне реально — вывезти сначала то, что находится в комнате, а затем и то, что хранится в подвале.

Все эти вещи — его, потому что их ему подарили, а значит, он вправе распоряжаться ими по своему усмотрению. Хотя Галактический Центр наверняка может с ним не согласиться и даже попытаться помешать.

Если обстоятельства сложатся именно так, важно успеть передать хотя бы наиболее ценное. Может быть, есть смысл спуститься в подвал и перетащить наверх по крайней мере те вещи, назначение которых он уже знает. Лучше взять предметы, о которых ему хоть что-то известно, чем тащить множество вещей непонятных и, возможно, бесполезных.

Остановившись в нерешительности посреди комнаты, Инек разглядывал свои сокровища. Конечно же нужно будет взять все, что лежит на кофейном столике, включая и маленькую сверкающую пирамидку, которую привела в действие Люси.

Потом он заметил, что Малыш снова сполз со стола и упал на пол. Наклонившись, Инек взял его на руки. С тех пор как он рассматривал его в последний раз, Малыш отрастил две или три новые шишки и приобрел нежно-розовую окраску. Раньше он был голубого цвета.

Возможно, подумал Инек, ему не следовало называть его Малышом, поскольку он даже не знал, живая эта штуковина или нет. Трудно представить себе, что жизнь может существовать и в такой форме: не камень, не металл, но что-то очень похожее. Напильник не оставлял на нем никакого следа. Несколько раз Инека подмывало стукнуть по нему молотком и посмотреть, что получится, но почему-то он был уверен, что Малышу все равно ничего не сделается. Он медленно рос и иногда двигался, но совершенно непонятно, каким образом. Стоило забыть о нем, а потом вернуться, и он уже передвинулся — совсем чуть-чуть, но передвинулся. Более того, он чувствовал, когда за ним наблюдают, и в таких случаях лежал неподвижно. Насколько Инек понимал, Малыш ничего не ел, и, соответственно, вокруг него всегда было чисто. Иногда он вдруг менял окраску, но совершенно бессистемно.

Малыша года два назад подарило ему существо, прибывшее с планеты, которая находилась где-то в созвездии Стрельца, и такого гостя Инек, конечно, забыть не мог. Может быть, он и не был ходячим растением, но выглядел именно так: корявый, худосочный куст, которому и земля досталась неважная, и воды вечно не хватало, но он тем не менее вырос, и на его ветвях расцвело множество дешевых браслетов, позвякивающих, словно серебряные колокольчики, при каждом движении.

Инек попытался узнать у него, что из себя представляет подарок, но ходячий куст только тряс браслетами, заполняя всю станцию веселым перезвоном, и ничего не отвечал.

Положив Малыша на край стола, Инек забыл о нем, но спустя несколько часов, когда гость давно уже отправился своей дорогой, он заметил, что «камень» лежит на другом краю. Поверить в то, что эта штуковина может двигаться сама, было невозможно, и Инек подумал, что просто не

помнит, куда положил подарок. Только спустя два или три дня он все-таки убедил себя, что с памятью у него все в порядке, а «камень» действительно ползает.

Все это нужно будет взять с собой — и Малыша, и пирамидку Люси, и куб, который показывает инопланетные пейзажи, и многое-многое другое...

Инек стоял посреди комнаты, держа Малыша в руке, и только сейчас вдруг задумался: с чего это он уже собирается?

Он действовал так, словно окончательно решил оставить станцию, словно уже выбрал Землю, а не галактику. Но когда и как пришло к нему это решение? Ведь для того, чтобы решить, необходимо осмыслить, оценить варианты, а ничего подобного он не делал. Не взвешивал «за» и «против», не пытался продумать все до конца. Решение пришло к нему само — решение, казавшееся невозможным, но теперь такое понятное и доступное.

Может быть, неосознанно вобрав в себя странную смесь чужих систем мышления и этических представлений, он, сам того не замечая, обрел способность думать по-новому, принимать решения на подсознательном уровне и эта способность дремала в нем до сегодняшнего дня, пока в ней не возникла необходимость?

Инек вспомнил про несколько пустых коробок, лежавших в сарае, и подумал, что нужно перетащить их в дом. Потом можно будет спуститься в подвал и заняться предметами, назначение которых ему известно. Он взглянул в окно и с удивлением обнаружил, что времени у него остается мало: солнце уже садится. Скоро стемнеет.

Поесть он за весь день так и не успел, но решил, что это подождет. Позже можно будет перехватить что-нибудь на ходу.

Повернувшись к столу, чтобы положить Малыша на место, Инек вдруг услышал знакомый звук и замер. Легкий шелест заработавшего материализатора невозможно было спутать ни с чем другим — слишком часто ему доводилось слышать его за годы работы на станции.

И видимо, это служебный материализатор, поскольку без предварительного сообщения никто не мог воспользоваться вторым.

Очевидно, Улисс, подумал Инек. Или кто-то еще из Галактического Центра, потому что Улисс всегда предупреждал его о своих визитах заранее.

Инек сделал шаг вперед, чтобы лучше видеть материализатор, и в этот момент там появился темный силуэт какого-то существа.

— Улисс! — произнес Инек и тут же понял, что это не он.

На мгновение ему показалось, что существо одето в элегантный черный фрак с длинными фалдами, белую манишку и остроконечную шляпу, но он тут же понял, что это огромная крыса с гладкой черной шерстью и острой мордочкой, как у всех земных грызунов, только она ходит на задних лапах. Существо бросило взгляд в его сторону, и Инек заметил красные блестящие глаза. Затем крыса отвернулась, и он увидел, как она достает из висящей на поясе кобуры какой-то отсвечивающий металлическим блеском предмет.

Что-то тут было не так. Прибывшему полагалось по крайней мере подойти, поздороваться со смотрителем. Вместо этого существо лишь зыркнуло на него своими красными глазищами и отвернулось.

Когда оно извлекло металлический предмет из кобуры, Инек понял, что это пистолет или, во всяком случае, какое-то оружие.

Может быть, так они и закрывают станции? Один выстрел, без слов — и смотритель падает на пол. Только Улисса не послали, потому что он не смог бы убить друга.

Винтовка все еще лежала на столе, но он вряд ли успеет ее схватить...

Однако похожее на крысу существо даже не повернулось в его сторону. Оно стояло, глядя в угол. Рука с оружием поднялась...

В голове Инека словно зазвучал сигнал тревоги. Он размахнулся и, непроизвольно вскрикнув, запустил в крысу Малышом.

До него вдруг дошло, что крыса хочет убить не его, Инека, — она хочет уничтожить саму станцию. Там, в углу, куда крыса собиралась стрелять, не было ничего, кроме комплекса управления — центра станции, ее сердца. Если его уничтожить, станция будет мертва, и, чтобы вернуть ее к жизни, группе специалистов с ближайшей станции придется добираться сюда космическим кораблем, а на это уйдет несколько лет.

Когда Инек вскрикнул, крыса, чуть присев, резко обернулась, и кувыркающийся Малыш попал ей в живот. Не удержавшись на ногах, она отшатнулась к стене и выронила пистолет. Раскинув руки, Инек бросился вперед и еще в прыжке почувствовал исходивший от крысы отвратительный запах. Он обхватил ее руками за туловище и швырнул через комнату. Крыса оказалась вовсе не такая тяжелая, как он ожидал. Она упала, проскользила по полу и остановилась, врезавшись в кресло. Потом вскочила, распрямившись, словно пружина, и рванулась к пистолету.

Инек настиг ее в два прыжка, ухватил сзади за шею и, оторвав от пола, несколько раз тряхнул. Пистолет снова выпал у нее из руки, а висевшая через плечо сумка застучала по волосатой груди, как пневматический молот.

Вонь стояла такая плотная, что, казалось, ее вот-вот можно будет увидеть. Инека замутило. Но вонь еще усилилась и стала совсем невыносимой, словно в ноздри Инеку врывался огонь, а по голове лупили палкой. Он расцепил руки и, шатаясь, отскочил назад. Давясь сухим кашлем, он согнулся, поднял руки к лицу, стараясь отогнать от себя эту вонь, прущую в нос, в рот, в глаза.

Сквозь пелену слез он увидел, как крыса схватила с пола пистолет и понеслась к выходу. Кодовой фразы Инек не расслышал, но дверь скользнула в сторону и, выпустив крысу наружу, тут же закрылась.

32

Инек, шатаясь, добрался до стола и оперся о него руками. Отвратительный запах постепенно улетучивался, голова прояснялась, но ему даже

не верилось, что все это действительно произошло. Такое просто не могло случиться. Крысоподобное существо прибыло через служебный материализатор, которым пользовались только сотрудники Галактического Центра. Однако никто из них, Инек был уверен, не повел бы себя так, как этот непрошеный гость. С другой стороны, существо знало кодовую фразу, открывающую дверь, а ее опять же не мог знать никто, кроме самого Инека и сотрудников Галактического Центра...

Протянув руку, Инек взял со стола винтовку. Станция цела, и пока ничего страшного не произошло, подумал он. Если не считать того, что на Земле оказался инопланетянин, а этого допускать нельзя, потому что Земля, как планета, не входящая в галактическое содружество, для инопланетян закрыта.

Он понимал, что должен вернуть крысу на станцию.

Произнеся на ходу кодовую фразу, Инек выбежал из дома и свернул за угол. Крыса неслась через поле и почти уже достигла леса. Инек со всех ног бросился за ней, но она скрылась за деревьями, когда ему оставалось до них несколько сот футов.

В лесу начало темнеть. Косые лучи заходящего солнца еще касались верхушек деревьев, но внизу уже сгущались тени. Оказавшись в подлеске, Инек огляделся и заметил крысу в небольшой лощине, где она карабкалась по противоположному склону, пробираясь через заросли папоротника, вымахавшего почти ей по пояс.

Если она будет двигаться в том же направлении, подумал Инек, тогда все в порядке. Дальний склон лощины выходил к каменистой гряде, обрывавшейся с другой стороны отвесными скалами. Место там совершенно изолированное, и хотя выкурить оттуда инопланетянина, если тот решит схорониться где-нибудь среди камней, будет нелегко, по крайней мере он окажется в тупике и обратно уже не выберется.

Впрочем, напомнил себе Инек, времени осталось не так много: солнце уже садится, и скоро станет совсем темно.

Он свернул к западу, чтобы обойти лощину, но старался не упускать мелькавшую за деревьями фигуру из виду. Крыса продолжала взбираться по склону, и Инек прибавил ходу. Теперь он точно знал, что она в ловушке: крыса миновала то место, где еще можно было вернуться и уйти в сторону. Скоро она доберется до гряды, и ей останется только спрятаться там среди обломков скал.

Инек бегом пересек заросшую папоротником поляну и вышел на склон холма в сотне ярдов ниже каменистой гряды. Здесь кустарник рос не так плотно, и лишь кое-где встречались деревья, но мягкий лесной грунт уступил место россыпи мелких обломков камня, что в течение долгих-долгих лет откалывались зимними морозами от скал и скатывались вниз по склону. Пробираться по этим обломкам, покрытым кое-где толстым слоем мха, стало гораздо труднее.

Поднимаясь, Инек обвел взглядом лежащую впереди гряду, но инопланетянина нигде не было. Потом он заметил краем глаза какое-то движение

и бросился на землю за куст орешника. Оттуда уже, сквозь переплетение ветвей, он увидел на фоне темного неба крысу. Она вертела головой из стороны в сторону, осматривая склон внизу и держа оружие наготове.

Инек замер, удерживая винтовку в вытянутой руке. Костяшки пальцев саднило — ободрал об камни, когда нырнул под куст.

Крыса скрылась за валунами, и Инек медленно подтянул к себе винтовку. Теперь, если представится возможность, можно стрелять.

Но хватит ли у него духу? Осмелится ли он убить инопланетянина? Ведь тот мог убить его там, на станции, когда Инек чуть не потерял сознание от дикой вони, но не сделал этого и просто скрылся. Может быть, существо было напугано и думало только о том, как бы убежать? Или оно просто не осмеливалось поднять руку на смотрителя станции — точно так же, как и он сам не мог сейчас решиться на убийство?

Инек внимательно оглядел лежащие впереди глыбы, но теперь никакого движения не заметил. Надо подниматься выше, подумал он, поскольку время работает против него, но на руку беглецу. До полной темноты осталось от силы полчаса, и надо успеть закончить это дело: если крысе удастся ускользнуть, потом ее уже не поймаешь.

Но откуда вдруг такое беспокойство по поводу инопланетянина, прорвавшегося на Землю? Вопрос всплыл перед ним, словно его задало взирающее со стороны второе «я» Инека. Разве ты сам не собирался сообщить Земле о населяющих галактику существах? И без разрешения передать своей планете все те инопланетные знания и артефакты, которые оказались в твоем распоряжении? Почему ты остановил инопланетянина, когда тот пытался уничтожить станцию? Ведь это обеспечило бы ее изоляцию на долгие годы. Если бы это произошло, у тебя появилась бы возможность поступить с сокровищами станции по своему разумению. Если бы события развивались своим чередом, все закончилось бы как нельзя лучше.

«Но я не мог, — мысленно выкрикнул Инек. — Разве ты не понимаешь, что я не мог? Не понимаешь?»

Из задумчивости его вывел шорох кустарника слева, и он тут же вскинул винтовку.

Всего в двадцати футах от него стояла Люси Фишер.

— Уходи! — крикнул он, забыв, что она не услышит.

Она конечно же не обратила на его крик никакого внимания, потом чуть повернулась влево, взмахнула рукой и указала на каменистую гряду впереди.

— Уходи! Уходи отсюда, — пробормотал Инек, показывая рукой, что ей нужно вернуться.

Люси покачала головой и, пригнувшись, побежала вверх по левой стороне склона. Инек вскочил на ноги и бросился за ней, но в этот момент в воздухе что-то прошкворчало, и вокруг запахло озоном. Он снова упал и немного ниже увидел участок булькающей, исходящей паром земли футов три диаметром, где яростным жаром уничтожило всю растительность, а камни превратило в кипящую жижу.

Лазер, догадался Инек. Лазер, обладающий колоссальной мощностью и довольно узким лучом.

Собравшись с духом, он сделал еще одну короткую перебежку и бросился на землю за бугорком, из которого росли несколько кривых березок.

Над головой опять прошкворчало, полыхнуло жаром, и снова запахло озоном. Земля на другой стороне лощины задымилась. Сверху посыпался пепел. Инек осторожно поднял голову и увидел, что верхнюю половину березок снесло начисто. С обгоревших пеньков лениво поднимались струйки дыма.

Неизвестно, что бы инопланетянин мог сделать там, на станции, но сейчас, похоже, он настроился серьезно. Он понял, что его загнали в угол, и теперь ему оставалось только убить противника.

Инек прижался к земле, и тут же в голову пришла мысль о Люси: успела ли она спрятаться? И что ей здесь понадобилось? Да еще в такое время? Хэнк опять решит, что ее украли, и пойдет искать. Что на нее сегодня нашло?

Темнота сгущалась. Последние лучи уходящего солнца цеплялись за верхние ветви деревьев. Из речной долины потянуло прохладой, сочно запахла влажная земля. Где-то пустила печальную трель птица козодой.

Инек вскочил из-за укрытия и, рванувшись вверх по склону, добрался до толстого поваленного дерева. Крысы не было видно, и на этот раз лазерной вспышки не последовало. Вглядываясь вперед, он решил, что сделает еще две перебежки — сначала до маленькой кучи камней, а затем прямо к валунам — и тогда его положение будет гораздо лучше, чем у прячущейся крысы. Вот только что делать дальше?

Двигаться вперед, видимо, и отлавливать инопланетянина.

Заранее тут ничего не продумаешь. Нужно добраться до первых валунов и действовать по обстановке, используя любое укрытие. Только стрелять он все-таки не станет. Придется ловить его живьем и, если понадобится, силком тащить упирающегося и визжащего инопланетянина к станции.

Оставалось надеяться, что на воздухе крысе не удастся использовать против него свой омерзительный запах. Во всяком случае, не так успешно, как это случилось на станции. И тогда справиться с ней будет гораздо легче.

Инек оглядел нагромождение валунов от края до края, но не увидел ничего такого, что могло бы указать на спрятавшегося инопланетянина. Медленно, осторожно, чтобы не выдать себя шумом, он приготовился к новому броску, но тут краем глаза заметил движущуюся тень чуть ниже на склоне холма. Одним молниеносным движением он перевернулся на спину, сел и перехватил винтовку, но навести уже не успел. Тень навалилась на него, прижав к земле, и ладонь с широко расставленными пальцами зажала ему рот.

— Улисс! — успел выдавить Инек, но инопланетянин только зашипел, чтобы он молчал.

Улисс осторожно сполз в сторону и убрал руку, затем показал на каменную гряду. Инек кивнул. Улисс подтянулся поближе, наклонился к Инеку и прошептал в самое ухо:

— Талисман! У него Талисман!

— Талис...?! — воскликнул было Инек, но на полуслове задушил свой возглас, вспомнив, что нельзя выдавать себя шумом.

Сверху загрохотал покатившийся камень, и Инек прижался к земле.

— Ложись! — крикнул он Улиссу. — Ложись! У него лазер!

В этот момент рука Улисса тряхнула его за плечо.

— Инек! Смотри!

Инек рывком поднял голову и увидел на фоне темного неба два сцепившихся силуэта.

— Люси! — закричал он.

Очевидно, она сумела подкрасться. Черт бы ее!.. Пока крыса следила за склоном холма, Люси обошла ее сбоку, тихо подползла ближе и набросилась. В поднятой руке Люси было что-то вроде дубины — очевидно, старый сломанный сук, которым она собиралась ударить крысу по голове, но та успела схватить Люси за запястье.

— Стреляй! — произнес Улисс упавшим голосом.

Инек вскинул винтовку, но в сгустившейся темноте прицелиться оказалось нелегко. Да и стояли крыса с Люси слишком близко друг к другу.

— Стреляй! — закричал Улисс.

— Не могу. — Инек даже всхлипнул от отчаяния. — Слишком темно.

— Ты должен! — В голосе Улисса зазвучала твердость. — Ты должен рискнуть!

Инек снова прицелился. На этот раз он нашел цель почти без труда и понял, что дело было не в темноте: мешало воспоминание о том первом выстреле, когда он промахнулся, стреляя в фантастическом мире, где бродили над лесом огромные хрюкающие твари на ходулях. Если он промахнулся тогда, значит, может промахнуться и сейчас...

Мушка остановилась на голове крысоподобного существа, но оно качнулось в сторону. Потом обратно.

— Стреляй! — снова крикнул Улисс.

Инек нажал на курок. Раздался сухой треск выстрела. Крыса, наверное, еще целую секунду стояла на камнях, хотя от ее головы осталась только половина, с которой в разные стороны разлетались, словно стремительные насекомые, черные ошметки, едва заметные на фоне потемневшего западного неба.

Выронив винтовку, Инек упал на землю и вцепился пальцами в мягкий мох. От мысли о том, что могло бы случиться, его била дрожь, но тут же накатила слабость, вызванная чувством облегчения и благодарности за то, что этого не произошло, за то, что годы тренировок в его фантастическом тире наконец-то окупились сторицей.

Странно, подумалось ему, как много бессмысленных вещей формирует наши судьбы. Тир предназначался для одной только цели — ублажать

смотрителя станции. Казалось бы, совершенно бессмысленное занятие, как бильярд или игра в карты, однако время, что он там провел, выкристаллизовалось в одно это короткое мгновение на склоне холма.

Беспокойство и боль постепенно оставляли его — будто уходили в землю, и в душе воцарялся покой. Покой леса, покой холмов, покой первых тихих шагов наступившей ночи. Небо, звезды и само пространство словно склонились над Инеком, нашептывая о том, что он един с ними, что он тоже частица этого большого мира. На мгновение ему показалось, что он сумел ухватиться за краешек какой-то великой истины, а вместе с истиной к нему пришло успокоение и неведомое ранее ощущение величия жизни.

— Инек, — прошептал Улисс. — Инек, брат мой...

В его голосе Инеку послышался судорожный, взволнованный вздох. Раньше он никогда не называл землянина братом.

Инек поднялся на колени и увидел над грядой камней мягкий, восхитительный свет, словно там зажег свой фонарик гигантский светлячок. Свет перемещался, спускаясь по камням к ним, а рядом шла Люси — как будто она несла в руке горящую лампу.

Рука Улисса протянулась откуда-то из темноты и сдавила плечо Инека.

— Ты видишь? — спросил Улисс.

— Да, вижу. Что это?

— Это Талисман, — произнес Улисс восхищенно и от волнения немного хрипло. — А рядом его новый хранитель. Именно такого хранителя мы искали долгие-долгие годы.

33

Привыкнуть к такому просто невозможно, говорил себе Инек, когда они возвращались лесом к станции. Талисман наполнял своим теплым сиянием каждое мгновение его жизни, и хотелось сохранить это ощущение навсегда. Разумеется, Талисман будет рядом не вечно, но он точно знал: ему никогда уже не забыть того, что произошло у него в душе.

Охватившее его чувство не поддавалось описанию: было в нем что-то от материнской любви, и от гордости отца, и от обожания милой сердцу женщины, и от товарищеской верности, и еще многое-многое другое. Это чувство приближало далекое, а сложное делало простым и понятным, оно уносило прочь страх и печаль, хотя в нем самом тоже звучала нотка печали — словно бы от понимания, что никогда в жизни не будет больше такого возвышенного мгновения, что в следующую секунду оно уйдет безвозвратно и отыскать его уже не удастся. Однако мгновение длилось.

Крепко прижимая к груди сумку с Талисманом, Люси шла между ними, и, глядя на нее, Инек невольно представлял себе маленькую девочку с любимым котенком на руках.

— Наверное, уже несколько веков — а может быть, и вообще никогда — не светился Талисман так ярко, — проговорил Улисс. — Я, во всяком случае, такого не припоминаю. Замечательно, да?

— Замечательно, — ответил Инек.

— Теперь мы снова станем едины, — сказал Улисс. — Снова почувствуем, как на самом деле близки. И снова будет не много народов, а одно галактическое содружество.

— Но это существо, которое...

— Хитрый негодяй, — сказал Улисс. — Он хотел получить выкуп за Талисман.

— Значит, Талисман все-таки был украден?

— Мы еще не знаем всех обстоятельств этой истории, но, разумеется, узнаем.

Какое-то время они шли молча. Далеко на востоке появились над верхушками деревьев первые отсветы поднимающейся луны.

— Я одного не понимаю... — начал было Инек.

— Спрашивай.

— Как могло это существо носить с собой Талисман и не чувствовать его? Ведь если бы оно чувствовало, разве пришло бы ему в голову украсть Талисман?

— Среди многочисленных жителей галактики попадается лишь один на несколько миллиардов, кто способен... как бы это вернее сказать?.. настроить Талисман, привести его в действие. На меня или на тебя он просто не отреагирует. Но стоит этому одному существу прикоснуться к Талисману, как он тут же оживает. Нужна особая восприимчивость, которая связывает машину с резервуарами вселенской энергии духовности. Дело не в самой машине — она лишь помогает избранному существу дать нам возможность ощутить энергию духовности.

Машина, аппарат, инструмент — технологический родственник мотыге или гаечному ключу, но как же далеки они друг от друга! Как человеческий мозг от первой аминокислоты, зародившейся на Земле, когда эта планета еще была молода. Можно даже сказать, что это предел эволюции инструмента, последняя вершина, выше которой уже не подняться. Впрочем, это неверное заключение — скорее всего, развитию нет предела, а значит, последней вершины тоже нет: едва ли наступит время, когда какое-то существо или группа существ остановится в своем развитии у определенной точки и скажет: «Все. Дальше мы не пойдем. В этом нет смысла». Ведь каждый шаг вперед открывает в свою очередь множество новых возможностей, множество новых путей, и следующий шаг по одному из них снова открывает новые дороги. И нет им конца...

Они добрались до края поля и пошли напрямик к станции. Откуда-то спереди послышались быстрые шаги — кто-то бежал им навстречу.

— Инек! — донесся из темноты знакомый голос. — Инек, это ты?

— Да, Уинслоу. Что случилось?

Почтальон подбежал ближе и, переводя дух, остановился за кругом света, падающего от Талисмана.

— Инек, они все-таки собрались! Погрузились в две машины и едут. Но, надеюсь, мне удалось их задержать. В том месте, где начинается грун-

товая дорога к твоему дому, я высыпал в колеи фунта два кровельных гвоздей, и на какое-то время они там застрянут.

— Кровельных гвоздей? — недоумевающе спросил Улисс.

— Толпа, — пояснил Инек. — Она собирается расправиться со мной. А гвозди...

— Понятно, — сказал Улисс. — Чтобы проколоть шины...

Уинслоу шагнул ближе, пристально глядя на светящийся сквозь ткань сумки Талисман.

— Это Люси Фишер, да?

— Точно, — ответил Инек.

— Ее старик только что примчался в город и начал вопить, что она опять исчезла. Там все вроде бы уже поутихло, но Хэнк их снова накрутил. Я послушал и двинулся в скобяную лавку. Прихватил гвоздей и успел сюда раньше них.

— Толпа? — снова переспросил Улисс. — Я не...

— А этот тип, что искал женьшень, ждет тебя у дома, — перебил его Уинслоу, захлебываясь от желания поскорее рассказать все, что ему известно. — У него там грузовик.

— Это Льюис с телом сиятеля, — пояснил Инек Улиссу.

— Он, по-моему, здорово расстроен, — добавил Уинслоу. — Говорит, ты должен был его ждать.

— Может быть, нам не стоит тогда задерживаться, — сказал Улисс. — Я не все понимаю, но догадываюсь, что назревает некий кризис.

— Послушай, что здесь происходит? — удивленно спросил Уинслоу. — Что это за штука у Люси в руках? И кто это стоит рядом с тобой?

— Потом, — сказал Инек. — Я все объясню тебе потом. Сейчас не до объяснений — надо спешить.

— Но, Инек, сюда направляется пьяная толпа...

— Когда они появятся, я и с ними разберусь. А сейчас есть более важное дело.

Продираясь сквозь бурьян, вымахавший местами по пояс высотой, все четверо бегом поднялись по склону. Впереди, на фоне ночного неба, темнело угловатое здание станции.

— Они уже у поворота! — задыхаясь, крикнул Уинслоу. — Я только что видел, как там мелькнул свет фар.

Инек, а за ним и остальные вбежали в ворота и, не сбавляя шага, бросились к дому. В отсветах Талисмана уже можно было разглядеть массивный кузов грузовика. От темного силуэта машины отделилась фигура человека и заторопилась им навстречу.

— Уоллис, это вы?

— Да, — ответил Инек. — Извините, что меня не оказалось на месте.

— Я, признаться, растроился, когда понял, что вас тут нет.

— Непредвиденные обстоятельства, — коротко сказал Инек. — Мне срочно потребовалось отлучиться.

— Тело почтенного мыслителя в машине? — спросил Улисс.

Льюис кивнул.

— К счастью, нам удалось его вернуть.

— Через сад тело придется нести, — сказал Инек. — Машина туда не пройдет.

— В прошлый раз тело нес ты, — произнес Улисс.

Инек кивнул.

— Друг мой, я надеялся, что сегодня ты доверишь мне эту почетную обязанность...

— Конечно, — ответил Инек. — Думаю, и он не стал бы возражать.

На язык просились другие слова, но Инек сдержался, решив, что было бы неуместно благодарить Улисса за то, что он снял с него тяжкую необходимость приносить покаяние перед умершим.

— Они уже идут, — пробормотал Уинслоу, стоявший рядом. — Я слышу на дороге какой-то шум.

И действительно, со стороны дороги доносился звук шагов, неторопливых, уверенных, точно поступь чудовища, которому незачем спешить — жертва все равно никуда не денется. Инек стал лицом к воротам и вскинул винтовку.

За его спиной заговорил Улисс:

— Наверное, будет правильнее и достойнее похоронить его при полном свете нашего возвращенного Талисмана...

— Она тебя не слышит, — сказал Инек, не оборачиваясь. — Ты забыл, что Люси глухонемая. Надо ей показать.

Не успел он договорить, как все окружающее пространство озарилось вдруг ослепительным сиянием. Со сдавленным возгласом удивления Инек повернулся к своим товарищам и увидел, что сумка, где хранился Талисман, лежит у ног Люси, а сама она гордо держит над головой маленькое солнце, заливающее светом и двор, и древний дом, и даже край поля.

Стало так тихо, будто весь мир затаил дыхание и замер, встревоженно ожидая страшного грохота, который вот-вот должен прокатиться по земле, но его все не было и не было.

А вместе с тишиной пришло устойчивое ощущение мира и спокойствия, заполнившее каждую клеточку каждого живого существа вокруг. Не просто мир, который объявили и которому пока позволяют остаться, нет, —настоящий, прочный мир, покой в мыслях, какой приходит вместе с закатной прохладой после долгого жаркого дня или с теплым призрачным сиянием весенней зари. Мир в душе и вокруг, достигающий самых дальних пределов бесконечности; устойчивый, надежный мир, который сохранится до последнего дыхания вечности...

Опомнившись, Инек медленно повернулся к полю и увидел на границе освещенного участка серые силуэты людей, сбившихся в кучу, словно стая присмиревших волков в слабых отблесках костра. Пока он смотрел, люди по одному таяли в темноте и исчезали в том же направлении, откуда пришли. Вскоре скрылись все, кроме одного, который вдруг сорвался с места и бросился вниз по склону холма к лесу, подвывая от ужаса, как испуганная собака.

— Это Хэнк побежал, — заметил Уинслоу.

— Жаль, что мы его напугали, — серьезным тоном произнес Инек. — Никто не должен этого бояться.

— Он сам себя боится, — сказал почтальон, — потому что живет со страхом в душе.

Видимо, он прав, подумал Инек. Человек всегда был таким. Человек долго жил со страхом и больше всего на свете боялся самого себя.

34

Все пятеро стояли у невысокого земляного холмика. Беспокойный ветер шелестел в ветвях залитого лунным светом яблоневого сада, а где-то вдалеке у реки переговаривались в серебряной ночи птицы козодои.

Инек попробовал прочесть надпись, выбитую на грубо отесанном камне, но лунного света не хватало. Впрочем, он и так помнил ее наизусть.

Здесь лежит гость с далекой звезды, но эта земля ему не чужая, ибо, умерев, он вернулся в большую Вселенную.

«Ты, когда писал эти строки, думал, как мы», — сказал ему посланник с Веги-XXI всего днем раньше. Инек тогда ничего ему не ответил, но сиятель был не прав, потому что суждение это не только веганское, но и вполне земное.

Язык сиятелей — не самый легкий на свете, и, выбивая зубилом слова, Инек допустил две или три ошибки. Но камень был гораздо мягче мрамора или гранита, которые обычно используют в таких целях, и неумело сделанную надпись вряд ли ждала долгая жизнь. Через несколько десятков лет солнце, дожди и морозы раскрошат выбитые на плите символы, а спустя еще такой же срок они исчезнут вовсе, и там, где были слова, останутся лишь шероховатые выступы. Но слова все равно сохранятся — если не на камне, то в памяти.

Инек взглянул на Люси, стоявшую по другую сторону могилы. Талисман вернулся в сумку, и свечение стало немного слабее, но Люси по-прежнему прижимала его к груди, и на лице ее сохранялось все то же восторженное, отрешенное выражение, словно она жила уже не в этом мире, а в каком-то другом измерении, где, кроме нее, не было никого, где не существовало прошлого.

— Ты думаешь, она пойдет с нами? — спросил Улисс. — Я имею в виду, мы сможем взять ее с собой в Галактический Центр? Земля отпустит?..

— Земли это не касается, — сказал Инек. — Мы свободные люди, и она сама решит, как ей поступить.

— Как, по-твоему, она согласится?

— Думаю, согласится. Мне кажется, этого дня Люси ждала всю свою жизнь. Может быть, она предчувствовала его даже без Талисмана.

Она и вправду жила словно в каком-то особом мире, недоступном все-

му остальному человечеству. Что-то было в ее душе такое, чем не обладал ни один другой житель Земли. Это всегда чувствовалось, хотя не поддавалось описанию. Ей очень хотелось использовать свой дар, и она пробовала — слепо, неуверенно, неумело. Заговоривала бородавки, лечила бабочек, бог знает что еще делала.

— А ее отец? — спросил Улисс. — Тот, что убежал от нас с криками?

— С Хэнком я договорюсь, — сказал Льюис. — Мы с ним хорошо знакомы.

— Ты хочешь взять ее с собой в Галактический Центр прямо сейчас? — спросил Инек.

— Если она согласится, — ответил Улисс. — И надо срочно сообщить им радостную весть.

— А из Центра в путешествие по всей галактике?

— Да. Она нам очень нужна.

— А нам вы ее одолжите на денек-другой?

— Одолжить?..

— Ну да, — сказал Инек. — Земле Люси тоже нужна. Просто необходима.

— Конечно, — сказал Улисс, — однако...

— Льюис, — перебил его Инек, — как вы полагаете, сможем ли мы уговорить кого-нибудь в правительстве — например, государственного секретаря — включить Люси Фишер в состав делегации на мирную конференцию?

Льюис начал что-то говорить, поперхнулся, потом наконец выговорил:

— Думаю, это можно будет организовать...

— Представляете себе, какой эффект произведет девушка с Талисманом за столом переговоров!

— Кажется, представляю, — сказал Льюис, — но государственный секретарь непременно захочет поговорить с вами, прежде чем объявить о своем решении.

Инек повернулся к Улиссу, но тот понял его и без вопроса.

— Конечно. Дайте мне знать когда, и я тоже с удовольствием поучаствую в разговоре. Кстати, можете передать уважаемому секретарю, что было бы неплохо сразу приступить к формированию всемирного комитета.

— Какого комитета?

— По вопросу вступления Земли в галактическое содружество. Разве это дело, если хранитель Талисмана будет с неприсоединившейся планеты?

35

У края скалы, что возвышалась над рекой, деревьев было совсем мало, и камни, лежавшие под открытым небом, белели в лунном свете, словно огромный скелет какого-то доисторического зверя.

Инек остановился у большого валуна и взглянул на мертвого инопланетянина, лежавшего темным комом среди каменных глыб.

Жалкий неудачник... Умереть так далеко от дома, и, главное, ради чего?

Впрочем, отчего же жалкий? В его мозгу, теперь уже безвозвратно погибшем, зародился колоссальный план — нечто сравнимое с планами Александра, Ксеркса или Наполеона, циничная мечта о беспредельной власти, требующая осуществления любой ценой, мечта столь грандиозная, что она просто вытеснила все другие моральные соображения.

Инек попытался представить себе такой план и понял, что это ему не под силу: слишком многого он не знал о галактике, слишком многого не понимал.

Тем не менее что-то в этом плане не сработало. Ведь ясно, что Земля там не учитывалась — разве что в качестве запасного варианта, укромного уголка, где можно отсидеться в случае непредвиденных осложнений. Лежащее среди камней существо привела сюда последняя, отчаянная попытка скрыться, однако и это ему не удалось.

Но вот ирония судьбы — беглец с украденным Талисманом попал буквально к порогу дома настоящего восприимца, хотя вряд ли кому пришло бы в голову искать восприимца здесь, на Земле. Вспоминая недавние события, Инек уже не сомневался, что Люси каким-то образом почувствовала присутствие Талисмана, и ее потянуло к нему, как иголку к магниту. Она, наверное, ничего больше и не осознавала, кроме того, что Талисман рядом, что он непременно нужен ей, что это именно то, чего она ждала всю свою одинокую жизнь, не понимая, чего ждет, и не надеясь найти. Как ребенок, который вдруг замечает на рождественской елке сверкающий шар и, решив, что на свете нет ничего прекрасней, хочет во что бы то ни стало им завладеть.

Должно быть, думал Инек, это существо обладало и значительными способностями, и большой изобретательностью. Иначе ему вряд ли удалось бы украсть Талисман, долгие годы скрывать его от всех и проникнуть в секреты Галактического Центра. Но разве стало бы это возможно, если бы Талисман действовал в полную силу, размышлял Инек. Если бы Талисман действовал в полную силу, ни у кого бы просто не возникло мысли о допустимости подобного шага и не расцвела бы так пышно алчность, побудившая к краже.

Однако теперь все это позади. Талисман нашелся, и, что не менее важно, у него появился новый хранитель — глухонемая девушка с Земли. А на самой Земле будет мир, и со временем она присоединится в галактическому содружеству.

И никаких теперь проблем, и не надо ничего решать. Люси избавила от необходимости принимать решения сразу всех. Станция теперь никуда не денется. Можно будет распаковать коробки и поставить дневники обратно на полки. Теперь он может вернуться на станцию и заняться своей обычной, будничной работой.

«Прости, — мысленно проговорил Инек, обращаясь к мертвому инопланетянину. — Я очень сожалею, что именно моя рука оборвала твою жизнь».

Он повернулся и пошел к обрыву, где далеко внизу, у подножья скалы, несла свои воды река. Постоял немного, держа винтовку в поднятой руке, а затем швырнул ее изо всей силы вперед и долго смотрел, как она падает, медленно переворачиваясь и поблескивая сталью в лунном свете. Река приняла ее с еле заметным всплеском, но до вершины скалы по-прежнему доносилось только удовлетворенное журчание воды, перетекающей по камням у подножья и уплывающей в какие-то далекие края.

Теперь на Земле установится мир, подумал Инек. Войны уже не будет. Если за столом переговоров на конференции будет Люси, ни у кого и мысли не возникнет о войне. Даже если кто-то не выдержит живущего в душе страха — страха, который окажется настолько сильным, что он заслонит красоту и покой, даруемые Талисманом, — даже тогда войны все равно не будет.

Но человечеству предстоит пройти долгий путь, прежде чем подлинный, прекрасный мир поселится в каждом сердце.

Настоящий мир не наступит, пока будет скулить от страха (любого страха) хотя бы один человек. Род человеческий не добьется мира, пока не выбросит оружие (любое оружие) последний его обладатель. И винтовка, подумалось Инеку, далеко не самое страшное оружие из того, что создано на Земле, — можно сказать, это наименее жестокое проявление человеческой бесчеловечности, скорее, символ оружия по сравнению с другими, более смертоносными его видами.

Он стоял на краю скалы, глядя на речную долину и темнеющий в ночи лес. Рукам словно чего-то не хватало без винтовки, но Инек чувствовал, что всего несколько минут назад вступил в новую полосу времени, как будто закончилась целая эпоха и он оказался в совершенно ином мире — новом, чистом, не замаранном прежними ошибками.

Внизу текла река, но реке было все равно. Ей безразлично, что происходит в мире. Она примет и бивень мастодонта, и череп саблезубого тигра, и скелет человека, и мертвое, пропитавшееся водой дерево, и камень, и винтовку, — примет, занесет илом или песком, спрячет и потечет дальше.

Миллион лет назад здесь, возможно, не было реки, а спустя еще миллион лет снова не будет, но и через миллион лет здесь будет Человек или, во всяком случае, какое-то существо, которому не безразличен мир. В этом, наверно, и заключено великое таинство Вселенной — в существовании тех, кого что-то заботит.

Инек повернулся и не спеша побрел обратно, пробираясь между валунами. В опавшей листве шуршали маленькие ночные зверушки, и один раз до него донесся сонный вскрик разбуженной птицы. Лес стоял, окутанный покоем и уверенностью того теплого света, что дарил Талисман, — не такого, конечно, яркого и завораживающего, как от самого Талисмана, но отблески его словно еще жили здесь.

Выйдя из леса, Инек двинулся через поле по склону холма, на вершине которого темнело прямоугольное здание станции. Только теперь оно казалось ему не просто станцией, но еще и домом. Много лет назад это дей-

ствительно был всего лишь дом, потом он превратился в галактическую пересадочную станцию, а сейчас стал и станцией, и снова домом.

36

Дома стояла тишина — даже немного пугающая тишина. На столе горела лампа, а среди безделушек на кофейном столике по-прежнему вспыхивала огнями маленькая пирамидка, сложенная из шариков. Почему-то она напомнила вдруг Инеку хрустальные шары, с помощью которых в двадцатые годы превращали танцевальные залы в настоящие волшебные замки. Маленькие мерцающие всполохи бегали по всей комнате, словно веселые разноцветные светлячки.

Инек прошел в комнату и остановился в нерешительности. Чего-то не хватало, и он тут же понял, в чем дело. Все эти годы он первым делом вешал винтовку на крючья или клал ее на стол. Но теперь винтовки не стало.

Что ж, сказал он себе, пора браться за работу. Для начала надо распаковать коробки и убрать все на место. Потом дополнить дневник, просмотреть нечитаные газеты и журналы. Дел достаточно.

Улисс и Люси отбыли часа два назад в Галактический Центр, но Инек так живо чувствовал Талисман, словно он все еще оставался на станции. Хотя, может быть, подумал Инек, дело и не в станции вовсе, а в нем самом, в душе. Может быть, это ощущение останется в нем теперь навсегда, где бы он ни оказался.

Он не спеша прошел по комнате и сел на диван. Прямо перед ним разбрызгивала фонтаны света пирамидка. Инек протянул было к ней руку, но потом передумал. Что толку? Если за долгие годы ему так и не удалось разгадать ее секрет, почему это должно произойти сейчас?

Милая вещица, но бесполезная.

Интересно, как там Люси, подумал Инек и тут же ответил сам себе: наверняка с ней ничего теперь не случится.

А ему надо снова работать, а не рассиживаться. Дел полно. Да и время его отныне уже не будет принадлежать ему одному, потому что Земля вот-вот постучится в дверь. Конференции, встречи и тому подобное... Через несколько часов здесь уже, возможно, появятся газетчики. Впрочем, Улисс обещал вернуться помочь, и, может быть, с ним прибудут другие инопланетяне.

Сейчас он чего-нибудь поест, а потом примется за работу. Если не ложиться спать, можно много успеть.

Одинокими ночами так хорошо работается... А сейчас ему и в самом деле одиноко, хотя именно сегодня одиночеству положено бы отступить — ведь теперь все изменилось. Теперь у него есть и Земля, и галактика, и Люси, и Улисс, и Уинслоу, и Льюис, и старый философ-веганец, что спит под каменным надгробьем.

Инек поднялся, прошел к столу и, взяв в руки статуэтку, которую подарил ему Уинслоу, принялся рассматривать ее, медленно поворачивая в свете лампы. В деревянной фигурке человека тоже чувствовалось одиночество — теперь он это увидел, — одиночество путника, шагающего бесконечно долгой дорогой.

Но ведь по-иному и быть не могло. Он должен был идти один. Выбирать тут не приходилось, потому что этого требовала работа. И теперь она... нет, не закончена, поскольку сделать нужно еще очень много. Но закончилась ее первая часть, и уже начинается вторая.

Он поставил статуэтку на место и вспомнил, что не успел отдать Уинслоу кусок древесины, который привез ему путешественник с Тубана. Кстати, теперь можно будет рассказать ему, как здесь оказались все эти деревяшки. Они могут даже вместе пройтись по дневникам и выяснить, когда и откуда попала на Землю каждая из них. Уинслоу это занятие наверняка понравится.

Инек услышал шорох шелка и резко обернулся.

— Мэри! — воскликнул он.

Она стояла на границе падающего от лампы света, и всполохи, разбрасываемые пирамидкой, делали ее похожей на сказочную фею. Да, пронеслось у него в голове, именно так, потому что утерянная сказочная страна вдруг вернулась обратно.

— Я чувствовала, что должна прийти, — сказала Мэри. — Тебе было одиноко, Инек, и я не могла не вернуться.

Да, не могла. Возможно, так оно и есть. Очевидно, создавая ее образ, он невольно запрограммировал в нее стремление быть рядом с ним, когда ему одиноко.

Ловушка, подумал он; ловушка, из которой ни он, ни она не могут вырваться. Вместо свободы воли — абсолютная точность механизма чувств, им же самим и созданного.

Ей не следовало возвращаться, и, наверное, она знала это не хуже его, но ничего не могла с собой поделать. Неужели так будет вечно?

Инек стоял неподвижно, словно окаменев: всей душой он рвался к ней и в то же время остро осознавал ее иллюзорность.

Первой сделала шаг в его сторону Мэри. Вот она уже близко и сейчас должна остановиться — ведь ей так же, как и ему, известны правила игры и так же больно признавать, что она всего лишь иллюзия.

Но Мэри не остановилась и подошла так близко, что Инек уловил исходивший от нее легкий запах яблоневого цвета. Она протянула руку и коснулась его запястья.

Не сделала вид, а на самом деле коснулась! Он почувствовал прикосновение ее пальцев, их прохладу.

Инек стоял неподвижно, и ее рука лежала в его руке.

«Всполохи света! — догадался он. — Пирамидка, сложенная из шариков!»

Ну конечно же! Инек сразу вспомнил, кто подарил ему эту игрушку —

путешественник с одной из тех планет в системе Альфарда, где обитали чудотворцы. С помощью их книг он и освоил искусство сотворения иллюзий. Путешественник хотел помочь ему и подарил пирамидку, а он тогда не понял ее назначения. Вернее, они не поняли друг друга, что, в общем-то, случается нередко. В галактическом Вавилоне очень легко ошибиться или просто не найти нужных знаний.

Пирамидка оказалась несложным, но очень занятным механизмом — своего рода фиксатором, превращавшим иллюзию в реальность. Нужно лишь придумать что-то, а затем включить пирамидку, и созданное воображением становится таким же реальным, как окружающий мир.

Только себя все равно не обманешь, потому что иллюзия всегда остается иллюзией...

Инек потянулся к Мэри, но она отпустила его руку и медленно шагнула назад. В комнате повисло тяжелое молчание — ужасное, пронзительное молчание одиночества. Шарики в пирамидке продолжали вращаться, разбрасывая радужные огоньки, и по стенам все так же бегали, словно юркие мыши, цветные всполохи.

— Прости, — сказала Мэри, — но это все равно бессмысленно. Самих себя не обмануть.

Инек стоял, не в силах вымолвить слово.

— Я так ждала... Мечтала и надеялась, что когда-нибудь это произойдет.

— Я тоже, — произнес Инек. — Хотя я никогда не думал, что такое возможно.

Видимо, в этом то все и дело. Пока ничего подобного не могло случиться, оставалась возможность предаваться романтическим мечтам о далеком и недоступном. Да и романтическими они казались только потому, что были несбыточными.

— Словно ожившая кукла... — проговорила Мэри, — или любимый плюшевый мишка. Прости, Инек, но нельзя же любить куклу или плюшевого мишку, которые вдруг ожили. Ты всегда будешь помнить, как было раньше: кукла с глупой нарисованной улыбкой, медведь с торчащей из шва ватой...

— Нет! — вскричал Инек. — Нет же!

— Мне жаль тебя, — сказала Мэри. — Тебе будет нелегко. Но я ничем не могу помочь. Тебе предстоит долгая жизнь наедине со своими воспоминаниями.

— А как же ты? Что ты собираешься делать?

Не у него, а у Мэри хватило духу признать истинное положение вещей, посмотреть правде в лицо.

Но как она смогла почувствовать, понять?

— Я уйду, — ответила Мэри. — И никогда больше не вернусь. Даже когда буду очень нужна тебе. По-другому не получится.

— Но ты не можешь уйти. Мы с тобой в одной ловушке.

— Как странно все случилось, — сказала она. — Мы оба оказались жертвами иллюзии.

— И ты тоже?

— И я. Точно так же, как ты. Ведь ты не можешь любить куклу, а я не могу любить мастера, ее изготовившего. Раньше нам обоим казалось, что это возможно, а сейчас, когда стало понятно, что это не так, мы все еще тянемся друг к другу и от этого мучаемся и страдаем оба.

— Если бы ты осталась... — сказал Инек.

— Чтобы потом возненавидеть тебя? Или, еще хуже, чтобы ты возненавидел меня? Пусть уж лучше мы будем страдать. Это не так страшно, как ненависть.

Она шагнула в столику, схватила пирамидку и подняла ее над головой.

— Нет! Только не это! — закричал Инек. — Не надо, Мэри!..

Пирамидка засверкала, кувыркаясь в полете, и ударилась о каминную кладку. Огоньки погасли, и, раскатившись по полу, зазвенели осколки.

— Мэри! — крикнул Инек, бросившись вперед, в темноту.

Но ее уже не было.

— Мэри! — вскрикнул он снова — даже не вскрикнул, а простонал.

Мэри ушла и никогда уже не вернется к нему.

Даже когда ему очень захочется ее увидеть, она все равно не придет.

Инек стоял в безмолвии станции, прислушиваясь к голосу прожитых лет.

Жизнь тяжела, говорил голос. В жизни нет легких путей.

И та девушка, дочь соседа-фермера, что жила чуть дальше по дороге, и красавица южанка, которую он видел, проходя в строю солдат мимо ее поместья, и теперь Мэри — все они ушли из его жизни навсегда.

Он повернулся и, тяжело ступая, пошел к столу, к свету. Постоял, окидывая комнату взглядом. Здесь вот, на этом самом месте, где стоит сейчас стол, раньше была кухня, а там, где камин, гостиная. Дом переменился, и уже давно, но Инек ясно видел его прежним, словно это было еще вчера.

Однако те дни ушли, и вместе с ними люди.

Только он один остался.

Остался, потеряв свой прежний мир, покинув его в прошлом.

Впрочем, сегодня то же самое произошло со всеми живущими на планете.

Возможно, они об этом еще не знают, но их прежний мир остался в прошлом. И никогда уже он не будет прежним.

За свою жизнь Инеку много раз приходилось прощаться — с друзьями, с прошлым, с любовью, с мечтами.

— Прощай, Мэри, — произнес он тихо. — Прости меня, и да хранит тебя господь.

Он сел за стол и, придвинув к себе дневник, отыскал нужную страницу.

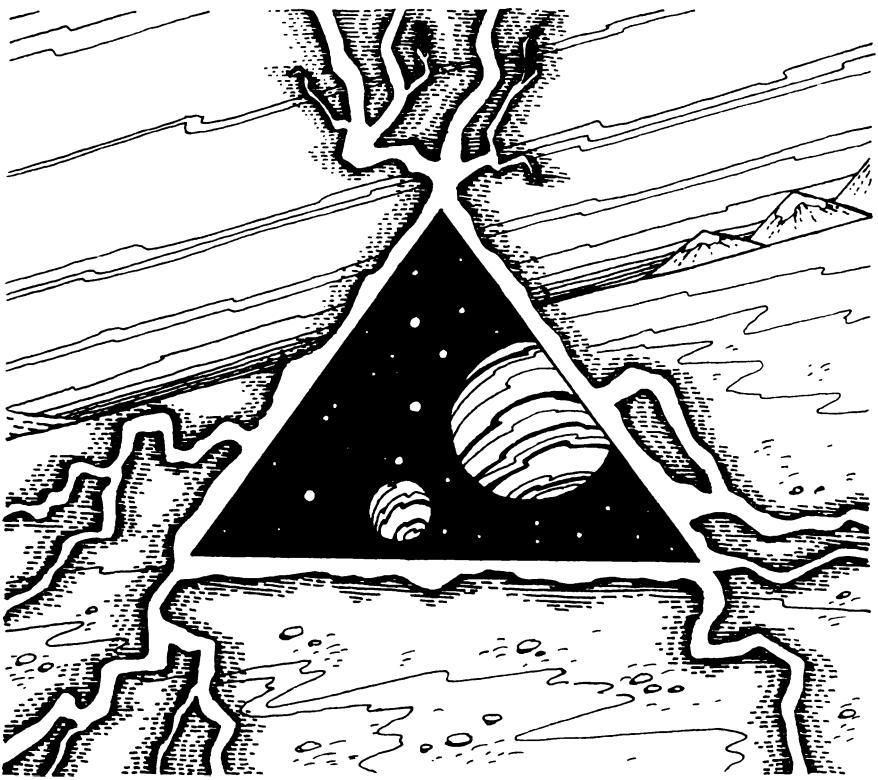
Впереди ждала большая работа.

И теперь Инек был готов к ней.

С прошлым он уже распрощался.

ПРИНЦИП ОБОРОТНЯ

РОМАН

1

Существо остановилось и приникло к земле, глядя на крошечные точечки света впереди, неярко горевшие во мраке.

Существо заскулило в страхе и тревоге.

Этот мир был чересчур жарким и влажным, а тьма — слишком густой. И было тут слишком много буйной растительности. Атмосфера неистовствовала, и растения стонали от боли. В отдалении виднелись размытые сверкающие вспышки, которые совсем не освещали ночь, а где-то далеко-далеко слышались чьи-то протяжные басовито рокочущие стенания. И здесь была жизнь — гораздо больше жизни, чем пристало иметь какой бы то ни было планете, — но жизнь низшая и тупая, частично состоявшая просто из биологической каши, маленьких сгустков гноя, способных лишь вяло отзываться на определенные раздражители.

Может быть, сказало себе существо, и не стоило так упорно рваться на волю? Может, лучше было бы остаться в том месте, которому нет имени, там, где не существовало ни бытия, ни ощущения или воспоминания о бытие, — лишь черпаемое откуда-то знание того факта, что есть такое состояние, как бытие, да еще редкие проблески разума, разрозненные обрывки информации, которые подогревали стремление бежать, обрести независимость, разобраться, где оказалось, узнать, почему именно здесь и как сюда попало.

А что теперь?

Существо льнуло к земле и скулило.

Каким образом в одном месте может оказаться столько воды? И так много растительности, и такой неистовый ералаш стихий? Как вообще на планете — на любой планете — может царить такой кавардак, такое безвкусно-цветистое изобилие? В таком количестве воды — лезущей на глаза, ручьем бегущей под уклон, стоящей в мутных лужицах на земле — было нечто святотатственное. Мало того, вода присутствовала и в атмосфере, воздух был полон быстро несущихся капелек.

Что эта за ткань, которая обхватывает горло и лежит на спине, воло-

чится по земле, развеваясь на ветру? Какая-то защитная оболочка? Хотя не очень-то похоже: прежде существо никогда не нуждалось ни в каком прикрытии. Ему была необходима только его собственная шубка из серебристого меха.

Прежде? — спросило себя существо. Когда это «прежде»? Прежде чем что?

Существо напрягло память, и у него возникло смутное видение какой-то хрустальной земли, где был холодный сухой воздух со снежной и песчаной пылью, где небо полыхало множеством звезд, а ночь, озаренная мягким золотистым светом лун, была такой же яркой, как день. А еще возникло навязчивое, туманное, полуосознанное воспоминание о том, что оно, существо, отправилось в глубины космоса вырывать у звезд их тайны.

Но что это было, воспоминание или фантазия, рожденная безликостью того места, откуда бежало существо? Этого никак не узнаешь.

Существо выбросило пару рук, собрало с земли ткань и, скомкав, зажало ее в руках. Вода сочилась из материала, маленькие капельки со всплесками падали в стоявшие на земле лужицы.

Что это за точечки света впереди? Это не звезды; слишком близко к земле, да и вообще тут нет звезд, что само по себе немыслимо, ибо звезды были всегда.

Существо с опаской потянулось мыслью к этому ровному свету. Там было еще что-то, кроме света — на заднем плане ощущалось присутствие какого-то минерала. Существо осторожно ощупало этот фон и осознало, что там, в темноте, стоит минеральная глыба слишком уж правильной формы, чтобы быть природной скалой.

Вдали не смолкал грохот; тревожные вспышки далеких огней уносились в глубины неба.

Идти дальше? — гадало существо. Обогнуть огоньки по широкой дуге или двинуться прямо на них, чтобы узнать, что они такое? Или, быть может, следует пойти назад и постараться опять отыскать ту пустоту, из которой оно бежало? Хотя теперь уже неизвестно, где это место. Когда существо вырвалось на свободу, его там не было. А с момента своего освобождения оно ушло далеко.

И где те двое других, которые тоже были там, в небытии? Они тоже освободились? Или остались, почувствовав, быть может, сводящую с ума отчужденность, что царит вокруг того места? А если они не бежали, то где могут быть теперь?

И не только где они, но и кто они?

Почему они не отвечали? Или они не слышали вопроса? Возможно, в том, не имеющем названия месте не было подходящих условий, чтобы задавать вопросы? Странно, подумало существо, делить жилье с двумя другими созданиями, испытывать то же ощущение неосознанного бытия и не иметь возможности вступить с ними в связь.

Ночь была душная, но существо до самых внутренностей пробирала дрожь.

Нельзя оставаться здесь, сказало оно себе. Не скитаться же до бесконечности. Надо найти какое-то убежище.

Хотя существо пока не понимало, где следует искать убежище в таком безумном мире, как этот.

Оно медленно двинулось вперед, не веря в себя, не зная толком, куда идти и что делать.

Огни? — думало оно. Узнать, что это за огни, или?..

Небо взорвалось. Мир треснул, переполнившись сверкающей голубизной. Ослепленное и контуженное, существо в ужасе отпрянуло, и из его оцепеневшего мозга вырвался пронзительный крик. Но вот крик оборвался, свет исчез, и существо снова очутилось в небытии.

2

Дождь хлестал Эндрю Блейка по лицу, сама земля дрожала от оглушительных раскатов грома. Огромные массы разорванного воздуха вновь стремительно сливались, казалось, над самой его головой. Резко пахло озоном, и Блейк чувствовал, как холодная грязь забивается между пальцами ног.

Как же он попал сюда? В грозу, с непокрытой головой, в насквозь мокрой одежде, без сандалий?

После обеда он вышел на улицу, чтобы взглянуть на бурю, которая кипела и перехлестывала через горную цепь на западе. А потом, спустя мгновение, оказался здесь, в самой гуще этой бури. Во всяком случае, он надеялся, что это все та же буря, а не какая-нибудь другая.

Ветер завывал в рощице; от подножия холма, на котором стоял Блейк, доносился плеск бегущей воды, а прямо напротив, за потоком, светились окна. Может быть, это мой дом, как в тумане подумал он.

Хотя там, где стоял его дом, не было ни склона, ни бегущего потока. Он поднял руку и озабоченно поскреб в затылке. Вода, которую он выжал из своей шевелюры, потекла по лицу. На миг ослабший дождь начал с новой силой хлестать его, и Блейк повернулся к дому. Нет, это, конечно, не его жилище. Но это дом, а там наверняка есть кто-то, кто скажет ему, где он и...

Скажет, где он! Но это же безумие! Какую-то секунду тому назад он стоял в своем патио и глядел на грозовые тучи, и никакого дождя не было...

Должно быть, он спит. Или это галлюцинация. Но хлещущий его дождь не похож на дождь из сна, воздух еще пахнет озоном, а где это видано, чтобы запах озона ощущался во сне?

Он подошел к дому, и, когда шагнул вперед правой ногой, она наткнулась на что-то твердое; вспышка боли пронзила стопу и всю ногу, да так, что Блейк оторвал стопу от земли и затряс ею в воздухе, прыгая на одной ноге. Боль стекла в большой палец и запульсировала в нем. Та нога, на

которой стоял Блейк, поскользнулась в грязи, и он с маху сел. Слякоть брызнула в разные стороны, когда он ударился задом о землю. Почва была холодная и мокрая. Он так и остался сидеть. Подтянув ногу с разбитым большим пальцем, Блейк вслепую ощупал его — осторожно и бережно.

Он понял, что это не сон. Во сне человек не может оказаться настолько тупым, чтобы расшибить большой палец ноги. Что-то случилось. Какая-то сила в мгновение ока перенесла его, ничего не чувствующего, перенесла, возможно, на много миль от того места в патио, на котором он стоял. Перенесла и швырнула в средоточие дождя и грома, в ночь — такую темную, что не видно было ни зги.

Он снова ощупал большой палец. Боль чуть поутихла. Если напрячь ноги, раскорячиться и задрать большой палец кверху, идти можно. Хромая, ковыляя и скользя по грязи, он двинулся вниз по склону, пересек узкий ручей, вода в котором доставала до лодыжек, и вскарабкался вверх по другому склону к дому.

Горизонт озарился молнией, и на какое-то мгновение Эндрю увидел контур дома на фоне этого сияния — громоздкое здание с тяжелыми дымоходами и окнами, утопленными в камень, будто глубоко посаженные глаза.

Каменный дом, подумалось ему. Пережиток прошлого. Каменный дом, в котором кто-то живет.

Блейк налетел на ограду, но не ушибся, потому что двигался он медленно. Идя ощупью вдоль забора, он добрался до калитки. За ней виднелись три маленьких светлых прямоугольника. Блейк решил, что это дверь. Под ногами лежали плоские каменные плиты, и он пошел по ним. Возле двери Блейк замедлил шаг и стал осторожно нащупывать ногами дорогу. К двери могли вести ступеньки, а с него хватит и одной разбитой ноги.

Да, ступеньки тут были. Он натолкнулся на них все еще болевшим пальцем и на мгновение остановился, напряженно выпрямившись. Он стоял, стиснув зубы и дрожа, до тех пор, пока боль не поутихла. Потом поднялся по лестнице и отыскал дверь. Он поискал сигнальное устройство, но сигнального устройства не было. Не было даже колокольчика или звонка. Пошарив еще немного, он наткнулся на дверной молоток. Дверной молоток? Ну конечно, сказал себе Эндрю, в таком доме, как этот, наверняка должен быть дверной молоток. В доме из далекого прошлого...

Его пронзил лютый страх. Может быть, дело не в пространстве, а во времени? — подумал он. Неужели его перенесли (если перенесли) не в пространстве, а во времени?

Он поднял молоток и постучал. Подождал. Никаких признаков того, что его услышали. Блейк постучал еще раз.

У него за спиной скрипнула подошва, и Блейк оказался в коническом снопе света. Он резко обернулся. Круглый светящийся глаз остался недвижим. Он ослепил Блейка, и тот почувствовал, что там, позади источника света, на фоне ночной мглы маячит смутный и еще более черный контур человеческой фигуры.

Сзади распахнулась дверь, и на улицу из дома хлынул свет. Теперь Блейк видел человека, державшего фонарь. Тот был одет в юбку-шотландку и овчинную куртку. В другой его руке блеснула сталь. Пистолет, решил Блейк.

— Что здесь происходит? — резко спросил мужчина, открывший дверь.

— Кто-то норовит забраться в дом, сенатор, — ответил человек с фонарем. — Должно быть, он как-то ухитрился проскользнуть мимо меня.

— Он проскользнул мимо вас потому, — сказал сенатор, — что вы куда-то забились и прятались от дождя. Охранять, ребята, значит охранять, а не играть в охранников.

— Было темно, — заспорил страж, — и он прошмыгнул...

— Вот уж не думаю, чтобы он прошмыгнул. Он попросту подошел к дому и загрохотал по двери молотком. Он не стал бы стучать, если б хотел пробраться сюда тайком. Этот человек просто вошел как любой нормальный гражданин, а вы его проморгали.

Блейк медленно повернулся к стоявшему в дверях мужчине.

— Простите, сэр, — сказал он, — я не знал... Я не хотел поднимать переполох. Просто увидел дом...

— И это еще не все, сенатор, — влез охранник. — Странные дела творятся нынче ночью. Не так давно я заметил тут волка...

— В округе нет волков, — ответил сенатор. — Волков вообще не существует. Их нет уже лет сто, если не больше.

— Но я видел! — жалобно вскричал охранник. — Там, на холме за ручьем. Была яркая вспышка молнии...

— Простите, что заставляю вас стоять тут и слушать эту перебранку, — сказал сенатор Блейку. — В такую ночь лучше сидеть дома.

— Кажется, я заблудился, — ответил Блейк, стараясь не клацать зубами. — Если вы подскажете мне, где я нахожусь, и укажете дорогу...

— Погасите-ка этот ваш фонарь, — велел сенатор охраннику. — И займитесь делом.

Фонарь потух.

— Волки! — сердито воскликнул сенатор. — Ну и ну! — И добавил, обращаясь к Блейку: — Если вы войдете, я смогу прикрыть дверь.

Блейк вошел, и сенатор закрыл за ним дверь.

Блейк огляделся. Он стоял в прихожей. По обе стороны были двери высотой от пола до потолка, а дальше в комнате в громадном каменном очаге горел огонь. Комната была загромождена тяжелой мебелью в ярких ситцевых чехлах.

Сенатор прошагал мимо Блейка и остановился, чтобы рассмотреть его.

— Меня зовут Эндрю Блейк, — представился Блейк. — И я боюсь, что пачкаю вам полы.

Дождевая вода, капавшая с его одежды, образовала на полу лужицы. От двери до того места, где стоял Блейк, тянулась цепочка мокрых следов.

Он увидел, что сенатор — высокий худощавый мужчина с коротко

остриженными седыми волосами и серебристыми усами над твердым прямым ртом, похожим на зев капкана. Одет он был в белый халат с ажурными лиловыми кружевами по кромкам.

— У вас вид тонущей крысы, — заметил сенатор. — Если вы не имеете ничего против такого сравнения. И сандалии вы потеряли.

Он повернулся и открыл одну из боковых дверей, за которой оказался платяной шкаф. Сунув туда руку, сенатор извлек толстый коричневый халат.

— Держите, — сказал он, подавая его Блейку, — это как раз то, что нужно. Настоящая шерсть. Вы, верно, озябли.

— Самую малость, — ответил Блейк, до боли сжав челюсти, чтобы не стучать зубами.

— Шерсть вас отогреет, — сказал сенатор. — Редкая вещь. Теперь везде одна синтетика. Но шерсть можно приобрести у одного сумасшедшего, который живет в шотландских горах. Мыслит он почти так же, как я, и считает, что настоящие старые вещи по-прежнему лучше новых подделок.

— Уверен, что вы правы, — ответил Блейк.

— Возьмите, к примеру, этот дом, — продолжал сенатор. — Ему триста лет, а он все так же прочен, как и в тот день, когда его построили. Построили из доброго камня и дерева. Построили искусные рабочие... — Он бросил на Блейка проницательный взгляд. — Но что это я — стою, разглагольствую, а вы тем временем мало-помалу леденеете. Поднимитесь вон по той лестнице справа. Первая дверь налево. Там моя комната. В шкафу найдете сандалии. Да и шорты ваши тоже, наверное, промокли насквозь.

— Должно быть, так, — ответил Блейк.

— В туалетном столике найдутся шорты и все, что нужно. Ванная справа, как войдете. Десять минут в горячей воде вам не повредят. А я пока велю Элин сделать кофе и распечатаю бутылочку доброго коньяка.

— Не утруждайте себя, — сказал Блейк. — Вы и так уже столько сделали...

— Пустяки, — ответил сенатор. — Я рад, что вы заглянули ко мне.

Вцепившись пальцами в шерстяной халат, Блейк взобрался вверх по лестнице и вошел в первую дверь налево. За дверью справа он увидел белую блестящую ванну. А эта мысль о купании в горячей воде совсем недурна, подумал он.

Блейк вошел в ванную, бросил коричневый халат на крышку корзины, снял свое замызганное одеяние и швырнул его на пол. Он опустил глаза и удивленно оглядел себя. Он был гол как сойка. Он потерял свои шорты неизвестно где, непонятно как...

3

Когда Блейк вернулся в большую комнату с камином, сенатор ждал его. Он сидел в кресле, а на подлокотнике примостилась темноволосая женщина.

— Э... молодой человек, — сказал сенатор, — вы назвали себя, да я не запомнил имени...

— Эндрю Блейк.

— Уж извините, — проговорил сенатор. — Память у меня уже не такая цепкая, как когда-то. Это моя дочь Элин. А я — Чандлер Гортон. Из бормотания того балбеса на улице вы конечно же поняли, что я сенатор.

— Познакомиться с вами, сенатор, и с вами, мисс Элин, большая честь и радость для меня.

— Блейк? — переспросила девушка. — Где-то я слышала это имя. Совсем недавно. Скажите-ка, чем вы знамениты?

— Я? Ничем, — ответил Блейк.

— Но это же было во всех газетах. И по трехмернику вас показывали, в новостях. А, теперь знаю! Вы тот человек, который вернулся со звезд...

— Что ты говоришь? — воскликнул сенатор, тяжело поднимаясь с кресла. — Как интересно! Мистер Блейк, вон то кресло очень удобное. Можно сказать, почетное место: возле самого камина, и все такое...

— Папе нравится разыгрывать из себя барина или, может быть, сельского сквайра, когда приходят гости, — сказала Элин Блейку. — Не обращайте внимания.

— Сенатор — очень любезный хозяин, — заметил он.

Сенатор взял графин и потянулся за стаканами.

— Вы помните, что я обещал вам коньяку, — сказал он.

— И не забудьте похвалить его, — добавила Элин. — Даже если он лишит вас дара речи. Сенатор — ценитель коньяков и гордится этим. А чуть погодя, если вам захочется, выпьем кофе. Я врубила автошеф-повара...

— Шеф снова заработал? — спросил сенатор.

Элин покачала головой.

— Не очень-то. Сварил кофе, как я просила, да еще яичницу с ветчиной поджарил. — Она взглянула на Блейка. — Хотите яичницы с ветчиной? Наверное, она еще не остыла.

Он покачал головой.

— Нет, большое спасибо.

— Это новомодное изобретение годами пекло оладьи, — сказал сенатор. — Что ни наберешь на диске, итог получался один и тот же. Правда, отбивные шеф тоже жарил, хотя и редко.

Он вручил всем по стакану и сел в кресло.

— Немудреный уют — вот за что я люблю этот дом, — сказал он. — Триста лет назад его возвел человек, заботившийся о собственном достоинстве и понимавший кое-что в экологии. Поэтому он и построил дом из чистого известняка и леса, который тут рос. Он сделал так, что дом не довлеет над окружающей его природой, а вливается в нее как составная часть. И здесь нет никакой технической ерундистики, кроме автоповара.

— Мы — люди старомодные, — сказала Элин. — Мне всегда казалось, что жить в таком доме, как этот, все равно что обитать, скажем, в землянке в двадцатом столетии.

— И все-таки дом не лишен своеобразного очарования, — ответил Блейк. – А это ощущение прочности и безопасности...

— Да, вы правы, это тут есть, — сказал сенатор. — Прислушайтесь к ветру, который тщится ворваться сюда. Прислушайтесь к этому дождю.

Он покрутил свой стакан, заставив коньяк плескаться.

— Конечно, он не летает, — продолжал сенатор, — и не будет с вами разговаривать. Но кому нужен летающий дом и...

— Папа! — воскликнула Элин.

— Простите, сэр, — сказал сенатор, — у меня есть свои привязанности, я люблю о них поговорить и подчас позволяю себе увлечься больше, чем следовало бы. Подозревая, что иногда я бываю неучтив. Дочь вроде бы сказала, что видела вас по трехмернику...

— Сказала, папа, сказала! Ты совсем не обращаешь на меня внимания. Так увяз в своих биоинженерных слушаниях, что ничего не замечаешь.

— Но ведь это очень важные слушания, милочка, — возразил сенатор. — В скором времени человечеству предстоит принять решение: как быть со всеми этими планетами, которые мы открываем. И я заявляю тебе, что только безумец мог предложить создавать на них земные условия. Подумай, сколько времени и денег проглотит эта работа.

— Кстати, совсем забыла, — сказала Элин. — Мама звонила. Сегодня вечером ее не будет дома. Она прослышала о грозе и останется в Нью-Йорке.

— Прекрасно, — проворчал сенатор. — В такую ночь лучше не путешествовать. Как ей понравился Лондон? Она что-нибудь говорила?

— Она в восторге от спектакля.

— Мюзик-холл, — пояснил сенатор Блейку. — Возрождение древнего развлечения. Очень примитивного, по-моему. Жена прямо больна им. Она у нас человек с претензией на тонкий художественный вкус.

— Какие ужасы ты говоришь! — воскликнула Элин.

— Ничуть не бывало, — ответил сенатор. — Это правда. Однако вернемся к биоинженерии. Может быть, у вас есть на сей счет какое-то мнение, мистер Блейк?

— Нет, вряд ли, — ответил Блейк. — По-моему, я несколько утратил связь с ходом вещей.

— Утратил связь? Да, так и должно было случиться. Эта шумиха вокруг звезд. Теперь я вспоминаю. Вы были в капсуле, и вас нашли какие-то шахтеры с астероидов. В какой системе?

— В окрестностях Анареса. Маленькая звезда, безымянная, с одним только номером. Но я ничего этого не помню. Меня не оживляли, пока не привезли в Вашингтон.

— И вы ничего не помните?

— Ничегошеньки, — ответил Блейк. — Моя сознательная жизнь началась меньше месяца назад. Я не знаю ни кто я такой, ни...

— Но у вас есть имя.

— Просто удобства ради, — сказал Блейк. — Я сам его себе выбрал.

Джон Смит тоже сгодилось бы. Должен же человек иметь какое-то имя.

— Однако, насколько я помню, какие-то подспудные знания у вас были.

— Да, в том-то и странность. Я знал о Земле, о ее народе, о его обычаях, но во многих отношениях я безнадежно отстал от жизни. Я не перестаю удивляться. Я спотыкаюсь о незнакомые традиции, верования, слова.

— Не надо об этом, — тихо сказала Элин. — Мы не хотим показаться излишне любопытными.

— Ничего, — ответил Блейк. — Я смирился с этим положением вещей. Я попал в странную обстановку, но когда-нибудь, возможно, узнаю все. Может быть, вспомню, кто я такой, где и когда родился, что случилось там, в космосе. А пока, как вы понимаете, я здорово озадачен. Однако здесь все проявили такт, мне подарили жилище. Меня не беспокоят. Дом в маленькой деревушке.

— В этой деревушке? — спросил сенатор. — Я полагаю, он где-то неподалеку?

— Даже и не знаю, — ответил Блейк. — Со мной произошло нечто странное. Я не знаю, где я нахожусь. А деревня называется Мидлтон.

— Это рядом, в долине, — сказал сенатор. — Отсюда и пяти миль не будет. Похоже, мы соседи.

— Я вышел прогуляться после обеда, — рассказал им Блейк. — И смотрел на горы — из внутреннего дворика. Близилась гроза. Огромные черные тучи и молнии, но до них было еще порядочно далеко. А потом я вдруг оказался на холме за ручьем, напротив этого дома. Шел дождь, и я стал насквозь мокрый.

Он умолк и осторожно установил свой бокал с коньяком на каменную плиту под очагом. Он посмотрел сначала на отца, потом на дочь.

— Вот так все и было, — добавил Блейк. — Я знаю, что звучит дико...

— Это звучит как нечто совершенно невероятное, — ответил сенатор.

— По-видимому, да, — согласился Блейк. — Причем дело не только в пространстве, но и во времени тоже. Я не просто очутился в нескольких милях от того места, на котором стоял. Была ночь, а когда я вышел во дворик, только-только начинало смеркаться.

— Мне очень жаль, что этот болван-охранник ослепил вас фонарем. Должно быть, оказаться здесь уже было достаточным потрясением. Я не просил охрану. Я даже не хочу иметь ее. Но Женева требует, чтобы ко всем сенаторам была приставлена стража. Почему — я толком и не знаю. Уверен, что в мире нет кровожадных людей. Наконец-то Земля стала цивилизованной. По крайней мере, отчасти, хотя на это ушли долгие годы.

— Но из-за этого биоинженерного вопроса страсти тут накалились, — сказала Элин.

— Он привел лишь к более решительной политике, — возразил сенатор. — И нет никаких причин...

— Есть, — ответила она, — есть. Все эти фанатики, почитающие Библию, все эти заклятые ретрограды и рутинеры ополчились против биоинженерии.

Она повернулась к Блейку.

— Известно ли вам, что сенатор, который живет в доме, построенном триста лет назад, и кичится тем, что в нем нет ни единого технического новшества...

— А повар? — перебил сенатор. — Ты забываешь о поваре.

Она пропустила его слова мимо ушей.

— ...и кичится тем, что в доме нет ни единого технического новшества, связался с шайкой сумасбродов, с архипрогрессивистами, сторонниками далеко идущих преобразований?

— Никаких таких далеко идущих преобразований, — залопотал сенатор. — Обыкновенный здравый смысл. Создание земных условий на одной планете обойдется в триллионы долларов. За гораздо более короткое время и умеренную цену мы сможем сконструировать человескую расу, способную жить на этой планете. Вместо того чтобы подгонять планету под человека, мы подгоним человека под планету.

— В том-то и соль, — сказала Элин. — На это и упирают твои противники. Мысль о переделке человека стала им поперек горла. Измененное существо, которое станет жить на такой планете, уже не будет человеком.

— Возможно, его наружность и будет иной, — возразил сенатор. — Но человеком оно по-прежнему останется.

— Разумеется, вы понимаете, что я — не противница сенатора, — сказала Элин Блейку. — Но иногда бывает ужасно трудно заставить его осознать, с чем он столкнулся.

— Моя дочь выступает как адвокат дьявола, — пояснил сенатор. — И порой это приносит пользу. Но сейчас в этом нет особой нужды. Я и так знаю, насколько ожесточенно действует оппозиция.

Он взял графин. Блейк покачал головой.

— Может быть, я сумею как-то добраться до дому? — сказал он. — Тяжелый выдался вечерок.

— Переночевали бы у нас.

— Спасибо, сенатор, но если есть какая-то возможность...

— Разумеется, — ответил сенатор. — Кто-нибудь из охранников вас отвезет. Лучше воспользоваться наземной машиной: такая ночь не для леталок.

— Буду очень признателен.

— Хотя бы у одного из охранников появится возможность сделать полезное дело, — сказал сенатор. — Если он повезет вас домой, ему, по крайней мере, не будут мерещиться волки. Кстати, вы там, на улице, не видели волка?

— Нет, — ответил Блейк, — волка я не видел.

4

Майкл Даниельс стоял у окна и смотрел, как наземная обслуга на Риверсайде, по ту сторону бульвара, помогает домам заходить на посадку. Черные фундаменты влажно поблескивали в ночи, а в четверти мили даль-

ше лежал Потомак, как чернильно-черный лист, отражавший посадочные огни.

Один за другим дома неуклюже спускались с затянутого тучами неба и становились на отведенные для них постаменты, где принимались покачиваться и медленно, осторожно елозить, подгоняя свои посадочные решетки под рельеф фундаментов.

Пациенты прибывают, подумалось Даниельсу. А может, сотрудники возвращаются после выходных. Хотя тут могли оказаться люди, не связанные с больницей, не сотрудники и не пациенты. Город бы набит битком: через день или два начнутся окружные слушания по вопросам биоинженерии. Спрос на участки был огромный, и передвижные дома втискивали повсюду, где только могли найти стоянку.

Далеко за рекой, где-то над Старой Вирджинией, заходил на посадку корабль. Его огни тускло маячили сквозь туман и изморось. Корабль направлялся к космопорту. Следя за его полетом, Даниельс гадал, от какой далекой звезды прибыл он сюда. И как долго не был дома? Даниельс грустно улыбнулся своим мыслям. Эти вопросы он задавал себе всегда, с самого отрочества, когда он пребывал в твердой уверенности, что в один прекрасный день отправится в звездные странствия. Но Даниельс знал, что в этом он не одинок. Нынче всякий мальчишка мечтает о путешествии к звездам.

Изморось стекала изломанными ручейками по гладким оконным стеклам, а там, за окнами, все приземлялись парящие дома, занимая немногие еще свободные фундаменты. Несколько сухопутных машин плавно проскользнули по бульвару. Воздушные подушки, на которых они двигались, широкими веерами поднимали с мокрой земли водяную пыль. Вряд ли в такую ненастную ночь в воздухе много леталок.

Он знал, что ему пора домой. Он уже давно должен был уйти со службы. Малыши, наверное, уже спят, но Черил еще не ложилась, ждет его.

На востоке, на самой границе поля зрения, виднелась светящаяся отраженным светом призрачно-белая колонна. Она высилась возле реки, воздвигнутая в честь первых астронавтов, которые пятьсот с лишним лет назад поднялись в космос, чтобы облететь вокруг Земли, поднялись, увлекаемые грубой необузданной силой, порожденной химической реакцией.

Вашингтон, подумал Даниельс, город, где разрушаются дома, где полным-полно памятников; нагромождение мрамора и гранита, густо поросшее мхом древних воспоминаний, покрывавшим его сталь и его камень. Дух некогда великой мощи еще висел над городом. Бывшая столица старой республики, превратившаяся ныне лишь в местопребывание провинциального губернатора, по-прежнему куталась, будто в мантию, в атмосферу своего былого величия.

По мнению Даниельса, лучше всего город смотрелся именно сейчас, когда на него упала мягкая влажная ночь, создающая иллюзорный фон, по которому движутся древние призраки.

Приглушенные звуки ночной больницы наполняли комнату, будто ше-

пот, — тихая поступь бредущей по коридору сиделки, смягченное громыхание тележки, негромкое жужжание призывного звонка на посту медсестры, находившемся напротив, через коридор...

За спиной Даниельса кто-то распахнул дверь. Он резко обернулся.

— Добрый вечер, Горди.

Гордон Барнс — врач, живущий при больнице, улыбнулся Даниельсу.

— Я думал, ты уже ушел, — сказал он.

— Как раз собираюсь. Перечитывал этот доклад, — он указал на стоявший посреди комнаты стол. Барнс взял в руки папку с бумагами и взглянул на нее.

— Эндрю Блейк, — сказал он. — Занятный случай.

Даниельс озадаченно покачал головой.

— Более чем занятный, — заявил он. — Это просто невероятно. Сколько Блейку лет, по-твоему? На сколько он выглядит?

— Не больше тридцати, Майк. Хотя, как мы знаем, хронологически ему может быть лет двести.

— Будь ему тридцать, можно было бы ожидать некоторого ухудшения функций, не правда ли? Организм начинает изнашиваться в двадцать с небольшим лет, функции затухают, и с приближением старости этот процесс все ускоряется.

— Известное дело, — ответил Барнс. Но у этого Блейка, как я понимаю, все иначе?

— Вот именно, — сказал Даниельс. — Это идеальный экземпляр. Он молод. Он более чем молод. Ни единой слабинки, ни единого изъяна.

— И никаких данных относительно его личности?

Даниельс покачал головой.

— В космическом министерстве прошерстили все бумаги. Он может оказаться любым из многих тысяч людей. За последние два века несколько десятков кораблей попросту исчезли. Взлетели — и ни слуху ни духу. Он может оказаться любым из людей, находившихся на борту этих кораблей.

— Его кто-то заморозил, — сказал Барнс, — и засунул в капсулу. Может быть, это нам что-то подскажет?

— Ты хочешь сказать, что этот человек был такой важной птицей, что кто-то попытался его спасти?

— Нечто в этом роде.

— Вздор, — ответил Даниельс. — Даже если и так, все равно это не лезет ни в какие ворота. Выкинули человека в космос, а какова вероятность, что его снова найдут? Один к миллиарду? Один к триллиону? Не знаю... Космос огромен и пуст.

— Но Блейка нашли.

— Да, знаю, его капсула залетела в солнечную систему, которую заселили менее ста лет назад, и Блейка обнаружила бригада шахтеров с астероидов. Капсула пошла по орбите вокруг астероида, они увидели, как она блестит на солнце, и им стало любопытно. Слишком уж ярко она сверкала, вот они и размечтались: нашли, мол, исполинский алмаз или что-то

там такое. Еще несколько лет, и он бы грохнулся на астероид. Попробуйка вычислить его шансы.

Барнс положил папку обратно на стол, подошел к окну и стал рядом с Даниельсом.

— Я с тобой согласен, — сказал он. — Смысла во всем этом мало. Но судьба помогала парню. Даже после того, как его нашли, кто-то мог взломать капсулу. Они знали, что внутри человек. Капсула была прозрачная, и они видели его. Кому-нибудь могло взбрести в голову оттаять и оживить его. Быть может, этим стоило заняться. Возможно, ему было известно нечто ценное для них, как знать...

— Пользы от него... — ответил Даниельс. — Но это уже второй интересный вопрос. Разум Блейка совершенно пуст, если не считать общего фона, причем такого фона, который человек мог бы получить только на Земле. Он знал язык, обладал человеческим мировоззрением и знаниями по основным вопросам, какими запасся бы обычный человек, живший двести лет назад. И все. Что могло с ним произойти, кто он такой и откуда родом — этого он совершенно не помнил.

— Нет никаких сомнений в том, что он — уроженец Земли, а не одной из звездных колоний?

— Похоже, что нет. Когда мы его оживили, он уже знал, что такое Вашингтон и где он находится, но все еще считал его столицей Соединенных Штатов. Знал он и многое другое, такое, что мог знать только землянин. Как ты понимаешь, мы протащили его через целую кучу тестов.

— Как у него дела?

— Судя по всему, хорошо. Я не получал от него вестей. Он живет в маленькой общине к западу отсюда, в горах. Он решил, да и я тоже, что ему нужно немного отдохнуть, нужно время, чтобы прийти в себя. Вероятно, это даст ему возможность поразмыслить, нащупать свое прошлое. Может, теперь он уже начинает вспоминать, кем и чем он был. Это не моя затея — я не хотел ничем его утруждать. Но мне думается, что, если он все вспомнит, это будет вполне естественно. Он и сам немного расстроен положением дел.

— А если вспомнит, то расскажет тебе?

— Не знаю, — ответил Даниельс. — Буду надеяться, что, может быть и расскажет. Но я не связывал его никакими обещаниями. Это, по-моему, было бы неразумно. Пусть делает все по собственной воле, а если у него возникнут затруднения, он, наверное, свяжется со мной.

5

Блейк стоял во внутреннем дворике и смотрел, как удаляются красные стоп-сигналы быстро движущейся по улице машины. Дождь прекратился, и в просветах между стремительно летящими тучами виднелись немногочисленные звезды. Дома на улице стояли черные, горели только лампочки

во дворах, в его собственном доме была освещена прихожая — знак того, что дом поджидает хозяина. На западе громоздились горы — черное пятно на фоне неба.

Дул холодный северо-западный ветер, Блейк плотно запахнул на груди коричневый шерстяной халат, закутался в него до самых ушей, съежился и, пройдя через дворик, поднялся по короткой лестнице с тремя ступеньками к двери. Та открылась, и он шагнул внутрь.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Дом и добавил укоризненно: — Похоже, вы припоздились.

— Со мной что-то случилось, — ответил Блейк. — Не знаешь, что бы это могло быть?

— Вы покинули внутренний дворик, — сказал Дом, негодуя потому, что от него требовали сведений, которых он не мог дать. — Вам, разумеется, известно, что наша опека не распространяется за его пределы.

— Да, — промямлил Блейк, — это мне известно.

— Вы должны были сообщить нам о том, что уходите, — строго сказал Дом. — Вы могли бы условиться о связи с нами. Мы бы снабдили вас соответствующей одеждой. А так что получается? Я вижу, вы вернулись в одежде, отличной от той, которая была на вас, когда вы уходили.

— Я взял ее взаймы у друга, — ответил Блейк.

— Пока вас не было, на ваше имя поступило сообщение, — сказал Дом. — Оно в почтографе.

Почтограф стоял сбоку от входа. Блейк шагнул к нему и вытащил торчавший из передней стенки листок бумаги. Записка, выведенная аккуратным четким почерком, была краткой и официозной. В ней говорилось: «Если мистер Эндрю Блейк сочтет удобным для себя связаться с мистером Райаном Уилсоном из городка Уиллоу-Гроув, он сможет узнать нечто чрезвычайно полезное».

Блейк осторожно держал бумажку в пальцах. Невероятно, думал он. Это пахнет мелодрамой.

— Уиллоу-Гроув? — переспросил он.

— Мы посмотрим, где это, — ответил Дом.

— Будьте добры!— проговорил Блейк.

— Ванна сейчас будет готова, — сказал Дом. — Если, конечно, вы хотите.

— И еду недолго сварить! — крикнула Кухня. — Что желает хозяин?

— Да, поесть-то я, наверное, не прочь, — ответил Блейк. — Как насчет яичницы с ветчиной и пары ломтиков поджаренного хлеба?

— Мне одинаково легко сделать все, что угодно, — сказала Кухня. — Гренки с сыром? Омар?

— Яичницу с ветчиной, — заявил Блейк.

— Как быть с обстановкой? — спросил Дом. — Мы неприлично долго не меняли ее.

— Нет, — устало ответил Блейк, — оставь все как есть. Не трогай обстановку. Она не имеет большого значения.

— Еще как имеет, — резко произнес Дом. — Существует такая штука, как...

— Оставь ее в покое, — повторил Блейк.

— Как вам угодно, хозяин, — сказал Дом.

— Сначала поесть, потом — в ванну, — проговорил Блейк. — И спать, у меня был трудный день.

— А что с запиской?

— Пока не думай о ней. Утром все решим.

— Городок Уиллоу-Гроув находится к северо-западу отсюда, — сказал Дом. — Пятьдесят семь миль. Мы посмотрели по карте.

Блейк пересек гостиную, вошел в столовую и уселся за стол.

— Вам надо прийти и забрать еду, — завопила Кухня. — Я не могу ее вам принести!

— Знаю, — ответил Блейк. — Скажешь, как только все будет готово.

— Но вы уже сидите за столом!

— Человек имеет право сидеть там, где пожелает! — вспылил Дом.

— Да, сэр, — откликнулась Кухня.

Дом снова умолк, а усталый до изнеможения Блейк пересел в кресло. Он заметил, что в комнате мультобои. Хотя, если вдуматься, это даже и не обои, на что Дом указал Блейку еще в день его приезда.

Появилось такое множество разных новинок, что Блейк часто чувствовал себя обескураженным.

Обои изображали лес и луга, по которым бежал ручеек. К ручью опасливо подскочил кролик. Остановившись возле пучка клевера, он сел и принялся ощипывать цветы. Уши его покачивались из стороны в сторону. Кролик стал чесаться, склонив голову набок и мягко поглаживая себя длинной задней лапой. Ручеек искрился в солнечном свете, сбегал с маленьких порогов. По поверхности воды неслись крапинки пены и опавшие листья. Пролетела и села на дерево птица. Задрав головку, она запела, но звука не было. Лишь по дрожащему зобу можно было определить, что птичка поет.

— Включить звук? — спросила Столовая.

— Нет, спасибо. Что-то не хочется. Я бы просто посидел и отдохнул. Может быть, как-нибудь в другой раз.

Посидеть, отдохнуть, подумать, разобраться. Попытаться понять, что с ним случилось, как это могло случиться и, конечно же почему. Определить, кто он или что он такое, кем был раньше и кем мог стать теперь. Все это какой-то кошмарный сон наяву, подумал он.

Однако вполне возможно, что утром ему снова будет хорошо. Или покажется, что все снова хорошо. Будет сиять солнце, и мир зальется ярким светом. Он пойдет гулять, поболтает кое с кем из соседей по улице, и все будет в порядке. Может быть, надо попросту забыть обо всем этом, вымести вон из сознания? Может быть, такое больше никогда не повторится, а если не повторится, то зачем тревожиться?

Он неловко заерзал в кресле.

— Который час? — спросил он. — Долго ли меня не было?

— Почти два, — ответил Дом. — А ушли вы в восемь или в самом начале девятого.

Шесть часов, подумал Блейк.

А он помнит не больше двух из них. Что же случилось в остальные четыре часа, и почему он не может вспомнить их? Если уж на то пошло, почему он не может вспомнить то время, которое провел в космосе? То, что предшествовало его полету в космос? Почему жизнь его должна начаться с того мига, когда он открыл глаза на больничной койке в Вашингтоне? Были же другие времена, другие годы. Было у него когда-то и имя, была и биография. Что же случилось, что же стерло все это?

Кролик кончил жевать клевер и ускакал. Птица сидела на ветке, но больше не пела. Вниз по стволу дерева бежала белка; в паре футов от земли она остановилась, молниеносно развернулась и вновь помчалась вверх. Добравшись до сучка, она немного пробежала по нему, замерла и заколебалась, возбужденно подергивая хвостом.

Как будто у окна сидишь, подумал Блейк, глядя на лесной пейзаж. Изображение не плоское, есть у него и глубина, и перспектива, а краски пейзажа не нарисованы, они такие, словно смотришь на настоящую природу

Дом до сих пор обескураживал и смущал Блейка, иногда стеснял. В его фоновой памяти не было ничего такого, что могло бы подготовить его к подобным вещам. Хотя он вспоминал, что в те туманные времена, которые предшествовали полному забытью, кто-то (имени он не помнил) раскрыл загадку гравитации, а применение солнечной энергии стало обычным делом.

Однако Дом не только питался от собственной солнечной электростанции и летал при помощи антигравитационного приспособления. Он был чем-то бóльшим, нежели просто домом. Это был робот, робот с введенной в него программой вышколенного слуги, а иногда в нем, казалось, просыпался материнский инстинкт. Он заботился о людях, которых приютил. Мысль об их благополучии прочно засела в его машинном мозгу. Дом болтал с людьми, обслуживал их, одергивал, хвалил, ворчал на них и баловал их. Он играл сразу три роли — жилища, слуги и приятеля. Со временем, подумалось Блейку, человек начнет относиться к своему дому как к верному и любящему слуге.

Дом делал для вас все. Кормил, обстирывал, укладывал спать, а дай ему волю, он бы вам и нос вытирал. Он смотрел за вами, предугадывал любое желание, а порой создавал вам неудобства своим неуемным усердием. Он выдумывал всякую всячину, которая, по его мнению, могла бы вам понравиться, — вроде этих мультобоев (тьфу, да не обои это вовсе!) с кроликом и поющей птичкой.

Однако к этому надо привыкнуть, сказал себе Блейк. Может быть, человеку, всю жизнь прожившему в таком доме, привыкать и не нужно. А вот если ты вернулся со звезд — бог знает, откуда и из каких времен, — и тебя швырнули сюда, тогда надо привыкать.

— Яичница с ветчиной готова! — громко объявила Кухня. — Идите и забирайте!

6

Он пришел в себя и обнаружил, что сидит съежившись в совершенно незнакомом помещении, заставленном предметами искусственного происхождения, выполненными главным образом из дерева, а также из металла и ткани.

Его реакция была молниеносной. Он перестроился в пирамиду, форму твердого состояния, и окружил себя изолирующей сферой. Проверил, есть ли поблизости энергия, которая нужна ему для обеспечения собственных жизненных и мыслительных процессов, и обнаружил, что энергии много — целая волна из источника, нахождение которого определить не удавалось.

Теперь можно приступить к размышлениям. Мысль работала ясно и четко. Паутинка сонливости больше не мешала думать. Пирамидальное тело обладало идеальной массой, обеспечивавшей ему стабильность и театр мыслительных операций.

Свои мысли он направил на случившееся с ним: каким образом после неопределенного промежутка времени, когда он едва существовал, если существовал вообще, он вдруг вновь стал самим собой, обрел форму и способность к действиям?

Стоило попытаться вернуться к самому началу, но начала не было, вернее, какое-то начало проглядывало, но оно было слишком размытым и неясным. И снова он искал, шарил, бродил по темным коридорам своего разума, но так и не находил точки, от которой можно было вести твердый и определенный отсчет.

А быть может, вопрос следовало поставить по-другому: было ли у него прошлое? Его разум буквально захлестывала пенистая волна с обломками, приносимыми из прошлого, — обрывки информации, напоминающей фоновую радиацию вокруг планет. Он попытался упорядочить цену в структуру, но структуры не выходило, обломки информации никак не хотели состыковываться.

Где же память, в панике подумал он, ведь раньше она была. Возможно, и сейчас информация есть, но что-то ее заслоняет, прячет, и лишь отдельные блоки данных выглядывают тут и там, и большей частью их невозможно с чем-либо соотнести...

Он снова окунулся в мешанину плывущих из прошлого обрывков и обломков и обнаружил воспоминание о неприветливой скалистой земле с массивным, как сами скалы, черным цилиндром, уходящим в серое небо на головокружительную высоту. Внутри цилиндра скрывалось что-то настолько невообразимое, грандиозное и поразительное, что разум отказывался воспринимать его.

Он поискал смысл воспоминания, хотя бы намек, но не нашел ничего,

кроме образа черных скал и устремленного из них ввысь черного мрачного цилиндра.

Неохотно расставшись с этой картинкой, он перешел к следующей, и на этот раз воспоминание оказалось поросшей цветами лощиной, переходящей в луг; луг благоухал тысячами ароматов, источаемых цилиндрами полевых цветов. В воздухе вибрировали звуки музыки, в цветах шумно возились живые существа, и опять, он знал, во всем этом имелся какой-то смысл, но без ключа понять его было невозможно, а ключ никак не находился.

Однажды возник еще некто. Другое существо, и он был им, этим существом, которое улавливало картины и образы, овладевало ими и затем передавало; и не только образы, но и сопутствующую информацию. Картины, хоть и перепутанные, все еще хранились в мозгу, зато информация каким-то образом исчезла.

Он сжался еще больше, все глубже уплотняясь в пирамиду; мозг разрывали пустота и хаос, и он судорожно попытался вернуться в свое забытое прошлое, чтобы встретить то, другое существо, которое охотилось за картинами и информацией.

Но искать было бесполезно. Он не знал, как дотянуться до того, другого, как прикоснуться к нему. И зарыдал от одиночества — в глубине себя, без слез и всхлипов, поскольку не умел проливать слезы или всхлипывать.

Потом он еще глубже зарылся во время и вдруг обнаружил период, когда еще не было того, другого существа, а он все равно работал с данными и построенными на данных абстракциями, однако информация и понятия были бесцветными, а экстраполированные картины — жесткими, застывшими, а порой и устрашающими.

Бессмысленно, подумал он. Бессмысленно пытаться.

Он так и не разобрался в своих воспоминаниях, он был собой лишь наполовину и не мог стать целым из-за отсутствия исходного материала. Ощутив накатывающую на него темноту, он не стал сопротивляться, а дождался ее и растворился в ней.

7

Блейк очнулся под вопли Комнаты.

— Куда вы ушли? — кричала она на него. — Куда вы ходили? Что с вами случилось?

Он сидел на полу посреди комнаты, поджав под себя ноги. А между тем ему следовало бы лежать в кровати. Комната снова завела свое.

— Куда вы ушли? — гремела она. — Что с вами случилось? Что...

— Ой, да замолчи ты, — сказал Блейк.

Комната замолчала. В окно струился свет утреннего солнца, где-то на улице щебетала птица. В комнате все было, как обычно, никаких изменений. Он помнил, что, когда ложился спать, она имела точно такой же вид.

— А теперь скажи мне, что именно тут произошло, — потребовал Блейк.

— Вы ушли! — взвыла Комната. — И построили вокруг себя стену...

— Стену?!

— Какое-то ничто, — отвечала Комната. — Какое-то сферическое ничто. Вы заполнили меня облаком из ничего.

— Ты с ума сошла, — сказал Блейк. — Как я мог это сделать?

Однако, не успев произнести эти слова, он понял, что Комната права. Комната умела только докладывать о тех явлениях, которые улавливала. Такой штукой, как воображение, она не обладала. Комната была всего лишь машиной и не имела опыта по части суеверий, мифов и сказок.

— Вы исчезли, — заявила Комната. — Завернулись в ничто и исчезли. Но прежде чем исчезнуть, вы изменились.

— Как это я мог измениться?

— Не знаю, но вы изменились. Вы расстаяли и обрели иную форму или начали обретать иную форму. А потом закутались в ничто.

— И ты меня не чувствовала? И поэтому решила, что я исчез?

— Я вас не чувствовала, — ответила Комната. — Я не умею проникать сквозь ничто.

— Сквозь ЭТО ничто?

— Сквозь любое ничто, — сказала Комната. — Я не умею анализировать ничто.

Блейк поднялся с пола и потянулся за шортами, которые бросил на пол накануне вечером. Надев их, он взял коричневый халат, висевший на спинке стула.

Халат оказался шерстяным. И Блейк вдруг вспомнил вчерашний вечер, вспомнил странный каменный дом, сенатора и его дочь.

— Вы изменились, — сказала Комната. — Вы изменились и создали вокруг себя оболочку из ничего.

Но он не помнил этого. Никакого намека на странное превращение не было в его памяти.

Не помнил он и случившегося накануне вечером — с того мига, когда вышел во внутренний дворик, и до момента, когда обнаружил, что стоит в добрых пяти милях от дома и вокруг завывает буря.

— Господи, что же происходит? — спросил Блейк себя.

Он плюхнулся на кровать и положил халат на колени.

— Комната, — спросил он, — а ты уверена?

— Я уверена, — отозвалась Комната.

— Не фантазируешь?

— Вам отлично известно, — твердо ответила Комната, — что я бы не стала фантазировать.

— Да, конечно, не стала бы...

— Фантазия нелогична, — сказала Комната.

— Да, разумеется, ты права, — ответил Блейк. Он поднялся, накинул халат и двинулся к двери.

— Вам больше нечего сказать? — укоризненно спросила Комната.

— А что я могу сказать? — отозвался Блейк. — Ты знаешь об этом больше моего.

Он вышел в дверь и зашагал вдоль балкона. У лестницы Дом встретил его своим обычным утренним приветствием.

— С добрым утром, сэр, — сказал он. — Солнце взошло и светит ярко. Буря кончилась, и туч больше нет. Прогнозы обещают ясную и теплую погоду. Температура сейчас сорок девять градусов, а в течение дня она превысит шестьдесят градусов[1]. Прелестный осенний день, и все вокруг очень красиво. Чего изволите пожелать, сэр? Отделка? Мебель? Музыка?

— Спроси его, что подать на стол! — завопила Кухня.

— И что подать вам на стол? — спросил Дом.

— Может быть, овсянку?

— Овсянку! — вскричала Кухня. — Вечно эта овсянка. Или яичница с ветчиной. Или оладьи. Почему бы хоть разок не съесть что-нибудь эдакое? Почему...

— Овсянку, — твердо сказал Блейк.

— Человек хочет овсянки, — произнес Дом.

— Ладно, — сдалась Кухня. — Одна порция овсянки на подходе!

— Не обращайте на нее внимания, — сказал Дом. — В программу кухни заложены всякие замысловатые рецепты, по которым она большая специалистка, но у нее почти не бывает возможностей воспользоваться хотя бы одним из них. Почему бы вам, сэр, когда-нибудь, просто забавы ради, не разрешить Кухне...

— Овсянки, — сказал Блейк.

— Хорошо, сэр. Утренняя газета на лотке в почтографе, но сегодняшнее утро небогато новостями.

— Если не возражаешь, я посмотрю ее сам, — сказал Блейк.

— Конечно, сэр. Как вам угодно, сэр. Я лишь стараюсь информировать...

— Постарайся не перестараться, — посоветовал Блейк.

— Извините, сэр, — сказал Дом. — Я буду следить за собой.

В прихожей Блейк взял газету и сунул ее под мышку, потом подошел к окну в боковой стене и выглянул наружу. Соседний дом исчез. Платформа опустела.

— Они уехали нынче утром, — объяснил Дом. — Около часа назад. Думаю, ненадолго, в отпуск. Мы все очень рады...

— Мы?

— Да, а что? Все остальные дома, сэр. Мы рады, что они уехали ненадолго и вернутся опять. Они очень хорошие соседи, сэр.

— Ты, похоже, много о них знаешь. А я даже почти не разговаривал с ними.

— О, — произнес Дом, — я не о людях, сэр. Я не о них говорил. Я имел в виду сам дом.

---

[1] Температура по Фаренгейту.

— Значит, и вы, дома, смотрите друг на дружку как на соседей?

— Ну разумеется. Мы наносим визиты, болтаем о том о сем.

— Обмениваетесь информацией?

— Естественно, — ответил Дом. — Но давайте поговорим об интерьере.

— Меня вполне устраивает и нынешний.

— Он не менялся уже много недель.

— Что ж, — задумчиво произнес Блейк, — попробуй поупражняться с обоями в столовой.

— Это не обои, сэр.

— Знаю, что не обои. Я хочу сказать, что мне уже начинает надоедать созерцание кролика, щиплющего клевер.

— Что бы вы хотели вместо кролика?

— Что угодно, на твой вкус. Лишь бы там кроликов не было.

— Но мы можем создавать тысячи комбинаций, сэр.

— Что твоей душе угодно, — сказал Блейк. — Только смотри, чтобы без кроликов.

Он отвернулся от окна и пошел в столовую. Со стен на него уставились глаза — тысячи глаз, глаз без лиц, глаз, сорванных с множества лиц и наклеенных на стены. Глаз, составляющих пары и существующих поодиночке. И все они смотрели прямо на Блейка.

Были здесь синие детские глазки, глядевшие с задумчивой невинностью; глаза, налитые кровью и горевшие устрашающим огнем; был глаз распутника и мутный глаз дряхлого старика. И все они знали Блейка, знали, кто он такой. Если бы к этим глазам прилагались рты, все они сейчас говорили бы с Блейком, кричали на него, строили ему гримасы.

— Дом! — воскликнул он.

— В чем дело, сэр?

— Глаза!

— Сэр, вы же сами сказали: все, что угодно, только не кроликов. Я подумал, что глаза — нечто совершенно новое...

— Убери их отсюда! — взревел Блейк.

Глаза исчезли, и вместо них появился пляж, сбегавший к морю. Белый песок тянулся до вздымающихся волн, бьющих в берег, а на далеком мысу гнулись под ветром хилые, истерзанные стихией деревья. Над водой с криками летали птицы, а в комнате стоял запах соли и песка.

— Лучше? — спросил Дом.

— Да, — ответил Блейк, — гораздо лучше. Большое спасибо.

Он сидел, завороженно глядя на эту картину. Как будто на пляже сидишь, думалось ему.

— Мы включили звук и запах, — сказал Дом. — Можем добавить и ветер.

— Нет, — ответил Блейк, — этого вполне достаточно.

Грохочущие волны набегали на берег, птицы с криками реяли над ними, по небу катились черные тучи. Интересно, существует ли нечто такое,

что Дом не способен воспроизвести на этой стене? Тысячи комбинаций, сказал он. Человек может сидеть здесь и смотреть на то, что создал на стене Дом.

Дом, подумал Блейк. Что такое дом? Как он развился в то, чем стал? Сначала, на туманной заре человечества, дом был всего лишь укрытием, защищавшим людей от ветра и дождя, местом, куда можно было забиться, спрятаться. И это определение применимо к нему и сейчас, но теперь люди не только забиваются и прячутся в него; дом стал местом для жизни. Быть может, когда-нибудь в будущем настанет день, и человек перестанет покидать свой дом, будет проводить в нем всю свою жизнь, не отваживаясь выглянуть за дверь, избавившись от необходимости или потребности пускаться в странствия.

И день этот, сказал себе Блейк, может быть, ближе, чем думают. Поскольку дом — уже не просто укрытие и не просто место, где живут. Он стал приятелем и слугой, и в его стенах найдется все, что может понадобиться человеку.

Рядом с гостиной располагалась маленькая комнатка, где стоял трехмерник — естественное продолжение и плод развития телевидения, которое Блейк знал еще двести лет назад. Но теперь его не смотрели и слушали, а как бы ощущали на себе. Растянувшийся вдоль стены кусочек морского берега — частица образа, подумал Блейк. Оказавшись в этой комнате и включив прибор, вы приобщаетесь к действию и словно участвуете в спектакле. Вас не просто подхватывают и обволакивают звуки, запахи, вкус, температура и ощущение происходящего; вы как-то незаметно превращаетесь в сознающую и сопереживающую частицу того действия и того чувства, которое разворачивает перед вашими глазами комната.

А напротив трехмерника, в углу жилой зоны, располагалась библиотека, храня в своем наивном электронном естестве всю литературу, уцелевшую на протяжении долгой истории человечества. Здесь можно было поворотом диска вызвать к жизни все еще сохранившиеся мысли и надежды любого человеческого существа, когда-либо писавшего слова в надежде запечатлеть на бумажном листе собранные воедино чувства, убеждения и опыт, ключом бьющие из глубин разума.

Этот дом далеко ушел от своих собратьев двухсотлетней давности, превратившись в строение и институт, достойные удивления. Быть может, еще через двести лет он изменится и усовершенствуется настолько, насколько изменился за два прошедших века. Есть ли предел развитию самого понятия «дом»? — спросил себя Блейк.

Он развернул газету и увидел, что Дом был прав: новостей оказалось немного. Еще трех человек выбрали в кандидаты на Кладезь Разума, и теперь они войдут в число избранных, чьи мысли и характеры, знания и ум вот уже 300 лет вводятся в большой банк разума, хранящий в своих сердечниках накопленные умнейшими людьми планеты суждения и идеи.

Североамериканский проект изменения погоды в конце концов отослали на пересмотр в верховный суд, заседавший в Риме.

Перебранка по вопросу о судьбе креветок и побережья Флориды все еще продолжается.

Исследовательский звездолет, отсутствовавший десять лет и считавшийся пропавшим, наконец приземлился в Москве.

И последнее: окружные слушания по предложенным биоинженерами программам начнутся в Вашингтоне завтра. Статья о биоинженерии сопровождалась двумя заметками, по колонке каждая. Одну написал сенатор Чандлер Гортон, вторую — сенатор Соломон Стоун.

Блейк свернул газету и уселся читать.

«Вашингтон, Северная Америка. Завтра здесь откроются окружные слушания. Два сенатора Северной Америки вступят в единоборство из-за плана вызывающей многочисленные споры биоинженерной программы. Ни один проект последних лет не будоражил до такой степени воображение общественности. Нет в сегодняшнем мире вопроса, вызывающего бóльшие разногласия.

Два североамериканских сенатора занимают диаметрально противоположные позиции. Впрочем, они соперничали друг с другом на протяжении почти всей своей политической карьеры. Сенатор Чандлер Гортон твердо стоит за одобрение предложения, которое в начале будущего года будет вынесено на всемирный референдум. Сенатор Соломон Стоун находится в столь же твердой оппозиции к нему.

В том, что эти два человека оказались по разные стороны баррикад, нет ничего нового. Но политическое значение этого вопроса возрастает в связи с так называемым принципом Единогласия, предусматривающим, что по вопросам такого рода, вынесенным на всемирный референдум, наказы избирателей должны быть единогласно утверждены членами Всемирного Сената в Женеве. Таким образом, при голосовании «за» от сенатора Стоуна потребуют отдать свой голос в Сенате в поддержку мероприятия. Не сделав этого, он вынужден будет отступить, подав в отставку со своего поста. Тогда будут назначены специальные выборы для заполнения вакансии, образовавшейся в результате его отставки. В списки на внеочередные выборы попадут лишь те кандидаты, которые предварительно заявили о своей поддержке мероприятия.

Если референдум отклонит мероприятие, точно в таком же положении окажется сенатор Гортон.

В прошлом в подобных ситуациях некоторые сенаторы сохраняли свои посты, голосуя за предложения, против которых они возражали. Ни Стоун, ни Гортон, по мнению большинства обозревателей, на это не пойдут. Оба поставили на карту свое доброе имя и политическую карьеру. Их политические философии находятся на противоположных полюсах спектра, а многолетняя личная неприязнь друг к другу стала в сенате притчей во языцех. Сейчас никто не верит, что тот или другой...»

— Простите, сэр, — сказал Дом, — но Верхний Этаж информирует меня, что с вами происходит нечто странное. Надеюсь, вы здоровы?

Блейк поднял голову.

— Да, — ответил он, — я здоров.

— Однако мысль повидаться с врачом, вероятно, покажется вам достойной внимания, — настаивал Дом.

Блейк отложил газету. В конце концов, несмотря на всю свою чопорность, Дом действует из лучших побуждений. Ведь это вспомогательный механизм, и единственная его цель и забота — служить человеческому существу, которому он дает кров.

— Может, ты и прав, — сказал Блейк.

Несомненно, что-то было не так.

За сутки с ним дважды происходило нечто странное.

— В Вашингтоне был какой-то врач, — сказал он. — В той больнице, куда меня привезли, чтобы оживить. По-моему, его звали Даниельс.

— Доктор Майкл Даниельс, — сказал Дом.

— Ты знаешь его имя?

— У нас есть полное досье на вас, — отвечал Дом. — А иначе мы не смогли бы обслужить вас должным образом.

— Значит, у тебя есть его номер? Ты можешь позвонить ему?

— Разумеется. Если вы этого пожелаете.

— Будь любезен, — сказал Блейк. Он положил газету на стол, поднялся и пошел в гостиную. Там уселся перед телефоном, и маленький экран, моргая, засветился.

— Минутку, — проговорил Дом. Экран прояснился, и на нем появились голова и плечи доктора Майкла Даниельса.

— Это Эндрю Блейк. Вы меня помните?

— Конечно, помню, — ответил Даниельс. — Только вчера вечером думал о вас. Как у вас дела?

— Физически в полном порядке, — сказал Блейк. — Но у меня были... наверное, вы назвали бы их галлюцинациями — до тех пор, пока не поняли бы, что это нечто совсем иное.

— Но вы не думаете, что это галлюцинации?

— Совершенно уверен, что нет, — ответил Блейк.

— Вы могли бы приехать? — спросил Даниельс. — Я хотел бы обследовать вас.

— Приеду с радостью, доктор.

— Вашингтон расползается по швам, — сообщил Даниельс. — Все забито, люди прибывают на этот биоинженерный спектакль. Напротив нас, через улицу, есть стоянка для домов. Вы подождете, пока я справлюсь о свободных местах?

— Подожду, — ответил Блейк.

Лицо Даниельса исчезло, и на экране заплясали размытые и неясные очертания кабинета.

Послышался громовой голос Кухни:

— Одна порция овсянки готова. И кусок поджаренного хлеба тоже! И яичница с ветчиной тоже! И кофейник с кофе тоже!

— Хозяин разговаривает по телефону, — укоризненно проговорил Дом. — И заказывал он только овсянку.

— А может, хозяин передумает, — возразила Кухня. — Может, овсянки не хватит. Может, он голоднее, чем ему кажется. Вы же не хотите, чтобы про нас говорили — будто мы морим его голодом.

Даниельс вновь появился на экране.

— Спасибо, что дождались, — сказал он. — Я проверил, свободного места сейчас нет. Утром освободится один фундамент, я зарезервировал его для вас. Вы можете подождать до утра?

— Наверное, могу, — ответил Блейк. — Я хотел только поговорить с вами.

— Но мы можем поговорить прямо сейчас.

Блейк покачал головой.

— Понимаю, — сказала Даниельс. — Тогда до завтра. Скажем, в час дня. Каковы ваши планы на сегодня?

— У меня нет никаких планов.

— А почему бы вам не отправиться на рыбалку? Отвлечетесь, займетесь делом. Вы рыболов?

— Не знаю. Не думал об этом. Может, и был рыболовом. Название этого вида спорта мне знакомо.

— Кое-что мало-помалу возвращается, — сказал Даниельс. — Вспоминается...

— Не вспоминается. Просто формируется фон. Временами какая-то крупица встает на свое место, но все это едва ли что-либо говорит мне. Кто-то что-то скажет, или я о чем-то прочитаю и вдруг понимаю, что это мне знакомо. Вдруг узнаю какое-то высказывание, явление или место. Что-то такое, что я знал в прошлом, с чем сталкивался, но не помню, как, когда и в каких условиях.

— Если б в этом вашем фоне нашлась для нас какая-нибудь зацепка, нам было бы легче, — сказал Даниельс.

— Я просто живу с этим фоном, — сообщил Блейк. — Кроме него, мне не на что опереться.

— Ладно, — отступился Даниельс. — Сегодня поудите рыбки всласть, а завтра увидимся. Кажется, неподалеку от вас есть речушки с форелью. Поищите одну из них.

— Спасибо, доктор.

Телефон со щелчком отключился, экран померк. Блейк отвернулся.

— После завтрака во внутреннем дворике вас будет ждать леталка. Рыболовные снасти вы найдете в задней спальне, которая используется под кладовку, а Кухня соберет вам ленч. Ну, а я пока поищу хороший ручей с форелью и подскажу вам, как к нему добраться, и...

— Прекратите болтовню! — загремела Кухня. — Завтрак стынет!

8

Вода пенилась в завалах из упавших деревьев и кустов. Речка бурливо обтекала препятствие, но затем успокаивалась, образуя черную заводь.

Блейк осторожно направил похожую на стул леталку к земле и посадил ее рядом с запрудой у березовой рощи. Когда леталка остановилась, он отключил гравитационное поле. Несколько минут Блейк неподвижно сидел в кресле, слушая журчание воды; глубокая тихая заводь очаровала его. Впереди к небу возносился горный кряж.

Наконец Блейк выбрался из леталки и отвязал от спинки корзину с обедом, чтобы достать рыболовные снасти. Он поставил корзину сбоку, на траву рядом с березами, росшими на берегу.

Что-то завозилось в запруде из перекореженных древесных стволов, лежавших поперек ручья. Блейк резко обернулся на звук. Из-под бревна на него смотрела пара маленьких блестящих глаз. «Норка, — подумал Блейк, — а может быть, выдра».

— Эй, ты, — сказал он, — не возражаешь, если я попытаю тут счастья?

— Эй вы, — ответило существо высоким писклявым голосом, — какое счастье вы хотите попытать?

— Что ты... — голос Блейка замер.

Существо выбралось из-под бревна. Оно оказалось и не норкой, и не выдрой, а двуногим зверьком, словно сошедшим со страниц детской книжки. Волосатую мордочку грызуна венчал высокий куполообразный череп, над которым торчала пара остроконечных ушек с кисточками на концах. Существо имело около двух футов роста, и его туловище открывала гладкая меховая шубка бурого цвета. Оно было одето в ярко-красные штанишки, состоявшие чуть ли не из одних карманов, а ручки существа оканчивались длинными тонкими пальцами.

— Может быть, в этой корзине найдется еда? — спросило оно своим писклявым голосом.

— Да, разумеется, — ответил Блейк. — Ты, как я понимаю, голоден?

Это конечно же какое-то наваждение. Вот сейчас, через минуту, если не меньше, картинка из детской книжки исчезнет, и он сможет заняться рыбной ловлей.

— Я просто умираю от голода, — подтвердила картинка. — Люди, которые подкармливали меня, уехали в отпуск, и с тех пор я попрошайничаю. Может быть, и вам когда-нибудь приходилось добывать себе пропитание подобным образом?

— Не знаю, — ответил Блейк.

Существо не исчезало. Оно по-прежнему находилось здесь и разговаривало, и от него не было избавления. Боже мой, подумал Блейк, опять начинается!

— Если ты голоден, — сказал он, — давай заглянем в корзинку. Что ты больше всего любишь?

— Я ем все, что считают съедобным люди. Мой обмен веществ удивительно схож с обменом веществ у землян.

Они вместе подошли к корзине, и Блейк поднял крышку.

— Кажется, мое появление из-под груды бревен оставило вас равнодушным, — сказало существо.

— Это не мое дело, — ответил Блейк, пытаясь заставить себя соображать быстрее и чувствуя, что ему это не удается. — Тут у нас есть бутерброды, пирог, горшочек с... да, с салатом из помидоров, яичница с пряностями...

— Если вы не возражаете, я возьму парочку бутербродов.

— Давай не стесняйся, — пригласил Блейк.

— А вы не составите мне компанию?

— Я только что позавтракал.

Существо село и с аппетитом набросилось на еду, держа в каждой руке по бутерброду.

— Простите мне такое некрасивое поведение за столом, — сказало оно Блейку, — но я уже почти две недели толком не ел. Наверное, я переоценивал щедрость людей. Те, кто обо мне заботился, приносили хорошую еду. Не в пример большинству людей, которые поставят плошку молока и все.

Существо ело. На его подрагивающие бакенбарды налипли крошки. Покончив с бутербродами, оно протянуло руку, но потом остановилось, и рука замерла над корзиной.

— Вы не возражаете? — спросило оно.

— Ничуть, — ответил Блейк. Существо взяло еще один бутерброд.

— Простите меня, — сказало оно, — но сколько вас здесь?

— Сколько здесь меня?

— Да, вас. Сколько вас тут?

— Но ведь я один, — удивился Блейк. — Откуда же взяться другим я?

— Конечно, это очень глупо с моей стороны, — сказало существо, — но, когда я впервые увидел вас, я готов был поклясться, что вас больше одного.

Оно принялось за бутерброд, но теперь ело чуть медленнее, чем тогда, когда расправлялось с первыми двумя. Разделавшись и с ним, существо аккуратно смахнуло с бакенбард крошки.

— Большое вам спасибо, — поблагодарило оно.

— Всегда к твоим услугам, — ответил Блейк. — Ты уверен, что не хочешь еще?

— Бутербродов, пожалуй, нет. Но если у вас найдется лишний кусочек пирога...

— Угощайся, — пригласил Блейк. Существо без промедления воспользовалось приглашением. — Ты задал мне вопрос, — добавил он. — Как ты думаешь, справедливо будет, если и я кое о чем тебя спрошу?

— В высшей степени справедливо, — подтвердило существо. — Валяйте, спрашивайте.

— Я никак не пойму, кто ты такой, — признался Блейк.

— Вот те на! — воскликнуло существо. — А я-то думал, вам известно. Мне и в голову не приходило, что вы можете не узнать меня.

Блейк покачал головой.

— Не узнаю. Ты уж извини.

— Я — Брауни[1], — с поклоном представилось существо. — К вашим услугам, сэр.

9

Когда Блейка ввели в кабинет, доктор Майкл Даниельс уже ждал его за своим столом.

— Ну, как самочувствие нынче утром? — спросил он.

Блейк слабо улыбнулся.

— Неплохо, если вспомнить все вчерашние обследования. Интересно, есть ли такие тесты, которым меня не подвергали?

— В общем, мы испробовали почти все, — признал Даниельс. — Еще один или два теста есть в запасе, и если...

— Нет уж, спасибо.

Даниельс жестом указал на стул.

— Располагайтесь. Нам есть о чем поговорить.

Блейк сел на предложенный стул, Даниельс подтянул к себе пухлую папку и раскрыл ее.

— Я так полагаю, — сказал Блейк, — что вы проверяли различные варианты событий, которые могли произойти со мной в космосе. Удачно?

Даниельс покачал головой.

— Ничего не вышло. Мы просмотрели списки пассажиров и команд всех пропавших кораблей. Точнее, это сделала Космическая Служба. Вы интересуете их точно так же, как и меня, если не больше.

— Списки пассажиров мало что вам скажут, — проговорил Блейк. — Там будет лишь имя, а ведь мы не знаем...

— Верно, — сказал Даниельс, — есть еще отпечатки пальцев и фонограммы голосов... Но все не ваши.

— Однако я ведь как-то попал в космос.

— Да, попали, это нам известно. Известно и то, что вас кто-то заморозил. Сумей мы выяснить, почему это было сделано, мы узнали бы гораздо больше, чем нам известно. Но ведь, когда пропадает корабль, пропадают и все записки.

— Я и сам пораскинул мозгами, — сказал Блейк. — Мы все время исходили из предположения, что меня заморозили, чтобы спасти мне жизнь. Значит, до того как корабль попал в беду. Кто мог знать, что он попадет в аварию? Хотя, видимо, бывают положения, когда это известно заранее. А вам не приходило в голову, что меня заморозили и выбросили из корабля потому, что мое присутствие на борту было нежелательно? Может

---

[1] Брауни (*англ.*) — домовой.

быть, я что-то натворил, или меня боялись, или еще что-нибудь в этом роде.

— Нет, — ответил Даниельс, — об этом я не думал. Но допускал, что вы можете оказаться не единственным замороженным, не единственным человеком, заключенным в капсулу. То же самое могли проделать с другими, а эти другие до сих пор там, в космосе. Просто вас случайно нашли. Если у них было время, они могли сохранить таким способом жизнь людей.

— Давайте вернемся к вопросу о том, почему меня вышвырнули из корабля. Если бы я был негодяем, от которого надо избавиться, к чему предпринимать чреватую такими осложнениями попытку сохранить мне жизнь?

Даниельс покачал головой.

— Ума не приложу. Пока мы можем только гадать. Возможно, вам придется примириться с мыслью, что вы никогда не узнаете правду. Я надеялся, что вы мало-помалу вспомните свое прошлое, но этого пока не случилось. И, вероятно, не случится.

— Вы хотите сказать, что я должен отступиться?

— Нет. Мы не оставим наших попыток до тех пор, пока вы согласны помогать нам. Но я считаю своим долгом сказать вам, что они, скорее всего, закончатся ничем.

— Что ж, это честно, — ответил Блейк. — Тем более, что трудно обжиться в этом мире.

— Как ваша позавчерашняя рыбалка? — спросил Даниельс.

— Хорошо, — ответил Блейк. — Выудил шесть форелей, прекрасно провел денек на свежем воздухе. Чего, как я подозреваю, вы и добивались.

— Галлюцинаций не было?

— Было одно видение, — сказал Блейк. — Я утаил его от вас, но сегодня утром решил рассказать. Галлюцинацией больше, галлюцинацией меньше — какая разница? На рыбалке я повстречал Брауни.

— О, — вырвалось у Даниельса.

— Вы слышали? Я встретил Брауни и говорил с ним. Он съел почти весь мой ленч. Вы понимаете, кого я имею в виду? Маленькие народцы из детских сказок. Брауни из их числа. У них большие острые уши и высокая остроконечная кепка. Только у моего кепки не было, а физиономия напоминала мордочку грызуна.

— Вам повезло: не так уж много людей когда-либо видели Брауни. А тех, кто с ними разговаривали, еще меньше.

— Вы хотите сказать, что Брауни не галлюцинация?

— Разумеется нет. Это переселенцы из созвездия Енотовой Шкуры. Их немного. Родоначальников их привезли на Землю, наверное, лет сто — сто пятьдесят назад на исследовательском корабле. Предполагалось, что Брауни немного погостят у нас — что-то вроде культурного обмена, — а потом вернутся домой. Но им тут понравилось, и они официально испросили разрешения остаться, после чего мало-помалу разбрелись по Земле, облюбовав себе для обитания леса и используя в них для проживания норы,

пещеры, дупла деревьев. — Даниельс озадаченно покачал головой. — Странный народ. Они отказались почти от всех предложенных людьми льгот, не пожелали иметь ничего общего с нашей цивилизацией; культура землян не произвела на них впечатления, но сама планета понравилась. Понравилась как место, где они могли бы жить, но жить, разумеется, на свой лад. Нам не так много известно о них. Цивилизация у Брауни, похоже, высокоразвитая, но совсем не такая, как у нас. Они умны, но исповедуют ценности, отличные от наших. Кое-кто из них, как я понимаю, прибился к семьям или отдельным людям, те их подкармливают и дают одежду. Любопытные взаимоотношения. Брауни для этих людей — вовсе не домашние животные. Вероятно, они служат чем-то вроде талисманов и немного похожи в представлениях землян на настоящих домовых

— Будь я проклят! — пробормотал Блейк.

— Вы решили, что ваш Брауни — очередная галлюцинация?

— Да. Я все время ждал, что он уйдет. Просто исчезнет. А он не исчезал. Сидел, ел, смахивал с бакенбард крошки и подсказывал мне, куда забрасывать мух. «Вон туда, туда! — говорил Брауни. — Там большая форель! Между тем водоворотом и берегом!» И там действительно оказывалась большая форель. Похоже, он знал, где искать рыбу.

— Так Брауни благодарил вас за угощение. Не удивлюсь, если он и в самом деле знал, — сказал Даниельс. — Как я уже говорил, мы мало знаем о Брауни. Вероятно, они обладают способностями, которых не хватает нам. Может быть, одна из них и состоит в том, что они знают, где прячется рыба. — Он бросил на Блейка пытливый взгляд. — Вам никогда не приходилось слышать о домовых? О настоящих домовых?

— Нет, никогда.

— Думаю, это обстоятельство многое проясняет. Будь вы тогда на Земле, вы бы о них слышали.

— Может быть, и слышал, но не помню.

— Не думаю. Их появление, судя по письменным источникам тех времен, произвело огромное впечатление на общество. Вы бы вспомнили, если бы слышали о них. Такое событие должно было глубоко отпечататься в памяти.

— У нас есть и другие временные вехи, — сказал Блейк. — Наряды, которые мы сейчас носим, мне в новинку. Туники, шорты, сандалии... Я вспоминаю, что сам носил какие-то брюки и короткую куртку. А корабли? Гравитационные решетки мне незнакомы. Я вспоминаю, что мы использовали ядерную энергию.

— Мы и сейчас ее используем.

— Да, но теперь она служит лишь вспомогательным средством для достижения больших ускорений. Основную энергию получают в результате преобразования гравитационных сил.

— Но ведь существует еще множество незнакомых вам вещей, — сказал Даниельс. — Дома...

— Поначалу они чуть не свели меня с ума, — сказал Блейк. — Но не

это беспокоит меня больше всего. Я сознаю все происходящее до какого-то момента, потом наступает провал, причем он длится строго определенное время. И наконец я снова прихожу в себя. И не помню ничего из того, что происходит во время провалов, хотя убежден, что какие-то события происходят. Но я не имею о них ни малейшего представления. Может быть, у вас есть какие-то идеи?

— Честно говоря, нет, — ответил Даниельс. — Два связанных с вами обстоятельства... как бы это лучше выразиться... смущают меня. Первое: ваше физическое состояние. Выглядите вы лет на тридцать — тридцать пять. Но ваше тело — тело юноши. Никаких признаков начала увядания. А если так, почему у вас лицо тридцатилетнего?

— А второе обстоятельство? Вы говорили, что их два.

— Второе? Ваша электроэнцефалограмма имеет странный вид. Главные линии мозга на ней присутствуют, и их можно различить. Но есть и еще что-то. Картина почти такая... как вам сказать... Почти такая, словно на ваши линии наложены другие. Слишком слабые линии. Вероятно, их можно назвать вспомогательными. Они видны, но не очень выражены.

— Что вы хотите сказать, доктор? Что я не в своем уме? Это, во всяком случае, объясняет галлюцинации. Выходит, они действительно существуют?

Даниельс покачал головой.

— Нет, не то. Но картина странная. Никаких признаков заболевания. Никаких свидетельств умственного расстройства. Очевидно, ваш разум так же здоров и нормален, как ваше тело. Но энцефалограмма такая, как если бы у вас не один мозг, а больше. Хотя мы знаем, что он один. Рентген показал это.

— Вы уверены, что я человек?

— Ваше тело отвечает на этот вопрос положительно. А почему вы спросили?

— Не знаю, — проговорил Блейк. — Вы нашли меня в космосе. Я прибыл из космоса...

— Понимаю, — сказал Даниельс. — Забудьте об этом. У нас нет ни малейших оснований считать вас нечеловеком. Подавляющее большинство признаков говорит за то, что вы — человек.

— И что же мне делать теперь? Возвращаться домой и ждать новых...

— Не сейчас, — ответил Даниельс. — Мы хотели бы, чтобы вы немного погостили у нас. Еще несколько дней. Если вы согласны.

— Опять тесты?

— Возможно. Я хотел бы поговорить кое с кем из коллег, показать вас им. Может быть, они сумеют что-то предположить. Но главная причина, по которой я просил бы вас остаться, — новое обследование.

10

Выдержка из протокола сенатского расследования (округ Вашингтон, Северная Америка) по вопросу о биоинженерной программе как основе политики колонизации других солнечных систем:

ПИТЕР ДОУТИ, адвокат комиссии: Ваше имя — Остин Люкас?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, сэр. Я живу в Тенафлае, Нью-Джерси, и работаю в «Байолоджикс инкорпорейтед», в Нью-Йорк-сити, на Манхэттене.

МИСТЕР ДОУТИ: Вы возглавляете научно-исследовательский отдел этой компании, не так ли?

ДОКТОР ЛЮКАС: Я руководитель одной из исследовательских программ.

МИСТЕР ДОУТИ: И эта программа касается биоинженерии?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, сэр. Сейчас нас особенно интересует проблема выведения многоцелевых сельскохозяйственных животных.

МИСТЕР ДОУТИ: Будьте добры объяснить.

ДОКТОР ЛЮКАС: С радостью. Наша задача — вывести животное — поставщика сразу нескольких видов мяса, молока, шерсти, меха или щетины, а возможно, и всего этого вместе. Мы надеемся, что оно сможет заменить всех тех многочисленных животных, которых человек разводил со времен неолита.

СЕНАТОР СТОУН: И вы, доктор Люкас, как я понимаю, имеете некоторые основания считать, что ваши исследования принесут какую-то практическую пользу?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, имею. Я бы сказал, что с главными задачами мы уже справились. Мы получили стадо таких животных и теперь занимаемся доводкой.

СЕНАТОР СТОУН: И здесь вы тоже имеете определенную надежду на успех?

ДОКТОР ЛЮКАС: Мы работаем с большим воодушевлением.

СЕНАТОР СТОУН: Можно спросить, как вы называете то животное, которое получили?

ДОКТОР ЛЮКАС: У него нет названия, сенатор. Мы даже не забивали себе голову такой проблемой.

СЕНАТОР СТОУН: Оно уже не будет коровой, не так ли?

ДОКТОР ЛЮКАС: Нет. Не совсем коровой. Но в нем, естественно, будет что-то и от нее.

СЕНАТОР СТОУН: Не будет свиньей? Не будет овцой?

ДОКТОР ЛЮКАС: Ни свиньей, ни овцой. Не на сто процентов, конечно. Оно будет иметь некоторые черты свиньи и овцы.

СЕНАТОР ГОРТОН: По-моему, в этом длинном вступлении нет никакой нужды. Мой уважаемый коллега хочет спросить, стало ли создание, которое вы выводите, неким совершенно новым живым существом, представителем, так сказать, синтетической жизни. Или же оно может претендовать на родственность современным природным формам?

ДОКТОР ЛЮКАС: Это крайне сложный вопрос, сэр. Можно сказать — и это будет чистой правдой, — что ныне существующие формы жизни не были забыты и использовались как модели, но то, что мы получили, — в основном новая порода животного.

СЕНАТОР СТОУН: Благодарю вас, сэр. Хочу также поблагодарить моего коллегу-сенатора за то, что он так быстро подхватил нить моих расспросов. Итак, мы имеем, как вы выразились, совершенно новое существо, которое, возможно, отдаленно родственно корове, свинье, овце или, быть может, даже другим формам жизни...

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, другим формам жизни. Может быть, где-то и есть предел, но сейчас мы его не видим. Мы полагаем, что можем продолжать создавать различные формы жизни, скрещивая их, чтобы получить жизнеспособный гибрид...

СЕНАТОР СТОУН: И чем дальше вы продвигаетесь в этом направлении, тем меньше становится степень родства этой вашей формы с любой ныне существующей?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, думаю, что можно сказать и так. Но я предпочел бы поразмыслить, прежде чем дать ответ.

СЕНАТОР СТОУН: А теперь, доктор, позвольте спросить вас о другом. Биоинженерия на уровне животных вами освоена. А можно ли проделать то же самое с человеческим существом?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, разумеется, можно.

СЕНАТОР СТОУН: Вы уверены, что в лаборатории можно создать новый тип человека? Может быть, даже много разных типов?

ДОКТОР ЛЮКАС: Я в этом не сомневаюсь.

СЕНАТОР СТОУН: А когда это будет сделано, когда вы создадите человека с заданными параметрами, даст ли он приплод того же вида, какой вы создали?

ДОКТОР ЛЮКАС: Такой вопрос даже не ставится. Созданные нами животные дали породистый приплод. И у людей дела должны обстоять так же. Простейшее изменение генетического материала — вот на что надо обратить внимание в первую очередь, понимаете?

СЕНАТОР СТОУН: Давайте внесем ясность. Допустим, вы вывели новую породу людей. Значит, эта порода даст потомство такой же породы?

ДОКТОР ЛЮКАС: Точно такой же. Не считая, разумеется, маленьких мутаций и изменений, происходящих в эволюционном процессе вслепую. Но это присуще и естественным формам. Именно так развилась вся нынешняя жизнь.

СЕНАТОР СТОУН: Допустим, вы создаете новый тип человеческого существа. Скажем, тип, способный жить в условиях гораздо большей силы тяжести, чем на Земле, способный дышать другим воздухом, питаться пищей, которая ядовита для ныне существующих людей. Смогли бы вы... гм... позвольте поставить вопрос иначе. Как, по-вашему, возможно ли создание такой формы жизни?

ДОКТОР ЛЮКАС: Вы, разумеется, просите меня высказать лишь мое личное мнение?

СЕНАТОР СТОУН: Совершенно верно.

ДОКТОР ЛЮКАС: Ну что ж. Я сказал бы, что это возможно. Сначала в расчет принимаются все задействованные факторы, потом набрасывается биологический проект и...

СЕНАТОР СТОУН: Но это выполнимо?

ДОКТОР ЛЮКАС: Без всякого сомнения.

СЕНАТОР СТОУН: Вы можете сконструировать существо, способное жить в условиях практически любой планеты?

ДОКТОР ЛЮКАС: Должен со всей ясностью заявить, что не могу. Биоинженерия человека не моя область. Но вообще это доступно науке нынешнего уровня. Сегодня этой задачей заняты люди, способные ее решить. Не сказал бы, что сейчас предпринимается серьезная попытка создать такого человека, но пути решения проблемы выработаны.

СЕНАТОР СТОУН: И процесс тоже разработан?

ДОКТОР ЛЮКАС: Как я понимаю, да. И процесс.

СЕНАТОР СТОУН: И люди, разработавшие процесс, смогли бы сконструировать и создать человеческое существо, способное жить в условиях любой планеты?

ДОКТОР ЛЮКАС: Это вы уже хватили, сенатор. Не в любых условиях. Со временем — возможно, но не теперь. Разумеется, могут встретиться и такие условия, которые совершенно исключат любую форму жизни.

СЕНАТОР СТОУН: Однако можно создать форму человеческой жизни, которая будет существовать при разнообразных условиях, не допускающих существования людей в том виде, в каком мы их знаем?

ДОКТОР ЛЮКАС: Думаю, что это справедливое утверждение.

СЕНАТОР СТОУН: Тогда позвольте спросить вас, доктор... Если такое живое существо будет создано, останется ли оно человеком?

ДОКТОР ЛЮКАС: В основе своей, насколько это возможно, оно будет иметь биологические и умственные черты человеческого существа. С чего-то ведь нужно начинать.

СЕНАТОР СТОУН: Будет ли оно выглядеть как человеческое существо?

ДОКТОР ЛЮКАС: Во многих случаях нет.

СЕНАТОР СТОУН: Вернее сказать, в большинстве. Правильно, доктор?

ДОКТОР ЛЮКАС: Это будет всецело зависеть от того, насколько неблагоприятны параметры окружающей среды, с которой придется столкнуться.

СЕНАТОР СТОУН: И в каких-то случаях это существо будет иметь вид чудовища?

ДОКТОР ЛЮКАС: Сенатор, вы должны соблюдать точность терминологии. Что такое чудовище?

СЕНАТОР СТОУН: Хорошо. Давайте назовем чудовищем живое существо, на которое человек смотрит с отвращением. Живое существо,

в котором человек не может видеть своего сородича. Живое существо, встретившись с которым человек может испытать страх, ужас, ненависть или омерзение.

ДОКТОР ЛЮКАС: Почувствует ли человек ненависть и омерзение, в немалой степени зависит от того, что это за человек. При правильном отношении...

СЕНАТОР СТОУН: Давайте оставим в стороне вопрос о правильном отношении. Возьмем обычных мужчину или женщину, любого из сидящих в этой комнате. Могут ли некоторые люди испытать ненависть и омерзение при виде этого гипотетического создания?

ДОКТОР ЛЮКАС: Кое-кто из них, наверное, может. И я хотел бы поправить вас, сенатор. Вот вы говорите «чудовище». Я могу и не считать его чудовищем. В чудовище его превращает ваше воображение...

СЕНАТОР СТОУН: Но определенные человеческие существа могут счесть такое создание чудовищем?

ДОКТОР ЛЮКАС: Кое-кто может.

СЕНАТОР СТОУН: И, вероятно, многие?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, вероятно, многие.

СЕНАТОР СТОУН: Благодарю вас, доктор. У меня больше нет вопросов.

СЕНАТОР ГОРТОН: А теперь, доктор Люкас, давайте несколько подробнее рассмотрим этого синтетического человека. Я понимаю, что такое определение не совсем верно, но надеюсь, что оно понравится моему коллеге.

СЕНАТОР СТОУН: Да, синтетический человек. Не человеческое существо. Это так называемая биоинженерная программа предполагает заселять другие планеты не людьми, а синтетическими созданиями, ничем не похожими на человеческое существо. Иными словами, выпустить в Галактику орду чудовищ.

СЕНАТОР ГОРТОН: Э... гм... доктор Люкас, давайте согласимся с сенатором Стоуном в том, что вид такого создания может внушать ужас. Однако его наружность, по-моему, не имеет отношения к обсуждаемому вопросу. Главное в том, что представляет собой это создание. Вы согласны?

ДОКТОР ЛЮКАС: Горячо поддерживаю вас, сэр.

СЕНАТОР ГОРТОН: Если оставить в стороне внешность создания, можете ли вы сказать, что оно по-прежнему останется человеческим существом?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, сенатор. Строение тела существа не будет иметь отношения к его сути. Носителем признаков будет мозг. Разум, побуждения, мировоззрение.

СЕНАТОР СТОУН: И у этого создания будет человеческий мозг?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, сэр.

СЕНАТОР ГОРТОН: И поэтому эмоции, побуждения и мировоззрение у него тоже будут человеческие?

ДОКТОР ЛЮКАС: Разумеется.

СЕНАТОР ГОРТОН: И поэтому создание будет человеком? Независимо от внешнего облика?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, человеком.

СЕНАТОР ГОРТОН: Доктор, не знаете ли вы случайно, было такое существо когда-либо создано или нет? Под существом я имею в виду синтетическое человеческое существо.

ДОКТОР ЛЮКАС: Да. Около двухсот лет назад были созданы два таких существа. Но есть некоторая разница...

СЕНАТОР СТОУН: Минутку! Вы говорите о том древнем мифе, который мы время от времени слышим...

ДОКТОР ЛЮКАС: Это не миф, сенатор.

СЕНАТОР СТОУН: Вы можете подтвердить свое заявление документально?

ДОКТОР ЛЮКАС: Нет, сэр.

СЕНАТОР СТОУН: Что означает это «нет, сэр»? Как вы могли явиться на слушания и выступить с заявлением, которое не в состоянии подтвердить?

СЕНАТОР ГОРТОН: Я могу подтвердить его. Если потребуется, и представлю в качестве доказательства документы.

СЕНАТОР СТОУН: В таком случае, вероятно, сенатор должен был бы сесть на место свидетеля...

СЕНАТОР ГОРТОН: Отнюдь. Меня устраивает и этот свидетель. Вы говорили, сэр, что есть какая-то разница...

СЕНАТОР СТОУН: Минутку! Я протестую! По-моему, этот свидетель некомпетентен...

СЕНАТОР ГОРТОН: Что ж, давайте это выясним. Доктор Люкас, при каких обстоятельствах вы получили эту информацию?

ДОКТОР ЛЮКАС: Лет десять назад, когда я вел исследования для диссертации, я попросил доступа к некоторым делам в Космической Службе. Видите ли, сенатор, я занимался проверкой того, что вы называете мифом. Об этом мало кто знал. Но меня заинтересовало, миф это или нечто более основательное.

СЕНАТОР ГОРТОН: И вам предоставили возможность ознакомиться с документами?

ДОКТОР ЛЮКАС: Ну, не сразу. Космическая Служба пошла на это, с... скажем, с неохотой. Наконец, я стал твердить, что дело двухсотлетней давности не требует допуска. Не скрою, что мне нелегко было заставить их увидеть логику в моих доводах.

СЕНАТОР ГОРТОН: Однако в конце концов ваша взяла?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, в конце концов. С немалой поддержкой компетентных лиц. Видите ли, когда-то эти документы были снабжены грифом высшего уровня секретности для таких материалов. Формально они еще не рассекречены. Пришлось немало поспорить, чтобы все увидели нелепость такого положения...

СЕНАТОР СТОУН: Минутку, доктор, один вопрос. Вы говорите, что вас поддерживали.

ДОКТОР ЛЮКАС: Да.

СЕНАТОР СТОУН: Может быть, в значительной степени эта поддержка исходила от сенатора Гортона?

СЕНАТОР ГОРТОН: Поскольку вопрос имеет отношение ко мне, я с согласия доктора Люкаса отвечу на него. Я с радостью признаю, что оказал ему кое-какую помощь.

СЕНАТОР СТОУН: Хорошо, это все, что я хотел узнать. Именно так это и будет запротоколировано.

СЕНАТОР ГОРТОН: Доктор Люкас, продолжайте, пожалуйста.

ДОКТОР ЛЮКАС: Из бумаг явствовало, что 221 год назад, точнее говоря в 2266 году, были созданы два синтетических существа. Они имели телесную оболочку людей, но конструировались для очень специфической цели: их планировали использовать для первичных контактов с жизнью на других планетах, погрузив на исследовательские и разведывательные звездолеты и отправив собирать данные о господствующих формах жизни в космосе.

СЕНАТОР ГОРТОН: Доктор Люкас, а как — пока без излишних подробностей, — как именно они должны были выполнить ту работу, для которой предназначались? Вы можете нам это сказать?

ДОКТОР ЛЮКАС: Не уверен, что смогу выразиться с полной ясностью, но попробую. Синтетические люди обладали высокой приспособляемостью. За неимением лучшего термина их можно охарактеризовать словом «пластичные». В них была реализована концепция незамкнутых цепей, которая не могла быть разработана раньше, чем за десять лет до этих событий. Случай, мягко говоря, необычный: чтобы столь сложная концепция была воплощена на практике за такое короткое время. Все основные составляющие сконструированных человеческих тел делались по этой концепции. Понимаете, они были завершенными по форме, но в каком-то смысле незавершенными по сути. Аминокислоты...

СЕНАТОР ГОРТОН: Может быть, вы пока расскажете нам, что должны были делать эти тела, и не будете углубляться в принципы, по которым они создавались?

ДОКТОР ЛЮКАС: То есть как они должны были функционировать?

СЕНАТОР ГОРТОН: Да, если можно.

ДОКТОР ЛЮКАС: Идея была простой: после того, как исследовательский корабль садился на планету, один из представителей высшей формы жизни этой планеты захватывался и внимательно изучался. Я думаю, вы знакомы с процессом биологического сканирования. Все параметры, делающие существо таким, какое оно есть, — строение, химия, обмен веществ, — строго определены. Данные вводятся в память, после чего передаются синтетическому человеческому существу, и оно благодаря уникальному принципу незамкнутых цепей превращается в точную копию существа, параметры которого записаны на пленках. Процесс должен быть быстротечным: любая заминка может все погубить. Должно быть, это жуткое зрелище — почти мгновенное превращение человеческого существа в инопланетное создание.

СЕНАТОР ГОРТОН: Вы говорите, что человек превратится в инопланетное создание. Значит ли это, что превращение будет всеобъемлющим — мыслительным, интеллектуальным, если тут подходит этот термин, так же, как и...

ДОКТОР ЛЮКАС: Человек превращается в это создание. Не вообще в инопланетное создание, а в точную копию именно того создания, которое послужило образцом, понимаете? У него будут разум и память этого существа. Оно сможет немедленно продолжить работу, которую делало инопланетное существо, с того момента, когда оно прервало ее. Оказавшись за пределами корабля, оно сможет отыскать приятелей инопланетного существа, присоединиться к ним и провести исследования...

СЕНАТОР ГОРТОН: Вы хотите сказать, что оно по-прежнему будет обладать и человеческим разумом?

ДОКТОР ЛЮКАС: Трудно сказать. Человеческое мышление, воспоминания, индивидуальность — все это останется, хотя, вероятно, в очень выхолощенной форме, и будет существовать как нечто подсознательное, но способное к быстрому включению в сознание. Существу будет задан мысленный приказ вернуться на корабль через определенное время и сразу по возвращении принять человеческий облик. Приняв его, создание сможет вспомнить свое существование в инопланетном обличье, и данные, получить которые иным путем, вероятно, было бы невозможно, станут доступны исследованию...

СЕНАТОР ГОРТОН: А можно спросить, вышло ли из этого что-нибудь?

ДОКТОР ЛЮКАС: Трудно сказать, сэр. Отчетов о результатах нет. Есть записи, свидетельствующие о том, что они — оба этих существа — были отправлены в космос. Но потом — молчание.

СЕНАТОР ГОРТОН: По вашим предположениям, с ними что-то стряслось?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, возможно. Нам этого никак не узнать.

СЕНАТОР ГОРТОН: Может быть, существа оказались недееспособными?

ДОКТОР ЛЮКАС: О нет, свои функции они бы выполнили. Не было никаких причин, мешавших им действовать так, как запланировано. Они просто не могли не работать.

СЕНАТОР ГОРТОН: Я задаю все эти вопросы, потому что знаю: если их не задам я, это сделает мой уважаемый коллега. А теперь позвольте спросить вас о том, о чем он бы не спросил: может ли такой псевдочеловек быть создан сегодня?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да. Располагая проектом, мы можем создать его без малейшего труда.

СЕНАТОР ГОРТОН: Однако другие экземпляры не создавались, насколько вам известно?

ДОКТОР ЛЮКАС: Насколько мне известно, нет.

СЕНАТОР ГОРТОН: Не согласились бы вы предположить...

ДОКТОР ЛЮКАС: Нет, сенатор, не согласился бы.

СЕНАТОР СТОУН: Простите, что перебиваю вас. Доктор Люкас, у вас есть какой-либо описательный термин для процесса, применяемого при изготовлении такого рода людей?

ДОКТОР ЛЮКАС: Да, есть. Он называется «принцип оборотня».

11

На стоянке с противоположной стороны улицы какой-то мужчина вынес из дома кадку и поставил ее во внутреннем дворике у края бассейна. В кадке было дерево, и, когда человек опустил ее на землю и пошел прочь, дерево зазвенело, словно множество веселых серебряных бубенцов.

Блейк, который сидел на стуле, закутавшись в халат в оранжевую полоску, оперся локтями о перила балкона и, напрягая глаза, стал смотреть с высоты пятого этажа на деревце, чтобы убедиться в том, что звон исходит действительно от него.

Вашингтон дремал в голубой дымке раннего октябрьского вечера. Несколько наземных машин проехали по бульвару под окнами, мягко «вздыхая» своими воздушными соплами. Вдалеке над Потомаком покачивалось несколько леталок — летающих стульев с сидящими на них людьми. Дома на стоянке стояли ровными рядами; перед каждым раскинулась сочная зеленая лужайка с клумбами в ярких осенних цветах; поблескивали голубые бассейны. Перегнувшись через перила и вытянув шею, Блейк едва-едва смог разглядеть свой собственный дом на бульваре, стоявший в глубине, в третьем ряду от мостовой.

Ближайшим соседом Блейка на веранде солярия был пожилой мужчина, по самые уши закутанный в толстое красное одеяло. Он невидящими глазами смотрел в пустоту за парапетом и что-то бормотал. Неподалеку двое пациентов играли в какую-то настольную игру. Кажется, в шашки.

Служащий солярия торопливым шагом пересек веранду.

— Мистер Блейк, к вам пришли, — сообщил он.

Блейк встал и обернулся. В дверях веранды стояла высокая темноволосая женщина в бледно-розовой накидке из ткани с шелковым блеском.

— Это мисс Гортон, — сказал Блейк. — Пожалуйста, пригласите ее.

Она пересекла веранду и протянула ему руку.

— А я вчера ездила в вашу деревушку, — сказала она, — и обнаружила, что вас там нет.

— Жаль, что не застали меня, — произнес Блейк. — Присаживайтесь.

Она уселась в кресло, а Блейк пристроился на перилах.

— Вы с отцом в Вашингтоне, — сказал он. — Эти слушания...

Она кивнула.

— Да, они начались сегодня утром.

— Вы, наверное, посетите несколько заседаний.

— Наверное, — подтвердила она. — Хотя это довольно тягостное зрелище. Больно смотреть, как твоему отцу задают хорошую взбучку. Я, ко-

нечно, восторгаюсь тем, как он борется за то, во что верит, но мне бы хотелось, чтобы иногда он выступал и за то, что одобряет наша общественность. Увы, сенатор почти никогда не делает этого. Вечно он на стороне тех, кого публика считает неправыми. А на этот раз отец может серьезно пострадать.

— Вы имеете в виду Принцип Единогласия? Не далее как позавчера я что-то читал об этом. По-моему, глупое правило.

— Возможно, — согласилась она. — Но именно так обстоит дело. Из-за него власть большинства натыкается на совершенно ненужные ограничения. Если сенатору придется удалиться от общественной деятельности, это его убьет. Она для него суть и смысл всей жизни.

— Мне очень понравился ваш отец, — сказал Блейк. — В нем есть что-то от самой природы, что-то гармонирующее с тем домом, в котором вы живете.

— Вы хотите сказать, некая старомодность?

— Ну, может быть. Хотя это не совсем точное слово. В нем чувствуется какая-то основательность и вместе с тем одержимость и очевидная самоотверженность...

— О да, — проговорила она, — самоотверженность в нем есть, и это достойно восхищения. Думаю, что большинство людей в восторге от него, но он вечно как-то умудряется их рассердить, указывая им на их ошибки.

Блейк рассмеялся.

— Насколько я знаю, это самый верный способ кого-то рассердить.

— Возможно, — согласилась Элин. — Ну, а как вы?

— У меня все хорошо, — сказал он. — Здесь я нахожусь без какой-либо определенной причины. А перед вашим приходом сидел и слушал, как звенит дерево. Будто много-много колокольчиков. Я ушам своим не поверил. Какой-то человек на той стороне улицы вынес из дома деревце, поставил рядом с бассейном, и оно зазвенело.

Она подалась вперед и посмотрела туда, куда показывал Блейк. Деревце залилось серебристой бубенцовой трелью.

— Это монастырское деревце, — сказала она. — Их не так уж и много. Несколько штук завезли с какой-то далекой планеты. Не могу припомнить, как оно называется.

— Я без конца сталкиваюсь с совершенно незнакомыми мне вещами, — признался Блейк. — С вещами, которых никогда прежде не знал. И начинаю бояться, что у меня опять галлюцинации.

— Как в тот раз, когда вы подошли к нашему дому?

— Совершенно верно. Я до сих пор не знаю, что случилось в ту ночь. Этому нет объяснения.

— Врачи...

— От врачей, похоже, мало проку. Они в такой же растерянности, как и я.

— Вы рассказали об этом своему врачу?

— Да нет, не рассказывал. У бедняги и так хлопот полон рот. Ну, добавился бы еще один фактик...

— Но он может иметь большое значение.

— Не знаю, — ответил Блейк.

— Кажется, будто вам все это почти безразлично, — сказала Элин Гортон. — Будто вам вовсе не хочется выяснить, что же с вами случилось. А может, просто страшитесь это узнать.

Блейк бросил на нее настороженный взгляд.

— У меня несколько иное мнение на этот счет, — сказал он. — Но может статься, что вы правы.

Доносившийся с противоположной стороны улицы звон стал другим: многоголосая трель серебряных бубенцов сменилась звучным и дерзким боем набата, тревожно плывшим над крышами древнего города.

12

В тоннеле волнами разливался страх. Все вокруг было пропитано запахами и голосами другой планеты. Лучи света скользили по стенам, а пол под ногами был твердым, как камень.

Существо скорчилось и захныкало, чувствуя, как напряжена каждая мышца, как в каждый нерв вгрызается парализующий ужас. Тоннель тянулся и тянулся вперед, и выхода не было. Все, это конец. Ловушка. Как оно сюда попало? Куда — сюда? Неизвестно куда и уж, конечно, не по своей воле. Его поймали и зашвырнули сюда, и никакого объяснения этому не было.

Да, оно помнило какое-то прошлое, и тогда было сыро и жарко, и темно, и все заполняло неприятное чувство, что по нему ползает множество крошечных живых организмов. А теперь было жарко, и светло, и сухо, а вместо них он ощущал вдалеке присутствие более крупных существ, и мысли их громовыми барабанными ударами отдавались у него в мозгу.

Разогнувшись наполовину и царапая ногтями по твердому полу, существо обернулось. Позади, так же как впереди, тоннель уходил в бесконечность. Замкнутое пространство, в котором не было звезд. Зато был разговор: мысленный разговор, и глухо шуршащий разговор с помощью звуков — сбивчивый, путаный, расплывчатый разговор, который вспухал пеной и сыпал искрами и не имел ни глубины, ни смысла...

Мир — тоннель, в ужасе подумало существо, узкое замкнутое пространство, пропитанное зловонием, насыщенное бессмысленной речью, бурлящее страхом и не имеющее конца.

Существо видело, что в тоннеле имелись отверстия. Они вели, несомненно, в другие такие же тоннели без конца и начала.

Из одного из дальних отверстий появилось огромное, жуткое, нелепое создание. Оно с цокающим звуком шагнуло в тоннель, повернулось к нему и завизжало. Волна невыносимого страха вздыбилась в мозгу этого уродливого создания и заполнила его разум. Создание развернулось и очень быстро побежало прочь.

Существо вскочило, царапая когтями по жесткой поверхности, и метнулось к ближайшему отверстию, уводящему прочь от этого тоннеля. В его теле паника судорогой свела внутренности, разум затянуло парализующей дымкой испуга, и откуда-то сверху тяжелым грузом обрушилась темнота.

В тот же миг оно перестало быть собой, оно находилось теперь не в тоннеле, а у себя в теплой уютной темноте, служившей ему тюрьмой.

Блейк резко затормозил бег в нескольких шагах от койки и, останавливаясь, удивился, что бежит и что его больничная рубашка лежит на полу, а он стоит в комнате голым. И тут что-то щелкнуло у него в голове, словно треснула слишком тугая оболочка, и все знание открылось ему — о тоннеле, и об испуге, и о двух других существах, которые составляли с ним единое целое.

Внезапно ослабев от нахлынувшей радости, Блейк опустился на кровать. Он вновь обрел цельность, стал тем существом, каким был прежде. И теперь Блейк уже не один — с ним были те двое. И они ответили ему — не словами, а мысленным дружеским похлопыванием по плечу. (Колючие, холодные звезды над пустыней, в которой нет ничего, кроме песчаных дюн и снега. Мысль, протянувшаяся к звездам и черпающая в них знание. Жаркое, окутанное паром болото. Длинная, тяжелая лента информации, свернувшаяся внутри пирамиды биологического компьютера. Три хранилища мысли, мгновенно сливающиеся в одно. Соприкосновение разумов.)

— Оно побежало, увидев меня, — сказал Охотник. — Скоро придут другие.

— Это твоя планета, Оборотень. Ты знаешь, что делать.

— Верно. Мыслитель, планета моя. Но то, что известно мне, знаете и вы. Знание общее.

— Но тебе решать, что делать.

— Возможно, они еще не разобрались, что это был я, — сказал Оборотень. — Пока. Возможно, у нас есть немного времени.

— Совсем немного.

Он прав, подумал Блейк. Времени почти нет. Медсестра, с визгом несущаяся по коридору, — на ее вопли выбегут все: санитары, другие сестры, врачи, нянечки, повара. Через считанные минуты переполох охватит всю больницу.

— Все дело в том, — сказал он, — что Охотник слишком уж похож на волка.

— Твое определение, — отозвался Охотник, — подразумевает существо, которое питается другими существами. Но ты же знаешь, я не способен...

— Конечно нет, — ответил себе Блейк. — Но они-то думают по-другому. Когда они видят тебя, ты кажешься им волком. Как той ночью перед домом сенатора, когда сторож увидел твой силуэт при вспышке молнии. Он действовал инстинктивно — сработал комплекс странных преданий о волках.

— А если кто-нибудь увидит Мыслителя, как он станет действовать? Что с нами будет? — спросил Охотник. — Я высвобождался дважды, Оборотень, и в первый раз было сыро и темно, а в другой — светло и тесно.

— А я высвобождался только раз, — сказал Мыслитель, — и не смог функционировать.

— Тихо! — вслух произнес Блейк. — Тихо. Дайте подумать.

Во-первых, здесь находился он сам, человек — искусственный человек, андроид, изготовленный в лаборатории, неограниченная вариабильность, принцип оборотня, гибкость — интеллектуальная и биологическая, — которая сделала его таким, каков он сейчас. Человек. Такой же человек, как все, не считая происхождения. И преимуществ, обыкновенному человеку недоступных. Иммунитет к болезням, аутогенное лечение, самовосстановление. Человек, такой же, как и все люди, с разумом, чувствами, физиологией. Но при этом и инструмент — человек, спроектированный для определенной задачи. Лазутчик во внеземные формы жизни. И наделенный столь уравновешенной психикой, столь незыблемой логикой, столь поразительной способностью приспособляться и проникать в них, что его разум в состоянии вынести без ущерба то, что испепелило и в клочья разнесло бы любой другой разум, — трансформацию в инопланетное существо с его телом, мозгом, эмоциями.

Во-вторых, здесь был Мыслитель (можно ли подобрать ему какое-либо другое имя?) — бесформенная плоть, способная по желанию принимать любую форму, но в силу давней привычки предпочитающая форму пирамиды как оптимальную для жизнедеятельности. Обитатель яростного первобытного мира на покрытой болотами планете, купающейся в потоках тепла и энергии новорожденного солнца. Чудовищные существа ползали, плавали, бродили в этом краю болот, но Мыслители не знали страха, как не знали и необходимости чего-либо бояться. Черпая жизненную квинтэссенцию из энергетических штормов, бушующих на планете, они обладали уникальной системой защиты — покрывалом из взаимозамыкающихся силовых линий, которое отгораживало их от прожорливого внешнего мира. Они размышляли о существовании и никогда — о жизни или смерти, поскольку в их памяти не хранилось воспоминаний ни о рождениях, ни о смертях кого-либо из них. Грубые физические силы при определенных обстоятельствах могли расчленить их, разорвать плоть, но тогда из каждого обрывка плоти, несущего генетическую информацию о всем существе, вырастал новый Мыслитель. Впрочем, этого тоже никогда не случалось, но данные о такой возможности и ее последствиях составляли информационную основу разума каждого Мыслителя.

Оборотень и Мыслитель. И Оборотень стал Мыслителем — ухищрениями и игрой ума другого мыслящего племени, обитающего в сотнях световых лет отсюда. Искусственный человек превратился в другое существо, переняв его способности мышления, его взгляды на жизнь, физиологию и психику. Став им, он сохранил достаточно от человека — частицу человеческой сути, которую он свернул в тугую пружину и спря-

тал от жуткого и сурового величия того существа, в которое перевоплотился. И укрыл ее мысленно броней, встроенной в него на планете, настолько далекой от этой точки пространства, что даже солнца ее невозможно было разглядеть.

Спрятал, но не навсегда. Скорее, временно убрал в потайные уголки разума, который составлял Я этого инопланетного существа. Ему предстояло быть им, и человеческая суть его затаилась в глубине жесткой неземной плоти и загадочного сознания. Но в свое время, когда первый страх осядет и забудется, когда придет умение жить в этом новом теле на другой планете, человеческий разум займет должное место и наполнится, насладится всепоглощающим восторгом нового опыта — состояния, когда два разума сосуществуют рядом, не требуя подчинения, не соревнуясь, не пытаясь выгадать что-то для себя за счет другого, поскольку оба отныне принадлежат к сообществу, которое оказывается не просто сообществом людей или созданий из страны болот, но и тем и другим, слившимся воедино.

Солнечные лучи падали на поверхность планеты, тело Мыслителя впитывало энергию, и болото было замечательным местом, поскольку для пирамидального существа оно стало домом. Можно было ощутить, исследовать, познать новую жизнь, подивиться ей и порадоваться.

Имелось и любимое Место для Размышлений, и любимая Мысль, а иногда случалось и мимолетное общение с другими соплеменниками, встреча разумов, краткая, как прикосновение руки в темноте. В общении не было необходимости: каждый из Мыслителей обладал исчерпывающим набором качеств, делающим контакт с себе подобными ненужным.

Время, равно как и пространство, не имело никакого значения, за исключением тех случаев, когда или время, или пространство, или то и другое вместе становились объектом Мысли. Ибо Мысль была всем — и смыслом существования, и целью, и призванием, направленность ее не подразумевала какого-либо окончания, будь то даже и завершение самой себя, поскольку у нее не могло быть конца. Мысль представляла нечто такое, что продолжается бесконечно, питает само себя и не оставляет ни веры, ни надежды на то, что когда-нибудь окажется исчерпанной. Но теперь время сделалось одним из важнейших факторов, разум человека был сориентирован на определенное время возвращения, и когда оно наступило, человек из Мыслителя снова стал человеком и вернулся. Собранная им информация легла в центр памяти, а корабль снова рванулся в космос, продолжая полет.

Затем была еще одна планета, и еще одно существо, и Оборотень превратился в это существо, как раньше в Мыслителя, и отправился путешествовать по планете в новом обличье.

Если предыдущая планета была жаркой и влажной, то здесь было холодно и сухо, далекое солнце едва светило, а звезды блестели в безоблачном небе как алмазы. Белая пыль из песка и снега покрывала поверхность планеты, и порывистый ветер сметал ее в аккуратные дюны.

Теперь человеческий разум перешел в тело Охотника, который несся в стае через замершие равнины и скалистые кряжи и испытывал от этого бега под звездными россыпями и лунными фонарями языческое наслаждение, выискивая святилища, откуда с незапамятных времен его предки вели разговор со звездами. Но это была лишь традиция — картины, которые бессознательно транслировали бесчисленные цивилизации, обитающие в других солнечных системах, Охотники могли улавливать в любое время и в любом месте.

Не понимая этих картин и даже не пытаясь понять, они просто ловили их и хранили в воспоминаниях ради эстетического удовольствия. Так же и человек, думал человек в теле Охотника, может бродить по художественной выставке, останавливаясь и вглядываясь в те полотна, чьи краски и композиции беззвучно провозглашали истину — истину, которую не выразишь в словах, и которую не надо выражать в словах.

Человеческий разум в теле Охотника — и еще один разум, разум, который вдруг неожиданно выполз оттуда, где его не должно было быть, который должен был исчезнуть после того, как человеческое сознание покинуло использованную оболочку.

Мудрецы на Земле такого не предполагали, им и в голову не приходило, что освобождение от инопланетного тела не означает освобождения от инопланетного разума, что маску чужого интеллекта, единожды надетую, нельзя так просто снять и выбросить. От этой маски нельзя было избавиться, ее нельзя было сорвать. Память и инопланетное Я невозможно истребить, выскоблить из разума начисто. Они оказались неистребимы. Их можно было загнать глубоко в подсознание вернувшегося в свой естественный облик человека, но снова и снова они выбирались на поверхность.

И потому уже не два существа бежали по долинам плавучих песков и снега, а три в теле Охотника. И пока Охотник улавливал картины со звезд, Мыслитель впитывал информацию, оценивал ее и, задавая вопросы, отыскивал ответы. Словно одновременно работали две отдельные части компьютера: блок памяти, накапливающий информацию, и блок, анализирующий поступающие данные, — работали, дополняя друг друга. Воспринимаемые картины были уже чем-то бóльшим, нежели радующий эстетическое чувство образ, теперь они имели куда более глубокое и серьезное значение, будто на поверхность стола ссыпались со всей Вселенной кусочки головоломки, дожидаясь, пока кто-нибудь не сложит из них узор — множество крошечных разрозненных клочков к единому всеобъемлющему вселенскому шифру.

Три разума задрожали, замерев на цыпочках на краю разверзшейся перед ними, выворачивающей душу пропасти — вечности. Застыли потрясенные, не в состоянии сразу осознать грандиозность открывшейся перед ними возможности: протянуть руку и взять, заполучить ответы сразу на все когда-либо заданные вопросы, узнать у звезд разгадку всех их тайн, представить эти данные в уравнения познания и сказать наконец: «Это есть Вселенная».

Но загудело, сработало реле времени в одном из разумов, вызывая его обратно на корабль. Людям Земли нельзя было отказать в хитроумии — тело Охотника повернуло назад к кораблю, где оно должно было отделиться от разума искусственного человека, и тогда корабль опять устремится к другим звездам. Чтобы снова, обнаруживая на планетах разумные существа, вселять в их тела человека и из первых рук добывать информацию, которая когда-нибудь позволит человечеству установить с этими существами отношения, наиболее выгодные людям.

Однако, когда Охотник вернулся к кораблю, что-то произошло. Сигнал об этом длился какую-то долю секунды, а затем все исчезло. До настоящего момента. Момента полупробуждения — но только одного из всех, пришедшего в себя и очень озадаченного. Но наконец теперь проснулись остальные, и снова все трое были вместе — кровные братья по разуму.

— Оборотень, они нас боятся. Они разгадали нас.

— Да, Охотник. Или подумали, что разгадали. Все они понять не могли, только догадываются.

— Но они не стали ждать, — сказал Охотник. — Предпочли не рисковать. Заметили, что что-то не так, и заперли нас. Просто взяли и заперли.

Из коридора донесся топот бегущих ног. Чей-то голос громко произнес: «Оно вошло туда. Кэти видела, как оно туда вошло».

Топот быстро приближался, учащаясь на поворотах. Тяжело дыша, в дверь ворвались санитары в белых халатах.

— Мистер, — закричал один из них, — вы видели волка?

— Нет, — ответил Блейк. — Я не видел волка.

— Черт побери, происходит что-то странное, — сказал другой санитар. — Кэти врать не станет. Она видела что-то. И от страха чуть...

Первый санитар сделал шаг вперед, с угрозой глядя на Блейка.

— Мистер, не надо с нами шутить. Если это розыгрыш...

Паника охватила два других разума, паника, подобная приливной волне, — паника разумов, поставленных обитателями чужой планеты в опасную ситуацию. Неуверенность, непонимание, невозможность оценить положение...

— Нет! — воскликнул Блейк. — Нет! Не надо, подождите...

Но уже было поздно. Перевоплощение началось, запущенное вцепившимся в мысленные рычаги управления Охотником, и остановить уже было нельзя.

— Идиоты! — беззвучно закричал Блейк. — Идиоты! Идиоты!

Санитары отпрянули и через дверь вывалились обратно в коридор.

Перед ними, ощетинившись, блестя серебристым мехом в свете лампы, изготовившись к прыжку и обнажив сверкающие клыки, стоял Охотник. Охотник присел и зарычал. Он в западне. В ловушке, из которой нет выхода. Глухая стена и позади, и сбоку. Единственный открытый путь вел вперед, во внешний тоннель, и тоннель этот битком забила стая улюлюкающих инопланетян, передвигающихся на двух задних ногах и завернутых в искусственные шкуры. От их тел исходил резкий запах, а разу-

мы их несли на него мыслительную волну такой силы, что он едва устоял под ее напором. Но не осознанную, контролируемую интеллектом психическую волну, а хаотичную, сорную волну из первобытных инстинктов и предубеждений.

Охотник сделал вперед один медленный шаг, и стая отшатнулась. Их отступление отдалось пьянящим ощущением победы в крови Охотника. Древняя память предков, захороненная в глубинах его мозга, вдруг высвободилась, развернулась в горделивое знамя воина, урчание, клокотавшее в его горле, загрохотало раскатами дикой ярости — и звук этот, врезавшись во вражескую стаю, рассеял, опрокинул ее.

И тогда Охотник ринулся в тоннель и там быстро повернул направо. Одно из существ, прижавшихся к стене, бросилось на него с каким-то занесенным над головой оружием. Одним броском Охотник опередил нападение. Короткое движение массивной головы, молниеносный и жуткий удар клыками по податливой плоти — и существо с воплем рухнуло на пол.

Охотник развернулся, чтобы встретить преследующих его существ. Оставляя когтями глубокие царапины на полу, он двинулся на стаю.

Теперь уже все существа, за исключением тех, что лежали на полу, бросились прочь от Охотника. Охотник остановился и присел. Затем задрал голову и издал протяжный трубный звук — клич победы и вызова, древний, до сего момента неизвестный ему клич предков, которым давным-давно оглашались плавучие пески и снега родной далекой планеты.

Тоннель чистился, и в нем уже не было странного зловония, как в том месте, где он очнулся; напротив, запахи сухого чистого воздуха напомнили ароматы дома... Тех мест, где когда-то раса древних воинов, его раса, билась не на жизнь, а на смерть с ныне почти забытыми чешуйчатыми созданиями, которые оспаривали у Охотников власть над планетой.

А затем запахи тоннеля и его теснота, и резкость ярких огней, отражаемых стенами, развеяли ощущение другого времени и места, и он снова встал и неуверенно огляделся. Где-то вдалеке сбегались двуногие существа, и воздух стал пасмурным и вязким от обрывков мыслей, потоками накатывающих со всех сторон.

— Оборотень?

— К лестнице, Охотник. Пробирайся к лестнице.

— Лестница?

— Дверь. Закрытое отверстие. То, над которым надпись. Маленький квадратик с красными буквами.

— Вижу. Но дверь твердая.

— Толкни ее. Она откроется. Толкай руками, а не телом. Не забудь — руками. Ты так редко ими пользуешься, что забываешь о них вообще.

Охотник прыгнул к двери.

— Руками, болван! Руками!

Охотник ударил дверь телом. Она подалась, и он быстро проскользнул в щель. Теперь Охотник находился в небольшой комнате, и через пол этой комнатки вниз уходила дорожка из узких уступов. Должно быть, это и

есть лестница. Он двинулся по ней, наступая на ступеньки сперва осторожно, потом, приноровившись, все быстрее. Они привели его в другую комнату, где тоже были ступеньки.

— Оборотень!

— Вниз, вниз, вниз. Ты должен пройти три такие лестницы. Затем через дверь выйти в комнату, большую комнату. В ней будет много существ. Иди прямо, никуда не сворачивая, пока слева не увидишь большое отверстие. Пройдешь в него и окажешься на улице.

— Улице?

— На поверхности планеты. Надо выбираться из пещеры, где мы сейчас находимся. Пещеры здесь располагаются на поверхности.

Охотник двинулся вниз по лестнице. От каждого предмета, от каждого квадратного сантиметра пола отдавало густым металлическим привкусом страха.

Если мы отсюда выберемся, думал Охотник, если мы только отсюда выберемся...

Он почувствовал, как по коже набухающей тяжестью неуверенности и сомнения ползут мурашки страха.

— Оборотень?

— Вперед, вперед. У тебя отлично получается.

Охотник сбежал по третьей лестнице и остановился перед дверью.

Он встал в боевую стойку, выдвинул руки. Затем сгруппировался и бросился на дверь.

— Оборотень, слева? Отверстие будет слева?

— Да.

Вытянутые руки Охотника ударили в дверь и распахнули ее. Его тело, словно снаряд из катапульты, влетело в помещение, в котором были и испуганные вопли, и широко открытые рты, и быстро передвигающиеся существа, и отверстие слева. Развернувшись, он бросился туда. Снаружи в этот проход входила новая стая существ — странных созданий, населяющих эту планету, одетых в искусственные шкуры. Они тоже закричали на него, подняли зажатые в руках черные предметы, и оттуда брызнули резкие вспышки огня, струи острых запахов.

Что-то, ударившись о металл совсем рядом с ним, отлетело в сторону с низким гудящим звуком, еще что-то с хрустом вгрызлось в дерево. Но Охотник уже не мог остановиться. Он ворвался в толпу существ, и тело его вновь вибрировало от раскатов старинного боевого клича. Охотник находился среди врагов какой-то миг, а затем прорвался через стаю и устремился к выходу из огромной пещеры.

Из-за спины доносился треск разрывов, и какие-то маленькие, но тяжелые и очень быстро летящие предметы выбивали осколки из пола, по которому он бежал.

Наверное, сейчас ночь, подумал Охотник, потому что в небе светило множество далеких звезд, но ни одной крупной звезды не было видно, и он обрадовался им, потому что не мог себе представить планету без звездного купола.

И еще были запахи, но уже другие, не столь горькие и резкие, как в здании, а более приятные и мягкие.

Охотник добежал до угла, завернул и, помня слова Оборотня, побежал дальше. Побежал, наслаждаясь движением, ровным, гладким перекатыванием мускулов, ощущением твердой почвы под подушечками лап.

Только сейчас у него впервые появилась возможность вобрать в себя первые данные об этой планете. Складывалось впечатление, что это весьма оживленное место. И весьма необычное. Например, кто и когда слышал, чтобы планету застилали полом? А здесь пол тянулся от края пещеры вдаль, к горизонту. Пещеры, поднимающиеся от поверхности ввысь, светились желтыми квадратиками огней. Перед другими, на маленьких огороженных площадках, стояли металлические или каменные изображения обитателей планеты. Чем это можно объяснить? — изумился Охотник. Может быть, гадал он, когда эти существа умирают, они превращаются в металл и камень, и их оставляют стоять там, где они умерли? При этом многие существа, обращенные в металл или камень, были больше натуральной величины. Может быть, создания эти имеют самые разные размеры и превращению в металл и камень подвергаются лишь самые крупные особи?

Живых обитателей планеты, по крайней мере поблизости, было немного. Но по поверхности покрытия двигались, и очень быстро, металлические формы, впереди у них горели глаза. Формы издавали гудящий звук и выбрасывали позади себя струю воздуха. Их них тоже исходили волны мысли и ощущение жизни, но такой жизни, у которой не один, а несколько разумов, — и эти волны были тихими и спокойными, а не исполненными ненависти и страха, как те, что окружали его в пещере.

И это казалось удивительным, но Охотник убедил себя, что было бы странно, если бы на планете существовал только один-единственный вид жизни. А пока он обнаружил вид, который передвигался на двух задних ногах и состоял из протоплазмы, и металлические объекты, перемещавшиеся очень быстро и целенаправленно, испускали из глаз лучи света и содержали не один мозг, а несколько. А еще до этого, припомнил Охотник, той сырой жаркой ночью он почуял и множество других форм жизни, почти или совсем не обладающих интеллектом, крохотные узелки материи.

— Охотник!

— Да, Оборотень.

— Справа от тебя деревья. Высокие растения на фоне неба. Беги туда. Деревья помогут нам спрятаться.

— Эти существа пустятся за нами в погоню?

— Думаю, что да.

— Наш разум должен стать единым. Все, что знаешь ты, должно быть известно и мне, Охотнику.

— Добеги до деревьев, — сказал Оборотень, — тогда у нас появится время.

Охотник обогнул громаду уходящей в небо пещеры и оказался на широ-

кой твердой полосе, ведущей к деревьям. С мягким шелестом, напоминающим порыв ветра, из темноты вынырнуло одно из металлических созданий с горящими глазами. Изменив направление движения, оно устремилось прямо на него, и тогда Охотник действительно помчался, словно подхваченный волной ужаса. Ноги его мелькали с такой скоростью, что сливались в сплошное пятно, тело скользило над блестящей поверхностью покрытия, уши прижались к голове, а хвост вытянулся позади, будто шлейф от реактивного двигателя.

— Ну, вперед, паршивый волк! — погонял Оборотень. — Быстрее, драный шакал! Давай, бешеная лисица!

13

Главврач был человеком спокойным и дружелюбным. Трудно представить, чтобы он мог стучать кулаком по столу. Но сейчас он делал именно это.

— Вы мне вот что скажите! — ревел он. — Какой дурак позвонил в полицию? Мы бы и сами с этим разобрались! На кой черт нам полиция?

— Я полагаю, — сказал Даниельс, — что тот, кто позвонил в полицию, считал, что без этого не обойтись. В коридоре было полно искусанных людей.

— Мы бы о них позаботились, — сказал главврач. — Эта наша работа. Мы бы позаботились о них, а потом разобрались бы во всем.

— Поймите, сэр, — сказал Гордон Барнс, — все были перепуганы. Волк в...

Главврач взмахом руки заставил Барнса замолчать и обратился к сиделке:

— Мисс Гретерсон, вы первая увидели эту тварь?

Девушка все еще была бледна и напугана, но кивнула.

— Я вышла из палаты, а он был в коридоре. Волк. Я уронила поднос, закричала и побежала...

— Вы уверены, что это был волк?

— Да, сэр.

— Но откуда такая уверенность? Это ведь могла быть и собака.

— Доктор Уинстон, — сказал Даниельс, — вы пытаетесь все запутать. Какая разница, волк это был или собака?

Главврач сердито зыркнул на него и раздраженно взмахнул рукой.

— Ладно, — сказал он. — Ладно. Будьте любезны задержаться, доктор Даниельс, я хотел бы побеседовать с вами. Остальные могут идти.

Они остались в комнате вдвоем, другие вышли за дверь.

— А теперь, Майк, — предложил главврач, — давайте присядем и попытаемся договориться до чего-то путного. Блейк был вашим пациентом, не так ли?

— Да. Вы знакомы с ним, доктор. Это человек, которого нашли в кос-

мосе. Замороженным и запрятанным в капсулу.

— Да, знаю, — сказал Уинстон. — Какое он имел отношение ко всему этому?

— Я не уверен, но подозреваю, что он-то и был волком, — ответил Даниельс.

Уинстон поморщился.

— Ну-ну, — сказал он. — Вы ведь не думаете, что я в это поверю. Ваши слова означают, что Блейк, скорее всего, был оборотнем.

— Вы читали сегодняшние вечерние газеты?

— Нет, не читал. А какая связь между газетами и тем, что тут случилось?

— Возможно, и никакой. Но я склоняюсь к мысли... — Даниельс осекся. Господи, подумал он, это чересчур фантастично. Такого просто быть не могло. Хотя только этим и можно объяснить случившееся на третьем этаже час назад.

— Доктор Даниельс, к какой мысли вы склоняетесь? Если у вас есть какие-то сведения, сделайте милость, выкладывайте. Вы, разумеется, понимаете, что это для нас значит. Слишком много славы, и славы дурной. Сенсационной. А больница не может позволить себе сенсационности. И думать не хочу о том, как сейчас все это подается в газетах и по трехмернику. А еще будет и полицейское расследование. Они уже шастают по зданию, беседуют с людьми, с которыми не имеют права беседовать, и задают вопросы, которые лучше бы не задавать. Скорее всего, нам теперь не отвертеться от слушаний в конгрессе. Космическая Служба вцепится нам в глотку, желая узнать, что стряслось с Блейком, с этой их гордостью и детищем. Не могу же я сказать им, Даниельс, что он превратился в волка!

— Не в волка, сэр. А в чуждое нам существо, похожее на волка. Вспомните: полиция утверждала, что это был волк, из плеч которого торчали руки.

— Никто этого не подтвердил, — прорычал главврач. — Полиция была в панике. Открыть пальбу прямо в вестибюле! Одна из пуль пролетела в каком-то дюйме от сестры приемного покоя и вонзилась в стену над самой ее головой. Эти люди были испуганы, они и сами не знают, что видели. Что вы там говорили про чуждое существо?

Даниельс глубоко вздохнул.

— Сегодня на слушаниях по вопросам биоинженерии свидетель по имени Люкас показал, что он раскопал старые отчеты, в которых говорится о том, как два столетия назад была изготовлена пара искусственных людей. По его утверждению, бумаги эти он нашел в делах Космической Службы.

— Почему у них? Почему отчеты такого рода...

— Погодите, — сказал Даниельс. — Вы еще не слышали и половины. Эти люди были андроидами с незамкнутыми цепями.

— Господи боже! — вскричал Уинстон. Он смотрел на Даниельса туск-

лым взглядом. — Давнишний принцип оборотня! Организм, способный превращаться во все, что угодно. Существует древний миф...

— По-видимому, это был не миф, — мрачно произнес Даниельс.

— Два андроида действительно были синтезированы и отправлены в космос на исследовательских разведывательных кораблях.

— И вы думаете, что Блейк — один из них?

— Да, я так думаю. Сегодня Люкас показал, что они улетели, и с тех пор летописи молчат о них. Нет никаких упоминаний об их возвращении.

— Это просто бессмыслица, — возразил Уинстон. — Боже мой, прошло двести лет. Если б тогда сделали исправных андроидов, сейчас мир кишел бы ими. Нельзя же выпустить всего двух, а потом похерить весь проект.

— Можно, — отвечал Даниельс. — Если с этими двумя ничего не получилось. Давайте допустим, что не вернулись не только андроиды, но и корабли, на которых они полетели. Может быть, они просто исчезли и больше не подавали о себе вестей. Тогда не только не стали бы делать новых андроидов, но и засунули бы отчет о неудаче подальше. Вряд ли Космослужба хотела, чтобы кто-нибудь докопался до него.

— Но там не могли знать, что исчезновение кораблей как-то связано с андроидами. В старину, да и сейчас, корабли, бывает, не возвращаются.

Даниельс покачал головой.

— Один корабль — возможно. С одним кораблем может случиться все, что угодно. Но два корабля, имеющие нечто общее, два корабля с андроидами на борту... Тут любой сразу предположит, что причиной мог быть андроид. Или что андроид создал какие-то условия...

— Все это не внушает мне доверия. Я не хочу связываться с Космической Службой. Им вряд ли понравится, если мы попытаемся свалить все на них. Так или иначе, я не вижу связи между этой историей и превращением Блейка в волка, как вы считаете.

— Я уже говорил вам, что это не волк, — поправил его Даниельс. — Это инопланетное существо, похожее на волка. Допустим, принцип оборотня сработал не так, как они рассчитывали. Предполагалось, что андроид примет облик инопланетного существа, переработает данные, полученные от плененного инопланетянина, и проживет какое-то время в его шкуре. Потом постороннюю информацию сотрут, и он вновь станет гуманоидом, готовым к превращению во что-нибудь еще. Но допустим, что...

— Понятно, — сказал Уинстон. — Допустим, что это не сработало. Допустим, что постороннюю информацию стереть не удалось. Допустим, что андроид остался одновременно и человеком, и инопланетянином. Два существа в одном, и он по желанию способен становиться любым из них.

— Именно так я и думаю, сэр, — сказал Даниельс. — Но это не все. Мы сняли электроэнцефалограмму Блейка, и она показала, что у него как бы не один разум, а больше. В линиях мозга видны тени других разумов.

Уинстон поднялся из-за стола и принялся мерить шагами комнату.

— Надеюсь, что вы ошибаетесь, — сказал он. — Я думаю, что ошибаетесь. Это безумие...

— Но это единственное, чем можно объяснить случившееся, — настаивал Даниельс.

— Но один факт мы так и не можем объяснить. Блейка нашли замороженным, в капсуле. И никаких следов корабля. Никаких обломков. Как быть с этим?

— Никак, — ответил Даниельс. — Мы не можем знать, что случилось. Говоря об обломках, вы подразумеваете, что корабль был уничтожен, но мы не знаем, так ли это. Даже если и так, за двести лет обломки разлетелись бы далеко друг от друга. Может, некоторые из них находились недалеко от капсулы, но их не заметили. В космосе так бывает. Если предмет не отражает света, вы его не разглядите.

— Вы думаете, команда могла догадаться о том, что произошло с Блейком, заморозить его и, сунув в капсулу, катапультировать в пространство? Что это была единственная возможность избавиться от него, не замарав рук?

— Не знаю, сэр. У нас слишком широкий простор для догадок, и мы не способны с уверенностью определить, какая из них верна. Если команда поступила так, как вы сказали, и избавилась от Блейка, почему тогда не вернулся корабль? Объяснив одно, вы тут же сталкиваетесь с необходимостью объяснить что-то другое, а потом, возможно, и третье, и четвертое... По-моему, это безнадежное дело.

Уинстон прекратил вышагивать по комнате, вернулся к столу и сел в кресло. Он протянул руку к аппарату связи.

— Как звали человека, дававшего показания?

— Люкас. Доктор Люкас. Имени не помню. Оно должно быть в газетах. Оператор на коммутаторе наверняка знает его.

— По-моему, стоит пригласить сюда и сенаторов, если они смогут прийти. Гортон. Чандлер Гортон. А кто второй?

— Соломон Стоун.

— Хорошо, — сказал Уинстон. — Посмотрим, что они об этом думают. Они и Люкас.

— И Космическую Службу, сэр?

— Нет. Не сейчас. Сначала надо узнать побольше, а уж потом связываться с Космослужбой.

14

Щебенка предательски осыпалась под лапами Охотника, словно не желая пускать его к пещере, но все же ему удалось подняться и втиснуться в щель, а затем и повернуться головой к выходу.

Теперь, когда его бока и спина были защищены, он впервые ощутил себя более или менее в безопасности, при этом отдавая себе отчет, что

безопасность его — всего лишь иллюзия. Вполне вероятно, даже сейчас обитатели этой планеты продолжают охоту за ним, и тогда очень скоро они начнут прочесывать этот район. Ведь то металлическое создание — оно наверняка заметило его и неспроста бросилось за ним, рассекая воздух и высвечивая его горящими глазами. От воспоминания о том, как он едва успел укрыться за деревьями, Охотника передернуло. Всего несколько футов отделяло его от страшного существа, еще немного — и оно задавило бы его.

Он приказал телу расслабиться.

Его разум отправился на разведку, выискивая, собирая, проверяя информацию. Да, на планете существовала жизнь, и ее было куда больше, чем можно ожидать. Жизнь на уровне крошечных неподвижных организмов, не разделенных разумом, все действие которых сводилось к факту существования. Были и маленькие носители разума — подвижные, суетливые, настороженные, — интеллект этот оказался настолько слабым и бесплодным, что сознание их практически не поднималось над осмыслением собственной жизни и угрожающих ей опасностей. Одно из существ, жуткое, злобное и очень голодное, кого-то искало, охотилось, подталкиваемое красной волной убийства, пульсирующей у него в мозгу. Три других существа забились вместе в одно укрытие, и по ощущению довольства, уюта и теплоты, исходящих от них, было ясно, что укрытие вполне надежно и удобно. И еще другие существа, и еще, и еще... Это была жизнь, и некоторые формы ее обладали разумом. Но ничего похожего на то резкое, яркое и пугающее ощущение, которое вызывали существа, обитающие в наземных пещерах.

Запущенная планета, подумал Охотник, переполненная жизнью, водой, растительностью, со слишком плотным и тяжелым воздухом и чересчур жарким климатом. Мир, где нет ни покоя, ни безопасности, одно из тех мест, где постоянно надо держать наготове все чувства и где, несмотря на это, неизвестная опасность может проскользнуть через все заслоны и схватить тебя за горло. Приглушенно стонали деревья, и, вслушиваясь в эти звуки, Охотник не мог понять, от чего исходит стон. И, лежа в пещере и размышляя, он понял, что звук этот — шуршание листьев и скрежет ветвей, а сами деревья не способны издавать звуки, что деревья и прочая растительность на этой планете, называемой Землей, наделены жизнью, но не разумом и чувствами. И что пещеры были постройками, и что люди объединялись не в племена, а в ячейки, по признакам пола именуемые семьями, и что постройка, в которой живет семья, называется домом.

Информация нахлынула на него, словно цунами, сомкнулась над ним, и, на миг поддавшись панике, он вдруг почувствовал, что тонет в ней, но напрягся, рванулся вверх — и волна исчезла. Однако в его разуме осталось все знание о планете, каждый бит информации, которой владел Оборотень.

— Извини, — сказал Оборотень. — Следовало бы передать тебе все постепенно, чтобы ты ознакомился с данными и попробовал их классифици-

ровать, — но у меня не было времени. Пришлось дать тебе все сразу. Теперь это все твое.

Охотник окинул приобретенное знание оценивающим взглядом и содрогнулся при виде горы перемешавшихся, перепугавшихся между собой данных.

— Многие из них устарели, — сказал Оборотень. — Многого не знаю и сам. Сведения о планете, которые ты получил, состоят из того, что я знал двести лет назад, и узнанного после возвращения. Мне хочется, чтобы ты обязательно помнил: информацию эту нельзя считать исчерпывающей, а часть ее сегодня может оказаться просто бесполезной.

Охотник сел на каменный пол пещеры и еще раз прощупал темноту леса, подтянул, подправил сигнальную сеть, которую он развесил во всех направлениях.

Отчаяние охватило его. Тоска по родной планете со снежными и песчаными дюнами, на которую нет возврата. И, возможно, никогда не будет. Он обречен жить здесь, в этом хаосе жизни и опасностей, не зная, куда идти и что делать. Преследуемый доминирующим видом жизни на планете, видом, как выяснилось, куда более опасным, чем можно предположить. Существами коварными, безжалостными, нелогичными, отягощенными ненавистью, страхом и алчностью.

15

— Оборотень, — позвал он, — а что стало с тем моим телом, в котором я жил до того, как пришли вы, люди? Я помню, вы захватили его. Что вы с ним сделали?

— При чем здесь я? Я его не ловил. И ничего с ним не делал.

— Не надо со мной играть в вашу человеческую казуистику. Пусть не ты, не ты лично, и все же...

— Охотник, — сказал Мыслитель. — Мы все втроем в одной ловушке, если это можно считать ловушкой. Я склонен думать, что мы оказались в уникальной ситуации, которая, не исключено, обернется для нас выигрышем. У нас одно тело, а наши разумы так близки, как не были никогда близки другие разумы. И нам нельзя ссориться: между нами не должно быть разногласий, мы просто не можем себе их позволить. Мы должны установить между собой гармонию. И если есть какие-то разногласия, их надо устранить немедленно, чтобы они не дали о себе знать потом.

— Именно это, — сказал Охотник, — я и делаю. Выясняю то, что меня беспокоит. Что стало с тем первым мной?

— То первое тело, — ответил Оборотень, — подверглось биологическому анализу. Его исследовали, разложив на молекулы. Собрать его обратно невозможно.

— Другими словами, вы меня убили.

— Если ты предпочитаешь это слово.

— И Мыслителя?

— И Мыслителя тоже. Его первым.

— Мыслитель, — обратился Охотник, — и ты это принимаешь?

— У меня нет готового ответа. Я должен обдумать. Естественно, совершенное над личностью насилие должно вызывать неприятие. Однако я склонен рассматривать случившееся скорее как преображение, чем насилие. Если б со мной не произошло того, что произошло, я бы никогда не смог оказаться в твоем теле или соприкоснуться с твоим разумом. И твое знание, собранное со звезд, миновало бы меня, и это было бы прискорбно, поскольку ничего из него мне не было известно. А теперь давай возьмем тебя. Если бы люди не сделали с тобой того, что сделали, ты никогда не познал бы значения картин, которые ты наблюдал там, на звездах. Ты просто продолжал бы собирать их и наслаждаться ими и никогда, может быть, не задумался бы над ними. Я не могу представить себе ничего более трагичного — быть на пороге великой тайны и даже не задуматься над ней.

— Я не уверен, — сказал Охотник, — что предпочел бы тайну чуду.

— Неужели тебя не увлекает необычность ситуации? — спросил Мыслитель. — Мы трое — вместе. Три существа, столь разные, столь непохожие друг на друга. Ты, Охотник, буян и разбойник, коварный, хитроумный Оборотень и я...

— И ты, — добавил Охотник, — всезнающий, дальновидный...

— Правдоискатель, — закончил Мыслитель, — я только собирался сказать это.

— Если кому-то из вас будет легче, — сказал Оборотень, — я готов принести извинения за человеческую расу. Во многих отношениях люди мне нравятся не больше, чем вам.

— И правильно, — согласился Мыслитель. — Потому что ты не человек. Ты нечто, созданное людьми, ты агент человеческой расы.

— И все-таки, — возразил Оборотень, — надо же быть кем-то. Лучше я буду человеком, чем совсем никем. Одиночество невыносимо.

— Ты не одинок, — сказал Мыслитель. — Теперь нас трое.

— Все равно, — упрямился Оборотень, — я настаиваю на том, что я человек.

— Я не понимаю, — сказал Мыслитель.

— А я, кажется, понимаю, — сказал Охотник. — Там, в больнице, я почувствовал что-то такое, чего не ощущал никогда прежде, чего давным-давно не испытывал ни один охотник. Гордость расы и, более того, боевой дух расы, который был запрятан так глубоко во мне, что я о нем даже не подозревал. Мне кажется, Оборотень, что некогда моя раса была такой же задиристой, как твоя сегодня. Принадлежностью к такой расе надо гордиться. Она дает силу, осанку и в значительной мере самоуважение. Это нечто такое, чего Мыслителю и его виду никогда не ощутить.

— Моя гордость, если я таковой обладаю, — отозвался Мыслитель, — наверное, другого рода и проистекает из других мотивов. Но я ни в коей

степени не исключаю существования множества видов гордости.

Охотник вдруг обратил свое внимание на склон и на лес, встревоженный запахом опасности, которая проскользнула через расставленную им сигнальную сеть.

— Тихо! — приказал он.

Где-то вдалеке он уловил едва слышные сигналы и сосредоточился на них. Шли трое, три человека, затем их стало больше — целая шеренга людей прочесывала лес. И насчет того, что они ищут, сомневаться не приходилось.

Он перехватил размытые закраины их перекатывающихся волнами мыслей: люди были напуганы, но полны ярости и отвращения, усиленного ненавистью. Помимо злости и ненависти, их подгонял азарт погони, странное дикое возбуждение, которое заставляло их искать существо, ставшее причиной страха, — искать, чтобы найти и убить.

Охотник напряг тело и приподнялся, чтобы броситься прочь из пещеры. Есть только один способ спастись от этих людей, подумал он, — бежать, бежать, бежать.

— Подожди, — сказал Мыслитель.

— Сейчас они будут здесь.

— Не спеши. Они идут медленно. Возможно, есть лучшее решение. Нельзя убегать вечно. Одну ошибку мы уже сделали. Другой быть не должно.

— О какой ошибке ты говоришь?

— Нам не следовало превращаться в тебя. Надо было оставаться Оборотнем. Мы превратились, поддавшись слепому страху.

— Но мы тогда не знали. Увидели опасность и среагировали. Нам угрожали...

— Я мог что-нибудь придумать, — сказал Оборотень. — Но, может быть, так лучше. Меня уже подозревали. И наверняка установили бы за мной наблюдение. Или заперли бы. А так мы, по крайней мере, на свободе.

— Если будем и дальше убегать, — возразил Мыслитель, — нас хватит ненадолго. Их слишком много — слишком много на этой планете. От всех не спрятаться. Невозможно уклониться от всех и каждого. Математически шансы так малы, что на них не стоит рассчитывать.

— У тебя есть какая-то идея? — спросил Охотник.

— Предлагаю превратиться в меня. Я могу стать бугром или чем-то незаметным, например камнем в этой пещере. Когда они заглянут сюда, то ничего необычного не увидят.

— Погоди-ка, — сказал Оборотень, — идея неплохая, но могут возникнуть осложнения.

— Проблемы?

— Ты должен был бы уже разобраться. Не проблемы, а проблема. Климат планеты. Для Охотника здесь слишком жарко. Для тебя будет слишком холодно.

— Холод — это недостаток тепла?

— Да.

— Недостаток энергии?

— Правильно.

— Трудно сразу запомнить все термины, — сказал Мыслитель. — Все надо разложить по мысленным полочкам, усвоить разумом. Однако я могу выдержать немного холода. А ради общего дела постараюсь выдержать много холода.

— Дело не в том, выдержишь ты или нет. Конечно, ты можешь выдержать. Но для этого тебе потребуется огромное количество энергии.

— Когда в тот раз я возник в доме...

— Ты мог воспользоваться энергоснабжением дома. Здесь же энергию брать неоткуда, разве что из атмосферного тепла. Но и его становится все меньше и меньше, так как солнце давно село. Тебе придется рассчитывать на энергию тела. Внешних источников нет.

— Теперь понятно, — сказал Мыслитель. — Но ведь я могу принять такую форму, которая позволит сэкономить энергию тела. Я могу удержать ее. При превращении вся энергия, которая сейчас останется в теле, перейдет ко мне?

— Думаю, что да. Какая-то часть энергии уходит на само перевоплощение, но, мне кажется, небольшая.

— Как ты себя чувствуешь, Охотник?

— Мне жарко.

— Я не о том. Ты не устал? Не испытываешь нехватку энергии?

— Нет.

— Будем ждать, — объявил Мыслитель, — пока они не подойдут почти вплотную. Затем превращаемся в меня, а я становлюсь ничем или почти ничем. Безформенным комом. Лучше всего было бы растечься по стенам пещеры тонкой оболочкой. Но при такой форме я потрачу слишком много энергии.

— Они могут не заметить пещеру, — возразил Оборотень. — Могут пройти мимо.

— Нельзя рисковать, — сказал Мыслитель. — Я буду собой не дольше, чем это нам необходимо. Как только они пройдут, мы совершим обратное превращение. Если ты не ошибся в своих оценках.

— Попробуй просчитай сам, — предложил Оборотень. — Все данные я тебе передал. А физику и химию ты знаешь не хуже меня.

— Данными я, может быть, владею, Оборотень. Но не навыком использовать их. Ни твоим образом мышления, ни твоей способностью к математике, ни твоим умением так быстро схватывать универсальные принципы.

— Прекращайте болтовню, — нетерпеливо оборвал их Охотник. — Давайте решать, что нам делать. Они проходят, и мы превращаемся обратно в меня.

— Нет, — возразил Оборотень, — в меня.

— Но у тебя же нет одежды.

— Здесь это не играет роли.

— А ноги? Тебе нужна обувь. Кругом острые камни и палки. И потом, твои глаза не приспособлены к темноте.

— Они совсем близко, — предупредил Мыслитель.

— Ты прав, — сказал Охотник. — Они спускаются сюда.

16

До начала ее любимой трехмерной программы оставалось пятнадцать минут. Элин дожидалась ее целый день, потому что Вашингтон наскучил ей. Элин уже не терпелось вернуться поскорее в старый каменный дом среди холмов Вирджинии.

Она села, взяла журнал и принялась бесцельно листать его, когда вошел сенатор.

— Чем занималась сегодня? — спросил он.

— Какое-то время следила за ходом слушаний.

— Неплохой спектакль?

— Очень интересно. Не пойму только, зачем ты извлек на свет это дело двухсотлетней давности.

Он усмехнулся.

— Ну, наверное, отчасти для того, чтобы встряхнуть Стоуна. Я не могу смотреть на его физиономию. Думал, у него глаза лопнут.

— Он почти все время только и делал, что сидел и сверкал ими, — сказала Элин. — Ты, я полагаю, доказывал, что биоинженерия — вовсе не такая новая штука, как считает большинство людей.

Он сел в кресло, взял газету и взглянул на яркие заголовки.

— Да, — ответил он. — И еще я доказывал, что биоинженерия возможна, что она уже применялась, и довольно искусно, два столетия назад. И что, однажды с испугу забросив ее, мы не должны трусить снова. Подумать только, сколько времени мы потеряли — двести лет! У меня есть и другие свидетели, которые достаточно убедительно подчеркнут это обстоятельство.

Он встряхнул газету, расправляя ее, и принялся за чтение.

— Мать улетела благополучно? — спросил он.

— Да, самолет поднялся незадолго до полудня.

— На сей раз Рим, не так ли? Что там, кино, поэзия?

— Кинофестиваль. Кто-то отыскал старые фильмы, конца двадцатого века, кажется.

Сенатор вздохнул.

— Твоя мать — умная женщина, — сказал он. — И способна оценить такие вещи, а я, боюсь, нет. Она говорила, что возьмет тебя с собой. Возможно, тебе было бы интересно посмотреть Рим.

— Ты же знаешь, что мне это не интересно, — ответила она. — Ты

просто старый жулик: притворяешься, будто тебе нравится то, что любит мама, но тебе нет до этого никакого дела.

— Наверное, ты права, — согласился сенатор. — Что там по трехмернику? Может, я втиснусь в будку вместе с тобой?

— Тебе отлично известно, что места там вдоволь. Милости прошу. Я жду Горацио Элджера. Минут через десять начнется.

— Горацио Элджер? Это что такое?

— Ты бы, наверное, назвал это сериалом. Он никогда не кончается. Горацио Элджер — тот, кто его сочинил. Он написал много книг, давно, в первой половине двадцатого века, а может, еще раньше. Тогдашние критики считали, что это дрянные книжки, и, наверное, так оно и было. Но их читало множество людей, и, по-видимому, книги вызывали у них какой-то отклик. В них говорилось, как бедный парень разбогател, хотя все было против него.

— По-моему, пошлятина, — сказал сенатор.

— Вероятно. Но режиссеры и сценаристы взяли эти дрянные книжки и превратили в документ общественной жизни, вплетя в историю немало сатиры. Они чудесно воссоздали фон; декорации в большинстве своем относятся, я думаю, к концу девятнадцатого или началу двадцатого века. И не только предметный фон, но и социальный, и нравственный... Это были времена варварства, ты знаешь? В фильме человек попадает в такие положения, что кровь стынет...

Послышался гудок телефона, и видеоканал заморгал. Поднявшись с кресла, сенатор пересек комнату, а Элин устроилась поудобнее. Еще пять минут, и начнется передача. Хорошо, что сенатор будет смотреть с нею вместе. Она надеялась, что его не отвлекут какие-нибудь события вроде этого телефонного звонка, к примеру. Она листала журнал. За спиной у нее приглушенно звучали голоса собеседников.

— Я должен ненадолго уйти, — сказал, возвращаясь, сенатор.

— Горацио пропустишь.

Он покачал головой.

— В другой раз посмотрю. Звонил Эд Уинстон из Сент-Барнабаса.

— Из больницы? Что-то стряслось?

— Никто не болен, если ты об этом. Но Уинстон, похоже, в расстройстве. Говорит, надо встретиться. Не пожелал ввести меня в курс по телефону.

— Ты там ненадолго? Возвращайся пораньше. Тебе надо выспаться: эти слушания...

— Постараюсь, — сказал он.

Элин проводила его до двери, помогла надеть плащ и вернулась в гостиную.

Больница, подумала она. Услышанное пришлось ей не по нраву, какое отношение мог иметь сенатор к больнице? При мысли о больнице она всегда чувствовала себя не в своей тарелке. Не далее как сегодня Элин была в этой самой лечебнице. Она и не хотела идти туда, но теперь радова-

лась, что сходила. Бедняге Блейку действительно нелегко, думала она. Не знать, кто ты такой, не знать, что ты такое...

Она вошла в будку трехмерника и села в кресло; впереди и по бокам поблескивал вогнутый экран. Элин нажала кнопки, повернула диск, и экран заморгал, нагреваясь.

Странно, как это мать восторгается старинными фильмами, — плоскими, лишенными объема изображениями? И хуже всего, уныло подумала она, что люди, которые прикидываются, будто видят в старом какие-то великие ценности, в то же время выказывают притворное презрение к новейшим развлечениям, заявляя, что в них-де нет никакого искусства. Быть может, спустя несколько веков, когда разовьются новые формы развлечений, трехмерник тоже переживет свое второе рождение — как древнее искусство, которое недооценивали в пору его расцвета.

Экран перестал мигать, и Элин «очутилась» на улице в центре города. «... Никто пока не может предложить какое-либо объяснение тому, что произошло здесь менее часа назад, — услышала она чей-то голос. — Поступают противоречивые сообщения, но до сих пор нет двух полностью совпадающих версий. Больница начинает успокаиваться, но в течение некоторого времени здесь царил кавардак. Сообщают, что один пациент пропал, но эти сообщения нечем подкрепить. По свидетельству большинства очевидцев, какое-то животное — некоторые утверждают, что волк, — в ярости пронеслось по коридору, бросаясь на всех, кто стоял у него на пути. Один свидетель говорит, что из плеч волка, если это был волк, торчали руки. Прибывшая полиция открыла пальбу, изрешетив пулями приемный покой...»

Элин затаила дыхание. Сент-Бернабас! Это было в Сент-Барнабасе. Она была там, навещала Эндрю Блейка, и ее отец сейчас на пути туда. Что же происходит?

Элин привстала с кресла, но потом снова села. Она ничего не могла сделать. И не должна была делать. Сенатор сумеет позаботиться о себе: он всегда это умел.

Да и животное это, по-видимому, уже убежало из больницы. Если она немного подождет, то увидит, как ее отец вылезает из машины и поднимается по лестнице.

Она стояла, дрожа на ледяном ветру, дувшем вдоль улицы.

17

Скользя по осыпающейся щебенке, выстилавшей склон вокруг пещеры, люди приближались. Луч света пронзил каменную нишу.

Мыслитель уплотнился и ослабил поле. Он понимал, что поле может его выдать, но дальше ослаблять поле было нельзя, поскольку оно составляло часть самого Мыслителя, и без него он не мог существовать. Тем более здесь, в таких обстоятельствах, когда охлаждающаяся атмосфера с жадностью высасывает из него энергию.

Мы должны быть самими собой, подумал он. Нам не стать больше или меньше, чем мы есть, кроме как через долгий, медленный процесс эволюции, однако можно ли допустить, чтобы тысячелетия сплавили три различных разума в один? Чтобы этот разум был наделен эмоциями, которых я не имею, но осознаю, и холодной отстраненной логикой, которой не владеют мои компаньоны, но владею я, и обостренной пронзительностью Охотника, недоступной ни мне, ни Оборотню. Только слепая случайность свела наши три разума, поместила их в массу вещества, которое можно превратить в тело, — какова вероятность, что такое случилось бы в будущем само по себе? Результатом чего мы оказались — слепого случая или судьбы? Есть ли судьба? Что такое судьба? Возможно ли, что существует некий огромный, всеобъемлющий вселенский План и что ход событий, объединивший три разума, являет собой часть этого Плана, необходимый шаг в цепи шагов, которыми План приближается к своей невероятно далекой, но всегда существовавшей цели?

Камни осыпались под ногами, и, сопротивляясь стаскивающей его вниз силе тяжести, человек цеплялся за землю пальцами, отчего фонарик в его руке прыгал и вздрагивал, описывая лучом судорожные дуги.

Человек оперся локтем о карниз и заглянул в пещеру.

— О-хо, — выдохнул он и закричал: — Эй, Боб, здесь какой-то чудной запах. В пещере кто-то был. Совсем недавно.

Мыслитель расширил поле, резко двинув его вперед. Оно обрушилось на человека, словно кулак боксера, выбило из-под него локоть, удерживающий его на карнизе, и швырнуло прочь. Перевернувшись и потеряв опору, человек издал крик — один вопль ужаса, выдавленный легкими. Затем его тело рухнуло на склон и покатилось. Мыслитель чувствовал, как оно катится, увлекая за собой камни, — они осыпались, стуча по скале, и сухие сучья трещали и хрустели. Затем стук и треск прекратились, а снизу донесся всплеск.

Люди бросились вниз по склону, размахивая фонариками и высвечивая из темноты кусты и блестящие стволы деревьев.

Раздались голоса:

— Боб, с Гарри что-то случилось!

— Точно, он кричал.

— Он полетел вниз, в ручей. Я слышал, как он плюхнулся.

Стараясь замедлить головокружительный спуск по откосу, люди пронеслись мимо пещеры. Пять фонарей уже бешено шарили внизу под горой, и несколько человек бродили по ручью.

— А что теперь? — спросил Охотник. — Слышал, что он там вопил? Пока они отвлеклись, но кто-нибудь обязательно вспомнит про пещеру. Несколько человек поднимутся обратно. И могут начать стрелять сюда.

— Я тоже так думаю, — согласился Оборотень. — Они попытаются разобраться. Тот тип, который упал...

— Упал! — фыркнул Мыслитель. — Я столкнул его.

— Ну хорошо. Тот тип, которого ты столкнул, успел их предупредить.

Возможно, он учуял запах Охотника.

— Я не пахну, — обиделся Охотник.

— Ну, это уж слишком, — сказал Мыслитель. — У каждого из нас, я полагаю, тело обладает отличительным запахом. И твоя биологическая форма находилась здесь достаточно долго, чтобы ее запах пропитал пещеру.

— А может быть, это твой запах, — возразил Охотник. — Не надо забывать...

— Хватит, — оборвал их Оборотень. — Какая разница, кого из нас он учуял. Вопрос в том, что делать дальше. Мыслитель, ты смог бы превратиться во что-нибудь тонкое и плоское, выбраться отсюда и вскарабкаться по склону?

— Сомневаюсь. На этой планете слишком холодно. Я быстро теряю энергию. Если я увеличу площадь моего тела, энергия будет тратиться еще быстрее.

— Эту проблему нам как-то надо решать, — сказал Охотник. — Поддерживать в теле необходимый запас энергии. Оборотню придется есть за нас. Усваивая пищу, которая имеется на этой планете, он будет снабжать нас энергией. А для этого ему надо будет оставаться в его обличье по крайней мере столько, сколько требуется для пищеварения. Некоторыми источниками энергии может воспользоваться Мыслитель. Что касается меня, похоже, здесь нет пригодной для меня пищи, и моя жизненная форма, видимо...

— Все это так, — перебил Оборотень. — Но об этом еще будет время поговорить. А пока давайте решим, что делать сейчас. Судя по всему, нам надо превращаться в Охотника. Меня они заметят. Белое тело сразу бросится в глаза. Ты готов, Охотник?

— Конечно, готов, — отозвался Охотник.

— Отлично. Выползай из пещеры и двигайся вверх по склону. Спокойно и тихо. Но как можно быстрей. Их отряд весь собрался внизу, и, если ты себя не выдашь, мы вряд ли натолкнемся на кого-либо из них.

— Вверх? — спросил Охотник. — А куда потом?

— Беги по любой из дорог, — ответил Оборотень, — пока мы не встретим телефон-автомат.

18

— Если ваша мысль верна, — сказал Чандлер Гортон, — мы должны немедленно разыскать Блейка.

— Почему вы думаете, что это Блейк? — спросил главврач. — Не Блейк же убежал из больницы. Если Даниельс прав, то это инопланетное существо.

— Но там был и Блейк, — возразил Гортон. — Поначалу он мог принять облик инопланетного существа, но потом превратиться в Блейка.

Сенатор Стоун, нахохлившись в большом кресле, зашипел на Гортона:

— Если вас интересует мое мнение, то это чушь.

— Разумеется, нас интересует, что вы думаете, — отвечал Гортон. — Но мне очень хочется, Соломон, чтобы ваше мышление хоть раз принесло немного пользы.

— Какая тут может быть польза? — вскричал Стоун. — Это какая-то детская инсценировка. И я еще в ней не разобрался, но знаю, что так оно и есть. Я готов держать пари, что за всем этим стоите вы, Чандлер. Вечно вы выкидываете трюки. Вот и подстроили все, чтобы что-то доказать! Я больше чем уверен в этом. Я сразу понял, что дело нечисто, еще когда вы позвали в свидетели этого шута Люкаса.

— Доктора Люкаса, с вашего разрешения, сенатор, — поправил Гортон.

— Ладно, пусть доктора Люкаса. Что ему об этом известно?

— Давайте выясним, — сказал Гортон. — Доктор Люкас, что вам об этом известно?

Люкас сухо улыбнулся.

— Относительно случившегося в этой больнице — ровным счетом ничего. А что касается высказанного доктором Даниельсом мнения о происшедшем, я должен с ним согласиться.

— Но это лишь предположение, — подчеркнул Стоун. — Доктор Даниельс все это придумал. Браво! У него богатое воображение, но это не значит, что все произошло так, как ему кажется.

— Я должен обратить ваше внимание на то, что Блейк был пациентом Даниельса, — сказал главврач.

— И, следовательно, вы верите предположениям доктора.

— Не обязательно. Я не знаю, что и думать. Но если кто-то имеет право на мнение, так это доктор Даниельс.

— Давайте-ка немного успокоимся, — предложил Гортон, — и посмотрим, что у нас есть. По-моему, на выдвинутое сенатором обвинение в инсценировке вряд ли стоит отвечать, однако думаю, что мы должны согласиться: сегодня вечером здесь произошло нечто в высшей степени необычное. Кроме того, я не сомневаюсь, что решение созвать нас всех вместе далось доктору Уинстону нелегко. Он говорит, что не может составить обоснованное мнение, однако доктор, должно быть, чувствовал, что причина для беспокойства есть.

— Я по-прежнему так думаю, — сказал главврач.

— Как я понимаю, этот волк или что-то еще...

Соломон Стоун громко фыркнул. Гортон бросил на него ледяной взгляд.

— ... или что-то еще, — продолжал он, — перебежал через улицу в парк, и полиция погналась за ним.

— Совершенно верно, — сказал Даниельс. — Они там до сих пор стараются загнать его. Какой-то дурак водитель ослепил его фарами, когда он перебегал дорогу, и попытался задавить.

— Разве не ясно, что всему этому надо положить конец? — сказал Гортон. — Похоже, вся округа сорвалась с катушек...

— Поймите, — объяснил главврач, — все это выглядело сплошным безумием. Никто не мог сохранить хладнокровие.

— Если Блейк — то, чем считает его Даниельс, — сказал Гортон, — мы должны вернуть его. Мы потеряли двести лет развития человеческой биоинженерии только потому, что проект Космической Службы, как считали, провалился. И поэтому его замалчивали. И замалчивали, надо подчеркнуть, настолько успешно, что о нем забыли. Миф, легенда — вот и все, что от него осталось. Однако теперь видно, что проект не был неудачным. И где-то в лесах сейчас, должно быть, бродит доказательство его успеха.

— Провалиться-то он провалился, — сказал доктор Люкас. — Он не сработал так, как хотела Космическая Служба. Думается, догадка Даниельса верна: если характеристики инопланетянина введены в андроида, их не сотрешь. Они стали постоянным свойством самого андроида. И вот он превратился в два существа — человека и инопланетянина. Во всех отношениях — как в телесном, так и с точки зрения устройства своего разума.

— Кстати, о разуме, сэр. Будет ли мышление андроида искусственным? — спросил главврач. — Я имею в виду специально разработанный и введенный в него разум.

Люкас покачал головой.

— Сомневаюсь, доктор. Это довольно еще сырой метод. В отчетах — по крайней мере, в тех, что я видел, — об этом не упоминается, но я предполагаю, что в мозг андроида был введен разум реального человека. Даже в те времена такое оказалось технически осуществимым. Как давно были созданы банки разума?

— Триста с небольшим лет назад, — ответил Гортон.

— Значит, технически они могли осуществить такой перенос. Построение же искусственного разума и сегодня трудное дело, а двести лет назад — и подавно. Думаю, что даже сейчас нам неизвестны все составляющие, необходимые для изготовления уравновешенного разума — такого, который можно назвать человеческим. Слишком много для этого нужно. Мы могли бы синтезировать разум — наверное, могли бы, но это был бы странный разум, порождающий странные поступки, странные чувства. Он не был бы целиком человеческим, не дотягивал бы до человеческого, а может быть, превосходил бы его.

— Значит, вы думаете, что Блейк носит в своем мозгу дубликат разума какого-то человека, жившего в те времена, когда Блейка создавали? — спросил Гортон.

— Я почти уверен в этом, — ответил Люкас.

— И я тоже, — сказал главврач.

— В таком случае он человек, — проговорил Гортон. — Или, по крайней мере, обладает разумом человека.

— Я не знаю, как иначе они могли снабдить его разумом, — произнес Люкас.

— И тем не менее это чепуха, — сказал сенатор Стоун. — Сроду не слыхал такой чепухи.

Никто не обратил на него внимания. Главврач посмотрел на Гортона.

— По-вашему, вернуть Блейка жизненно необходимо?

— Да. Пока полиция не убила его, или ее, или в каком он там теле... Пока они не загнали его в такую дыру, где мы его и за несколько месяцев не найдем, если вообще найдем.

— Согласен, — сказал Люкас. — Подумайте только, сколько он может нам рассказать. Подумайте, что мы можем узнать, изучив его. Если Земля собирается заняться программой человеческой биоинженерии — ныне или в будущем, — тому, что мы сможем узнать от Блейка, цены не будет.

Главврач озадаченно покачал головой.

— Но Блейк — особый случай. Организм с незамкнутыми цепями. Насколько я понимаю, предложенная биоинженерная программа не предусматривает создания таких существ.

— Доктор, — сказал Люкас, — то, что вы говорите, верно, однако любой организованный синтетический...

— Вы тратите время попусту, господа, — сказал Стоун. — Никакой программы человеческой биоинженерии не будет. Я и кое-кто из моих коллег намерены позаботиться об этом.

— Соломон, — устало сказал Гортон, — давайте отложим заботы о политической стороне дела. Сейчас в лесах бродит перепуганный человек, и мы должны найти способ дать ему знать, что не хотим причинить ему вреда.

— И как вы предполагаете это осуществить?

— Ну, это, я думаю, нетрудно. Отзовите загонщиков, потом опубликуйте эти сведения, подключите газеты, электронные средства информации и...

— Думаете, волк будет читать газеты или смотреть трехмерник?

— Скорее всего, он не останется волком, — сказал Даниельс. — Я убежден, что он опять превратится в человека. Наша планета может причинить неудобства инопланетному существу...

— Господа, — сказал главврач. — Прошу внимания, господа.

Все повернулись к нему.

— Мы не можем этого сделать. В такого рода истории больница будет выглядеть нелепо. И так все плохо, а тут еще оборотень! Разве не ясно, какие будут заголовки? Разве не ясно, как повеселится за наш счет пресса?

— А если мы правы? — возразил Даниельс.

— То-то и оно. Мы не можем быть уверенными в своей правоте. У нас может быть сколько угодно причин считать себя правыми, но этого все равно недостаточно. В таком деле нужна стопроцентная уверенность, а у нас ее нет.

— Значит, вы отказываетесь опубликовать такое объявление?

— От имени больницы не могу. Если Космическая Служба даст на то

свое разрешение, я соглашусь. Но сам я не могу. Даже если правда на моей стороне, все равно Космослужба обрушится на меня, как тонна кирпича. Они поднимут жуткий скандал...

— Несмотря на то, что прошло двести лет?

— Несмотря на это. Разве не ясно, что, если Блейк и вправду то, чем мы его считаем, он принадлежит Космослужбе? Пусть они и решают. Он — их детище, а не мое. Они заварили эту кашу и...

Комната наполнилась громовым хохотом Стоуна.

— Не смотрите на него, Чандлер. Идите и расскажите все газетчикам сами. Разнесите эту весть. Докажите нам, что вы не робкого десятка. Боритесь за свои убеждения. Надеюсь, это вам под силу.

— Уверен, что так, — ответил Гортон...

— Только попробуйте, — вскричал Стоун. — Одно слово на людях, и я подниму вас на воздух! Так высоко, что вы и за две недели не вернетесь на Землю!

19

Настырные гудки телефона наконец-то пробились в созданный трехмерником мир иллюзий. Элин Гортон встала, вышла из будки. Телефон попискивал, видеоэкран сверкал нетерпеливыми вспышками. Элин добралась до него, включила аппарат на прием и увидела обращенное к ней лицо, слабо освещенное плохонькой лампочкой в потолке телефона-автомата.

— Эндрю Блейк? — в изумлении вскричала она.

— Да, это я. Видите ли...

— Что случилось? Сенатора вызвали в...

— Кажется, у меня маленькие неприятности, — сказал Блейк. — Вы, вероятно, слышали о происшедшем.

— Вы о больнице? Я немного посмотрела, но смотреть оказалось не на что. Какой-то волк. И, говорят, исчез один из пациентов, кажется... — Она задохнулась. — Один из пациентов исчез! Это они о вас, Эндрю?

— Боюсь, что да. И мне нужна помощь. И вы — единственная, кого я знаю, кого могу попросить...

— Что я должна сделать, Эндрю? — спросила она.

— Мне нужна какая-нибудь одежда, — сказал он.

— Вы что же, покинули лечебницу без одежды? На улице же холодно...

— Это длинная история, — сказал он. — Если вы не хотите мне помочь, так и скажите. Я пойму. Мне неохота впутывать вас, но я понемногу замерзаю. И я бегу...

— Убегаете из больницы?

— Можно сказать, да.

— Какая нужна одежда?

— Любая. На мне ничего нет.

На миг она заколебалась. Может, попросить у сенатора? Но его нет

дома. Он не вернулся из больницы, и неизвестно, когда вернется.

Когда она заговорила снова, голос ее звучал спокойно и четко:

— Дайте-ка сообразить. Вы исчезли из больницы, без одежды, и не собираетесь возвращаться. По вашим словам, вы в бегах. Значит, кто-то за вами охотится?

— Какое-то время за мной гналась полиция, — ответил он.

— Но сейчас не гонится?

— Нет, не гонится. Мы от них ускользнули.

— Мы?

— Я оговорился. Я хочу сказать, что улизнул от них.

Она глубоко вздохнула, набираясь решимости.

— Где вы?

— Точно не знаю. Город изменился с тех пор, когда я знал его. Думаю, я на южном конце старого Тафтского моста.

— Оставайтесь там, — сказала она. — И ждите мою машину. Я замедлю ход и буду высматривать вас.

— Спасибо...

— Минутку. Я тут подумала... Вы из автомата звоните?

— Совершенно верно.

— Чтобы такой телефон действовал, нужна монетка. Где же вы ее взяли, коли на вас нет одежды?

На его лице появилась грустная улыбка.

— Монетки тут падают в маленькие коробочки. Я воспользовался камнем...

— Вы разбили коробочку, чтобы достать монетку и позвонить по телефону?

— Преступник, да и только, — сказал он.

— Ясно. Тогда лучше дайте мне номер телефонной будки и держитесь поблизости, чтобы я могла позвонить, если не сумею отыскать вас.

— Сейчас, — он взглянул на табличку над телефоном и вслух прочел номер. Элин отыскала карандаш и записала цифры на полях газеты.

— Вы понимаете, что искушаете судьбу? — спросила она. — Я держу вас на привязи у телефона, а по номеру можно узнать, где он.

Блейк скорчил кислую мину.

— Понимаю, но приходится рисковать. У меня же нет никого, кроме вас.

20

— Человек, с которым ты говорил, женская особь? — спросил Охотник. — Она женщина, правильно?

— Женщина, — подтвердил Оборотень. — Еще какая. Я имею в виду, что красивая женщина.

— Мне трудно ухватить оттенки смысла, — сказал Мыслитель. — Я не

сталкивался раньше с этим понятием. Женщина — это существо, к которому можно выражать свою приязнь? Влечение, насколько я могу судить, должно быть взаимным. Женщине можно доверять?

— Когда как, — ответил Оборотень. — Это зависит от многих вещей.

— Твое отношение к самкам мне непонятно, — проворчал Охотник. — Что они такое? Не более чем продолжатели рода. В соответствующий момент и время года...

— Твоя система неэффективна и отвратительна, — добавил Мыслитель. — Когда мне надо, я сам продолжаю самого себя. Вопрос, который я задал, связан не с социальной или биологической ролью женщины, а с тем, можем ли мы довериться именно ей?

— Не знаю, — ответил Оборотень. — Думаю, что да. И я уже на это сделал ставку.

Дрожа от холода, он укрылся за кустами. Зубы начинали выбивать дробь. С севера дул ледяной ветер. Впереди, напротив Блейка, стояла телефонная будка с чуть подсвеченной тусклой надписью. За будкой тянулась пустынная улица, по которой изредка с шуршанием проносились наземные автомобили.

Блейк присел на корточки, вжимаясь в кусты. Господи, подумал он, ну и положение! Сидеть здесь голым, наполовину окоченевшим и ждать девушку, которую видел всего два раза в жизни, и почему-то надеяться, что она принесет ему одежду.

Он вспомнил телефонный звонок и поморщился. Ему пришлось собрать всю свою решимость, чтобы заставить себя позвонить, и, если б она не стала с ним разговаривать, он бы не осудил ее. Но она выслушала его. Испуганно, конечно, и, может быть, с некоторым недоверием, как любой бы на ее месте. Когда звонит едва знакомый человек и обращается с дурацкой просьбой. Никаких обязательств перед ним у нее не было. Он это понимал. Но еще более нелепой ситуацию делало то, что Блейк уже второй раз вынужден просить у дочери сенатора одежду, чтобы было в чем идти домой. Только в этот раз к себе он не пойдет. Полиция наверняка уже караулит у дома.

Дрожа и тщетно пытаясь сохранить тепло тела, Блейк обхватил себя руками. С неба донесся рокот, и он быстро посмотрел вверх. Над деревьями, постепенно снижаясь, — по всей видимости, направляясь на одну из посадочных площадок города, — летел дом. В окнах горел свет, смех и музыку слышно было даже на земле. Счастливые, беззаботные люди, подумал Блейк, а он сидит тут, скорчившись и окоченев от холода.

Ну а что потом? Что делать им троим? После того, как он получит одежду?

Судя по Элин, средства массовой информации еще не объявили, что он тот самый человек, который сбежал из клиники. Но еще несколько часов — и сообщение появится. И тогда его лицо будет красоваться на каждой газетной странице. На каждом экране. В этом случае рассчитывать на то, что его не узнают, не приходится. Конечно, тело можно передать

Мыслителю или Охотнику, и проблема опознания отпадет, но при этом любому из них надо будет избегать человеческого общества еще тщательней, чем ему. И климат против них — для Мыслителя слишком холодный, для Охотника чересчур жаркий, — и еще одна сложность, связанная с тем, что поглощать и накапливать необходимую для тела энергию мог только он. Возможно, существует пища, с которой справится Охотник, но, чтобы выяснить это, ее надо найти и попробовать. Есть места, расположенные вблизи энергоисточников, и Мыслитель мог бы там зарядиться, но добраться до них и при этом остаться незамеченным очень трудно.

А может, самое безопасное сейчас — попытаться связаться с Даниельсом? Блейк подумал и решил, что такой шаг будет наиболее разумным. Ответ, который он получит, известен заранее — вернуться в больницу. А больница — это западня. Там на него обрушат бесконечные интервью и, вероятно, подвергнут лечению. Его освободят от заботы о самом себе. Его станут вежливо охранять. Его сделают пленником. А он должен остаться собой.

Кем это — «собой»? Это значит, конечно, не только человеком, но и теми двумя существами. Даже если бы он захотел, ему никогда не избавиться от двух других разумов, которые вместе с ним владеют данной массой веществ, служащей им телом. И, хотя ему прежде не приходилось об этом задумываться, Блейк знал: он не желает избавляться от этих разумов. Они так близки ему, ближе, чем что-либо в прошлом и настоящем. Это друзья или не совсем друзья, а, скорее, партнеры, связанные единой плотью. Но даже если б они не были друзьями и партнерами, существовало еще одно соображение, которое он не мог не принимать во внимание. Именно Блейк, и никто иной, втянул их в эту невероятную ситуацию, и потому у него нет другого пути, кроме как быть с ними вместе до конца.

Интересно, приедет Элин или сообщит в полицию и клинику? И даже если она выдаст его, он не сможет ее осудить. Откуда ей знать, не свихнулся ли он слегка, а может, и не слегка? Не исключено, что она донесет на него, полагая, что действует ему во благо. В любой момент можно ждать сирены полицейской машины, которая извергнет из себя ораву блюстителей порядка.

— Охотник, — позвал Оборотень, — похоже, у нас неприятности. Она слишком задерживается.

— Что-нибудь придумаем. Подведет нас она — найдем другой выход.

— Если появится полиция, — сказал Оборотень, — превращаемся в тебя. Мне от них ни за что не убежать. В темноте я плохо вижу, ноги сбиты, а...

— В любой момент, — согласился Охотник. — Я готов. Только дай знать.

Внизу, в поросшей лесом долине, захныкал енот. Волна дрожи прокатилась по телу Блейка. Еще десять минут, решил он. Дай ей еще десять минут. Если за это время она не появится, мы отсюда уходим.

Жалкий и растерянный, Блейк сидел в кустах, физически ощущая свое

одиночество. Чужак, подумал он. Чужак в мире существ, форму которых имеет. А есть ли вообще для него место, спросил Блейк себя, не только на этой планете, но во Вселенной? «Я человек, — сказал он тогда Мыслителю. — Я настаиваю на том, что я человек». А по какому, собственно, праву настаивает?

Время тянулось медленно. Енот молчал. Где-то в лесу обеспокоенно чирикнула птица — какая опасность, реальная или почудившаяся, разбудила ее?

На мостовой показалась машина. Остановилась у тротуара напротив телефонной будки. Мягко просигналил гудок.

Блейк поднялся из-за кустов и помахал рукой.

— Я здесь, — крикнул он.

Дверца открылась, и из машины вышла Элин. В тусклом свете телефонной будки он узнал ее — этот овал лица, эти прекрасные темные волосы. В руке она несла сверток.

Элин прошла мимо телефонной будки и направилась к кустам. Не доходя трех метров, остановилась.

— Эй, лови, — сказала она и бросила сверток.

Негнущимися от холода пальцами Блейк развернул его. Внутри были сандалии на твердой подошве и черная шерстяная туника с капюшоном.

Одевшись, Блейк вышел из кустов к Элин.

— Спасибо, — сказал он. — Я почти заледенел.

— Извините, что так долго, — произнесла она. — Я так переживала, что вы здесь прячетесь. Но надо было все собрать.

— Все?

— То, что вам понадобится.

— Не понимаю...

— Вы ведь сказали, что убегаете от преследователей. Значит, вам нужна не только одежда. Пойдемте в машину. У меня включен обогреватель. Там тепло.

— Нет, — отпрянул Блейк. — Неужели вам не ясно? Я не могу допустить, чтобы вы впутались в это еще больше. Я вам и так очень обязан...

— Ерунда, — сказала она. — Каждый день положено делать доброе дело. Мое сегодняшнее — это вы.

Блейк плотнее завернулся в тунику.

— Послушайте, — сказала она, — вы же совсем замерзли. Ну-ка, забирайтесь в машину.

Он заколебался. Согреться в теплом салоне было заманчиво.

— Пойдемте, — позвала она.

Блейк подошел с ней к автомобилю, подождал, пока она усядется на водительское сиденье, затем сел сам и закрыл дверцу. Струя теплого воздуха ударила его по лодыжкам.

Она включила передачу, и машина покатилась вперед.

— На одном месте нельзя стоять, — объяснила она. — Кто-нибудь может заинтересоваться или донести. А пока мы на ходу, никаких вопросов.

У вас есть место, куда я могла бы вас отвезти?

Блейк покачал головой. Он даже не задумывался, куда деваться дальше.

— Может быть, выехать из Вашингтона?

— Да-да, — согласился он. Выбраться из Вашингтона — для начала уже неплохо.

— Можете рассказать мне, в чем дело, Эндрю?

— Вряд ли, — сказал он. — Если я вам расскажу, вы скорее всего остановитесь и вышвырните меня из машины.

— В любом случае не стоит так драматизировать, — рассмеялась она. — Сейчас я развернусь и поеду на запад. Не возражаете?

— Не возражаю. Там есть где спрятаться.

— А как долго, по-вашему, вам придется прятаться?

— Если б я знал, — ответил он.

— Знаете, что я думаю? Я не верю, что вы вообще сможете спрятаться. Ваш единственный шанс — все время двигаться, нигде не задерживаясь подолгу.

— Вы все продумали?

— Просто здравый смысл подсказывает. Туника, которую я вам принесла, — одна из папиных шерстяных, он ими очень гордится, — такую одежду носят студенты-бродяги.

— Студенты-бродяги?

— Ой, я все забываю. Вы же еще не успели освоиться. Они не настоящие студенты. Бродячие артисты. Бродят повсюду, одни из них рисуют, другие пишут книги, третьи сочиняют стихи. Их не много, но и не так уж мало, и их принимают такими, какие они есть. Внимания на них, конечно, никто не обращает. Так что можете опустить капюшон, и ваше лицо никто не разглядит. Да и вряд ли станет разглядывать

— Вы советуете мне сделаться студентом-бродягой?

— Я приготовила вам старый рюкзак, — продолжала она, не обращая внимания на его слова. — Именно с такими они и ходят. Несколько блокнотов, карандашей, пару книг вам почитать. Лучше взгляните на них, чтобы представлять, о чем они. Нравится вам или нет, но придется стать писателем. При первой возможности нацарапайте страницу-другую. Чтобы, если кто заинтересуется, не к чему было придраться.

Блейк расслабленно шевелился в кресле, впитывая тепло. Элин повернула на другую улицу и теперь ехала на запад. На фоне неба громоздились силуэты многоквартирных башен.

— Откройте вон то отделение справа, — сказала она. — Вы наверняка проголодались. Я приготовила несколько сандвичей и кофе — там полный термос.

Он сунул руку в отделение, достал пакет, разорвал его и извлек сандвич.

— Я в самом деле проголодался, — признался он.

— Надо думать, — сказала она.

Автомобиль неторопливо катился вперед. Многоквартирных домов встречалось все меньше. Тут и там вдоль дороги возникали поселки, составленные из летающих коттеджей.

— Я могла бы увести для вас леталку, — сообщила она. — Или даже автомобиль. Но их легко обнаружить по регистрационной лицензии. Зато на человека, который бредет пешком, никто не обращает внимания. Так вам будет безопаснее.

— Элин, — спросил он, — почему вы все это для меня делаете?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Наверное, потому, что вам столько досталось. Притащили из космоса, засунули в больницу, где начались все эти проверки и анализы. Ненадолго выпустили попастись в деревушке, затем снова заперли.

— Они старались помочь мне, как могли.

— Я понимаю. Но вряд ли это было вам приятно. Поэтому я не осуждаю вас за то, что вы сбежали, как только подвернулась возможность.

Некоторое время они ехали молча. Блейк съел сандвичи, запил кофе.

— Кстати, о волке, — вдруг спросила она. — Вы ничего не знаете об этом? Говорят, там был волк.

— Насколько мне известно, никакого волка там не было, — ответил он. А про себя, оправдываясь, подумал, что формально он не солгал: Охотник действительно не волк.

— В клинике все в шоке, — сказала она. — Они позвонили сенатору и попросили приехать.

— Из-за меня или из-за волка? — поинтересовался он.

— Не знаю. Сенатор еще не вернулся, когда я уезжала.

Они подъехали к перекрестку, и Элин сбросила скорость, свернула на обочину и остановилась.

— Все, дальше везти вас я не могу, — сказала она. — Мне надо успеть вернуться домой.

Блейк открыл дверцу, но, прежде чем выйти, повернулся.

— Спасибо, — произнес он. — Вы мне так помогли. Надеюсь, когда-нибудь...

— Еще минутку, — остановила его она. — Вот ваш рюкзак. Там вы найдете немного денег...

— Но подождите...

— Нет, это вы подождите. Деньги вам понадобятся. Сумма небольшая, но на какое-то время вам хватит. Это из моих карманных. Когда-нибудь вернете.

Он нагнулся, взял рюкзак за лямку, перебросил через плечо.

— Элин... — произнес Блейк неожиданно севшим голосом, — я не знаю, что сказать.

Полумрак салона скрывал расстояние, приближая ее к нему. Не сознавая, что делает, он притянул Элин к себе одной рукой. Затем склонился и поцеловал ее. Ее ладонь легла ему на затылок.

Когда они оторвались друг от друга, Элин посмотрела не него уверенным взглядом.

— Я не стала бы тебе помогать, — сказала она, — если бы ты мне не понравился. Я верю тебе. Мне кажется, ты не делаешь ничего такого, чего надо было бы стыдиться.

Блейк промолчал.

— Ну, ладно, — сказала она. — Тебе пора, путник в ночи. Позже, когда сможешь, дай мне знать о себе.

21

Закусочная стояла на острие V-образной развилки, от которой дорога шла в двух разных направлениях. В призрачной предрассветной мгле красная вывеска над крышей казалась розовой. Прихрамывая, Блейк ускорил шаг. Здесь можно было отдохнуть, обогреться и перекусить. Бутерброды, которыми снабдила его Элин, помогли ему прошагать без остановки всю ночь, но теперь он снова проголодался. Когда наступит утро, он должен будет найти какое-нибудь местечко, где можно и укрыться, и отоспаться. Может быть, стог сена. Интересно, думал он, остались ли еще стога сена, или даже такие простые вещи, как стога, уже исчезли с лица Земли с тех пор, когда он ее знал?

Северный ветер яростно хлестал его, и Блейк натянул капюшон накидки на лицо. Бечевка мешка натирала плечо, и он попытался устроить его поудобнее, отыскать еще не натертый клочок кожи.

Наконец он добрался до забегаловки, пересек стоянку перед входом и поднялся по короткой лестнице к двери. В закусочной было пусто. Поблескивала отполированная стойка, в свете рядком протянувшихся по потолку ламп ярко сиял хром кофейника.

— Как поживаете? — спросила Закусочная голосом храброй и бойкой официантки. — Чего бы вы хотели на завтрак?

Блейк огляделся, но никого не увидел и только тогда оценил положение. Еще одно здание-робот, наподобие летающих домов.

Протопав по полу, он уселся на один из табуретов.

— Оладьи, — сказал он, — немного ветчины и кофе.

Он высвободил плечо из лямки мешка и опустил его на пол рядом с табуретом.

— Рано утречком на прогулочку? — спросила Закусочная. — Только не говорите мне, будто шагали всю ночь напролет.

— Нет, не шагал, — ответил Блейк. — Просто рано встал.

— Что-то вас, парни, последнее время совсем не видно, — заявила Закусочная. — Чем вы занимаетесь, приятель?

— Пописываю, — ответил Блейк. — Во всяком случае, пытаюсь.

— Ну что ж, — рассудила Закусочная, — так хоть страну посмотришь. А я-то все тут торчу и никогда ничего не вижу. Только разговоры слушаю.

Но не подумайте, что мне это не нравится, — торопливо добавила она. — Хоть мозги чем-то заняты.

Из патрубка на сковороду с ручкой выпал ком теста, потом горловина передвинулась вдоль канавки, выпустила еще два комка и со щелчком вернулась на место. Металлическая рука, прикрепленная рядом с кофейником, разогнулась, вытянулась и передвинула рычаг над сковородой. Три ломтя ветчины скользнули на сковороду, рука ловко опустилась и отделила их один от другого, уложив ровным рядком.

— Кофе сейчас подать? — спросила Закусочная.

— Если можно, — ответил Блейк. Металлическая рука схватила чашку, поднесла к носику кофейника и подняла вверх, включая патрубок. Потек кофе, чашка наполнилась, рука повернулась и установила ее перед Блейком, затем нырнула под прилавок, достала ложку и вежливо пододвинула поближе сахарницу.

— Сливок? — спросила Закусочная.

— Нет, спасибо, — ответил Блейк.

— Позавчера такую историю слыхала — закачаешься, — сказала Закусочная. — Один парень заходил, рассказывал. Похоже, что...

За спиной у Блейка открылась дверь.

— Нет! Нет! — закричала Закусочная. — Убирайся вон. Сколько раз тебе говорить: не входи, когда у меня посетители.

— Я и зашел, чтобы встретиться с твоим посетителем, — ответил скрипучий голосок. Услышав его, Блейк резко обернулся.

В дверях стоял Брауни; его маленькие глаза поблескивали на мышиной мордочке, по бокам куполообразной головы торчали увенчанные кисточками ушки. Штанишки на нем были в зеленую и розовую полоску.

— Я его кормлю, — запричитала Закусочная. — Притерпелась уже. Говорят, когда один из них живет поблизости, это к счастью. Но от моего мне одно горе. Он хитрющий, он нахальный, он меня не уважает...

— Это потому, что ты важничаешь и подделываешься под людей, — сказал Брауни. — И забываешь, что ты не человек, а лишь его заменитель, захапавший себе хорошую работу, которую мог бы делать человек. Почему, спрашивается, кто-то должен тебя уважать?

— Больше ты от меня ничего не получишь! — закричала Закусочная. — И не будешь тут ночевать, когда холодно. Довольно, я сыта тобой по горло!

Брауни пропустил эту тираду мимо ушей и проворно засеменил по полу. Остановившись, он церемонно поклонился Блейку.

— Доброе утро, досточтимый сэр. Надеюсь, я застал вас в добром здравии.

— В очень добром, — подтвердил Блейк. Веселость боролась в нем с дурными предчувствиями. — Не позавтракаете ли со мной?

— С радостью, — сказал Брауни, вскакивая на табурет рядом с Блейком и устраиваясь на нем как на насесте; ноги Брауни болтались, не доставая до пола.

— Сэр, — сказал он, — я буду есть то же, что и вы. Пригласить меня — очень любезно и великодушно с вашей стороны, ибо я совсем оголодал.

— Ты слышала, что сказал мой друг, — обратился Блейк к Закусочной. — Он хочет того же, что и я.

— И вы это оплатите? — осведомилась Закусочная.

— Разумеется, оплачу.

Механическая рука поднялась и пододвинула оладьи к краю сковороды, перевернув их. Из патрубка полезли новые комья теста.

— Какое блаженство питаться по-человечески, — доверительно сообщил Брауни Блейку. — Люди дают мне в основном отходы. И хоть голод — не тетка, внутренности мои иногда требуют большей разборчивости в пище.

— Не позволяйте ему присасываться к вам, — предостерегла Блейка Закусочная. — Завтраком угостите, коль уж обещали, но потом отвадьте его. Не давайте сесть себе на шею, не то всю кровь высосет.

— У машин нет чувств, — сказал Брауни. — Им неведомы прекрасные порывы. Они безучастны к страданиям тех, кому призваны служить. И у них нет души.

— И у вас тоже, варвары инопланетные! — в ярости вскричала Закусочная. — Ты обманщик, бродяга и лодырь. Ты безжалостно паразитируешь за счет человечества, ни удержу не зная, ни благодарности!

Брауни скосил на Блейка свои хомячьи глазки и с безнадежным видом воздел руки горе, держа их ладошками кверху.

— Да, да, — удрученно проговорила Закусочная. — Каждое мое слово — истинная правда.

Рука забрала первые три оладьи, положила их на тарелку рядом с ветчиной, нажала кнопку и с большой ловкостью подхватила три вылетевшие из лотка кусочка масла. Поставив тарелку перед Блейком, рука метнулась под стойку и вытащила оттуда кувшин с сиропом.

Носик Брауни блаженно задрожал.

— Пахнет вкусно, — сказал он.

— Не вздумай умыкнуть! — вскричала Закусочная. — Жди, когда твои будут готовы!

Издалека донеслось тихое жалобное блеяние. Брауни замер, уши его подскочили и задрожали. Блеяние повторилось.

— Еще один! — заорала Закусочная. — Им положено издали оповещать нас, а не сваливаться как снег на голову. И тебе, паршивому прохиндею, полагается быть на улице, слушать и караулить их появление. За это я тебя и кормлю.

— Еще слишком рано, — сказал Брауни. — Следующий должен пройти только поздно вечером. Им положено рассредоточиваться по разным дорогам, чтобы не перегружать какую-то одну.

Снова прозвучала сирена — на этот раз громче и ближе. Одинокий жалобный звук прокатился по холмам.

— Что это? — спросил Блейк.

— Крейсер, — ответил ему Брауни. — Один из этих больших морских сухогрузов. Он вез свой груз от самой Европы, а может, из Африки, а около часа назад вышел на берег и едет по дороге.

— Ты хочешь сказать, что он не останавливается, добравшись до берега?

— А почему он должен останавливаться? — удивился Брауни. — Он передвигается по тому же принципу, что и сухопутные машины — на подушке из воздуха. Он может идти и по воде, и посуху. Подходит к берегу и, не задерживаясь, прет себе по дороге.

Послышался скрежет и грохот металла о металл. Блейк увидел, как с внешней стороны окон скользят большие стальные ставни. От стены отделились скобы на шарнирах и потянулись к двери, чтобы затворить ее поплотнее. Вой сирены уже наполнил помещение, а вдалеке что-то жутко завыло, как будто мощный ураган несся над землей.

— Все задраено! — заорала Закусочная, перекрывая шум. — Ложитесь-ка лучше на пол, ребята. Судя по звуку, махина здоровая!

Здание тряслось, зал едва не лопался от наполнившего его оглушительного шума, похожего на рев водопада. Брауни забился под табурет и держался изо всех сил, обхватив обеими ручонками металлическую стойку сиденья. Он разевал рот и, видимо, что-то кричал Блейку, но голосок его тонул в катившемся по дороге вое.

Блейк соскочил с табурета и распластался на полу. Он попытался вцепиться в половицы пальцами, но они были сделаны из твердого гладкого пластика, и он никак не мог за них ухватиться. Казалось, закусочная ходит ходуном; рев крейсера был почти невыносим. Блейк вдруг увидел, что скользит по полу.

А потом рев стал тоньше и замер вдали, вновь превратившись в слабый и протяжный жалобный вой.

Блейк поднялся с пола.

На прилавке, там, где стояла чашка, теперь была кофейная лужица, а сама чашка бесследно исчезла. Тарелка, на которой лежали оладьи и ветчина, осколками разлетелась по полу. Пухлые оладьи валялись на табурете, а те, что предназначались Брауни, все еще были на сковороде, но дымились и обуглились по краям.

— Я сделаю новые, — сказала Закусочная. Рука взяла лопаточку, сбросила подгоревшие оладьи со сковородки и швырнула в мусорный бак, стоявший под плитой. Блейк заглянул за прилавок и увидел, что весь пол там усеян осколками посуды.

— Вы только посмотрите! — скрипуче закричала Закусочная. — Должен быть специальный закон. Я поставлю в известность хозяина, а он подаст жалобу на эту компанию и добьется возмещения. Он всегда добивался. И вы, ребята, тоже можете вчинить иск. Пришейте им нервное потрясение или что-нибудь в этом роде. Если хотите, у меня есть бланки исковых заявлений.

Блейк покачал головой.

— А как же водители? — спросил он. —Что делать, если встретишь такую штуку на дороге?

— А вы видели бункеры вдоль обочин? Футов десять в высоту, с подъездными дорожками?

— Видел, — ответил Блейк.

— Как только крейсер уходит с воды и начинает путь по суше, он должен включать сирену. И она ревет все время, пока он движется. Услышишь сирену — отправляйся к ближайшему бункеру и прячься за ним.

Патрубок медленно двигался вдоль канавки, выпуская тесто.

— А как это получается, мистер, что вы не знаете о крейсерах и бункерах? — спросила Закусочная. — Может, вы из глухомани какой лесной?

— Не твоего ума дело, — ответил за Блейка Брауни. — Знай себе стряпай наш завтрак.

22

— Я вас немного провожу, — сказал Брауни, когда они вышли из закусочной.

Утреннее солнце вставало над горизонтом у них за спиной, а впереди по дороге плясали их длинные тени. Дорожное покрытие, как заметил Блейк, было выбито и размыто.

— За дорогами не следят так, как следили на моей памяти, — сказал он.

— Нет нужды, — ответил Брауни. — Колес больше нет. Зачем ровная поверхность, если нет сцепления? Все машины ходят на воздушных подушках. Дороги нужны только как путеводные нити, да еще чтобы держать транспорт подальше от людей. Теперь, когда прокладывают новую дорогу, просто ставят два ряда столбиков, чтобы водители видели, где шоссе.

Они неспешно брели вперед. Из болотистой низинки слева, сверкая вороненными крыльями, взмыла стайка черных дроздов.

— Собираются в стаи, — сказал Брауни. — Скоро им улетать. Нахальные птицы — эти черные дрозды. Не то что жаворонки или малиновки.

— Ты из знаешь?

— Мы же вместе живем, — отвечал Брауни. — И со временем начинаем их понимать. Некоторых — так хорошо, что почти можем разговаривать с ними. Правда, не с птицами: птицы и рыбы глупые. А вот еноты, лисы, выхухоли и норки — народ что надо.

— Как я понимаю, вы живете в лесах?

— В лесах и полях. Мы сживаемся с природой. Мы принимаем мир таким, каков он есть, приспосабливаемся к обстоятельствам. Мы — кровные братья всякой жизни. Ни с кем не ссоримся.

Блейк попытался вспомнить, что ему говорил Даниельс. Странный маленький народец, полюбивший Землю не из-за господствующей на ней фор-

мы жизни, а из-за прелестей самой планеты. Возможно, потому, подумал Блейк, что в ее менее развитых обитателях, в немногочисленных диких зверях, населявших поля и леса, нашли они ту немудреную дружбу, которую так любили. Они настояли на том, что будут жить своей жизнью, пойдут независимым путем, и при всем при том стали бродягами и побирушками, пристающими ко всякому, кто согласен удовлетворять их нехитрые надобности.

— Несколько дней назад я повстречал еще одного вашего, — сказал он. —Ты извини, я точно не знаю. Может...

— О нет, — ответил Брауни. — Это был другой. Тот, который вас отыскал.

— Отыскал меня?

— Ну да. Был караульным и отыскал. Он сказал, что вы не один и в беде. И передал всем нам, чтобы любой, кто вас встретит, приглядывал за вами.

— Похоже, ты отлично с этим справился. Нашел ты меня довольно быстро.

— Когда мы ставим перед собой какую-то цель, — гордо сказал Брауни, — мы можем действовать очень четко.

— А я? Причем тут я?

— Точно не знаю, — сказал Брауни. — Мы должны присматривать за вами. Знайте, что мы начеку, и вы можете рассчитывать на нас.

— Спасибо, — сказал Блейк. — Большое спасибо.

Только этого и не хватало, подумал он. Только слежки этих маленьких одержимых созданий ему и не хватало.

Какое-то время они шли молча, потом Блейк спросил:

— Тот, который нашел меня, велел тебе наблюдать за мной...

— Не только мне.

— Знаю. Он велел вам всем. Не согласишься ли ты объяснить, как он сообщил об этом остальным. Хотя это, наверное, глупый вопрос: есть же почта и телефон.

Брауни издал какое-то кудахтанье, выражающее безмерное презрение.

— Мы бы и под страхом смерти не стали пользоваться такими приспособлениями, — сказал он. — Это противоречит нашим принципам, да и нужды никакой нет: мы просто посылаем сообщение, вот и все.

— Ты хочешь сказать, что вы телепаты?

— По правде говоря, не знаю. Мы не умеем передавать слова, если вы это имеете в виду. Но мы обладаем единством. Это трудновато объяснить...

— Могу себе представить, — сказал Блейк. — Нечто вроде туземного телеграфа на психическом уровне.

— Для меня это звучит как бессмыслица, но если назвать эту штуку так, вреда не будет, — сказал Брауни.

— Наверное, вы приглядываете за множеством людей, — предположил Блейк.

Это так на них похоже, подумал он. Горстка маленьких хлопотунчиков, которых более всего заботит, как живут другие люди.

— Нет, — ответил Брауни. — Во всяком случае, не сейчас. Он нам сказал, что вас больше, чем один, и...

— А это тут причем?

— Что вы, господь с вами. В этом-то все и дело, — сказал Брауни. — Часто ли встречается существо, которое не одно? Не скажете ли вы мне, сколько...

— Меня — трое, — ответил Блейк.

Брауни с торжествующим видом выкинул коленце джиги.

— Так я и знал! — ликуя, вскричал он. — Я побился об заклад с самим собой, что вас трое. Один из вас теплый и лохматый, но с ужасным норовом. Вы согласны?

— Да, — ответил Блейк, — должно быть, так.

— Но второй, — сказал Брауни, — совершенно сбивает меня с толку.

— Приветствую собрата по несчастью, — сказал Блейк. — Меня тоже.

23

Блейк заметил это, когда взошел на высокий крутой холм, — оно лежало в долине и поразительно напоминало чудовищного жука с округлым горбом посредине и тупорылого спереди и сзади — гигантская черная махина, заполнившая чуть ли не половину всей равнины.

Блейк остановился. Ему еще не приходилось видеть большие крейсеры-сухогрузы, которые курсировали между континентами и о которых ходило столько слухов.

Автомобили со свистом проносились мимо, обдавая Блейка струями выхлопных газов из своих рокочущих реактивных сопел.

Перед этим Блейк, устало тащась по дороге, несколько часов высматривал какое-нибудь укромное место, где можно было бы спрятаться и отоспаться. Но вдоль обочин расстилались сплошь выкошенные поля. Не было и поселений у дороги — все они располагались за полмили или дальше от трассы. Интересно, подумал Блейк, почему так — из-за того, что по шоссе ходят эти крейсеры и какие-нибудь еще крупные транспорты, или по другим причинам?

Далеко на юго-западе замелькали контуры нескольких мерцающих башен — скорее всего, еще один комплекс высотных домов, построенных в удобной близости от Вашингтона и при этом сохраняющих для его обитателей прелести сельской жизни.

Держась подальше от проезжей части, Блейк по обочине спустился с холма и наконец дошел до крейсера. Прижавшись к краю дороги, тот стоял на мощных приземистых ножках двухметровой длины и, казалось, дремал, словно петух на насесте.

У переднего конца машины, облокотившись на ступени кабины и вытя-

нув ноги, сидел мужчина. Замасленная инженерская фуражка сползла ему на глаза, а туника задралась до самого пояса.

Блейк остановился, разглядывая его.

— Доброе утро, приятель, — поздоровался он. — Мне кажется, у тебя неприятности.

— Привет и тебе, брат, — сказал человек, посмотрев на черные одежды Блейка и на его рюкзак. — Тебе правильно кажется. Полетела форсунка, и вся эта штука пошла вразнос. Хорошо еще, не развалилась. — Он демонстративно сплюнул в пыль. — А теперь нам приходится здесь торчать. Я уже заказал по радио новый блок и вызвал парней из ремонтной бригады, но они, как всегда, не спешат.

— Ты сказал «нам».

— Ну да, нас же здесь трое. Остальные там, наверху, дрыхнут. — Он ткнул большим пальцем вверх, в сторону тесного жилого отсека за водительской кабиной. — И ведь укладывались в расписание, — добавил он, — а это самое трудное. Через море прошли отлично, обошлось без штормов и береговых туманов. А теперь придем в Чикаго на несколько часов позже. Сверхурочные, конечно, выплатят, но на кой черт они нужны?

— В Чикаго?

— Да, сейчас туда. Каждый раз — новое место. Чтобы дважды в одно и то же — такого не бывает.

Он приподнял руку и потянул за козырек фуражки.

— Все думаю о Мэри и ребятишках, — сказал он.

— Но ты же можешь связаться с ними, сообщи, что задерживаешься.

— Пытался. Никого нет дома. Пришлось просить диспетчера сходить к ним и сказать, чтоб меня не ждали. Скоро, по крайней мере. Понимаешь, всякий раз, когда я еду этой дорогой, дети выходят к шоссе, стоят, ждут, чтобы помахать мне. Они приходят в восторг, когда видят, как их папочка ведет такое чудовище.

— Так ты живешь поблизости? — сказал Блейк.

— Да, тут есть один городок, — ответил инженер. — Этакая уютная тихая заводь милях в ста отсюда. Старинное местечко, такие сейчас редко встретишь. Все точно так же, как две сотни лет назад. Нет, конечно, на Главной улице время от времени обновляют фасады, бывает, кто-нибудь надумает и целый дом перестроить, но в основном город остается таким, каким он был всегда. Без этих гигантских многоквартирных комплексов, которые сейчас везде стоят. Там хорошо жить. Спокойно. Нет Торговой палаты. Никто ни на кого не давит. Не лезет вон из кожи, чтобы разбогатеть. Потому что тем, кто хочет разбогатеть, сделать карьеру или что-нибудь такое, там жить ни к чему. Отличная рыбалка, есть где поохотиться. На енотов, например, в подкову играют.

Блейк кивнул.

— В таком городе хорошо растить детей, — добавил инженер.

Он подобрал сухую соломинку, потыкал ею в землю.

— Это место называется Уиллоу-Гроув, — сообщил он. — Когда-нибудь слышал?

— Нет, — сказал Блейк, — в первый раз...

И тут до него дошло, что это не так. Он слышал об этом городе! Когда в тот день охранник привез его домой от сенатора, в почтографе оказалась записка, в которой упоминался Уиллоу-Гроув.

— Значит, все-таки слышал, — заметил инженер.

— Кажется, да, — сказал Блейк. — Кто-то мне о нем упоминал.

— Хороший городок, — повторил инженер.

А что там говорилось в записке? Связаться с кем-то в городе Уиллоу-Гроув, чтобы узнать нечто, представляющее для Блейка интерес. И там назывался человек, с которым надо было связаться. Как же вспомнить его имя? Блейк напряг память, но нужного имени так и не нашел.

— Мне надо идти дальше, — сказал он. — Надеюсь, ремонтники приедут.

— Куда они денутся? —с отвращением сплюнул инженер. — Приедут. Только вот когда?

Блейк побрел дальше, держа направление на большой, возвышающийся над всей долиной холм. На вершине виднелись деревья — неровная, раскрашенная осенними красками полоса на горизонте, наконец-то нарушившая золотисто-коричневую монотонность полей. Может быть, там, среди деревьев, удастся найти место, где можно поспать.

Блейк попытался пройтись медленным взором по череде событий минувшей ночи, но они все были окутаны пеленой нереальности. Казалось, будто цепь происшествий той ночи к нему не имеет отношения, будто все это случилось с кем-то другим.

Охота за ним, конечно, не прекратилась, но пока ему удалось ускользнуть от внимания властей. Даниельс уже, по всей видимости, понял, что произошло, и теперь они начнут искать не только волка, но и самого Блейка.

Он доплелся до вершины холма. Внизу стояли деревья. Не какая-нибудь поросль или отдельные деревца, а лес, покрывающий большую часть отлогого склона. Еще ниже, где долина выравнивалась, лежали поля, но на следующем склоне опять росли деревья. Холмы здесь слишком круты для земледелия, понял Блейк, и такая череда возделанных равнин и лесистых холмов может тянуться на многие мили.

Спускаясь к лесу, он вдруг вспомнил, что человек с крейсера говорил об охоте на енотов. Опять, подумал Блейк, случайная фраза поднимает пласт воспоминаний, о которых он не догадывался раньше, и на место становится еще один фрагмент головоломки его человеческого прошлого. Он вдруг вспомнил — вспомнил с ослепительной остротой: ночь, светят фонари, он стоит на холме, сжимая ружье, и ждет, когда собаки возьмут след, и тут, где-то вдалеке, подает голос гончая, почуявшая запах. Минуту спустя вся свора включается в погоню, и от лая собак звенит и холм, и долина. Он вспомнил сладкий, ни с чем не сравнимый аромат замерзших

опавших листьев, вновь увидел голые ветви деревьев на фоне взошедшей луны и азарт погони вслед за собаками, мчащимися вверх по склону. А потом головокружительный бросок вниз — и дорогу подсвечивает лишь слабый лучик фонаря, и ты изо всех сил стараешься не отстать от своры.

Но откуда всплыло воспоминание об охоте на енотов? Неужели он сам когда-то участвовал в такой охоте? Невероятно. Потому что ему известно, кто он: синтезированный человек, изготовленный ради одной цели, какой не является охота на енотов.

Блейк шел между деревьев, и ему казалось, что он очутился в сказочной стране, нарисованной сумасшедшим художником. Весь подлесок, молодые деревца, кустарники, прочая лесная поросль — все это было сплошь обвешано, словно драгоценными украшениями, листьями всех оттенков золотого и красного цвета, которые изысканно и неброско дополняли буйство осенних красок в кронах больших деревьев. И снова воспоминание о другом месте, а может быть, нескольких других местах, похожих на это, проснулось в Блейке. Воспоминания, не привязанные к какому-либо определенному моменту или местности, и тем не менее такие отчетливые, что горло сжималось: непередаваемая красота другого леса, виденного в такое время, в такой миг, когда осень разводит самые яркие и самые лучшие свои краски, которых вот-вот коснется, но еще не коснулось увядание.

Он остановился у гигантского дуба в несколько обхватов, ствол которого, кривой, перекрученный, в наростах, покрывала тяжелая чешуя колоний лишайника, отчего кора казалась серебристо-коричневой. Внизу дерево окружали плотные заросли папоротника. Блейк раздвинул их, опустился на четвереньки и пополз. Хлестнули по лицу и шее ветки папоротника, и он оказался в мягкой прохладной темноте, пахнущей древесной трухой. Откуда-то сверху, рассеивая мрак, сочился слабый свет.

Глаза понемногу приспособились к темноте, и Блейк разглядел, что внутренняя поверхность дерева довольно гладкая. Полная сердцевина шахтой уходила вверх, и где-то в верхней части этого вертикального тоннеля светились отверстия дупел.

Блейк подтянул к себе рюкзак, порылся в его содержимом. Тонкое, почти не занимающее места одеяло с металлическим отблеском, таких он раньше не встречал, нож в ножнах, складной топорик, небольшой набор кухонных принадлежностей, зажигалка и флакон с жидкостью, сложенная карта, фонарик...

Карта!

Он достал ее, развернул и, подсвечивая фонариком, склонился над ней, чтобы разобрать названия населенных пунктов.

Уиллоу-Гроув, сказал инженер, милях в ста отсюда. Вот оно, место, куда он должен попасть. Наконец-то, подумал Блейк, у него появилась цель в этом мире и в ситуациях, которые казались лишенными какой-либо определенности. Точка на карте и человек, имя которого он не помнит и который владеет информацией, представляющей для него возможный интерес.

Отложив одеяло в сторону, он убрал все остальное обратно в рюкзак. Потом придвинулся к стене, развернув одеяло, накрылся им и, подоткнув под себя, лег. Оно облепилось вокруг него, словно его тело вдруг сделалось магнитным. Одеяло оказалось довольно теплым. Пол был мягким, без бугров. Блейк зачерпнул пригоршню вещества, покрывавшего пол, и позволил ему свободно просыпаться между пальцами. Раскрошенная гнилая древесина, понял он, которая ссыпалась годами из тоннеля пустой сердцевины ствола.

Блейк закрыл глаза, и сон постепенно стал завладевать им. Казалось, сознание проваливается в какой-то колодец, тонет, но в колодце уже что-то есть — два других я, они подхватывают его, придерживают, обступают, и он становится с ними одним целым. Это как возвращение в родной дом, как встреча со старыми друзьями, которых не видел целую вечность. Слова не произносятся, слова не нужны. Только радость встречи, и понимание, и ощущение единства, и он больше не Эндрю Блейк и даже не человек, а существо, у которого нет названия и которое значит больше, нежели только Эндрю Блейк или человек. Но сквозь единство, и уют, и радость встречи пробилась одна беспокойная мысль. Он сделал усилие, и его отпустили, он опять стал собой, снова личностью — но не Эндрю Блейком, а Оборотнем.

— Охотник, когда мы проснемся, будет еще холодней. Может быть, лучше на ночь стать тобой? Передвигаешься ты быстрее, умеешь ориентироваться в темноте и...

— Я согласен, превратимся в меня. Но как быть с одеждой и рюкзаком? Опять ты останешься голым и...

— Ты понесешь вещи. Или ты не помнишь, что у тебя есть руки и пальцы? Ты постоянно забываешь про свои руки.

— Ладно! — сказал Охотник. — Ладно! Ладно! Ладно!

— Уиллоу-Гроув, — напомнил Оборотень.

— Да, я знаю, — ответил Охотник. — Мы прочли карту вместе с тобой.

И снова стал подступать сон. И Блейк наконец заснул.

24

Оборотень говорил, что похолодает, и действительно стало прохладней, но ненамного. И только когда Охотник достиг гребня холма, с севера ударил кинжальный ветер и пахнуло долгожданной прохладой. Он остановился, чтобы насладиться ветром, потому что здесь, в силу каких-то геологических особенностей, не росли деревья — в отличие от большинства холмов, покрытых лесами, здесь линия леса обрывалась, немного не доходя до гребня.

Ночь выдалась чистой, и в небе светили звезды, хотя, как показалось Охотнику, звезд было не так много, как на его родной планете. Но и тут,

на этой возвышенности, подумал Охотник, можно стоять и улавливать картины со звезд, правда, теперь он знал от Мыслителя, что это не только картины, но и мозаичные информационные отпечатки иных рас и иных цивилизаций, и что они несут в себе исходные, основополагающие факты, на которых когда-нибудь можно будет вывести вселенскую истину.

Дрожь прокатилась по его телу, когда он вспомнил, как его разум и чувства перебрасывались через световые годы и собирали урожай, взращенный на других разумах и чувствах. Зато Мыслитель никогда не задрожал бы, даже если бы имел мышцы и нервы и был способен на дрожь. Потому что не существовало ничего, абсолютно ничего такого, что могло бы удивить Мыслителя; и Вселенную, и жизнь Мыслитель принимал не как некое таинство, а скорее как конгломерат фактов и данных, принципов и методов, которые можно ввести в его разум и использовать с помощью его логики.

Но не для меня, думал Охотник, для меня все это таинственно и загадочно. И мной движет не рассудочность, не стремление к логическим построениям, не тяга к самой сути фактов.

Опустив хвост почти до земли, он стоял на каменистом гребне и подставлял оскаленную морду под резкие порывы ветра. Ведь главное, сказал Охотник сам себе, чтобы чудо и красота наполняли Вселенную и чтобы ничто и никогда не разрушило это ощущение чуда и красоты. А может быть, процесс разрушения уже начался? Не поставил ли он себя (или не поставили ли его) в такую ситуацию, когда перед ним открывается не виданный ранее простор для поиска новых чудес и тайн и при этом ощущение чуда и красоты размывается сознанием того, что его находки — сырье для логической работы Мыслителя?

Охотник решил проверить эту мысль и обнаружил, что пока ощущение тайны и чуда все еще с ним. Тут, на продуваемом ветрами холме, под сверкающими в небе звездами, рядом с лесом, перешептывающимся внизу с темнотой, среди чужих странных запахов, трепещущих в воздухе, все еще живет чудо, ознобом прокатываясь по его нервным волокнам.

Пространство между ним и следующим холмом выглядело безопасным. Далеко слева ленточки бегущих огней отмечали путь машин, мчавшихся по автостраде. А в долине находились поселения людей, их выдавали лучи света и струящиеся от них вибрации — вибрации, присущие самому человеку и странной силе, которую люди здесь именуют электричеством.

Устроившись на ветвях деревьев, дремали птицы, справа от него в кустах, крадучись, прошел какой-то крупный зверь, в своих норах суетились мыши, в норе спал лесной сурок — и еще бесчисленное множество всяких маленьких животных и насекомых, копошащихся в почве и прелых листьях. Но эти крохотные существа его сейчас не беспокоили, и он заблокировал от них свое сознание.

Запоминая каждое дерево, каждый куст на своем пути, классифицируя и оценивая каждое увиденное животное, готовый встретить любую опас-

ность и боясь лишь, что не сумеет ее распознать, Охотник тихо спустился с холма и пересек лес.

За деревьями пошли поля, дороги и дома, — и здесь он опять задержался, чтобы осмотреться.

Вдоль ручья гулял человек с собакой; по частной дороге, ведущей к дому на другой стороне ручья, медленно ехала машина; в поле лежала корова — больше, не считая мышей, сусликов и прочей мелочи, в долине никого не было.

Долину Охотник пересек рысью, а потом понесся большими легкими прыжками. Достиг следующего холма, взобрался наверх, спустился по противоположному склону. Левой рукой он придерживал объемистый рюкзак с одеждой Оборотня и вещами. Рюкзак мешал, потому что съезжал набок, и ему приходилось компенсировать это дополнительным усилием, кроме того, надо было постоянно следить за тем, чтобы не зацепиться за куст или ветку.

Он остановился на минуту, сбросил рюкзак на землю и убрал левую руку. Освободившись от груза, рука устало вернулась в плечевой карман. Охотник выдвинул правую руку, поднял рюкзак и, перебросив его через плечо, продолжил бег. Наверное, подумал он, надо чаще перевешивать груз с плеча на плечо, менять руки. Так будет легче.

Еще одна перебежка через долину, и снова вверх по склону следующего холма. На гребне он остановился, чтобы перед спуском перевести дух.

Уиллоу-Гроув, сказал себе Оборотень. Около ста миль. Если придерживаться взятого темпа, к рассвету он будет там. Но что может ждать их в Уиллоу-Гроув? На языке Оборотня «Уиллоу» означает вид дерева, а Гроув — группу деревьев. Как странно люди называют некоторые географические пункты. Причем логики в этом мало, поскольку группа деревьев может погибнуть, исчезнуть, и тогда название места потеряет смысл.

Деревья не постоянны, подумал он. Но и сами люди как раса тоже. И это их непостоянство, смена жизней и смертей обеспечивают то, что они называют прогрессом. Ведь надо же было, подумал он, создать такую форму жизни...

Охотник сделал шаг вниз по склону и замер, напряженно вслушиваясь. Откуда-то издалека доносился слабый протяжный звук.

Собака, определил он. Собака, напавшая на след.

Быстро, но осторожно Охотник спустился с холма. На опушке леса остановился, чтоб оглядеть лежащую впереди равнину. Не обнаружив ничего тревожного, он пересек ее, добежал до забора, перемахнул через него и побежал дальше.

Появились первые признаки усталости. Несмотря на относительную прохладу ночи, к температуре Земли Охотник еще не приспособился. С самого начала он взял быстрый темп, чтобы быть в Уиллоу-Гроув к утру. Теперь, пока не придет второе дыхание, придется бежать помедленнее. Надо сдерживать себя.

Следующую долину Охотник пересек трусцой, потом медленно поднял-

ся на очередной склон. Наверху, сказал он себе, надо будет присесть и немного отдохнуть.

На половине подъема Охотник снова услышал лай, и теперь он казался ближе и громче. Но дул порывистый ветер, и достаточно точно определить направление или расстояние было невозможно.

На гребне Охотник сделал остановку. На небе всходила луна, и деревья, под которыми он сидел, отбрасывали длинные тени через лужайку на крутом откосе.

Лай приближался. Судя по всему, собак не меньше четырех, а то пять или шесть.

Не исключено, охота на енотов. Люди используют собак для травли енотов и называют это спортом. Ничего спортивного в этом, конечно, нет. Чтобы считать что-либо подобное спортом, требуется особая извращенность. Впрочем, если вдуматься, люди извращены во многих отношениях. Они пытаются выдать это за честную схватку, но травля не имеет ничего общего ни со схваткой, ни с честностью.

Лай уже слышался с последнего холма. В нем теперь звучало какое-то особое возбуждение. Собаки шли сюда по следу.

Охотник вскочил и, обернувшись, устремил вниз сенсорный конус. И сразу увидел собак — они поднимались по склону и уже не принюхивались к земле, а просто шли по запаху.

И вдруг его словно оглушило — как он не понял это сразу, когда только заслышал лай. Собаки преследовали не енота. Они гнались за более крупной дичью.

Содрогнувшись от ужаса, Охотник развернулся и бросился вниз по склону. Свора уже взобралась на гребень, и яростная песнь погони, не прерываемая более препятствиями, звенела все громче и явственней.

Охотник достиг еще одной долины, пересек ее, бросился вверх по очередному склону. От собак ему удалось пока уйти, но он чувствовал, как усталость вытесняет из тела последние силы, и отчетливо представил себе, что будет дальше: в коротком отчаянном рывке он может оторваться от своих преследователей, но в конце концов силы иссякнут. Может быть, подумал Охотник, правильней самому выбрать место для схватки и встретить их там. Но их слишком много. Было бы две или три — с двумя-тремя он наверняка справился бы.

Как странно, подумал Охотник, что за ним погнались собаки. Ведь он существо с другой планеты, наверняка собаки не встречали ничего подобного, и след у него должен быть необычный, и запах. И все же отличия (если это отличия), по всей видимости, не отпугивают их и вообще не оказывают на них никакого воздействия, разве что еще больше разжигают охотничий азарт. Вполне вероятно, сказал себе Охотник, что он не так заметно отличается от обитателей это планеты, как можно было подумать.

Дальше он побежал скачками, снизив скорость и стараясь экономить силы. Однако усталость давала о себе знать. Еще не так долго, и наступит изнеможение.

Конечно, можно передать управление Оборотню. Вполне вероятно, если его след превратится в человеческий, собаки отстанут, а если и не сойдут со следа, то на человека не нападут. Но принимать такое решение ему не хотелось. Надо постараться справиться самому, говорил он себе. В нем вдруг появилась какая-то упрямая гордость, которая мешала ему позвать Оборотня.

Охотник взобрался на холм. Внизу перед ним лежала долина, а в долине стоял дом, в одном из окон которого горел свет. И тут у Охотника в голове начал созревать план.

Не Оборотень, а Мыслитель. Теперь дело за ним.

— Мыслитель, ты можешь извлечь энергию из дома?

— Могу, конечно. Однажды я это уже проделал.

— Находясь снаружи?

— Если только не очень далеко.

— Тогда отлично. Когда я...

— Давай, — ответил Мыслитель. — Я знаю, что ты задумал.

Охотник не спеша сбежал с холма, подпустил собак поближе, а затем стремглав понесся через долину к дому. Теперь, когда собаки завидели жертву, они, оглушительно лая, все силы, каждый вдох уставших легких вложили в последний рывок, который должен был завершить погоню.

Охотник обернулся и увидел свору — жуткие, алчущие тени, очерченные лунным светом, — и услышал возбужденный лай, заполнивший пространство между ним и животными, жаждущими его крови.

И клич Охотника снова взмыл в небо и разнесся по холмам.

До дома теперь было совсем близко, как вдруг, словно откликнувшись на лай собачьей своры, зажегся свет в других окнах, а на шесте во дворе ослепительно загорелся фонарь. По всей видимости, обитатели дома проснулись, разбуженные неистовым лаем.

Низкая изгородь отделяла дом от поля, и Охотник, перескочив через ограду, приземлился на площадку, залитую светом фонаря. Еще бросок — и он уже у дома.

— Давай, — крикнул он Мыслителю, прижимаясь к стене. — Давай.

Холод, леденящий, убийственный холод обрушился на него, словно физический удар, вонзился в тело и разум.

Над неровной, зубчатой линией растительности висел спутник этой планеты, почва была чистой и сухой, а через сооружение, которое люди называют забором, прыгали разъяренные собаки.

Где-то рядом был источник энергии, и Мыслитель ухватился за него, движимый голодом, отчаянием и еще чем-то, очень похожим на панику. Ухватился и припал к нему, поглотив сразу больше энергии, чем ему требовалось. Дом погрузился в темноту, и погас фонарь на шесте.

Холод отступил, тело приняло форму пирамиды и засияло. И снова вся информация наконец-то оказалась на месте, более того, она стала еще отчетливей и ясней, чем когда-либо, и, распределившись по мысленным каталогам, ждала, когда ее употребят в дело. Логический процесс в разуме

тоже шел безукоризненно и четко; и теперь, после перерыва, который слишком затянулся, можно было...

— Мыслитель, — завопил Охотник. — Прекрати! Собаки! Собаки!

Да-да, конечно. Он ведь знал и про собак, и про план Охотника, и про то, что план действовал.

Скуля и визжа, собаки пытались когтями затормозить свой отчаянный бег и обогнуть это жуткое явление, возникшее вместо волка, которого они гнали.

Слишком много энергии, с испугом подумал Мыслитель. Даже для него слишком много.

Надо освободиться от излишка, решил он. И вспыхнул.

С треском сверкнула молния, на мгновение осветив долину. Краска на доме обуглилась и поползла чернеющими завитками. Собаки бросились обратно через ограду, взвыли, когда в их сторону полыхнула молния, и пустились наутек, прикрывая поджатыми хвостами опаленные дымящиеся зады.

25

Уиллоу-Гроув, подумал Блейк, городок, который он знал когда-то. Что, разумеется, было невозможно. Вероятно, городок очень похож на тот, о котором он мог читать или видеть на фото. Но Блейк никогда не бывал здесь.

И все же... Он стоял на перекрестке в свете раннего утра, и воспоминания неотступно преследовали его, а мозг продолжал узнавать то, что видели глаза: ступеньки, ведущие от мостовой к банку, толстые вязы, росшие вокруг маленького парка в дальнем конце улочки. Он знал, что в парке, в центре фонтана, стоит статуя, а сам фонтан чаще бездействует, чем работает; что там же, в парке, есть древняя пушка на тяжелых колесах, и ее ствол загажен голубями...

Блейк не только узнавал, но и подмечал изменения. Велосипедный магазин и лавочка ювелира занимали теперь дом, где прежде был магазин садового инвентаря, а парикмахерская осталась на месте, хотя ее фасад и обновили. И над всей улицей и всей округой витал дух старости, которого не было, когда Блейк в последний раз видел городок.

Но мог ли он, спрашивал себя Блейк, вообще видеть его?

Как мог Блейк видеть его и не вспоминать о нем до сегодняшнего дня? Ведь, по крайней мере, технически он должен владеть тем, что когда-то знал. В тот миг, там, в больнице, все это вернулось к нему — все, что было, все, что он сделал. Но если так, то каким образом у него отняли воспоминание об Уиллоу-Гроув?

Старый город, почти древний город, где нет летающих домов, сидящих на своих решетчатых фундаментах, будто на насестах; нет воздушных жилых массивов многоквартирных домов, возвышающихся на окраинах.

Прочные, добросовестно сложенные дома из дерева, камня и кирпича, возведенные на века и не предназначенные для скитаний. Некоторые из них, как он видел, были снабжены солнечными электростанциями, пластины которых неловко прилепились к крышам, а на окраине города стояла муниципальная станция более солидных размеров, которая, вероятно, должна была снабжать дома, не оборудованные энергоустановками.

Он поудобней устроил на плече мешок и плотнее затянул капюшон туники. Перейдя улицу, Блейк медленно побрел по мостовой. На каждом шагу ему встречались мелочи, будившие бессвязные воспоминания. Теперь он вспомнил не только дома, но и имена. Банкира звали Джейк Вудс, и Джейка Вудса наверняка уже нет в живых, поскольку, если Блейк когда-то видел сам городок, это скорее всего было более двухсот лет назад. Тогда он, Блейк, вместе с Чарли Брином удирал с уроков и отправлялся на рыбалку. Они вылавливали в ручье голавлей.

Невероятно, сказал он себе. Невозможно. И тем не менее воспоминания продолжали накапливаться, наваливаться на него, и в них присутствовали не смутные тени, а события, лица, картинки прошлого. И все они были трехмерными. Блейк вспомнил, что Джейк Вудс хромал и ходил с тростью; и он знал, что это была за трость — тяжелая, блестящая, сделанная из отполированного вручную дерева. У Чарли были веснушки и широкая заразительная улыбка. И Блейк помнил, что именно из-за Чарли он всегда попадал в передряги. Тут жила Минни Шорт, полоумная старуха, которая носила рубище, передвигалась странной шаркающей походкой и работала на полставке бухгалтером на лесопильне. Но лесопильня исчезла, а на ее месте стояло построенное из стекла и пластика здание агентства по найму леталок.

Блейк добрался до скамейки, стоявшей перед рестораном напротив банка, и тяжело опустился на нее. На улице было несколько человек; проходя мимо Блейка, они разглядывали его.

Он прекрасно себя чувствовал. Даже после трудной ночи в теле еще ощущались свежесть и сила. Возможно, из-за похищенной Мыслителем энергии.

Сняв с плеча мешок, Блейк положил его рядом с собой на скамью, потом откинул с лица капюшон.

Магазины и лавочки начали открываться. По улице с мягким урчанием проехала машина. Блейк читал вывески. Тут не было ни одной знакомой. Названия магазинов и имена их владельцев и управляющих изменились.

Окна над банком были украшены позолоченными надписями, сообщавшими, кто тут живет: Элвин Бэнк, доктор медицины; Г.-Г. Оливер, стоматолог; Райан Уилсон, поверенный; Дж.-Д. Лич, оптометрист; Вильям Смит...

Стоп! Райан Уилсон — вот оно! Имя, упомянутое в записке.

Там, на другой стороне улицы, находится контора человека, сказавшего в записке, что он может сообщить нечто любопытное.

Часы над дверью банка показывали почти девять. Уилсон уже мог

быть в конторе. Или вот-вот там появится. Если контора еще закрыта, Блейк может подождать его.

Он поднялся со скамьи и пересек улицу. Дверь, ведущая на лестницу, которая шла наверх, на этаж над банком, болталась на петлях, скрипела и стонала, когда Блейк открывал ее. Лесенка была крутая и темная, а коричневая краска перил вытерлась и облупилась. Контора Уилсона располагалась в самом конце коридора, дверь ее была открыта.

Блейк вошел в приемную, которая оказалась пустой. Во внутреннем кабинете сидел человек в рубахе с короткими рукавами и трудился над какими-то бумагами. Другие документы кипой лежали в корзинке на столе.

Человек поднял глаза.

— Входите, входите, — сказал он.

— Вы Райан Уилсон?

Человек кивнул.

— Моя секретарша еще не пришла. Чем могу быть полезен?

— Вы прислали мне записку. Мое имя — Эндрю Блейк.

Уилсон откинулся на стуле и воззрился на Блейка.

— Черт меня побери, — сказал он наконец. — Вот уж не чаял свидеться. Думал, вы исчезли навсегда.

Блейк озадаченно покачал головой.

— Вы видели утреннюю газету? — спросил Уилсон.

— Нет, — ответил Блейк, — не видел.

Человек потянулся к сложенной газете, лежавшей на углу стола, развернул ее и показал Блейку.

Заголовок кричал: «ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ЧЕЛОВЕК СО ЗВЕЗД — ОБОРОТЕНЬ?» В подзаголовке сообщалось: «Охота на Блейка продолжается». Под «шапкой» Блейк увидел свою фотографию. Он почувствовал, как застывает лицо, но сумел сохранить бесстрастное выражение.

— Интересно, — сказал Блейк Уилсону. — Спасибо, что показали. Они уже объявили награду?

Уилсон резко взмахнул кистью руки, складывая газету, и положил ее обратно на угол стола.

— Вам надо всего-навсего набрать номер, — сказал Блейк. — Телефон больницы...

Уилсон покачал головой.

— Это не мое дело, — заявил он. — Мне все равно, кто вы.

— Даже если я оборотень?

— Даже если так, — отвечал Уилсон. — Вы можете повернуться и уйти, если желаете, а я продолжу работу. Но если вы хотите остаться, я вынужден задать вам пару вопросов. И если вы сумеете ответить на них...

— Вопросы?

— Да. Всего два.

Блейк заколебался.

— Я действую по поручению клиента, — сообщил ему Уилсон. — Клиента, который умер полтора столетия назад. Это дело переходило по

наследству от одного поколения сотрудников этой юридической фирмы к другому. Ответственность за выполнение просьбы клиента принял на себя еще мой прапрадед.

Блейк замотал головой, стараясь разогнать туман в мыслях. Что-то тут было не так. Он понял это в тот миг, когда увидел городок.

—Ладно, — сказал он. — Валяйте, задавайте ваши вопросы.

Уилсон выдвинул ящик стола, вытащил из него два конверта. Один он отложил в сторону, второй вскрыл и извлек листок бумаги, который зашелестел, когда поверенный принялся разворачивать его.

Уилсон поднес листок к лицу и принялся рассматривать его.

— Хорошо, мистер Блейк, — сказал он. — Первый вопрос: как звали вашу учительницу в начальных классах?

— Ну, ее имя было, — проговорил Блейк, — ее имя было...

Ответ пришел почти сразу.

— Ее звали Джонс, — сказал он. — Мисс Джонс. Ада Джонс, кажется. Это было так давно.

Но как-то выходило, что все это было не так уж и давно. Он внезапно вспомнил, как она выглядела. Чопорная, похожая на старую деву, с вечно поджатыми губами и растрепанной прической. Она еще носила лиловую блузку. Как он мог забыть эту ее лиловую блузку?

— Хорошо, — сказал Уилсон. — А что вы и Чарли Брин сделали с арбузами Дикона Уотсона?

— Ну, мы... Эй, а как вы об этом-то узнали?

— Неважно, — сказал Уилсон. — Просто отвечайте на вопрос.

— Что ж, — сказал Блейк, — по-моему, это была жестокая проделка. Нам обоим потом было не по себе. Мы никому об этом не говорили. Чарли стащил у отца шприц: его старик, как вы, верно, знаете, был доктором...

— Я ничего не знаю, — ответил Уилсон.

— Ну, в общем, взяли мы шприц. У нас был кувшин керосина, и мы впрыснули керосин во все арбузы. Понемножку, как вы понимаете. Ровно столько, сколько нужно, чтобы у арбузов появился странный привкус.

Уилсон положил листок и взял второй конверт.

— Вы сдали экзамен, — сказал он. — Надо думать, это принадлежит вам.

Он вручил конверт Блейку.

Блейк взял его и увидел на лицевой стороне надпись, сделанную, судя по всему, трясущейся рукой глубокого старца. Чернила до того выцвели, что стали бледно-коричневыми.

Надпись гласила: «Человеку, которому принадлежит мой разум». Строкой ниже виднелась подпись: Теодор Робертс.

Рука Блейка дрогнула, и он отпустил ее, все еще сжимая в пальцах конверт. Блейк попытался унять дрожь.

Теперь он знал. Теперь он снова знал. К нему вернулось все — все то, что было забыто, все лица и личности.

— Это я, — сказал он, с трудом шевеля застывшими губами. — Это был я. Тедди Робертс. Я не Эндрю Блейк.

26

Передние ворота, чугунные и массивные, были заперты, он вошел через задние и обнаружил посыпанную гравием тропинку, которая змейкой поднималась вверх по склону. Внизу лежал городок Уиллоу-Гроув, а здесь, под покосившимися замшелыми надгробьями, обрамленными соснами и старинной чугунной оградой, покоились старики, которые были молодыми людьми во времена его детства.

— Ступайте по левой дорожке, — сказал Уилсон. — Ваш семейный участок на полпути к вершине холма, с правой стороны. Но, знаете ли, Теодор не совсем мертв. Он помещен в Банк Разумов, и еще он в вас. Здесь только его тело. Хотя я этого не понимаю.

— Я тоже, — сказал Блейк, — но думаю, мне надо сходить.

И он двинулся в путь, карабкаясь по крутой, неровной, почти не хоженной тропинке вверх к воротам кладбища. По дороге ему пришло в голову, что во всем городке самым знакомым местом ему показалось именно кладбище. Сосны вдоль внутренней стороны чугунной решетки выглядели выше, чем он помнил, и даже при ярком дневном свете были более темными и мрачными, чем он мог предположить. В их тяжелой хвое стонал ветер, и эти звуки походили на погребальную песню из воспоминаний детства.

Письмо было подписано именем Теодор. Но нет, тогда он был не Теодор, а Тедди. Маленький Тедди Робертс, и позже тоже Тедди Робертс, молодой физик с дипломами технологических институтов Калифорнии и Массачусетса, которому Вселенная представлялась блестящим совершенным механизмом, требующим объяснения. Теодор появился позже — доктор Теодор Робертс, старый грузный человек с медленной походкой, нудным голосом и седой головой. Того человека, сказал себе Блейк, он не знал и никогда не узнает. Потому что его разум, нанесенный на его синтетический мозг в его синтетическом теле, был Разумом Тедди Робертса.

Теперь, чтобы поговорить с Тедди Робертсом, надо было лишь снять трубку, набрать номер Банка Разумов и назвать себя. И немного погодя, возможно, раздастся голос, и голос этот будет говорить от имени разума Теодора Робертса. Не самого человека, чей голос умер вместе с ним; и не разума Тедди Робертса — более пожилого, более мудрого, более уравновешенного разума, в который должен был вырасти разум Тедди Робертса. Но это бессмысленно, подумал он, это будет разговор двух незнакомцев. Или нет? Ведь письмо ему оставил не Тедди, а Теодор, и послание выводила слабая трясущаяся рука старика.

Может ли разум выступать от имени человека? Или разум есть нечто

отдельное, самостоятельное? Какую часть человека составляет разум, а какую — тело? И в какой степени человека представлял он сам, когда в качестве элементарной человеческой субстанции находился в теле Охотника? Или в теле Мыслителя? Видимо, в меньшей, поскольку Мыслитель столь далек от каких-либо известных человеческих понятий — биологический преобразователь энергии с системой восприятия, отличной от человеческих чувств, и логико-инстинктивно-рассудочным блоком, заменяющим разум.

Пройдя через заднюю калитку, он остановился в тени сосен. На вершине холма среди замшелых гранитных плит в тишине солнечного утра работал человек, и яркие блики вспыхивали на его инструменте.

Сразу за калиткой стояла церквушка, сияя среди зеленых сосен белизной дощатых стен и тщетно пытаясь дотянуться колокольней до уровня деревьев. Дверь часовни была открыта, и Блейк заметил, что внутри горит мягкий свет.

Медленным шагом Блейк миновал церковь и направился вверх по дорожке. Хрустел и перекатывался под ногами гравий. «На полпути справа». Когда он добрался до указанного места, то увидел камень с надписью, которая возвещала миру, что здесь покоится тело Теодора Робертса.

Сомнения охватили Блейка.

Зачем он сюда пришел?

Затем, чтобы посетить место, где похоронено его тело, — нет, не его, а человека, чей разум он носит в себе.

А если тот разум еще жив, если живы сразу оба разума — какое значение имеет это тело? Оно не более, чем корпус, и его смерть не должна вызывать сожаления, а место захоронения не играет никакой роли.

Он повернулся и медленно пошел обратно к калитке. У часовни задержался, разглядывая лежащий внизу город через решетку ворот.

Блейк знал, что вернуться в город он пока не готов, — и неизвестно, будет ли готов когда-либо. Потому что тогда ему придется решать, что делать дальше. А он не знал этого. Не имел ни малейшего представления.

Блейк повернулся, подошел к порогу церкви и уселся на ступеньку.

И действительно, что теперь делать? — подумал он. Как ему поступить?

Теперь Блейк наконец узнал все про себя, и убегать больше нет надобности. Он обрел почву под ногами, но почва эта оказалась слишком зыбкой.

Блейк сунул руку в карман туники и достал письмо. Развернул и здесь же, на пороге церкви, снова перечитал его:

«Мой дорогой сэр! Сожалею, что приходится обращаться к Вам в этой странной и нелепой форме. Я перебрал другие варианты обращения, но ни один из них не звучит, как хотелось бы. Поэтому остается воспользоваться таким, которое, несмотря на внешнюю официальность, по крайней мере, исполнено достоинства. К настоящему моменту Вы, конечно, уже разобрались, кто есть я, а кто Вы, так что нет необходимости вдаваться в

объяснения по поводу наших взаимоотношений, которые, на мой взгляд, не имеют аналогов в истории Земли и несколько необычны для нас обоих. Все эти годы меня не покидала надежда, что однажды Вы возвратитесь, и тогда мы сможем посидеть вдвоем, быть может, и провести несколько приятных часов, сравнивая наши наблюдения. Теперь, однако, я начал сомневаться, что Вы вернетесь. Ваше отсутствие слишком затянулось, и я боюсь, могло случиться нечто такое, что помешало Вашему возвращению. Но даже если оно и произойдет, то я смогу Вас встретить, только если пройдет совсем немного времени, поскольку дни мои на исходе.

Я пишу, что жизнь моя заканчивается, и все же это не совсем верно. Жизнь кончается для меня как физического объекта. Однако разум мой продолжит существование в Хранилище Разумов, один среди многих, способный функционировать независимо или в сотрудничестве с другими находящимися там разумами в качестве своеобразной консультативной коллегии.

Должен признаться, я не сразу решился принять это предложение. Несомненно, мне оказали высокую честь, остановив выбор именно на мне, и тем не менее, даже дав уже согласие, я не уверен в мудрости совершаемого шага как с моей стороны, так и со стороны человечества. Я не убежден, что человек способен достаточно уютно чувствовать себя, сохранившись в виде разума, и кроме того, опасаюсь, что со временем человечество может оказаться в чрезмерной зависимости от сконцентрированной мудрости и знаний, собранных в так называемом Банке Разумов. Да, Банк может принести пользу, если мы останемся, как сегодня, только консультативным советом, который рассматривает различные вопросы и выдает рекомендации. Но если люди когда-нибудь станут полагаться на одну лишь мудрость прошлого, прославляя или обожествляя ее, поклоняясь ей и не веря в мудрость своего настоящего, то мы превратимся в помеху.

Я не знаю, почему пишу Вам это. Возможно, потому, что, кроме Вас, мне писать некому. Ведь в значительной мере Вы — это и есть я.

Как странно, что одному человеку выпало в жизни принимать дважды настолько схожие решения. Все те сомнения, которые обуревают меня теперь, мне уже пришлось испытать, тогда я оказался в числе тех, чей разум предлагалось наложить на Ваш мозг. Мне казалось, что можно было подобрать разум, более пригодный для Вас, чем мой. Мои склонности и предубеждения могли оказать Вам плохую услугу. Это же соображение беспокоит меня до сих пор: пригодился ли Вам или подвел Вас мой разум?

Если человек размышляет над подобными вопросами, это свидетельствует о том, что в своем развитии от простого животного он проделал действительно значительный путь. Я много раз задумывался, не слишком ли далеко мы зашли, не завело ли нас наше интеллектуальное тщеславие в запретную зону. Но такие мысли стали посещать меня сравнительно недавно. И, как на плод сомнений стареющего человека, на них не следует обращать внимания.

Мое письмо, наверное, кажется Вам сбивчивым и несущественным. Однако, если Вы наберетесь еще немного терпения, я попытаюсь подойти к сути, ради которой это письмо написано.

Все эти годы я думал о Вас, не зная, живы ли Вы, и, если живы, где Вы и когда вернетесь. Полагаю, что к настоящему моменту Вы поняли, что некоторые, а может быть, даже многие из тех, кто Вас изготовил, рассматривали Вас как задачу из области биохимии, не более. Думаю также, что за долгие годы Вы свыклись с этим и поэтому не обидитесь на прямоту моих слов.

Что касается меня, то я всегда считал Вас собратом по людскому племени, практически таким же человеком, как я сам. В семье, как Вам известно, я остался единственным ребенком. И мне часто казалось, что в Вас я вижу того брата, которого никогда не имел. Но истину я осознал позднее. Она заключается в том, что Вы не брат мне. Вы мне значительно ближе, чем брат. Вы мое второе Я, но ни в коей мере не вторичное, а равное во всех отношениях. И это письмо я пишу в надежде на то, что, если Вы вернетесь, Вы захотите связаться со мной, даже если физически я буду мертв. Меня очень интересуют Ваши дела и мысли. Мне кажется, что, побывав там, где Вы побывали в своем профессиональном качестве, Вы могли прийти к весьма любопытным и содержательным оценкам и взглядам.

Станете ли вы связываться со мной или нет, решать Вам. И как бы мне ни хотелось поговорить с Вами, я не совсем убежден, что нам следует это делать. Оставляю это целиком на Ваше усмотрение в полной уверенности, что Вы примете наиболее целесообразное решение. Я же в настоящий момент усиленно размышляю над тем, стоит ли постоянно поддерживать существование одного человеческого разума. Мне видится, что, хотя разум является главным в человеческом существе, человек все же больше, чем только разум. Человек — это не только рассудок, но и память, и способность усваивать факты и вырабатывать оценки. Может ли он сориентироваться в той невероятной стране, в которой оказывается, когда выживает один лишь разум? Возможно, он останется человеком, но тогда возникнет вопрос о степени его человечности. Превращается ли он в нечто большее или нечто меньшее, нежели человек?

Ну что ж, если Вы сочтете, что нам следует побеседовать, Вы поделитесь со мной своими мыслями по этому поводу. Однако, если Вы полагаете, что нам лучше не встречаться, и я об этом как-то узнаю, то, заверяю Вас, у меня не будет обиды. И в этом случае пусть с Вами останутся всегда мои наилучшие пожелания и любовь.

Искренне Ваш Теодор Робертс».

Блейк сложил письмо, засунул его обратно в карман туники.

Все еще Эндрю Блейк, подумал он, а не Теодор Робертс. Может быть, Тедди Робертс, но Теодор Робертс — никогда.

Допустим, он сядет за телефон и наберет номер Банка Разумов. Что делать, когда ответит Теодор Робертс? Что сказать? Ему нечего предло-

жить. Это будет встреча двух людей, которые в равной степени нуждаются в помощи и ждут помощи друг от друга, не умея ее оказать.

Можно будет сказать: я оборотень — так меня называют в газетах. Только отчасти человек, не более чем на треть. На остальные две трети я нечто такое, о чем ты никогда не слышал, а если бы услышал, то не поверил бы. Я уже больше не человек, и мне нет места на всей Земле. Я не знаю, кто я. Я чудовище, урод и всякому, к кому я прикоснусь, причиняю одну лишь боль.

Да, это верно. Он причиняет боль всякому, с кем встречается. Элин Гортон — она поцеловала его, девушка, которую он мог бы полюбить и, возможно, уже полюбил. Но ведь любить может лишь человеческая его часть, только треть его. А это причинит боль ее отцу, замечательному старику с негнущейся спиной и несгибаемыми принципами. И причинит неприятности молодому доктору Даниельсу, который первым стал его другом и какое-то время был его единственной поддержкой.

Он всем им мог причинить боль — и причинит, если только...

Вот оно. Если.

Необходимо что-то сделать, предпринять какое-то действие, но какое?

Медленно встав со ступенек, он направился было к воротам, затем повернулся и зашел в церковь, в боковой придел.

В помещении царили тишина и полумрак. Электрические канделябры, расставленные на аналое, терялись среди теней — слабый огонек костра в пустынной темноте покинутой всеми равнины.

Место для размышлений. Место, где можно придумать план действий, провести с самим собой тайное совещание. Тщательно проанализировать свое положение, взвесить ситуацию и определить следующий шаг.

Из придела Блейк перешел в центральную часть здания, к скамейкам. Но садиться не стал, а остался стоять, поддерживаемый окутавшей его сумеречной тишиной, которую скорее подчеркивал, чем нарушал, доносившийся снаружи мягкий шорох ветра в соснах.

Блейку стало ясно, что наступило время решать. Здесь он наконец оказался в той точке пространства и времени, откуда нет пути к отступлению. До этого он убегал, и в бегстве был смысл, но теперь эта простая реакция на обстоятельства утратила логику. Потому что убегать дальше некуда. Блейк достиг окончательного предела, и теперь, если продолжать бег, надо разобраться, куда бежать.

Здесь, в этом маленьком городке, он узнал о себе все, что можно было узнать, и город стал тупиком. Вся планета оказалась тупиком, и нет для него места на этой Земле, и среди людей тоже нет места.

Даже принадлежа Земле, не может претендовать на статус человека. Он гибрид, а не человек, нечто такое, что никогда не существовало прежде, но возникло в результате жутких проектов человечества. Команда из трех различных существ, обладающих возможностью и способностью решать, а может быть, и решить, главную загадку Вселенной, но эта загадка не имеет прямого отношения ни к планете Земля,

ни к жизненным формам, населяющим ее. И он здесь ничего не может сделать для этой планеты, как и она для него.

Возможно, на другой планете, бесцветной и безжизненной, где никто не будет мешать, на планете, где нет цивилизации и где ничто не отвлекает, Блейк сумеет осуществить свою миссию — как команда, а не как человек. Именно он, триединный.

Он вновь задумался над могуществом этих трех разумов, соединенных нечаянным и неожиданным поворотом событий, которые породил человеческий разум, — сила и красота, чудо и ужас. И содрогнулся перед сознанием того, что на Земле, возможно, был создан инструмент, поправший любые понятия цели и смысла, на поиски которых во Вселенной ему предстоит пуститься.

Вероятно, со временем все три разума сольются в один, и, когда это произойдет, вклад человека в нем перестанет иметь значение, поскольку не будет более существовать. А тогда лопнут, разорвутся нити, связывающие его с планетой по имени Земля и с расой обитающих на ней двуногих существ, и он станет свободным. Тогда, сказал себе Блейк, он сможет расслабиться, забыть. И когда забудет, когда из него исчезнет человеческое, тогда Блейк сможет отнестись к силе и возможностям множественного разума как к чему-то вполне обыденному. Ибо интеллект человека, каким бы развитым он ни был, чрезвычайно ограничен. Он поражается чудесам и страшится цельного восприятия Вселенной. И все же, несмотря на ограниченность, человеческий разум дает ощущение безопасности, тепла, уюта.

Блейк перерос человека в себе, и это было болезненно. От этого он чувствовал не только тепло и уют, но и слабость и пустоту.

Он сел на пол, обхватив себя руками. Даже этот крошечный кусочек пространства, подумал Блейк, даже эта комнатка, в которую он, сжившись, втиснулся, — даже это место не принадлежит ему, а он не принадлежит этому месту. У него нет ничего. И сам Блейк — запутанное ничто, произведенное на свет случайным стечением обстоятельств. Этот мир никогда не предназначался для таких, как он. Он — непрошеный гость. Непрошеный, возможно, только применительно к этой планете, однако все еще упорно сидящий в нем человек никак не может отказаться от нее — и она оказывается единственным во всей Вселенной местом, которое имеет для него значение.

Не исключено, когда-нибудь Блейк стряхнет с себя человечность, но если это случится, то не раньше чем через несколько тысяч лет. А сейчас это его Земля. Сейчас, а не через вечность — и Земля, и Вселенная.

Блейк ощутил теплую волну чужого сочувствия к себе, он смутно осознавал, откуда оно, и даже, несмотря на горечь и отчаяние, понял, что это западня, и закричал, силясь высвободиться.

Блейк сопротивлялся как мог, но те двое все равно влекли его к себе, в ловушку, он слышал их слова и мысли, которыми они обменивались между собой, с которыми они обращались к нему, хотя и не понимал их.

Их сочувствие оплело его, и они взяли его и крепко прижали к себе, и их инопланетная теплота окутала его тугим, защищающим от всех опасностей одеялом.

Он начал погружаться в негу забвения, и сгусток измучившей его агонии растаял, растворился в мире, где не было ничего, кроме троих — его и тех двух других, связанных воедино на вечные времена.

27

Промозглый и колючий декабрьский ветер завывал над землей, срывая последние бурые сухие листья с дуба, который одиноко рос на середине склона холма. Рваные тучи мчались по небу, и ветер доносил запах скорого снегопада. У кладбищенских ворот стояли двое в синем; бледное зимнее солнце, на миг пробиваясь сквозь тучи, сверкало на начищенных пуговицах и стволах винтовок. Сбоку от ворот собралась горстка туристов, они смотрели через чугунную ограду на белую церквушку.

— Сегодня их немного, — сказал Райан Уилсон. — В хорошую погоду, особенно по выходным, сюда приходят целые толпы. Я это не очень одобряю, — продолжал он. — Там Теодор Робертс. Мне все равно, какое обличье он принимает. В любом случае это Теодор Робертс.

— Как я вижу, доктора Робертса высоко ценили в Уиллоу-Гроув, — сказала Элин.

— Это так, — отвечал Уилсон. — Из нас он был единственным, кому удалось завоевать известность. Городок гордится им.

— И все это вас возмущает?

— Не знаю, подходит ли тут слово «возмущение». Пока соблюдаются приличия, мы не возражаем. Но толпа нет-нет да и разгуляется. А мы этого не любим.

— Может быть, мне не стоило приезжать, — проговорила Элин. — Я долго раздумывала и,чем больше копалась в себе, тем сильнее чувствовала, что должна приехать.

— Вы были его другом, — с грустью сказал Уилсон. — Вы имеете право приходить к нему. Вряд ли у него было очень много друзей.

Люди потянулись от ворот вниз по склону холма.

— В такой день им и смотреть-то особенно не на что, — сказал Уилсон. — Вот они и не задерживаются. Одна только церковь. В хорошую погоду ее двери, разумеется, бывают открыты, и можно заглянуть внутрь, но и тогда мало что увидишь. Просто темная полоса. Но когда двери открыты, кажется, будто там что-то светится. Поначалу ничего не светилось и ничего не было видно. Словно смотришь в дырку прямо над полом. Все как шорами закрыто. Думаю, это какой-то экран. Но потом экран, или защита, или что там еще, постепенно исчез, и теперь можно увидеть, как эта штука светится.

— Они пропустят меня внутрь? — спросила Элин.

— Думаю, что да, — ответил Уилсон. — Я сообщу капитану. Нельзя упрекать Космическую Службу за такие строгие меры предосторожности. Вся ответственность за то, что там находится, лежит на них. Они начали этот проект двести лет назад. Того, что случилось, могло и не быть, если бы не проект «Оборотень».

Элин вздрогнула.

— Простите меня, — сказал Уилсон. — Я не должен был говорить так.

— Почему? — спросила она. — Как бы неприятно это ни было, его все так называют.

— Я рассказывал вам о том дне, когда он пришел в мою контору, — сказал Уилсон. — Это был молодой милый человек.

— Это был испуганный человек, бегущий от мира, — поправила его Элин. — Если б только он сказал мне...

— Возможно, тогда он не знал...

— Он знал, что попал в беду. Мы с сенатором помогли бы ему. И доктор Даниельс помог бы.

— Он не хотел впутывать вас. В такие вещи друзей обычно не втягивают. А ему хотелось сохранить вашу дружбу. Более чем вероятно, что он боялся потерять ее, рассказав все вам.

— Да, я понимаю, он мог так рассуждать, — ответила Элин. — И я даже не пыталась заставить его поделиться со мной. Но я не хотела делать ему больно. Думала, что надо оставить ему шанс самому все узнать.

Толпа спустилась с холма, прошла мимо них и двинулась по дороге дальше.

Пирамида стояла слева, перед рядами стульев. Она тускло поблескивала и излучала широкую, слегка пульсирующую полосу света.

— Не подходите слишком близко, — посоветовал капитан. — Вы можете испугать его.

Элин не ответила. Она смотрела на пирамиду. От ужаса и изумления, внушаемых этим странным предметом, к горлу подкатывал удушливый комок.

— Можно приблизиться еще на два-три ряда, — сказал капитан. — Но подходить вплотную нельзя. Мы же толком ничего не знаем о ней.

— Испугать? — переспросила Элин.

— Не знаю, — ответил капитан. — Уж так эта штука себя держит. Будто боится нас. Или просто не желает иметь с нами никаких дел. До недавнего времени было по-другому. Она была черной. Кусочек пустоты. Создала собственный мир и воздвигла вокруг него всевозможные защитные приспособления.

— А теперь он знает, что мы не причиним ему вреда?

— Ему?

— Эндрю Блейку, — пояснила она.

— Вы знали его, мисс? Так сказал мистер Уилсон.

— Я трижды встречалась с ним, — ответила она.

— Насчет того, знает ли он, что мы не причиним ему вреда, — проговорил капитан. — Возможно, в этом все дело. Кое-кто из ученых так думает. Многие пытались изучать эту штуку... простите, мисс Гортон, изучать его. Но далеко продвинуться им не удалось. У них почти нет материала для работы.

— Они уверены? — спросила Элин. — Они уверены, что это Эндрю Блейк?

— Там, под пирамидой, — сказал ей капитан. — У ее основания с правой стороны.

— Туника! — воскликнула она. — Та самая, что я дала ему!

— Да, туника, которая была на нем. Вот она, на полу. Один только краешек торчит. Не отходите от меня слишком далеко, — предупредил капитан. — Не приближайтесь к нему.

Элин сделала еще шаг и остановилась. Глупо, подумала она. Если Эндрю здесь, он знает, знает, что это я, и не испугается. Знает, что я не принесла ему ничего, кроме своей любви.

Пирамида мягко пульсировала.

Но он может и не знать, раздумывала Элин. Может, Блейк укрылся здесь от всего мира. И если он это сделал, значит, у него была причина.

Интересно, каково это — вдруг узнать, что твой разум — разум другого человека, разум, взятый взаймы, ибо собственного ты иметь не можешь, поскольку человек еще недостаточно изобретателен, чтобы создать разум? Его изобретательности хватит, чтобы сделать кости, плоть, мозг, но не создать разум. А насколько тяжелее, должно быть, знать, что ты часть двух других разумов — по меньшей мере двух?

— Капитан, — сказала она. — А ученым известно, сколько там разумов? Их может быть больше трех?

— Кажется, они так и не пришли к общему мнению, — ответил он. — На сегодняшний день положение таково, что их может быть сколько угодно.

Сколько угодно, подумала Элин. Это — вместилище бесконечно большого числа разумов. Всей мысли Вселенной.

— Я здесь, — беззвучно сказала она существу, бывшему некогда Эндрю Блейком. — Разве ты не видишь, что я здесь? Если я буду нужна тебе, если ты когда-нибудь снова превратишься в человека...

Но почему Блейк должен опять превращаться в человека? Может быть, он превратился в эту пирамиду как раз потому, что ему не надо быть человеком? Не надо общаться с родом людским, частью которого он не может стать?

Она повернулась и неуверенно шагнула к выходу из церкви, потом снова вернулась назад. Пирамида мягко светилась, она казалась такой спокойной и прочной и вместе с тем такой отрешенной, что у Элин перехватило горло, а глаза наполнились слезами.

Я не заплачу, зло сказала она себе. Кого мне оплакивать? Эндрю Блейка? Себя? Спятившее человечество?

Он не мертв, думала она. Но это, быть может, хуже смерти. Будь он мертвым человеком, она могла бы уйти. Могла бы сказать: «Прощай».

Однажды Блейк обратился к ней за помощью. Теперь она уже не в силах помочь ему. Люди не в силах помочь ему. Вероятно, подумалось ей, он уже недоступен для человечества.

Она снова повернулась.

— Я пойду, — сказала она. — Капитан, прошу вас, идите рядом со мной.

28

Там было все. Громадные черные башни, вросшие в гранитную оболочку планеты, тянулись к небесам. Без движения застыла во времени зеленая, окруженная деревьями поляна, и какие-то животные резвились на ее цветочном ковре. Над пурпурным, испещренным пятнами пены морем возвышались воздушные завитки спирали бледно-розового сооружения. А по огромному, иссушенному жарой плато торчали во все стороны горчичные купола, в которых обитали разумы-отшельники. И не только купола — не только их изображения, перехваченные со звезд, которые ледяными кристаллами раскинулись по небосводу над планетой песчаных и снежных дюн, — но и мысли, идеи и понятия, приставшие к изображениям, как комья земли пристают к выдернутым корням.

Мысли и понятия эти в большинстве своем были всего лишь отдельными, не связанными друг с другом частицами, но каждая из них могла послужить трамплином к решению логической задачи, задачи, которая поражает, а порой и пугает своей сложностью. И все же кусочки информации один за другим вставали на место и, единожды опознанные, стирались из активного восприятия, но каждый в любой момент можно было вызвать из каталога и восстановить.

Работа доставляла ему удовлетворение и радость, и это беспокоило его. Он ничего не имел против удовлетворения, но вот радость — это было плохо. Ощущение, которого раньше Мыслитель никогда не испытывал и которое не должен был испытывать теперь; нечто ему чуждое — эмоции. А эмоциям нет места, если хочешь достичь оптимальных результатов, думал он, с раздражением пытаясь истребить в себе радость.

Это как заразная болезнь, сказал себе Мыслитель. И заразился он ею от Оборотня. И еще, возможно, от Охотника — существа, мягко говоря, весьма нестабильного. Теперь ему следует поостеречься: радость — уже достаточно скверно, но от этих двоих можно заразиться и другими аналогичными эмоциями, которые окажутся еще хуже.

Он освободился от радости, выставил охрану против других опасностей и продолжил работу, дробя мысли и понятия до мельчайших составляющих, до формул, аксиом и символов, при этом следя за тем, чтобы в процессе не потерялась их суть, потому что суть понадобится позже.

Время от времени ему встречались обрывки информации, в которых яв-

но что-то крылось, их следовало пометить и отложить, чтобы затем поразмыслить над ними или подождать, пока не появятся дополнительные данные. В целом выстраивалась достаточно прочная логическая основа, но при слишком дальних экстраполяциях увеличивались значения погрешности, и для корректировки требовались новые данные. Столько скользких мест на пути, на каждом шагу ловушки. Продвижение к решению требовало дисциплины и постоянного самоконтроля, чтобы полностью исключить из процесса понятие собственного Я. И именно поэтому, подумал он, столь нежелательно влияние радости.

Взять, например, материал, из которого сделана черная башня. Настолько тонкий, что непонятно, как он выдерживает даже собственный вес, не говоря уже о весе других конструкций. Информация об этом была четкой и убедительной. Но в ней проглядывало и кое-что другое: намек на нейтроны, спрессованные столь плотно, что материал приобрел характеристики металла, и удерживаемые в этом состоянии силой, не имеющей определения. В намеке присутствовало время, но является ли время силой? Временной сдвиг, может быть. Время, силящееся занять свое законное место в прошлом или будущем, вечно стремящееся к цели, недостижимой из-за противодействия какого-то фантастического механизма, который разлаживает его ход?

А космические рыбаки, которые забрасывают сети в пространстве, процеживают кубические световые годы пустоты и отлавливают энергию, извергнутую в космос мириадами разъяренных солнц. А заодно — и планктон, состоящий из немыслимых вещей, которые когда-то либо двигались, либо жили в космосе, — мусор с необозримых космических пустырей. Причем никаких сведений о самих рыбаках, ни об их сетях, ни о том, как эти сети ловят энергию. Лишь мысль о рыбаках и их промысле. И не исключено, что это просто фантазия какого-нибудь затуманенного коллективного разума, чья-то религия, вера или миф — или в самом деле существуют такие рыбаки?

Обрывки сведений, эти и многие другие, и еще один, настолько слабый, что отпечаток его почти не фиксировался — потому, быть может, что оно было поймано от звезды столь далекой, что даже приходящий от нее свет уставал от непомерного пути. Вселенский разум, говорилось в нем, и больше ничего. Что имелось в виду? Может быть, разум, объединяющий все мыслительные процессы. А может, разум, установивший закон и порядок, в соответствии с которыми электрон начал вращаться вокруг ядра и запустил пульс причин и следствий, породивших галактики.

Так много всего в нескольких странных, интригующих обрывках информации. И это только начало. Урожай, снятый за ничтожный промежуток времени с одной лишь планеты. Но как все важно — каждый бит информации, каждый отложившийся на восприятии отпечаток. Всему должно быть найдено свое место в структурах законов и взаимосвязей, причин и следствий, действий и противодействий, из которых и слагается Вселенная.

Нужно лишь время. Составить мозаику помогут дополнительные дан-

ные и дополнительные логические ходы. Что касается времени, то о нем как о факторе можно не беспокоиться. Времени целая вечность.

Расположившись на полу церкви, Мыслитель ровно и мягко пульсировал: логический механизм, составляющий его разум, продвигался к универсальной истине.

29

Оборотень боролся изо всех сил. Он должен выбраться. Должен спастись. Он не может больше оставаться погребенным в этой черноте и тиши, в уюте и безопасности, которые обволокли и спеленали, поглотили его.

Оборотень не хотел борьбы. Он предпочел бы остаться там, где находился, и тем, чем был. Но что-то заставляло его бороться — что-то не внутри его, а снаружи — некое создание, или существо, или обстоятельство, которое звало и говорило, что оставаться нельзя, как бы он ни хотел остаться. Что-то еще надо было сделать, что-то надо было обязательно сделать, и задание это, каким бы оно ни было, выполнить мог только он.

— Спокойней, спокойней, — сказал Охотник. — Оставайся там, где ты есть, так будет лучше.

Снаружи? — удивился он. И вспомнил. Женское лицо, высокие сосны у ворот — другой мир, на который он смотрел будто бы через стену струящейся воды, далекий, расплывчатый, нереальный. Но Оборотень твердо знал, что тот мир существует.

— Вы заперли меня! — закричал он. — Отпустите сейчас же.

Но Мыслитель не обратил на него внимания. Он продолжал мыслить, всю свою энергию направив на бесчисленные осколки информации и фактов.

Силы его и воля иссякли, и Оборотень погрузился во тьму.

— Охотник, — позвал он.

— Не мешай, — сказал Охотник. — Мыслитель работает.

Он затих в бессильной злости, сердясь безмолвно, мысленно. Но от злости не было толку.

Я с ними так не обращался, сказал он себе. Я всегда их слушал, когда воплощались в меня.

Он лежал расслабившись, наслаждаясь покоем и тишиной, и думал, что так, возможно, лучше. Есть ли еще в чем-либо смысл? Есть ли смысл в Земле? Вот оно — Земля! Земля и человечество. И в том и в другом есть смысл. Может, не для Охотника или Мыслителя — хотя то, что имеет смысл для одного, имеет смысл и для всех троих.

Он слабо шевельнулся, но высвободиться не было ни сил, ни, судя по всему, воли.

И снова Оборотень лег и затих, набираясь сил и терпения.

Они делают это ради него, сказал он себе. Они вышли, и укрыли его

в час тревоги, и теперь держат, прижав к себе, чтобы он поправился, окреп.

Оборотень попытался вызвать ту самую тревогу, надеясь, что обретет в ней силы и волю. Но он не мог вспомнить. Воспоминание оказалось уничтоженным, стертым. От него остались лишь закраины, за которые никак не удавалось ухватиться. И он свернулся клубочком, устраиваясь в темноте, и впустил в себя тишину — но даже теперь Оборотень знал, что все равно будет бороться за то, чтобы вновь освободиться, — пусть надежда слаба, и скорее всего он проиграет, но будет пытаться снова и снова, потому что какая-то не совсем понятная, но неодолимая сила не позволит ему сдаться.

Он тихо лежал и думал, как все это похоже на сон, когда снится, что взбираешься на гору и никак не достичь вершины, или будто висишь на краю пропасти, пальцы постепенно соскальзывают, а затем бесконечное падение, исполненное страха и ожидания того, что вот-вот рухнешь на дно, но удара о скалы все нет и нет...

Время и бессилие простирались перед ним, и само время было бессильно, он знал это, потому что знал все, что знал Мыслитель: время как фактор не играет никакой роли.

Оборотень попытался посмотреть на собственное положение под правильным углом, но оно никак не хотело принимать форму, соотносимую хоть с каким-либо углом зрения. Время — расплывчатое пятно, туманная дымка реальности, и сквозь туман приближается лицо — лицо, сперва для него ничего особого не значащее, но которое он в конце концов узнал, и, наконец, лицо, которое навеки запечатлелось в его памяти.

Губы шевельнулись в полумраке, и, хотя он не мог услышать слов, они тоже навеки отпечатались в его сознании.

«Когда сможешь, дай мне знать о себе».

Вот оно, подумал он. Надо дать ей знать. Она ждет и хочет услышать, что с ним произошло.

Оборотень рванулся вверх из мрака и тишины, сопровождаемый рокотом — яростным протестующим рокотом тех двух других.

Черные башни закружились в обступающей его темноте — вращающаяся чернота, которую можно почувствовать, но нельза увидеть. И вдруг он увидел.

Блейк стоял в церкви, в полумраке, подсвеченном слабыми огнями люстры. Затем кто-то закричал, и он увидел, как к выходу через неф бежит солдат. Другой солдат растерянно замер.

— Капитан! Капитан! — орал бегущий. Второй солдат сделал короткий шаг вперед.

— Спокойно, дружок, — сказа Блейк. — Я никуда не ухожу.

Что-то путалось у него в ногах. Блейк взглянул вниз и увидел, что это его туника. Он переступил через нее, поднял и набросил на плечи.

Мужчина с нашивками на плечах пересек неф и остановился перед Блейком.

— Меня зовут капитан Сондерс, сэр, — представился он. — Космическая Служба. Мы охраняем вас.

— Охраняете или караулите? — спросил Блейк.

— Наверное, понемножку и того, и другого, — чуть заметно ухмыльнувшись, ответил капитан. — Позвольте поздравить вас, сэр, с тем, что вы снова стали человеком.

— Ошибаетесь, — ответил Блейк, поплотней закутываясь в тунику. — И наверное, теперь вы уже знаете, в чем ваша ошибка. Вам, должно быть, известно, что я не человек — не совсем человек.

Может быть, подумал он, человеческое в нем лишь одно обличье. Хотя нет, этого мало, ведь его разрабатывали и строили как человека. Конечно, произошли определенные изменения, но Блейк не настолько изменился, чтобы стать нечеловеком. Он сделался нечеловеком ровно настолько, чтобы стать неприемлемым. Нечеловеком ровно настолько, чтобы человечество сочло его чудовищем, монстром.

— Мы ждали, — сказал капитан. — И надеялись...

— Сколько? — спросил Блейк.

— Почти год, — ответил капитан.

Целый год! — подумал Блейк. Ни за что бы не поверил. Казалось, прошло лишь несколько часов, не больше. А интересно, сколько его держали в центральных недрах общего разума, пока Оборотень понял, что должен освободиться? Или он понял это с самого начала, с той минуты, как Мыслитель подавил его? Ответ на это дать трудно. Время применительно к изолированному разуму, возможно, лишено всякого смысла и годится для измерения продолжительности не более, чем школьная линейка.

И все же времени прошло достаточно, по крайней мере для того, чтобы излечиться. Не было больше ни ужаса, ни режущей на куски агонии, теперь Блейк мог мириться с тем, что он в недостаточной степени человек и не может претендовать на место на Земле.

— И что теперь? — спросил он.

— Мне приказано, — ответил капитан, — сопроводить вас в Вашингтон, в штаб Космической Службы. Если к этому не будет препятствий.

— Препятствий не будет, — заверил его Блейк. — Я не собираюсь оказывать сопротивление.

— Я не вас имею в виду, — сказал капитан, — а толпу на улице.

— Что значит «толпу»? Какая такая толпа?

— На этот раз толпа поклоняющихся вам фанатиков. Дело в том, что возникли секты, которые, насколько мне известно, верят, будто вы пророк, посланный избавить человека от его греховности. А иногда собираются другие группы, объявившие вас исчадьем... Извините, сэр, я забылся.

— А что, — поинтересовался Блейк, — эти группы, и те и другие, причиняют вам какие-нибудь хлопоты?

— Причиняют, сэр, — подтвердил капитан. — И иногда немалые. Поэтому мы должны выбраться отсюда незаметно.

— Но почему не выйти просто через ворота? И положить всему конец?

— Боюсь, что ситуация не столь проста, как вам кажется, — сказал капитан. — Буду с вами откровенен. Кроме нескольких наших людей, о том, что вы уйдете отсюда, не будет знать никто. По-прежнему будет стоять охрана и...

— Вы будете делать вид, что я все еще здесь?

— Да. Так мы избежим ненужных осложнений.

— Но когда-нибудь...

— Нет, — покачал головой капитан, — по крайней мере, не скоро, очень не скоро. Вас никто не увидит. А корабль уже ждет. Так что вы можете лететь, конечно, если хотите лететь.

— Спешите избавиться от меня?

— Может быть, — ответил капитан. — Но еще и хотим дать вам возможность избавиться от нас.

30

Земля хочет избавиться от него. Возможно, она его боится. Возможно, он просто внушает ей отвращение. Мерзкий плод ее собственного честолюбия и фантазии, плод, который надо быстренько замести под половик. Ибо не осталось ему места на Земле и среди людей, и вместе с тем он был порождением человечества, а его существование стало возможным благодаря смекалке и хитроумию земных ученых.

Блейк раздумывал об этом, когда впервые удалился в церковь, и теперь, стоя у окна своей комнаты и глядя на улицы Вашингтона, он знал, что был прав и точно оценил реакцию человечества.

Хотя нельзя было определить, в какой степени эта реакция исходит непосредственно от людей Земли, а в какой — от чинуш Космической Службы. Для Службы он был давней ошибкой, просчетом планирования с далеко идущими последствиями. И чем быстрее от него избавятся, тем им будет лучше.

Блейк помнил, что на склоне холма за оградой кладбища была толпа, которая собралась, чтобы отдать дань уважения тому, чем он был в ее глазах. Зеваки? Разумеется. Верующие? Более чем вероятно. Люди, падкие на любые свежие сенсации, которыми можно заполнить пустоту жизни, но все равно люди, все равно человеческие существа, все равно человечество.

Блейк стоял и смотрел на залитые солнцем улицы Вашингтона, на редкие машины, сновавшие по проспекту, и ленивых пешеходов, слонявшихся под деревьями на тротуарах. Земля, думал он. Земля и люди, живущие на ней. У них есть работа, семьи, ради которых стоит спешить домой; у них есть домашнее хозяйство и увлечения, свои тревоги и маленькие торжества, друзья. Но это — зависимые люди. Интересно, мог бы он задумываться об этом, если бы сам был зависим, если бы в силу каких-то невообразимых обстоятельств человечество приняло его? Одному ему бы-

ло не по себе. Блейк не воспринимал себя как одинокое существо, поскольку были и двое других, которые держались вместе, соединившись в том сгустке вещества, из которого состояло его тело.

Их не интересовало то, что он угодил в эмоциональный капкан, хотя там, в церкви, они и выказывали к этому интерес. То, что им самим были недоступны такие чувства, к делу не относилось.

Но удел изгоя, исход с Земли и скитания по Вселенной, доля парии — этого ему, наверное, не вынести.

Корабль ждал его, он был уже почти готов. И решать предстояло Блейку: он мог лететь или остаться. Хотя Космическая Служба ясно дала понять, что предпочла бы первое.

Да и что он приобретет, оставшись? Ничего. Разве что слабую надежду в один прекрасный день вновь обрести человечность.

А если он на это способен, хочет ли он этого?

В голове загудело: Блейк не находил ответа. И он стоял, со скучающим видом глядя в окно и почти не видя того, что творится на улице.

Стук в дверь заставил его обернуться.

Дверь открылась, и он увидел стоящего в коридоре охранника. Потом вошел какой-то человек, и Блейк не сразу узнал его. Но затем разглядел, кто это.

— Сенатор, — проговорил он, подходя к человеку, — вы очень любезны. Я не думал, что вы придете.

— А почему, собственно, я не должен был прийти? — спросил Гортон. — В вашей записке было сказано, что вы хотите поговорить со мной.

— Я не знал, захотите ли вы видеть меня, — произнес Блейк. — В конце концов я, вероятно, внес свой вклад в исход референдума.

— Возможно, — согласился Гортон. — Стоун поступил в высшей степени неэтично, использовав вас в качестве негативного примера. Хотя я обязан отдать должное этому парню: использовал он вас великолепно.

— Мне очень жаль, — повторил Блейк. — Это я и хотел сказать. Я бы приехал повидать вас, но, похоже, сейчас меня держат на коротком поводке.

— Ну-ну, — возразил сенатор. — Думается, у нас куда больше тем для беседы. Референдум и его результаты, как вы можете догадаться, довольно болезненный для меня предмет. Только позавчера я отослал им прошение об отставке. Откровенно говоря, мне понадобится время, чтобы привыкнуть к мысли, что я не сенатор.

— Может быть, присядете? — предложил Блейк. — Вон в то кресло, что ли. Я могу раздобыть немного коньяку.

— От всего сердца одобряю эту мысль, — сказал сенатор. — Уже достаточно поздно, можно начинать дневное возлияние. В тот раз, когда вы пришли к нам в дом, мы пили коньяк. Если память меня не подводит, бутылочка была особая.

Он сел в кресло и обвел глазами комнату.

— Должен заметить, что о вас неплохо заботятся, — заявил он. — По меньшей мере офицерские апартаменты.

— И страж у дверей, — добавил Блейк.

— Вероятно, они немного побаиваются вас.

— Наверное, но в этом нет нужды.

Блейк подошел к винному шкафчику, достал бутылку и два стакана. Потом он пересек комнату и уселся на кушетку лицом к Гортону.

— Как я понимаю, вы вот-вот покинете нас, — сказал сенатор. — Мне говорили, что корабль почти готов.

Блейк кивнул, разливая коньяк.

— Я немного размышлял об этом корабле, — сказал он. — Экипажа не будет. Я один на борту. Полная автоматика. Сделать такое всего за год...

— О, не за год, — возразил сенатор. — Разве никто не позаботился рассказать вам о корабле?

Блейк покачал головой.

— Меня кратко проинструктировали. Да, это точное слово: проинструктировали. Мне сказали, на какие рычаги нажимать, какие циферблаты крутить, чтобы попасть туда, куда я хочу попасть. Как работает система снабжения продуктами. Хозяйство корабля. Но это все. Разумеется, я спрашивал, но ответов у них, похоже, не было. Кажется, главная их цель — поскорее выпихнуть меня с Земли.

— Понимаю, — сказал сенатор. — Старые военные игры. Всякие там каналы и подобные тому штуки, наверное. И чуть-чуть этой их нелепой секретности.

Он поболтал коньяк в стакане и поднял глаза на Блейка.

— Если вы думаете, что это ловушка, не бойтесь. Это не так. Корабль будет делать все, что они обещают.

— Рад это слышать, сенатор.

— Корабль не строили. Его, можно сказать, вырастили. Он не сходил с чертежных досок в течение сорока лет или дольше. Конструкцию меняли множество раз, испытывали снова и снова, строили и разбирали, чтобы внести усовершенствования. Это была попытка создать идеальный корабль, понимаете? На него потрачены миллионы человеко-дней и миллиарды долларов. Корабль способен работать вечно, и человек может жить в нем вечно. Это единственное средство, способное помочь человеку, оснащенному так, как вы, уйти в космос и выполнить ту работу, для которой и строили корабль.

Блейк вздернул брови.

— Один вопрос, сенатор: зачем столько хлопот?

— Хлопот? Не понимаю.

— Послушайте — все, что вы говорите, верно. Это странное создание, о котором мы вели разговор, на треть состоящее из меня, способно летать по Вселенной на таком корабле и делать дело. Но какая будет отдача? Что сулит это человечеству? Может быть, вы верите, что когда-нибудь мы вернемся, преодолев расстояния в миллионы световых лет, и передадим вам все приобретенные знания?

— Не знаю, — сказал сенатор. — Может быть, так они и думают. Может быть, у вас достанет человечности вернуться.

— Сомневаюсь, сенатор.

— Что ж, — сказал тот, — не вижу большого смысла говорить об этом. Вдруг возвращение окажется невозможным, даже если вы захотите. Мы понимаем, сколько времени займет ваша работа, и человечество не настолько глупо, чтобы верить в свое вечное существование. К тому времени, когда вы получите ответ, нас может уже и не быть.

— Мы получим ответ. Если мы полетим, то получим его.

— Еще одно, — сказал сенатор. — Вам не приходило в голову, что человечество, быть может, способно дать вам возможность полететь в космос в поисках ответа, даже зная, что оно ничего на этом не выгадает? Зная, что где-то во Вселенной найдется некий разум, которому будет полезен ваш ответ и ваши знания?

— Об этом я не подумал, — сказал Блейк. — И я не убежден, что это так.

— Мы досадили вам, не правда ли?

— Не знаю, — ответил Блейк. — Не могу сказать, какие чувства я испытываю. Человек, который вернулся домой и которого сразу же пинком выпроваживают вон.

— Вы не обязаны покидать Землю. Я думал, вам самому этого хочется. Но если вам угодно остаться...

— Остаться? Зачем? — воскликнул Блейк. — Чтобы сидеть в красивой клетке и сполна пользоваться казенной добротой? Чтобы на меня пялили глаза и показывали пальцем? Чтобы дураки преклоняли колена возле этой клетки и молились, как там, в Уиллоу-Гроув?

— Наверное, это было бы довольно бессмысленно, — согласился Гортон. — Я имею в виду — остаться тут. В космосе у вас по крайней мере будет занятие, и...

— И еще одно, — прервал его Блейк. — Как получилось, что вы столько обо мне знаете? Как вы это раскопали? Как вычислили, в чем тут дело?

— Насколько я понимаю, при помощи дедукции, — ответил Гортон, — основанной на тщательных исследованиях и дотошных наблюдениях. Это не все. Но этого достаточно, чтобы понять, какими способностями вы обладаете и как можете их применить. Мы поняли, что такие способности не должны пропадать зря; надо было дать вам возможность использовать их. Кроме того, мы подозревали, что здесь, на Земле, вы их реализовать не сумеете. Тогда-то Космическая Служба и решила предоставить вам корабль.

— Вот, значит, к чему все сводится, — сказал Блейк. — Я должен выполнить задание, хочу я того или нет.

— По-моему, решать вам, — с холодком в голосе проговорил Гортон.

— Я на эту работу не напрашивался.

— Да, — согласился Гортон. — По-видимому, не напрашивались. Но

вы можете обрести удовлетворение в ее заманчивости.

Они помолчали. Обоим было не по себе от того, что разговор принял такой оборот. Гортон допил коньяк и отставил стакан. Блейк потянулся за бутылкой.

— Нет, благодарю вас. Мне скоро идти. Но прежде я задам вам вопрос. Вот он: что вы рассчитываете там найти? И что вы уже знаете?

— Относительно того, что мы предполагаем найти, я не имею ни малейшего представления, — ответил Блейк. — Что мы уже знаем? Массу вещей, которые не сложишь в цельную картину.

Гортон тяжело поднялся. Движения его были скованными.

— Я должен идти, — сказал он. — Спасибо за коньяк.

— Сенатор, — проговорил Блейк, — я послал Элин письмо, а ответа нет.

— Да, я знаю, — сказал Гортон.

— Мне нужно повидаться с ней перед отлетом, сэр. Я хочу кое-что ей сказать.

— Мистер Блейк, — заявил Гортон, — моя дочь не желает ни видеть вас, ни говорить с вами.

Блейк медленно поднялся. Они стояли лицом к лицу.

— А причина? Вы можете сказать, почему?

— Я думаю, что причина должна быть очевидна даже для вас, — ответил Гортон.

31

Тени уже заползали в комнату, а Блейк все сидел на кровати не шевелясь, и мысль его все крутилась вокруг одного-единственного беспощадного факта.

Элин не желала ни видеть его, ни говорить с ним — хотя она, чье лицо он запомнил навсегда, помогла ему вырваться из тьмы и покоя. Если сенатор сказал правду, все его усилия и борьба были напрасны. Лучше бы Блейк тогда остался там, где был, и залечивал бы раны, пока Мыслитель доведет до конца свои размышления и подсчеты. Но правду ли сказал сенатор? Может быть, он затаил на него обиду за роль, которую Блейк сыграл в поражении столь дорогой ему биоинженерной программы? И таким образом решил отплатить, хотя бы частично, за собственное разочарование?

Нет, это маловероятно, сказал себе Блейк. Сенатор — слишком искушенный политик, чтобы не отдавать себе отчет в том, что эта затея с биоинженерией была, мягко говоря, авантюрой и имела немного шансов на победу. И потом, во всем этом есть что-то странное. Поначалу Гортон был очень любезен и отмахнулся от упоминания о референдуме, а потом вдруг тон его сделался резким и холодным. Словно сенатор играл заранее продуманную роль — хотя такое предположение выглядит совершенно бессмысленным.

— Я восхищен тем, как ты держишься, — сказал Мыслитель. — Ни стонов, ни зубного скрежета, ни вырывания волос.

— Да замолчи ты! — оборвал его Охотник.

— Но я попытался сделать комплимент, — возразил Мыслитель, — и оказать моральную поддержку. Он подходит к проблеме на высоком аналитическом уровне, без эмоциональных вспышек. Единственный способ найти решение в подобной ситуации.

При этом разумный компьютер мысленно вздохнул.

— Хотя я должен признать, — сказал он, — я не в состоянии разобраться в важности данной проблемы.

— Не обращай на него внимания, — посоветовал Охотник Блейку. — Я заранее принимаю любое твое решение. Если хочешь задержаться на этой планете, я согласен. Мы подождем.

— Ну, конечно, — подтвердил Мыслитель. — Какие вопросы? Что такое одна человеческая жизнь? Ты ведь не останешься здесь дольше одной человеческой жизни?

— Сэр, — обратилась к Блейку Комната, — вы позволите включить свет?

— Нет, — сказал Блейк. — Пока не надо.

— Но, сэр, уже темнеет.

— Я люблю темноту.

— Может быть, желаете поужинать?

— Нет, не сейчас, благодарю.

— Кухня готова выполнить любой ваш заказ.

— Чуть позже, — сказал Блейк. — Я еще не голоден.

Они сказали, что не возражают, если он решит остаться на Земле и попытается стать человеком. Но зачем?

— А почему бы не попробовать? — сказал Охотник. — Человек-женщина может передумать.

— Вряд ли, — сказал Блейк.

И в этом, конечно, было самое худшее: он знал, почему она не передумает, почему никогда не захочет иметь ничего общего с подобным ему существом.

Но дело было не только в Элин, хотя, Блейк знал, прежде всего именно в ней. Ему еще предстояло оборвать последние связи с человечеством, которое могло бы стать ему родным, с планетой, которая могла бы стать его первым и единственным домом, и теперь человеческая часть его сути не желала мириться с уготованным ей насилием, не хотела терять право первородства, не успев обрести его. И все это — дом, родина, родство — из-за своей недосягаемости где-то в глубине души становилось ему особенно дорогим.

Мягко звякнул колокольчик.

— Телефон, сэр, — сказала Комната.

Он протянул руку к телефону, щелкнул выключателем. Экран продолжал моргать.

— Вызов без видеопередачи, — объявил коммутатор. — Вы имеете право не отвечать.

— Ничего, — сказал Блейк. — Давайте. Мне все равно.

Голос — четкий, ледяной, лишенный всякой интонации, — ровно произнес:

— С вами говорит разум Теодора Робертса. Вы Эндрю Блейк?

— Да, — сказал Блейк. — Как поживаете, доктор Робертс?

— Со мной все в порядке. Разве может быть иначе?

— Извините. Я забыл. Не подумал.

— Поскольку вы не связывались со мной, я решил найти вас сам. Думаю, нам надо поговорить. Насколько мне известно, вы скоро улетаете.

— Корабль почти готов, — ответил Блейк.

— Путешествие за знаниями?

— Да, — ответил Блейк.

— Летите все трое?

— Да, все трое.

— С тех пор, как я узнал о вашей ситуации, — сказал разум Теодора Робертса, — я об этом часто думаю. Несомненно, рано или поздно наступит день, когда вас станет не трое, а один.

— Я тоже так думаю, — сказал Блейк. — Но это произойдет очень не скоро.

— Время для вас не играет никакой роли, — сказал разум Теодора Робертса. — И для меня тоже. У вас бессмертное тело, которое можно разрушить только извне. А у меня тела нет вообще, и потому меня нельзя убить. Я могу умереть, только если испортится техника, содержащая мой разум.

Не имеет никакого значения и Земля. Мне кажется, вам необходимо признать этот факт. Земля — не более чем точка в пространстве, крохотная, ничтожная точка.

Если задуматься, в этой Вселенной так мало чего-либо, что действительно важно. Когда ты все просеешь через сито значительности, в нем останется только разум. Разум — общий знаменатель Вселенной.

— А человеческая раса? — спросил Блейк. — Человечество? Оно тоже не имеет значения?

— Человеческая раса, — ответил четкий, ледяной голос, — лишь мельчайшая частица разума. Не говоря уж об отдельном человеческом или каком ином существе.

— Но разве разум... — начал было Блейк и остановился.

Бесполезно, сказал он себе, разве может понять другую точку зрения существо, с которым он разговаривает, — не человек, а бестелесный разум, находящийся в плену предрассудков своего мира, не в меньшей степени, чем существо из плоти и крови — своего. Утраченный для физического бытия, он, наверное, хранит о нем столь же туманные воспоминания, как взрослый — о собственном младенчестве. Разум Теодора Робертса существует в одном измерении. Маленький мир с гибкими параметрами, в котором

не происходит ничего вне рамок движения мысли.

— Вы что-то сказали — или хотели сказать?

— По-видимому, — произнес Блейк, пропуская вопрос, — вы говорите мне это затем...

— Я говорю вам это затем, — сказал Теодор Робертс, — что знаю, насколько вы утомлены и растеряны. А так как вы — часть моего Я...

— Я не часть вашего Я, — сказал Блейк. — Два столетия назад вы дали мне разум. С тех пор разум изменился. Он уже не ваш разум.

— Но я полагал... — начал Теодор Робертс.

— Я знаю. Очень любезно с вашей стороны. Но из этого ничего не выйдет. Я стою на собственных ногах. У меня нет выбора. В моем создании участвовало много людей, и я не могу разорвать себя на части, чтобы каждому вернуть долг, — вам, биологам, которые чертили проект, техникам, изготовившим кости, мясо, нервы...

Воцарилось молчание. Затем Блейк быстро произнес:

— Простите. Наверное, мне не следовало этого говорить. Мне не хотелось бы, чтобы вы обиделись.

— Я не обиделся, — сказал разум Теодора Робертса. — Напротив, я вполне удовлетворен. Я могу теперь не беспокоиться о том, мешают ли вам мои склонности и предрассудки, которыми я вас наделил. Но я что-то разболтался. А мне надо еще сообщить вам нечто для вас важное. Таких, как вы, было двое. Был еще один искусственный человек, который полетел на другом корабле...

— Да, я слышал об этом, — сказал Блейк. — Я не раз задумывался — вам о нем что-то известно?

— Он вернулся, — сообщил разум Теодора Робертса. — Его доставили домой. Почти как вас...

— В состоянии анабиоза?

— Да. Но, в отличие от вас, в своем корабле. Через несколько лет после запуска. Экипаж испугался происходящего и...

— То есть мой случай уже никого особенно не удивил?

— Думаю, что удивил. Никому не пришло в голову увязать вас со столь давними событиями. Да и не так уж много людей в Космослужбе знали об этом. О том, что вы можете оказаться вторым из тех двух, начали догадываться незадолго до вашего побега из клиники, после слушаний по биоинженерному проекту. Но вы исчезли раньше, чем они смогли что-либо предпринять.

— А тот, другой? Он все еще на Земле? Взаперти у Космослужбы?

— Сомневаюсь, — произнес разум Теодора Робертса. — Трудно сказать. Он исчез. Больше мне ничего не известно...

— Исчез! Вы хотите сказать, его убили!

— Я не знаю.

— Вы должны знать, черт побери! — закричал Блейк. — Отвечайте! Я сейчас пойду туда и все разнесу. Я найду его...

— Бесполезно, — сказал Теодор Робертс. — Его там нет. Больше нет.

— Но когда? Как давно?

— Много лет назад. Задолго до того, как вас обнаружили в космосе.

— Но откуда вам известно? Кто сказал вам...

— Нас здесь тысячи, — ответил Теодор Робертс. — Что знает один, доступно всем. Все обычно в курсе всего.

Блейк почувствовал, как его обдало леденящим дыханием бессилия. Тот второй, исчез, сказал Теодор Робертс, и в его словах сомневаться не приходится. Но куда? Умер? Спрятался где-то? Снова отправлен в космос?

Второй искусственный человек, единственное во всей Вселенной другое существо, с которым его могло бы связать родство, — и теперь он исчез.

— Вы в этом уверены?

— Я в этом уверен, — подтвердил Теодор Робертс.

Немного помолчав, Робертс спросил:

— Так вы летите в космос? Решились?

— Да, — сказал Блейк. — Наверное, это единственное, что мне осталось. На Земле у меня ничего нет.

Да, он знал, на Земле у него ничего нет. Раз тот, второй, исчез, на Земле у него ничего не осталось. Элин Гортон отказалась с ним разговаривать, а ее отец, когда-то такой доброжелательный, вдруг сделался холодным и официальным, прощаясь с ним, и Теодор Робертс оказался колючим голосом, вещающим из одномерной пустоты.

— Когда вы возвратитесь, — сказал Теодор Робертс, — я еще буду здесь. Прошу вас, позвоните. Обещаете?

Если возвращусь, подумал Блейк. Если ты еще будешь здесь. Если кто-нибудь еще будет здесь. Если Земля заслуживает того, чтобы на нее возвращаться.

— Да, — сказал он. — Да, конечно. Я позвоню.

Он протянул руку и разъединил связь. И сидел так, не шевелясь, в безмолвной темноте, чувствуя, как Земля удаляется от него, уходит по все расширяющейся спирали и он остается один, совсем один.

32

Земля осталась позади. Солнце сделалось совсем маленьким, но все еще было Солнцем, а не одной звездой среди многих. Космический корабль падал вниз по длинному тоннелю гравитационных векторов, которые через некоторое время разгонят его до такой скорости, когда покажется, что у звезд смещаются орбиты и цвета.

Блейк сидел в кресле пилота и глядел на раскрывшуюся перед ним изогнутую прозрачность космоса. Здесь так тихо, подумал он, так тихо и покойно — полное отсутствие каких-либо событий. Через пару часов он встанет, обойдет корабль и убедится, что все в порядке, хотя заранее знает, что все будет в порядке. В таком корабле ничто не может испортиться.

— Домой, — тихо произнес Охотник в сознании Блейка. — Я лечу домой.

— Но ненадолго, — напомнил ему Блейк. — Ровно настолько, чтобы собрать то, что ты не успел собрать. А затем снова в путь, туда, где ты сможешь получить новые данные с новых звезд.

И так снова и снова, подумал он, вечно в пути, собирать урожай со звезд, обрабатывая данные в биокомпьютере — разуме Мыслителя. Поиск, беспрестанный поиск намеков, свидетельств, косвенных указаний, которые позволят составить знание о Вселенной в схему, доступную пониманию. И что же они тогда поймут? Многое, наверное, о чем сейчас никто и не подозревает.

— Охотник ошибается, — сказал Мыслитель. — У нас нет дома. У нас не может быть дома. Оборотень это уже выяснил. Нам и не нужен дом, мы это поймем со временем.

— Корабль станет нашим домом, — сказал Блейк.

— Нет, не корабль. Если вам так уж надо считать что-то домом, то тогда это Вселенная. Наш дом — весь космос. Вся Вселенная.

Возможно, это как раз то, подумал Блейк, что попытался объяснить ему разум Теодора Робертса. Земля, он сказал, не более чем точка в пространстве. Это относится, конечно, и ко всем другим планетам, ко всем звездам — они лишь разбросанные в пустоте точки концентрации вещества и энергии. Разум, сказал Теодор Робертс, не энергия, но разум. Не будь разума, все это распыленное вещество, вся эта бурлящая энергия, вся эта пустота потеряли бы смысл. Только разум в состоянии обнять материю и энергию и вложить в них значимость.

И все же, подумал Блейк, хорошо бы иметь в такой пустоте свою стоянку, чтобы можно было указать, пусть только мысленно, на какой-то сгусток энергии и сказать: вот мой дом.

Он сидел в кресле, всматриваясь в космос и снова вспоминая момент в церкви, когда впервые осознал свою бездомность, — что у него нет и никогда не может быть родины, что, появившись на свет на Земле, он никогда не станет землянином, наделенным человеческим обличьем, никогда не сможет стать человеком. Но тогда же, теперь Блейк это понял, ему стало ясно и другое: какой бы он ни был бездомный, он не одинок и одиноким никогда не будет. У него есть еще те двое других, и еще у него есть Вселенная, и все идеи, все фантазии, все, что когда-либо рождала кипящая в ней разумная жизнь.

Земля могла бы стать его домом, подумал он; Блейк был вправе рассчитывать, что она станет его домом. Точка в пространстве, снова вспомнил он. Все правильно — Земля и есть крохотная точка в пространстве. Но какой бы крохотной она ни была, она нужна человеку как маяк, как основа координат. Вселенной недостаточно, потому что она слишком всеобъемлюща. Человек с Земли — в этом есть содержание, есть личность; но человек из Вселенной — это нечто, затерянное среди звезд.

Заслышав мягкий шелест шагов, Блейк вскочил с кресла и повернулся.

В дверном проеме стояла Элин Гортон.

Он было рванулся к ней, но вдруг застыл, остановился.

— Нет! — воскликнул он. — Нет! Ты не ведаешь, что творишь...

Заяц-безбилетник, подумал он. Смертный на бессмертном корабле. Но ведь она отказалась говорить со мной, она...

— Вовсе нет, — возразила она. — Я знаю, что делаю. Я там, где мое место.

— Андроид, — с горечью произнес он. — Копия. Игрушка, сделанная, чтобы меня осчастливить. В то время как настоящая Элин...

— Эндрю, — сказала она, — я и есть настоящая Элин.

Растерянным жестом он приподнял руки, и вдруг она оказалась в его объятиях, и Блейк прижал ее к себе, всем телом, до боли испытывая радость от того, что она здесь, что с ним рядом человек, причем человек, который ему так дорог.

— Но это невозможно, — качал он головой. — Ты просто не понимаешь. Я ведь не человек. И я не всегда такой, как сейчас. Я превращаюсь в других.

— Я знаю, — повторила она, подняв на него глаза. — Это ты не понимаешь. Я — тот второй, второй из нас.

— Тот второй был мужчина, — произнес он, чувствуя себя довольно глупо. — Он был...

— Не он. Она. Тем вторым была женщина.

Так вот оно в чем дело, ну конечно же, подумал он. Говоря «он», Теодор Робертс имел в виду «человек», а не мужчина или женщина, он просто не знал.

— Но Гортон? Разве ты не его дочь?

— Нет. У сенатора была дочь по имени Элин Гортон, но она умерла. Покончила жизнь самоубийством. При каких-то обстоятельствах. Если бы это стало известно, карьера сенатора закончилась бы.

— И тогда ты...

— Именно. Но я об этом, естественно, ничего не знала. Сенатор узнал о моем существовании, когда начал раскапывать архивы программы «Оборотень». Увидев меня, он был поражен моим сходством с его дочерью. Конечно, я тогда находилась в анабиозе уже много лет. Выяснилось, что у нас с тобой, Эндрю, скверные характеры. Мы оказались совсем не такими, как они предполагали.

— Да, — согласился он, — я знаю. И теперь этому даже рад. Так ты все это время знала...

— Я узнала только недавно, — сказала она. — Видишь ли, сенатор держал Космослужбу в кулаке, а те делали все, чтобы сохранить в тайне историю с оборотнями. Поэтому, когда он пришел к ним вне себя от горя после смерти дочери, считая себя конченым человеком, ему отдали меня. Я считала себя его дочерью. Любила его, как отца. Конечно, перед этим меня подвергли всяким там гипнозам и обработкам, чтобы внушить мне, что я его дочь.

— Наверняка ему пришлось пустить в ход все свои связи, чтобы замять историю со смертью родной дочери и подменить ее тобой...

— Другому это не удалось бы, — с гордостью произнесла она. — Сенатор замечательный человек и чудесный отец, но в политике у него железная хватка.

— Ты любила его?

— Да, Эндрю, — кивнула она. — Во многих отношениях он для меня все еще отец. Даже представить невозможно, что ему стоило сказать мне правду.

— А тебе? — спросил он. — Тебе это тоже кое-чего стоило.

— Разве ты не видишь, — сказала она, — что я не могла остаться. Я не могла остаться, зная правду. Как и тебя, меня ждала жизнь уродца, отщепенца, обреченного жить вечно. А что осталось бы у меня, когда умрет сенатор?

Блейк понимающе кивнул, думая о том, как те двое людей, два человека, принимали это решение.

— И потом, — добавила она, — мое место с тобой. Мне кажется, я поняла это сразу, когда ты, весь промокший и продрогший, забрел в тот старинный каменный дом.

— Но сенатор сказал мне...

— Что я не хочу тебя видеть, что я не хочу с тобой разговаривать.

— Но почему? — спросил он недоуменно. — Почему?

— У тебя пытались отбить охоту остаться, — объяснила она. — Было опасение, что ты не захочешь расстаться с Землей и откажешься лететь. Тебе старались внушить, что с Землей тебя ничего не связывает. И сенатор, и разум Теодора Робертса, и все остальные. Потому что мы должны были лететь. Мы с тобой посланцы Земли, дар, который Земля посылает Вселенной. Если населяющему Вселенную разуму, мыслящей жизни суждено постичь то, что происходит, уже произошло, произойдет в будущем и какой во всем этом смысл, то мы с тобой можем помочь в этом.

— Так, значит, Земля все же наша родина? Земля не отреклась от нас...

— Конечно нет, — сказала она. — Теперь тайна раскрыта, все о нас знают, и Земля гордится нами.

Он прижал ее к себе, зная, что теперь у него есть и всегда будет дом — планета Земля. И человечество всегда будет с ним, куда бы они ни полетели. Потому что они — продолжение человечества, его рука и разум, протянувшиеся к таинству вечности.

В БЕЗУМИИ

РОМАН

1

Я все время вспоминал своего старого друга и то, что он мне сказал, когда я видел его последний раз. Это случилось всего за два дня до того, как он погиб на дороге, хотя там во время аварии вовсе не было такого интенсивного движения, как в другое время суток. Его автомобиль превратился в груду искореженного металла, а следы колес показывали, как все это произошло: машина моего друга столкнулась с другой, неожиданно вывернувшей с противоположной стороны дороги. Кроме этих следов от колес, никаких других признаков встречного автомобиля не обнаружили.

Я старался изгнать его слова из своей головы и подумать о чем-нибудь другом. Но по мере того как проходили часы и передо мной разворачивалась лента бетона, пролетали мимо весенние пейзажи, я все же время от времени возвращался к этому последнему вечеру.

Друг сидел, как сморщенный гном, в большом кресле, словно пытавшемся проглотить его в своей красно-желтой обивке, перекатывая в руках стакан с бренди. Он смотрел на меня.

— Я думаю, — говорил он, — что нас навещают все те фантазии, все те верования, все те людоеды-великаны, о которых мы когда-либо слышали, о которых знают все, начиная с пещерного человека, сидевшего на корточках у огня и смотревшего в черноту ночи, что лежала за его пещерой. Он воображал, что там кто-то находится. Он, конечно, предполагал, кто там может быть: охотник, собиратель. У первобытного человека были глаза, нос и уши; все его чувства, более чем вероятно, были острее наших. Поэтому он знал, что за существа бродят там в ночи. Знал, конечно, не веря себе, не веря своим чувствам. Его маленький мозг, при всей его грубости, создавал в воображении другие формы и фигуры, другие типы жизни, другие угрозы...

— И вы думаете, что с нами происходит то же самое? — спросил я.

— Да, конечно, — ответил он, — но по-другому.

Слабый ветерок дул в открытое окно, выходящее в сад, и комната наполнилась ароматом весенних цветов и слабым светом. Доносилось отда-

ленное гудение самолета, кружившего над Потомаком перед посадкой на аэродром за рекой.

— По-другому, — повторил он. — Я думаю об этом. Нас окружают не таинственные людоеды, которых воображал пещерный человек. Его вымыслы были физическими, а мои — интеллектуальные.

Я чувствовал, что он собирается сказать гораздо больше об этом своем причудливом образе, но в этот момент в комнату вошел племянник Филипп Фример. Филипп, государственный служащий, рассказал одну очень забавную историю о прибытии важной особы, после чего разговор перешел на совсем другие темы, и больше о призраках мы не говорили...

Я увидел знак выезда на старую Военную дорогу, а оказавшись на ней, я поехал еще медленнее. После скорости в восемьдесят миль в час, с которой я проделал большую часть пути, теперешняя скорость в сорок миль в час казалась мне ползанием, но и эти сорок миль были слишком быстры для той дороги, на которой я оказался.

Вообще-то я совсем забыл эту дорогу. Когда-то на ней было асфальтовое покрытие. На множество весенних оттепелей с чередующимися заморозками разломали асфальт, и поверхность ее превратилась во множество обломков, которые, в свою очередь, со временем частично превратились в порошок. Дорога была узкая, и эта узость подчеркивалась густым кустарником, почти изгородью, расположенной по обе стороны от дороги так, что автомобиль двигался будто по аллее или мелкой изогнутой траншее.

Главная магистраль тянулась по вершине холма, но старая Военная дорога быстро углублялась в холмы. Я помнил, что хотя мне и казалось, что раньше холмы по ее сторонам не были такими крутыми.

«Совсем другой мир», — так оценил я то, что видел.

Я не ожидал оказаться в этом другом мире так внезапно, просто свернув в сторону от главной магистрали. И конечно, более чем вероятно, что этот мир окажется не таким уж необычным: я говорил себе, что это просто мое воображение делает его таким, что это самообман, я просто вижу то, что я ожидал увидеть.

Неужели я действительно увижу, что Лоцман Кноб не изменился? Казалось невероятным, чтобы маленький поселок мог сменить свой облик. У него не было для этого возможностей. Он все эти годы лежал так далеко от стремительного потока жизни, он был таким нетронутым и незаметным, что не было никаких причин для его изменения. Но я вынужден был согласиться с тем, что изменился я сам.

Почему, размышлял я, человек так стремится к своему прошлому, зная в то же время, что никогда уже деревья не будут так пламенеть, как однажды осенью тридцать лет назад, что вода в ручьях не будет такой чистой и холодной, какой была во времена его детства? Ведь все эти воспоминания принадлежат десятилетнему мальчику.

Существовали сотни других мест, и гораздо более удобных, где я был бы более свободен, куда ни за что бы не дошли звонки, где не нужно было

бы писать сценарии, не приближались бы неумолимые сроки исполнения работ, где не было бы важных персон, которых обязательно нужно встретить, не требовалось постоянно быть хорошо информированным и всезнающим, где не обязательно было придерживаться огромного числа обычаев и правил. Сотни других мест, где у человека есть возможность думать и писать, где ему не нужно бриться, если не хочется, где одежда может быть изношенной и никто не заметит этого, где, если хочешь, можешь лентяйничать, быть невежественным, где человеку не нужно быть умным, можно сплетничать и болтать о чем-то незначительном.

Сто других мест, и все же, если я принимаю решение сбежать, у меня даже не возникает вопрос, куда я поеду. Я, вероятно, обманывал себя, но я счастлив этим. Я бежал домой, не признаваясь самому себе в то же время, куда я бегу. И, преодолевая эти долгие мили дороги, я уже знал, что такого места никогда не было, что годы превратили его в фантазию, с помощью которой человек обманывает себя.

Когда я свернул с главной дороги, приближался вечер, петляя из одной долины в другую, я почти не заметил, как тяжелый мрак начал наползать на них.

В сгущающихся сумерках в долинах виднелись шары фруктовых деревьев, в скрытых от моего взора садах. Мне казалось, что я ощущаю запах тумана, поднимающегося с лугов, что лежали вдоль извивающегося ручья.

Я многие годы говорил себе, что знаю эту местность, по которой сейчас проезжал, что воспоминания о ней так отпечатались во мне с детства, что я мог бы безошибочно добраться до самого Лоцмана Кноба, оказавшись на дороге. Но теперь я начал подозревать, что ошибался. Ибо я не мог припомнить специфических особенностей местности: общие очертания были, конечно, такими, какими я их помнил, но не оказалось ни одной отличительной особенности, в которую я мог бы ткнуть пальцем и точно сказать, где я. Это раздражало и несколько унижало, и я спрашивал себя, буду ли я себя чувствовать так же, когда я приеду в Лоцман Кноб.

Дорога была плохой, гораздо хуже, чем я ожидал. Почему, удивлялся я, люди, ответственные за это, довели ее до такого состояния? Резкие повороты, схожие, утомляющие контуры холмов, это понятно, но нельзя объяснить выбоины, полосы пыли и грязи, узкий деревянный мостик, на котором не могли разъехаться два автомобиля. Хотя никаких других автомобилей и не было. Казалось, на дороге я совершенно один.

Темнота сгущалась, и я включил свет. А несколько раньше я еще сбросил скорость и теперь полз не более чем на двадцати милях в час. Эти змеиные повороты выскакивали слишком быстро для безопасной езды с большей скоростью.

Вместо того, чтобы улучшаться, дорога становилась все хуже. Неожиданно она стала почти непроезжей. Холмы с обеих сторон подступили к самой обочине, и там лежали груды камней, освещаемые фарами. Вечер изменился. Несколько звезд, которые раньше были видны на небе, теперь исчезли, и вдалеке я услышал раскаты грома, перекатывающиеся по холмам.

Может, в темноте я пропустил поворот? Мысленно я оглядел дорогу, но не мог припомнить место, где бы она разделялась. С тех пор, как я свернул с главной магистрали, дорога оставалась без развилок. Лишь изредка от нее отделялись проселки, но все под прямым углом или близким к нему.

Пройдя еще одни крутой поворот, я увидел справа группу строений, в одном из окон горел свет. Я убрал ногу с акселератора, решив остановиться и переночевать. Но по какой-то причине, которой я не мог понять, я тут же изменил решение и продолжал ехать. Если понадобится, я всегда смогу вернуться и расспросить о дальнейшем пути. А может, я встречу, еще одну маленькую ферму, где тоже могут ответить на вопросы.

Примерно через милю я действительно увидел такую ферму, с единственным освещенным окном, точно таким же, как и увиденное мной раньше.

На мгновение мое внимание было отвлечено от дороги. А когда я снова взглянул вперед, то увидел, что нечто движется навстречу мне по дороге, на самом конце конуса света от фар. В первое мгновение я застыл, решив, что чувства обманывают меня. Потому что это был динозавр...

Я не очень много знаю о динозаврах и не хочу узнать ничего больше. Однажды, несколько лет назад, я провел летнюю неделю в Монтане с отрядом палеонтологов, которые были несказанно счастливы, откопав то, что они назвали «залежью ископаемых». Они выкопали бог знает какие существа, жившие шестьдесят миллионов лет назад. При мне они откопали почти целый скелет трицератопса, и, хотя там было много останков трицератопсов, все археологи пришли в сильное возбуждение, потому что именно этот чем-то отличался от найденных ранее.

И вот по дороге мне навстречу, не в окаменелом виде, а во плоти, двигался трицератопс. Голова его была опущена, а два больших рога над глазами были направлены прямо на меня. За рогами располагался выпуклый щит. Трицератопс шел упрямо и уже набрал внушительную скорость. Он был так огромен, что, казалось, заполнил собой всю дорогу. Я знал, что он обладает достаточным весом и силой, чтобы превратить мой автомобиль и меня в месиво.

Я просто повернул руль, не представляя, что именно собираюсь делать, но осознав необходимость что-то предпринять. Может, я надеялся съехать с дороги и спуститься вниз, чтобы избежать столкновения, а может, думал, что останется достаточно места, чтобы развернуться и уехать.

Машина действительно развернулась и забуксовала, конус света скользнул по дороге и осветил спутанные ветви кустарника и склон холма. Я больше не видел динозавра, и в любой момент ожидал удара его большой бронированной головы.

Задние колеса, буксуя, провалились в трещину, а дорога была так узка, что передние колеса вздыбились над обочиной, так что машина наклонилась, а я откинулся на сиденье, глядя вверх через ветровое стекло. Мотор заглох. Огоньки приборной доски потускнели, и я сидел склонившись, за-

мерев и ожидая неизбежного толчка.

Потом я передумал. Резко распахнув дверцу, я вывалился наружу и покатился по склону, ударяясь о булыжники и цепляясь за ветви. Я ожидал услышать за собой грохот, но его не последовало.

Какая-то скала задержала меня, и я упал лицом в кусты. На дороге не слышалось ни звука. Это казалось странным: трицератопс при его скорости должен был уже добраться до автомобиля.

Я вышел из кустов и сел на землю рядом с ними. Задние фары машины тускло светились на дороге. Сама же машина оказалась цела — динозавра не было. Но он мог находиться где-то поблизости, я был уверен в этом. Я видел его ясно и ошибиться не мог. Трицератопс мог уйти в темноту и сейчас подбираться ко мне, хотя мысль о том, что огромное чудище будет красться ко мне, казалась мне абсурдной. Он не создан для того, чтобы красться.

Я, дрожа, скорчился за кустом, а за мной над холмами прокатился гром, и в холодном воздухе разлился запах цветущей яблони.

Это невероятно, сказал я себе. Старая добрая психологическая защита пришла ко мне на помощь. Никакого динозавра нет и не может быть, и уж тем более в этих холмах моего детства, в двадцати милях от моей родины — Лоцмана Кноба. Я просто вообразил его себе. Увидел что-то и решил, что это динозавр.

Но действительно помогла мне старая добрая психологическая защита или нет, я чертовски хорошо знал то, что видел. Я до сих пор продолжал мысленно ощущать его огромный выпуклый щит и угольный огонь глаз: не знал, что это такое и как это объяснить. Все же трицератопс на дороге просто невозможен, ведь последний из них вымер миллионы лет назад. Но я не мог и поверить, что его вовсе не было здесь.

Я встал на ноги и осторожно пошел к автомобилю, внимательно выбирая путь среди камней, которые выскальзывали из-под ног. Гром звучал теперь яростнее, холмы на западе на несколько мгновений озарились молнией. Буря быстро приближалась. Автомобиль был зажат посреди дороги, его задние колеса по-прежнему торчали из трещины, передние всего на дюйм или два поднимались над дорогой. Я забрался в машину, погасил фары и включил мотор. Но когда я попытался двинуться вперед, машина не стронулась с места. Задние колеса вращались с воющим звуком, забрасывая крылья автомобиля градом камней и потоками грязи. Я попытался сдать назад, но и из этого ничего не получилось. Очевидно, машина прочно застряла.

Я выключил мотор, вышел и постоял немного, прислушиваясь и пытаясь в перерывах между раскатами грома уловить звуки, которые свидетельствовали бы о присутствии большого животного. Ничего не слышно. Я пошел по дороге мелкими шажками и не чувствовал себя храбрецом, я был готов при малейшем движении во тьме, при слабом звуке повернуть назад и побежать.

Вдруг впереди я увидел дом, который заметил раньше. В одном окне

по-прежнему горел свет, но остальные были абсолютно темны. Вспышка молнии на мгновение озарила все голубым светом, и я увидел, что дом маленький и полуразрушенный, прижавшийся к земле, с растрескавшейся дымовой трубой, наклонившейся, словно от ветра. Выше, по холму, за домом, виднелся ветхий сарай, покосившийся и заброшенный стог сена, который высился в углу. А за сараем находился загон, выстроенный из столбов, которые в свете молнии сияли как голые полированные кости. К дому прислонилась большая поленница, а около нее стояла деревянная повозка, задняя часть которой опиралась на доску, лежащую поперек козел.

При очередной вспышке молнии, я узнал это место. Я уже видел его, не именно это место, но подобное. Потому что, когда я был маленьким, в Лоцмане Кнобе было много таких земель (их с трудом можно назвать фермами), где семьи без всякой надежды надрывали себе сердце, бесконечно, год за годом пытаясь добыть пищу для стола и одежду для тела. Такие места были в этой местности двадцать лет назад и все еще существовали здесь, и время ничего не меняло в них. Что бы ни случилось с миром, здесь люди, как я понял, жили так же, как когда-то, много лет назад.

По тропе, освещенной вспышкой молнии, я подошел к дому и остановился перед дверью. Поднявшись по неустойчивым ступеням, я постучал.

Ждать долго не пришлось. Дверь отворилась немедленно, как будто меня ждали.

Человек, открывший дверь, оказался маленьким и седым. На голове у него была шляпа. Желтые зубы крепко сжимали трубку, глаза, глядевшие из-под больших полей шляпы, были бледно-голубыми.

— Входите, — сказал он. — Не стойте здесь с разинутым ртом. Буря вот-вот разразится и вымочит вас.

Я вошел, и он закрыл за мной дверь. Я оказался на кухне. Большая женщина, с непропорционально большим по сравнению с головой телом, одетая в бесформенное платье, стояла у печи, в которой жарко горели дрова. Ее голова была обвязана куском материи. Она готовила еду. Посреди кухни виднелся стол, накрытый зеленой клеенкой. Кухня освещалась керосиновой лампой, стоявшей в центре стола.

— Мне жаль беспокоить вас, — сказал я, — но я застрял на дороге. И мне кажется, я заблудился...

— Дороги здесь запутанные, — согласился мужчина, — для того, кто к ним не привык. Они извиваются, а некоторые из них никуда не ведут. Куда вы направляетесь, незнакомец?

— В Лоцман Кноб.

Он глубокомысленно кивнул:

— Вы не туда свернули.

— Не можете ли вы вывести лошадь и помочь высвободить машину? У нее засели задние колеса. Я заплачу вам.

— Садитесь, незнакомец, — сказал он, отодвигая стул от стола. — Мы

собираемся ужинать, еды достаточно для троих, приглашаю вас.

— Но машина, — напомнил я ему, — я спешу.

Он покачал головой.

— Нельзя. Не сегодня вечером. Лошади не в конюшне. Они где-то на пастбище. Вероятно, на вершине холма. И никто не может заплатить мне достаточно, чтобы я пошел их отыскивать среди дождя и гремучих змей.

— Но гремучие змеи, — отвечал я рассеянно и не очень кстати, — по вечерам не выходят...

— Позвольте мне сказать вам, сынок, никто ничего точно не знает о гремучих змеях.

— Простите, я забыл представиться. Меня зовут Хортон Смит. А то я уже устал от обращений «незнакомец» и «сынок».

Женщина отвернулась от печи, держа в руках большую вилку.

— Смит! — воскликнула она. — Это наша фамилия. Может, вы наш родственник?

— Нет, Ма, — сказал мужчина. — Смитов множество. То, что человека так зовут, не означает, что он наш родич. Но, — добавил он, — мне кажется, что это счастливое совпадение имен указывает на возможность выпивки.

Он достал из-под стола кувшин, а с полки за собой стаканы.

— Вы похожи на горожанина, — заметил он, — но я не думаю, что горожане совсем не пьют. Скорее наоборот. Конечно, это не первоклассное виски, но питье сделано из зерна и не отравит вас. Не начинайте с очень большого глотка, иначе подавитесь... Но после третьего глотка можете уже ни о чем не беспокоиться: к тому времени вы привыкнете. Говорю вам, нет ничего лучше в такую погоду, чем посидеть за кувшином самогона. Я купил его у старого Джо Хопкинса. Он его делает на острове у реки...

Он уже хотел налить мне, как вдруг лицо его исказила подозрительность, и он посмотрел на меня:

— А вы не налоговый инспектор?

— Нет, — успокоил я его.

Он продолжал наливать:

— Никогда нельзя быть уверенным. Они бродят повсюду, их никак нельзя узнать. Раньше их определяли за милю, но теперь они стали хитрее. Ничем не отличаются от обычных людей.

Он протянул мне стакан:

— Мистер Смит, мне жаль, что я ничем не могу вам помочь. По крайней мере сейчас, в эту бурю. Утром я приведу лошадей и вытащу вашу машину.

— Но она стоит поперек дороги. Движение перекрыто.

— Мистер, — сказала женщина у печи, — вас это не должно беспокоить. Эта дорога никуда не ведет. Поднимается вверх в сторону заброшенного дома и кончается.

— Говорят, — добавил мужчина, — в этом доме бывают призраки.

— Может, у вас есть телефон? Я позвоню.

— У нас нет телефона, — ответила женщина.

— Не могу понять, — заметил мужчина, — к чему людям телефоны. И люди звонят, лишь бы обругать вас. Ни одной спокойной минуты.

— Телефон стоит денег, — сказала женщина.

— Вероятно, я смогу пройти вниз по дороге, — предположил я. — Там была ферма, и они смогут...

Мужчина покачал головой.

— Берите стакан, — предложил он, — и начинайте. Если пойдете туда, это может стоить вам жизни. Я не хочу плохо говорить о соседях, но никому не следует держать свору свирепых псов. Конечно, они охраняют ферму и отгоняют всяких шалопаев, но, если человек столкнется с ними в темноте, за его жизнь никто не даст и полушки.

Я взял стакан и отпил немного. Жидкость оказалась мерзкой, но она дала мне немного тепла.

— Не нужно никуда идти, — подытожила женщина, — сейчас начнется дождь.

Я отпил еще. На этот раз пошло гораздо лучше. Стало теплее.

— Лучше посидите с нами, мистер Смит, — предложила женщина. — Я сейчас закончу готовить ужин. Па, достань тарелку и чашку.

— Но я...

— Помолчите, — прервал меня мужчина. — Вы ведь не откажетесь поесть с нами? Старуха приготовила свиные щеки с зеленью; это вовсе не плохо. — Он задумчиво посмотрел на меня. — Держу пари, что вы никогда не пробовали настоящие свиные щеки. Это не городская пища.

— Ошибаетесь, — возразил я. — Я ел их много лет назад.

Говоря по правде, я проголодался, а свиные щеки — это звучало совсем неплохо.

— Давайте, — сказал он, — приканчивайте ваш стакан.

Я выпил, а старик достал с полки тарелку и чашку, из ящика стола — нож, вилку и ложку и, разумеется, все это передо мной разместил. Женщина водрузила на стол кастрюлю.

— Теперь, мистер, придвиньтесь к столу. А ты, Па, вынь изо рта трубку, — добавила она. И обращаясь ко мне: — Достаточно того, что он не снимает шляпу, даже спит в ней, но я не стану сидеть с ним за столом, когда у него в зубах трубка.

Она тоже села.

— Накладывайте себе и приступайте, — заметила она. — Это нехитрая еда, но она чистая, и ее достаточно. Надеюсь, она вам понравится.

Еда оказалась вкусной, и ее действительно было много. Я даже подумал, что она ожидала третьего человека к столу.

В середине ужина пошел дождь, струи его забарабанили по крыше, производя такой шум, что нам приходилось в разговоре повышать голос.

— Нет ничего лучше, чем горячие свиные щеки, — сказал мужчина, — за исключением разве что опоссума. Берете опоссума, готовите его со

сладкой картошкой — ничего нет вкуснее. Раньше тут водилось много опоссумов. Теперь не то. Да и для охоты на них нужна собака, а наш старый пинчер сдох. У меня не хватало решимости завести другую собаку. Я очень любил этого пса и не мог представить на его месте другого.

Женщина вытерла слезы.

— Это был лучший из всех псов, — добавила она. — Совсем как член семьи. Спал он у печки, а она была такой горячей, но он никогда не обращал на это внимания. Мне кажется, он любил жару. Может, вам кажется, что Притчер — странное имя для собаки, но он был так похож на проповедника! Такой же печальный и полный достоинства, и торжественный...

— Только не на охоте на опоссумов, — вмешался Па. — Это был настоящий ужас с хвостом, когда он гонялся за опоссумами.

— Мы не богохульники, — пояснила женщина поспешно, — но его просто нельзя было назвать иначе. Он был точь в точь как проповедник.

Мы закончили есть. Мужчина снова сунул трубку в рот и потянулся за кувшином.

— Спасибо, — сказал я, — но мне больше не нужно. Я должен идти. Если вы позволите взять пару поленьев, может, я смогу подложить их под колеса...

— Я бы не стал об этом и думать, — произнес Па. — Не во время бури. Стыдно было был отпустить вас сейчас. Здесь вы в уюте, в тепле, в сухости, можете выпить. Вы двинетесь утром. У нас нет второй кровати, но вы можете лечь на диване. Он удобный, и вам будет хорошо спать. Утром придут лошади, и мы вытащим вашу машину.

— Я и так достаточно помешал вам.

— О, нам очень приятно. Не часто приходится видеть новое лицо. Не с кем поговорить. Мы с Ма часто сидим и просто смотрим друг на друга. Нам нечего сказать. Мы так давно знаем друг друга, что уже все сказали. — Он наполнил стакан и передвинул по столу. — Выпейте и будьте благодарны, что у вас есть убежище в такую ночь. Я с утра больше ничего не хочу слышать об уходе.

Я взял стакан, сделал добрый глоток и вынужден был признать, что мысль о том, что мне не нужно выходить сейчас в бурю, явно привлекает меня.

— В конце концов, есть определенные преимущества в отсутствии пса на охоте на опоссумов, — проговорил Па, — хотя мне было очень жаль потерять Притчера. Когда у вас нет собаки, вы можете дольше посидеть в покое. Не думаю, чтобы такой молодой человек, как вы, смог понять меня. Но со временем поймете. Большинство людей все время хлопочут, куда-то бегут, им кажется, что они бегут за чем-то, но по большей части это не так.

— Думаю, что вы правы, — сказал я, подумав о себе. — Да, вы совершенно правы.

Я выпил еще, и мне так понравилось, что я еще раз наполнил свой стакан.

— Вот мы сидим, — продолжал Па, — в уюте, как клопы, и никакая проклятая забота не мешает нам сидеть здесь, выпивать и не обращать внимание на время. Время, лучший друг человека, если он правильно его использует, и худший из врагов, если человек бежит за ним. Большинство людей, живущих по часам, — жалкие создания. Но жить по Солнцу — это совсем другое дело.

Что-то в этом неладное. Я знал это. Я чувствовал какую-то неправильность. Как-будто я уже знал этих двоих, будто я встречал их много лет назад. Но как я ни рылся в памяти, ничего не мог вспомнить.

Мужчина продолжал говорить, и я осознал, что когда-то уже слышал эти его слова. Он говорил об охоте на енотов и о том, на какую наживку лучше клюет рыба, и еще о многих таких же приятных вещах, но большую часть подробностей я пропустил.

Я прикончил стакан, безо всякого приглашения протянул старику, он снова его наполнил. Мне было так хорошо и приятно — огонь бормотал в печи, громко тикали часы на полке в маленькой тесной комнатке. Утром жизнь продолжится, и я поеду в Лоцман Кноб, найдя пропущенный поворот. А сейчас, уговаривал я себя, можно посидеть, отдохнуть, можно ни о чем не думать. Я немного опьянел и знал это, но ни о чем не беспокоился. Я продолжал пить и слушать и не думал о завтрашнем дне.

— Кстати, — спросил я, — как в этом году динозавры?

— Их немного, — спокойно ответил крестьянин. — И мне кажется, что их меньше, чем должно быть...

И он продолжал говорить о пчелином рое, который нашел в прошлом году, когда кролики, наевшись острогала, стали драчливыми и прогнали гризли. Я знал, что это должно было быть где-то в другом месте: здесь не растет острогал и не водятся гризли...

В конце концов, ложась спать на диване в гостиной, я вспомнил. Старик стоял рядом со мной с фонарем в руке. Я снял пиджак и повесил его на спинку кресла, потом снял туфли и аккуратно поставил их на пол. Распустив ремень, я лег на диван, и он действительно оказался очень удобным.

— Вы хорошо выспитесь, — проговорил Па. — Барни всегда спит здесь, когда приходит вас навестить. Барни здесь, а Спарки на кухне.

И тут, услышав имена, я вспомнил. Я попытался встать.

— Теперь я знаю, кто вы, — закричал я. — Вы Снуффи Смит, герой комиксов, вместе с Барни Гуголом, Спарки Лангом и другими...

Я попытался сказать что-то еще, но не смог.

Я снова упал на диван. Снуффи Смит ушел и унес с собой фонарь, а по крыше продолжал стучать дождь.

Я заснул под звуки дождя.

И проснулся с гремучими змеями.

2

Страх спас меня, грубый леденящий страх, от которого я окаменел на несколько секунд. И эти секунды позволили моему мозгу оценить ситуацию и принять решение.

Смертоносная отвратительная голова лежала у меня на груди, нацелившись мне прямо в лицо. И в долю секунды, в такой мизерный промежуток, что только скоростная камера способна была уловить какое-либо движение, голова эта могла ударить своими ядовитыми клыками.

Если бы я двинулся, она бы поразила меня.

Но я не двинулся, потому что не смог, потому что страх, вместо того чтобы привести мое тело в движение, превратил его в камень, мышцы одеревенели, сухожилия напряглись, и гусиная кожа покрыла тело.

Голова нависла надо мной, она, казалось, была высечена из кости, маленькие глазки походили на свежедобытый неотполированный камень, а между глазами находились ямки, служившие для определения температуры. Раздвоенный язык, как молния, вылетал из пасти, пробуя, испытывая, снабжая информацией крошечный мозг, лежащий внутри черепа. Информацией о существе, на котором оказалась змея. Тело у змеи казалось тусклым, желтым, помеченным более темными полосами, которые образовывали сложный геометрический рисунок. И змея оказалась большая. А может, мне только так казалось. Мне, охваченному страхом, но все же я ощущал ее вес.

Гроталус хоррипиус — лесная гремучая змея!

Она знала, что я здесь. Зрение ее, очень слабое, все же оставляло достаточно информации. Раздвоенный язык давал еще больше. А эти ямки замеряли температуру моего тела. Змея были удивлена — насколько может быть удивлено пресмыкающееся. Она не была уверена в своих действиях. Друг или враг? Слишком велик для добычи, но, может быть, представляет угрозу? И, при первом же признаке опасности для нее, я знал, что эти смертоносные клыки ударят.

Тело мое заныло, окаменев от страха, но я осознал, что в следующий момент эта неподвижность пройдет и я попытаюсь убежать, в отчаянии попытаюсь сбросить с себя змею. Но мозг мой, все еще охваченный страхом, работал с холодной логикой отчаяния и убеждал, что я не должен двигаться и обязан оставаться неподвижным. Это для меня единственная возможность уцелеть. Любое движение будет расценено как угроза, и змея станет защищаться.

Я заставил себя как можно медленнее закрыть глаза, чтобы случайно не мигнуть, и лежал в темноте, а желчь поднималась у меня в горле, и желудок извивался в панике.

«Я не должен двигаться, — говорил я себе. — Не шевелиться, не двигать ни одной мышцей».

Труднее всего было держать глаза закрытыми, но я знал, что я должен это сделать. Даже случайное мигание может вызвать нападение змеи.

Тело мое кричало, каждая мышца, каждый нерв дрожали от напряжения, казалось, с меня сдирали кожу. Но я заставил себя лежать спокойно — я, мозг, разум, мышление. И сама собой появилась мысль, что впервые в моей жизни мозг и тело оказались в таком противоречии.

Моя кожа, казалось, подвергалась прикосновению миллионов грязных ног. Кишечник восставал, сжимаясь и ноя. Сердце билось так сильно, что я ощущал давление крови в сосудах.

Наконец, тяжесть сползла с моей груди...

Я старался определить по перемещению тела змеи, что происходит. Она просто изменила позицию? Что-то заставило ее крошечный мозг перейти к агрессивным действиям? Может, как раз сейчас ее тело приняло S-образную форму, что предвещает бросок? Или она убрала голову, намереваясь сползти с меня, успокоенная моей неподвижностью?

Если бы только я мог приоткрыть глаза и узнать! Все существо мое, казалось, больше не могло выносить неизвестную опасность. Я должен был увидеть ее, если она есть, и действовать!

Но я продолжал держать глаза закрытыми — не плотно сжатыми, но закрытыми вполне естественно: может, напряжение лицевых мускулов, необходимое для крепкого сжатия век, достаточно, чтобы вызвать нападение...

Я обнаружил, что стараюсь дышать как можно реже и ровнее, хотя я говорил себе, что змея должна была бы уже привыкнуть к ритму дыхания.

Змея двинулась.

Тело мое напряглось от этого ощущения, но я сохранил неподвижность. Змея сползла с груди и поползла по животу. Мне показалось, что она ползла необыкновенно долго. И наконец тяжесть исчезла.

Миг настал! Тело мое кричало: теперь нужно бежать. Но я оставался неподвижным и медленно открыл глаза. Так медленно, что зрение вернулось ко мне постепенно, понемногу. Вначале я едва различал свет через ресницы, затем посмотрел через узкие щелки и наконец открыл глаза.

Если раньше, сделав это, я не увидел ничего, кроме отвратительной плоской черепообразной головы, нацеленной мне в лицо, то теперь меня ожидал новый сюрприз: я увидел скалы, находящиеся в четырех футах над моей головой, чуть скошенные влево. И ощутил запах пещеры.

Я лежал не на диване, на котором уснул под шум дождя вчера вечером, а на плоском камне на полу пещеры. Поглядев налево, я узнал, что пещера не глубока, что это всего лишь горизонтальная расщелина, проделанная дождями и ветром в известняке.

«Змеиная нора, — подумал я. — И не одной змеи, а, вероятно, бесчисленного множества. Значит, я должен оставаться неподвижным по крайней мере до тех пор, пока не удостоверюсь, что других змей здесь нет».

Утренний свет пробивался в пещеру, косые лучи солнца согревали правую сторону моего тела. Повернув глаза в этом направлении, я увидал долину. Вот дорога, по которой я ехал, а вот и моя машина поперек доро-

ги. Но никакого следа дома, в котором я был прошлой ночью. Ни дома, ни сарая, ни загона, ни поленницы. Вообще ничего. Между дорогой и тем местом, где я лежал, протянулось холмистое пастбище, испещренное кустами, зарослями черной смородины и небольшими группами деревьев.

Я бы непременно решил, что это совсем другое место, если бы не мой автомобиль на дороге. Автомобиль доказывал, что это то самое место, где я вчера остановился, если что-то и изменилось, то только все, связанное с домом. Совершенное безумие: это просто невозможно! Дом, стога сена, загоны для скота и поленницы так просто не исчезают...

В углу пещеры я услышал шорох, что-то быстро коснулось моих ног и с шуршанием зарылось в груду прошлогодних листьев.

Тело мое взбунтовалось. Страх слишком долго удерживал его. Оно инстинктивно чувствовало необходимость движения, и мозг мой был бессилен противостоять ему. Прежде чем я успел сообразить что-либо, я пулей вылетел из пещеры и помчался вниз по склону холма. Передо мной, несколько правее, по склону вниз очень быстро ползла змея. Она достигла кустов смородины, изогнулась, и шорох от ее движения затих.

Все движения, все звуки прекратились, и я стоял на склоне холма, с трудом переводя дыхание и напряженно вглядываясь и вслушиваясь в тишину.

Я быстро огляделся вокруг, потом продолжил осмотр еще внимательнее. Прежде всего я увидел на холме свой пиджак. Он был сложен так, будто его повесили на спинку стула, но никакого стула не оказалось. В шаге от него аккуратно стояли туфли. И, увидев их, я понял, что стою в одних носках.

Змей не стало видно, хотя в углу пещеры что-то продолжало шуршать, но там было слишком темно, и я ничего не смог разглядеть. Какая-то птица опустилась на старый сухой ствол и посмотрела на меня своими глазами-бусинками, а откуда-то издалека донеслось позвякивание колокольчика на шее у коровы.

Я осторожно притронулся к пиджаку. Похоже, под ним ничего не было. Я поднял его и потряс. Потом подобрал туфли и, не останавливаясь, чтобы надеть их, пошел вниз по склону холма. Двигался я очень осторожно, сдерживая стремление побежать к автомобилю со всех ног. На каждом шагу я останавливался и осматривался. Змей здесь, должно быть, множество.

Но я не увидел ни одной. Правой ногой я наступил на чертополох и вынужден был дальше двигаться лишь на кончиках пальцев, так как из моей ступни торчали колючки. Но ничего похожего на змей я больше не увидел.

«Может, — подумал я, — они так же боятся меня, как и я их?»

Но я убедил себя, что этого не может быть. Я дрожал, зубы мои стучали. У подножия холма, рядом с дорогой, я сел на траву в стороне от кустов и камней, где могли спрятаться змеи, и вытащил из ступни колючки чертополоха. Я хотел надеть туфли, но руки мои так тряслись, что

я не смог этого сделать. И вот только тогда я понял, насколько испугался, и сознание этого только увеличивало мой страх.

Желудок мой взбунтовался, и я согнулся: меня вырвало и долго продолжало рвать, выворачивая наизнанку, пока в желудке ничего не осталось.

После этого, однако, мне стало легче, я вытер подбородок, надел туфли, завязал шнурки, подошел к машине и облокотился на нее.

И, стоя здесь, упираясь в металлический корпус, я увидел, что машина, в сущности, не застряла. Канава оказалась гораздо меньше, чем я ожидал.

Я забрался в машину и сел за руль. Потом извлек из кармана ключ и включил мотор. Машина без труда выбралась из траншеи. И я направился в обратную сторону.

Наступило раннее утро: солнце встало не более часа назад. Паутина на траве по краям дороги все еще блестела от росы, в небе порхали жаворонки, таща за собой обрывки своих песен. Я обнаружил поворот, и опять тут, рядом с дорогой, стоял исчезнувший дом, прямо передо мной, с покосившейся трубой, с поленницей, с повозкой, с сараем и стогом. Все так же, как я видел при вспышке молнии вчера вечером.

Для меня это было настоящим потрясением, и мозг мой стал лихорадочно искать объяснение этому. Я ошибся, наверное, считая, что, если машина стоит на дороге, значит, дом исчез. Вот он, дом, точно такой же, каким я его видел несколько часов назад. Видимо, дом все-таки все время оставался на месте, а на добрую милю передвинулся автомобиль, и я вместе с ним.

Это казалось бессмысленным, это вообще невозможно. Автомобиль не застрял в трещине на шоссе. Но я же старался сдвинуть его, и колеса вертелись, а он не двигался. И каким бы пьяным я ни был, я определенно не мог пройти милю по дороге и улечься в гнездо змей, даже не зная об этом.

Все это — сплошное безумие: нападение трицератопса, который исчез раньше, чем я смог его разглядеть; автомобиль, застрявший в шоссе; Смит Снуффи и его жена Ловузия, и даже самогон, который мы пили за кухонным столом. Но я не ощущал похмелья, хотя очень этого хотел, тогда я смог бы поверить, что был пьян вчера, что все это мне приснилось. Но человек не может выпить столько самогона и не чувствовать похмелья. Конечно, меня вырвало, но это случилось недавно. А до этого... Если я пил вчера вечером, то алкоголь давно разошелся по телу.

И однако это то самое место, в котором я нашел убежище вчера вечером. Правда, я видел его только при вспышке молнии, но все было так, как я запомнил.

Но почему трицератопс и гремучие змеи?

Динозавр, очевидно, не представлял реальной опасности. Может, это были просто галлюцинации, хотя в это трудно поверить. И гремучие змеи были вполне реальны. Слишком неприятный способ убийства, и к тому же очень сложный и ненадежный. Да и кто мог желать убить меня? И

если все же кто-то хотел сделать это по причинам, которые мне не совсем ясны, он вполне мог найти более легкий и надежный способ осуществить это.

Я так пристально смотрел на дом, что машина чуть не съехала с дороги. Я едва успел вывернуть руль.

Вначале в доме не слышалось никаких признаков живых существ, но потом дом ожил. Со двора с лаем выскочили собаки и побежали к машине. Никогда в жизни я не видел столько собак, долговязых и таких тощих, что, даже когда они были далеко от меня, я смог бы пересчитать у них все ребра. Большинство собак оказались гончими, с хлопающими ушами и тонкими, похожими на хлыст, хвостами. Некоторые выбежали через ворота, другие не стали беспокоить себя такой безделицей и перемахнули прямо через изгородь.

Дверь дома отворилась, на крыльцо вышел человек и крикнул. Вся свора резко затормозила и побежала назад к дому, как стайка мальчишек, пойманных на бахче. Собаки очень хорошо знали, что не должны охотиться на машины.

Но я в этот момент не обращал на них внимания, потому что глядел на вышедшего человека. Я думал, что им окажется Снуффи Смит. Не знаю, почему я ожидал этого, может, хотел получить какое-то логическое объяснение случившемуся со мной. Но это был не Снуффи, у мужчины не было трубки и шляпы. И я вспомнил, что это не мог быть Снуффи, потому что ночью не слышал никаких собак. Это сосед Снуффи, о котором тот предупредил меня, тот самый, у которого злые собаки.

«Это может стоить вам жизни, если вы пойдете по дороге...»

Но я напомнил себе, что сам Снуффи Смит, его кухня и его самогон — тоже вполне могли стоить мне жизни.

Невероятно, чтобы тут оказался Снуффи Смит. Такой личности вообще не было, его просто не могло быть. И он сам, и его жена — только шутовские персонажи из комиксов. Но как я ни старался, я никак не мог поверить в это.

Если не считать собак и человека, кричавшего на них, место было то же самое, что и вчера. Я убеждал в этом сам себя, хотя и не мог объяснить это.

Потом я увидел нечто, что отличало сегодняшний день от вчерашнего, и почувствовал себя лучше, хотя непонятно отчего.

Повозка по-прежнему стояла у поленницы, но на четырех колесах, хотя рядом я видел и козлы, и доску, прислоненную к поленнице, как будто повозку недавно поднимали для починки. А теперь ее отремонтировали и сняли с козел.

Я уже почти проехал мимо, но автомобиль снова едва не провалился в такую же трещину, но я вовремя свернул. Когда я повернул голову, чтобы еще раз посмотреть на дом, то увидел почтовый ящик на столбе у ворот. Неровными буквами на нем было написано: «Т. УИЛЬЯМС».

3

Джордж Дункан постарел, но я узнал его сразу, в ту же минуту, как вошел в магазин. Он стал совсем седым, лицо приобрело старческое выражение, но это был тот самый человек, что часто давал мне пакетик мятных конфет. Отец покупал у него бакалейные товары и отруби, которые Джордж Дункан выносил из соседней комнаты, где он держал корм для скота.

Хозяин магазина находился за прилавком, разговаривая с женщиной, стоявшей ко мне спиной. Его серьезный голос ясно звучал в комнате.

— Те парни Уильямса, — говорил он, — доставляли всегда много беспокойства. С того момента, как он здесь появился, наша община не видела от Тома Уильямса и его семьи ничего, кроме горя. Говорю вам, мисс Адамс, это совершенно неисправимые люди, и я бы на вашем месте не стал бы о них беспокоиться. Я бы проучил их как следует и показал бы, как хулиганить. Я бы положил этому конец.

— Но, мистер Дункан, — проговорила женщина, — они вовсе не такие плохие. У них нет пороков; конечно, их манеры ужасны, но в сущности они не порочны. Они всю жизнь находятся под давлением. Вы не можете себе представить, что это такое — социальное давление.

Хозяин лавки улыбнулся ей, но в его улыбке сквозило больше угрюмости, чем веселья:

— Я знаю. Вы говорили мне это и раньше. Они отвергнутые. Мне кажется, именно так вы говорили.

— Верно. Отвергнутые другими и отвергнутые городом. Их чувство собственного достоинства уязвлено. Когда они придут, я попрошу вас присмотреть за ними.

— Вы правы, я так и сделаю. Я просто от них отвернусь.

— Это возмутительно. Они ударят вас за это.

— Не меня, я никогда им ничего плохого не сделал.

— Может быть, — согласилась она, — не вы лично. Но мы все вместе. Они чувствуют, что каждая рука поднята против них. Они знают, что их никто не любит. У них нет места в этой общине не потому, что они что-то сделали. Просто община давно уже решила, что это нехорошая семья.

— Я думаю, что это верно — плохая семья...

Я видел, что магазин лишь слегка изменился: на полках — новые товары, а многие старые отсутствовали. И полки оставались теми же самыми. Старая круглая стеклянная витрина исчезла, но старый станок для резки табака по-прежнему был привинчен к прилавку. В дальнем углу стоял холодильник для молочных продуктов, это был единственный, действительно новый предмет во всем магазине.

Потухшая печь также находилась в магазине, в центре его, и те же самые старые стулья стояли вокруг нее, отполированные от долгого сидения. В углу стояла все та же старая перегородка, отделявшая почту, а в ней окошко. Та же открытая дверь, которая вела в заднее помещение. Оттуда доносился запах корма для скота.

Все было так, как будто я видел это место только вчера и, придя утром, слегка удивился происшедшим за ночь переменам.

Я повернулся и посмотрел на улицу через грязное окно. Здесь тоже были кое-какие изменения. На углу, там где раньше находился пустой участок, теперь стояла авторемонтная мастерская, сложенная из бетонных блоков, а перед ней — единственный бензонасос с облупившейся краской. Дальше — парикмахерская — крошечное здание, которое вообще не изменилось, только стало более тусклым и еще больше требовало окраски, чем я это предполагал. Стоявшая рядом раньше лавка скобяных товаров, насколько я мог видеть, вообще не изменилась.

Разговор за моей спиной, очевидно, подошел к концу, и я повернулся. Женщина, разговаривающая с Дунканом, шла к двери. Она оказалась моложе, чем я думал, слушая ее голос. На ней была серая кофта и юбка, а ее угольно-черные волосы были стянуты в тугой узел. Она носила очки в оправе из какого-то бледного пластика, и на ее лице царило какое-то смешанное выражение беспокойства и гнева. Она шла быстрой воинственной походкой и была похожа на секретаршу какого-то большого начальника — деловая, краткая, готовая оборвать любую обращенную к ней глупость.

У двери она остановилась и спросила Дункана:

— Вы ведь придете сегодня вечером на новую программу?

Дункан улыбнулся ей:

— Еще ни одной не пропустил. За много лет. Не думаю, что пропущу и на этот раз.

Женщина открыла дверь и быстро вышла. Краем глаза я видел, как она целеустремленно двинулась по улице.

Дункан вышел из-за прилавка и направился ко мне.

— Я могу для вас что-нибудь сделать? — спросил он.

— Мое имя Хортон Смит. Я прислал свою просьбу...

— Минутку, — быстро ответил Дункан, пристально глядя на меня. — Когда начала приходить ваша корреспонденция, я узнал ваше имя, но сказал себе, что тут может быть какая-то ошибка. Я подумал, может...

— Ошибки нет, — сказал я, протягивая руку. — Здравствуйте, мистер Дункан.

Он схватил мою руку и пожал ее.

— Маленький Хортон Смит, — проговорил он. — Вы часто приходили со своим папой... — Глаза его сверкнули под тяжелыми бровями, он еще раз пожал мне руку.

«Все в порядке, — подумал я, — старый Лоцман Кноб по-прежнему существует, и я здесь не чужак. Я вернулся домой...»

— Вы тот самый, что часто выступает по телевизору и по радио? — спросил он меня.

Я подтвердил.

— Лоцман Кноб гордится вами, — проговорил Дункан. — Вначале было трудно привыкнуть слушать по радио парня из нашего города, и видеть его на экране. Но мы приспособились, и теперь большинство из нас посто-

янно слушает вас и обсуждает это впоследствии. Мы говорим между собой, размышляя, что Хортон сказал вчера, принимаем ваши слова на веру, как проповедь. Но, — добавил он, — зачем вы вернулись? Не в том дело, что мы не рады вас видеть...

— Я думаю остаться здесь на некоторое время. На несколько месяцев. А может быть, и на год.

— Отпуск?

— Нет. Не отпуск. Я хочу кое-что написать. Для этого мне нужно куда-нибудь уехать, где у меня было бы свободное время.

— Книгу?

— Да. Я надеюсь, что это будет книга.

— Мне кажется, у вас есть о чем написать. Вы многое можете рассказать. О всех странах, в которых бывали. Вы ведь были во многих?

— Не очень.

— А Россия? Что вы думаете о России?

— Мне нравятся русские. Они во многом похожи на нас.

— Вы хотите сказать, что они похожи на американцев? Идемте к печи, — предложил он, — посидим, поговорим немного. Я сегодня ее не топил. Решил, что не нужно. Вспоминаю ясно вашего отца, сидевшего вот здесь и разговаривающего с остальными. Он был хорошим человеком, ваш отец, я всегда говорил, что он рожден для того, чтобы стать фермером.

Мы сели на стулья.

— Ваш отец жив?

— Да. И мать тоже. Они в Калифорнии. На пенсии, и живут хорошо.

— У вас есть где остановиться?

Я покачал головой.

— Новый мотель ниже, у реки, — объяснил Дункан. — Построен год назад. Новые люди, по фамилии Стронтер, сделают вам скидку, если вы остановитесь больше чем на два дня. Я поговорю с ними об этом. Вы ведь не приезжий. Вы наш, и вы вернулись домой. Они должны это понять.

— Как рыбалка?

— Лучшее место на реке здесь. Сможете даже нанять лодку или каноэ, хотя я не могу себе представить, кто будет рисковать своей шеей в каноэ на нашей реке.

— Я надеялся как раз на такое место, — заметил я. — Боялся, что не найду.

— Все еще сходите с ума по рыбалке?

— Мне нравится это занятие.

— Помню, мальчишкой вы ловили голавлей.

— Голавли, это хорошо.

— Вы должны помнить многих наших. Все они захотят вас увидеть. Почему бы вам не принять участие в школьной программе сегодня вечером? Там будет много народа. А это была учительница, ее зовут Кэти Адамс.

— У вас все та же школа в одну комнату?

— Конечно. На нас оказывали давление, чтобы мы соединились с соседними районами, но как только дело дошло до голосования, мы это провалили. Дети получают такое же образование в нашей школе, как и в новых роскошных зданиях, а стоит это гораздо дешевле. А кто хочет идти в высшую школу, тем мы платим за обучение, хотя таких немного. Так что нам всем дешевле. Да и зачем тратить время на школу, когда тут шайка таких парней, как это отродье Уильямса...

— Простите, но когда я вошел, я случайно услышал...

— Позвольте мне сказать вам, Хортон, что Кэти Адамс отличная учительница, но она слишком мягкосердечная. Она всегда заступается за этих парней Уильямса, а я говорю, что они лишь шайка головорезов. А вы, наверное, не знаете Тома Уильямса? Он появился уже после вашего отъезда. Работал в окрестностях на ферме, но по большей части бездельник, хотя откуда-то добывал деньги. Он уже давно вышел из брачного возраста, когда женился на одной из дочерей Маленькой Отравы Картер. Ее звали Амелия. Вы помните Маленькую Отраву?

Я покачал головой.

— У нее был брат, которого мы называли Большой Отравой. Никто не помнит их настоящих имен. Вся семья эта жила внизу, на острове Мускусной Крысы. Ну, во всяком случае, когда Том женился на Амелии, он купил маленький участок в нескольких милях от Одинокой Горы и попытался построить там ферму. Ему это удалось, не знаю уж как. И с тех пор у него каждый год появляется ребенок, а миссис Уильямс не обращает на детей никакого внимания. Говорю вам, Хортон, это такие люди, без которых мы вполне можем обойтись.

Я покачал головой.

— У Амелии был брат, которого мы называли Большой Отравой, — повторил Дункан. — Никто не помнит их настоящих имен. От этого Тома Уильямса и его семьи — одни бесконечные неприятности. У них столько собак, что некуда палку ткнуть, и все эти собаки — совершенно бесполезные, как и сам старый Уильямс. Они бегают повсюду, дерутся, грызутся. Том говорит, что любит собак. Вы слышали что-нибудь подобное? Ужасная публика — и сам Том, и его собаки, и его парни — от них только и жди беды.

— Мисс Адамс, кажется, говорила, что это не только его вина, — напомнил я ему.

— Я знаю. Она твердит, что они отвергнуты и испытывают дискриминацию. Это еще одно ее любимое слово. Знаете, что такое дискриминация? Это значит, что кто-то не встречает гостеприимства. Не было бы необходимости в дискриминации, если бы все хорошо работали и имели достаточно здравого смысла. О, я знаю, что говорит по этому поводу правительство и как оно твердит, что мы должны помочь им. Но если правительство придет сюда и взглянет на этих дискриминированных, оно тут же убедится, что ошиблось.

— Когда я ехал сюда, я все думал, есть ли тут еще гремучие змеи?

— Гремучие змеи?

— Их было множество, когда я был маленьким мальчиком. Я все надеялся, что теперь их, возможно, стало меньше...

Он покачал головой:

— Но и сейчас их множество. Пойдите в холмы, и вы найдете их там достаточно. Вы ими интересуетесь?

— Не особенно.

— Приходите на вечернюю программу, — пригласил Дункан еще раз. — Там будет много народу. Некоторых вы знаете. Последний день занятий. Дети покажут что-нибудь и споют. А потом будет распродажа корзиночек. Деньги пойдут на покупку новых книг в библиотеку. Мы все еще придерживаемся старых обычаев, годы мало изменили нас. У нас свои развлечения... Сегодня продажа корзиночек, а две недели спустя будет Земляничный праздник в методистской церкви. Это прекрасная возможность увидеться с друзьями.

— Приду, если смогу, — пообещал я, — и на программу, и на праздник.

— Вам есть письма. Уже неделю или две, как приходят. Я все еще здесь почтмейстер. Почтовая контора находится в этом здании сто лет. Предлагали убрать ее отсюда, объединить с конторой в Ланкастере. Правительство никак не может оставить нас в покое. Всегда что-то хочет изменить. Улучшенное обслуживание — так оно это называет. Не вижу плохого в том, чтобы выдавать почту в Лоцмане Кнобе, как и все последние сто лет.

— Я думаю, у вас много почты для меня. Я предупреждал, чтобы ее пересылали сюда, а сам не торопился. Останавливался в разных местах...

— Хотите взглянуть на старую ферму, на которой когда-то жили? Там теперь живет семья Боллардов. У них несколько парней, почти взрослых, они пьют и дерутся.

Я кивнул:

— Вы говорите, мотель ниже по реке?

— Точно. Пройдите мимо школы и церкви до поворота дороги налево. Немного дальше увидите знак: «Мотель «Берег Реки»». Там ваши письма...

4

На большом конверте в левом углу неровным почерком был написан обратный адрес Филиппа Фримена. Я сидел в кресле у открытого окна, вертя в руках конверт и размышляя, почему Филипп решил написать мне. Я знал этого человека, конечно, и он нравился мне, но мы никогда не были близки. Единственное, что связывало нас — это восхищение и уважение к великому старику, который умер несколько недель назад в автокатастрофе.

Через окно доносилось журчание реки, негромкая беседа, которую вела она с берегами. Я сидел, слушая, и звуки этого разговора вызывали у меня

воспоминания о тех временах, когда мы с отцом сидели на берегу и рыбачили. Я всегда удил рыбу только с отцом. Река была слишком опасна для девятилетнего мальчика. Меня отпускали только на ручей, если я обещал быть осторожным.

Ручей был другим, сияющим летним другом, но в реке чувствовалось какое-то волшебство. И оно сохранилось, это волшебство, связывающее детские мечты с сегодняшним временем. И вот наконец я снова здесь, тут только я понял, что все время в глубине души боялся, что волшебство исчезнет и что это будет просто еще одна река, бегущая по земле.

Было тихо и мирно. Подобные мир и тишину можно найти теперь лишь в немногих захолустных местах. Здесь для человека найдется и место и время, чтобы подумать, не опасаясь нашествия чужаков и вторжения резких голосов, сообщающих политические и коммерческие новости. Волна прогресса прошла мимо этого угла, едва затронув его. Едва затронув и оставив жить со своими старыми идеями. Это место не знает, что бог умер. В маленькой церкви, в верхнем конце поселка, проповедник по-прежнему говорит об огне и сере, и паства восхищенно внемлет ему. Это место не знает чувства социальной вины. Здесь по-прежнему верят, что человеку подобает трудиться, чтобы заслужить право на жизнь. Это место не соглашается на лишние расходы, оно старается обойтись тем, что у него уже есть.

Я осмотрел комнату, простую, маленькую, яркую и чистую, с минимумом обстановки, отделанную панелями и с ковром на полу.

«Келья монаха, — подумал я, — и так оно и должно быть. Человек не может хорошо работать там, где слишком много удобств...»

Мир и спокойствие... а как же гремучие змеи? Может, эти мир и спокойствие — лишь обманчивая поверхность, как вода пруда под мельничными колесами? Я снова представил ее — грубую черепнообразную голову, нависшую надо мной, и вспомнил, как тело мое застыло, окаменев от страха.

Кому понадобилось планировать и осуществлять такую странную попытку убийства? И кто это сделал, как, почему? Зачем нужны были эти две фермы, так похожие друг на друга, что их невозможно различить? А как же Снуффи Смит, и застрявшая машина, которая вовсе и не застряла, и трицератопс, который, спустя короткое время, исчез?

Я сдался. Ответа не было. Единственный ответ заключался в том, что ничего этого не существовало, но я был уверен, что все это все-таки было. Человек, вероятно, может вообразить многое, но он, несомненно, не может вообразить все. Я знал, что должно быть какое-то объяснение всему этому, и я просто его не знаю. Я отложил в сторону большой конверт и просмотрел остальную почту.

В ней не осталось ничего важного. Несколько записок от друзей, желавших мне хорошо устроиться на новом месте. В большинстве этих писем чувствовалась нотка фальшивой веселости, и они мне не понравились. Все, по-видимому, думали, что я слегка спятил, уехав в такое захолустье, что-

бы написать никому не нужную книгу. Еще несколько счетов, которые я забыл оплатить, два журнала и какие-то приглашения.

Я снова взял большой конверт и распечатал его. Оттуда выпала стопка листков, переснятых на ксероксе. К ним Филипп прикрепил записку.

В записке значилось:

«Дорогой Хортон!

Разбирая бумаги в дядином столе, я наткнулся на это и, зная, что вы были его ближайшим другом, сделал для вас копию. Откровенно говоря, я не знаю, что с этим делать. Про любого другого человека я подумал бы, что он просто фантазер, который изложил на бумаге свои домыслы просто из каприза. Но дядя не был капризен, я думаю, вы с этим согласитесь.

Интересно, упоминал ли он об этом когда-нибудь? В таком случае, вы поймете это лучше, чем я...

Филипп».

Я отколол записку и увидел листки, исписанные неровным почерком моего друга.

Никакого заголовка не оказалось. Никаких указаний на то, что он собирался с этим сделать.

Я уселся поудобнее и начал читать...

5

«Эволюционный процесс — это феномен, который интересовал меня всю жизнь, хотя по своим профессиональным склонностям я занимался лишь частным и не самым главным аспектом этого явления. Как профессор истории, я с течением времени все более и более интересовался направлением эволюции человеческого мышления. Было бы даже неловко подсчитать, сколько раз я пытался и сколько часов потратил, надеясь начертить график, или схему, или диаграмму, показывающую развитие человеческого мышления на протяжении всей истории его существования. Объект, однако, оказался слишком обширен (а в некоторых пунктах, должен признать, и слишком противоречив), чтобы я мог представить его при помощи схемы. И все же, я уверен, что человеческое мышление эволюционирует, что основа его постоянно изменяется на протяжении всего периода человеческой истории, что сейчас мы мыслим не так, как сто лет назад, что наши мнения сильно отличаются от доминирующих тысячу лет назад. И главное не то, что у нас прибавилось знаний, на которых основывается мышление, а то, что точка зрения человечества претерпела изменения — эволюцию, если вам угодно.

Может показаться удивительным, что кто-то так поглощен процессом человеческого мышления. Но те, кто решит, что это забавно, ошибутся.

Ибо именно способность к абстрактному мышлению, и ничего больше, отличает человека от всех живущих на Земле существ.

Бросим взгляд на эволюцию, не пытаясь углубиться в нее, лишь слегка коснемся тех наглядных вех, которые нам открыла палеонтология на пути прогресса от первичного океана, в котором зародились первые микроскопические жизненные формы. Не обращая внимания на все мелкие изменения, которые не являются сутью прогресса, займемся лишь главными направлениями — результатом всех этих незначительных изменений.

Первой такой вехой стала необходимость для определенных форм жизни отказаться от воды и жить на земле. Способность к перемене окружающей среды, несомненно, появилась в результате длительной, может быть, болезненной и, вероятно, весьма опасной процедуры. Но сегодня именно эта процедура представляется нам единственным событием, означающим крутой поворот в схеме эволюции. Другим таким событием было зарождение хорды, которая миллионы лет спустя превратилась в позвоночник. Следующим пунктом явилось возникновение прямохождения, хотя лично я не склонен переоценивать значение прямого стоячего положения. Когда говоришь о человеке, то выделяешь не способность к прямохождению, а способность к мышлению, к отвлечению от настоящего момента.

Эволюционный процесс представляет собой длинную цепь событий. Эволюция опробовала много направлений жизни и отбросила их. Много видов исчезло, оказалось просто неспособным выжить, будучи бесповоротно втянутым в процесс. Но всегда какой-либо мелкий фактор или скорее совокупность факторов оставалась от этих исчезнувших видов и давала начало новым направлениям эволюции. Невольно возникает мысль, что среди всех этих сложных цепочек изменений и модификаций главенствует какое-то центральное направление эволюции, стремящейся к конечной форме. На протяжении миллионов лет движение к этой конечной форме эволюции, ныне представленное человеком, заключалось в медленном росте объема мозга, который впоследствии превратился в разум.

Мне кажется любопытной и важной та особенность процесса эволюции, что никакой наблюдатель не смог бы, с точки зрения здравого смысла, предсказать какое-либо изменение до того, как оно произойдет. Никто не осмелился бы предсказать, что через несколько миллионов лет жизненные формы покинут водную среду и выйдут на сушу. В сущности, тогда это казалось наиболее невероятным событием, почти невозможным. Ибо существовавшие к тому времени формы жизни нуждались в воде и могли существовать только в воде. А земля того времени, стерильная и обнаженная, была абсолютно непригодна для жизни так же, как нам сегодня представляется, что и в космическом пространстве жизнь исключена.

Любые формы жизни, присутствовавшие на Земле полмиллиарда лет назад, существовали лишь благодаря своим малым размерам. Это казалось таким же обязательным условием, необходимым для жизни, как и вода. Никто тогда, ни один сторонний наблюдатель не мог вообразить себе чудовищных динозавров более поздних веков или современного кита. Та-

кие размеры форм жизни тогда сочли бы невозможными. О способности летать вообще нельзя было подумать — эта возможность оказалась бы несомненно вне внимания наблюдателя.

Итак, если мы оглянемся, то убедимся в правильности эволюционного процесса. В то же время мы увидим, что его невозможно предсказать.

Вопрос, кто сменит человека в процессе эволюции, хотя и возникал, но всегда был лишь предметом отвлеченных суждений. Я думаю, что все испытывают какое-то трудно объяснимое нежелание серьезно говорить на эту тему и думать об этом. Большинство людей считают, если вообще кто-нибудь задумывается над этим, что решение этого вопроса так далеко отодвинуто в будущее, что бессмысленно сейчас об этом думать. Приматы возникли только около восьмидесяти миллионов лет назад. Может, немного меньше существует человек, даже по самым оптимистическим подсчетам, — всего лишь два или три миллиона лет. Поэтому по сравнению с трилобитами и динозаврами у приматов впереди еще миллионы лет существования до того, как они утратят свое господство на Земле.

Существует нежелание вообще признавать, что человек может когда-то исчезнуть. Некоторые люди (может быть, и все) уже примирились с мыслью, что они должны будут умереть. Гораздо труднее представить себе Землю вообще без людей. Мы отказываемся, с каким-то внутренним страхом, даже думать о смерти целого вида. Мы знаем, если и не с помощью чувств, то разумом, что однажды мы, как члены человеческой расы, перестанем существовать, что человек — это единственный вид, который создал средства, могущие вызвать его собственное уничтожение. Но хотя мы и рассуждаем об этом, в глубине души мы в это не верим.

Никаких серьезных работ на эту тему нет. Похоже, что существует какой-то мозговой блок, запрещающий размышлять над этим. Мы никогда не думали о том, кто заменит человека, мы способны представить будущего сверхчеловека, во многих отношениях другого, но все же человека, обособленного от нас интеллектуально, но биологически все же человека. Даже в этих случаях мы упрямо считаем, что человек будет существовать всегда.

Это, конечно, неверно. Если эволюционный процесс, приведший к возникновению человека, не зашел в тупик, должно существовать что-то большее, чем человек. История предсказывает, что эволюционный процесс не зашел в тупик. Века доказали, что эволюция продолжает развиваться, всегда находит возможность произвести новые формы и новые жизненные ценности. Нет причины считать, что на человека эволюция исчерпала все свои способности.

Значит, должно быть что-то после человека, что-то другое, отличающееся от него. Не просто продолжение или модификация человека, а что-то совершенно новое. Мы спрашиваем в ужасе и недоверии: что же может сменить человека, что же может победить интеллект?

Я думаю, что знаю.

Я думаю, что те, кто сменит нас, уже существуют, и существуют много лет.

Абстрактное мышление — новое явление в мире. Ни одно существо, кроме человека, не обладает такой благодатной или такой проклятой способностью. Это отделило нас от всех других существ, благополучно осознающих только «сейчас» и «здесь». А может, даже это они осознают очень смутно. Способность к абстрактному мышлению позволила нам заглядывать в прошлое и, что гораздо хуже, смутно догадываться о будущем. Она позволила нам ощутить свое одиночество, наполнила нас надеждой, за которой стоит безнадежность, доказала, что мы одни, обнаженные и беззащитные, перед безграничностью космоса. Тот день, когда человечество осознало пространство и время, как относящиеся к себе лично, может считаться наиболее ужасным днем в истории человечества и жизни на Земле вообще.

Мы используем свой интеллект для многих практических целей, а также для теоретических исследований, которые в свою очередь дают нам другие практические возможности. И мы используем его еще для кое-чего. С его помощью мы заполняем мир множеством мифических существ — богами, дьяволами, ангелами, привидениями, нимфами, феями, домовыми и гоблинами, троллями и эльфами. Своим общественным разумом мы создаем темный противоречивый мир, где у нас есть враги и союзники. Но мы создаем и другие мифические существа, приятные для нас: Санта Клауса, пасхального кролика, Джека Форста, Шалтая-Болтая, песочного человечка, мартовского зайца и много-много других. Мы не просто мысленно создаем этих существ, мы еще и верим в них с разной степенью глубины и достоверности. Мы видим их, говорим с ними, они становятся для нас реальностью. Только из страха встретить подобные существа, средневековые крестьяне Европы с наступлением ночи закрывались в своих хижинах и отказывались выходить по утрам. Только из страха темноты, все еще охватывающего многих современных людей, они боятся ночью встретить что-либо подобное. Сегодня мы мало говорим об этом, об этих ночных существах, но старый страх еще жив. Это доказывается широким распространением в наши дни всеобщего увлечения экстрасенсорными явлениями и верой в летающие тарелки. Да, в наши дни считается детством говорить об оборотнях и привидениях, но вполне можно верить в летающие блюдца.

Что мы знаем об абстрактном мышлении? И ответ, конечно, таков — ничего. Есть возможность, я понимаю, что оно (я имею в виду мышление) электрическое по природе и что оно основано на каком-то обмене энергией. Поэтому-то ученые и говорят нам, что все процессы имеют энергетическую основу. Но что мы в сущности знаем об энергии? Что мы знаем вообще обо всем? И знаем ли мы, как действует атом и почему он действует именно так? Может ли кто-нибудь объяснить сознание самого себя и нашего окружения, то самое сознание, которое отличает жизнь от неорганической материи?

Мы думаем о мышлении, как об умственном процессе, и слушаем пустопорожнюю болтовню об обмене энергией. Но мы знаем о мыслитель-

ных процессах не больше, а, вероятно, даже меньше, чем древние греки знали об атоме. Демокрит, живший за несколько сотен лет до рождения Христа, считается человеком, основавшим атомную теорию, а это, несомненно, было тогда большим успехом мышления. Но атом Демокрита очень далек от нашего современного представления об атоме, хотя мы сами до сих пор еще не все здесь понимаем. Так вот, мы сегодня говорим о мышлении так же, как древние греки во времена Демокрита говорили об атоме, и примерно с таким же пониманием. Мы, если уж говорить правду, только произносим слово.

Мы ничего не знаем о результатах мышления. Все, чем обладает сейчас человечество, есть результат мышления. Но этот результат лишь воздействует на человека, как пар на паровоз, заставляя его двигаться.

Я думаю, что знаю ответ. Я считаю, что мысль, энергия мышления, какие бы странные формы она ни принимала, исходит из мозга миллиардов людей, накоплена на протяжении столетий и создала группу существ, которые скоро, вероятно, заметят человеческую расу.

Таким образом, следующий вид возникает из того самого механизма — разума, который сделал человека господствующим сегодня видом. Так, если я правильно проанализировал прошлое, действует эволюция.

Человек создает все своими руками, но он создает и разумом. Я считаю, что с помощью мозга он создает что-либо эффективнее и совсем по-другому.

Мысль одного человека о злобной, призрачной тени, таящейся во тьме, не вызывает реального появления на свет этой тени. Но целое племя думающих об этой тени и боящихся ее, могут вызвать ее появление. С самого начала эта тень не существует... Она появилась в мозгу одного человека, испуганно скорчившегося во тьме. Он сам не знал, чего боится, но чувствовал, что должен чего-то бояться, придать форму своему страху. И вот он вообразил себе чудовищную тень и рассказал о ней другому. И все они тоже вообразили ее. И воображали так долго и хорошо, так верили в ее существование, что сами и создали ее.

Эволюция действует многими способами. Она использует в своем развитии любую возможность. Поэтому постепенно у человека развилась способность использовать не только воображение, но и силы энергии, которые человек не понимает и, может быть, никогда не поймет.

Я считаю, что человек с помощью своего воображения, страха перед временем и пространством, перед смертью и темнотой, страха, действующего на протяжении столетий, создал другой мир существ, которые делят с нами Землю, скрыты, невидимы для нас, я уверен, что они здесь и что однажды они выйдут из укрытия и вступят в свои права.

Разбросанные в мировой литературе и в ежемесячном потоке новостей сообщения о странных событиях слишком хорошо документированы, чтобы быть просто иллюзией».

6

Рукопись оборвалась, но когда я перелистывал стопку листков, то увидел, что следующие страницы покрыты какими-то знаками, похожими на ноты. Написанные рукой моего друга, они были втиснуты в листок бумаги так, будто он был единственным и писавший старался использовать каждый миллиметр. Ноты маршировали странной фалангой, а поля были покрыты добавочными знаками. Некоторые из них оказались такими маленькими, что их трудно было разобрать.

Я посмотрел остальные страницы: они тоже были заполнены такими же знаками.

Я сложил листки и прикрепил к ним записку Филиппа.

«Позже, — сказал я себе, — я попробую прочесть последние страницы, попробую разобраться в них. Но пока я прочел достаточно, может быть, даже больше чем достаточно».

Это шутка... Нет. Это не может быть шуткой: мой друг никогда не шутил. Он не умел шутить. Вежливый и исключительно эрудированный, он всегда умел говорить интересно, захватывающе. И шутки ему были ни к чему.

Я вспомнил его таким, каким видел в последний раз: он сидит, как сморщенный гном, в большом кресле, угрожающем поглотить его. Я вспомнил, как он сказал: «Я думаю, что нас посещают призраки». Он хотел все сказать мне в тот вечер. Я убежден в этом. Но он не раскрылся потому, что в тот момент вошел Филипп, и мы заговорили о другом.

Я почувствовал уверенность, что он хотел сообщить мне то, что я сейчас прочел: нас посещают все создания, которых когда-либо воображал себе человек, человеческий разум своим воображением послужил процессу эволюции.

Он, конечно, ошибался. Но, думая об этом, в глубине души я знал, что такой человек, как он, не может просто ошибаться. Прежде чем изложить свои мысли на бумаге, вероятно, он просто хотел отделаться от них, он долго и тщательно обдумывал свое заключение. И у него должны быть доказательства. По-видимому, это его мнение стало итогом долгих наблюдений и рассуждений. Конечно, он тут мог ошибиться и, весьма вероятно, ошибался, но он основывался на очевидном и логике, и так просто его мысль нельзя было отбросить.

Друг хотел рассказать мне, проверить на мне свою версию. Но так как вошел Филипп, он переменил свое намерение... А потом было уже слишком поздно, потому что день или два спустя он погиб: жизнь его прервалась от удара встречного автомобиля, который так и не был найден.

Думая об этом, я почувствовал внезапно холодный ужас, никогда не испытываемый ранее. Ужас, наползавший из другого мира, из какого-то уголка сознания, где хранился унаследованный от предков страх: холодный, ледяной, выворачивающий наизнанку ужас человека, скорчившегося внутри пещеры и прислушивающегося к звукам, которые издают призраки во тьме.

Может ли быть, спросил я себя, что эта, созданная воображением человека сила достигла такого пика развития, что способна принимать любую форму? Может ли она стать машиной, разбившей другую машину, а после этого вернуться в мир другого измерения, в невидимый мир, откуда она пришла?

Неужели мой друг умер оттого, что догадался о тайне другого мира?

А гремучие змеи? Нет, это не то: я был уверен, что уж они реальны. Но неужели трицератопс, дом и другие строения, поднятая повозка, поленницы, Снуффи Смит и его жена — не были реальностью? Неужели это тот ответ, который я искал? Неужели все это маска мозговой силы, которая ждала меня в засаде и которая направила меня не к дивану в гостиной, а на каменный пол в пещере, полной змей?

А если так, то почему? Почему эта гипотическая мозговая сила знала о большом конверте, ожидавшем меня?

Это безумие, говорил я себе. Но таким же безумием был трицератопс, и дом там, где не было никакого дома, и гремучие змеи. Но змеи, сказал я себе, они реальны. А что вообще реально? Как можно узнать, что это реально?

Я был потрясен глубже, чем думал. Я сидел в кресле и смотрел на стену, листочки выпали у меня из рук, но я не шевельнулся, чтобы подобрать их. Если это так, то наш старый мир выбит у нас из-под ног. Гоблины и привидения не являются больше только героями сказок, а существуют во плоти, ну, может, не во плоти, но они существуют, они больше не иллюзия. Продукт воображения, говорили мы о них, даже не подозревая, что абсолютно правы... И значит, если это правда, то природа в процессе эволюции своей сделала длинный-длинный скачок вперед: от разума к абстрактному мышлению и от абстрактного мышления к форме жизни, которая теперь пытается перестать быть только тенью.

Я старался представить себе, какой может быть эта жизнь, каковы ее радости и печали, каковы ее устремления — и ничего не мог вообразить. Моя кровь, мои кости, мое тело — не позволяло сделать этого. Ибо, если существует другая форма жизни, то пропасть между нами слишком велика. Все равно что просить трилобита вообразить себе мир динозавров. Если природа продолжала поиски форм новой жизни путем постоянного отсеивания лишних видов, она наконец нашла создание (если это можно называть созданием) с фантастически высокими жизненными способностями: в физическом мире нет ничего, что могло бы повредить ему.

Я сидел, думая об этом, и мысли прыгали у меня в голове, и я ни к чему не смог прийти в своих размышлениях. Я даже не двигался по кругу. Просто мысли метались взад и вперед, как сумасшедший клоун.

Я отбросил все это безумство и тут же снова услышал журчание, смех и бормотание реки, бегущей мимо берегов.

Нужно распаковываться, внести вещи в комнату: меня ждет рыбалка, каноэ стоит у причала, а большой окунь скрывается где-то в водорослях. Я немного обживусь, и меня ждет ненаписанная книга. Да еще программа в школе и покупка корзиночек сегодня вечером. Я должен быть там...

7

Линда Бейли заметила меня, как только я появился в школе, и заторопилась навстречу, словно важничающая курица. Она была одной из немногих, кого я еще помнил, да и невозможно было не помнить ее. Она, ее муж и целый выводок грязных детей жили на соседней с нами ферме, и почти ежедневно Линда Бейли приходила к нам занять чашку сахара, немного масла или что-нибудь другое, чего у нее постоянно не оказывалось и что она неизменно забывала вернуть назад. Это была большая, костлявая, похожая на лошадь женщина, и если она и состарилась, то, как мне показалось, совсем немного.

— Хортон Смит! — затрубила она. — Маленький Хортон Смит. Я знала, что вы здесь.

Она обхватила меня, гулко шлепнула по спине, пока я, ошеломленный, пытался припомнить, какие такие узы дружбы между нашими семьями оправдывают столь бурное приветствие.

— Вот вы и вернулись! — кричала она. — Не смогли оставаться где-то. Если Лоцман Кноб у вас в крови, вы не можете не вернуться сюда. И после всех этих мест, всех языческих стран... Вы были в Риме?

— Я провел немного времени в Риме, — ответил я. — Это не языческая страна.

— Пурпурный ирис, что растет у меня около свинарника, из сада вашего папы. Но он не очень красивый, я видела гораздо лучший ирис, гораздо лучший. Я давно выкопала бы его и выбросила, но храню его исключительно из уважения к вашей семье. Не всякий, говорю я всегда, обладает ирисом из самого сада вашего папы. Не то чтобы я считалась с вашим папой и со всеми этими глупостями, но этот ирис все-таки какое-то отличие. А как вы думаете?

— Вы правы, — согласился я.

Она схватила меня за руку:

— Ради бога, идемте сядем. У нас найдется о чем поговорить.

Она подтащила меня к ряду стульев, и мы сели.

— Вы утверждаете, Рим не языческая страна, — продолжала она, — но вы были и в языческих странах. Как насчет русских? Вы провели много времени в России?

— Не знаю. Некоторые русские верят в бога, это правительство...

— Похоже, будто вам нравятся русские?

— Многие из них.

— Я слышала, что вы были в Одинокой Долине и приехали оттуда сегодня утром по дороге, бегущей мимо фермы Уильямса. Что вы там видели?

«Есть ли что-нибудь, — подумал я, — чего она не знает, чего не знает весь Лоцман Кноб?»

Быстрее,чем радио, новости разносились по общине — каждое предложение, каждая сплетня.

— Я случайно свернул с дороги, — ответил я, лишь слегка обманывая. — Мальчишкой я охотился в тех холмах на белок.

Она подозрительно посмотрела на меня:

— Может, при дневном свете там все в порядке, но я ни за какие деньги не согласилась бы остаться там в темноте. — Она наклонилась ко мне, и ее лающий голос перешел в хриплый шепот. — Там призраки. Свора собак, если их можно назвать собаками. Лают на холмах, грызутся, при этом откуда-то прилетает холодный ветер. Холод доходит до самого сердца...

— Вы слышали этих собак?

— Слышала их? Много ночей я, как сова, слушаю их вой на холмах, но никогда не была так близко к ним, чтобы почувствовать этот ветер. Петти Кембелл рассказывала мне. Вы помните Петти Кембелл?

Я покачал головой:

— Конечно, вы не можете помнить. Она была Петти Грехем до того, как вышла замуж за Энди Кембелла. Они жили в конце дороги у Одинокой Долины. Теперь их дом пуст. Они ушли оттуда. Их выгнали собаки. Может, вы его видели — дом, я имею в виду?

Я кивнул, не слишком уверенно, потому что не видел дома, только слышал о нем от Ловузии Смит прошлой ночью.

— Странные вещи происходят в тех холмах, — продолжала она. — Никто в здравом уме и не поверит. Это, наверное, потому, что там очень дикая природа. Сейчас заселено много мест, не осталось ни одного дерева, сплошные поля. Но там все еще дикое место. Думаю, что так будет всегда.

Школа начала заполняться жителями Лоцман Кноба, и я увидел Джорджа Дункана, направляющегося ко мне сквозь толпу. Я встал и протянул ему руку.

— Я слышал, что вы уже устроились, — проговорил он. — Я так и знал, что вам там понравится. Я позвонил Стронтеру и попросил его позаботиться о вас. Он сказал, что вы ушли рыбачить. Поймали что-нибудь?

— Несколько окуней. Будет лучше, когда я узнаю речку.

— Программа вот-вот начнется. Увидимся позже. Здесь немало народу хотело бы поздороваться с вами...

Программа началась. Учительница Кэти Адамс играла на старом пианино, а дети пели песни, а затем разыграли небольшую сценку, которую, как объявила Кэти Адамс, они сочинили сами.

Все это было очень забавно, и я сидел, вспоминал, как в мои школьные годы принимал участие в точно такой же программе. Я пытался вспомнить имена своих учителей и только к концу программы вспомнил лишь мисс Стейн — странную, угловатую женщину с легким характером и массой рыжих волос. Она быстро расстраивалась из-за шалостей. Я подумал, где она сейчас может находиться и как обошлась с ней жизнь. Я надеялся, что гораздо лучше, чем обходились с ней некоторые ученики, как было в то время, когда я ходил в школу.

Линда Бейли потянула меня за рукав и громко прошептала:

— Хорошие дети, верно?

Я кивнул.

— Эта мисс Адамс очень хорошая учительница, — продолжала Линда. — Боюсь, что она не останется у нас надолго. Такая маленькая школа, как у нас, не может рассчитывать на хороших учителей.

Программа кончилась, через толпу пробивался Джордж Дункан. Он потащил меня за собой и начал представлять жителям города. Некоторых из них я помнил, других нет, но все они, казалось, помнили меня. Поэтому я делал вид, что тоже помню и узнаю их.

Как раз посредине этой процедуры мисс Адамс встала на маленький помост в передней части комнаты и позвала Джорджа Дункана.

— Вы действительно забыли, — сказала она, — или только делаете вид, что забыли? Хотите избавиться? Но вы пообещали быть сегодня нашим аукционером.

Джордж возражал, но я видел, что ему приятно. Сразу стало заметно, что Джордж Дункан — важная персона в Лоцман Кнобе. Он владел магазином, был почтмейстером и членом школьного совета и мог заниматься множеством других маленьких гражданских обязанностей, подобных вот этой — быть аукционером при продаже корзиночек в пользу общины. К нему жители Лоцман Кноба обращались всегда, когда нужно было что-то сделать.

Он поднялся на помост, повернулся к столу со множеством декоративных корзиночек и шкатулок и поднял одну из них над толпой. Прежде чем начать торговать, он произнес небольшую речь.

— Вы все знаете, — сказал он, — для чего все это делается. Деньги от продажи корзиночек пойдут на покупку новых книг для школьной библиотеки, так что вы можете быть довольны, зная, что потраченные вами деньги потратят на доброе дело. Вы не просто покупаете корзинку и право пообедать с леди, чье имя найдете внутри корзинки. Вы выполняете также важную общественную обязанность. Поэтому я призываю вас раскошелиться и потратить часть денег, что осела в ваших карманах. — Он поднял корзиночку, которую держал в руке. — Вот это именно такая корзинка, какую я рад вам предложить. Говорю вам, она довольно тяжелая. В ней немало хорошей еды, и она отлично украшена. Леди, которая делала ее, уделяла внимание как содержимому, так и внешнему виду. Может, вам интересно, что я чувствую запах доброй жареной курицы... Ну, сколько же я услышу?

— Доллар... — сказал кто-то.

А кто-то немедленно дал два.

А из глубины комнаты уже слышалось:

— Два с половиной.

— Два с половиной доллара, — сказал с обиженным видом Дункан. — Неужели вы остановитесь на двух с половиной? Это же совсем дешево! Что я слышу...

Кто-то дал три доллара, и Дункан выбил еще пятьдесят центов, поднял цену до четырех семидесяти пяти и заявил, что корзинка продана.

Я смотрел на толпу. Это были дружелюбные люди, и они умели использовать свое время. Они пришли провести вечер с соседями и были довольны этим. Сейчас они покупают корзинки, потом потолкуют обо всем, о разной чепухе. Они будут говорить о всходах, о рыбалке, о новой дороге, о которой говорят уже двадцать пять лет и никак не перейдут к делу, о последнем скандале (тут всегда случаются скандалы, но, как правило, не очень серьезные), о проповеди, которую произнес в воскресенье проповедник. Они поговорят о многом и пойдут домой легким весенним вечером. У каждого из них свои маленькие заботы, свои отношения с соседями, но ни кого из них не тяготят глобальные проблемы. И это хорошо, сказал я себе.

Я почувствовал, что кто-то тянет меня за рукав. Обернувшись, увидел Линду Бейли.

— Вы должны купить вот эту корзиночку, — заметила она. — Это корзиночка дочери проповедника. Она очень хорошенькая. Вам понравится.

— Откуда вы знаете, что это ее корзиночка? — спросил я.

— Знаю. Покупайте.

Цена была три доллара.

Я сказал:

— Три с половиной.

Немедленно донеслось:

— Четыре доллара.

Я посмотрел туда и увидел трех молодых людей лет двадцати с небольшим, прислонившихся спинами к стене. Все они смотрели на меня и, как мне показалось, усмехались.

Меня снова потянули за рукав.

— Покупайте, — настаивала Линда. — Эти двое парней Болларда, а третий — Уильямс. Ужасные неучи. Нэнси тут же умрет, если кто-нибудь из них купит ее корзиночку.

— Четыре пятьдесят, — выкрикнул я, не задумываясь.

Джордж Дункан на помосте повторил:

— Четыре пятьдесят. Кто даст пять? — Он повернулся к троим, стоявшим у стены, и один из них дал пять. — Теперь мы имеем пять, — заливался Дункан. — Даст ли кто-нибудь шесть?

Он смотрел на меня, но я покачал головой, и он продал корзиночку за пять.

— Почему вы это сделали? — спросила меня Линда Бейли гневным голосом, похожим на ржание.

— Я не для того приехал в город, чтобы отбивать у парня право купить корзиночку. Может, это его девушка и она указала ему, как узнать корзиночку.

— Но Нэнси не его девушка, — отчитывала меня Линда, разочаровавшись во мне. — У нее вообще нет парня. Она очень обидится.

— Вы сказали, что это Болларды. Не те ли, что живут на нашей старой ферме?

— Они и есть. Старики у них плохие. Но эти парни! Все девушки их боятся. Ходят на танцы, сквернословят и всегда полупьяные.

Я посмотрел через комнату: трое парней по-прежнему следили за мной, и их лица светились триумфом. Они перебили у меня покупку. Я был чужаком в этом городе, и они посмеивались надо мной. Конечно, глупо, но в таких маленьких городках подобные победы и мелкие оскорбления часто преувеличиваются молвой.

«Боже, — подумал я, — зачем я встретил эту Бейли?»

Она всегда предвещала неприятности и нисколько не изменилась. Во все вмешивается, хлопочет из-за пустяков, и все это не приводит к добру.

Корзинки распродали быстро, осталось лишь несколько, когда Джордж устал, и торговля пошла вяло. Я убедил себя, что мне следует купить одну, чтобы продемонстрировать, что я не чужак, что я вернулся в Лоцман Кноб и хочу здесь остаться на время.

Я осмотрелся. Линды Бейли не видно. Более чем вероятно, что она, разочаровавшись во мне, ушла. Размышляя об этом, я ощутил слабую вспышку гнева. Какое право она имела требовать, чтобы я защищал дочь проповедника Нэнси от нескольких фермерских парней?

Оставались лишь три корзинки, и Джордж взял одну из них. Она была вдвое меньше остальных и не украшена. Подняв ее, он начал торг.

Было предложено два, потом три доллара, кто-то дал три пятьдесят, и я предложил четыре. Те же трое парней улыбались, презрительно и злобно.

— Шесть, — проговорил я.

— Семь, — бросил средний из них.

— Семь долларов, — произнес Джордж, несколько удивленный, потому что это была самая высокая цена за вечер. — Услышу ли я семь с половиной, или, может, кто-нибудь даст восемь?

Я мгновение колебался, так как был убежден, что эта троица немедленно продолжит торг. Ведь они торгуются, только если цену предлагаю я. Парни издевались надо мной, и я был уверен, что все в комнате понимают это.

— Восемь? — спросил Джордж, глядя на меня. — Я услышу восемь?

— Нет, не восемь, — ответил я. — Десять!

Джордж сглотнул слюну.

— Десять! Кто даст одиннадцать? — воскликнул он и искоса взглянул на троих у стены. Те молчали.

— Одиннадцать, — предложил Джордж. — Ну, еще доллар. Услышу ли я одиннадцать?

Никто не ответил.

Когда я заплатил и взял корзиночку, то взглянул в сторону, где стояли эти трое. Их там не оказалось.

Отойдя в сторону, я открыл корзинку. На листке было написано: «КЭТИ АДАМС...»

8

Расцвела первая сирень и заполнила холодный влажный воздух вечера своим слабым ароматом, который спустя неделю повиснет тяжелым облаком над улицами и тротуарами маленького города. Ветер с реки раскачивал уличные фонари, смещая пятна тени и света на земле.

— Я рада, что все кончилось, — сказала Кэти Адамс. — Я имею в виду программу, да и школьный год тоже. Но я вернусь сюда в сентябре.

Я посмотрел на шедшую рядом со мной девушку, и она показалась мне совсем другой: не тем человеком, которого я видел сегодня в магазине. Она что-то сделала со своими волосами, и ее учительская внешность исчезла, когда она сняла очки.

«Защитная окраска, — подумал я. — Она специально принимала строгий вид, чтобы походить на учительницу и быть хорошо принятой общиной. Какой стыд. Ведь она хорошенькая!»

— Вы утверждаете, что вернетесь, — произнес я. — Где же вы проводите лето?

— В Геттисберге.

— В Геттисберге?

— Да. Штат Пенсильвания. Я там родилась, и моя семья все еще живет там. Я приезжаю туда каждое лето.

— Я был там несколько дней назад. Останавливался по пути сюда. Провел целых два дня, бродил по полю битвы и представлял, как все это было сто лет назад.

— Вы никогда не бывали там раньше?

— Только однажды. Много лет назад, когда отправился в Вашингтон как начинающий репортер. Совершил автобусную экскурсию. Это меня не очень удовлетворило. Я хотел бы побродить один и увидеть то, что мне захочется, заглянуть во все щели и просто постоять и посмотреть, сколько захочется.

— Значит, второе ваше посещение Геттисберга оказалось более удачным?

— Да, прожил там два с половиной дня. Старался представить, что я нахожусь там сто лет назад.

— А мы жили этим так долго, что уже привыкли. Мы гордимся этой битвой. Конечно, и интересуемся ею. Но туристы... Они приходят и видят все несколько не так, как мы, привыкшие к мысли о прóшлом.

— Может, вы и правы, — сказал я, хотя на самом деле так не думал.

— Но Вашингтон...

— Я люблю этот город. Особенно Белый Дом. Он очаровывает меня. Я часами могу стоять у его большой железной ограды и просто смотреть.

— Вы и миллионы других людей.

— Там всегда стоят люди и смотрят.

— Я люблю белочек, — призналась девушка. — Этих нахальных белочек Белого Дома, что сидят наверху ограды и выпрашивают подачку, а

иногда спускаются к самому тротуару и шныряют у ваших ног, потом садятся и, сложив лапки на груди, смотрят на вас своими глазками-бусинками.

Я засмеялся, вспомнив белок.

— Они имеют на это право, — сказал я.

— Вы как будто завидуете.

— Может быть, — согласился я. — У этих белок прекрасная простая жизнь, в то время как жизнь человека стала слишком уж сложной. Мы производим ужасное количество вещей. Может, наша жизнь и не хуже, чем раньше, но она не становится лучше с течением времени.

— Вы хотите этому посвятить свою книгу?

Я с удивлением взглянул на нее.

— О, — проговорила она, — все знают, что вы приехали сюда, чтобы написать книгу. Они сами догадались или вы признались кому-нибудь?

— Я говорил Джорджу.

— Этого достаточно. Все, что вам нужно было сделать, это упомянуть о книге в разговоре хотя бы с одним человеком. Через три часа все в городе будут знать, что вы произнесли. Завтра, к полудню, весь город узнает, что вы проводили меня домой и заплатили десять долларов за мою корзинку. Что заставило вас так поступить?

— Это не хвастовство. Вероятно, некоторые подумают так, а жаль. Я не сделал бы этого, если бы не три парня у стены.

Она кивнула:

— Я догадываюсь, кого вы имеете в виду. Два парня Боллардов и сын Уильямса. Но вам не следовало обращать внимание на них. Вы — подходящая мишень — новый человек. Они просто хотели показать вам...

— Ну, и я им показал и думаю, это было таким же ребячеством с моей стороны, как и с их. И меня невозможно извинить за это, потому что я образованнее.

— Долго ли вы собираетесь пробыть здесь?

Я улыбнулся:

— Еще буду, когда вы вернетесь в сентябре.

— Я не это имела в виду.

— Знаю, но книга потребует много времени. Я не собираюсь торопиться. Постараюсь написать ее как можно лучше. И займусь рыбалкой. Все эти годы я мечтал о рыбной ловле... Может, немного поохочусь. Тут, должно быть, немало уток.

— Да. Многие местные жители охотятся на них, когда начинается перелет на юг.

Я так и знал. В этом заключается соблазн и притягательная сила таких мест, как Лоцман Кноб. Успокоительное сознание того, что вы знаете, о чем думают люди, и можете присоединиться к их разговору, посидеть вокруг печи в магазине, и побеседовать о перелете птиц или о том, как клюет рыба в Инспекторском Омуте, или как полег весь овес и ячмень от ночной бури. Там, у печи, был стул моего отца. Проходя по улицам,

наполненным запахом сирени, я размышлял, найдется ли там стул для меня...

— Вот мы и пришли. — Кэти свернула на тропу, ведущую к большому белому дому в два этажа, окруженному деревьями и кустами смородины.

Я остановился и посмотрел на дом, стараясь вспомнить его.

— Дом Форсайта, — сказала Кэти. — Банкира Форсайта. Я живу здесь с тех пор, как работаю учительницей. Уже три года.

— Но банкир...

— Да, он умер. Больше десяти лет назад. Здесь живет его вдова. Теперь она совсем старая, полуслепая и ходит с тростью. Говорит, что ей очень одиноко в этом большом доме, вот она и пустила меня.

— Когда вы уезжаете?

— Через день или два. Особенно торопиться некуда, все в моих руках. В прошлом году я преподавала в летней школе, но в этом году решила этого не делать.

— Мы можем еще увидеться перед вашим отъездом?

По какой-то причине, которую мне не хотелось для себя выяснять, я собирался снова с ней встретиться.

— Не знаю... Я буду занята...

— Завтра вечером, может быть, поужинаем вместе? Можем куда-нибудь прокатиться.

— Будет забавно...

— В семь часов не слишком рано?

— В самый раз. И спасибо, что проводили меня.

Это была отставка, но я колебался.

— Вы сможете войти? — спросил я глуповато. — У вас есть ключ?

Она рассмеялась:

— У меня есть ключ, но он не понадобится. Вдова ждет меня и сейчас смотрит на нас.

— Кто?

— Миссис Форсайт, конечно. Она полуслепая, но все знает и следит за мной. Пока она рядом, никто не может навредить мне.

Я почувствовал легкое раздражение. Забыл, совсем забыл, что здесь невозможно пойти куда-нибудь или что-нибудь сделать без того, чтобы за тобой не следили и не информировали об этом весь Лоцман Кноб.

— Завтра вечером, — повторил я, уже стесняясь и чувствуя на себе взгляд из-за занавески на окне.

Я стоял и смотрел, как девушка поднимается на обвитое виноградом крыльцо. Прежде чем она дошла до двери, та распахнулась и оттуда вырвалась полоса света. Кэти была права — миссис Форсайт следила за ней.

Я повернулся, прошел через калитку на улицу. Луна поднялась над большим утесом к востоку от города. Утес Лоцман Кноба служил вехой лоцманам в дни первых пароходов, что и дало городу название. Лунный свет пробивался сквозь ветви вязов, росших вдоль улицы, и образовывал сложный узор на тротуаре. Воздух пах сиренью.

Подойдя к школе, я свернул на дорогу, ведущую к реке. Здесь поселок кончался, а деревья, взбираясь на высокие склоны утеса, становились толще.

Я сделал лишь несколько шагов в их глубокой тени, когда они прыгнули на меня. Для меня это было совершенно неожиданно. Кто-то бросился мне в ноги, а как только я упал, другой ударил меня по ребрам. Я упал, покатился по земле и услышал звук шагов. Я уже поднялся, когда увидел перед собой очертания человека и почувствовал (не увидел, а именно почувствовал), что сейчас меня ударят ногой. Я увернулся, нога скользнула по руке, вместо того, чтобы ударить меня в грудь.

Я знал, что их несколько: я слышал топот ног на дороге. Если я останусь лежать, они начнут бить меня ногами, поэтому я постарался встать, хотя голова у меня немного кружилась. Я попятился, чтобы встать более устойчиво и уперся спиной во что-то твердое. Я понял, что стою спиной к дереву.

Их было трое: теней более плотных, чем ночная тьма.

Это те трое, стоявшие у стены и издевающиеся надо мной, потому что я был чужак и легкая добыча. И вот они ждали меня здесь, пока я провожал Кэти домой.

— Ладно, маленькие выродки, — проговорил я, — подходите ближе и получайте.

И они подошли. Все трое. Если бы у меня хватило ума промолчать, они бы не напали, но моя насмешка разозлила их.

В моем распоряжении был только один сильный удар: больше бы мне ударить не удалось. И я ударил кулаком в лицо среднего из них. Удар получился хорош. И звук был, как от удара топором по металлу или мерзлому дереву.

Затем со всех сторон на меня обрушились кулаки, я упал, и они пустили в ход ноги. Я покатился по земле, вернее, старался кататься, свернувшись в клубок, чтобы как можно лучше защититься от ударов. Так продолжалось некоторое время, и, может, на какой-то момент я потерял сознание...

Потом я сидел один на пустой дороге. Все тело у меня болело. Я встал и побрел, вначале слегка покачиваясь от головокружения.

Я добрался до мотеля, прошел к себе в комнату и отправился в ванную. Включив свет, я усмехнулся. Зрелище было ужасное. Один глаз распух, вокруг налился синяк. Лицо вымазано кровью, множество царапин. Я осторожно смыл кровь и осмотрел царапины: все они оказались неглубокими. Но это слабо утешало, теперь, конечно, несколько дней лицо у меня будет «красивое».

Я считал, что больше всего унизили мое достоинство. Вернуться в родной город, где тебя часто видят по телевизору и слушают по радио, и в первый же вечер быть избитому шайкой деревенских парней за то, что оттрогвал у них корзинку учительницы.

«Боже, — подумал я, — если только об этом узнают в Вашингтоне или Нью-Йорке».

Я ощупал себя и пришел к выводу, что еще легко отделался. Я обнаружил лишь несколько синяков. Слава богу, ничего более серьезного. День или два поболит, и все. Мне придется усиленно заниматься рыбалкой в следующие несколько дней. Стану сидеть на реке, где меня никто не увидит, пока не сойдет опухоль с глаза. Но я знал, что невозможно сохранить в тайне этот случай от добрых жителей Лоцман Кноба. Да, а как же свидание с Кэти?

Я подошел к двери, чтобы взглянуть в ночь. Луна теперь стояла высоко над утесом Лоцман Кноб. Легкий ветерок шевелил ветви деревьев, листва слабо шуршала, и неожиданно я услышал звук — лай множества собак, яростный лай.

Вначале он был очень слаб, ветерок принес его и тут же стих. Я прислушался, припоминая, что говорила мне Линда Бейли о псах-оборотнях в Одинокой Долине.

Звук повторился — дикий, леденящий душу вой своры, гонящей добычу. Ветер стих, и больше ничего не стало слышно...

9

День выдался удачным. Не из-за хорошего улова — я поймал всего лишь несколько окуней. Но было приятно находиться на реке: восстановить в памяти эту реку и вспомнить знакомые с детства приметы. Мистер Стронтер вручил мне сверток с едой, расспрашивая о синяке под глазом, но я сумел уклониться от ответа. Я сбежал на реку и оставался там весь день. Я не все время удил рыбу. Захотелось осмотреть местность, заводил каноэ в заросшие заводи, в омуты, отыскивал острова, которые тут когда-то были. Я говорил себе, что просто отыскиваю места, которые помнил с детства, но на самом деле я исследовал ту полоску воды, о которой мечтал долгие годы. Я старался органично влиться в странный мир текущей воды, лесистых островов, песчаных мелей, заросших берегов.

Теперь, когда стемнело, я направился по реке к мотелю, держась берега и стараясь бороться с течением неуклюжими ударами весел.

Я был всего в нескольких ярдах от причала, когда услышал, как кто-то окликает меня по имени. Я поднял весло и посмотрел на берег. Течение начало медленно сносить меня вниз по реке.

— Сюда... — послышался шепот.

Я разглядел у входа в небольшую заводь светлое пятно, погрузил весло в воду и погнал каноэ к берегу. Здесь, на бревне, упавшим с берега в воду, стояла Кэти Адамс. Я правил каноэ, пока оно не уткнулось носом в бревно.

— Прыгайте, — предложил я. — Покатаю вас.

Она посмотрела на меня.

— Глаз... — произнесла она.

Я улыбнулся:

— У меня была небольшая неприятность.

— Я слышала. Думаю, что и сейчас у вас неприятности.

— Они у меня есть всегда, — согласился я с ней. — Те или другие.

— На этот раз я имею в виду настоящие неприятности. Думаю, что вы убили человека.

— Я легко могу доказать...

— Джастин Боллард. Его тело нашли час назад. Вы дрались с ними прошлой ночью?

Я кивнул:

— Наверное, и с ним тоже. Я не знаю. Темень. Их было трое, и мне не удалось их рассмотреть. Я ударил одного из них. Это вполне мог быть парень Боллардов. После этого они меня одолели.

— Прошлой ночью вы дрались с Джастином Боллардом и двумя другими. Сегодня утром они болтали об этом в городе, у Джастина вспухло лицо.

— Что ж, пойду туда. Я весь день был на реке...

И тут я замолчал. Я не мог доказать это. Я не видел ни души, и, вероятно, меня тоже никто не видел.

— Не понимаю... — проговорил я.

— Они хвастались утром, что выследят вас и закончат это дело. Потом кто-то нашел мертвого Джастина, а остальные двое исчезли.

— Не думают же, что я убил всех троих?

Она покачала головой:

— Не знаю, что они размышляют об этом. Весь город потрясен. Толпа хотела отыскать вас на реке, но Джордж Дункан отговорил их. Он сказал, что нельзя устраивать самосуд. И что у них нет доказательств, что это сделали действительно вы. Но все в городе считают, что это так. Джордж позвонил в мотель и узнал, что вы ушли рыбачить. Он вызвал шерифа. Говорит, пусть этим лучше займется шериф...

— Но вы... вы пришли предупредить меня...

— Вы купили корзинку и проводили меня домой, и мы договорились о свидании. Мне кажется, я должна быть на вашей стороне. Я не хочу, чтобы они захватили вас врасплох.

— Боюсь, что наше свидание придется отложить. Мне очень жаль.

— Что вы собираетесь делать?

— Не знаю. Должен подумать.

— У вас не очень-то много времени.

— Да. Думаю, что мне осталось одно — приплыть, сесть и спокойно ждать.

— Но они могут обойтись и без шерифа, — предупредила девушка.

Я покачал головой:

— Мне нужно кое-что взять у себя в номере. Во всем этом есть нечто странное.

Да, нечто странное. Сначала — гремучие змеи, а теперь мертвый па-

рень. На самом ли деле он мертв? И всего-то прошло часов двадцать между этими событиями.

— Вы не можете пойти сейчас туда, — сказала Кэти. — Вы должны дождаться шерифа на реке. Поэтому я и пришла предупредить вас. Могу я взять в вашем номере что-нибудь для вас?

— Нет.

— В мотеле есть задняя дверь, выходящая на реку. Вы не знаете, она закрыта?

— Мне кажется, нет.

— Я смогла бы войти и взять...

— Кэти, вы понимаете, я не могу...

— Вам нельзя идти. Во всяком случае, сейчас.

— Вы думаете, что могли бы войти в номер?

— Уверена.

— Большой конверт, на нем вашингтонский штемпель и пачка листов внутри. Возьмите конверт и уходите. Держитесь в стороне от этого дела.

— Что в конверте?

— Ничего преступного, — успокоил я ее. — Ничего незаконного. Просто информация, которую никто не должен знать.

— Это важно?

— Полагаю, что да. Но я не хочу втягивать вас.

— Я уже втянута. Я предупредила вас. Не думаю, чтобы это было очень заметно, но я не могла бы им позволить захватить вас. Уплывайте на реку и оставайтесь там...

— Кэти, я собираюсь сказать вам кое-что. Если вы хотите взять этот конверт. Если вы в этом уверены...

— Я сделаю это. Если вы попробуете это сделать сами, вас могут увидеть. На меня же, если кто и заметит, никто не обратит внимания.

— Хорошо, — сказал я, презирая себя за то, что позволил ей сделать эту грязную работу, — я не просто уплыву на реку, я собираюсь бежать, и побыстрее. Не потому, что я убил человека, нет. Есть другая причина. Вероятно, самое честное было бы сдаться, но, к сожалению, я обнаруживаю в себе задатки труса. Позже, может быть, я и сдамся.

Она испуганно посмотрела на меня. И может быть, с меньшим уважением, чем раньше. Я не могу упрекнуть ее в этом.

— Если вы хотите бежать, вам лучше это сделать прямо сейчас.

— Еще одно...

— Да?

— Взяв конверт, не заглядывайте в него. Не читайте того, что внутри.

— Ничего не понимаю.

— А я не понимаю, почему вы предупредили меня.

— Я уже сказала вам. Можете по крайней мере сказать «спасибо»...

— Конечно.

Она начала выбираться на берег.

— Счастливого пути, — проговорила она. — Я пошла за вашим конвертом...

10

Спустилась ночь, я больше не должен был держаться вдоль берега и направил каноэ на середину реки, где течение быстро понесло меня. Ниже по реке на другой стороне находились два города, и я видел их огни над широкими полосами тумана, протянувшимися над водным зеркалом.

Я беспокоился о Кэти. Я не имел права просить ее помощи и чувствовал себя подлецом из-за того, что позволил ей вмешаться в это дело. Но она пришла предупредить меня и стала моим союзником. Она единственная, кому я мог верить. Я говорил себе, что она успешно справится с заданием, что конверт не попадет в руки тем, кто может опубликовать его содержимое.

Как можно быстрее нужно связываться с Филиппом и сообщить ему обо всем. Вдвоем мы могли бы решить, что лучше предпринять. Нужно уплыть как можно дальше от Лоцман Кноба и найти телефон — достаточно далеко, чтобы мой звонок не вызывал подозрений. Я увеличивал расстояние между собой и Лоцман Кнобом — течение было быстрым, а я еще помогал ему, работая веслом.

Гребя, я продолжал размышлять о прошлой ночи и убийстве Джастина Болларда. И чем больше я думал об этом, тем больше убеждался, что Джастин Боллард не мертв. Мне казалось несомненным, что трое, напавшие на меня ночью, были те же, что и стояли у стены. Они хвастали, что побили меня, а потом исчезли. Но как и куда они исчезли? Как бы то ни было, пока их нет, мне лучше не связываться с законом — могут, чего доброго, и линчевать. И если права Кэти Адамс, то именно это намеревалась сделать толпа, пока ее не остановил Джордж Дункан. Если какое-то вещество или энергия могли стать домом, повозкой, ужином на столе, кувшином пшеничного виски, то они могли, следовательно, стать чем угодно. Стать мертвым окоченевшим телом — сущий пустяк. И к тому же эта энергия может проявить свою способность и спрятать всех троих, пока это необходимо. Конечно, это сложный и безумный путь, но не более сложный и безумный, чем тот, каким жертву направили в змеиное логово...

Я надеялся вскоре добраться до города, где смогу найти телефон-автомат и позвонить. Слух об убийстве мог уже распространиться и в приречные города, хотя шерифу вряд ли придет в голову мысль, что я буду спускаться вниз по течению. Конечно, если не задержали Кэти. Я старался отделаться от этой мысли, но она все время возвращалась ко мне.

И все же, даже если в городах меня ждут, я сумею позвонить. А что потом? Сдаться полиции. Это можно решить позже. Я подумал, что все же можно сначала прийти в участок, а потом уже позвонить Филиппу, но в этом случае разговор услышат полицейские, и все станет известно.

Я не был удовлетворен тем, как разворачивались события, и испытывал чувство вины, но не видел другой альтернативы.

Наступила ночь, но на реке было чуть светлее. С берега доносились слабые звуки: мычание коров, лай собак. Вокруг меня вода продолжала

свой вечный разговор, временами выпрыгивала рыба, оставляя после себя расходившиеся круги. Я, казалось, двигался по большой равнине: темные, поросшие деревьями берега и отдаленные холмы были только тенями, лежавшими на краю этой равнины. Это королевство воды и теней — глубоко мирное место. Странно, но на реке я чувствовал себя в безопасности. Обособленность — вот наиболее подходящее слово для моего состояния. Я был один в центре крошечной Вселенной: журчание воды и мычание коров, лай собак — все эти слабые звуки скорее подчеркивали, чем разрушали, чувство обособленности.

Вдруг эта обособленность кончилась. Неожиданно вода передо мной поднялась горбом, и я начал яростно грести, чтобы обойти его. Из глубины начала подниматься чернота — ярды и ярды черноты.

Масса черноты поднялась в воздух — большая, длинная, мускулистая шея с кошмарной головой. Грациозной аркой она изогнулась во тьме так, что голова повисла надо мной. Я как заколдованный смотрел в красные глаза, отражавшие слабый свет, шедший от поверхности воды. Раздвоенный язык качнулся в воздухе, раскрылась пасть, и я увидел клыки.

Я погрузил весло в воду и отчаянным усилием погнал каноэ. На своей шее я ощущал горячее дыхание. Нацелившаяся на меня голова промахнулась всего на несколько дюймов.

Оглянувшись через плечо, я увидел, что голова вновь охотится за мной и готова к удару. Я знал, что на этот раз мне почти невозможно будет увернуться. Один раз я обманул это существо. Сомнительно, чтобы это удалось мне вторично. Берег слишком далеко, и мне оставалось только уворачиваться и бежать. Лишь мгновение я колебался, собираясь остановить каноэ и спасаться вплавь. Но я не очень хороший пловец и понял, что водяное чудовище легко поймает меня.

Я резко повернул каноэ. На этот раз чудовище не промахнется. Ему не нужно спешить. Оно знало, что я не уйду. Вода бурлила, и ужасная шея двигалась за мной.

Я резко повернул в надежде сбить чудище с толку и заставить готовиться к новой попытке.

При резком повороте что-то покатилось по дну каноэ. Услышав этот звук, я понял, что мне нужно делать. Конечно, это было нелогично, чистейшая глупость, но я — в безвыходном положении, и выбора у меня нет. У меня не осталось надежды, что я сумею сделать то, что собирался. Это был не план, а скорее рефлексорная попытка, и я не знал, что буду делать после этого. Но должен был это сделать. Это — единственное, что я смог придумать.

Ударом весла я повернул каноэ так, чтобы оказаться лицом к существу. Схватив удочку, я встал. В каноэ не очень удобно стоять, но мое оказалось удивительно устойчивым, да и сегодня днем я достаточно попрактиковался в управлении им.

У меня оказалась специальная снасть для рыбной ловли, вероятно, слишком тяжелая, с тремя рядами крючков.

Голова чудовища была теперь совсем рядом, пасть по-прежнему широко раскрыта. Я размахнулся, прицелился и бросил снасть.

Словно зачарованный, я смотрел, как сверкнул металл. Я попал в раскрытую пасть чудовища, подождал долю секунды и дернул удочку изо всех сил, продолжая тянуть назад, чтобы крючки впились в пасть. Я чувствовал, как они ушли глубоко в тело. Я поймал его на крючок.

Я не размышлял, что будет дальше, не рассчитывал, что буду делать после того, как поймаю чудовище. Видимо, потому что не надеялся на удачу.

Я снова дернул удочку, чтобы крючки вошли еще глубже, и неожиданно передо мной поднялась большая волна. Могучее тело вытянулось из воды и продолжало вытягиваться, а мне казалось, что ему никогда не будет конца. Голова на долговязой шее дергалась взад и вперед, удочка дрожала в моих руках, я повис на ней, не отдавая себе в этом отчета. Я лишь твердо знал, что мне не нужна рыба, которую я выловил...

Каноэ прыгало на волнах, поднятых движением чудовища, и я скорчился в нем, упираясь локтями, стараясь удержать центр тяжести как можно ниже, чтобы не дать лодке перевернуться. И вот каноэ начало двигаться все быстрее и быстрее вниз по реке: его тащило за собой бегущее существо.

Я продолжал висеть на удочке. Я мог бы выпустить ее и позволить чудовищу убежать, но я держался за нее и кричал, опьяненный своей удачей. Это существо охотилось за мной, но я сам его поймал, и вот оно бежит в боли и панике.

Существо продолжало нестись вниз по реке, натянутая леска удерживала каноэ, которое дергалось, как ковбой на спине брыкающейся лошади. На мгновение я забыл, что происходит. Эта дикая погоня через ночь по речному миру! Передо мной мчалось и изгибалось существо, иногда из воды поднималась зубчатая гряда плавников на горбатой спине.

Неожиданно леска ослабла, существо исчезло. Я был один на реке, скорчившись в каноэ, которое плясало на волнах, поднятых огромным телом. Когда вода успокоилась, я сел и принялся сматывать леску. Мне пришлось поработать, и, наконец, через борт перевалились крючки. Я очень удивился, увидев их. Я думал, что леска порвалась, и поэтому чудовище сбежало. Но теперь стало ясно, что существо просто исчезло. Крючки глубоко впились в его тело и освободиться сами по себе они не могли.

Каноэ теперь спокойно плыло по реке. Я нагнулся и подобрал весло. Взошла луна, и река засверкала, как дорога из струящегося серебра. Я сидел с веслом в руках и думал, что же теперь делать. Инстинкт требовал, чтобы я ушел с реки, прежде чем из-под воды появится новое чудовище. Но я почему-то был уверен, что второго такого не будет — его появление было одним из запасов всей этой череды малопонятных событий, связанных со змеиным логовом и смертью Джастина Болларда. Другой мир, открытый моим старым другом, испробовал новый ход, а я был уверен, что он не станет повторять неудавшуюся комбинацию. Если это так, то сейчас река для меня самое безопасное место.

Резкий пронзительный писк нарушил ход моих мыслей, и, повернув голову, чтобы определить, откуда он исходит, я заметил маленькое страшилище, которое сидело скорчившись на корме недалеко от меня. Это была пародия на человека, существо было покрыто густыми волосами и цеплялось за каноэ парой лап, напоминавших совиные. Голова у него была заострена вверх, волосы росли из этого острия и падали во все стороны, образуя нечто вроде шляпы, которые носят туземцы в некоторых азиатских странах. По обе стороны от головы торчали кувшинообразные уши. Из-под нависших волос красным светом горели глаза.

Писк его начал приобретать некоторый смысл.

— Три — волшебное число, — пролепетало оно весело своим высоким голосом. — Три — волшебное число! Три — волшебное число!

Комок застрял у меня в горле, я взмахнул веслом. Весло плашмя ударило маленькое чудовище, подбросило его высоко в воздух, и оно полетело, как будто его ударили бейсбольной битой. Писк перешел в слабый визг, и я с каким-то очарованием глядел, как оно пролетело над водой и устремилось вниз. На полпути к воде существо мигнуло, как взорвавшийся мыльный пузырь, и исчезло.

Я снова взялся за весло. Больше невозможно обманывать себя. Чем скорее я доберусь до телефона и позвоню Филиппу, тем лучше. Мой старый друг мог быть и не совсем прав, но все происходящее было чертовски непонятным...

11

Городок оказался маленьким, и я не смог найти телефонную будку. Я вообще не был уверен, что это город, хотя, если память мне не изменяла, это Вудмен. Я старался представить себе карту местности, но и город, и вся округа являлись для меня далеким прошлым, и я не мог быть ни в чем уверен. Но как называется этот городок — неважно, — говорил я себе, — важно найти телефон и позвонить. Филипп в Вашингтоне, и он решит, что делать. Даже если он не знает, как поступить, все же он должен быть в курсе всего... Я в долгу у него за то, что он прислал мне копию записок дяди. Хотя, если бы он их не прислал, то я, вероятно, не попал бы в эту историю.

Во всем деловом районе оказался лишь один открытый бар. Теплый тусклый свет пробивался сквозь его грязные окна. Легкий ветерок со скрипом раскачивал вывеску с нарисованной на ней кружкой пива. Вывеска была укреплена на железном кронштейне.

Я стоял на улице, стараясь набраться храбрости, чтобы войти. Конечно, нет никакой гарантии, что там есть телефон. Я знал, что, переступая порог бара, я подвергаю себя определенному риску. Может, шериф уже поднял тревогу и меня разыскивают. Хотя, может, вести еще не дошли до этого места.

Каноэ находилось на реке, привязанное к столбу, и я мог в любой момент сесть в него и оттолкнуться от берега. Ничего не было бы разумнее этого, потому что меня никто пока не видел. За исключением этого бара через улицу, весь город вымер.

Но я должен позвонить. Нужно предупредить Филиппа, если уже не поздно. Только тогда он сможет что-либо предпринять. Теперь мне ясно, что тот, кто прочтет записки моего друга, окажется перед опасностью, описанной в них.

Я стоял в нерешительности и, наконец, едва сознавая, что делаю, пошел через улицу. Дойдя до тротуара, я взглянул на скрипящую вывеску, и скрип ее словно разбудил меня.

Поднявшись по ступеням, я распахнул дверь. В дальнем конце комнаты, у прилавка, скорчился человек. Бармен облокотился о стойку, глядя на дверь и как бы ожидая ночных посетителей. В помещении больше никого не было, и все стулья были прислонены к столам.

Бармен не двигался. Он как будто не видел меня. Я закрыл за собой дверь и подошел к стойке.

— Что желаете, мистер? — спросил бармен.

— Бурбон, — ответил я. Я не спросил льда: похоже, в этом заведении не полагается просить лед. — И мелочи... если у вас есть телефон.

Бармен ткнул пальцем в угол комнаты:

— Там.

Я взглянул: в углу стояла телефонная будка.

— Ну и глаз у вас! — заметил он.

— Да уж.

Он поставил стакан на стойку и начал наливать.

— Поздно путешествуете, — пробурчал он.

— Вроде бы.

Взглянув на наручные часы, я увидел, что уже половина двенадцатого.

— Не слышал вашей машины...

— Я оставил ее дальше по улице. Решил, что в городе все закрыто. Потом увидел у вас свет...

Не очень-то правдоподобная история, но он более не расспрашивал. Ему все равно. Он просто разговаривал.

— Я тоже закрываю, — сказал он. — Закрою в полночь. Вечером никого нет, кроме старого Джо. Он всегда здесь. Каждый вечер до самого закрытия, пока я его не выставлю. Совсем как кошка.

Напиток был не очень хорош, но я чертовски нуждался в нем. Стало теплее внутри, и страх несколько отступил. Я протянул ему банкноту.

— Хотите мелочь на всю сдачу?

— Если можно.

— Пожалуйста. Куда вы хотите звонить?

— В Вашингтон.

Я не видел причины, почему бы не ответить ему.

Он дал мне мелочь, я пошел к телефону и сделал заказ. Я не знал

номера Филиппа, и выполнение заказа заняло какое-то время. Потом кто-то ответил.

— Мистера Филиппа Фримена, пожалуйста, — сказала телефонистка. — Междугородный разговор.

Послышался короткий вздох на другом конце провода, потом молчание. Наконец ответили:

— Его нет.

— Вы не знаете, где он? — спросила телефонистка.

— Его вообще нет, — ответил голос. — Это что, шутка? Филипп Фримен мертв...

— Заказ не может быть выполнен, — сказали в трубку. — Мне сообщили...

— Неважно, — буркнул я. — Я буду говорить с тем, кто на линии.

— Пожалуйста, добавьте полтора доллара.

Я порылся в кармане и извлек пригоршню мелочи. Опуская монеты в щель, часть я уронил на пол. Рука моя так дрожала, что я не мог попасть монетой в щель автомата.

Филипп Фримен мертв!..

Наконец-то мне удалось справиться с монетами.

— Говорите, — сказала телефонистка.

— Вы все еще там? — спросил я.

— Да, — ответил призрачный, дрожащий голос.

— Простите, я ничего не знал. Я Хортон Смит, старый друг Филиппа.

— Я слышала о вас, он часто вас вспоминал. Я его сестра.

— Маржи?

— Да, Маржи.

— Когда это случилось?

— Сегодня вечером. Филис должна была прийти к нему. Он стоял на тротуаре, ожидая ее, и вдруг упал.

— Сердечный приступ?

Наступило долгое молчание, потом Маржи сказала:

— Мы так думаем. Так думает Филис, но...

— Как Филис?

— Спит. Доктор дал ей что-то.

— Не могу выразить, как мне жаль. Вы говорите, сегодня вечером?

— Всего несколько часов назад. И, мистер Смит, я не знаю... может, мне не следует говорить этого. Но вы были другом Филиппа...

— Много лет, — подтвердил я.

— Здесь что-то странное. Те, кто видел, как он упал, говорят, что он был застрелен стрелой — стрелой в сердце. Но никакой стрелы не оказалось. Некоторые свидетели рассказали в полиции...

Голос ее прервался, послышались всхлипывания. Потом она продолжала:

— Вы знали Филиппа и знали дядю.

— Да, обоих.

— Это кажется невозможным. Оба так быстро...

— Да, кажется невозможным.

— Вы спрашивали Филиппа, что-нибудь еще нужно?

— Уже ничего. Я возвращаюсь в Вашингтон.

— Похороны в пятницу.

— Спасибо. Простите, что я так ворвался...

— Вы же не знали. И я скажу Филис, что вы звонили.

— Если хотите. Никакой разницы. Она меня не помнит. Я лишь один или два раза видел жену Филиппа.

Мы попрощались, и я сидел, ошеломленный, в будке. Филипп мертв. Застрелен стрелой. Стрелы не используют в наши дни, чтобы избавиться от человека. Так же, впрочем, как и змеи.

Я наклонился и принялся разыскивать упавшие монеты.

Кто-то постучал в дверь кабинки, и я выглянул. Бармен смотрел на меня. Он прекратил стучать и махнул мне рукой. Я выпрямился и открыл дверь.

— Что с вами? — спросил он. — Заболели?

— Нет. Уронил несколько монет.

— Если хотите еще выпить, заказывайте. Я закрываю.

— Мне нужно еще позвонить.

— Тогда побыстрее.

На полке у телефона я нашел справочник.

— Где индекс Лоцман Кноба?

— В справочнике. Раздел «Лоцман Кноб — Вудмен».

— Это Вудмен?

— Это Вудмен, конечно, — сказал он, недоверчиво посмотрев на меня. — Вы пропустили надпись у въезда?

— Наверное...

Я закрыл дверь и отыскал в справочнике нужную строку. Вот она — миссис Джанет Форсайт. В книге оказалась только одна фамилия Форсайт. Иначе я не знал бы, куда звонить. Я никогда не знал или забыл имя жены старого дока Форсайта.

Я снял трубку и заколебался. Я зашел слишком далеко. Нужно ли использовать еще одну возможность? Но вряд ли кто-нибудь засечет мой звонок.

Я опустил монету и набрал номер. Подождал немного. Наконец кто-то ответил мне. Мне показалось, что я узнал голос, но не был в этом уверен.

— Мисс Адамс?

— Да. Миссис Форсайт спит и...

— Кэти.

— Кто это?

— Хортон Смит.

— Ох! — проговорила она и больше ничего не добавила.

— Кэти...

— Я рада, что вы позвонили. Это все было ошибкой. Парни Болларда вернулись. Все трое. Теперь все в порядке...

— Подождите минуточку, пожалуйста. Если парень Болларда вернулся, что же случилось с телом?

— С телом? О, вы имеете в виду...

— Да, тело Джастина Болларда.

— Хортон, это самое удивительное. Тело исчезло.

— Как исчезло?

— Я думаю, что знаю, в чем дело, но хотел быть абсолютно уверен.

— Его нашли на краю леса к западу от города и оставили сторожить двух человек — один из них был Том Уильямс. Не знаю, кто был второй. Эти двое отвернулись на минуту, а когда вновь посмотрели на тело, его уже не было. Никто не мог украсть его. Оно попросту исчезло. Весь город в смятении...

— А вы? Вы взяли конверт?

— Да. И едва успела добраться до дома, как узнала, что тело исчезло.

— Значит, теперь все в порядке?

— Конечно. Вы можете вернуться.

— Скажите мне, Кэти, вы заглядывали в конверт?

Она начала говорить, но заколебалась.

— Кэти, это очень важно. Вы заглядывали в конверт?

— Только взглянула и...

— Черт возьми! Перестаньте уклоняться от ответа. Вы читали?

— Да. Думаю, что человек, написавший его...

— Оставьте этого человека! Сколько вы прочли? Все?

— Первые несколько страниц, до неразборчивых надписей. Хортон, вы хотите поговорить со мной об этом? Но это глупость. Конечно, этого не может быть. Я ничего не знаю об эволюции, но даже я вижу тут много слабых мест.

— Что заставило вас прочесть?

— Ну, думаю, потому что вы не велели... Когда вы еще предупредили меня, я не смогла удержаться. Это ваша вина. А что тут плохого?

Конечно, она говорила правду, хотя я не подумал об этом вовремя. Я предупредил ее потому, что не желал, чтобы она ввязывалась в это дело. И хуже всего то, что ей нельзя было ввязываться. Тело Джастина Болларда исчезло, и я после этого исчезновения вне подозрений. Если бы этого не случилось, шериф обыскал бы мою комнату, нашел конверт, и тут начался бы ад.

— Вы в опасности, — сказал я. — Вы...

— Хортон Смит! — выпалила она. — Не угрожайте мне!

— Я не угрожаю. Мне жаль...

— Жаль чего?

— Кэти, — попросил я, — выслушайте меня и не спорьте. Вы можете выехать немедленно? Вы ведь хотели вернуться в Пенсильванию? Сейчас вы готовы уехать?

— Да, у меня все упаковано, но при чем тут это?

— Кэти... — начал я и остановился. Это ее испугает, а я не хотел стра-

щать ее. Но иного пути я не видел. — Человек, написавший это, убит. Кэти, человек, приславший мне этот пакет, убит несколько часов назад...

Она сглотнула:

— Вы думаете, что...

— Не изображайте дурочку. Всякий, прочитавший записки в конверте, находится в опасности.

— И вы? Это дело с телом Джастина Болларда...

— Да.

— Но что это? — Она не испугалась, скорее не поверила.

— Вы можете сесть в машину и подобрать меня на шоссе. Возьмите с собой конверт, чтобы никто не заглядывал в него.

— Подобрать вас? А потом?

— А потом мы уедем в Вашингтон. Там разберутся.

— Кто разберется? Может, ФБР?

— Нет! — крикнул я. — Никто не поверит. У них бывает много звонков от сумасшедших.

— И вы думаете, что сможете убедить их?

— Может, и нет. Очевидно, я вас не убедил?

— Не знаю. Я должна подумать.

— Думать некогда, — предупредил я. — Либо вы едете, либо нет. Может, вдвоем путешествовать будет безопаснее, хотя никакой гарантии нет. Вы ведь в любом случае собирались ехать на восток и...

— Где вы теперь?

— В Вудмене. Город, ниже по реке.

— Знаю. Забрать ваши вещи из мотеля? Будем вести машину по очереди. Останавливаться только для заправки и еды. Где я вас найду?

— Поезжайте медленно по главной дороге, она здесь единственная. На центральной улице я буду ждать вас. Тут не должно быть ночью других машин.

— Я чувствую себя глупой, это так...

— Мелодраматично, — предположил я.

— Вероятно, можно сказать и так. Но вы правы, я и так собиралась ехать на восток.

— Я жду вас.

— Буду через полчаса. Или, может быть, немного позже.

Выходя из будки, я обнаружил, что у меня затекли мышцы ног от того, что я долго сидел скорчившись.

— Вы задержались, — сердито произнес бармен. — Я уже проводил Джо. Вот ваше питье, не медлите.

Я взял стакан и попросил:

— Я был бы рад, если бы вы присоединились ко мне. Как?

Он покачал головой:

— Вы хотите, чтобы я выпил с вами?

Я кивнул. Он покачал головой:

— Я не пью.

Я выпил, заплатил за виски и вышел. Огни позади меня погасли, а спустя мгновение вышел бармен и закрыл дверь заведения. Ступив на тротуар, он споткнулся обо что-то, нагнулся и поднял бейсбольную биту.

— Проклятые мальчишки играют здесь все время. Кто-то из них и забыл это. — Раздраженный, он бросил биту на скамью, стоявшую у двери. — Я не вижу вашего автомобиля.

— У меня нет автомобиля.

— Но вы сказали...

— Помню. Если бы я сказал вам, что у меня нет машины, потребовалось бы долгое объяснение, а мне необходимо было позвонить.

Он поглядел на меня, качая головой: на человека, возникшего ниоткуда и не имевшего машины.

— Я приплыл на каноэ, — оправдывался я. — Привязал его к причалу.

— И что же вы собираетесь теперь делать?

— Оставаться здесь. Я жду друга.

— Вы ему звонили?

— Да.

— Ну, доброй ночи. Надеюсь, вам не придется ждать слишком долго.

Он пошел по улице, направляясь домой, но несколько раз замедлил шаг, оглядываясь на меня...

12

Где-то в лесу у реки ворчливо бормотала сова. Ночной ветер обжигал лицо, и я поднял воротник, чтобы сохранить немного тепла. Бродячая кошка брела по улице. Увидев меня, она остановилась, затем перешла на противоположную сторону и исчезла в темноте между двумя зданиями.

С исчезновением бармена Вудмен приобрел вид покинутого поселка. Раньше я не успел разглядеть его, но теперь делать мне было нечего, и я осмотрелся вокруг. Стало ясно, что поселок запущен, что он один из городов, обреченных на забвение. Тротуары расколоты, в щелях росла трава. Дома, давно не крашенные, нуждались в ремонте. Их фасады несли на себе отпечаток времени, а архитектура зданий, если только к ним можно было применить этот термин, была столетней давности. Когда-то город был молод и полон сил. Вероятно, существовала какая-то ясная причина для его возникновения, расцвета. Я знал эту причину: река когда-то еще служила торговой артерией и продукция ферм и фабрик этого поселка отвозилась на пристани и грузилась на пароходы. Те же пароходы привозили сюда все необходимое. Но река давно утратила свое значение, и город стал захолустным. Железные дороги и скоростные магистрали, летавшие в воздухе самолеты, отобрали у реки ее значимость. Она выполняла теперь только те функции, которыми наградила ее природа.

И теперь Вудмен стал настоящей провинцией, как и множество других подобных городков в стороне от биения жизни. Когда-то многообещаю-

щий, а может быть, и важный, когда-то процветающий, но теперь нищий город упорно цеплялся за точку на карте (хотя и не на каждой карте), как поселок людей, не имеющих никакого соприкосновения с внешним миром. Мир продолжал идти вперед, но маленькие умирающие городки, как этот, не шли с ним в ногу. Они спали и не заботились ни о своем внешнем виде, ни о своих людях. Они создавали свой мир, который принадлежал им, как они принадлежали ему.

Здесь, в таких маленьких городках, люди по-прежнему слышат вой собак-оборотней, тогда как весь мир прислушивается к другому, более отвратительному звуку, который может предвещать атомную смерть. И мне показалось, что слушать лай оборотней гораздо опасней, ибо, если провинциализм таких маленьких городков был безумием, то это было мягкое, даже приятное безумие, в то время как безумие внешнего мира жестоко.

Скоро приедет Кэти — я надеялся, что она приедет. Если она не появится, это будет вполне объяснимо. Она сказала, что приедет, но, возможно, она решит, что поступит как-то иначе. Я сам очень сомневался в том, что написал мой друг, хотя у меня было гораздо больше оснований верить ему, чем у Кэти.

Если она не появится, что мне делать? Вернуться в Лоцман Кноб? Собрать все вещи и направиться в Вашингтон? Хотя я не знал, куда мне обратиться, в ФБР, а может, в ЦРУ? Кто выслушает меня? Кто обратит на мой рассказ внимание и не подумает, что это бред безумца.

Я стоял, прислонившись к зданию, в котором помещался бар, глядя на улицу и надеясь, что скоро появится Кэти. Вдруг я заметил на улице волка. Существует в человеке какой-то инстинкт: глубокий, пришедший из далекого прошлого, который заставляет его при виде волка испытывать смертельный ужас. Волк — это неумолимый враг, убийца, такой же ужасный и безжалостный, как сам человек. В этом убийце нет ничего благородного. Он хитер, коварен, неумолим. Между ним и человеком не может быть компромиссов.

Глядя на появившегося из тьмы волка, я почувствовал, как у меня встают дыбом волосы.

Волк двигался самоуверенно, по походке не чувствовалось скрытности или осторожности. Он шел по делу и не терпел глупостей. Волк был большой и черный, или он по крайней мере выглядел черным. В то же время он был очень истощен и голоден.

Я сделал шаг от здания и краем глаза уловил предмет, который мог помочь мне обороняться. На скамье лежала бейсбольная бита, брошенная барменом. Я нагнулся и поднял ее. Она оказалась довольно тяжелой.

Когда я снова взглянул на улицу, там был уже не один волк, а три. Все они двигались с раздражающей самоуверенностью.

Я стоял на тротуаре, сжимая в руке биту. Вот первый волк поравнялся со мной и повернул ко мне морду.

Вероятно, я мог бы позвать на помощь. Но мысль закричать даже не пришла мне в голову. Это дело касалось только меня и этих троих вол-

ков. Нет, не троих, из тьмы на улицу появлялись все новые и новые...

Я знал, что это не волки, не настоящие волки, не честные волки, родившиеся и выросшие на этой честной Земле. Они были не более реальными, чем морской змей. Это были те самые оборотни, о которых мне говорила Линда Бейли, может, те самые, вой которых я слышал ночью. Линда Бейли рассказывала о собаках, но это были не собаки. Это — тот самый первобытный страх, проложивший себе дорогу через бесчисленные столетия и ставший материальным.

Как хорошо обученные солдаты, волки совершили сложный маневр: они поравнялись с первым, повернулись ко мне мордой и сели. И вот они, равняя ряд в строгом порядке, сидят прямо и уверенно. Языки свисали из их пастей, они негромко дышали. Все они смотрели только на меня.

Я насчитал двенадцать волков.

Я схватил биту поудобнее, но знал, что у меня никакой надежды на спасение нет. Если они нападут на меня, то уже все сразу. Бейсбольная бита, если она точно нацелена, — смертоносное оружие, но я знал, что смогу прикончить только нескольких, но не всех. Может, подскочить и уцепиться за кронштейн, на котором болтается вывеска? Но я сомневался, что она выдержит мой вес. Кронштейн и так накренился, и, вероятно, удерживающие его болты вылетят от моей тяжести из гнилого дерева.

Остается только одно — стоять на месте.

Я только отвел глаза, чтобы взглянуть на кронштейн, а когда снова посмотрел на волков, то обнаружил перед собой еще и маленькое чудовище с заостренной головой.

— Мне следовало бы напустить их на вас, — запищал он. — Там, на реке, вы не должны были ударять меня веслом.

— Если только попробуешь, я ударю тебя этой битой.

Он в гневе подпрыгнул.

— Какая неблагодарность! — пропищал он. — Это вы, люди, установили, что...

И тут до меня дошло!

— Ты имееешь в виду, что ТРИ — волшебное число?

— К несчастью, — проскрипел он, — это так.

— Если ваши шуты три раза потерпят неудачу, значит, я сорвался с крючка?

— Да.

Я посмотрел на волков. Они сидели, свесив языки, и улыбались мне. Я чувствовал, что им все равно — броситься на меня или бежать дальше по улице.

— Но есть кое-что еще, — проговорило существо с заостренной головой.

— Что именно?

— Ну, это дело честных рыцарей.

Я удивился: причем тут рыцари? И не стал спорить. Я знал, что он все равно не скажет. Он помнил удар веслом и хотел подразнить меня.

Существо смотрело на меня из-под копны волос и ждало. Волки сидели и улыбались.

Наконец, он не выдержал:

— Вы выдержали три раза. Но есть еще кое-кто, неиспытанный.

Он поймал меня и знал это, и его счастье, что он находился вне пределов досягаемости биты.

— Вы имеете в виду мисс Адамс? — спросил я как можно спокойнее.

— Быстро соображаете. Возьмете ли вы, как истинный рыцарь, опасность на себя? Если бы не вы, она не участвовала бы в этом. Я думаю, что вы у нее в долгу.

— Согласен.

— Вы согласны? — радостно воскликнул он.

— Да.

— Вы принимаете на себя...

Я прервал его:

— Кончайте болтать. Я сказал: «да».

Может, я должен был тянуть время, но в таком случае мое достоинство упало бы в его глазах, а я чувствовал, что в подобном случае это недопустимо.

Волки встали, задышали чаще и больше не смеялись.

Мозг мой лихорадочно искал выхода, но я ничего не мог придумать.

Волки медленно двинулись вперед, целеустремленно и деловито. Им предстояла работа, и они хотели побыстрее сделать ее. Я попятился, прижавшись спиной к зданию. Так я могу лучше обороняться. Я взмахнул битой. Они на мгновение остановились, но затем снова двинулись вперед. Почувствовав спиной стену, я остановился.

На противоположную сторону улицы на одно из зданий упал луч света и начал двигаться по улице, приближаясь к нам. Дома, освещенные лучом, выступали из тьмы. Взвыл мотор, протестуя против резкого торможения, послышался громкий скрип покрышек.

Волки, пойманные лучом света, повернулись и бросились бежать, но некоторые оказались слишком медлительными. Послышался звук ударяющихся друг о друга тел, и волки исчезли, как и существо с заостренной головой.

Машина остановилась, и я как можно скорее побежал к ней. Опасности больше не было, но я знал, что почувствую себя спокойно только внутри автомобиля.

Я открыл дверцу, сел и захлопнул ее за собой.

— Долой один — остается два, — сказал я.

Голос Кэти дрожал.

— Долой один? — спросила она. — Что это значит? — Она старалась говорить небрежно, но это ей не удавалось.

Я прижал ее к себе, она ухватилась за меня, все вокруг нас было окутано тьмой и древним страхом.

— Что это было? — спросила она дрожащим голосом. — Они прижали вас к стене. Похожи на волков...

— Они и есть. Только особые волки.

— Особые?

— Оборотни. По крайней мере, я так считаю.

— Но, Хортон...

— Вы прочли записки. А не должны были. Теперь вы знаете...

Она отодвинулась от меня.

— Но этого не может быть, — сказала она сухим тоном учительницы. — Никаких оборотней, гоблинов и всего такого не может быть.

Я рассмеялся. Не то чтобы мне было весело, просто меня позабавил ее яростный протест.

— Их и не было, — сказал я, — пока не появился маленький примат и не выдумал их.

Она сидела, глядя на меня.

— Но они были здесь, — сказала она.

Я кивнул:

— Они покончили бы со мной, если бы не вы.

— Я ехала слишком быстро. Слишком быстро для такой дороги. Бранила себя за то, но продолжала гнать. Теперь я рада этому.

— И я тоже.

— Что же нам теперь делать?

— Поедем. Не будем терять ни минуты, не будем останавливаться.

— В Геттисберг?

— Ведь вы хотели ехать туда?

— Да, конечно, но вы говорили о Вашингтоне.

— Мне нужно в Вашингтон. И побыстрее. И было бы, возможно, лучше...

— Если бы я поехала с вами в Вашингтон?

— Если хотите, так будет безопаснее.

Я сам удивился своим словам. Как я мог гарантировать ей безопасность?

— Может, поедем сразу? Путь далекий. Вы поведете машину.

— Конечно, — сказал я, открывая дверцу.

— Не нужно, не выходите.

— Я обойду.

— Поменяемся сиденьями не выходя.

Я засмеялся. Я чувствовал себя ужасно храбрым.

— Я в безопасности с этой бейсбольной битой. К тому же, уже никого нет.

Но я ошибся. Кое-что карабкалось на машину, и когда я вышел, уже взобралось наверх, повернулось и посмотрело на меня, гневно подпрыгивая. Его заостренная голова дрожала, уши хлопали, а копна волос поднималась и опускалась.

— Я — Судья, — кричало существо. — Вы очень хитры. Я опротестую вашу победу.

Я обеими руками взмахнул битой. Для одной ночи с меня было достаточно.

Существо не стало ждать. Знало, что его ожидает. Сверкнуло и исчезло, прежде чем бита со свистом разрезала воздух...

13

Я откинулся на сиденье и попытался уснуть, но не смог. Тело мое требовало сна, но мозг сопротивлялся. Я скользил по краю сна, но не способен был окунуться в него. Через мой разум без конца проходила вереница видений. Это не было настоящим видением или мышлением, я слишком устал, чтобы думать. Слишком долго сидел я за рулем — всю ночь, пока утром мы не остановились для заправки возле Чикаго. И затем я вел машину при восходящем солнце, пока Кэти не отняла у меня руль. Тогда я немного уснул, но совсем не отдохнул. И теперь опять никак не мог уснуть.

Снова в моем мозгу появились волки столь же страшные, какими они были на улице. Они окружили меня, я пятился к зданию, и, хотя все время ждал, Кэти не появлялась. Они окружили меня, и я сражался с ними, а Судья сидел на кронштейне и объявлял своим писклявым голосом, что он опротестовывает результат. Ноги и руки у меня отяжелели, я с трудом двигал ими, все тело болело, я вспотел от отчаянных усилий заставить мои конечности двигаться. Я наносил слабые удары, хотя вкладывал в них всю свою силу, и никак не мог понять, почему это происходит, потом понял, что вместо бейсбольной биты держу в руках гремучую змею.

Сразу после этого волки и Вудмен исчезли, я снова разговаривал со своим старым другом, сидевшим в кресле. Он указал на дверь, выходившую во двор, и я увидел там прекрасный ландшафт со старым изогнутым дубом, замок, поднимающий свои белоснежные башенки и шпили высоко в воздух, а по извивающейся дороге к замку двигалась пестрая толпа рыцарей и чудовищ. Я вспомнил, что говорил мой друг о призраках, и в этот момент стрела со свистом пролетела мимо меня и вонзилась в его грудь. Из-за кулис, как будто я находился на сцене, чей-то красивый голос начал декламировать: «Кто застрелил пастуха Робина?..» Я ответил: «Воробей». И, посмотрев внимательно, я убедился, что мой друг превратился в воробья. Я удивился, кто же его застрелил? Другой воробей? И я сказал маленькому чудовищу с заостренной головой, сидевшему на камине, что он Судья и должен опротестовывать это, потому что моего друга нельзя убивать. Хотя я не был уверен, что он убит, потому что друг по-прежнему сидел, погрузившись в кресло, улыбался, и в том месте, откуда торчала стрела, не было крови.

Затем, как и волки в Вудмене, мой старый друг и его кабинет исчезли, и на мгновение доска моего мозга снова стала чистой. Я обрадовался, но почти сразу же выяснилось, что я бегу по улице и перед собой вижу здание. Я его узнал. Я изо всех сил старался добежать до него, потому что это было очень важно. И наконец добежал. За дверью у стола сидел один

из агентов ФБР. Я знал, что это агент, так как у него были квадратные плечи, прямоугольный подбородок, а на голове — мягкая черная шляпа. Я начал шептать ему на ухо ужасную тайну, которую никому нельзя рассказывать, потому что все, кто узнает ее, должны умереть. Он слушал меня, не меняя выражения лица, а когда я кончил, он начал звонить.

— Вы член шайки, — сказал он мне, — я узнаю их повсюду.

И тогда я увидел, что ошибся: он не агент ФБР, а сверхчеловек. Его место было немедленно занято другим человеком в другом месте — высоким человеком, стоявшим напряженно и как-то отчужденно, с тщательно причесанными светлыми волосами, подстриженными щетинистым ежиком. Я немедленно узнал в нем агента ЦРУ и, поднявшись на цыпочки, зашептал ему на ухо, стараясь говорить как можно понятнее. Я рассказал ему то, что говорил ранее агенту ФБР. Высокий человек, стоя, выслушал меня и взялся за телефон.

— Вы шпион, — сказал я, — я всюду узнаю их...

Я понял, что выдумал все это — и ФБР, и ЦРУ — и никакого здания нет, а я нахожусь на серой темной равнине, которая тянется во всех направлениях до самого горизонта, тоже серого, так что мне трудно было определить, где кончается равнина и начинается небо.

— Вы должны постараться уснуть, — сказала Кэти. — Хотите таблетку?

— Не нужно, — пробормотал я. — У меня не болит голова.

То, что у меня было, гораздо хуже головной боли. Это не сон — я наполовину бодрствовал. Я все время знал, что эти видения существуют лишь в моем мозгу, знал, что нахожусь в машине и машина движется. Я отдавал себе отчет во всем: видел пейзаж, бегущий мимо, замечал деревья и холмы, поля и далекие деревни, встречные машины на дороге, звуки мотора и трения покрышек об асфальт. Но это было тусклое и смутное сознание: два ряда образов — реальных и воображаемых — не соприкасались.

Я снова был на равнине и увидел, что это лишенное всяких отличительных черт, одинокое и вечное место, что ровная поверхность не нарушалась ни холмом, ни деревом, ни оврагом. И эта равнина уходила в своем однообразии в бесконечность, а небо, подобно равнине, тоже было лишено всяких отличительных черт, без облаков, солнца и звезд. И трудно было сказать, что сейчас — день или вечер: для дня было слишком темно, а для ночи — слишком светло. Нависли густые сумерки, и я думал, везде ли царят эти сумерки, никогда не переходящие в ночь. Находясь на равнине, я услышал лай. То был тот самый звук, который я слышал ночью, когда вышел подышать перед сном: крик волчьей стаи в Одинокой Долине. Испугавшись этого звука, я немедленно повернулся, стараясь определить направление, откуда приходит этот звук, и я увидел, что на горизонте возник силуэт существа. Он резко выделялся на фоне серого неба. Я безошибочно узнал эту длинную мускулистую шею, кончавшуюся отвратительной, ищущей головой, и зубчатые плавники на спине.

Я побежал, хотя бежать было некуда и негде было спрятаться. И я узнал, что это место существовало всегда и всегда будет существовать, что здесь ничего не может случиться и не случается. Послышался другой звук, который можно было услышать в перерывах между воем волков: шуршание, временами переходящее в резкое гудение. Ко мне направлялось множество гремучих змей. Я повернулся и побежал, хотя знал, что бежать не нужно. Ведь здесь ничего не может случиться, это самое безопасное место в мире. Я знал, что бегу только от своего страха. Я слышал волчий вой, но не приближался и не удалялся, и шорох тоже оставался постоянным.

Силы мои подошли к концу, я упал, потом встал и снова побежал, и снова упал. Я упал и больше не вставал, не заботясь о том, что может случиться, хотя ничего и не случится. Я не пытался встать. Я просто лежал, и позволил безнадежности, тщетности и черноте сомкнуться надо мной.

Но неожиданно я почувствовал, что что-то неправильно. Не слышалось гула мотора, не шуршала резина об асфальт, не чувствовалось движение. Наоборот, доносился шум ветра и запах множества цветов.

— Проснитесь, Хортон, — испуганно проговорила Кэти. — Что-то случилось, очень и очень странное.

Я открыл глаза и тут же сел. Обоими кулаками я стал тереть глаза. Машина стояла, и не было больше никакой магистрали. Мы находились на проселочной дороге со следами колес, эта дорога извивалась по холму, огибая валуны, деревья и ярко цветущие кусты. Между колесами росла трава, и над всем висело чувство дикости и молчания.

Казалось, мы находимся на вершине горы или хребта. Нижние склоны заросли глухим лесом, но здесь, на вершине, деревья росли реже, хотя они и были очень большими. По большей части это были дубы с широко раскинувшимися переплетенными ветвями. Стволы их поросли густым слоем мха.

— Я ехала не очень быстро, — объяснила Кэти, — не больше пятидесяти миль в час. И вдруг оказалась здесь. И хотя я не тормозила, машина стояла, она просто стояла, а мотор не работал. Это невозможно. Этого просто не может быть.

Я все еще не проснулся по-настоящему. Я снова потер глаза, не потому, что хотел отогнать сон — что-то в этом месте было неправильно.

— Никакого торможения не было, — снова сказала Кэти. — Никакого толчка. И куда делась дорога?

Я где-то уже видел эти дубы и старался вспомнить, где я их мог видеть, не те же самые, конечно, но такие же.

— Кэти, где мы?

— Должны находиться на вершине Южной горы. Только что проехали Чемберсберг.

— Да, — сказал я, вспомнив, что скоро Геттисберг. Хотя я думал совсем не об этом.

— Вы не понимаете, что случилось, Хортон? Мы оба должны быть убиты?

Я покачал головой:

— Нет, не здесь.

— Что вы имеете в виду? — раздраженно спросила она.

— Эти дубы. Где вы раньше видели эти дубы?

— Я никогда не видела...

— Видели. Должны были видеть. Когда были ребенком. В книге о короле Артуре или, может быть, о Робин Гуде.

Она схватила меня за руку.

— Это старые романтические пасторальные рисунки.

— Верно, — согласился я. — Все дубы здесь, на этой земле, точно такие же, как в сказке. Все тополя высоки и стройны, а сосны трехгранны, как на картинке или книге.

Она крепче сжала мою руку.

— Это другая земля. Место, о котором ваш друг...

— Возможно. Возможно...

И хотя я знал, что иначе не может быть, что, если бы это было реально, мы были бы мертвы, понять все это было трудно.

— Но я думала, что этот мир полон духов, гоблинов и других ужасных привидений.

— Да, — подтвердил я, — и, думаю, что вы найдете их здесь. Но, вероятно, здесь есть и добрые духи тоже.

Если это то самое место, которое гипотетически построил мой друг, то оно должно заключать в себе все легенды и мифы, все волшебные сказки, которые придумали люди.

Я открыл дверцу машины и вышел.

Небо стало синим — может быть, чересчур синим и в то же время мягким и голубым. Трава была зеленее, чем обычно, и все же в этой чрезвычайной зелени сквозила какая-то радость. Вероятно, ее так воспринимают восьмилетние мальчишки, бегущие босиком.

Я стоял и смотрел вокруг. Все было так, как на картинке в книге. Это была не Земля, это место было слишком совершенно для того, чтобы быть частью нашей доброй и старой планеты. Все это походило на цветную иллюстрацию в книге.

Кэти обошла машину и остановилась рядом со мной:

— Здесь так мирно. Невозможно поверить...

По холму к нам приближался пес. Он не бежал рысцой, как обычные собаки, а просто шел. Пес этот выглядел необычно. Уши у него были длинные, и он старался держать их прямо, но они складывались посредине, а верхние кончики их загибались. Пес был большой и неуклюжий, а хвост его, похожий на хлыст, торчал, как автомобильная антенна. У него оказалась гладкая шкура, большие лапы, но он был невероятно тощ. Прямоугольная голова пса была высоко поднята, и он улыбался, обнажая клыки. Самое удивительное заключалось в том, что зубы у него были человеческие, а не собачьи.

Он приблизился к нам и, вытянув передние лапы, положил морду на

одну из них. Зад он слегка приподнял, а хвост его совершал круговые движения. Он был очень рад нам.

Внизу кто-то резко и торопливо свистнул. Пес вскочил и повернулся в том направлении, откуда доносился свист. Свист повторился. Виновато оглянувшись на нас, эта карикатура на собаку побежала вниз по холму. Пес бежал неуклюже, здание лапы его опережали передние, а хвост, поднятый под углом в сорок пять градусов, яростно крутился.

— Я где-то видел этого пса, — сказал я. — Я знаю, что видел его где-то.

Кэти удивилась тому, что я не узнал его.

— Ведь это же Плуто, пес Микки Мауса.

Я рассердился на себя за свою глупость. Я должен был немедленно узнать этого пса. Но, когда ожидаешь увидеть гоблина или фею, не сразу узнаешь героя детской книжки.

Все эти герои должны были быть здесь: Док Ян, Гарольд Тим, Дэгауд и вся армия фантастических героев Диснея.

Плуто выбежал нам навстречу, Микки Маус своим свистом позвал его. А мы восприняли все это, как обычный факт. Если же обычный человек посмотрит на эту историю со стороны, посмотрит логическим человеческим глазом, он никогда не примет этот мир.

— Хортон, что нам делать? Сможет ли машина двигаться на этой дороге?

— Попробуем потихоньку...

Она снова села за руль, взялась за ключ зажигания и повернула его. Абсолютно ничего не случилось. Она снова повернула ключ — не было слышно ни звука, не было даже щелчка упрямого стартера.

Я поднял капот. Не знаю, зачем я это сделал, я не механик. Если что-то вышло из строя, я все равно ничего не смог бы починить. Я перегнулся через радиатор и осмотрел мотор. Мне показалось, что он в порядке. Впрочем, половина могла исчезнуть, и я все равно решил бы, что все в порядке.

Кто-то справа толкнул меня, и я ударился головой об капот.

— Хортон! — воскликнула Кэти.

Она сидела рядом с дорогой. Лицо ее было искажено от боли.

— Моя нога, — сказала она.

Я увидел, что ее нога попала в узкую колею.

— Я вышла из машины, — объяснила она, — и ступила, не глядя.

Я наклонился и как можно осторожнее освободил ее ногу, оставив туфлю в колее. Лодыжка покраснела и опухла.

— Какая глупость, — вздохнула она.

— Больно?

— Очень. Наверное, растянула связки.

Что же делать с такой лодыжкой, в этом месте? Конечно, здесь нет никаких докторов. Я помнил, что при растяжении нужно делать эластичную повязку, но из чего?

— Снимите чулок, — приказал я. — Нога начинает опухать...

Она растегнула чулок, я помог ей осторожно снять его, и теперь уже не осталось сомнений, что лодыжка у нее в плохом состоянии. Она пухла и краснела прямо на глазах.

— Кэти, не знаю, что делать. Если у вас есть идея...

— С ногой, вероятно, не так уж плохо, хотя мне и больно. Через день или два станет лучше. У нас есть убежище в машине. Если даже будет опасно двигаться, мы сможем в ней отсидеться.

— Кто-нибудь тут должен нам помочь. Не знаю, что делать. Если бы у нас была повязка... Я могу разорвать пиджак, но повязка должна быть эластичной.

— Помочь? В таком месте?

— Нужно попытаться. Не все же здесь привидения и гоблины. Их не так уж и много. Они ведь не современны. Должны быть и другие...

Она кивнула:

— Может, вы и правы. Машина, как убежище, ничего не даст. Нам нужна еда, да и вода тоже. Может, мы слишком рано испугались. Может, я смогу идти.

— Кто испугался?

— Не старайтесь обмануть меня, — проговорила она резко. — Мы знаем, что в трудном положении. Мы ничего не знаем об этом месте. Мы чужаки здесь. У нас нет права находиться тут.

— Мы не просились сюда.

— Никакой разницы, Хортон.

Она права. Кто-то, очевидно, хотел, чтобы мы оказались здесь. Кто-то перенес нас сюда.

Думая об этом, я похолодел. Но боялся я, во всяком случае, не за себя. Я думал не о себе. Черт возьми, я могу взглянуть в лицо кому угодно. После гремучих змей, морского чудовища и оборотней ничто не могло меня напугать. Но вот Кэти не стоило ввязываться...

— Послушайте, — сказал я, — если вы сядете в машину и закроетесь, я смогу пройти немного вперед и осмотреться.

Она кивнула:

— Если поможете.

Я помог ей. Я просто взял ее на руки и отнес в машину. Посадил на сиденье и захлопнул дверцу.

— Поднимите стекло, — сказал я ей, — и закройте дверь на замок. Крикнете, если кто-нибудь покажется, я не уйду далеко.

Она начала поднимать стекло, потом снова опустила его, нагнулась и протянула мне через окно биту.

— Возьмите, — подсказала она.

Я чувствовал себя глупо, идя по тропе с битой в руке. Но все же она придавала мне уверенности.

Там, где тропа огибала большой дуб, я остановился. Кэти посмотрела на меня через ветровое стекло. Я помахал ей рукой и пошел дальше, спускаясь с холма.

Вокруг меня сомкнулся густой и влажный лес. Не было ни ветерка, и деревья стояли неподвижно, зеленые листья сверкали в лучах послеполуденного солнца.

Я продолжал спуск, там, где тропа огибала еще одно дерево, обнаружил указатель. Он был старый, потрескавшийся от непогоды, но надпись была еще четкой. «К ГОСТИНИЦЕ» — было написано на указателе, а внизу нарисована стрела.

Я вернулся к машине и сказал Кэти:

— Не знаю, что это за гостиница, но это все же лучше, чем просто сидеть здесь. Мы хотим узнать и узнаем, что происходит и чего нам ожидать.

Мысль о гостинице понравилась ей не больше, чем мне. Мы не могли сидеть просто на колее и ждать, чем все это кончится. Поэтому я вынес ее и посадил на капот машины, потом закрыл машину и положил ключ в карман. Взяв ее на руки, я пошел вниз по холму.

— Вы забыли биту, — сказала она.

— Я не могу нести ее.

— Понесу я.

— Вероятнее всего, она нам не понадобится, — поразмыслил я и пошел дальше, выбирая путь как можно тщательнее, чтобы не споткнуться.

Как раз за указателем дорога снова поворачивала, и тут же на отдаленном холме мы увидели замок. Я замер, потрясенный неожиданностью этого зрелища.

Вспомните все прекрасное, фантастическое и романтические цветные рисунки замков, которые вы когда-нибудь видели. Смешайте их в своем мозгу и выберите лучший. Забудьте все, что вы читали о замках, как о грязных и вонючих, антисанитарных, тесных жилищах, и поставьте на их место замок из волшебной сказки Уолта Диснея. Сделайте все это, и вы получите хоть какое-то представление о том, на что был похож этот замок.

Он был из сна, этот старый романтический и рыцарский замок, прошедший через годы. Он стоял на отдельной вершине холма в сверкающей белизне, и многоцветные вымпелы, развевающиеся на его шпилях и башнях, расцвечивали небо. Это было такое совершенство, что инстинктивно я начал чувствовать: другого такого не может быть.

— Хортон, — проговорила Кэти, — отпустите меня. Я хочу посидеть и просто посмотреть на него. Вы все время знали, что он здесь, и не сказали мне ни слова...

— Я не знал. Я вернулся, увидев указатель.

— Может, нам пойти в замок? Не в гостиницу.

— Попробуем. Должна быть дорога.

Я посадил ее и сел рядом с ней.

— Кажется, лодыжке лучше, — заметила она. — Может, я даже смогла бы идти.

Я посмотрел на ее ногу и покачал головой. Лодыжка оставалась все такой же красной и заметно припухла.

— Когда я была маленькой девочкой, я думала, что замки — это сверкающие романтические постройки. Потом я изучила курс средневековой истории и узнала правду о них. И вот он — сверкающий замок с развевающимися вымпелами...

— Это именно такой замок, каким вы его себе представляли, его создали миллионы романтически настроенных маленьких девочек.

И не только замок, напомнил я себе. В этой земле царили все те фантазии, которые создавались человеком на протяжении столетий. Где-то здесь плывет на плоту, по нескончаемой реке, Гекльберри Финн. Где-то в этом мире пробирается по лесной просеке Красная Шапочка. Где-то мистер Магу продолжает серию своих невероятных приключений.

Какова же цель всего этого, если она вообще есть? Эволюция действует слепо: и сначала кажется, что у нее нет никакой цели. И люди, видимо, вообще не могут понять эту цель: они слишком человечны, чтобы понять существование, совсем не похожее на их собственное. Точно так же динозавры не смогли бы воспринять идею человеческого интеллекта, который придет им на смену.

Но ведь этот мир, говорил себе я, часть человеческого разума. Все предметы, все существа, все идеи этого мира или этого измерения являются продуктом человеческого разума. Это место, где человеческие мысли приобрели реальность, где они используются как сырой материал, из которого создается новый мир и новый эволюционный процесс.

— Я могла бы сидеть здесь целый день, — сказала Кэти, — и смотреть на замок. Но, наверное, нужно идти, если мы хотим туда добраться. Вы можете меня нести?

— Однажды в Корее, во время отступления, моего оператора ранило в ногу, и я нес его. Мы слишком отстали, и...

Она засмеялась.

— Он был гораздо тяжелее, — пояснил я, — и не такой красивый. Он был грязен и все время сквернословил. И он не выказывал никакой благодарности...

— Обещаю вам свою благодарность. Это так удивительно.

— Удивительно? С больной ногой и в таком месте...

— Но замок! Никогда не думала, что увижу такой замок.

— Еще одно. Скажу сейчас и больше не буду. Мне жаль, Кэти.

— Жаль? Моей лодыжки?

— Нет, мне жаль, что мы вообще оказались вместе. Я не должен был впутывать вас в это дело. Не нужно было просить вас взять конверт. Не нужно было звонить вам из этого маленького городка — из Вудмена.

Она сморщила лицо:

— Но вам ничего не оставалось делать. К тому времени, как вы позвонили, я уже взяла конверт и прочла записки. Поэтому вы и позвонили.

— Они могли бы и не тронуть вас, а теперь, когда вы оказались на дороге в Вашингтон...

— Хортон, поднимите меня. Пойдемте. Если мы поздно подойдем к

замку, нас могут не впустить.

— Хорошо. В замок.

Я встал и наклонился, чтобы поднять ее, но в это время что-то зашуршало и на дорогу вышел медведь. Он шел на задних лапах, на нем были красные шорты в белый горошек, поддерживаемые подтяжкой через плечо. На другом плече он нес дубинку и обаятельно улыбался, глядя на нас

Кэти прижалась ко мне, но не закричала, хотя имела на это право. Потому что медведь, несмотря на свою улыбку, выглядел весьма зловеще.

За медведем из зарослей вышел волк, у него не было дубинки, и он тоже старался нам улыбаться. Его улыбка была менее обаятельная и более зловещая. За волком шел лис. Все трое выстроились в ряд, улыбались и как будто радовались встрече.

— Мистер Медведь, — сказал я, — мистер Волк и братец Лис, как поживаете?

Я старался говорить непринужденно и весело, но мало преуспел в этом, потому что эти трое мне не понравились. Теперь я жалел, что не захватил биту.

Мистер Медведь слегка поклонился:

— Мы благодарим, что вы нас узнали. Это очень счастливая встреча. Мне кажется, что вы двое здесь недавно.

— Только что прибыли, — ответила Кэти.

— Ну тогда тем более хорошо, что мы встретились, — проговорил мистер Медведь. — Мы ищем напарников для доброго дела.

— Тут неподалеку курятник, — сказал братец Лис деловито, — и мы хотим заглянуть в него.

— Мне очень жаль, — ответил я, — может быть, позже. Мисс Адамс повредила лодыжку, и я должен доставить ее туда, где ей окажут помощь.

— Как неудачно, — вымолвил Медведь, стараясь выглядеть любезным. — Это, должно быть, очень больно. И особенно для миледи, которая так прекрасна.

— А как же курятник? — спросил братец Лис. — Когда придет вечер...

Мистер Медведь заревел на него:

— Братец Лис, у тебя нет души. У тебя только вечно пустой желудок. Курятник, видите ли, — сказал он, обращаясь ко мне, — примыкает к замку, и нам троим нечего и думать забраться туда. Какой позор! Ведь куры так растолстели и стали так приятны на вкус. И мы подумали, что если привлечь человека, то мы сможем выработать план, гарантирующий успех. Мы уже обращались ко многим, но все они оказались трусами. Гарольд Тин, Дэгвуд и множество других, все они не помощники. У нас роскошная берлога недалеко отсюда, мы могли бы поговорить там. Есть у нас и удобный соломенный тюфяк для миледи, а кто-нибудь из нас сходит за старой Маг и ее лекарствами.

— Нет, спасибо, — сказала Кэти, — мы идем в замок.

— Вы можете опоздать, — заметил братец Лис. — Они очень щепетильны и запирают двери очень аккуратно.

— Тогда нам нужно торопиться, — сказала Кэти.

Я наклонился, чтобы поднять ее, но мистер Медведь протянул лапу и остановил меня.

— Но ведь вы не откажетесь так просто от мысли о курах? — спросил он. — Вы ведь любите курятину?

— Конечно, — проговорил до сих пор молчащий братец Волк. — Человек, такой же хищник, как и любой из нас.

— Но разборчивый, — добавил братец Лис.

— Разборчивый! — оскорбленно воскликнул мистер Медведь. — Это лучшие из виденных мною кур! Пальчики оближешь! Никто не может пройти мимо равнодушно.

— В другой раз, — предложил я. — Я выслушал ваше предложение с захватывающим интересом, но в данный момент мы вынуждены отказаться.

— В другой раз... — уныло повторил мистер Медведь.

— Да, в другой раз, — повторил я. — Пожалуйста, разыщите меня.

— Когда вы проголодаетесь? — предположил братец Волк.

Я согласился, что это верно, поднял Кэти на руки и пошел. Я был не уверен, что они пропустят нас, но они расступились, и я начал спускаться по тропе.

Кэти вздрогнула.

— Какие ужасные существа, — сказала она. — Стоят и улыбаются нам. Думают, что мы с ними пойдем воровать кур.

Мне хотелось обернуться, чтобы быть уверенным, что они стоят на месте, а не крадутся за нами. Но я не осмелился: они могли подумать, что я их боюсь. Я их действительно боялся, но нельзя было показывать это.

Кэти схватила меня руками за шею и положила голову на плечо. Гораздо приятнее, сказал я себе, нести ее, чем этого невежественного сквернослова-оператора. К тому же она сама была гораздо лучше.

Тропа теперь шла густым лесом, и лишь изредка между деревьями виднелся замок. Солнце опустилось к западному краю горизонта, и глубина леса наполнилась туманными сумерками. Мне показалось, что в тени что-то шевелится.

Тропа раздвоилась. Указатель с двумя стрелками указывал направление к замку и к гостинице. Через несколько ярдов тропа, ведущая к замку, упиралась в массивные железные ворота. По обе стороны от ворот тянулась высокая изгородь из прочной металлической сетки с колючей проволокой наверху. Пестрая полосатая будочка стояла у ворот за изгородью. К ней прислонился человек в латах, небрежно держащий алебарду.

Я подошел к воротам и пнул их, чтобы привлечь внимание охранника.

— Опоздали, — проворчал тот. — Ворота закрываются на закате солнца, и драконы свободно бродят по лесу. Эта прогулка может стоить вам жизни.

Он подошел к воротам и принялся рассматривать нас.

— С вами дама? Что с ней?

— Не может идти, — ответил я, — подвернула лодыжку.

Он хихикнул:

— Следовало бы выделить охрану для дамы.

— Для нас обоих, — резко сказала Кэти.

Он насмешливо покачал головой:

— Я уж позабочусь о ней. Но только о ней одной.

— Когда-нибудь мы с тобой еще встретимся... — пообещал я.

— Убирайтесь! — гневно закричал он. — Убирайся и уводи свою девку! Можете идти в гостиницу, там колдунья пробормочет свои заклинания над ее лодыжкой.

— Пойдем отсюда, — испуганно предложила Кэти.

— Все-таки, друг мой, — обратился я к стражнику, — когда я буду посвободнее, мы еще поговорим.

— Пожалуйста, — просила Кэти, — ну пожалуйста, уйдемте отсюда.

Я повернулся и пошел. За нами стражник выкрикивал угрозы и стучал по ограде алебардой. Я брел по тропе, ведущей к гостинице. На одном из изгибов тропы снова показался замок. Я опустил Кэти на траву и сам сел рядом.

Она заплакала, и мне показалось, что она плачет от гнева, а не от страха.

— Никто и никогда не называл меня девкой!

Я не сказал ей, что такие манеры и такой язык неразрывно связаны со средневековьем.

Она повернула ко мне лицо:

— Если бы не я, вы бы избили его.

— Это все разговоры, ведь между нами были ворота.

— Он уверен, что в гостинице есть колдунья.

Я поцеловал ее в щеку.

— Вы хотите, чтобы я не думала о колдунье?

— Почему же? Она может помочь.

— А эта ограда? Проволочное заграждение. Кто слышал о проволочном заграждении вокруг замка? Ведь тогда не была даже изобретена проволока.

— Темнеет. Нам лучше идти к гостинице.

— Но колдунья!

Я рассмеялся, хотя мне было совсем не весело.

— Большинство колдуний — просто старые эксцентричные женщины, которых никто не понимает.

— Может, вы и правы.

Я встал и взял ее на руки.

Она подняла лицо, и я поцеловал ее в губы. Она крепко обхватила меня за шею, а я прижал ее к себе, чувствуя тепло и слабость ее тела. И долго в пустой Вселенной не было никого, кроме нас двоих. Но постепенно я снова стал осознавать темнеющий вокруг лес и шевелящиеся в нем тени.

Пройдя немного по дороге, я увидел слабый прямоугольник света — гостиницу.

— Мы уже почти на месте, — объяснил я.

— Я не буду больше бояться, Хортон, — пообещала Кэти. — Что бы ни случилось, я не заплачу.

— Конечно, — успокоил я ее. — Мы оба выберемся отсюда. Не знаю точно как, но выберемся.

Гостиница, едва видимая в сумерках, оказалась древним покосившимся строением, вокруг которого росли старые изогнутые дубы. Из трубы в центре крыши поднимался дым, а через окна пробивался слабый свет. Двор гостиницы оказался пуст, и вокруг, казалось, никого не было. И это очень хорошо, сказал я себе.

Я уже почти подошел к двери, когда в ней показалась согнутая фигура — черное, лишенное заметных особенностей тело, контуры которого вырисовывались при слабом свете, идущем из здания.

— Входи, дорогой, — зашептало это изогнутое существо. — Не стой разинув рот. Здесь тебе никто не причинит вреда. Да и миледи тоже.

— Миледи подвернула лодыжку, — сказал я в ответ. — Мы надеялись...

— Конечно. Вы пришли в самое подходящее место. Старая Маг сейчас размешает варево и вылечит миледи.

Теперь я увидел ее яснее, и у меня не осталось сомнений, что это и есть та самая колдунья, о которой говорил стражник. Ее волосы тонкими неровными прядями свисали вокруг ее лица. Нос у нее был длинный и тонкий, и почти касался подбородка. Она тяжело опиралась на деревянный посох.

Старуха отступила назад, и я вошел в дверь. В очаге дымно горел огонь, слегка разгоняя тьму помещения. Запах древесного дыма смешивался с другими неопределенными запахами.

— Сюда, — сказала колдунья Маг, тыча своей палкой. — На скамью у огня. Она сделана из доброго дерева и очень удобна. И миледи там будет очень хорошо.

Я усадил Кэти.

— Хорошо? — спросил я.

Она посмотрела на меня, глаза ее мягко светились в темноте.

— Хорошо, — ответила она, и голос у нее казался счастливым.

— Мы на полпути домой, — объяснил я.

Колдунья пробрела мимо нас, стуча палкой по полу и что-то бормоча себе под нос. Скорчившись у огня, она начала мешать дымящуюся жидкость в котле, стоящем на углях. Огонь освещал ее безобразие: невероятно длинный нос, огромную бородавку на одной щеке, из которой, как паучьи лапы, торчали волосы.

Теперь, когда глаза мои привыкли к полутьме, я разглядел отдельные детали внутреннего убранства комнаты. Три грубых дощатых стола стояли вдоль передней стены, и незажженные светильники, стоявшие на них,

были похожи на бледных подвыпивших привидений. В одном углу большого шкафа слабо отражали свет огня кружки и бутылки.

— Теперь, — сказал колдунья, — немного размельченной жабы, щепотка кладбищенской земли, и варево будет готово. А вылечив лодыжку миледи, мы поедим. Да, поедим.

Она хрипло засмеялась, как будто сказала что-то веселое.

Откуда-то издалека послышались голоса. Другие путники, бредущие к гостинице?

Голоса становились все громче, и я вышел из двери, чтобы посмотреть, кто это. Вверх по тропе, идущей на холм, поднималась толпа, у некоторых были в руках факелы. За толпой, верхом на лошадях, ехали два человека, и спустя какое-то время я понял, что второй из них, едущий немного сзади, сидит не на лошади, а на осле, а ноги почти цепляются за землю. Но все мое внимание приковывал человек, едущий впереди. Он был очень высок, худ и одет в латы. На одной его руке висел щит, в другой он держал длинное копье. Лошадь его была так же худа, как и сам всадник. Когда процессия приблизилась, я в свете факелов увидел, что лошадь похожа на мешок с костями.

Процессия остановилась, толпа расступилась. И высокое пу́гало в латах проехало вперед. Отделившись от толпы, оно остановилось и сидело, понурив голову. И я не удивился бы, если бы оно в любой момент упало бы.

Всадник сидел неподвижно. Толпа выжидающе смотрела на него, а я глядел и гадал, что все это может значить. В таком месте, как это, все может кончиться чем угодно. И меня нисколько не утешала мысль, что это все основано на обычаях и верованиях прошлого, а моя оценка, человека двадцатого века, здесь не имеет силы.

Лошадь медленно подняла голову. Толпа зашевелилась, факелы трещали. Рыцарь с видимым усилием выпрямился в седле и опустил копье. Я стоял во дворе, как любопытный зритель, и не подозревал, чем все это кончится.

Неожиданно рыцарь крикнул что-то, и, хотя голос его прозвучал в ночной тишине громко и ясно, потребовалось некоторое время, чтобы я понял смысл сказанного. Копье уперлось в бедро рыцаря, выровнялось. Лошадь поскакала галопом, прежде чем смысл сказанного дошел до меня.

— Колдун! — закричал он. — Грязный язычник, защищайся!

Я понял, что он имеет в виду меня. Его лошадь скакала прямо на меня, а у меня, видит бог, не было охоты защищаться.

Если бы у меня было время, я бы убежал. Но у меня его не оказалось. Более того, я застыл на месте, пораженный безумием происходящего.

В течение нескольких секунд, показавшихся мне часами, я стоял как зачарованный, смотрел, как ко мне приближается блестящее острое копье. Лошадь больше не шаталась, она скакала с неожиданной скоростью, а рыцарь скрежетал своими латами, словно локомотив.

Копье было в нескольких футах от меня, и я наконец обрел способность двигаться. Я отпрыгнул в сторону. Копье пролетело мимо. Вероятно, ры-

царь утратил контроль над ним или лошадь споткнулась, но, во всяком случае, копье подлетело ко мне, а я резко оттолкнул его в сторону.

Острие воткнулось в землю. А рыцарь неожиданно упал с седла, зацепившись о рукоять копья. Лошадь резко остановилась, а копье, распрямившись, подбросило беспомощного рыцаря. Он описал в воздухе дугу и грохнулся вниз лицом в дальнем углу двора. Послышался гулкий железный лязг.

Толпа корчилась от хохота. Некоторые согнулись пополам, прижав руки к животу, другие катались по земле, обессилев от смеха.

А по тропе тащился вислоухий осел, на котором сидел оборванный человек, чьи ноги едва доставали до земли — бедный терпеливый Санчо Панса снова спешил выручить своего хозяина Дон Кихота Ламанчского.

А те, кто продолжал веселиться, я знал это, пришли, чтобы поиздеваться, полюбоваться на это пугало, хорошо зная, что его бесконечные приключения дадут им прекрасную возможность позабавиться.

Я обернулся к гостинице: никакой гостиницы не было.

— Кэти! — закричал я. — Кэти!

Ответа не было. На дороге веселящаяся компания все еще каталась от хохота. В дальнем углу бывшего двора гостиницы Санчо Панса слез с осла и мужественно, хотя и безуспешно, пытался перевернуть Дон Кихота на спину.

Гостиница исчезла, не было следа ни Кэти, ни гостиницы.

Откуда-то из леса, ниже по склону холма, послышался резкий смех колдуньи. Я подождал, хихиканье повторилось. На этот раз я определил направление и побежал по склону. Пробежав несколько ярдов по расчищенному пространству, которое служило двором гостиницы, я очутился в лесу. Корни цеплялись мне за ноги, ветви царапали лицо. Но я продолжал бежать, вытянув руки, чтобы раздвинуть ветви в сторону. Передо мной продолжало раздаваться хихиканье.

Если только я поймаю ее, обещал я себе, я сверну ее тонкую шею, или она скажет мне, где Кэти. Но в то же время я знал, что у меня мало шансов догнать ее. Я споткнулся о булыжник, упал, вскочил и продолжал бежать. А передо мной, не приближаясь и не удаляясь, звучало хихиканье колдуньи. Я налетел на дерево: вытянутые руки спасли меня.

Я мог бы разбить себе череп, но почувствовал, что ушиб руки.

Наконец зацепившись за какой-то корень, я полетел по воздуху, но приземлился мягко на краю мелкого болота. Я упал на спину, с головой погрузился в тину, сел, откашлялся, отплевываясь, потому что наглатался гнилой болотной воды.

Я сидел не двигаясь, зная, что потерпел поражение. Я мог бы гнаться за этим хихиканьем по лесу миллионы лет и все же не догнал бы колдунью. Ибо мир этот таков, с ним не может совладать ни один человек. Здесь человек общается с миром фантазий, и никакая логика ему не поможет.

Я сидел по пояс в грязи и воде. Над головой у меня раскачивался рогоз, слева раздался какой-то шум... Мне показалось, что это лягушка прошле-

пала по тине. Потоя я разглядел слева от меня, меж деревьев, свет и медленно встал. Грязь стекала у меня с брюк и гулко шлепалась в воду. Даже стоя, я не мог ясно разглядеть свет, так как стоял по колено в грязи, а рогоз был выше моей головы.

С некоторым трудом я направился в сторону света. Идти оказалось нелегко, грязь была глубокой и вязкой, а стебли рогоза и других болотных растений еще больше замедляли мое продвижение. Я медленно брел вперед, с трудом прокладывая путь среди густой растительности.

Грязь и вода стали мельче, стебли рогоза тоньше. Я увидел, что свет идет откуда-то сверху. Я попытался вскарабкаться на берег, но он оказался очень скользким. Чуть-чуть приподнявшись, я стал скользить назад, и в этот момент как бы ниоткуда появилась большая коричневая рука. Я ухватился за нее и осознал, что пальцы ее крепко сжали мое запястье.

Посмотрев вверх, я увидел того, кому принадлежала эта рука. Рога были на месте и торчали изо лба. Тяжелое, грубое лицо хранило хитрое выражение. Белые зубы сверкали в улыбке, и в первый раз я понял, что испугался.

И это еще не все. Рядом, на кромке берега, сидело остроголовое существо. Увидев меня, оно в гневе начало подпрыгивать и заверещало:

— Нет! Нет! Не два! Только один! Дон Кихот не в счет!

Дьявол рывком вытащил меня на землю и поставил на ноги. Я увидел на земле лампу, и при ее свете мне удалось разглядеть, что Дьявол коренаст, чуть ниже меня, но широк и несколько толстоват. На нем не было никакой одежды, кроме грязной набедренной повязки, над которой нависал толстый живот.

Судья продолжал визжать:

— Неправильно! Этот Дон Кихот глупец! Он никогда и ничего не делает правильно. Сражение с Дон Кихотом — это не настоящая опасность...

Дьявол повернулся и взмахнул ногой. Раздвоенное копыто сверкнуло в блеске лампы. Пинок прервал Судью в середине фразы и отбросил его в сторону. Его вопль закончился громким всплеском.

— Теперь у нас есть немного свободного времени, — сказал Дьявол, обращаясь ко мне, — хотя это паразит очень навязчив и, конечно, скоро снова будет тут. Мне кажется, — добавил он, быстро переключаясь на другую тему, — что вы немного испугались.

— Я окаменел, — признался я.

— Довольно сложная проблема, — объяснил Дьявол, размахивая хвостом с кисточкой, чтобы подчеркнуть свое затруднение, — в каком виде появляться, когда имеешь дело с человеком. Вы, люди, придали мне столько обликов, что никто теперь не может сказать, какой из них наиболее эффективен. Я могу принять любой вид из приписываемых мне, если вы предпочитаете что-нибудь другое. Хотя должен признать, что облик, в котором вы меня сейчас видите, наиболее мне удобен.

— Мне все равно, — проговорил я. — Поступайте так, как вам угодно и удобно.

Я немного осмелел. Хотя по-прежнему чувствовал себя потрясенным. Не каждый день приходится разговаривать с Дьяволом...

— Вы хотели сказать, что не очень думали обо мне?

— Верно.

— Так я и знал, — меланхолически заявил он. — Таковы потери, понесенные мною за последние десятилетия. Люди почти не думают обо мне, а когда думают, то не боятся. Чувствуют некоторую неуверенность, может быть, но не боятся. Это трудно перенести. Совсем недавно весь христианский мир боялся меня.

— Еще и сейчас некоторые боятся, — заметил я, стараясь его утешить. — Где-нибудь в захолустье...

Я тут же пожалел о сказанном, потому что увидел, что это не только не обрадовало его, а еще больше огорчило.

Судья выбрался на берег. Он был весь в грязи, с его волос текла вода, но, едва добравшись до нас, он исполнил воинственный танец, свидетельствующий о его гневе.

— Я не допущу этого, — закричал он на Дьявола, — неважно, что вы скажете. Он должен выдержать еще два раза. Оборотней нельзя отрицать, но Дон Кихот — это не настоящий противник. Говорю вам: правило превратится в ничто...

Дьявол покорно вздохнул и взял меня за руку:

— Пойдемте куда-нибудь в другое место, где мы сможем посидеть и потолковать.

Вспышка, раскат грома, запах серы в воздухе, и мы тут же оказались на холме над долиной. Рядом росли деревья, а поблизости громоздились камни. Из долины снизу доносилось счастливое весеннее квакание лягушек, и слабый ветерок шелестел листвой. Конечно, это было более приятное место, чем берег болота.

Колени подогнулись подо мной, но Дьявол поддержал меня и отвел к камням, на один из которых усадил меня. Потом сел рядом со мной, скрестив ноги и обернув их хвостом.

— Теперь, — сказал он, — мы можем поговорить без помех. Судья, конечно, выследит нас, но ему на это потребуется какое-то время. Я горжусь своим умением переноситься куда угодно.

— Прежде чем мы начнем беседу, — откликнулся я, — хочу кое-что спросить. Со мной была женщина. Она исчезла. Она была в гостинице, и...

— Знаю, — с усмешкой ответил Дьявол, — ее зовут Кэти Адамс. Не волнуйтесь, она вернулась на человеческую Землю. И это хорошо, потому что она не нужна нам. Нам пришлось взять ее, так как она была с вами.

— Не нужна?

— Конечно. Нам нужны только вы.

— Послушайте... — начал я.

Но он прервал меня взмахом своей маленькой руки:

— Вы нам нужны, как посредник. Мы искали кого-нибудь, кто мог бы

стать наши агентом, а тут появились вы...

— Если вы этого хотели, то своего добились довольно странным путем. Ваша банда сделала все, чтобы убить меня, и только удача...

Он с хихиканьем прервал меня:

— Не удача. Обостренный инстинкт самосохранения, подобного которому я не видел уже много лет. А что касается этих попыток, то могу заверить вас, что кое-кто уже поплатился за свою неповоротливость. У них слишком много воображения, и в то же время не хватает гибкости, чтобы повернуть вовремя. Я был слишком долго занят другими делами, как вы можете себе представить, и вначале даже не знал, что происходит.

— Вы хотите сказать, что правило о трех попытках может...

Он печально покачал головой:

— Нет, к сожалению, этого я никак не могу изменить. Закон есть закон, вы сами знаете. И в конце концов, именно вы, люди, придумали его вместе с сотней других правил.

— Но ведь это в сущности не законы.

— Я знаю. Но поскольку люди в них верят, мы связаны ими.

— Значит, мне предстоит еще одно испытание? Или вы согласны с Судьей, что Дон Кихот...

— Нет, не согласен, — проворчал он. — Дон Кихот считается. Я согласен с Судьей, что человек, старше пяти лет, легко справится с этими испытаниями. Но я хочу, чтобы вы поскорее выбрались. И не понимаю, что за рыцарство заставило вас вступить во второй раунд. Избавившись от морского змея, вы уже были в безопасности, но тут вы позволили этому Судье втянуть вас снова...

— Я задолжал Кэти, заманил ее в эту историю.

— Знаю, — согласился он. — Знаю, но все равно я не понимаю вас, людей. Большую часть времени вы стремитесь перегрызть друг другу глотки или воткнуть нож в спину товарищу, стараетесь взобраться по телам других, а потом вдруг становитесь такими благородными, жалостливыми, что можно заболеть.

— Но, если я вам нужен, зачем пытаться убить меня? Почему бы просто не взять и не поговорить со мной?

Он вздохнул при виде моего невежества:

— Мы должны стараться убить вас. Это тоже закон. К чему все эти хитрости, трюки? Вместо того, чтобы просто убить, такие сложности! Это, конечно, ваша вина — вина людей. Вы, люди, поступаете так же... Ваши писатели, артисты, ваши сценаристы, все, кто выдумывает эти невозможные ситуации и безумные характеры. А мы связаны с вами. Кстати, вот мы и подошли к предложению, которое я хочу вам сделать.

— Давайте. У меня был трудный день, и я уже двадцать часов не спал. Можно ли здесь где-нибудь поспать?

— Вон там, между камнями, толстый слой листьев. Лежат там с прошлогодней осени. Можете вздремнуть.

— И проснуться со змеями?

— За кого вы меня принимаете? — гневно спросил Дьявол. — Думаете, у меня нет чести? Клянусь, ничто не повредит вам, пока вы не проснетесь.

— А после этого?

— После этого придется вам пройти еще одно испытание, чтобы выполнить правило ТРЕХ. Можете отдыхать спокойно, и знайте, что я болею за вас всей душой.

— Хорошо, — согласился я. — Поскольку я уже никак не могу избавиться от этого, вы, может быть, замолвите словечко за меня? Я очень устал. Не думаю, что сейчас я смог бы справиться с морским змеем.

— Могу пообещать вам, что это будет не змей. А теперь перейдем к делу.

— Ладно. Что там у вас?

— Дело в тех давних фантазиях, которыми вы питаете нас, — сказал раздраженно Дьявол. — Можно ли ожидать какой-нибудь стабильной жизни при всем этом вздоре, неясности? Как можем мы добиться постоянства, спрашиваю я вас? Сначала вы дали нам прочное и солидное обоснование, покоящееся на непоколебимой вере и уверенности. Но сейчас все это разбилось. Вы создаете образы, а они очень слабы. И это заставляет нас удваивать наши усилия.

— Вы хотите сказать, что для вас было бы полезно, если бы мы продолжали верить в Дьявола, привидений, гоблинов и тому подобное?

— Очень полезно, если только вера будет искренней. Теперь же вы сделали из нас шутов...

— Не шутов. Вы должны понимать, что человечество и не подозревает о том, что вы — реальные существа. И откуда ему знать, если вы убиваете тех, кто начинает подозревать о существовании вашего мира.

— Именно это вы и называете прогрессом, — горько сказал Дьявол. — Вы можете делать все, что хотите, а хотите вы все больше и больше. И в то же время наполняете себе головы безрассудными ожиданиями, а не полезными размышлениями. Например, о собственной кратковременности. В вас нет страха и нет понимания.

— Есть и страх, и достаточно понимания. Разница в том, чего мы боимся.

— Вы правы! Атомные бомбы и НЛО. Есть чего бояться — безумные летающие тарелки!

— Все же они лучше, чем Дьявол, — напомнил я ему. — И с НЛО у человека есть возможность взаимопонимания, а с Дьяволом — никогда. Вы слишком коварны.

— Таков признак времени, — пожаловался он. — Механика вместо метафизики. Можете мне поверить, в нашем мире встречается множество НЛО, куча отвратительных приспособлений, населенных ужасными чужаками. Но в них нет того честного страха, который, например, есть во мне. Хитрые существа, но без всякого смысла.

— Наверное, это для вас плохо, — согласился я, — и я могу понять вашу точку зрения. Но не знаю, что тут можно сделать. За исключением

жителей многочисленных захолустий, теперь встречается мало людей, которые искренне верят в вас. О, конечно, о вас иногда говорят. Ну, например: «Дьявольская работа» или «К черту!». Но при этом о вас даже не думают. Вы превратились в бранное слово. В нем нет веры. Не думаю, чтобы можно было изменить это отношение. Вы не сумеете остановить прогресс человечества. Вам просто придется ждать. Может, в будущем что-нибудь и поможет вам.

— Думаю, мы можем кое-что сделать, — не согласился Дьявол, — и мы не собираемся ждать. Мы слишком долго ждали.

— Не могу себе представить, что вы сделаете. Вы не сумеете...

— Не собираюсь открывать вам свои планы. Вы слишком хитры и проницательны. Говорю вам все это только для того, чтобы вы впоследствии поняли. Только вы должны проявить желание сотрудничать с нами.

Сказав это, он исчез в облаке серного дыма, а я остался один на вершине холма. И этот дым плыл на запад по ветру. Я вздрогнул, хотя на самом деле холодно не было. Холод проистекал от только что исчезнувшего собеседника.

Земля была пуста. Она слабо освещалась луной — голая, молчаливая и зловещая.

Дьявол сказал, что между камнями есть подстилка из листьев. Я поискал и нашел ее. Внимательно осмотревшись, я не обнаружил поблизости змей. Я не думал, что найду их. Дьявол не был похож на дешевого обманщика. Я заполз в убежище и как можно удобнее улегся на листьях.

Лежа во тьме и слушая стон ветра, я с благодарностью думал о том, что Кэти находится дома и в безопасности. Хотя и безо всяких усилий с моей стороны, но это конечно же не имело значения. Это было дело рук Дьявола, и, хотя им двигало не сочувствие, я думал о нем с некоторой благодарностью.

Я видел лицо Кэти, обращенное ко мне, и старался представить себе счастливое выражение этого лица. И, пытаясь сделать это, я уснул.

И проснулся в Геттисберге...

14

Что-то толкнуло меня, я проснулся и так резко сел, что ударился о камень. Сквозь искры, вспыхнувшие в глазах, я увидел согнувшегося человека, который старался разглядеть меня. В руках у него было ружье, направленное в мою сторону. Мне показалось, что на самом деле он не целится в меня. Вероятно, он использовал его как палку, чтобы разбудить меня.

У человека на голове была фуражка, сидевшая криво. И человек этот давно не стригся. На синем мундире блестели медные пуговицы.

— Завидую тем, кто может спать где угодно, — дружелюбно сказал он.

Повернув голову, он выплюнул разжеванный табак на камень.

— Как дела? — спросил я.

— Мятежники подвезли пушки. Все утро занимались этим. Должно быть, целую тысячу привезли. Поставили их ствол к стволу.

Я покачал головой:

— Не тысячу. Скорее — двести.

— Может, вы и правы, — согласился он. — У мятежников не может быть тысячи пушек.

— Это, должно быть, Геттисберг?

— Конечно, Геттисберг, — с отвращением согласился он. — Не говорите мне, что вы не знаете. Вы не можете находиться здесь и не знать этого. Дело скоро начнется, и я не ошибусь, если скажу, что мы, северяне, скоро окажемся в аду.

— Конечно, это был Геттисберг. Я понял, потому что местность сразу показалась мне знакомой, когда это произошло еще прошлым вечером — действительно ли это было прошлым вечером, или за сто лет до этого? В этом мире время также не имело смысла, как и все остальное.

Я постарался собраться с мыслями. Прошлым вечером — роща и груда камней, а утром — Геттисберг?

Нагнув голову, я выполз из-под камней и уселся на корточках. Человек передвинул табачную жвачку из одного угла рта в другой и осмотрел меня внимательней.

— Что это у вас за мундир? — подозрительно спросил он. — Не могу его припомнить...

Если бы я был настороже, возможно, я сумел бы найти ответ, но мозг был еще затуманен сном, а голова болела от удара о камень. Я знал, что должен ответить, но ответа у меня не было, поэтому я просто покачал головой.

На вершине холма выстроились пушки. Рядом с ними в напряжении стояли артиллеристы, глядя на раскинувшуюся перед ними долину. Полевой офицер неподвижно сидел на лошади, нервно переступавшей с ноги на ногу. Впереди пушек длинной неровной линией лежали пехотинцы. Некоторые из них прятались в укрытиях, другие просто лежали на земле. И все смотрели на долину.

— Мне это не нравится, — сказал нашедший меня солдат. — Если вы из города, у вас тут не должно быть дел...

Издалека донесся протяжный, хриплый, но не очень громкий гул. Услышав его, я поднялся и посмотрел на долину. Я увидел только облако дыма, поднимающееся с противоположного холма. Вдалеке возле деревьев блеснула вспышка, будто кто-то открыл дверцу горящей печи и немедленно закрыл ее.

— Ложись! — крикнул солдат. — Ложись, придурок!

Остальные его слова были заглушены близким грохотом и скрежетом.

Я увидел, что он лежит на земле, как и все остальные, и упал тоже.

Снова послышался еще один удар, и, приподняв голову, я увидел множество открывающихся печных дверей на противоположном холме. Над головой послышался шум и свист от каких-то быстро летящих предметов. Затем весь мир взлетел на воздух.

И продолжал взлетать...

Земля дрожала от канонады. Гром стал оглушительным, его невозможно было выдержать. Дым плыл над землей, а к тяжелому грохоту добавился скрежет обломков и осколков. Неожиданно ясно осознал, что вокруг меня повсюду лежат обломки металла. Чувство страха, испытываемого мною, достигло пика.

Прижавшись к земле, я чуть-чуть повернул голову и увидел вершину холма. К моему удивлению, смотреть особенно было не на что. Толстый слой пыли и дыма закрывал всю вершину, поднимаясь более чем на три фута над землей. В этом трехфутовом пространстве виднелись ноги артиллеристов, словно наполовину усеченные люди стреляли из наполовину обрубленных пушек: виднелась только нижняя часть лафетов, все остальное скрывал слоистый дым. Из дыма, как ни странно, вылетал огонь, когда скрытые завесой пыли орудия вели ответную стрельбу по долине. При каждом залпе я чувствовал толчок горячего воздуха. Но звук выстрелов из стоящих рядом орудий доносился до меня как бы издалека.

В дымном воздухе пахло порохом. В облаке дыма рвались снаряды. Но разрывы, скрываемые дымом, казались не быстрыми, яркими вспышками света, как можно было ожидать, а мигающими красно-оранжевыми огоньками, которые пробегали по вершине холма, как неоновая реклама. Вдруг сильный взрыв блеснул сквозь дым, поднялся мощный столб черного дыма. Вероятно, снаряд попал в зарядный ящик.

Я теснее прижался к земле, стараясь зарыться в нее. Я вспомнил, что нахожусь в одном из самых безопасных мест на этом кладбищенском холме, потому что в этот день, свыше ста лет назад, артиллеристы конфедератов стреляли выше, чем требовалось, и в результате основной удар пришелся не на вершину, а на противоположный склон холма.

Снова повернув голову, я поглядел на долину над Семинарским холмом и увидел другое облако дыма, кипящее над вершинами деревьев. Крошечные огоньки мелькали у основания холма, выдавая нахождение орудий конфедератов. Солдату, разбудившему меня, я сказал, что у них две сотни пушек. А теперь вспомнил, что у них было сто восемьдесят. И на вершине же надо мной находилось восемьдесят пушек. Я подсчитал, что сейчас, вероятно, около часа дня, потому что канонада началась в это время и продолжалась без малого два часа.

Где-то там сидел на Путнике генерал Ли и смотрел на поле битвы. Где-то там, за грубой изгородью, угрюмо сидел Лонгстрит, обдумывая заявление о том, что его атака необходима.

«Нет, — сказал я себе, — здесь нет ни Ли, ни Лонгстрита. Битва на этой земле происходила более ста лет назад и не может повториться. А это шутовское сражение отнюдь не точная копия происходившего здесь

когда-то, а то, что мы представляем об этом, опираясь на традицию и на позднейшие сведения».

Кусок металла вонзился в землю рядом со мной, разрывая дерн. Я осторожно протянул руку, но тут же отдернул ее: металл оказался горячим. Я был уверен, что, если бы этот осколок попал в меня, я был бы наверняка убит, как и в настоящей битве.

Справа от меня находилась роща. Там атака конфедератов достигла наивысшего накала, но потом откатилась назад, вниз по склону, к закрытым пушечным дымом большим кладбищенским воротам. Я был уверен, что местность выглядит так же, как и сто лет назад, и что представление будет идти по точному расписанию, включая передвижение отдельных воинских частей и отрядов, хотя, конечно, многие детали утратились в позднейшее время, и следующие поколения о них не знали.

Здесь Гражданская война будет такой, какой ее представляют люди, беседующие о ней за обедом сто лет спустя, а не такой, какой она была на самом деле.

Кромешный ад продолжался: грохот, рев, звон, пыль и пламя. Я продолжал прижиматься к земле, которая, казалось, нагрелась подо мной. Я ничего не слышал, и мне начинало казаться, что я оглох навсегда, что вообще нет такой вещи, как слух, не было никогда, что я просто выдумал его...

С обеих сторон передо мной одетые в голубые мундиры люди тоже прижимались к земле, прячась за камнями, втискиваясь в мелкие ямы, опустив головы и сжимая ружья, нацеленные в сторону долины. Они ждали, когда кончится канонада и на холме появится длинная линия марширующих, словно на параде, войск.

Сколько это будет еще продолжаться?

Я поднес руку к лицу. Было 11.30. Конечно, это не верно: ведь канонада началась в час дня или, скорее, несколькими минутами раньше. В первый раз, оказавшись в таком нелепом мире, я догадался взглянуть на часы, и теперь у меня не было возможности сравнить теперешнее время, если, конечно, в таком месте вообще существует время, со временем на Земле.

Я решил, что прошло не более 15—20 минут с начала канонады. Впрочем, если это и так, то мне они показались часами, что вполне естественно. Во всяком случае, я был уверен, что просто ждать прекращения огня — нудное занятие. Поэтому я еще больше сжался, чтобы представлять собой как можно меньшую цель. Поступив так, я начал думать, что же я буду делать, когда линия конфедератов начнет подниматься по холму, красные флаги повстанцев заалеют на ветру, а солнце засверкает на штыках и стволах ружей. Что я буду делать, когда придется бежать, если здесь есть куда бежать. Конечно, тут объявится немало бегущих, но на той стороне холма стоят солдаты и офицеры в голубых мундирах, и бегущих с поля битвы они встретят не очень радостно. Возможности защищаться у меня нет. Даже если бы в мои руки попало это неуклюжее ружье, то я

не знаю, как с ним обращаться. Похоже, что все вооружены гладкоствольными ружьями, а я о них ничего не знал.

Дым битвы становился гуще и закрывал солнце. По всей долине низко плыли клубы дыма, почти над головами людей, скорчившихся на склоне перед батареей северян.

Внизу, на склоне, что-то шевельнулось. Не человек, а нечто меньшее, чем человек. Собака, подумал я, оказавшаяся между сражающимися войсками. Но слишком уж это существо, коричневое, пушистое, не похожее на собаку. Куропатка? И я подумал про себя: «Куропатка, на твоем месте я забрался бы в нору и сидел там...» Куропатка продолжала шевелиться, потом двинулась ко мне по траве.

Облако дыма закрыло ее от меня, потом батарея продолжила обстрел. Время от времени рядом со мной, как капли тяжелого дождя, падали осколки. Дым рассеялся. «Куропатка» была сейчас гораздо ближе ко мне, и я увидел, что это совсем не куропатка.

Как я мог сразу не узнать эту заостренную голову с копной волос, кувшинообразные уши! Теперь я понял, что это не куропатка и не собака, а Судья...

Он смотрел прямо на меня, бросая мне вызов, как воинственный петух. Осознав, что я смотрю на него, он поднял руку, приложил большой палец своей плоской руки к носу, а остальные растопырил и пошевелил ими в воздухе. Он «натянул мне нос»!

Не раздумывая, я побежал к нему. Я сделал лишь один шаг, как что-то ударило меня. Дальше я мало что помнил: горячее прикосновение к голове, неожиданное головокружение, ощущение падения — больше я ничего не чувствовал...

15

Мне показалось, что я бесконечно долго карабкался по какой-то заброшенной земле в кромешной тьме. Мои глаза были закрыты, и я не знал, существовала ли тьма на самом деле. Я чувствовал эту тьму черепом. Потом я решил, что это глупость, и если я открою глаза, то увижу послеполуденное солнце. Но я не открывал их. По какой-то причине я знал, что должен держать их закрытыми, будто то, что меня окружало, не позволено видеть никому из смертных. У меня не было никаких оснований думать так. Может, самое ужасное заключалось в том, что я не мог найти никакого подтверждения тому, что я ползу через пустоту — не просто через пустоту, а через такое место, где совсем недавно царила жизнь, а теперь все опустело. Все это было чистейшей фантазией.

Я продолжал медленно и болезненно выбираться куда-то, не зная, куда и зачем я карабкаюсь. И мне показалось, что, делая это, я вполне удовлетворен — не потому, что мне хотелось карабкаться, а потому что оставаться на месте было невозможно. Я не знал, кто я, кем был раньше, как

оказался здесь. Не знал, когда я начал карабкаться, мне казалось, что я всегда поднимался во тьме по бесконечному склону.

Но вот наконец я начал ощущать траву и землю под ногами, ладонями; боль от камня под коленом, прохладное прикосновение ветра к лицу; услышал звук — шум ветра, шелестящего листвой где-то над моей головой. Я подумал, что этот темный мир снова ожил. Я перестал ползти и прижался к земле, чувствуя, как она отдает мне тепло летнего дня. Теперь я слышал не только шелест ветра, но и топот ног, отдаленные голоса.

Я открыл глаза. Было темно, но не так, как я себе представлял. Совсем рядом со мной находилась небольшая рощица, а за ней, на фоне звездного неба, виднелась наклонившаяся пушка с одним колесом и стволом, задранным вверх.

Увидев ее, я вспомнил Геттисберг и понял, что никуда не полз. Я был на том же месте, что и в полдень, когда вскочил на ноги при виде показывающего мне нос Судьи. Все это ползание — лихорадочный бред.

Я поднес руку к голове и нащупал большую рану. Моя рука сразу стала липкой. Я поднялся на колени и постоял так немного, борясь с головокружением. Голова у меня болела, но рассуждал я ясно. Силы постепенно возвращались ко мне. Видимо, осколок лишь скользнул по черепу, разорвав кожу и выдрав клок волос.

Я понял, что Судья едва не добился своей цели, и лишь ничтожная часть дюйма спасла меня. Неужели вся эта битва была разыграна только для меня? Или она периодически повторяется, пока люди моего мира интересуются событиями Геттисберга?

Я встал на ноги и держался на них довольно прочно, хотя и ощущал какое-то странное беспокойство. Подумав немного, я понял, что это просто голод. Последний раз я ел накануне, когда мы с Кэти остановились позавтракать на Пенсильванской дороге. Конечно, «накануне» — это только для меня. Я не знал, как течет время в этом мире. Я вспомнил, что канонада началась почти на два часа раньше, чем ей было положено, хотя у историков не существовало единого мнения на этот счет. Но во всяком случае, это не имеет никакого значения в данной ситуации. В этом искаженном мире занавес может подняться в любой момент, когда захочет режиссер.

Я пошел по холму и, не пройдя и трех шагов, споткнулся и упал, вытянув руки, чтобы не удариться лицом. Руки испачкались в земле, но это было не самое худшее: я ужаснулся, когда понял, обо что споткнулся. Я увидел вокруг себя множество тел, лежавших неводвижно там, где столкнулись шеренги сражавшихся. А теперь все мирно лежали во тьме, и ветер слегка шевелил их мундиры, чтобы напомнить, что совсем недавно они были живыми людьми.

«Люди, — подумал я, — нет, не люди. О них нечего горевать. Лучше лишний раз вспомнить тех, кто погиб действительно, а не в этом глупом шоу...»

Существует другая форма жизни, утверждал мой старый друг. Это новый, более высокий тип эволюционного процесса. Сила мысли, может быть. Субстанция абстрактной мысли приобретает возможность жить и умирать (или делать вид, что умирает), а затем снова становится силой, рожденной мыслью, принимает форму и снова оживает в ней.

Это нелогично, сказал я себе, но тут все нелогично. Огонь был не нужен, пока неизвестный человек не приручил его. Колесо было бессмыслицей, пока кто-то не выдумал его. Атомы был нереальными, пока пытливые умы не придумали их и не доказали их существование, хотя я и не понимаю их сущности. Атомная энергия была бессмысленна, пока в Чикагском университете не зажегся этот странный огонь, а позже, в пустынном мире, не поднялся гигантский яростный гриб.

Если эволюция в своем развитии стремится создать такую форму жизни, которая полностью овладела бы всем окружающим ее, то здесь, в этой гибкой, податливой жизни, ей, по-видимому, удалось достичь своей высшей цели. Ибо эта жизнь могла принимать любую форму, автоматически приспосабливаться к любому окружению, приноравливаться к любой экологии.

Но в чем смысл этого, спрашивал я себя, лежа на поле у Геттисберга среди мертвецов. Хотя, может, слишком рано отыскивать цель. Если бы какое-нибудь разумное существо могло бы наблюдать хищников, населявших Африку два миллиона лет назад, вряд ли оно стало бы пытаться предугадать их будущее.

Я снова поднялся и пошел вверх по склону. Пройдя мимо деревьев и пушек, я увидел, что здесь много разбитых пушек, наконец достиг вершины и смог заглянуть на противоположный склон.

Я увидел, что представление продолжается. Внизу виднелись лагерные костры, откуда-то доносился звон упряжки и шум телег. Может, это передвигалась артиллерия. Где-то закричал мул. Над всем этим висел великолепный полог летних звезд, и в этом заключалась ошибка сценариста: я помнил, что после битвы пошел сильный дождь и многие раненые, не имевшие сил двигаться, утонули в потоках воды. Это была так называемая «артиллеристская погода».

Так часто за сражением следовали бури, что многие поверили в то, что сильная артиллеристская стрельба вызывает дождь.

Вблизи весь склон был усеян темными фигурами мертвых людей и лошадей. Казалось, что среди них не было раненых: не было стонов, криков о помощи, которые можно услышать после каждой битвы. Конечно, сказал я себе, всех раненых не могли отыскать и унести. А были ли тут вообще раненые? Может, отредактированный сценарий битвы исключает такую возможность?

Глядя на эти смутные фигурки, скорчившиеся на земле, я ощутил спокойствие и мир. Ведь в этом и есть могущество смерти. Не было разорванных на куски, все лежали в привычных позах, словно уснули. Не было видно следов агонии и боли. Даже лошади казались спящими. Ни одно

тело не раздулось, ни одна нога не торчала. Все поле битвы выглядело аккуратным, приличным и слегка романтичным. Конечно, сценарий отредактировали. Именно так большинство людей, живущих в мое время, представляют себе битву под Геттисбергом. Многие поколения забыли о жестокости, грубости и ужасе войны и набрасывали на нее рыцарскую мантию, создавая скорее сагу, чем отчет о боевых действиях.

Я знал, что это неверно. Я знал, что, стоя здесь, я почти забыл, что это спектакль, и ощутил волнение, чувство гордости и славы. И меланхолию.

Мул перестал кричать, у одного из костров запели. За спиной шелестела листва деревьев.

«Геттисберг, — подумал я. — Я был здесь в другое время, в другом мире и стоял на этом самом месте, и старался вообразить, как все это выглядело...»

Теперь я видел по крайней мере часть поля битвы.

Я пошел вниз по склону и тут услышал, как кто-то позвал меня по имени:

— Хортон Смит!

Я повернулся. Вначале я не понял, кто меня позвал, но потом заметил его, сидевшего на колесе разбитой пушки. Я разглядел его силуэт, заостренную голову с копной волос, кувшинообразные уши. Но он не подпрыгивал гневно, как раньше. А просто сидел, как на насесте.

— Вы опять тут, — сказал я.

— Вам помог Дьявол, — заявил Судья. — Это неправильно. Стычка с Дон Кихотом не должна приниматься в счет, а без помощи Дьявола вы не пережили бы канонаду.

— Ладно. Значит, мне помог Дьявол... Ну и что?

— Вы признаете это? — оживляясь, воскликнул он. — Вы признаете, что вам помогли?

— Вовсе нет. Это вы так говорите, а я этого не знаю. Дьявол ничего не говорил мне о помощи...

Удрученный, он тяжело опустился на землю.

— Тогда ничего нельзя сделать. ТРИ — волшебное число. Таков закон, и я не могу его исправить, хотя, — резко добавил он, — мне этого очень хочется. Вы мне не нравитесь, мистер Смит. Совсем не нравитесь.

— Я испытываю к вам те же чувства.

— Шесть раз! — взвыл он. — Это безнравственно. Это невозможно. Никто никогда не выдерживал и трех раз.

Я подошел ближе к опушке, на которой сидело существо, и пристально взглянул на него:

— Если вас это утешит, я ни о чем не договаривался с Дьяволом. Я просто просил замолвить за меня словечко, но он ответил, что не может этого сделать. Дьявол сказал, что закон есть закон и он бессилен.

— «Утешит»! — заверещал страшилище Судья, подпрыгивая от гнева. — Почему вы хотите меня утешить? Это еще одна хитрость, еще один грязный человеческий трюк?

Я резко повернулся.

— Убирайся! — прокричал я. — Что толку пытаться быть вежливым с таким ничтожеством...

— Мистер Смит! — крикнул он мне вслед. — Мистер Смит!

Я не обратил на это внимания и продолжал идти, спускаясь по склону.

Слева от себя, за забором из штакетника, я увидел смутные очертания белого фермерского домика. Часть забора оказалась разрушена. В окнах горел свет, и во дворе топтались привязанные лошади. Это, вероятно, был штаб генерала Мида, и сам генерал находился здесь. Если бы я захотел, я мог бы взглянуть на него, но я не хотел. Я продолжал спускаться по склону, ибо этот Мид не был настоящим Мидом, а разбитая пушка — настоящей пушкой.

Вокруг меня слышались голоса, изредка я смутно улавливал человеческие фигуры, торопящиеся по холму, то ли с поручениями, то ли по своим делам.

Тропинка у меня под ногами стала резко опускаться, и я увидел, что она заканчивается узким оврагом, края которого поросли деревьями. В овраге горел костер. Я попытался свернуть, потому что не хотел ни с кем встречаться, но я уже зашел слишком далеко. Из-под моих ног покатились камни, и я услышал резкий окрик.

Я остановился.

— Кто здесь? — повторил тот же голос.

— Друг, — ответил я, не зная, что еще сказать.

Возле костра кляцнуло ружье.

— Джэд, не волнуйся, — послышался другой голос с характерным произношением и протяжными интонациями. — Тут не может быть мятежников. И даже если бы они были, теперь они мирно настроены.

— Я просто хотел проверить, — ответил Джэд.

— Спокойнее, — сказал я, подходя к костру, — я не мятежник.

Оказавшись на свету, я остановился, давая им возможность осмотреть меня. Их было трое: двое сидели у костра, третий, с поднятым ружьем, стоял.

— Но вы не из наших, — сказал стоящий в стороне. По-видимому, это был Джэд. — Кто же вы, мистер?

— Меня зовут Хортон Смит — я репортер.

Человек с протяжным произношением сказал:

— Подсаживайтесь к огню, если у вас есть время.

— Есть, — ответил я.

— Мы можем вам рассказать, — проговорил молчавший до сих пор человек. — Были в самой гуще. Вон у той рощицы.

— Минуточку, — попросил человек с протяжным произношением. — Нет надобности рассказывать ему. Я видел этого джентльмена раньше. Он был с нами. Может, все время. Я видел его. Потом стало горячо, и мне некогда было обращать внимание на других.

Я подошел к костру. Джэд прислонил ружье к дереву и вернулся на свое место у огня.

— Мы поджарили свиные потроха, — сказал он. — Если вы голодны, можем поделиться с вами.

— Да, голоден, — сознался я, усаживаясь. Рядом со сковородкой стоял кофейник. Я принюхался к запаху кофе. — Похоже, что я пропустил обед и завтрак тоже.

— Тогда вы справитесь с этим, — сказал Джэд. — У нас есть несколько лишних сухарей. Я сделаю вам сандвичи.

— Нужно поколотить сухари о что-нибудь, чтобы стряхнуть насекомых, — предложил человек с протяжным голосом. — Если вы только не хотите есть их в качестве мяса.

— Послушайте, мистер, — бросил третий, — вам, похоже, досталось по голове.

Я поднес руку к черепу. Пальцы снова стали липкими.

— Оглушило, — ответил я. — Пришел в себя совсем недавно. Должно быть, осколок снаряда.

— Майк, — проговорил Джэд, обращаясь к человеку с протяжным голосом, — почему бы тебе и Эйсе не промыть ему рану и не посмотреть, насколько она опасна? А я тем временем налью ему кофе.

— Все в порядке, — успокоил я его, — всего лишь царапина.

— Лучше взглянуть, — настаивал Майк. — Идите по Тайтаунской дороге. Немного к югу отсюда найдете лекарей. Вам чем-нибудь смажут рану, чтобы не было заражения.

Джэд протянул мне чашку. Кофе оказался крепким и горячим. Я глотнул и обжег язык. Майк тем временем колдовал над моей раной, очищая ее смоченным в воде платком.

— Царапина, — сказал он, — нужно только перевязать. Но я бы на вашем месте все же показался бы врачу.

— Ладно, покажусь, — согласился я.

Самое любопытное заключалось в том, что эти солдаты Северной армии действительно верили в это. Они не играли. Они были именно тем, кем им надлежало быть. Возможно, они могли быть кем угодно, но когда мысленная сила обретала форму какого-то существа, она по всем статьям, признакам, целям и желаниям становилась этим существом. Может быть, спустя немного времени, эти формы растают, сила вернется в прежнее состояние и будет готова принять новый вид, но пока это были настоящие солдаты-северяне, только что выдержавшие битву на изуродованном снарядами холме.

— Это все, что я могу сделать, — объяснил Майк, садясь. — У меня нет даже чистой тряпки, чтобы перевязать вам голову. Но найдите доктора, и он сделает вам все, что нужно.

— Вот и сандвич, — сказал Джэд, протягивая его мне. — Я постарался убрать насекомых. Думаю, что очистил почти всех.

Сухарь выглядел очень неаппетитно и был невероятно тверд. Я сильно проголодался, а это была пища, и я с жадностью принялся за него. Джэд раздал сандвичи и остальным, и мы молча занялись жеванием: требова-

лась полнейшая сосредоточенность, чтобы справиться с такой едой. Кофе остыл настолько, что я смог его пить, и он помог мне одолеть сухарь.

Наконец, мы закончили есть, и Джэд налил нам еще по чашечке кофе. Майк достал старую трубку, порылся в карманах, пока не наскреб там немного табака, которым набил трубку. Он зажег ее ветвью, извлеченной из костра.

— Газетчик? — сказал он. — Из Нью-Йорка, должно быть?

Я покачал головой. Нью-Йорк был слишком близко. Один из них мог знать какого-нибудь газетчика из Нью-Йорка.

— Лондон, — сказал я. — «Таймс».

— Вы говорите не так, как англичане, — заметил Эйса. — У них забавный акцент.

— Я не был в Англии много лет, — ответил я. — Привык к здешнему.

Конечно, это не объясняло, почему человек утратил английский акцент, но на первое время выручило.

— В армии Ли есть англичане, — сказал Джэд. — Фриманталь, например? Вы его знаете?

— Слышал, — ответил я, — но никогда с ним не встречался.

Они становились слишком любопытными. Существовало слишком много тем, на которые им хотелось поговорить.

— Когда будете писать статьи? — спросил Майк. — И что вы напишите о Миде?

— Не знаю, еще не думал. Он здесь выиграл, конечно, блестящую битву. Подпустил южан поближе и сыграл свою игру до конца. Сильная оборона и...

Джэд сплюнул:

— Может, и так, но у него нет тактики. Вот у Майка — другое дело...

— Тактика, конечно, очень важна, — сказал Эйса, — но уж очень он не жалеет солдат. Впрочем, хорошо быть победителем. — Он посмотрел на меня через огонь. — Ведь мы выиграли?

— Я в этом не уверен, — ответил я. — Ли утром отступит. Может, он уже начал отступать.

— Не все так думают, — произнес Майк. — Я говорил кое с кем из Миннесотского отряда. Они считают, что эти сумасшедшие мятежники сделают еще одну попытку.

— Не думаю, — ответил Джэд. — Сегодня мы перебили их хребет. Они шли по холму, как на параде. Шли прямо на нас, прямо на стволы пушек. А мы стреляли по ним, как в тире. Я слышал, что этот Ли храбрый генерал, но говорю вам: это не храбрость, посылать людей прямо на пушки.

— Бернсайд поступил так же под Риксбургом, — добавил Эйса.

Джэд плюнул:

— Бернсайд не был храбрым. Никто не говорил этого.

Я кончил пить кофе, взболтнул гущу и выплеснул в костер. Джэд потянулся за кофейником.

— Нет, спасибо, — сказал я. — Мне пора идти.

Я не хотел уходить. Мне необходимо остаться и посидеть часок у костра. Костер приятно грел, а в глубине оврага было так уютно.

Но в душе я понимал, что мне лучше скорее уйти. Уйти от этих людей и с поля битвы до того, как еще что-нибудь случится. Теоретически я, конечно, находился в безопасности, но я не доверял ни этому миру, ни Судье. Чем быстрее уйду, тем лучше.

Я встал:

— Спасибо за еду и кофе. Это было именно то, в чем я нуждался.

— Куда вы теперь?

— Вначале поищу доктора.

Джэд кивнул:

— На вашем месте я бы так и сделал.

Я повернулся и пошел, ожидая, что меня вот-вот окликнут. Но они не окликнули меня. Я выбрался из оврага и, спотыкаясь, пошел во тьму.

Я попытался восстановить в голове полузабытую картину местности, и, шагая, я раздумывал, куда же мне пойти. Не на Тайтаунскую дорогу — это слишком близко от поля битвы. Я пересеку эту дорогу и пойду на восток, пока не дойду до Балтиморской дороги, а по ней проследую на юг. Хотя, о чем я беспокоился, я не знал. Любое место в этом странном мире было для меня, вероятно, так же хорошо, как и только что покинутый овраг. Я никуда не шел, а просто двигался по кругу. Дьявол сказал, что Кэти в безопасности, что она в нормальном мире, но он даже не намекнул, как человек может вернуться в свой мир. К тому же я не совсем был уверен, что Дьявол сказал правду относительно Кэти. Он был слишком коварен, и доверять ему не следовало.

Я добрался до конца долины. Передо мною лежала Тайтаунская дорога. По пути мне встретилось несколько костров, но я обходил их.

Но вот я споткнулся обо что-то. Это что-то оказалось теплым телом, поросшим волосами, и оно фыркнуло на меня. Я в испуге попятился, но тут же понял, что это лошадь, привязанная к сохранившейся части изгороди.

Лошадь мягко фыркнула. Вероятно, стояла она здесь долго и была основательно напугана, во всяком случае, я чувствовал, что она обрадовалась появлению человека. Она была под седлом и привязана к изгороди уздечкой.

— Что, лошадка, соскучилась? — спросил я.

Она дышала мне в лицо, и я погладил ее по шее. Поблизости никого не было видно. Я развязал узду, перебросил ее через голову лошади, потом неуклюже взобрался в седло.

На Тайтаунской дороге стояло множество телег, но я миновал их, никем не замеченный, и направил лошадь на юго-восток. Изредка мне встречались небольшие группы людей, но я обходил их. Постепенно движение становилось все реже, и наконец моя лошадь поскакала по Балтиморской дороге прочь от Геттисберга...

16

Через несколько миль дорога кончилась. Я это уже должен был знать. Ведь исчезла дорога, по которой мы ехали с Кэти. Передо мной вилась только тропа. Тайтаунская, Балтиморская и все остальные дороги, а может, и сам Геттисберг, являлись лишь декорациями для сцены, изображавшей битву, и как только я покинул сцену, отпала и необходимость в дорогах.

Дорога кончилась. Я перестал обращать внимание на местность и позволил лошади самой выбирать путь. У меня не было определенной цели: я не собирался никуда добираться, а просто позволил лошади бежать иноходью вперед. Мне казалось, что неплохо уехать как можно дальше.

И вот во время этой поездки сквозь теплую летнюю ночь у меня появилась первая возможность спокойно подумать. Я припомнил, что случилось с тех пор, как я свернул с магистрали на дорогу, ведущую в Лоцман Кноб, и задал себе множество вопросов, но ответов не получил. Когда это стало ясно, я осознал, что ищу ответы, чтобы спасти свою человеческую логику, но я уже убедился, что это бесполезные поиски. Перед лицом всего того, что случилось, мне пришлось признать, что человеческая логика не может дать этому никакого объяснения, что единственное возможное объяснение заключается в записях моего друга.

Итак, существует место, и я нахожусь в нем, где сила субстанции воображения (что за неуклюжий термин!) становится базой, на которой формируется новая материя или концепция. Я некоторое время размышлял над объяснением всей сложившейся ситуации, отвечая на все «может быть» и «если», но это была безнадежная работа. Наконец, в качестве рабочей гипотезы, я назвал этот мир — Миром Воображения и прекратил размышления. Конечно, это было трусливое отступление, но, может, позже кто-нибудь выработает более точное определение.

Итак, существовал мир, спрессовавший фантазии и верования из всех волшебных сказок и народных легенд, преданий и поверий человеческой расы. И в этом мире существуют ситуации, которые созданы умом вечно занятого важными делами человека. Здесь (каждую ночь или только в канун Рождества) Санта Клаус разъезжает на своих санях, в которые запряжены олени. Где-то рядом с ним Иакбод Крейн пришпоривает свою клячу на скалистой дороге в отчаянной попытке достичь волшебного мостика раньше, чем Всадник без головы сможет швырнуть в него тыкву, висящую у седла. Здесь Даниель Бунн бродит по лугам Кентукки с длинным ружьем в руках. Здесь живет песочный человек, а отвратительные существа пляшут на столе джигу. Здесь происходит битва под Геттисбергом (вновь и вновь или в особых случаях), но не та битва, что была в действительности, а рыцарское, вежливое, славное и почти бескровное представление, каким оно кажется большинству людей. А может, тут разворачиваются и все другие славные битвы, вошедшие в человеческую историю: Ватерлоо и Марафон, Мост Согласия и Аустерлиц, а в будущем, если понадобится,

то кому-нибудь покажут и античеловечные сражения первой и второй мировых войн, битвы во Вьетнаме и Корее.

А со временем частью этого мира станут (если уже не стали) и знаменитые «ревущие двадцатые», с енотовыми шубами, плоскими фляжками, с «сухим» законом и гангстерами с автоматами, удобно уложенными в скрипичные футляры.

Все это, все, о чем думал и что вообразил себе человек, — все его безумие и вся его мудрость, все шутовство и злобность, весь свет и всю печаль людей во все века, от пещер до наших дней, — все это находилось в этом мире.

Конечно, в холодном свете человеческой логики — это полное безумие. Но вот оно вокруг меня. Я ехал по местности, которая не существует на Земле. Это была волшебная местность, замороженная звездным светом, а созвездия, я видел это, были совсем не такие, какими они представляются человеческому глазу. Земля — и рядом невозможный мир, где пустые домыслы становятся законами, где не может быть такой вещи, как человеческая логика, мир, построенный на воображении, не подчиняющемся логике.

Лошадь продолжала бежать, переходя на шаг там, где местность была неровной. Я приложил руку к голове, и пальцы мои вновь немного увлажнились, но я почувствовал, что царапина начала засыхать, и было похоже, что все обойдется. Во всяком случае, я чувствовал себя неплохо.

В любой момент я ожидал встретить кого-нибудь из странных жителей этого фантастического мира, но никто не показывался. Лошадь наконец нашла хорошую дорогу и поскакала быстрее. Мили оставались позади, а воздух становился холоднее. Иногда вдали я видел жилища, которые было трудно разглядеть, хотя одно из них казалось очень похожим на форт за высоким бревенчатым забором — в таких крепостях селились пионеры Кентукки. Временами в отдалении мелькали огоньки, но не было возможности определить, что они означают.

Неожиданно лошадь резко остановилась, и я лишь по счастливой случайности не перелетел через ее голову. Лошадь дрожала, ее ноздри раздувались, как будто она учуяла нечто во тьме впереди. Затем она в ужасе заржала, свернула с тропы и галопом понеслась прямо по лесу. Я усидел на ее спине только потому, что успел схватиться за шею.

Я прижался к лошади — и хорошо сделал — потому что ветви деревьев разбили бы мне голову, если бы я продолжал сидеть прямо в седле.

Очевидно, что обоняние лошади значительно лучше моего, потому-то я только в лесу услышал мяукающий звук, окончившийся рычанием и кашлем. Я уловил тяжелый запах падали. Вдруг послышались треск и шум, будто огромное, неуклюжее, ужасное тело быстро двигалось по моим следам.

Отчаянно цепляясь за лошадиную гриву, я украдкой оглянулся и краем глаза увидел ядовито-зеленую фигуру, идущую по нашим следам.

И в тот же момент, так быстро, что я понял это только тогда, когда

все кончилось, лошадь подо мной исчезла. Она исчезла, как будто ее никогда и не было. Я упал на ноги, а потом покатился. Я прокатился футов двенадцать, зацепился за что-то на краю откоса, но продолжал катиться дальше, пока не упал на дно оврага. Я был потрясен и исцарапан, но не мог встать на ноги и посмотреть в ту сторону, откуда приближалось зеленое чудовище.

Я точно знал, что произошло. Я знал, что произойдет, и должен был готовиться к этому, но на лошади было так удобно и привычно скакать, что я как-то и думать забыл о том, что в любой момент Геттисбергское представление может кончиться. И вот оно кончилось, и все эти люди, и раскиданные по полю тела, разбитые пушки, неистраченные снаряды, боевые флаги и все другие предметы, все, что было создано и собрано для битвы, перестало существовать. А поскольку лошадь, на которой я ехал, была частью этой игры, она тоже исчезла.

Я остался один в неглубоком овраге, плавно переходящем в долину. Один перед страшной зеленой фигурой с отвратительным запахом падали. Теперь это существо мяукало все яростнее. А между мяуканьем раздавались рев и рычание. И я наконец вспомнил, что это придуманный Левкрафтом грабитель мира, пришедший из древних мифов. Изгнанный когда-то с Земли, а теперь он вернулся назад, подгоняемый дьявольски отвратительным голодом. Тварь эта способна рвать мясо с костей своих жертв.

Я ощутил ужас, волосы у меня поднялись дыбом, желудок протестующе сжался. Я почувствовал тошноту и страх, лишавший меня всего человеческого. Но в то же время я успел разозлиться. Уверен, что именно эта злость сохранила мне разум. Этот проклятый Судья, подумал я, этот маленький грязный коварный лжец! Конечно, он ненавидит меня, он имеет на это право, ибо я побил его, и не один раз, а дважды. Я повернулся к нему спиной и ушел, когда он, усевшись на колесо разбитой пушки, пытался подозвать меня к себе. Я соблюдал закон, выполнил все его правила. И теперь должен был находиться вне опасности.

Зеленоватый свет стал ярче — смертоносная болезненная зелень надвигалась, но я все еще не сумел определить форму существа, преследовавшего меня. Кладбищенский запах усилился, он забил мне горло и ноздри. Я старался сдержать тошноту, но безуспешно.

И совершенно неожиданно я увидел это существо, приближающееся ко мне между деревьями. Серые и черные стволы частично закрывали его, и я увидел то одну, то другую часть его туловища. Но я рассмотрел достаточно, чтобы запомнить это зрелище до конца своих дней. Представьте чудовищно раздутую жабу, добавьте немного от змеи, прибавьте кое-что от плюющейся ящерицы, и вы получите весьма отдаленное представление о том, что я увидел. Существо оказалось гораздо более отвратительным, его невозможно даже описать.

Я повернулся, чтобы побежать, но тут же земля ушла из-под ног, и я упал. Приземлился я на какой-то твердой поверхности, исцарапанный, с ушибленной челюстью.

Но запах, исходивший от чудища, исчез. Стало гораздо светлее. Немного придя в себя, я понял, что нахожусь не в лесу.

Подо мной был бетон. Меня снова охватил ужас. Взлетная дорожка? Магистраль?

Я стоял потрясенный, глядя на длинную бетонную линию.

Я находился в центре автомагистрали. Опасности не было. Ни одна машина не угрожала мне. Машины, конечно, были, но они не двигались, они просто стояли на дороге...

17

Вначале я не понял, что случилось, очень испугался, подумав, что нахожусь на той самой магистрали, где погиб мой друг. Магистраль я узнал немедленно — широкие полосы бетона, поросшая травой разделительная линия, тяжелая стальная изгородь, идущая справа от магистрали и закрывающая боковые дороги. Потом я увидел стоявшие автомобили, и это оказалось сильной встряской.

Увидеть одну машину, стоявшую на обочине, не на проезжей части с поднятым капотом, не так уж и необычно. Но увидеть десятки машин в таком положении — это уже совсем другое дело. Людей в автомобилях не было. Просто машины, у некоторых подняты капоты, и это все. Как будто все автомобили внезапно вышли из строя и остановились. И они стояли не только рядом со мной, но вдоль всей дороги, насколько я мог видеть. Вдали автомашины становились похожими на черные точки, сливающиеся в бесконечные линии на обочинах.

И только тогда, когда я немного привык к виду стоящих автомобилей, я понял то, что должен был понять сразу.

Я снова был в человеческом мире! Я ушел из странного мира Дон Кихота и Дьявола!

Если бы меня так не поразили остановившиеся автомобили, вероятно, я бы чувствовал себя счастливым. Но машины очень меня беспокоили.

Я подошел к ближайшей из них и осмотрел ее. На переднем сиденье лежала карта автодорог и несколько путеводителей, а в углу заднего сиденья я увидел пустую бутылку и свитер. В пепельнице лежала трубка, ключей в замке зажигания не оказалось.

Я осмотрел и другие машины. В некоторых оставался багаж, как будто люди отправились за помощью и рассчитывали скоро вернуться.

Солнце поднялось уже высоко над горизонтом. Становилось жарко.

Вдали виднелся мостик-переход, дугой перекинувшийся через магистраль. Там, вероятно, я смогу сойти с дороги. Я направился туда. Несколько птиц перелетали с ветки на ветку за изгородью, но они не пели и не щебетали.

«Итак, — подумал я, — я снова дома, и Кэти тоже, если верить Дьяволу. Где же она? Вероятно, в Геттисберге, у родителей».

Я пообещал себе, что, как только доберусь до телефона, позвоню ей.

Я прошел мимо множества стоящих машин, не обращая на них внимания. Самое главное сойти с магистрали и отыскать кого-нибудь, кто объяснит мне, что происходит. И вскоре я увидел дорожный знак с надписью: «700». И тут я понял, где нахожусь: где-то в Мериленде, между Фредериком и Вашингтоном. Я понял, что лошадь за ночь проскакала большое расстояние, если, конечно, география у того мира была такая же, как у нас.

На указателе возле дороги я прочел название города, о котором никогда не слышал. Тут же недалеко находилась станция обслуживания, но двери ее были закрыты, и она казалась покинутой. Пройдя немного вперед по проселочной дороге, я оказался на окраине небольшой деревни. У обочины стояли машины, но никакого движения не было. Я завернул в первый же дом. Это было маленькое кафе, построенное из бетонных блоков и выкрашенное желтой краской.

Посетителей в кафе не оказалось, но откуда-то изнутри доносился звон посуды. За прилавком горел огонь в спиртовке под кофейником, и все помещение наполнял запах гари и кофе.

Я сел на табурет, и почти немедленно из заднего помещения вышла безвкусно одетая женщина.

— Доброе утро, сэр, — сказала она. — Раненько встаете. — Взяв чашку, она налила в нее кофе и поставила передо мной. — Что еще?

— Яичницу с ветчиной, и, если дадите мелочи, я пока позвоню.

— Мелочи я вам дам, но что в ней толку? Телефон все равно не работает.

— Испортился? Может, где-нибудь рядом...

— Нет, я не это имела в виду. Они все не работают. Уже два дня. С тех пор, как машины остановились...

— Я видел автомобили.

— Ничего не работает, — продолжала женщина. — Не знаю, что с нами произойдет. Ни радио, ни телевидения, ни машин, ни телефонов. Что мы будем делать, когда кончатся припасы? Яйца и цыплят я могу брать у окрестных фермеров: пока каникулы, сын может объезжать их на велосипеде. Но что станет, когда кончатся кофе, сахар, мука и многое другое? Никаких грузовиков. Они остановились, как и легковые автомашины.

— Вы уверены? Относительно машин, я хочу сказать. Вы уверены, что они остановились повсюду?

— Я ни в чем не уверена. Я знаю, что за последние два дня я не видела ни одного автомобиля.

— Но вы в этом уверены?

— Уверена. Пойду, поджарю вам яичницу...

Неужели это имел в виду Дьявол, говоря о своем плане? На Кладбищенском холме он утверждал, будто готов план и согласно ему уже начали действовать. Может, все началось как раз в тот момент, когда автомобиль Кэти перенесся в теневой мир человеческого воображения. Остальные машины на магистрали остановились, а машина Кэти оказалась на проселоч-

ной дороге на холме. Я вспомнил, что Кэти никак не могла завести мотор.

Но как можно было сделать это? Как можно остановить автомобиль?

«Колдовство, — сказал я себе, — скорее всего колдовство». Но и эта мысль показалась мне нелепой.

Нелепой в этом мире, где я сидел за прилавком, ожидая завтрак. Но вероятно, она не являлась таковой в мире Дьявола, где колдовство служит прочным фундаментом всего сущего, как законы физики и химии в моем мире. Ибо колдовство было принципом, на котором, основывались старые сказки, древний фольклор, длинная цепь историй, продолжающаяся до наших дней. Люди верили в него в течение многих-многих лет, и даже сейчас некоторые из нас не желают отказываться от старых верований.

Сколько человек отступят в сторону, чтобы не проходить под лестницей? Сколько не почувствуют невольный страх, когда им перебежит дорогу черный кот? Сколько еще втайне носят кроличью лапку или какой-нибудь другой амулет? Сколько человек по-прежнему ищут четырехлепестковый клевер? Никто не верит во все это серьезно, все как-то лишь шутят. Но все же за этими человеческими действиями скрывается глубокий смысл, попытка побороть древний страх, идущий из пещер, вечное человеческое желание защититься от несчастья, от черной магии, от злого глаза или от любой другой формы колдовства.

Дьявол объяснил, что простые бессмысленные человеческие приметы доставляют немало неприятностей его миру. Он вынужден принимать их как закон. Ведь там простая вера в волшебное число ТРИ становится незыблемым законом; стало быть, и колдовство имеет право на существование.

Но, если оно действует в мире Дьявола, то как оно может проникнуть в наш мир, где принципы физики не допускают колдовства? Хотя колдовство тоже обязано своим возникновением человеку. Человек выдумал его и переместил в тот теневой мир, и если тот мир вернул его человеку, значит, человек это вполне заслужил.

Казалось бы, это все не имеет никакого значения в реальном мире, с точки зрения человеческой логики, но стоящие на магистрали машины, бездействующие телефоны и молчащие радиоприемники и телевизоры — все это достаточно сильное доказательство. Люди могут сомневаться в действенности колдовства, но вокруг меня — достаточно доказательств его существования.

Я сказал себе, что нужно как можно скорее понять происходившее. И если машины не движутся, поезда не бегут по рельсам, если все коммуникации прерваны, то страна через несколько дней окажется на краю гибели. Экономика страны внезапно умрет. В городах вскоре кончатся запасы еды, люди станут голодать, и голодные толпы ринутся из городов на поиски пищи.

Я знал, что уже сейчас могла начаться паника. Перед лицом неизвестного, с прекращением потока информации возникнут всякие слухи. Еще день-два, и под влиянием этих слухов начнется настоящая свалка.

Мир человека получил удар, от которого, возможно, он не сумеет оправиться. Наше общество представляет собой чрезвычайно сложную структуру, основанную главным образом на быстром сообщении и дальней связи. Выбейте эти две точки опоры, и весь хрупкий дом цивилизации рухнет. Через тридцать дней гордая структура человеческого общества исчезнет, человек вновь окажется на стадии варварства. И банды грабителей станут бродить повсюду.

У меня был ответ, ибо я знал, что происходит, но я не мог ничего предпринять. И, думая об этом, я сознавал, что мой совет даже бесполезен. Никто не поверит мне: более чем вероятно, что никто даже не дослушает меня до конца. Ситуация вызвала много сумасшедших объяснений, и мое будет лишь одним из них.

Женщина высунула голову из кухни:

— Я не видела вас раньше. Вы приезжий?

Я кивнул.

— Их много сейчас в городе, — сказала она. — Пришли с магистрали. Некоторые оказались далеко от дома и не могут вернуться.

— Может, железные дороги все же действуют? — предположил я.

Она покачала головой:

— Не думаю. Ближайшая в двадцати милях, и я слышала, кто-то говорил, что она не действует.

— А как добраться до столицы?

Она подозрительно посмотрела на меня:

— Похоже, вы мало что знаете?

Я ей не ответил.

Она наконец произнесла:

— Вашингтон в тридцати милях по дороге.

— Спасибо.

— Не близко, особенно по такому пути. День будет жарким. Вы хотите идти пешком до самого Вашингтона?

— Думаю, придется.

Она отправилась назад на кухню.

«Вашингтон в тридцати милях. В таком случае Геттисберг в шестидесяти. И никакой уверенности, что Кэти там», — напомнил я себе.

Я подумал об этом — Вашингтон или Геттисберг?

В Вашингтоне есть люди, которые должны знать, обязаны узнать то, что знаю я, хотя, вероятно, они не станут меня слушать. Многие занимающие там высокие посты — мои друзья или хорошие знакомые, но выслушает ли кто-нибудь меня? Я мысленно перебрал дюжину из них и пришел к выводу, что ни один из них не воспримет мой рассказ всерьез. Я был убежден, что не добьюсь в Вашингтоне ничего, только разобью голову, пытаясь пробить каменную стену недоверия.

Я знал, что должен как можно скорее отыскать Кэти. Если мир идет к тому, чтобы вылететь в трубу, то мы должны быть вместе. Она, единственная из всех людей, знала то же, что и я. Она, единственная в мире,

понимала мою муку. Единственная, кто стал бы слушать меня и попытался бы помочь.

Мои мысли о ней — это не просто симпатия и не только надежда на помощь и понимание. Это и воспоминание о тепле ее тела и счастливом выражении лица, которое было у нее, когда она смотрела на меня при свете огня колдуньи. После многих лет, после многих других женщин в этом странном мире я нашел Кэти. Я вернулся в мир своего детства, не зная, что я найду там, а нашел Кэти...

Пришла женщина с тарелкой, и я начал есть.

И тут нелогическая мысль появилась у меня в мозгу и закрепилась в нем. Я старался отогнать ее, потому что она была совершенно бессмысленной. Но чем больше я старался это сделать, тем больше во мне крепло убеждение, что я найду Кэти не в Геттисберге, а в Вашингтоне, перед оградой Белого Дома, где она будет кормить белок.

Я вспомнил, что мы говорили о белках, когда я провожал ее домой, и старался припомнить, почему мы заговорили о них. Но ничего в том разговоре, я был уверен, не давало мне оснований думать, что Кэти окажется возле Белого Дома. И несмотря на это, во мне крепло глубокое убеждение, что я найду Кэти именно там. И я понял, что необходимо поторопиться. Я должен попасть в Вашингтон, иначе я потеряю ее.

— Мистер, — сказала женщина за прилавком, — где вы расцарапали лицо?

— Упал.

— У вас на голове большая шишка. Может попасть инфекция. Покажитесь доктору.

— У меня нет времени.

— Старый док Бейтс живет ниже по улице. У него не слишком много практики, и вам не придется ждать. Он смажет вам царапину.

— Не могу, — повторил я. — Я должен как можно быстрее быть в Вашингтоне.

— У меня на кухне есть йод. Могу найти и чистую тряпку. Вы не можете идти с открытой раной. — Женщина смотрела, как я ем, потом проговорила: — Я знаю, как это делать, мистер. Я была когда-то медсестрой.

— Вы сказали, что у вашего сына есть велосипед. Не продадите ли мне его?

— Ну, не знаю... Он старый и почти ничего не стоит, но он нам нужен для доставки яиц.

— Я хорошо заплачу.

Она поколебалась, затем согласилась:

— Спрошу его. Но пойду поговорить об этом на кухню. И поищу йод. Не могу позволить, чтобы вы ушли с такой раной...

18

Женщина сказала, что день будет жарким, и он оправдал ее ожидания. Волны зноя плыли над тротуаром, обдавая меня жаром, как из сталеплавильной печи. Небо казалось медной чашей, ни малейшего дуновения ветерка не чувствовалось в застойном, знойном воздухе. Вначале велосипед не очень слушался меня, но через несколько миль мое тело восстановило навыки, приобретенные в детстве, и я поехал, чувствуя себя вполне уверенно. Однако ехать мне было нелегко, хотя, конечно, и лучше, чем просто идти.

Я сказал женщине, что хорошо заплачу, и она поймала меня на слове. Сто долларов составляли почти всю мою наличность. Сто долларов за древнюю конструкцию, скрепленную проволокой и болтами и стоившую не более десяти. Но нужно было заплатить или идти пешком, а я торопился. «И если положение останется прежним, — сказал я себе, — может, я не так уж и переплатил за велосипед». Если бы у меня сохранилась лошадь, я владел бы самым ценным средством передвижения. Будущее могло принадлежать лошадям и велосипедам.

Магистраль была забита стоящими легковыми автомобилями и грузовиками. Тут и там встречались автобусы, но все без людей. Пассажиры уже успели убедиться, что транспорт окончательно встал, и убрались с дороги. Это зрелище меня угнетало, будто машины были живыми существами, убитыми и оставленными лежать на месте. Ведь раньше и сама магистраль была живой, полной звуков и движения, а теперь она должна лежать мертвой.

Я продолжал нажимать на педали, стирая пот с глаз рукавом и мечтая о глотке воды, когда увидел, что нахожусь в пригороде Вашингтона.

На улицах я увидел людей, но не было транспорта. Встречались велосипедисты, и несколько раз я заметил кого-то на роликовых коньках. Нет ничего более нелепого в мире, чем человек в деловом костюме, с портфелем, старающийся сохранить невозмутимость, проезжая на роликовых коньках. Большинство людей молча сидело на обочинах или газонах.

Я увидел небольшой парк, типичный вашингтонский парк со статуей в центре, с фонтаном, скамьями, старой леди, кормящей голубей. Именно фонтан привлек меня. Часы езды под солнцем превратили мой язык в комок шерсти, заполнившей рот.

Я не потратил много времени. Напившись и слегка отдохнув на скамейке, я снова сел на велосипед и отправился дальше.

Приблизившись к Белому Дому, я увидел стоящую полукругом молчаливую толпу, смотревшую на что-то у ограды.

«Кэти...» — подумал я.

Именно в этом месте у изгороди я и ожидал ее увидеть. Но почему они на нее смотрят? Что происходит?

Я яростно поднажал на педали и, доехав до толпы, соскочил с велосипеда. Он упал на тротуар, а я стал пробираться через толпу. Люди гневно

ворчали, но я продолжал пробираться сквозь них и наконец оказался на краю людского полукруга.

Тут стоял ОН, а не Кэти, хотя именно его мне и следовало ожидать. Его Сатанинское Величество, Дьявол...

Он был одет так же, как и тогда, когда я видел его. Его отвратительный живот свисал на грязный кусок материала, позволивший ему сохранить минимум приличия. Хвост он держал в правой руке и использовал его кончик как зубочистку, ковыряя в своих мощных клыках. Он бесстрастно прислонился к изгороди, раздвоенное копыто его упиралось в трещину на асфальте, и он явно наслаждался всем этим, насмехаясь над толпой. Но, увидев меня, он выпустил хвост. Направившись ко мне, Дьявол приветствовал меня как старого друга, которого ждал с нетерпением.

— Привет герою, явившемуся домой! — протрубил он, быстро идя мне навстречу с распростертыми объятиями. — Вернулись из Геттисберга? Вижу, вы ранены. Кто вам так прелестно перевязал голову?

Он хотел обнять меня, но я отшатнулся, раздраженный тем, что увидел его, а не Кэти.

— Где Кэти? — спросил я. — Я надеялся на встречу с ней.

— А-а, маленькая самка. Успокойтесь, она в безопасности. В Большом замке на холме. Я думаю, вы увидите ее.

— Вы солгали мне, — яростно прокричал я. — Вы говорили...

— Солгал, — согласился он, разведя руками, чтобы показать, что ничего не скрывает. — Это один из моих маленьких недостатков. Что значит маленькая ложь среди добрых людей? Кэти в безопасности, пока мы с вами сотрудничаем.

— Сотрудничаем с вами? — завопил я с отвращением.

— Вы хотите, чтобы машины шли, чтобы радио болтало, чтобы телефоны звонили...

Толпа завешелилась. Люди приблизились. Они не понимали, что происходит, но навострили уши, услышав сказанное Дьяволом об автомобилях.

Но Дьявол не обращал на них внимания.

— Вы можете стать настоящим героем, — проговорил он с пафосом. — Можете сыграть великую роль: вернуть все назад.

Я не хотел быть героем. К тому же я чувствовал, что толпа становится опасной.

— Мы пойдем побеседуем с теми индюками, — обронил Дьявол, ткнув пальцем через плечо в направлении Белого Дома.

— Мы не можем туда войти, — возразил я. — Это не так просто.

— У вас ведь есть пресс-карточка Белого Дома?

— Конечно, есть. Но это не значит, что я могу приходить туда, когда мне заблагорассудится. Особенно на буксире с такой птицей, как вы.

— Значит, войти нельзя? Послушайте, — обратился он ко мне почти умоляюще, — вы должны поговорить с ними. Вы умеете разговаривать и знаете протокол. Я сам ничего не могу поделать. Они не станут меня слушать.

Я покачал головой.

Несколько охранников оставили ворота и шли к нам по тротуару. Дьявол увидал, что я смотрю на них.

— Осложнения?

— Думаю, что да. Охрана позвонила в полицию. Нет, не позвонила. Они просто послали сказать полицейским, что здесь что-то происходит.

Дьявол продвинулся ко мне ближе и заговорил, едва раскрывая рот:

— Мне не нужны неприятности с полицией...

Повернув голову, он взглянул на охранников. Они приближались. Дьявол схватил меня за руку:

— Пошли!

Земля с грохотом ушла у меня из-под ног, вместо нее была тьма и шум от тяжелых крыльев. Затем мы оказались в большой комнате, с длинными столами в центре. За ними сидело несколько человек во главе с президентом. Дым поднимался от сожженного места на ковре, где мы теперь стояли с Дьяволом, а воздух был полон запаха серы и горящей ткани. Кто-то яростно барабанил в дверь, ведущую в комнату.

— Скажи им, что никто не сможет выйти, — заявил Дьявол, — двери заговорены.

Встал человек со звездами в петлицах. Его гневный рев заполнил комнату:

— Что это все значит?

— Генерал, — проговорил Дьявол, — садитесь и докажите, что вы не только офицер, но и джентльмен. Никто не пострадает. — Он яростно взмахнул хвостом, чтобы подчеркнуть свои слова.

Я быстро посмотрел по сторонам, чтобы уточнить свое первое впечатление, и увидел, что оно было правильным. Мы находились в зале совещаний. Здесь были директор ФБР, глава ЦРУ, несколько высших военных и еще люди с серьезными лицами, которых я не узнал. Вдоль стен стояли ряды кресел, в которых сидели очень торжественные и, очевидно, очень ученые люди.

— Хортон, — произнес Государственный секретарь очень медленно, вежливо и не волнуясь (он никогда не волновался), — что ВЫ здесь делаете? Я думал, вы уехали.

— Я уезжал, — ответил я, — кажется, это было так давно...

— Вы, конечно, слышали о Филиппе?

— Да, слышал.

Генерал снова вскочил. В отличие от Государственного секретаря он был очень вспыльчивым человеком.

— Если Государственный секретарь объяснит мне, — взревел он, — что происходит...

Стук в дверь продолжался, он становился все громче. Похоже, парни из секретной службы пустили в ход столы и стулья, пытаясь открыть ее.

— Это не совсем обычно, — спокойно сказал президент, — но, поскольку джентльмены уже здесь, я полагаю, что у них есть для этого какая-то

причина. Думаю, нам следует выслушать их, а потом вернуться к своим делам.

Конечно, все это было нелепо, и мной овладело такое чувство, будто я не покидал Землю Воображения, будто я все еще там и что этот кабинет с президентом и другими людьми — не более чем сцена из представления.

— Вероятно, вы — мистер Хортон Смит, — обратился ко мне президент, — хотя вначале я не узнал вас.

— Я уезжал рыбачить, мистер президент, — объяснил я, — и мне некогда было даже переодеться.

— О, мы здесь не очень придерживаемся церемоний, — ободрил президент. — Но я не знаю вашего друга...

— Не уверен, сэр, что он мой друг. Он утверждает, что он — Дьявол.

Президент серьезно кивнул:

— Я так и думал, хотя это кажется невероятным. Но что ему здесь нужно?

— Я пришел, чтобы поговорить о деле, — пробасил Дьявол.

Министр торговли спросил:

— Об этих неполадках с машинами?..

— Но это недоразумение! — возразил министр здравоохранения, образования и социального обеспечения. — Я сижу здесь, вижу все и говорю себе, что это невозможно. Даже если Дьявол бы и существовал в действительности... — Он повернулся ко мне. — Знаете ли, мистер Смит, так нельзя.

— Я знаю, — согласился я.

— Я согласен, что все это происшествие очень необычно, — заявил министр торговли, — но мы находимся в необычной ситуации. Если у мистера Смита и его верного друга есть какая-то информация, мы обязаны их выслушать. Мы выслушали уже множество людей, включая каких-то друзей-ученых, — он жестом указал на сидящих вдоль стены. — И все, что мы услышали, сводилось к тому, что происходящее совершенно невозможно. Научная общественность заверила нас, что все это нарушает законы и что ученые сбиты с толку. А инженеры утверждают...

— Но Дьявол! — взревел звездный генерал.

— Если он Дьявол, — уточнил министр внутренних дел.

— Друзья, — устало прервал их президент, — некогда глава государства во время войны, когда его упрекнули, что он ведет переговоры с иностранцами, ответил: «Если понадобится, я буду иметь дело с Дьяволом». А сейчас другой президент не откажется от разговора с Дьяволом, если это поможет решить проблему. — Президент взглянул на меня: — Мистер Смит, можете ли вы объяснить, что происходит?

— Мистер президент, — возразил министр здравоохранения, — это просто трата нашего времени. Если пресса узнает хоть что-нибудь о том, что происходит здесь...

Государственный секретарь фыркнул:

— Им от этого будет мало толку. Что они могут сделать? Все комму-

никации прерваны. И во всяком случае, мистер Смит — представитель прессы, и если он захочет, нам удастся сохранить тайну.

— Напрасно тратим время, — оборвал его генерал.

— Мы все утро напрасно тратим время, — согласился министр торговли.

— Я потратил его больше, — уточнил я. — И могу объяснить, что происходит, но вы не поверите ни одному моему слову.

— Мистер Смит, — вступил в разговор президент, — мне не хотелось бы вас упрашивать...

— Меня и не нужно упрашивать, сэр! — выпалил я.

— Тогда, может быть, вы и ваш друг присядете к столу и расскажете нам, для чего вы пришли сюда?

Я прошел через комнату к столу.

Дьявол, возбужденно размахивая хвостом, побрел за мной. Стук в дверь прекратился.

Шествуя к столу, я чувствовал, что в спине у меня скоро появятся дыры от испепеляющих взглядов сидящих за столом.

«Боже, — подумал я, — что за положение — оказаться в комнате вместе с президентом, его кабинетом, боссами из Пентагона, многочисленными учеными и советниками...»

Раньше я думал, как мне отыскать в Белом Доме человека, который согласился бы выслушать меня. И вот они все согласны внимать мне — не один человек, а полная комната, — я испугался до смерти. Министр здравоохранения и генерал уже высказали свое отношение, остальные пока молчали, но я был уверен, что вскоре и они присоединятся к ним.

Я придвинул к столу стул, и президент попросил:

— Расскажите нам все, что знаете. Я видел вас несколько раз по телевидению и думаю, что вы сумеете сделать ясное и, несомненно, интересное сообщение.

Я колебался, не зная, с чего начать, как в кратчайшее время рассказать им о том, что случилось со мной за последние дни? И вдруг неожиданно понял — мне нужно представить себе, что я стою перед микрофоном, перед камерой и что занимаюсь тем же, чем занимался последние годы. Да и так мне придется нелегко. В студии у меня всегда было время приготовиться, а в трудных случаях мне бы помог сценарий. Здесь же я предоставлен себе, и мне это не понравилось. Но ничего не оставалось делать.

Все смотрели на меня, и я знал, что большинство из них очень разгневаны. Многие раздражены, а некоторые испуганы.

— Кое-что из моего рассказа, — начал я, — можно доказать и проверить. — Я взглянул на Государственного секретаря. — Например, смерть Филиппа. — Я увидел, что Госсекретарь не удивился, но, не давая ему возможности что-либо произнести, я продолжил: — Однако большую часть моего рассказа проверить нельзя. Я расскажу вам правду. А уж вы решите, верить мне или нет...

Теперь, когда я уже начал, продолжать стало легко. Я представил, что

нахожусь не в кабинете президента, а в студии и что, когда я закончу рассказ, аппаратуру выключат — и я освобожусь.

Все сидели и слушали, хотя иногда начинали беспокойно ерзать на стульях, будто собирались прервать меня. Но президент поднимал руку, успокаивал их, и я продолжал говорить. Я не следил за временем, но думаю, что мой доклад занял не более пятнадцати минут. Я излагал самую суть, отбросив все, кроме основного.

Когда я закончил, некоторое время все молчали, а я следил за ними глазами.

Наконец зашевелился директор ФБР:

— Очень интересно...

— Да уж, — ядовито согласился генерал.

— Я понял, что ваш друг протестует против того, — сказал министр торговли, — что мы ввели в его мифический мир множество помех. Эти помехи помешают им устанавливать стабильное правление.

— Не правление, — быстро возразил я, пораженный тем, что даже в данном случае можно мыслить привычными категориями. — Вероятно, это следует назвать образом жизни или цели его жизни. Похоже, в их мире нет такой цели. Каждый идет своим сумбурным путем. Нет никакого руководства. Вы понимаете, конечно, что я провел там всего несколько часов и...

Министр финансов бросил испуганный взгляд на министра торговли:

— Неужели вы сколько-нибудь верите в это... в эту сказку... в эту...

— Не знаю, верю ли я, — проворчал министр торговли. — У нас есть достойный доверия свидетель.

— Он одурачен! — воскликнул министр финансов.

— Или хочет разрекламировать себя, — заявил министр здравоохранения.

— Если джентльмены позволят, — прервал их Государственный секретарь, — одно утверждение чрезвычайно поразило меня. Хортон объявил, что Филипп Фримен умер от сердечного приступа. Но толковали, что он убит стрелой, а стрелял человек, одетый в древний костюм. Но, конечно, никто не поверил в это. Слишком невероятно. Но рассказ, который мы сейчас выслушали, тоже невероятен, и...

— Вы верите в этот рассказ? — спросил министр здравоохранения.

— В него трудно поверить, — согласился Государственный секретарь, — но я не думаю, что мы просто можем отбросить его. По крайней мере, сначала нужно обсудить...

— Может быть, помогут ученые, — предложил генерал, — выскажут свое мнение.

Медленно встал один из сидевших у стены. Это был нервный худой старик не очень внушительного вида. Он говорил, осторожно подбирая слова и сопровождая их характерной жестикуляцией.

— Я не мог посоветоваться со своими коллегами, они поправят все наши представления о законах природы. Я утверждаю, что это невозможно.

Он сел так же тихо, как и встал, крепко ухватившись руками за ручки кресла.

Молчание наполнило кабинет. Один или двое ученых кивнули, но остальные не шевельнулись.

— Эти старые глупцы не верят нам, — прошептал мне Дьявол.

В комнате стояла тишина, и поэтому все его услышали. Вероятно, эти ученые раньше вели себя как старые глупцы, но впервые в жизни им сказали об этом прямо.

Я хихикнул, потом упрекнул Дьявола за грубость, но всем своим видом показал, что согласен. Я знал, что ученые не осмелятся поверить: всякий поверивший рисковал стать всеобщим посмешищем.

Дьявол вскочил и стукнул волосатым кулаком по столу. Маленькие струйки дыма вырвались у него из ушей:

— Своим маленьким грязным мозгом, своим тупым мозгом, своим неуверенным, всего боящимся мозгом вы создали нас и наш мир. Вы сделали это, не зная, что творите, и я имею право обвинять вас в этом. Но теперь вы знаете все, и это знание брошено вам в лицо, а вы обязаны принять меры, чтобы улучшить условия нашего существования. Вы можете...

Президент тоже вскочил и, подобно Дьяволу, ударил кулаком по столу — впрочем, эффект от этого был меньшим, так как у него из ушей дым не пошел.

— Мистер Дьявол, — воскликнул он, — я хочу получить от вас ответы на некоторые вопросы. Если вы остановили машины, радио...

— Вы чертовски правы, я остановил их, — взревел Дьявол. — Я застопорил движение повсюду, но это только предупреждение. Я гуманен. Машины плавно затормозили, и ни одна душа не пострадала. Самолетам я позволил приземлиться, прежде чем их двигатели перестали работать. Заводам я позволил пока работать, чтобы производились товары...

— Но без транспорта мы погибнем, — завопил министр сельского хозяйства. — Если продукты нельзя будет транспортировать, мы умрем, умрет весь бизнес.

— Наши армии! — закричал генерал. — Без самолетов, без бронетранспортеров. Все коммуникации прерваны!..

— Это еще что! — веселился Дьявол. — В следующий раз не повернется ни одно колесо. Ни заводы, ни велосипеды, ни роликовые коньки, ни...

— Пожалуйста, мистер Дьявол, — попросил президент, — не можете ли вы говорить потише? Пусть все успокоятся. Мы ничего не выиграем от ссоры. Я задал вопрос и получил ответ. Вы утверждаете, что это сделали вы?

— Ну, я... — Дьявол начал запинаться. — Я очень просто сделал все. Я сказал, чтобы это произошло, и оно произошло. Я всегда поступаю так. Вы вложили в меня эту способность, вы выдумали ее. Дьявол может сделать все. Конечно, если это дурное дело. Сомневаюсь, чтобы я столь же преуспел в добрых делах.

— Колдовство, джентльмены, — объяснил я. — Это единственный ответ. И не упрекайте в этом Дьявола: вы сами его придумали.

Старик ученый вскочил на ноги. Он поднял над головой сжатые кулаки.

— Колдовство! — завизжал он. — Никакого колдовства нет. Законы науки...

Он хотел продолжать, но голос его прервался. Он постоял немного, пытаясь снова заговорить, и в конце концов сел.

— Может, и нет, — согласился Дьявол, — может, законы науки не позволяют, но какое нам дело до науки! Следующий этап — колесо! Потом электричество и, вероятно, огонь. Хотя так далеко я еще не загадывал. А когда это будет сделано — назад к феодализму, назад к старым добрым временам. Темным временем, когда множество прекрасных мыслей о нас бродили в головах людей...

— Еще один вопрос, сэр, — сказал президент, — если вы закончили угрожать нам.

— Благородный сэр, — ответил Дьявол, изо всех сил стараясь быть вежливым, — я вовсе не угрожаю. Я только пытался разъяснить, что может быть сделано, что должно быть сделано.

— Но почему? — спросил президент. — Чем вы недовольны?

— Недоволен? — возразил Дьявол, в гневе забывая о вежливости. — Вы спрашиваете, чем я недоволен. Хортон Смит, раненный при Геттисберге, сражавшийся голыми руками с Дон Кихотом, преследуемый в лесу страшным чудовищем, выразил это достаточно ясно. — В знак своих честных намерений Дьявол перешел с рева на простой крик. — Некогда наша Земля была заселена стойким народом. Мы были или добрыми, или злыми, но честными и порядочными. Я не обманываю вас, мои друзья, я сам принадлежал и принадлежу к злым существам. Но у нас была цель, и мы жили между добром и злом, между черным и белым, между чертями и феями. Но к чему мы пришли теперь? К Ли Абнеру, Чарли Брауну и Пого. К маленькой сиротке Энни, близнецам Бобси, Горацио Олжер, мистеру Магу, Тинкербеллу, Микки Маусу, Холди Дуди...

Президент махнул рукой:

— Думаю, мы уловили точку вашего зрения.

— У них нет характеров, — сказал Дьявол. — Нет ни вкусов, ни стиля. Они совершенно безликие существа. Среди них нет ни честного зла, ни настоящего добра — от их добродетели выворачивает желудок. Я вас спрашиваю: можно ли построить настоящую цивилизацию с такими обитателями?

— Не только у этого джентльмена выворачивается желудок, — сказал министр здравоохранения. — Я поражен тем, что мы сидим и слушаем эту абракадабру.

— Немного терпения, — возразил президент. — Я стараюсь уловить в этом хоть какую-то здравую мысль.

— Я полагаю, — пояснил Дьявол, — что сейчас вы думаете, что же можно предпринять.

— Совершенно верно, — обрадовался президент.

— Вы можете положить конец всем этим глупостям. Можете остано-

вить Ли Абнера и Микки Мауса. Можете вернуться к честной фантазии и думать о честных существах, добрых и злых, верить в них...

Встал министр сельского хозяйства.

— В жизни своей, — закричал он, — я не слышал более позорного предложения. Он предлагает контроль над мыслями. Он будет диктовать нам, о чем думать. Он хочет задушить литературу и театр. И даже если мы согласимся с ним, как нам все это осуществить? Законов и указов окажется не достаточно, нужно будет начать тайную компанию, и я уверен, что ее невозможно будет сохранить в тайне больше трех дней. И даже в таком случае потребуются усилия многих лет и миллиарды долларов, и я не уверен, что что-нибудь получится. У нас не темные века, которыми так восхищается этот джентльмен. И мы не можем заставить свой народ и народы всего мира поверить в дьяволов, чертей и ангелов. Я предлагаю завершить обсуждение.

— Мой друг воспринимает этот случай слишком серьезно, — сказал министр финансов. — Ни я, ни большинство сидящих в этом зале не относятся к этому так же. Мне кажется, что в нашей невероятной ситуации все же возможен какой-то невероятный выход.

— Слушайте! Слушайте! — воскликнул Дьявол.

— Хватит с нас ваших подозрений, — закричал директор ФБР. — Не в традициях американской демократии позволять какой-то абсурдной личности оскорблять свое правительство.

— Абсурдной личности! — рассердился Дьявол. — Я тебе покажу, идиот! Ни одно колесо не повернется, исчезнет электричество... Вот тогда я вернусь сюда, и у нас, может быть, станет больше оснований для переговоров. — Сказав это, он схватил меня за руку. — Пошли!

Мы исчезли, несомненно, в облаке дыма и с запахом серы. Во всяком случае, мир снова исчез для меня. Наступила чернота, вой крыльев. Когда тьма разошлась, мы вновь стояли у ограды Белого Дома.

— Ну, — триумфально проговорил Дьявол, — думаю, что я все объяснил им. Согнал спесь. Вы видели их лица, когда я назвал их идиотами?

— Да, вы хорошо это сделали, — согласился я с отвращением. — С грацией настоящего грубияна.

Он потер руки:

— Ну, а теперь колеса.

— Отложите это, — предупредил я его. — Вы уничтожите этот мир, а что тогда будет с вашим собственным?

Но Дьявол меня не слушал. Он глядел на улицу через мое плечо, а на лице у него застыло странное выражение.

Толпа, окружившая Дьявола в момент его появления, исчезла, но в парке, на противоположной стороне, осталось полно людей. И все они возбужденно что-то выкрикивали.

Я тоже обернулся, чтобы посмотреть.

В полуквартале, ниже по улице, показался Дон Кихот на бегущем мешке с костями, который служил ему лошадью. Он с удивительной быстро-

той приближался к нам. Забрало на его голове было опущено, в руке он держал щит. Копье блестело на солнце. За ним двигался Санчо Панса, с энтузиазмом погоняя хлыстом своего осла. Одной рукой он размахивал хлыстом, а другой прижимал к себе ведро. В ведре была какая-то жидкость, она выплескивалась, когда осел пытался догнать бегущего коня. За ослом скакал единорог, ослепительно белый в солнечном свете, со стройным серебряным рогом. Он двигался грациозно и легко, а на нем, в дамском седле, сидела Кэти Адамс.

Дьявол протянул мне руку, но я отбросил ее и ухитрился ухватить его за талию. В то же время я попытался просунуть ногу между железными прутьями ограды. Я и не думал о том, что делаю. Но очевидно, нечто подсознательно подсказало мне единственно возможный путь. Если я смогу помешать Дьяволу убраться отсюда, если я его задержу хотя бы на несколько секунд, Дон Кихот скоро будет здесь, а в том, на кого направлено его копье, я не сомневался. И кроме того, я хотел прочнее закрепиться на этом месте. И еще что-то напомнило мне о влиянии железа на Дьявола. Вероятно, поэтому я и просунул ногу через ограду парка.

Дьявол пытался вырваться, но я висел на нем, обхватив его руками. Кожа его отвратительно пахла и вся была покрыта зловонным потом. Дьявол сыпал ужасные проклятья, бил меня кулаками, но краем глаза я все время следил за приближающимся копьем Дон Кихота. Топот копыт звучал все ближе. С глухим звуком ударило копье, и Дьявол упал. Я выпустил его и тоже упал, а моя нога по-прежнему была зажата в ограде парка.

Я повернулся и увидел, что копье попало Дьяволу в плечо. Он кричал, выл и размахивал руками. Из уголков его рта бежала пена.

Дон Кихот пытался поднять забрало. Оно не поддавалось. Он дернул его с такой силой, что сорвал с головы весь шлем, и тот покатился по тротуару.

— Мошенник! — воскликнул Дон Кихот. — Сдавайтесь и поклянитесь, что больше не станете вмешиваться в дела человеческого мира...

— Убирайся в ад! — разгневанно орал Дьявол. — Я не сдамся бездельнику, который делает только добрые дела и устраивает сумасбродные Крестовые походы. Нет никого другого хуже тебя, Дон Кихот! Ты чувствуешь злые дела за миллион миль и готов тут же явиться. Я тебе не сдамся!

Санчо Панса соскочил с седла и бежал с ведром к Дьяволу. Подскочив к нему, он остановился и плеснул в него жидкость из ведра. Жидкость зашипела, испаряясь, а Дьявол скорчился.

— Вода! — радосто закричал Санчо Панса. — Святая вода, благословенная добрым Святым Петром.

Он выплеснул на Дьявола еще воды. Тот, извиваясь, завопил.

— Сдавайся! — крикнул Дон Кихот.

— Сдаюсь, сдаюсь... и даю обет!

— И еще поклянись, — угрюмо проговорил Дон Кихот, — что все причиненное тобой зло кончится, и немедленно.

— Нет! — завизжал Дьявол. — Я не намерен работать впустую.

Санчо Панса поднял ведро, собираясь выплеснуть все его содержимое на Дьявола.

— Стой! — крикнул Дьявол. — Убери эту проклятую воду! Я сдаюсь и обещаю все, что вам нужно...

— Тогда наша миссия здесь завершена, — церемонно проговорил Дон Кихот.

Я не почувствовал, как они исчезли. Не увидел даже вспышки. Их просто не стало. Не стало ни Дьявола, ни Дон Кихота, ни Санчо Панса, ни единорога. Ко мне бежала Кэти, и я подумал, как это она может бежать с поврежденной ногой. Я пытался выдернуть свою ногу из прутьев ограды, чтобы встретить Кэти, но не смог: нога застряла прочно.

Кэти опустилась рядом со мной на колени.

— Мы снова дома? — воскликнула она. — Мы дома, Хортон!

Она поцеловала меня, и толпа на другой стороне улицы загоготала.

— У меня застряла нога,. — объяснил я.

— Так освободи ее, — счастливо улыбаясь, сквозь слезы ответила она.

Я старался освободить ногу и не мог. Нога начала болеть. Кэти встала, подошла к изгороди и попробовала вытащить мою ногу. Но тоже безрезультатно.

— Мне кажется, у вас распухла нога, — сказала она, садясь со смехом на тротуар. — Мы оба... — Она смеялась и плакала. — У нас что-то с лодыжками. Сначала у меня, потом — у вас...

— Ваша в порядке?

— Мне помогла магия. Удивительный старый волшебник в замке с длинной бородой и таким остроконечным колпачком, усеянным звездами. Это такое приятное место. Там все любезны и вежливы. Я могла бы остаться там навсегда, если бы вы были со мной. И единорог. Он такой хороший. Вы видели единорога?

— Видел.

— Хортон, кто эти люди на лужайке?

Я был так рад ее появлению, что не глядел на лужайку. Посмотрев туда, я увидел их. Впереди бежал президент, а за ним все остальные, присутствовавшие в его кабинете.

Президент прибежал к ограде и остановился. Он не очень дружелюбно посмотрел на меня.

— Хортон, какого дьявола вы здесь делаете?

— У меня застряла нога.

— К черту вашу ногу. Готов поклясться, я видел здесь рыцаря и единорога...

Подошли остальные. Охранник крикнул от ворот:

— Эй! Смотрите! Автомобиль!

По улице действительно ехала машина.

— Но что с его ногой? — возмущенно спросила Кэти. — Мы не можем освободить ее, и лодыжка распухла.

— Надо позвать доктора, — произнес Государственный секретарь. — Если пошли машины, может, и телефон работает? Как вы себя чувствуете, Хортон?

— Все в порядке.

— И пусть придет кто-нибудь с пилой, — сказал президент. — Надо освободить его ногу.

Я остался на тротуаре, ожидая доктора и человека с пилой. Кэти сидела рядом со мной. Не обращая внимания на толпу, белочки спустились на землю, заинтересованные происходящим. Они элегантно прижимали лапки к груди, выпрашивая подачку.

А по улице шло все больше и больше машин...

СОДЕРЖАНИЕ

ТУДА И ОБРАТНО
Роман
3

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ
Роман
175

ПРИНЦИП ОБОРОТНЯ
Роман
317

В БЕЗУМИИ
Роман
437

Литературно-художественное издание

Саймак Клиффорд

В БЕЗУМИИ

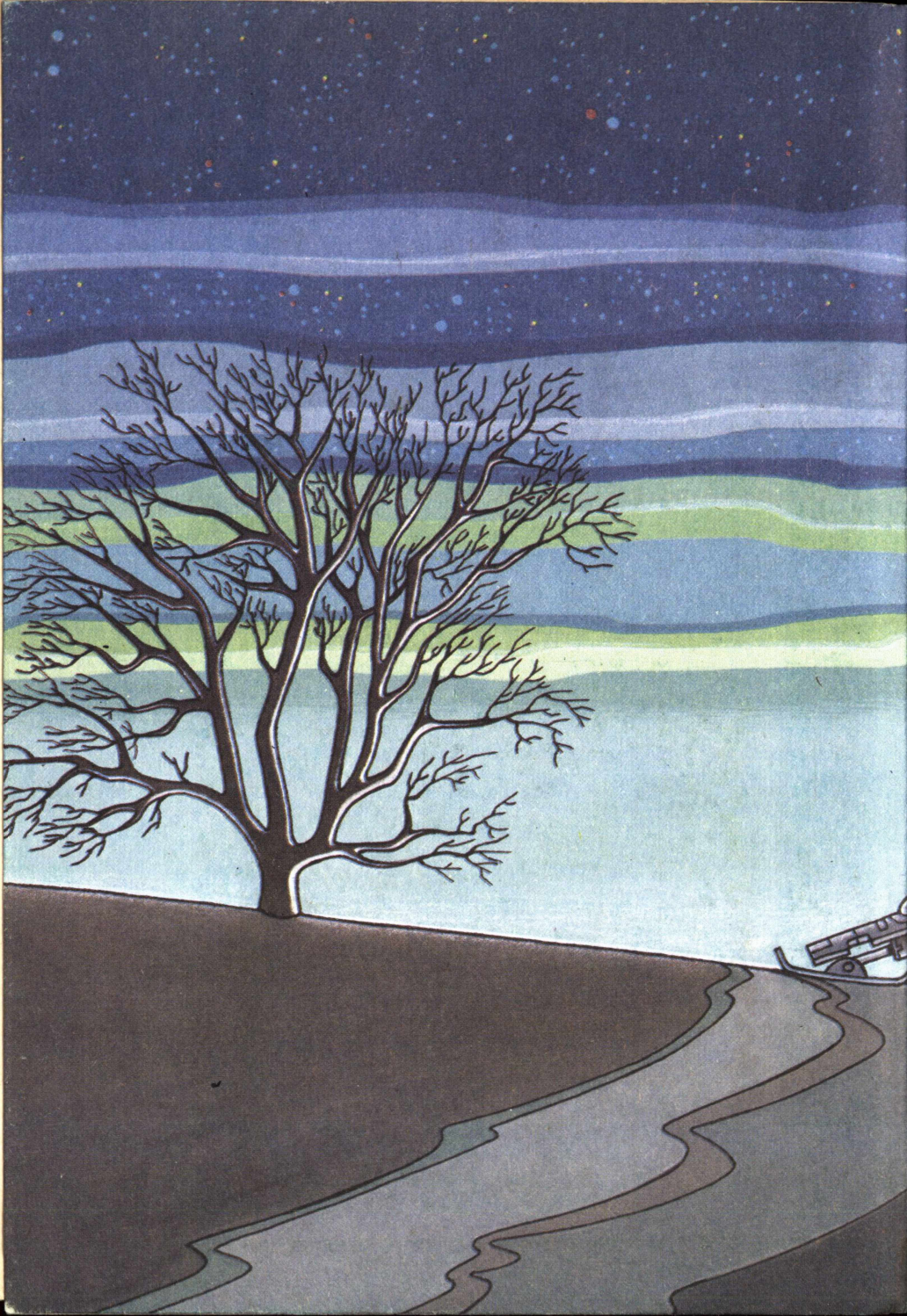
Фантастические романы

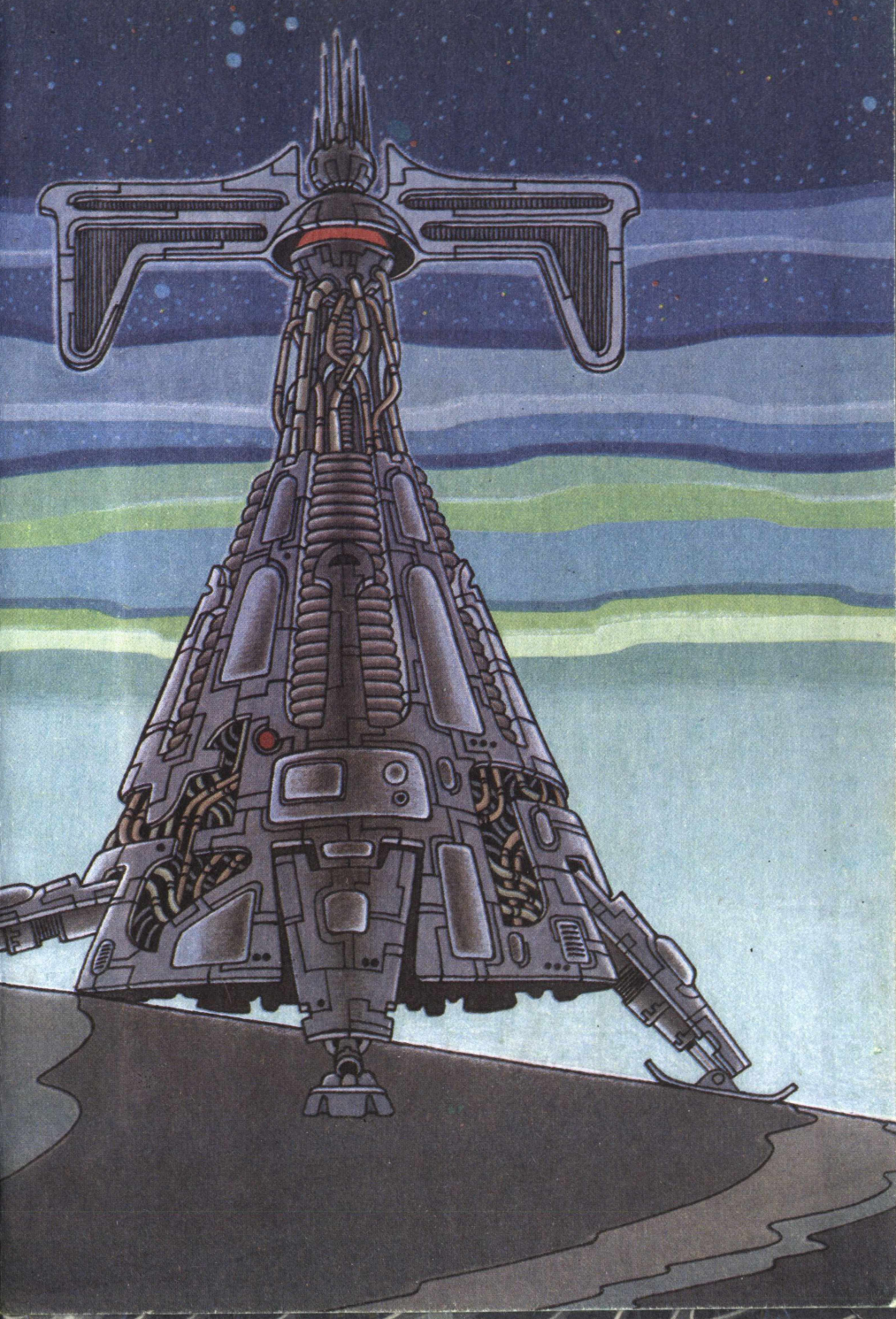
Ответственный редактор *И.А. Лазарев*
Редактор *С.А. Кукуш*
Художник *В.В. Петелин*
Технический редактор *Ю.А. Мухин*
Корректор *Е.Н. Петрова*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 05.08.92.
Формат 60×84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,4.
Уч.-изд. л. 40,0. Тираж 50 000 экз. Зак. 3878.

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф».
127018, Москва, ул. Октябрьская, 18.

Отпечатано в ГИПП «Нижполиграф».
603006, Н. Новгород, Варварская, 32.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

ТУДА И ОБРАТНО

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

ПРИНЦИП ОБОРОТНЯ

В БЕЗУМИИ

